МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

4

ФИЛИП ФАРМЕР

Сканировал и создал книгу - vmakhankov

WORLDS OF PHILIP FARMER

THE WORLD OF TIERS

MORE THAN FIRE

DAYWORLD

DAYWORLD

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

БОЛЬШЕ ЧЕМ ОГОНЬ

МИР ОДНОГО ДНЯ

МИР ОДНОГО ДНЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

Серия основана в 1996 году

Миры Филипа Фармера. Т. 4 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1996. — 463 с.

Романом «Больше чем огонь» завершается сериал «Многоярусный мир». В решающей схватке сталкиваются землянин Кикаха и властитель Рыжий Орк, и от исхода этой схватки зависит судьба вселенной.

Роман «Мир одного дня» открывает одноименную трилогию, ставшую вершиной позднего творчества Филипа Фармера и повествующую о борьбе героя-одиночки Джеффа Кэрда против тоталитарного общества будущего.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

More Than Fire
Copyright © 1993 by Philip José Farmer
Dayworld
Copyright © 1985 by Philip José Farmer
© Издательство «Полярис»,
перевод, составление, оформление, название серии, 1996

ISBN 5-88132-142-1

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В четвертом томе собрания фантастических произведений Филипа Хосе Фармера завершается полюбившийся многим читателям сериал «Многоярусный мир»

В романе «Больше чем огонь» подходят к концу приключения землянина Пола Януса Финнегана, более известного как хитроумный Кикаха Но, прежде чем вернуть любимую, войти в ряды властителей и заполучить собственный карманный мир, он должен победить своего мучимого завистью и черной злобой врага, от которого, казалось, избавился, бежав из Лавалитового мира Рыжий Орк, самый безжалостный из древней расы тоанов, от которого в страхе отшатывались даже его прославившиеся своей жестокостью собратья, отцеубийца и безумец, вознамерился унизить, а затем уничтожить наглого «леблябия» — смертного, посмевшего посрамить властителя

Десять тысяч лет Рыжий Орк пытался разгадать тайну лабиринтов мира-компьютера, принадлежавшего сумасшедшему властителю Зазелю, в которых спрятаны машины созидания вселенных, способные стать и величайшим орудием разрушения И вот удача улыбнулась ему Поймав в свои сети Кикаху, стерев память его возлюбленной Ананы, он решает воспользоваться дерзкой хитростью своего противника, чтобы выведать тщательно хранимый секрет, избавиться от угрозы со стороны родичей-властителей и стать повелителем всех миров

Но как бы ни был ловок Рыжий Орк, ему не победить человека с Земли, пусть даже он бросит в бой десятки своих двойников-клонов Ведь когда на стороне Кикахи выступают последний представитель загадочного народа, сотворившего самих тоанов, и сама Великая Праматерь, кажется, что Орк обречен Но в Многоярусном мире как и в любом другом, не следует слишком доверять союзникам — у них могут быть свои планы

И судьба мира решается в смертной схватке один на один между кровными родичами — потому что в жилах Кикахи тоже течет тоанская кровь. Это бой на равных, и награда победителю — вселенная.

А второй из вошедших в этот том романов начинает новый цикл — «Мир одного дня», упрочивший славу Филипа Фармера как одного из наиболее изобретательных и талантливых фантастов нашего времени.

БОЛЬШЕ ЧЕМ ОГОНЬ

Линн и Джулии Карл, Гэри Вольфу
и Диди Уэйл посвящается

ГЛАВА 1

— Они там! — сказал Кикаха. — Я знаю это, знаю! Я нутром чую, как силы планетные свиваются в гигантскую воронку, направляя нас к цели! Они там, впереди! Мы наконец нашли их!

Он утер со лба пот и, тяжело дыша, прибавил шагу.

Анана, шедшая за ним по пятам по крутой горной тропе, пробормотала себе под нос:

— Я поверю в это, только когда их увижу.

Кикаха редко обращал внимание на ее скептические — вернее сказать, реалистические — реплики.

Кикаха Хитроумный и Анана Светлая блуждали по планете трехногих вот уже пятнадцать лет. Искали они не святой Грааль, а кое-что получше: возможность выбраться из этой захолустной вселенной. Выход должен был существовать. Только где?

Кикаха, как правило, старался разглядеть светлую сторону событий. А если таковой не было, освещал мрак своим оптимизмом. Как-то раз он сказал Анане:

— Если твоя тюрьма — целая планета, быть заключенным не так уж плохо.

— Тюрьма есть тюрьма, — откликнулась Анана.

У Кикахи был с собой ключ к вратам, открывающим выход в другие миры, где жизнь текла бурным потоком. Ключом служил рог Шамбаримена, старинный музыкальный инструмент, висевший в замшевом футляре на поясе у Кикахи. Блуждая по планете трехногих, Кикаха трубил в рог уже тысячу раз. И каждый раз надеялся, что невидимое «слабое» место в ткани «стен», разделяющих две вселенные, откроется в ответ на семь нот и станет видимым. В стенах было полно таких трещин.

Но до сих пор ему не удалось их нащупать. Ведь каждый раз, когда он трубил в рог, трещина — выход из этой

просторной темницы — могла находиться всего в сотне ярдов, однако за пределами действия рога. Кикаха знал об этом и чувствовал себя так, словно купил билет в тотализаторе на ирландских скачках, где шансы на выигрыш крайне малы.

Если он найдет врата, то есть выход, созданный одним из властителей и зачастую даже не замаскированный, можно будет считать, что он выиграл в лотерее. Коренные жители планеты рассказывали бесчисленные легенды о вратах — или о том, что могло быть вратами. Кикаха с Ананой исходили сотни миль, пытаясь добраться до источников возникновения слухов, но пока что находили лишь разочарование да новые легенды, посылавшие их по еще более длинному следу. Однако сегодня Кикаха был уверен, что их усилия будут вознаграждены.

Тропа вела на вершину горы, поросшей лесом. Гигантские деревья пахли, как казалось Кикахе, рассолом из-под квашеной капусты, смешанным с грушевым соком. Запах означал, что листья на кончиках ветвей скоро мутируют в плоды, похожие на бабочек. Яркие и пестрые организмы оторвутся от гниющих ветвей и полетят, не способные питаться, не способные вообще ни на что, кроме как парить в высоте, а потом умереть. И если их не склюют птицы и если повезет приземлиться на черноземное местечко, крохотные семечки, спрятанные внутри, прорастут через месяц побегами.

Множество чудес помогали переносить заточение на этой планете. Но чем дольше оставались здесь Кикаха с Ананой, тем больше шансов напасть на след беглецов появлялось у их заклятого врага Рыжего Орка. Кикаха часто вспоминал и о своих друзьях, Вольфе и Хрисеиде, взятых в плен Рыжим Орком. Убил он их, или им все-таки удалось сбежать?

Кикаха, которого на Земле звали Пол Янус Финнеган, был высокий, широкоплечий и мускулистый. Необычайно мощные, развитые мышцы ног делали его слегка приземистым на вид, скрадывая высокий рост. Все тело его покрывал густой загар; волнистые волосы до плеч отсвечивали красноватой бронзой; большеротое лицо с резкими чертами обычно лучилось весельем. Большие, широко расставленные глаза сияли зеленью весенней листвы.

Кикаха родился на Земле семьдесят четыре года тому назад, однако выглядел двадцатипятилетним.

Мокасины из оленьей кожи да поясной ремень — вот и все, что было на нем надето. На поясе висели стальной нож и томагавк. За спиной — колчан со стрелами и маленький рюкзак, в руке — длинный лук.

За ним шагала Анана Светлая — высокая, черноволосая, голубоглазая и тоже загорелая. Предками ее были люди,

считавшие себя богами, и она действительно походила на богиню. Но не Венеру. Знаток античности, глядя на ее стройные, фантастически длинные ноги и плоский живот, сразу вспомнил бы о богине-охотнице Артемиде. Только вот богини не потеют, а с Ананы пот лил градом.

На ней тоже были всего лишь мокасины да пояс. И оружие было такое же, как у Кикахи, если не считать длинного копья, зажатого в одной руке. А за плечами — неизменный рюкзак.

Кикаха размышлял о туземцах, направивших его по этой тропе. Они были уверены в том, что Дверь в гробницу Спящего находится на вершине горы. Сами туземцы, с которыми говорил Кикаха, никогда не бывали на вершине, ибо им нечего было принести Стражу Двери в дар за ответы на вопросы. Но они знали кого-то, кто знал кого-то, кто навещал Стража.

Возможно, это путешествие принесет лишь очередное разочарование. Но Кикаха не мог игнорировать ни единого слуха или легенды, касающихся врат, созданных властителем. Да и что еще ему оставалось?

Чуть больше пятнадцати лет назад Кикаха вместе с Ананой выбрался из Лавалитового мира в мир Многоярусный. Тогда он был уверен, что вскоре им удастся выполнить задуманное.

Приключения в Лавалитовом мире — неустойчивом, опасном и постоянно меняющем форму — совершенно измотали их. Выбравшись наконец в Многоярусный мир, Кикаха с Ананой отдыхали там несколько недель. А когда набрались сил и здоровья, принялись за поиски и нашли врата, которые телепортировали их во дворец Вольфа, ныне необитаемый. Дворец находился на вершине монолита, завершающего Многоярусный мир.

Во дворце они обзавелись кое-каким оружием властителей, превосходившим все земное оружие, после чего активировали врата, через которые когда-то попали в горную пещеру на юге Калифорнии. Именно из этой пещеры Кикаха впервые вернулся на Землю после долгого отсутствия.

Но когда они с Ананой прошли через врата, то очутились на одной из планет этой захолустной искусственной вселенной, в мире вазиссов. Врата оказались односторонней ловушкой, и Кикаха понятия не имел, кто настроил их подобным образом.

Кикаха не раз хвалился, что ни одна тюрьма не сможет удержать его надолго. Если бы теперь эти слова вдруг обрели вещественность, ему пришлось бы их съесть. Наверное, по вкусу они напоминали бы помет канюка, посыпанный древесным пеплом.

Вчера они с Ананой прошли две трети подъема и заночевали на склоне горы. А на рассвете вновь продолжили восхождение, так что до вершины осталось уже немного.

Минут через пять Кикаха услыхал вверху детские голоса. Еще две минуты спустя путники оказались на вершине небольшого плато.

Деревня в центре плато ничем не отличалась от других окрестных деревень. Частокол из заостренных бревен окружал около сорока бревенчатых хижин под коническими крышами. Посреди деревни возвышался храм — двухэтажное бревенчатое здание с круглой башней наверху и множеством деревянных идолов внутри и снаружи.

Если легенды туземцев не врут, в храме могли быть врата. В легендах говорилось, что в здании есть какое-то сооружение из «божественного» металла — тонкие металлические балки, образующие шестиугольный выход в мир богов. Или, как гласили другие сказания, в мир демонов.

Туземцы говорили, что шестиугольник находился на вершине горы еще до того, как боги создали местных жителей. Боги — или демоны — пользовались этим выходом задолго до появления на планете вазиссов и будут пользоваться им еще долго после того, как туземцы исчезнут с лица земли.

Первым рассказал эту историю Кикахе туземец-островитянин по имени Цаш. Он был жрецом божества некогда совсем незначительного, но ныне набирающего силы. Возможно, со временем божеству суждено было стать главным в пантеоне этого острова размером с земную Гренландию.

— Дверь в другие миры открыта, — заявил Цаш. — Любой может пройти через нее. Но он окажется лишь по ту сторону шестиугольной Двери, по-прежнему на нашей планете, если не сможет произнести волшебное слово. Хотя если кто-нибудь и сможет его произнести, еще неизвестно, понравится ли ему то, что он найдет по ту сторону.

— Скажи мне просто, где она! — попросил Кикаха.

Цаш махнул рукой в западном направлении. Жест этот вобрал в себя довольно обширную территорию, поскольку жрец стоял в храме, а храм — на вершине утеса, венчающего берег Восточного моря.

— Где-то там. Говорят, Дверь находится в храме — какому богу он посвящен, я не знаю, — который расположен на верхушке горы. Но все храмы, как правило, строят на верхушках гор или высоких холмов.

— Сколько примерно храмов в том краю? — спросил Кикаха.

— Лишь боги способны их счесть — так их много. — Жрец неожиданно воздел четырехпалые руки к небу и возопил: — Не ходи через Дверь, даже если ты знаешь волшебное слово! Ты можешь разбудить Спящего! Не делай этого! Иначе ты умрешь бесконечной смертью!

— А это что за штука? — поинтересовался Кикаха.

— Не знаю и знать не хочу! — проорал в ответ Цаш.

Кикаха продолжал расспросы, но жрец, казалось, целиком погрузился в молитвы. Огромные глаза его закрылись, а губы под зеленой шерстью, покрывавшей все лицо, бормотали какие-то слова, повторяющиеся и ритмичные.

Анана с Кикахой покинули храм и отправились на запад. Пятнадцать лет спустя, после долгих блужданий в направлении Западного моря, они взобрались на очередную гору с очередным храмом.

Кикаха сгорал от нетерпения. Он верил, что долгожданные врата находятся в храме. Несмотря на постоянные неудачи и разочарования, он позволял себе надеяться, что долгие поиски подошли в концу. Возможно, «позволял» — не совсем точное слово. Кикаха не умел управлять приливами вдохновения. Оно посещало его и испарялось, когда хотело, неподвластное ни разуму, ни воле.

Если Анана и была охвачена таким же радостным возбуждением, то вида не подавала. Тысячелетия жизни лишили ее всякого пыла. Правда, любовь к Кикахе и совместные приключения пробудили в ней некоторое жизнелюбие — даже большее, чем она ожидала. Зубило времени обтесало ее душу до неузнаваемости, хотя ему пришлось поработать над ней очень и очень долго.

— Они должны быть здесь! — сказал Кикаха. — Я нутром это чую!

Анана потрепала его по щеке.

— Всякий раз, когда мы попадаем в храм, шансы на успех увеличиваются. Если, конечно, на этой планете вообще есть врата.

Дети, игравшие возле частокола, с криками помчались к ним навстречу, из чего Кикаха сделал вывод, что туземцев предупредили об их визите. Иначе дети с воплями удрали бы от них. Толпа детишек окружила пришельцев, мельтеша вокруг них, прикасаясь к ним, оживленно болтая и дивясь невиданным двуногим существам. Чуть погодя из-за частокола вышла группа вооруженных мужчин и прогнала мелкоту. И тут же в воротах деревни появился жрец, махнувший длинным деревянным посохом. На верхнем конце посоха

крутился алый пропеллер, а в середине древка был прикреплен желтый диск со священными письменами.

За жрецом шли два жреца рангом помельче, и каждый вертел над головой трещоткой.

Туземцы не носили одежды, но были щедро украшены браслетами и серьгами, висевшими в ушах, носах и губах. Головы и лица их, за исключением подбородков, покрывал короткий зеленоватый мех.

И все они были трехногими.

Ололон — властитель, который когда-то создал их предков на своей биофабрике, — был очень жесток. Он сделал их трехногими просто из любопытства. А затем, убедившись, что его создания ходят, пусть даже неуклюже и медленно, Ололон забросил их и позволил свободно размножаться и расселяться по планете. У туземцев не было родового имени, но Кикаха прозвал их вазиссами. Они ужасно походили на Вазисса — существо, изображенное на картинках фантастической книжки Джона Грюэля «Мышонок Джонни и волшебная палочка», которой Кикаха зачитывался в детстве.

— Приветствую тебя, Кразб, Страж Двери и верховный жрец бога Афресста! — сказал Кикаха на местном диалекте. — Меня зовут Кикаха, а мою подругу — Анана.

Слухи о странных двуногих и их поисках давно уже достигли ушей жреца. Однако этикет предписывал ему изображать полное неведение и задавать множество вопросов. Кроме того, полагалось собрать совет старейшин и шаманов, пригласить странников в здание совета, напоить местной бражкой и исподволь, слово за слово, выведать причину их появления здесь (как будто вазиссы не знали!), а также развлечь гостей танцами и пением.

Часа через три жрец спросил Кикаху и Анану, что привело их сюда.

Кикаха ответил. Но его ответ потребовал множества объяснений. И даже после этого Кразб не понял. Как и все туземцы, он ничего не знал о властителях или искусственных карманных вселенных. Очевидно, давно умерший властитель никогда не появлялся перед туземцами. Они были вынуждены придумать свою собственную религию.

Хотя Кикахе не удалось объяснить жрецу все подробности, тот по крайней мере понял наконец, что Кикаха ищет Дверь.

— Есть в вашем храме Дверь или нет? — спросил Кикаха. — За пятнадцать лет мы с Ананой посетили больше пятисот храмов. Если и в вашем храме нет Двери, мы, наверное, сдадимся и прекратим поиски.

Кразб, сидевший на полу, легко поднялся на ноги, что для трехногого вообще-то совсем нелегко.

— Двуногие незнакомцы! — сказал он. — Ваши долгие скитания окончены! Дверь, которую вы ищете, находится в храме, и вы совершенно напрасно не пришли к нам пятнадцать лет назад! Вам удалось бы сэкономить массу времени и сил!

Кикаха открыл было рот, задетый несправедливостью упрека. Но Анана тронула его за руку.

— Спокойно! — сказала она по-тоански. — Мы должны расположить его к себе. Что бы он ни говорил, соглашайся и улыбайся.

Вазисс сжал губы и нахмурил то место, где под зеленой шерстью могли скрываться брови.

— Конечно же, в храме есть Дверь! — заявил он. — Иначе с какой стати меня зовут Стражем Двери?

Кикаха не стал объяснять ему, что встречал как минимум двадцать жрецов, называвших себя «Стражами Двери». Однако все эти двери оказывались подделкой.

— Мы не сомневаемся в правдивости твоих слов, — сказал Кикаха. — Позволишь ли ты нам, о Страж, взглянуть на Дверь?

— Ну разумеется, позволю, — откликнулся жрец. — Однако вы явно устали, покрылись потом и грязью и проголодались, пока взбирались к нам на гору, пусть даже главную жажду свою вы уже утолили. Боги рассердятся на нас, если мы не примем вас со всем радушием, какое возможно при наших скудных достатках. Вас вымоют и накормят, а затем, если вы утомились, положат спать, пока вы не восстановите силы.

— Ваше радушие уже поразило нас своим размахом, — заверил его Кикаха.

— И тем не менее этого недостаточно, — заявил Кразб. — Мы умрем со стыда, если вы покинете нас и будете жаловаться в других деревнях на нашу скупость и нерадушный прием.

Настала ночь. Празднества продолжались при свете факелов. Гости как могли боролись со скукой и усталостью. В конце концов, далеко уже за полночь, Кразб невнятно возвестил, что всем пора на боковую. Барабаны и трубы умолкли, гуляки — те, что еще не отключились, — расползлись по своим хибарам. Распорядитель по имени Вигшаб провел гостей в хижину, сказал, что к их услугам целая куча одеял, и испарился.

Убедившись, что Вигшаб скрылся из виду, Кикаха вышел из хижины на разведку. Здорово набравшийся Кразб, очевидно, забыл поставить охранников. Кроме пьяниц, храпящих на земле, поблизости не было видно ни единого вазисса.

Кикаха вздохнул полной грудью. Дул прохладный и свежий ветерок. Большинство факелов туземцы унесли с собой, но на стене храма горели четыре ярких факела, и этого было достаточно даже в такую безлунную ночь.

Из хижины вышла Анана. Как и Кикаха, она лишь пригубила бражки.

— Ты слышал, как Кразб заявил, что за право воспользоваться Дверью придется заплатить? — спросила она. — Мне это совсем не нравится.

ГЛАВА 2

— Было слишком шумно. А что он сказал о цене?

— Что мы поговорим о ней утром. Что есть две разные цены. Одна — за право посмотреть на Дверь. Другая, куда более высокая, за право войти.

Плата, как догадывался Кикаха, не будет взиматься деньгами. В основе экономики вазиссов лежал обмен товарами или услугами. Единственной ценной вещью, которую Кикаха мог предложить жрецу, был рог Шамбаримена. Кразбу, конечно, невдомек, какою силой обладает рог. Но жрец потребует его просто потому, что не видал ничего похожего.

А без рога им с Ананой через Дверь не пройти. С другой стороны, если его не отдать, придется сражаться с вазиссами, которых Кразб может подослать для тайной расправы.

Стоя в дверях хижины, Кикаха поделился этими мыслями с Ананой.

— Думаю, нам надо проникнуть в храм прямо сейчас и выяснить, там ли находятся врата. Если они там, мы пройдем через них. Если сможем.

— Я тоже так думаю, — согласилась Анана. — Пошли.

Пока они надевали свои пояса, рюкзаки и колчаны, Кикаха все думал об Анане. Что за женщина! Ни сомнений, ни колебаний. Она мгновенно оценивает ситуацию — возможно, даже быстрее, чем он сам, — а потом делает то, что нужно делать.

Откровенно говоря, его порой раздражало то, что Анана угадывала его мысли еще до того, как он их высказывал. И в последнее время он явно вызывал у нее такое же раздражение.

Слишком долго пришлось им оставаться наедине друг с другом, без общения с другими людьми. Вазиссы же весьма неудовлетворительно заменяли людей. Они почти не обладали чувством прекрасного и чувством юмора, и техника у них не развивалась уже несколько тысячелетий. Вазиссы умели обманывать, но не были способны оценить бесчис-

ленные байки с массой вранья, которые Кикаха рассказывал им просто смеха ради. Кикаха ни разу не слышал, чтобы какой-то вазисс высказал нетривиальную мысль, и их культура была почти одинаковой на всей планете.

Анана с копьем в одной руке и факелом — в другой шла впереди. Кикаха, сжимая томагавк, следовал за ней чуть сбоку и сзади, пока они не добрались до храма. Бревенчатое здание было погружено во тьму. Охранники, которым полагалось стоять на часах, перепились и дрыхли на деревенской площади. Анана подошла к Кикахе, освещая факелом путь. Они обогнули здание, пытаясь найти какой-нибудь другой вход. Но вход был только один — большая двустворчатая деревянная дверь со стороны фасада.

Створки были перегорожены толстым бревном. Кикаха приподнял один конец бревна и вынул его из гнезда, а затем толкнул створку. Факелы, горевшие в нишах стены, осветили небольшое здание, которое стояло внутри в самом центре. Оно было уменьшенной копией храма.

Ни одного вазисса по-прежнему не было видно, разве что кто-то укрывался в самом Доме Двери, как называл здание жрец.

Кикаха снял балку, заграждавшую дверь в меньший храм, и растворил дверь. Анана встала к нему поближе. Кикаха сунул голову в дверной проем и оглядел малый храм. Два факела внутри освещали шестиугольник с двумя деревянными идолами по сторонам.

— Наконец-то! — сказала Анана.

— Я же говорил, что они здесь.

— Ты говорил так много раз.

Оба они не впервые видели врата наподобие тех, что были в храме, — стоячий шестиугольник, образованный серебристыми металлическими балками толщиной с руку. Шестиугольник был достаточно широк, чтобы пройти через него вдвоем.

Они вошли в здание и остановились в нескольких дюймах от врат. Кикаха ткнул томагавком в середину шестиугольника. Но часть томагавка, вошедшая в пространство врат, вопреки ожиданиям Кикахи, не исчезла. Обогнув врата, Кикаха ткнул томагавком с другой стороны, и вновь безрезультатно.

— Неактивированы, — сказал он. — О'кей. Нам не нужно кодовое слово. Мы попробуем рог.

Сунув томагавк за пояс, он раскрыл замшевый футляр и достал оттуда рог Шамбаримена. Рог из серебристого металла длиной два с половиной фута весил меньше четверти фунта. Формой он напоминал рог африканского буйвола. Мундштук был сделан из какого-то мягкого золотистого вещества.

В широком раструбе на расстоянии полудюйма от края виднелась паутинка или сеточка из серебристых нитей. Сбоку в ряд располагались семь маленьких кнопочек.

Когда свет падал под определенным углом, на поверхности рога вспыхивал иероглиф, занимавший почти половину длины.

Это было очень ценное произведение искусства, созданное выдающимся мастером и ученым из древнего рода тоанов, то есть властителей. Рог был уникальным. Никто не мог его скопировать, потому что внутренний механизм рога оставался непроницаемым для рентгеновских лучей, ультразвуковых волн и всех прочих средств проникновения в материю.

Кикаха поднял рог и поднес мундштук к губам. Он трубил, нажимая на кнопки в определенной последовательности, которую знал наизусть, и представлял себе, как семь нот вылетают из раструба, словно семь золотых гусей с серебряными крыльями.

Музыкальная фраза должна была сделать видимыми и активировать скрытые врата или «трещины», если они находились в пределах звукового воздействия рога. Ноты активировали также видимые врата. Это был универсальный ключ.

Кикаха опустил рог. Казалось, ничего не произошло, но активированные врата редко менялись внешне, несмотря на изменение своего состояния. Анана сунула во врата наконечник копья. Наконечник исчез.

— Работают! — крикнула она, вытаскивая копье.

Кикаха задрожал от возбуждения.

— Пятнадцать лет! — воскликнул он.

Анана посмотрела на него и приложила палец к губам.

— Они все в отключке, — заметил Кикаха. — Если нам и нужно чего-то опасаться, так скорее того, что ждет нас по ту сторону врат.

Он мог просунуть через врата голову и поглядеть, что ждет их в другой вселенной. Хотя не обязательно в другой, поскольку врата могли вывести их в любое место на этой же планете. Но Кикаха знал, что совать голову опасно. Врата частенько бывали оснащены ловушками. Голову могло со свистом отсечь мечом. Или сжечь огнем. А иногда, сунув что-нибудь в пространство врат для пробы, вы могли получить смертельный электрический удар, или струю кипящей жидкости в лицо, или направленный лазерный луч и сотни других смертоносных штучек.

Лучше всего, чтобы избежать ловушки, сунуть во врата кого-нибудь, на чью жизнь вам наплевать, — раба, например, если он есть под рукой. Властители обычно так и поступали.

Но Кикаха с Ананой могли совершить такое разве что с плененным врагом, пытавшимся их убить.

Копье Ананы вернулось из другого мира без повреждений. Однако ловушка могла быть настроена на распознавание плоти или даже биоволн высокоразвитого мозга.

— Хочешь, я пойду первой? — спросила Анана.

— Нет. Хотя я надеюсь, что это не опасно.

— Я пойду первой, — сказала Анана, но Кикаха прыгнул в пространство, обрамленное шестиугольником, не дав ей договорить.

Он приземлился на обе ступни, согнув колени, сжимая в руке томагавк и пытаясь охватить взглядом пространство со всех сторон сразу. А затем отошел в сторонку, чтобы Анана, пройдя через врата, не столкнулась с ним.

Здесь царил полумрак. Тусклый свет из невидимого источника освещал громадную пещеру со сталагмитами, растущими из пола, и сталактитами, свисающими с потолка. Эти каменные сосульки образовались из карбоната кальция, растворяемого потихоньку сочившейся сверху водой, и походили на зубья разверстого капкана.

Но в общем, если не считать освещения, пещера ничем не отличалась от любой подземной каверны.

Анана прыгнула через врата с копьем в одной руке и пылающим факелом — в другой.

— Пока что все нормально, — сказал ей Кикаха.

— Пока что слишком рано судить.

Хотя они говорили вполголоса, их слова, подхваченные эхом, отражались от стен и, словно шмели, летели обратно.

Пещера простиралась вдаль до бесконечности — и не только вперед, но и в стороны. Шестиугольные врата стояли посередине, а за ними тоже темнело необозримое пространство пещеры. Прохладный сквознячок остудил вспотевшее тело Кикахи. По коже побежали мурашки. Конечно, им надо было более основательно подготовиться к переходу — взять с собой одежду, еду, запасные факелы.

Властитель, установивший врата, очевидно, сделал это тысячи лет тому назад. Не исключено, что он воспользовался ими раз или два, а потом забросил. Властитель наверняка знал, где расположены другие врата и куда они ведут. Но Кикаха с Ананой понятия не имели, что делать дальше, чтобы выбраться из этого мира. Впрочем, один способ можно было испробовать.

Кикаха поднес рог к губам и протрубил серебристые нотки, нажимая пальцами на кнопки. Закончив играть, он опустил рог и ткнул томагавком в шестиугольник. Конец томагавка исчез.

— Врата активны и с этой стороны! — крикнул он.

Анана чмокнула его в щеку.

— Может, нам и правда повезло!

Он выдернул томагавк и сказал:

— Если только...

— Что «если только»?

— Если только мы не выйдем обратно на планету трехногих. Такая шутка была бы вполне в духе властителей.

— Ну что ж, давай повеселимся!

Анана прыгнула в шестиугольник и исчезла.

Кикаха подождал несколько секунд, чтобы дать ей время посторониться или вернуться назад. А потом прыгнул сам.

Он с радостью увидел, что не попал обратно в храм вазиссов. На каменном помосте, где он очутился, не было видно врат, хотя они, естественно, там находились. Помост возвышался в центре круглой башни размером с амбар. Каменные стены венчал конический потолок из металла, выкрашенный в красный цвет. В гладком каменном полу не было ни единого отверстия или лестницы. Никакой мебели. С четырех сторон света — по одной открытой арке. Из арки, располагавшейся слева от Кикахи, дул сильный ветер. В проемах арок виднелись холмистая равнина, лес и фрагменты похожего на замок здания, частью которого была и эта башня, возвышавшаяся над землей футов на пятьсот.

Анана вышла через одну из арок и прижалась к парапету высотой по пояс, оглядывая окрестности. Не оборачиваясь, она проговорила:

— Кикаха! Похоже, нас занесло куда-то не туда!

Он подошел к ней. Порыв ветра взметнул его волосы цвета красной бронзы, сдувая их вправо. Длинные черные блестящие пряди Ананы летели по ветру, словно чернильные струи осьминога, подхваченные сильным течением. Хотя голубовато-зеленое солнце стояло в зените и лучи его ласкали голую кожу, согреться на таком ветру было невозможно. Кикаха с Ананой, дрожа, пошли вокруг башни. Кикаха подумал, что дрожь их вызвана не только ветром.

Дело было не в отсутствии людей. Он повидал на своем веку немало заброшенных замков и опустевших городов. Кстати, этот замок был настолько широк и высок, что вполне мог вместить в себя целый город.

— Тебе тоже не по себе? — спросил Кикаха. — Словно это какое-то заклятое место?

— Совершенно верно!

— У тебя нет такого чувства, будто за нами кто-то наблюдает?

— Нет, — сказала Анана. — Я чувствую... ты решишь, что я спятила... Я чувствую, что здесь кто-то или что-то спит и лучше его не будить.

— Странное чувство, конечно, но это вовсе не значит, что ты спятила. Ты прожила так долго и повидала так много, что способна уловить недоступные мне нюансы.

Они прошли полкруга, и перед ними открылся вид замка с другой стороны. За крышами, венчающими части замка, на каменной колонне возвышался голубой блестящий шар. Кикаха решил было пройти еще дальше, чтобы увидеть шар целиком, но остановился и, поглядев вдаль, сказал:

— До этого шара не меньше четырех-пяти миль. И все равно он выглядит таким огромным!

— Вокруг него какие-то статуи, но я не вижу деталей, — заметила Анана.

Они решили пройти к громадному шару через замок-город. Но в башне с арками не было лестницы. Похоже, они оказались узниками самой высокой башни замка. Как прежние жители попадали сюда? Кикаха с Ананой внимательно осмотрели и простучали каждый дюйм каменной кладки внутри и снаружи, но не нашли ни потайной двери, ни подозрительно полых мест — ничего, что указывало бы на замаскированный вход или выход.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил Кикаха.

Анана кивнула и сказала:

— Попробуй.

Кикаха обогнул невидимый шестиугольник, через который они проникли сюда, и встал с обратной стороны. Поднял рог и протрубил семь нот. Ничего не появилось, но, когда он ткнул томагавком в то место, где должны были стоять врата, оружие исчезло почти до самой рукоятки. Как и подозревал Кикаха, обе стороны врат были активны.

— Может, мы попали в какой-то лабиринт со множеством врат? — предположила Анана.

Кикаха прыгнул в шестиугольник, приземлился на обе ноги и шагнул вперед. Через пару секунд за ним последовала Анана. Они оказались в небольшой комнатке без окон и без дверей с полупрозрачными зеленоватыми стенами из твердой субстанции. Казалось, комната высечена внутри исполинского драгоценного камня. Свет проникал в нее сквозь стены, но был слишком тусклым, чтобы разглядеть все как следует. На противоположной стене тонкими черными линиями был очерчен шестиугольник. Если это не шутка, там должны быть врата.

Воздух здесь был тяжелый, спертый и недвижный. На полу лежали два скелета — один человеческий, а другой

получеловеческий. Среди костей блестели две пряжки от ремня, золотые кольца с драгоценными камнями и лучемет в форме пистолета. Кикаха нагнулся и подобрал лучемет. Движение заставило его вдохнуть больше воздуха, чем следовало. От нехватки кислорода сердце забилось как бешеное, а в горле сжался комок.

— Боюсь, — сказала Анана, — у нас не так уж много времени на попытку пройти через врата. Наши предшественники не знали кода и быстро умерли.

По идее, два предыдущих посетителя комнаты должны были использовать весь кислород. Но его тем не менее осталось достаточно, чтобы двое вновь прибывших не задохнулись сразу. Очевидно, владелец врат подкачал немного кислорода взамен того, что употребили непрошеные гости. Подкачал чуть-чуть, чтобы помучить следующих гостей предвкушением неизбежной гибели.

— У нас минута, не больше! — сказал Кикаха.

Он нажал на кнопку лучемета, показывающую количество энергии, оставшейся в запасе. Крошечный цифровой индикатор на кнопке продемонстрировал, что энергии хватит на десять полусекундных выстрелов убойной силы. Сунув лучемет за пояс, Кикаха поднес мундштук рога ко рту. Дуть изо всех сил не было нужды. Громкость семи нот не зависела от силы трубача.

Наконец в комнате отзвучала вся музыкальная фраза, и Анана сунула конец копья в шестиугольник, нарисованный на стене. Наконечник исчез. Она вытащила копье — на нем не оказалось ни повреждений, ни следов огня. Оба они понимали, что это еще ничего не значит, но легкие Кикахи уже ходили ходуном, а горло, казалось, вот-вот сожмется напрочь. На лице Ананы тоже был написан панический страх.

Несмотря на то что дышать становилось все труднее, Кикаха повернулся и протрубил семинотную последовательность еще раз, в направлении стены, противоположной вратам. Не исключено, что властитель спрятал там еще один выход. Врата в шестиугольнике могли быть смертельно опасной западней для неосторожных странников.

Стена ничуть не изменилась на вид, но Анана с силой потыкала в нее копьем в надежде обнаружить невидимые врата. Металл с лязгом отскакивал от стеклянной поверхности стены, звеневшей не хуже ксилофона. Похоже, врата в шестиугольнике были единственными.

Взяв копье наперевес, Анана прыгнула через врата. Спустя несколько секунд за ней прыгнул Кикаха. Как всегда, он слегка зажмурился, врезаясь в твердую на вид стену. Хотя

сознание говорило ему, что никуда он не врежется, подсознание в этом убедить не удавалось. Пролетев сквозь мнимую твердь, Кикаха мельком заметил еще один шестиугольник буквально в футе от первого. Через секунду он уже миновал вторые врата и приземлился рядом с Ананой. Она изумленно взглянула на него. Впервые в жизни им встретились двойные врата.

Свежий воздух заполнил легкие.

— Боже мой, до чего хорошо! — простонал Кикаха.

Не будь у них рога, они бы уже стали трупами.

— Меньше секунды в одном мире — и сразу в другой, — сказала Анана.

Но им не пришлось разглядывать окрестности слишком долго. Через пару секунд они очутились в громадном помещении. Потолок был вышиной по меньшей мере в сотню футов, а стены покрывали изображения каких-то невиданных существ. Яркий свет заливал помещение со всех сторон.

И вдруг оно сменилось песчаной пустыней, простиравшейся до самого горизонта, куда более далекого, чем на Земле. В багровых небесах сияло оранжевое солнце. Кикаха почувствовал, что сила тяжести стала гораздо больше.

Но не успел он промолвить и слова, как они с Ананой оказались на вершине пика — плоской, но такой маленькой, что им пришлось прижаться друг к другу, чтобы не упасть. Насколько хватало глаз, повсюду вздымались горы. Дул сильный и холодный ветер. Кикаха прикинул, что температура здесь явно ниже нуля. Солнце скрывалось за вершинами, а небо было голубовато-зеленым.

Ничего похожего на врата поблизости не виднелось. Возможно, врата застряли в горе, на вершину которой их занесло.

Однако еще через пару секунд они очутились на тропическом пляже, очень похожем на земной. Легкий бриз раскачивал ветви пальм. Желтое солнце стояло близко к зениту. Черный песок под ногами был горячим. Кикахе с Ананой пришлось бы бежать под деревья в тень, не будь их подошвы покрыты такими толстыми мозолями.

— По-моему, мы угодили в резонансную цепь из врат, — сказал Кикаха.

Но шли часы, а пейзаж не менялся. Устав от ожидания, Кикаха с Ананой побрели по пляжу и довольно скоро вернулись на прежнее место.

— Мы на острове — вернее, на островке, — проговорил Кикаха, — окружностью около полумили. И что дальше?

На горизонте не было ни пятнышка. Прямо за горизонтом мог лежать континент или другой остров, но могло быть и

так, что океан простирается на тысячи миль вокруг. Кикаха обследовал деревья, которые с первого взгляда принял за пальмы. На них росли громадные гроздья, похожие на гигантский виноград. Если он не ядовитый, то голодная смерть им в ближайшем будущем не грозит. Может быть. Деревья можно срубить лучеметом и сделать из них плот. Вот только бревна связать будет нечем.

Властитель, заманивший их в эту ловушку, желал уморить их медленной смертью.

Кикаха обошел остров по берегу еще раз, постоянно трубя в рог. Потом стал сужать круги, пока в поле действия рога не попал каждый дюйм островка. Здесь не было ни трещин, ни неактивированных врат. То, что рог не смог активировать врата, через которые Кикаха с Ананой сюда попали, могло означать лишь одно: врата были односторонними. Властитель, установивший их, закрыл их с другой стороны на «замок», то есть приспособил дезактивирующее устройство. Так делалось редко, потому что «замок» сжирал уйму энергии. К тому же мало у кого из властителей было в распоряжении это древнее устройство.

— Со временем замок рассосется, — сказала Анана, — и цепь откроется вновь. Но нам, боюсь, до этого не дожить. Разве что мы сумеем переправиться на большой остров или материк.

— Мы даже не знаем, где находимся и бывали ли в этой вселенной прежде, — заметил Кикаха.

Он срезал лучеметом с ветки гроздь плодов величиной с бейсбольный мяч. От удара о землю некоторые плоды разбились. Хотя Кикаха стоял футах в сорока от них, запах тут же ударил ему в нос. Весьма неприятный запах.

— Фу-у! Правда, вонь еще не значит, что они несъедобные.

И все же ни Кикаха, ни Анана не прикоснулись к плодам. Когда голод станет совсем нестерпимым, можно будет попробовать — а пока они решили обойтись съестными запасами из своих рюкзаков.

Вечером третьего дня они легли на пляже спать в том же месте, откуда явились в эту вселенную. Они старались не удаляться от него. Если врата вдруг реактивируются, лучше оказаться от них поблизости.

— Властитель не просто заточил нас на этом островке, — сказал Кикаха, — но и камеру выбрал похуже. Мне надоело вечно чувствовать себя заключенным.

— Спи давай, — откликнулась Анана.

Ночное небо сменилось ярким солнечным светом. Они вскочили со своих песчаных постелей, и Кикаха воскликнул:

— Ну наконец-то!

Они похватали рюкзаки и оружие и через три секунды уже стояли на узком карнизе, глядя в бездонную пропасть.

Потом они очутились в пещере, залитой сверху солнечным светом. Кикаха поднес к губам рог. Но не успел он протрубить и одной ноты, как их занесло на крошечный утес, возвышавшийся на несколько футов над морем. Кикаха разинул рот, перестав трубить. Анана вскрикнула. На них надвигалась гигантская волна. Еще пара секунд — и она смоет их с утеса.

Однако прежде чем волна коснулась камня, они уже стояли в одной из небольших комнат, часто попадавшихся в этой резонансной цепи. Кикаха попытался дунуть в рог и активировать врата, которые разорвали бы цепь, но не успел. Следующие двенадцать остановок были не менее краткими.

Нравилось им это или нет — а им это не нравилось, — но они попали в замкнутый круг. Наконец, когда они вновь оказались на башне заброшенного города-замка, Кикахе удалось протрубить семь нот. Врата перенесли их в самое странное и неожиданное место из всех, где им довелось побывать.

— Кажется, мы разорвали цепь! — сказал Кикаха. — Но где мы? Тебе это место знакомо? Хотя бы понаслышке?

Анана покачала головой. Ее, похоже, охватил благоговейный трепет. А впечатлить Анану, прожившую так много тысячелетий, было отнюдь не легко.

ГЛАВА 3

Чешуйчатый человек был главным экспонатом в центре огромного зала.

Была ли то мумия, или чешуйчатый спал в анабиозе, родился он наверняка сотню-другую тысячелетий назад. Двое непрошеных гостей, вторгшихся в эту красочную, переливающуюся всеми цветами радуги усыпальницу, не могли точно определить ее возраст. Они просто чувствовали, что гробница была построена, когда их далеких предков еще не было на свете. В ней чувствовалось дыхание эонов.

— Ты когда-нибудь слышала о нем? — прошептал Кикаха. Затем, осознав, что говорить шепотом не обязательно, громко добавил: — У меня такое ощущение, будто мы первыми проникли сюда с тех пор, как это... это существо было здесь погребено.

— Я не так уж уверена, что оно на самом деле погребено. И я никогда не слыхала об этом месте, равно как и о его хозяине. Даже имени его не слыхала. Хотя... — Анана

задумалась на мгновение. — У моего народа были легенды о разумном, но не человеческом роде, который предшествовал нам, тоанам. Говорят, они нас создали. То ли эти легенды — часть доисторической тоанской культуры, то ли более поздний вымысел, этого никто не знает. Но большинство тоанов считают, что мы появились на свет естественным путем и что нас никто не создавал. Мои предки действительно создали леблябиев, то есть людей твоего типа. Их, а также многие другие формы жизни, произвели на биофабриках моих предков, дабы заселить карманные вселенные. Но чтобы мы, тоаны, тоже были чьим-то творением — никогда!

Однако легенды описывали некоего Токину, весьма похожего на это чешуйчатое существо. Род токинов отличался от нашего. Мы вроде как вторглись в их вселенную и поубивали всех, кроме одного. В общем, я не знаю. На эту тему есть много противоречивых сказаний.

Посреди зала возвышалась невысокая массивная колонна, а на ней стоял большой, прозрачный и ярко освещенный куб. Существо с открытыми и мертвыми на вид глазами плавало в кубе.

— В одной из самых древних легенд говорится о том, что Токина, переживший войну, где-то спрятался. В какой-то недоступной гробнице. Там он уснул глубоким сном и пробудится лишь тогда, когда миры окажутся на грани гибели.

— А какое ему дело до миров и их гибели?

— Я просто рассказываю тебе легенду, передающуюся из поколения в поколение. Может, у тебя есть какие-то другие объяснения? Кто, по-твоему, этот тип и что это за место? В легенде говорилось также о том, что Токина наблюдает за вселенными. Взгляни-ка на изображения на стенах! Там целая уйма вселенных, и некоторые выглядят вполне современно.

— Как он может наблюдать за вселенными? Он же без сознания, а то и вовсе помер.

Анана развела руками:

— Откуда я знаю?

Кикаха ничего ей не ответил. Он озирался, разглядывая гробницу, увенчанную потолком в виде купола. Размерами она могла поспорить с ангаром для цеппелинов. Ярко-голубые стены, освещенные невидимым источником света, слепили глаза. Но, прищурившись, Кикаха разглядел тысячи надписей и рисунков, бегущих под куполом. Большинство из них напоминали буквы странного алфавита или математические формулы. Порою мелькали какие-то картины, словно созданные воображением буйно помешанного. Хотя, с другой стороны,

такое впечатление могло быть результатом ограниченности человеческого восприятия.

По стенам тянулись горизонтальные ленты быстро меняющейся окраски, а между ними мерцали тысячи трехмерных изображений. Они вспыхивали и тут же сменялись другими. Кикаха обошел гробницу кругом, разглядывая изображения, появлявшиеся на уровне глаз. Некоторые пейзажи он узнал — они были из разных миров, где ему довелось побывать. На одной из голограмм был вид Манхэттена с высоты птичьего полета. Только в нижней его части возвышался двуглавый небоскреб, значительно превосходивший Эмпайр Стейт Билдинг*.

Изображения появлялись и исчезали почти мгновенно. Очень скоро у Кикахи разболелись глаза. Он закрыл их на минутку, а когда открыл, то перевел взгляд на главный экспонат. Основание колонны с гробом было круглым, и по ней вверх и вниз бежали разноцветные полоски. Существо, лежавшее в кубе обнаженным, явно принадлежало к мужскому полу. Яйца его покрывали голубые хрящевидные оболочки, испещренные дырочками для вентиляции. Пенис представлял собой толстый цилиндр без всяких железок или головки, но с тонкими и туго скрученными щупальцами по бокам.

Увидев их, Анана задумчиво пробормотала под нос:

— Хотела бы я знать...

— Что? — спросил Кикаха.

— Его подружка наверняка получала дополнительное удовольствие от секса. Конечно, эти щупальца могли выполнять чисто репродуктивную функцию, но могли и доставлять женщине какое-то особое наслаждение... Не могу себе даже представить...

— Ты все равно не узнаешь.

— Может, и не узнаю. Хотя невероятное случается не реже вероятного. По крайней мере, пока я с тобой.

Ростом существо было около семи футов. Его тело очень походило по строению на человеческое, в том числе и четырехпалые ноги и пятипалые руки. Массивные мускулы были как у гориллы. А кожа — как у разноцветной рептилии, с чешуйками зеленого, красного, черного, голубого, оранжевого, бордового, лимонно-желтого и розового цвета.

Зубчатый, точно у динозавра, позвоночник изгибался вверху, так что массивная шея склонялась вперед.

Семь зеленоватых пластинок, то ли костяных, то ли хрящевидных, покрывали лицо. Темно-зеленые глаза, приспособленные

---

* Самое высокое здание в Америке. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

к стереоскопическому видению, были расставлены шире, чем у людей.

Костяная пластинка прямо под челюстью создавала впечатление отсутствия подбородка. Из приоткрытого безгубого, как у ящерицы, рта высовывался язык, похожий на розового червя.

Нос и верхняя часть лица полого сбегали к макушке. А от макушки до самой шеи голову покрывала красноватая листва, состоявшая из плоских и небольших листочков. Были ли под ними костяные пластинки — оставалось только гадать.

Крохотные уши походили на человеческие, однако располагались гораздо ближе к затылку.

— А ты не думаешь, что это действительно уцелевший Токина? — задумчиво спросила Анана. И тут же ответила сама себе: — Нет, конечно! Это просто совпадение.

Они молча постояли, оглядываясь вокруг. Потом Кикаха сказал:

— Вряд ли мы найдем здесь ответы на все вопросы. Для этого пришлось бы задержаться тут надолго, а у нас нет ни еды, ни воды, ни нужных инструментов. Хотя какое-то время мы можем здесь побыть.

— Нужно выбираться отсюда, — заявила Анана, — а мы даже не знаем как. Предлагаю выяснить это, не откладывая.

— Нам ничего не угрожает, насколько я могу судить. Давай останемся тут ненадолго и попытаемся разузнать, что к чему. Когда-нибудь это может нам пригодиться.

Еды и воды у них было достаточно, чтобы продержаться дня четыре, если экономить. Правда, испражняться было некуда, но в такой большой усыпальнице можно найти уголок. У Кикахи мелькнула мысль, что это кощунство, но он отогнал ее.

— А вдруг нам потребуется срочно убраться отсюда? Мало ли что может случиться, — заметила Анана.

Кикаха задумался на мгновение.

— О'кей, — сказал он. — Ты права.

Он подошел к тому месту у стены, где они прошли через врата, и протрубил в рог Шамбаримена. Как это часто бывало, музыка навеяла ему видения чудесных зверей, удивительных растений и экзотических людей. Семь нот, как правило, бросали в дрожь того, кто их слышал, и вызывали из глубин подсознания образы, о которых человек даже не подозревал.

Последняя нота, казалось, зависла в воздухе, как мухаоднодневка, решившая продлить свою короткую жизнь хоть на несколько секунд. Перед Кикахой появилось мерцающее пятно

примерно пяти футов в ширину и десяти в длину. Блестящая стена склепа исчезла под пятном, и появился фрагмент каменной стены и каменного пола. Кикаха уже видел их, причем совсем недавно. Из этой самой башни они с Ананой и прошли в гигантскую усыпальницу. Выход был открыт, но Кикаха предпочел бы воспользоваться другими вратами, если удастся их найти. Этот выход вновь заведет их в замкнутый круг.

Через пять секунд вид каменной башни померк. На стене гробницы вновь вспыхнули изображения разных вселенных.

— Попробуй найти другие врата, — сказала Анана.

— Конечно, — ответил Кикаха и медленно пошел вдоль стены, трубя в рог снова и снова.

Не успел он обойти и половины гробницы, как врата открылись. Примерно в двадцати футах Кикаха увидел громадный валун. Вокруг него и над ним простирались ровная пустыня и голубое небо.

Кикаха не знал, в какой вселенной находится этот пейзаж. Не исключено, что на той же самой планете, где и склеп. Врата способны были перенести вас за полпланеты или на несколько футов — как когда.

Дальнейший обход по кругу не дал результатов. Кикаха отошел от стены на двадцать футов и начал следующий круг. Но тут его окликнула Анана:

— Иди сюда! Тут очень интересная картинка!

Кикаха подошел к ней. Она смотрела вверх, туда, где изображения как бы выскакивали из стены, чтобы тут же запрыгнуть обратно.

— Тут был Рыжий Орк! На картинке, — пояснила она. — Рыжий Орк!

— А фон ты разглядела?

— Такой фон может быть на тысяче планет. За ним была вода — большое озеро или море, не знаю. Похоже, он стоял на краю утеса.

— Продолжай наблюдать, — попросил Кикаха. — Я обойду гробницу еще раз, по более узкому кругу, и заодно буду посматривать на стены — вдруг да увижу Орка! Или что-нибудь знакомое. Да, кстати, я нашел еще одни врата, но они ведут в пустыню. Будем иметь их в виду как запасной выход на крайний случай.

Анана кивнула, не отрывая взгляда от изображений.

Перед глазами Кикахи промелькнул центр Лос-Анджелеса. Он узнал здание Брэдбери. Следующие двадцать пейзажей были совсем незнакомы.

А затем на миг появился вид Лавалитового мира, откуда им с Ананой удалось бежать. Из ровной поверхности планеты

стала медленно вздыматься гора, а река у ее подножия становилась все шире по мере того, как мелели ее притоки.

Какой смысл во всех этих картинках, если на них некому смотреть?

По спине у Кикахи побежали мурашки.

Слишком много вопросов — и ни одного ответа. Лучше всего не ломать себе голову зря. Но эта здравая мысль не смогла заглушить тревоги.

Закончив круг, Кикаха остановился. Рог не открыл больше выходов. И знакомых пейзажей на стенах тоже больше не появилось. Хотя оставались еще изображения значительно выше уровня глаз, разглядеть которые практически не удавалось.

И вдруг Анана закричала:

— Я снова видела Рыжего Орка!

Когда Кикаха подбежал к ней, видение уже исчезло.

— Он собирался пройти через врата! — сказала Анана. — Он был на том же утесе у моря, а потом шагнул к вратам. К стоячему шестиугольнику!

— Возможно, картинка не отражает нынешнего мгновения. С таким же успехом она может быть записью прошлого.

— Может быть, а может и нет.

Кикаха возобновил круговые прогулки с рогом. Обойдя всю гробницу несколько раз, он так и не нашел больше врат. Анане тоже не удалось еще раз увидеть их заклятого врага.

Кикаха направился было к гробу, чтобы обследовать его, как вдруг Анана воскликнула по-тоански:

— Элиниттрия!

Кикаха обернулся и успел уловить последние две секунды очередной картинки. На ней была часть гигантской усыпальницы с гробом, а рядом стояли они с Ананой, глядя перед собой и немного вверх.

— Мы! — воскликнул Кикаха.

Анана помолчала немного и произнесла:

— В общем, удивляться нечему. Раз наблюдение идет за многими вселенными и мирами, естественно, что склеп тоже просматривается. Наблюдатели, кем бы они ни были, уже определенно знают, что сюда кто-то проник. Мы вторглись в гробницу незваными.

— Но пока против нас не приняли никаких мер.

— Вот именно, что пока.

— Следи за изображениями, — сказал Кикаха.

Он подошел к гробу и ощупал весь круглый постамент, но не нашел никаких выступов или впадин. Управляющие ме-

ханизмы, если таковые имелись, не были скрыты в постаменте.

Кикаха попробовал снять гроб с колонны, но тот не поддавался.

Тогда Кикаха принялся обследовать стены. Целый час он бродил, разглядывая все, что можно было разглядеть. Он даже давил на картинки руками, чтобы убедиться, что за ними не скрывается панель управления. Кикаха надеялся, что при нажатии на стену часть ее может отойти, открыв потайной выход. Но надежды его не сбылись. Что ж, это было логично, но попробовать все равно стоило. Если в усыпальнице и находился какой-то центр управления, то он был невидим. И недоступен.

А между тем скрытые мониторы наверняка следили за его действиями.

Эта мысль вызвала за собой другую. Как же все-таки мониторы ухитряются следить за таким множеством вселенных? Земная техника, да и техника властителей на такое не способна. «Камеры», снимающие бесчисленные миры, должны быть недоступны для обнаружения. Какие-то особые постоянные магнитные поля? И они передают картинки через какие-то особые врата в усыпальницу?

Если все эти изображения сохраняются в некоем архиве, то он должен занимать исполинскую площадь. Может, он скрыт внутри планеты?

На все эти вопросы просто не было ответа.

Но какой-то смысл в таких наблюдениях все-таки должен быть!

— Кикаха! — позвала Анана.

Он подбежал к ней:

— Что?

— Тот человек — ну, помнишь, в одеянии землян-европейцев конца восемнадцатого или начала девятнадцатого века! — сказала она возбужденно. — Человек, которого мы видели в летающем замке Лавалитового мира. Я только что заметила его!

— А где он был — заметила?

Анана покачала головой:

— Знаю только, что не в здании. Он шел лесом. Но такие деревья могут расти и на Земле, и в Многоярусном мире, и на сотне других планет. Ни зверей, ни птиц я не видела.

— «Все страньше и страньше»*, — сказал по-английски Кикаха. — Он снова посмотрел вокруг и добавил: — Не

---

* Цитата из «Алисы в Стране Чудес» Л. Кэрролла. *(Пер. Н. Демуровой.)*

думаю, чтобы нам удалось разузнать здесь что-либо еще. Мы не можем без конца сидеть и ждать, надеясь, что мелькнет изображение Рыжего Орка, или незнакомца в старинном костюме, или — хотя видит Бог, как бы мне этого хотелось! — Вольфа с Хрисеидой.

— И все же хорошо бы запомнить дорогу и когда-нибудь вернуться сюда.

— Мы вернемся. А теперь пора уходить. Мне не очень-то улыбается перспектива снова очутиться в башне, но у нас нет выбора.

Они подошли к стене, где находились невидимые врата. Кикаха поднес к губам рог и затрубил. Воздух замерцал, и перед ними появилась каменная башня, где они недавно были. Анана шагнула через врата, Кикаха — за ней. Но он обернулся, чтобы бросить последний взгляд на усыпальницу.

И вдруг увидел, что куб засиял множеством лучей разных цветов и оттенков. Они вспыхивали, гасли и в мгновение ока сменялись новыми. Труп, окутанный оранжевым сиянием, начал медленно погружаться на дно куба.

— Погоди! — крикнул Кикаха.

Но склеп уже скрылся из виду. Кикаха успел лишь заметить, как крышка куба приподнялась.

Кикаха не стал объяснять Анане, зачем он снова трубит в рог. Однако на сей раз вход в гигантскую гробницу не открылся. Их перенесло совсем в другое место.

Кикаха был в отчаянии. Видно, не судьба им вернуться когда-нибудь в усыпальницу.

Он машинально трубил снова и снова, но их все несло и несло по цепи. Через какое-то время они очутились на цветущей равнине с травой по колено. Далеко впереди темнела кромка леса, за ней вздымалась каменная стена — такая высокая, что вершины ее не было видно. Стена тянулась вправо и влево насколько хватало глаз. В ярко-зеленом небе сияло желтое солнце, такое же яркое, как на Земле.

Им надо было выбежать из зоны действия врат, пока те не понесли их снова по кругу. Кикаха с Ананой подпрыгнули, как два зайца, напуганные койотом, и рванули вперед. Они сразу поняли, на какой планете находятся.

А находились они на планете, именуемой Алофметбин, что в переводе означает «Многоярусный мир». Эту планету Кикаха любил больше всех. Широкая каменная стена вдали представляла собой один из пяти колоссальных монолитов, из которых состоял Многоярусный мир, созданный в виде Вавилонской башни. Кикаха с Ананой находились на одном из монолитов, хотя и не знали каком.

Когда они остановились, Анана спросила:

— Тебе не кажется, что врата дали нам подозрительно много времени? Нам удалось от них удрать, а ведь такого раньше не бывало.

— Я думал об этом, — сказал Кикаха. — Но мы не сможем узнать наверняка. И все же ты права: похоже, будто поезд, следующий без остановок, притормозил немного, чтобы дать нам спрыгнуть.

Она кивнула. Лицо ее было угрюмо.

— Боюсь, кое-кто специально это подстроил.

— Рыжий Орк!

ГЛАВА 4

— Очень даже возможно, — сказала Анана. — Он вполне мог создать эту цепь, чтобы ловить в нее своих многочисленных врагов. Не исключено, что он сделал это задолго до того, как мы с тобой появились на сцене. Быть может, нам удалось проскользнуть в аварийный выход, который он устроил для себя лично.

— Все может быть. Как говаривала ваша тоанская мыслительница Манату Ворсион, «порядок складывается из беспорядка, а в беспорядке есть свой собственный порядок», что бы ни означало сие выражение. Но в любом случае подозрительно мне все это.

— Да ты всегда был подозрительным, разве нет?

— Когда жил на Земле, не был. Там я был всего лишь осмотрительным. Но события, происходившие здесь после моего появления, заставили меня подозревать всех и каждого, за исключением нескольких человек, и просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед. Хочешь долго жить — гляди в оба. Это не паранойя. Параноики не просто подозрительны: они принимают за действительность то, что на самом деле существует лишь в их расстроенном мозгу. Опасности же, которые я подозреваю, реальны или могли быть реальными.

— Почти все властители параноики. Паранойя — одна из глубинных составляющих нашей культуры. Большинство тоанов не доверяют никому, кроме самих себя.

— Ну что ж, давай углубимся в страну Паранойю, — со смехом предложил Кикаха.

Они пошли по равнине, бдительно следя за птицами, то и дело поглядывая в небо, внимательно рассматривая траву впереди и оборачиваясь назад. В траве могли прятаться змеи или большие хищники. В небе тоже мог появиться кто-нибудь опасный. Но в течение первого часа на глаза им попадались

только мошки в траве да стада четырехрогих антилоп и слонов с четырьмя бивнями, которые паслись поодаль.

А потом в зеленом небе появилась черная точка. Она возникла сзади, но Анана, постоянно оглядывавшаяся через плечо, заметила ее. Несколько минут спустя точка снизилась и приобрела очертания ворона. Ниже он не опустился, но продолжал лететь в том же направлении, что и путники. Глядя, как он описывает круги и постоянно возвращается, Анана с Кикахой заподозрили, что он их преследует.

— Возможно, это один из тех гигантских говорящих воронов, которых Ваннакс создал в своей лаборатории, чтобы они шпионили и доносили ему, пока он был властителем Многоярусного мира. Мне все больше и больше кажется, что Рыжий Орк следит за нами, — сказал Кикаха.

— А может, кто-то другой.

— Я лично ставлю на Орка.

Они остановились, решив немного передохнуть. Трава здесь была по колено, с голубыми стеблями и малиновыми метелками.

— А может, это и вовсе робот, замаскированный под птицу, — предположил Кикаха. — Правда, тогда им должен управлять властитель, а это маловероятно.

— По-моему, мы только и делаем, что сталкиваемся с маловероятным.

— Похоже на то. Хотя и не всегда.

Кикаха лежал на спине, положив под голову руки, и смотрел в темные загадочные небеса. Анана полулежа облокотилась на одну руку и запрокинула голову, наблюдая за птицей или роботом.

— Восьмерка, которую ворон описывает сейчас в небе, — проговорил Кикаха, — отсюда выглядит лежащей на боку. Похоже на символ бесконечности — одно из немногих воспоминаний, сохранившихся у меня от колледжа, то есть от лекций нашего преподавателя по математике. Который я так и не закончил. Колледж, я имею в виду.

— Тоанский символ бесконечности — это прямая линия со стрелками на обоих концах, — сказала Анана. — А линия, закрученная в штопор, обозначает время.

— Я знаю.

Воспоминания о Земле проносились перед мысленным взором Кикахи, словно разноцветные призраки. В 1946 году, двадцати восьми лет от роду, он, ветеран второй мировой войны, поступил в колледж за счет армии. И оттуда его зашвырнуло в другую вселенную, хотя и не совсем против

воли. В этой искусственной вселенной, созданной властителем, была только одна многоярусная планета. Алофметбин.

Как он выяснил впоследствии, вселенная была всего лишь одной из тысяч, созданных древними тоанами — людьми, отрицавшими, что они люди. Здесь, в Многоярусном мире, Пол Янус Финнеган, любитель приключений из штата Индиана, стал Кикахой Хитроумным.

И здесь он постоянно то убегал от врагов, то нападал на них, пребывая в вечном движении, если не считать редких периодов перемирия. Зато в эти сравнительно недолгие периоды он, как правило, успевал взять в жены очередную дочь какого-нибудь племенного вождя на своем любимом ярусе — втором, который он называл Американдией.

Или же завязать любовную интрижку с женой либо дочерью какого-нибудь барона с третьего яруса, прозванного им Дракландией.

Он оставил за собой целый шлейф из женщин, которые тосковали по нему, пока не влюблялись в кого-нибудь другого. За ним тянулся также целый шлейф из трупов. Плоды, так сказать, пробуждения Финнегана.

На Землю он вернулся только в 1970 году, и то ненадолго. Родился он в 1918 году, то есть на Земле в семидесятом ему было года пятьдесят два или пятьдесят три. Но, слава всем богам, какие есть на свете, он выглядел и чувствовал себя на двадцать пять. Что было бы, останься он на Земле? Возможно, он получил бы степень доктора антропологии и был бы специалистом по языкам американских индейцев. А может, стал бы преподавателем. Да только разве сумел бы он вынести все эти будни — лекции, публикации, университетские сплетни и дрязги, бесчисленные скучные конференции и стычки с администрацией, не считавшей преподавателей за людей?

Конечно, он мог бы уехать на Аляску, которая была в 1946 году своего рода рубежом, и стать там пилотом. Но и такая жизнь со временем наверняка приелась бы.

Возможно, под старость ему удалось бы обзавестись мастерской по ремонту и продаже мотоциклов где-нибудь в Индианаполисе. Нет, он не вынес бы повседневной рутины, беспокойства о налогах и мертвящей скуки.

Кем бы ни стал он на Земле, там он не мог и мечтать о такой кипучей, хотя и опасной жизни, полной экзотических приключений, какую он прожил за это время в тоанских вселенных.

Прекрасная женщина, лежащая рядом — нет, не женщина, а богиня, как сказал бы поэт, — прожила уже много тысяче-

летий. Но химические «эликсиры» властителей помогали ей оставаться двадцатипятилетней.

— Мы почему-то сразу решили, что ворон послан нашим врагом, — сказала между тем Анана. — Но, возможно, его послал за нами Вольф. Они с Хрисеидой могли убежать из тюрьмы Рыжего Орка и добраться до дворца на верхнем ярусе, а затем послать Око Властителя, чтобы ворон проследил за нами.

— Да, я знаю.

— Сдается мне, мы с тобой слишком часто говорим «я знаю».

— Возможно, нам пора отдохнуть друг от друга.

— Это не поможет, — сказала она. И, глядя на него искоса, лукаво добавила: — Я знаю.

Она залилась смехом, упала Кикахе на грудь и страстно его поцеловала.

Он ответил на поцелуй не менее страстно. Но не мог отрешиться от мысли о том, что они чересчур долго были изолированы от других людей. Им нужно чье-то общество — хотя бы иногда, чтобы не приходилось постоянно тереться друг о друга.

Замечание Ананы насчет «я знаю» было вызвано, скорее всего, печалью, рожденной предвидением, основанным на предыдущем опыте. Она, прожившая не одно тысячелетие, была куда опытнее Кикахи. Она жила с сотнями властителей, и у нее было несколько детей. Самый долгий срок, проведенный ею с одним и тем же мужчиной, составлял около пятидесяти лет.

— Это почти предел для преданной друг другу пары, если не стареешь, — заметила Анана. — Властители не обладают таким терпением, какое присуще вам, леблябиям, — и я употребляю это слово вовсе не в уничижительном смысле. Но в некоторых отношениях мы различны.

— И все же многие пары тысячелетиями жили вместе, — возразил он.

— Не беспрерывно.

Анана не наскучила Кикахе, и он не пресытился ею. Как, похоже, и она им. Но, имея за плечами такой богатый опыт, она не могла не принимать его во внимание. Она знала, что настанет время, когда им придется расстаться. Может, не навсегда, но надолго.

Однако Кикаха не хотел сейчас об этом думать. Когда наступит срок, он что-нибудь сообразит Правда, что именно — он не знал.

Кикаха поднялся, выпил воды из фляги, сделанной из оленьей кожи, и сказал:

— Если бы Око послал Вольф, он велел бы ворону сообщить нам об этом. А также указал бы нам ближайший путь к нему самому, где бы он ни находился. Так что Вольф его послать никак не мог. — Он помолчал немного и предложил: — Если хочешь, отправимся дальше.

Именно предложил, а не скомандовал. Анана вставала на дыбы при малейшем намеке на командный тон. В конце концов, хоть и более чуткая и чувствительная, нежели большинство ее сородичей, она все-таки была властительницей.

— Пора.

Они надели рюкзаки и колчаны и пошли дальше. Посреди монолита, который вздымался ввысь на многие тысячи миль, очевидно, находился ярус под названием Атлантида. А на вершине монолита, возвышавшегося в центре Атлантиды — куда более узкого и низкого по сравнению с другими монолитами, — стоял дворец, построенный Вольфом.

Часа три они брели по направлению к лесу. До кромки леса оставалось еще около часа ходьбы. Кикаха прибавил шагу. Анана не спрашивала, куда он так торопится. Она знала, что ему не нравится долго находиться на равнине: он чувствовал себя чересчур уязвимым.

Минут через десять Кикаха нарушил молчание:

— У меня такое подозрение, что никто до нас не входил в ту гробницу. Никаких следов предыдущих вторжений там нет. А существо в гробу или те, кто его туда уложил, наверняка позаботились о надежной охране. Так почему же нам удалось пройти через те врата?

— А ты как думаешь?

— Есть какая-то причина, по которой нам, и только нам позволили войти туда. Ударение на «позволили». Но почему именно нам?

— Ты же не знаешь, были ли мы там первыми на самом деле. Как не знаешь и того, действительно ли нам «позволили» войти.

— Верно. Но даже если кто-то был там до нас, его посещение не вызвало поднятия крышки куба и — готов поспорить! — воскрешения чешуйчатого человека.

— Этого тоже ты не знаешь наверняка.

— Да, но мне кажется, что в гробницу можно проникнуть только с рогом Шамбаримена.

— Возможно, — улыбнулась Анана. — Хотя чешуйчатый, похоже, улегся в куб за эоны до того, как древний мастер

сделал рог. И, лежа в гробу, он не мог знать о том, что рог будет сделан и что семь нот откроют вход в гробницу.

— Почему ты в этом так уверена? А что, если в его время устройства, подобные рогу, были вполне доступны?

Анана рассмеялась:

— Никто не в силах предвидеть будущее. И потом, что особенного вызвало наше вторжение?

— Оно положило начало целой цепи событий — только начало. Что же до предвидения, то оно тут ни при чем. Возможно, все дело в вероятности. Не забудь, что гробница буквально напичкана устройствами, следящими за множеством вселенных. По-моему, какое-то вполне определенное событие должно было поднять чешуйчатого человека из гроба — и этим событием стал наш визит. А что будет дальше — не знаю.

— Вот именно, что не знаешь.

— О'кей, ты, наверное, права! — сказал Кикаха. — Но если прав окажусь я, ты принесешь мне свои извинения, оближешь мои ступни — помимо всего прочего — и станешь смиренной и послушной во веки веков, аминь.

— У тебя даже лицо покраснело! Ты злишься!

— Ты слишком скептична, слишком пресыщенна и слишком испорченна. И до безобразия уверена в себе.

— Посмотрим. Но если ты окажешься не прав, то можешь облобызать мои ступни.

Последние мили, отделявшие их от леса, они прошли молча. Однажды им пришлось свернуть в сторону, чтобы обогнуть стадо исполинских бизонов, и дважды они оборачивались назад. Ворон по-прежнему следовал за ними, хотя спустился гораздо ниже.

— Определенно Око Властителя, — заявил Кикаха.

— Я знаю. — Анана засмеялась и добавила: — Пора мне завязывать с этой фразой.

Они вошли под сень тысячефутовых деревьев, похожих на секвойю. Земля под ногами была устлана опавшей листвой. Это было странно, поскольку на планете не существовало смены времен года. Но когда Кикаха заметил несколько листьев, падающих с ветвей, он понял, что дерево сбрасывает старую листву, заменяя ее новой. Некоторые виды растений на Алофметбине так обновляли крону.

Подлесок был редким, хотя порой приходилось обходить колючие кусты. Множество маленьких голубоглазых существ, походивших на мохнатых бескрылых сов, наблюдало за путниками из зарослей ежевики.

Обезьяны, птицы, летающие и бесшумно скользящие млекопитающие кричали, ухали и чирикали в ветвях. Но с приближением людей наступала тишина, которая вновь нарушалась, когда они удалялись прочь.

Однажды горностай размером с горного льва выглянул из-за ствола и уставился на них, но не напал. Путники знали о присутствии хищника еще до его появления — обычный лесной шум и гам здесь стих уже до их приближения.

Кикаха с Ананой держали луки наготове. Невозможно было предвидеть, какой опасный зверь или человек попадется им в этом сумрачном и шумном месте. Они также расстегнули ремни на всех своих ножнах.

Пройдя около мили, они вышли на прогалину шириной футов в шестьдесят. Прогалину образовали две упавшие секвойи. Судя по тому, как сгнила древесина, упали они уже давно. Кикаха взглянул вверх и успел заметить ворона, прежде чем тот уселся на ветку дерева, росшего рядом с прогалиной. Большие листья плюща тут же скрыли птицу из виду.

— О'кей, — пробормотал Кикаха. — Теперь у меня не осталось никаких сомнений. Ворон впереди нас, хотя, возможно, сам об этом пока не знает. Он, наверное, прилетел сюда раньше и подстерегает нас, поскольку мы идем более или менее по прямой. Иначе я не представляю, как бы ему удалось не потерять нас в этой чащобе.

Поскольку ворон был размером с орла, он явно не мог перепархивать с ветки на ветку.

— Возможно, он знает, куда мы идем, — добавил Кикаха.

— Откуда, интересно? Мы сами не знаем, куда идем — вернее, знаем только общее направление. А лес здесь густой. Ворон не мог лететь за нами. А-а, поняла! Ворон следовал за тишиной вокруг нас.

Они отошли на несколько футов в тень.

— Давай посмотрим отсюда, — прошептал Кикаха.

Через некоторое время, как он и предполагал, большая черная птица слетела вниз и уселась на ветку лежащей на земле секвойи. Потом ворон спрыгнул на землю и, растопырив крылья, пошел прямо в ту сторону, где стояли Кикаха с Ананой, очевидно, пытаясь выяснить, куда они делись. Если он их не найдет, то спрячется и будет слушать шаги.

Но в данный момент ворон не мог ни увидеть их, ни учуять запах, поскольку не было ни ветерка. Кикахе с Ананой повезло, что они засекли птицу до того, как она их заметила.

Приложив палец к губам, Кикаха прошептал в самое ухо Ананы:

— У него зрение не хуже, чем у сокола, а слух как у собаки. Пошли. Не будем скрываться. Пускай следует за нами, а мы попробуем его словить.

— Если ворона послал властитель, значит, сам он находится в замке Вольфа.

— А если он там, то нам желательно не угодить в ловушку здесь.

— И не в одну ловушку.

Кикаха показал пальцем на громадную черную птицу и вновь прижал палец к губам. А потом специально наступил на сухую ветку. Услышав громкий треск, ворон стремительно развернулся и поспешно заковылял к низкорослому кустарнику, росшему с другой стороны от прогалины. Когда люди пройдут вперед, он, без сомнения, вернется на прогалину, чтобы взмыть с нее в воздух, словно со взлетной полосы. Но если ворон увидит, что люди идут медленно, он, возможно, последует за ними по земле. Хотя вороны не очень-то любят пеший способ передвижения.

Мысль о том, что ему удалось засечь людей, а самому остаться незамеченным, придаст ворону самонадеянности, которой ему и так не занимать. В этой вселенной, как и во многих других, самонадеянность частенько приводила к падению в лужу.

— Мы должны взять его живым, — сказал Кикаха.

— Я знаю.

— Бога ради! — воскликнул он по-английски. И тут же, заметив на ее лице лукавую улыбку, понял, что она просто поддразнивает его.

Путники медленно пересекли прогалину, посматривая по сторонам и то и дело оглядываясь назад. Если они не будут вести себя осторожно, ворон поймет, что его засекли и пытаются обвести вокруг пальца.

Особенно далеко огибать кустарник они тоже не стали, тихо пройдя мимо в нескольких футах. Кикаха мельком бросил в ту сторону взгляд, но ничего не увидел. При желании он мог внезапно броситься к кустам. Анана подбежала бы с другой стороны. Ворону пришлось бы взлететь, но он не успел бы так быстро расправить крылья — и спрятаться бы тоже не успел.

Анана не говорила ни слова. Она ждала, что предпримет Кикаха. Он прошел мимо куста и углубился в лес. Ему не было нужды говорить своей спутнице, чтобы она делала вид, будто они не заметили птицу. Пускай ворон крадется за ними. Со временем они выяснят, почему он преследует их.

Кикаха вдруг остановился, издав изумленное восклицание.

Анана заметила это, но не стала озираться по сторонам в надежде понять, что его так удивило. Глядя прямо перед собой, она тихо спросила:

— Что там?

— Хотел бы я знать, — ответил он. — Там, справа... Я видел только мельком... Что-то вроде человека, но не человек. То есть не совсем человек. Может, у меня галлюцинации? Но он — если это существо мужского пола — похож по очертаниям на очень крупного человека, хотя и сплошь заросшего шерстью. Только...

— Ну же! — не выдержала Анана через несколько секунд.

— Лицо у него какое-то... Не человечье. Что-то в нем было медвежье, клянусь. Я всю эту планету обошел вдоль и поперек, но никогда не встречал ничего подобного. Даже не слыхал о таком. Правда, планета не маленькая, поверхность суши у нее больше, чем у Земли. И все-таки странно, что никто не рассказывал мне о таком существе.

Анана посмотрела налево, потом направо.

— Я никого не вижу.

Кикаха отошел от ствола на полшага, а затем вернулся обратно.

— Давай-ка попробуем как ни в чем не бывало подойти к тому дереву.

Анана пошла в направлении, которое он указал ей кивком головы. Она, естественно, заметила, что гнездившиеся в кроне на высоте пятисот футов древесные животные настороженно затихли. Но, как и Кикаха, она считала, что тишина вызвана их собственным приближением.

Когда они прошли приблизительно сто футов, Кикаха воскликнул:

— Вот оно!

Это было одно из исполинских деревьев типа секвойи. Ствол у него блестел так, словно был выложен из кусочков слюды.

— Надеюсь, он там один, — пробормотал Кикаха.

Подняв лук со стрелой, он начал обходить гигантский ствол слева. Анана пошла справа. Если кто-то прятался за стволом, он неизбежно попал бы в клещи.

Однако, обойдя вокруг дерева, они встретили только друг друга. Хотя существо, замеченное Кикахой, вроде было без когтей, Кикаха посмотрел наверх. Но и там никто не прятался, к тому же даже белке не под силу было бы забраться на дерево с такой скоростью. Анана отступила назад, чтобы как следует осмотреть другую сторону ствола. Но дерево

было такое огромное, что часть его в любом случае оставалась вне поля зрения обоих. Попросив Анану не сходить с места и наблюдать, Кикаха обежал вокруг дерева, стараясь не упускать из виду верхние ветви. Но не заметил ни единого живого существа.

Вернувшись к Анане, он заметил:

— Вообще-то он слишком тяжелый, чтобы забраться на дерево, даже если у него когти длиною в фут. Но я хотел удостовериться.

Анана показала на кучи опавшей листвы на земле. Кикаха тоже смотрел на них, но листья были разбросаны совершенно беспорядочно, не давая понять, в каком направлении двигалось существо.

Кикаха принюхался. В стоячем воздухе слабо, но отчетливо чувствовался запах мускуса.

— Я тоже его учуяла, — сказала Анана. — Может, попробуем схватить ворона? Он наверняка знает, что это за зверь. Возможно, ворон на него работает. — Она помолчала и добавила: — Или же он работает на ворона.

— Давай отложим предположения на потом, когда поймаем ворона, ладно?

Они прибавили шагу, то и дело оглядываясь назад, но так и не увидели больше ни ворона, ни человека-медведя. Через несколько минут неожиданно потянуло дымком от костра. Они бесшумно двинулись в ту сторону, откуда доносился запах. Перешли вброд узкий ручеек — и услышали голоса. Они замедлили шаг, стараясь не наступать на сухие ветки. Голоса стали громче. Женские голоса — насколько Кикаха мог судить, разговаривали две женщины. Он махнул Анане, чтобы она зашла с противоположной стороны. Если он угодит в беду, она сумеет выручить его. Или наоборот.

Кикаха лег на землю и осторожно пополз вперед, стараясь не шуршать листвой. Оказавшись за большим кустом, росшим между двух массивных деревьев, он остановился. Выглянул из-за нижних ветвей куста и увидел маленькую полянку. Посреди полянки горел маленький костер, а над ним дымился маленький котелок, подвешенный за ручку к горизонтальной перекладине, которая покоилась на развилках двух сучьев, стоймя врытых в землю. Кикаха уловил запах вареного мяса.

Возле костра стояла блондинка — прекрасная, несмотря на растрепанные волосы и грязное лицо. Она говорила потоански. С другой стороны костра съежившись сидела рыжеволосая женщина. Она была так же красива, как и блондинка, хотя не менее растрепанна и грязна.

На обеих были одеяния по щиколотку длиной, напомнившие Кикахе иллюстрации с изображениями женщин Древней Греции. Тонкая, облегающая тело ткань казалась почти прозрачной. Когда-то туники были белыми, но теперь их разукрасили пятна крови и грязи, прилипшие колючки и головки чертополоха.

Поодаль от костра лежали два рюкзака и кучка тоанских одеял, тонких, словно бумага, но очень теплых. На одеяла были брошены три легких топорика, три тяжелых ножа и три лучемета, похожих на пистолеты, с круглыми насадками на концах стволов.

На другом краю полянки лежал разделанный олень. Над ним не вились мухи: на планете Алофметбин не водилось мух. Но черви и насекомые-падалееды уже кишели вокруг скелета.

Кикаха покачал головой. Женщины не очень-то осторожны, а следовательно, не очень умны, раз не держат оружие под рукой. Правда, не исключено, что это ловушка.

Он обернулся и посмотрел назад, потом на ветви дерева, но не увидел и не услышал ничего подозрительного. Хотя ворон, конечно, мог спрятаться в кроне над головой. Вновь повернувшись к женщинам, Кикаха замер, прислушиваясь и наблюдая.

На вид каждой было не больше двадцати пяти, хотя на самом деле им наверняка уже по нескольку тысячелетий. Они говорили на том же архаичном тоанском, на который переходила порой Анана, когда была взволнованна. Кикаха понимал все, что они говорили, за исключением некоторых слов и фраз.

— Долго нам в этом ужасном месте не протянуть, — сказала блондинка. — Мы должны найти врата.

— Ты уже тысячу раз повторяла это, Элет, — откликнулась рыжая. — Мне обрыдло слушать одно и то же.

— А мне обрыдло то, что я не слышала от тебя ни единого разумного слова, Она, — огрызнулась блондинка. — Ты даже подумать не хочешь о том, как нам найти врата!

— Меня сейчас стошнит от твоих идиотских придирок и воплей, — заявила Она.

— Ну так давай, блевани! — обозлилась Элет. — Все лучше, чем просто сидеть и стенать. От твоей блевотины вони в этой вонючей дыре не прибавится и не убавится. Правда, когда ты пердишь, то смердит даже здесь.

Рыжая встала и заглянула в котелок.

— Похоже, сварилось, хотя готовить я как не умела, так и не умею.

— А кто умеет? — проворчала Элет. — Стряпня — это занятие для рабов. Мы не обязаны уметь готовить.

— Во имя Шамбаримена! — воскликнула Она и так яростно тряхнула головой, что длинные рыжие локоны окутали плечи плащом. — Неужели мы не можем прекратить препираться по пустякам? Ничего себе, славная пара сестричек! Мы все-таки властительницы, не забывай, хотя сейчас ничем не лучше рабынь.

— По крайней мере, нам не нужно теперь волноваться, как бы не прибавить в весе, — сказала Элет и усмехнулась.

Рыжая злобно уставилась на нее.

— Я стараюсь быть беспечной, насколько могу, — заявила Элет. — Мы должны сохранять бодрость духа, иначе тоска совсем придавит нас к земле. И тогда мы умрем или превратимся в леблябби. А потом нас сожрет какой-нибудь зверь или, что еще хуже, захватят в плен и изнасилуют леблябби — и мы сотню лет будем женами тупых, невежественных, грязных, вонючих дикарей, которые вытирают пальцами сопли и бьют своих жен. Они станут нашими властителями.

— Да уж, ты всегда умела поднять мне настроение, — проворчала Она. — Да я лучше покончу с собой, чем покорюсь леблябби.

— Не стоит отчаиваться. Мы найдем врата, а потом отыщем Рыжего Орка и отомстим ему. Только убьем его не сразу — сначала хорошенечко помучаем. Я все думаю: хорошо бы съесть его яйца, как Рыжий Орк в свое время съел яйца своего отца. Но не сырыми, как это сделал он, — я испеку их и съем с гарниром.

— Кстати, о каннибализме, — сказала Она. — Не исключено, что нам придется прибегнуть к нему, прежде чем мы выберемся из этой передряги. Давай-ка решим заранее, кто будет едоком, а кто едой!

— Прекрати!

И обе сестрицы залились смехом.

Кикаха достаточно хорошо изучил властителей и не сомневался, что в шутке Оны есть изрядная доля правды. Если они начнут голодать, одна из сестричек без колебаний убьет и сожрет другую.

Он послушал их перепалку еще немного, но ничего интересного не услышал. Ему удалось установить лишь одно: что они очутились в бедственном положении из-за Рыжего Орка и что им удалось от него удрать с тем небольшим имуществом, которое лежало на полянке.

Женщины замолчали, сели возле котелка и опустили длинные ложки, грубо вырезанные из коры, в оленье варево.

В этот миг из кустов неожиданно вышла Анана, держа натянутый лук со стрелой.

— Привет, жестокосердые дщери Уризена и Ахании! — сказала она. — Ваша двоюродная сестра Анана пришла к вам с миром! Как вы попали сюда?

ГЛАВА 5

Обе женщины вскрикнули и подпрыгнули, точно наступили на кусачих муравьев. Рыжая, правда, быстро оправилась от изумления и метнулась к лучеметам, лежавшим на краю полянки. Но, пробежав пару шагов, остановилась и медленно подошла к Элет. До нее дошло, что она не успеет схватить оружие: стрела Ананы настигнет ее быстрее.

— Она Пекущая! — воззвала Анана к рыжеволосой. — Ты всегда была самой смышленой, хладнокровной и опасной в сражении. Как ты могла сделать такую глупость и не оставить под рукой оружие?

— Я слишком устала, — нахмурясь, ответила Она.

Анана обратилась к блондинке:

— Элет Мелющая, известная также как Элет Воительница! Ты всегда была мозговым центром всех операций, а потому вдвойне опасной!

Щеки у блондинки чуть порозовели, она улыбнулась и поклонилась Анане:

— Но не такой опасной, как ты, Анана Светлая, Анана Охотница!

— Ты, Она, как и твои сестры, Элет Мелющая и Увет Месящая, ныне покойная, раньше звались мягкосердечными дочерьми Ахании, — сказала Анана. — А теперь вас прозвали жестокосердыми. Но ты, Она, ты же была самой доброй и нежной из трех!

— Это было давно, Анана, — ответила Она.

— Ваш отец, Уризен Холодный, превратил вас из трех котят в разъяренных тигриц, — продолжала Анана. — Ваша ненависть к нему общеизвестна. — Она помолчала немного и спросила: — Вы знаете, что он умер?

— До нас доходили такие слухи, — с каменным выражением лица произнесла Элет. — Но мы не знали, можно ли им верить.

— Мы и сейчас не знаем, — вмешалась Она. — Твои слова еще не доказательство. Но если ты сказала правду, мы рады.

— Жаль только, что смерть он принял не от наших рук, — сказала Элет.

Пока они разговаривали, Кикаха тихонько прополз вокруг полянки, чтобы убедиться, что больше никто не наблюдает за сценой. Ему не удалось заметить ни ворона, ни человека-медведя. И, похоже, в засаде тоже никто не лежал.

Увидев, как он выходит из кустов, сестрицы вздрогнули, но не сильно. Они подозревали, что Анана здесь не одна.

— Кто это, Анана? — спросила Элет.

— Вы слыхали о Кикахе, верно? О Кикахе Хитроумном, убившем многих властителей, о человеке, который расправился с последним из Черных Звонарей? Вы также наверняка слыхали пророчество древнего Шамбаримена о том, что леблябби победит властителей. Говорят, это пророчество относится к Кикахе.

Элет закусила губу.

— Да, до нас доходили слухи о леблябби, которому пока что сильно везло. Мы также слышали о том, что он твой любовник.

— Он леблябби, — весело согласилась Анана, — и он такой любовник, о каком вы можете только мечтать.

— Благодарю, — широко усмехнувшись, промолвил Кикаха.

— Ты убил нашего отца? — спросила у него Элет. Судя по ее тону, она не очень-то поверила Анане.

— Нет, — сказал Кикаха. — Хотя и жалею об этом. Его убил Ядавин — властитель, известный также под именем Вольфа.

— Он убил Уризена у тебя на глазах?

— Нет. Но Ядавин сказал мне, что убил его, а Ядавин никогда не лжет. По крайней мере, мне.

Анана отогнала сестер на край полянки как можно дальше от оружия и приказала им сесть. Обыскивать их она не стала. Их прозрачные туники убедительно свидетельствовали о том, что под ними ничего опасного не спрятано.

— Мы помираем с голоду, — заявила Элет. — И как раз собирались поесть супа. Вернее, бульона.

Кикаха заглянул в котелок.

— Одно только мясо. Очень вредно для здоровья. Почему вы не положили туда овощей?

— Мы не знаем, какие из них съедобны, а какие ядовиты, — пояснила Элет.

— Но все тоаны, будь то мужчины или женщины, проходят курсы выживания, — сказал Кикаха. — Вы должны бы знать, что...

— Мы не знаем этой планеты, — оборвала его Она.

— Можете встать и поесть, — разрешила Анана. — На ужин мы приготовим что-нибудь повкуснее. Если, конечно,

останемся с вами. А это зависит от того, насколько вы будете откровенны и правдивы. Я услышала достаточно, чтобы понять, что здесь вы очутились из-за Рыжего Орка. Расскажите...

— Рыжий Орк! — со злостью выпалила Элет и сплюнула на землю. — Вот по ком могила плачет!

— Только после хорошей пытки! — добавила Она. — Он убил Увет несколько лет тому назад и недавно чуть было не убил нас тоже. Из-за него мы прозябаем в этом мерзком захолустье.

Анана дала им возможность пофантазировать немного о том, что они сделают с Орком, когда поймают его, а потом прервала их мечты:

— Расскажите, как вы сюда попали.

Сестры склонились над котелком. Первой начала рассказывать Элет. Пока сестра говорила, Она ела; потом они поменялись ролями. Убежав — уже не в первый раз — от Рыжего Орка, они захватили вселенную Нитарм, где надеялись найти убежище. Слово «захватили» было всего лишь эвфемизмом, означавшим, что они убили властителя Нитарма и всю его семью. Поскольку в захваченном мире не было тоанов мужского пола, сестры предавались любовным утехам с леблябиями. Этика властителей вполне допускала это, поскольку любовники по-прежнему оставались рабами и быстро сменяли один другого.

Они были счастливы там, рассказывали сестры. Счастье их омрачалось лишь сожалением о том, что им не удалось найти и убить отца. Но Рыжий Орк как-то сумел проскользнуть через ловушки, установленные сестрами на двух вратах, ведущих в их мир. Он застал сестриц врасплох, несмотря на все системы безопасности.

Тут Элет прервала рассказ Оны:

— Я сто раз ей говорила: закроем врата и останемся там навечно! Тогда ни один властитель не смог бы к нам прорваться.

— Да, говорила, трусливая ты шлюшка-соплюшка! — взъярилась Она. — Только как бы мы сами пробрались тогда в другие миры, чтобы убедиться в гибели нашего папеньки?

— Кончай обзываться, жопа с ручкой! — завопила Элет.

Рассказ их затянулся и порядком уже наскучил Кикахе. Но он не прерывал сестер: возможно, в их взаимных нападках прозвучит нечто такое, что можно будет потом использовать против них.

Рыжий Орк убил бы их, не посчастливься им оказаться возле врат, ведущих в другой мир. Они схватили оружие, какое было под рукой, и бежали. Пройдя через цепь врат,

сестры очутились на одном из уровней Многоярусного мира. С тех пор они влачат тут жалкое существование и пытаются отыскать врата, которые приведут их не на другую планету, а в замок на вершине верхнего монолита Многоярусного мира. Замок, как им известно, принадлежал когда-то Ядавину, потом Ваннаксу, а потом опять Ядавину. Этот замок — настоящая крепость, и они слыхали, будто никто из властителей там сейчас не живет. Таким образом, они собирались стать здешними властительницами.

Их рассказ мог быть правдивым, но тогда получалось, что они какие-то глупые неумехи. В это Кикаха не верил, хотя, с другой стороны, Рыжий Орк был способен обвести вокруг пальца самых искусных врагов.

— Как я понимаю, вы будете не прочь присоединиться к нам и сражаться против Рыжего Орка вместе? — спросила Анана.

Сестры с воодушевлением согласились.

— А на кой они нам сдались? — громко сказал Кикаха. — От них никакого проку! Только лишняя обуза, вот и все.

— Ты ошибаешься, — возразила Она. — Тебе нужна информация, а мы знаем о Рыжем Орке гораздо больше твоего.

Анана, разгадав маневр Кикахи, поддержала Ону:

— Она права, Кикаха. Мои двоюродные сестры наверняка знают о здешних вратах и крепостях больше нашего. Разве не так, дщери Уризена?

— Именно так! — воскликнули сестры в один голос.

— Ну ладно, — сказал Кикаха. — Но отныне все мы — отряд, и я в нем командир. Мои приказы должны исполняться сразу и беспрекословно. Я имею в виду — если ситуация потребует немедленных действий. Если нет, я согласен выслушать любое предложение.

Блондинка бросила на Анану хмурый взгляд:

— Он же леблябби!

Анана пожала плечами:

— Мы с ним подкинули плоский камушек, помеченный с одной стороны, и Кикаха выиграл. А до того мы договорились: кто выиграет, тот и будет командиром. В экстренных ситуациях вы обязаны будете подчиняться ему, ни о чем не спрашивая.

Да, он леблябби, это ты верно подметила. Ну так что с того? Среди тоанов я таких мужчин не встречала. Вы обе должны отрешиться от своего нелепого представления о леблябби как о существах низшего класса. Это просто глупость! К тому же опасная, ибо она заставляет властителей недооценивать своих противников. Когда очередной власти-

тель отдавал концы, до него наконец доходило, насколько он был не прав. Во всяком случае, по отношению к Кикахе.

Элет и Она промолчали, однако недоверчиво скривились.

— Поживете — сами увидите, — рассудила Анана.

Когда она забрала у сестер лучевики, те запротестовали:

— Как же мы сможем защитить себя?

— Вы получите их назад только тогда, когда мы решим, что вам можно доверять на все сто процентов, — заявил Кикаха. — А пока обойдетесь топориками, копьями и стрелами. Сегодня мы здесь заночуем, а с утра тронемся в путь вон туда. — Он махнул рукой на запад.

— Почему именно туда? — спросила Элет. — Ты уверен, что это правильное направление? Что, если...

— У меня есть свои причины, — оборвал ее Кикаха. — Вы о них узнаете, когда придем на место.

Он собирался отправиться к вратам, которые вывели бы их во дворец. Добираться туда нужно было несколько дней, и, возможно, еще несколько дней уйдет на поиски врат. Территория, где они могли находиться, была огромной, а точного их местоположения Кикаха не знал. Но за время путешествия они с Ананой поймут, можно ли верить сестрицам. В противном случае сестры умрут. Хотя не исключено, что умрут не они, а Кикаха с Ананой, но это, по мнению Кикахи, было маловероятно.

Вечером все улеглись вокруг костра. Сестры хорошо поужинали, по крайней мере лучше, чем прежде. Кикаха принес из лесу множество съедобных растений и подстрелил большую обезьяну, которую зажарили на вертеле.

Сестры простирнули свои туники в ручейке и даже немного сполоснулись, хотя и ворчали, что вода очень холодная. Туники, развешанные на сучках, воткнутых в землю возле костра, быстро высохли. Когда пришла пора ложиться спать, Кикаха первым заступил на вахту. Сестры спали у костра, укрывшись своими тонкими, но теплыми одеялами. Анана, завернувшись в одеяло и подложив под голову рюкзак, легла поближе к краю полянки. Кикаха постоял у противоположного края, а потом зашел в лес и прочесал окрестности вокруг полянки, сунув два лучевика за пояс и сжимая третий в руке.

Он высматривал крупных хищников, в числе которых могло оказаться и то громадное мохнатое существо, которое он видел мельком. Кроме того, Кикаха поглядывал в сторону сестер. Если они собираются напасть, то могут попытаться сделать это ночью. Однако ни одна из них не шелохнулась — ни во время его дежурства, ни во время дежурства Ананы.

Утром, когда дочери Уризена выразили желание вместе покинуть лагерь, чтобы опорожнить в лесу мочевые пузыри,

Кикаха велел им идти по очереди. Наблюдать за ними двоими тайком было бы невозможно. Кикаха хотел проследить за ними поодиночке. Если где-то поблизости слоняется их сообщник, то он — или она, или оно — мог вступить с одной из сестер в контакт. Кикаха наблюдал за каждой из них, спрятавшись за кустами.

К Элет никто не подошел, пока она была в лесу. Но когда на корточки присела Она, из-за громадного дерева, ковыляя, вынырнул ворон. И не просто ворон, а тот самый, что преследовал их с Ананой. Кикаха увидел, как большая птица бесшумно подошла к Оне и встала перед ней. Женщина, похоже, не удивилась.

Они коротко и тихо поговорили друг с другом. Кикаха сидел слишком далеко и не слышал слов. Но ему и так все стало ясно. Заговор был налицо. Неизвестно только, кто вовлечен в него, кроме сестриц и ворона?

Когда птица скрылась в лесу, а Она отправилась в лагерь, Кикаха последовал за вороном. Тот прошел меньше мили и наконец доковылял до прогалины, где мог расправить крылья и улететь. Тогда Кикаха углубился в чащу и собрал еще растений, а заодно поймал нескольких гигантских насекомых, совершенно изумительных на вкус. Он испытывал какое-то извращенное удовольствие, настаивая, чтобы сестры попробовали угощение.

— В них есть жизненно важные вещества, которых нет в здешних растениях, — убеждал он. — Поверьте мне, я знаю.

— Ты же не собираешься нас отравить, верно? — спросила Элет.

— Дурочка! Если бы он хотел нас убить, то выбрал бы другой способ, — заявила ее сестра.

— Не знаю, не знаю, — усмехнулся Кикаха.

— Ты дьявол! — сказала Элет. — При одной только мысли о том, что ты мог это сделать, меня тошнит.

— Что ж, может, это к лучшему, — весело откликнулся Кикаха. — Тебе полезно прочистить желудок после вашей мясной диеты.

— Только не блюй в котелок, — хихикнула Она. — Я зверски проголодалась.

Кикаха не верил Оне ни на грош, но ему нравилась ее жизнерадостность.

Они пошли на запад, и по дороге Кикаха спросил у Элет, куда сестры направлялись, когда прошли через врата.

— Да в общем, никуда, — ответила она. — Конечно, мы во всю прыть умчались сначала из зоны действия врат, потому что Рыжий Орк мог преследовать нас. А потом побрели в сторону монолита. Если бы мы не нашли врат на этом

ярусе, то забрались бы на монолит, хотя такая перспектива нас не радовала. Он выглядит жутко высоким.

— Он и вправду высокий, — сказал Кикаха. — У него зубодробительное название — Дузвилнавава. И высота шестьдесят тысяч футов, если не больше. Но забраться туда можно, я сам это проделывал несколько раз. Его поверхность, которая выглядит такой гладкой на расстоянии, на самом деле изрыта пещерами и бесчисленными расщелинами. На уступах растут деревья и другие растения, а местами камень растрескался так, что буквально крошится под ногами. В пещерах, в норах и на карнизах обитают всякие хищники — змеи-многоножки, волки с огромными цепкими лапами, каменные обезьяны, гигантские птицы-топороклювы и ядовитые глотопады.

В общем, зверья там навалом. Но даже если бы вам удалось взобраться на плато, то пришлось бы протопать еще миль пятьсот по лесу, таящему всякие опасности, а потом по долине, населенной не менее опасными животными и людьми. И только тогда вы подошли бы к последнему монолиту, на вершине которого стоит замок Ядавина-Вольфа. Короче говоря, восхождение это трудное, и вряд ли вы сумели бы избежать многочисленных ловушек.

— Мы не знали подробностей, — сказала Элет, — но предполагали, что восхождение на монолит не сулит ничего приятного. Поэтому мы искали врата, хотя и не были уверены, что сможем распознать их, даже если увидим. Большинство врат замаскировано под валуны или что-нибудь в этом роде. Но есть ведь и незамаскированные. Никогда не знаешь — а вдруг повезет?

Во время совместного путешествия Кикаха еще ни разу не вытаскивал рог Шамбаримена из замшевого футляра. Если бы сестрицы прознали, что у него есть рог, они не задумываясь убили бы его с Ананой, чтобы завладеть сокровищем. Однако вскоре хочешь не хочешь, а придется воспользоваться рогом.

Раз в день, пока сестры отдыхали, Кикаха или Анана забирались на высокое дерево и осматривали окрестности. В основном они видели только качающиеся верхушки крон. Но вдалеке, ближе к монолиту, проглядывала трехглавая гора. Туда-то и держал путь Кикаха. У подножия горы был огромный валун в форме сердца, врытого острым концом глубоко в землю. Там находились врата, ведущие к вратам, которые переносили во дворец властителя Алофметбина. И хотя Кикаха позабыл кодовое слово, активирующее врата, у него был универсальный ключ — рог Шамбаримена.

Если ворон и продолжал преследовать их, то делал это осторожно, не попадаясь на глаза. И человек-медведь тоже как в воду канул. Возможно, встреча с ним была случайной, но Кикахе почему-то не верилось в это.

На следующий день, во время дневного привала, Кикаха пошел в лес отлить и задержался там, надеясь проследить за сестрами. Вскоре Элет тоже покинула лагерь, якобы по той же самой причине, но, вместо того чтобы присесть возле дерева, углубилась в чащу леса. Кикаха следовал за ней на расстоянии. Когда она остановилась на маленькой прогалинке, он спрятался за кустом.

Элет стояла в ореоле солнечных лучей, струящихся сквозь просветы между ветвями. Она выглядела преображенной, словно и вправду была богиней, какой себя воображала. Через пару минут из-за куста, ковыляя, вышел ворон. Кикаха осторожно подполз поближе, чтобы подслушать их разговор. Несколько минут спустя, описав полукруг, он остановился за громадным корневищем исполинского дерева.

— ...твердит, чтобы вы не поддавались искушению и не смели их убивать, пока он не найдет врата, — говорил ворон.

— И когда это будет? — спросила Элет.

— Он точно не сказал. Сказал только, что скоро.

— Что значит «скоро»? — разозлилась Элет. — Через день? Два? Неделю? Мы устали. Нам с сестрой необходима крыша над головой, тепло, чистая одежда, душ, хорошая еда, хорошая постель и множество леблябиев мужского пола!

— Я не знаю, что он подразумевает под словом «скоро», — заметил ворон. — Вы просто должны выполнять его распоряжения. Иначе...

— Да, я знаю. Конечно, мы будем покорны его воле. Можешь так и передать ему, если поддерживаешь с ним связь.

Ворон ничего не ответил.

— А где оромот? — спросила Элет.

Кикаха не знал, кто такой оромот. Надо будет спросить у Ананы, решил он.

— Оромот идет за вами ради вашей же безопасности. И вмешается только в том случае, если эти двое на вас нападут.

— Если такое случится, — сказала Элет, — оромот может и не успеть. Или как раз в этот момент отойдет в сторонку попи́сать.

Ворон издал хриплый кашляющий звук, словно пытаясь сымитировать человеческий смех. Отсмеявшись, он сказал:

— Ну что ж, вам придется пойти на риск. Иначе, если вы ослушаетесь, вам несдобровать. И не вздумайте предать его и перейти на сторону Кикахи с Ананой.

— Мне такое и в голову не приходило! — возмутилась Элет.

Ворон снова рассмеялся:

— Ну конечно! Хотя, стоит тебе решить, будто таким образом ты одолеешь его... Не забывай, какая участь вас обеих ожидает, если он узнает, что его предали!

— У тебя есть для меня еще какие-нибудь приказы? — холодно спросила Элет. — Если нет — убирайся отсюда прочь, вонючка в перьях!

— Приказов больше нет. Но не думай, что я забуду оскорбление. Я тебе отомщу!

— Ты, тупая скотина! Мы скоро слиняем с этой планеты — ищи-свищи нас тогда! А теперь пошел к чертовой матери!

— Вы, тоаны, тоже пахнете не больно-то приятно, — парировал ворон.

Он повернулся и скрылся в лесу. Элет рванулась было за ним, но потом повернула к лагерю. Как только Кикаха удостоверился, что она отошла, он тут же, согнувшись, бросился бежать по краю прогалинки. Потом замедлил шаг и пошел по прямой. Чуть погодя он заметил ворона. Тот вышел на большую прогалину, направляясь к упавшему дереву, чья крона лежала на траве, а половина ствола скрывалась в чаще меж других деревьев. Ворон взобрался на ствол, доковылял до верхушки и начал подниматься на ветку. Он явно собирался спрыгнуть с ее конца, вздымавшегося над землей футов на тридцать, и описать над прогалиной круг, чтобы разогнаться и взмыть над лесом.

Кикаха вытащил из кобуры лучемет. Оружие было настроено вполсилы. Как только ворон спрыгнул с ветки, Кикака прицелился и нажал на спуск. Розоватый узкий луч отсек ворону кусок правого крыла. Тот вскрикнул и упал.

Кикаха обежал вокруг дерева. Птица била крыльями по земле и верещала. Кикаха схватил ее за горло и слегка придушил. Когда трепыхания ворона заметно ослабли, Кикаха разжал пальцы. Ворон лежал на земле, судорожно хватая клювом воздух, задрав кверху лапы и устремив большие черные глаза на Кикаху. Если бы вороны умели бледнеть, он был бы сейчас белым как снег.

— Как тебя звать, пугало огородное? — резко спросил Кикаха, махнув лучеметом.

Ворон с трудом встал на лапы.

— Имя Стамун тебя устроит?

— Хорошее имя. Но я спрашивал о твоем, — сказал Кикаха. Он подошел поближе и ткнул стволом лучемета в

голову птицы. — Сейчас не время для шуток. Я теряю терпение.

Разговаривая, он не забывал посматривать по сторонам. Никогда не знаешь, кто может к тебе подкрасться.

— Уэйскам, — ответил ворон.

— Кто прислал приказ для Элет?

— Кар-р! — Кикаха перевел это как выражение удивления, смешанного со смущением. — Так ты подслушивал?

— Да, болван. Конечно, подслушивал.

— Если я скажу, ты сохранишь мне жизнь? И не будешь мучить?

— Я тебя отпущу, — пообещал Кикаха, — и даже пальцем не трону.

— Ты можешь замучить меня, не тронув пальцем, — возразил ворон.

— Я не стану причинять тебе боль, — сказал Кикаха. — В отличие от властителей, я не получаю удовольствия от пыток. Но если не заговоришь, пеняй на себя. Давай, я слушаю!

На самом деле ворон все равно был обречен: либо его убьют, либо он умрет от голода. С половиной крыла ему никогда не взлететь. Но птица до сих пор не оправилась от шока, и такая мысль, наверное, просто не пришла ей в голову.

А может быть, как и властители, ворон способен регенерировать ампутированные конечности?

Впрочем, это не имело значения. Ему все равно не прожить в лесу до тех пор, пока отрастет отрезанное крыло.

— Если я заговорю, ты возьмешь меня в свой лагерь и будешь ухаживать за мной, пока я снова не смогу летать. А потом отпустишь. Хотя моя жизнь недорого будет стоить, если Рыжий Орк узнает, что я его предал.

Ворон мыслил куда более здраво, чем ожидал Кикаха. А замечание о том, что со временем он снова сможет летать, доказывало, что Око Властителя умело регенерировать ткани.

— Обещаю, что позабочусь о тебе, — сказал Кикаха, — если расскажешь мне всю правду.

— А ты защитишь меня от жестокосердых дщерей Уризена? Эти сучки попытаются убить меня.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Кикаха.

— Большего я и не прошу. У тебя репутация хитроумного обманщика, но говорят, что слово твое твердо, как череп Кеткита.

Кикаха не понял, о ком речь, но смысл выражения был достаточно ясен.

— Говори! Но только по делу!

Уэйскам разинул клюв и издал хриплый каркающий звук. Краем глаза Кикаха уловил какое-то движение. Он прыгнул в сторону, одновременно развернувшись. Из лучемета вылетел розовый луч, но в цель не попал. Огромная лапа стремительно обрушилась на правое плечо Кикахи и сбила его с ног. Плечо пронзило болью. На секунду Кикаха почти лишился чувств.

Но подсознание не подвело, и он машинально откатился в сторону. Нападавший взревел громовым голосом. Прокатившись по земле несколько ярдов, Кикаха встал на одно колено. Противник стремительно кинулся к нему. Кикаха поднял лучемет. Удар лапы выбил из руки оружие; рука у Кикахи занемела. И в ту же секунду мохнатый великан набросился на него.

Острые зубы сомкнулись на плече Кикахи, не впиваясь, однако, в плоть слишком глубоко. Горячее дыхание обожгло ему шею, но запаха, свойственного плотоядным, он не уловил. Существо тут же разжало зубы и, подхватив Кикаху лапой промеж ног, с силой швырнуло.

Кикаха смутно ощущал, что летит по воздуху и что в паху жжет сильнее, чем в плече. Грянувшись оземь, он потерял сознание.

Сквозь медленно тающий туман проглянуло лицо Ананы — сначала смутное, как тень, а затем обретшее любимые и ясные черты, увенчанное блестящими черными кудрями. Анана с тревогой глядела на него и повторяла:

— Кикаха! Кикаха!

— Я здесь, — отозвался он. — Повержен, но не убит, как мне кажется.

Он попытался встать, но колени тотчас подогнулись. Кикаха сел на землю и огляделся вокруг. Великан, напавший на него, недвижно лежал на спине. Ворона не было видно.

— Ты подоспела вовремя, — сказал Кикаха. — Как ты здесь оказалась? Следила за мной?

Она облегченно вздохнула, но не улыбнулась.

— Ты отлучился по нужде — и пропал. Я почуяла что-то неладное. У меня в последнее время как-то обострился нюх на опасности. В общем, я пошла за тобой и увидела, как это чудовище отшвырнуло тебя, словно клочок бумажки. Тогда я его подстрелила.

Кикаха не стал упрекать ее за то, что она убила источник важной информации. У нее наверняка не было выбора.

— А птица?

— Я не видела никакой птицы. Ты имеешь в виду ворона?

Кикаха кивнул.

— Того самого, о котором я тебе говорил. Как мы и подозревали, сестрицы работают на Рыжего Орка. По собственной ли воле или по принуждению — этого я сказать не могу.

— Тогда Рыжий Орк наверняка знает, где мы!

ГЛАВА 6

— Вряд ли он знает точное место, — ответил Кикаха. — Не думаю, чтобы он следил за нами беспрерывно.

Он рассказал Анане о том, как подслушал разговор между Элет и вороном и как на него внезапно напал человек-медведь.

— Я рад, что ты оказалась здесь в критический момент. Хотя я и сам бы с ним справился.

— Ты такой скромный, что просто за душу берет, — улыбнулась она. — Посиди здесь, отдохни, а я пойду за вороном. Если поймаю, мы послушаем его историю.

— Больше двадцати минут на поиски не трать, ладно? Если не найдешь его за это время, значит, не найдешь вообще.

Перед уходом Анана сбегала к ближайшему ручейку и принесла полную флягу свежей воды. Омыла Кикахе раны, поднесла флягу к его губам, подождала, пока он напьется вволю, а потом встала.

— Ну вот. Это поддержит тебя немного.

Она коснулась своих губ большим и указательным пальцами, сложенными в овал, и выбросила вперед пальцы другой руки, послав ему таким образом воздушный поцелуй потоански, после чего скрылась за деревьями. Кикаха лежал, глядя в ясное зеленое небо. Чуть погодя он с трудом поднялся на ноги. Перед глазами все поплыло, но он не упал. Плечо ныло сильнее, чем промежность. Спина внизу одеревенела и грозила разболеться в ближайшем будущем. Из раны на плече понемножку сочилась кровь, кровоточили также более мелкие раны на животе и в паху.

Подойдя к трупу, Кикаха внимательно обследовал его — вернее, ее. Первым делом он заметил, что Анана попала лучом в лоб чуть повыше глаз. Хотя прицеливаться ей было некогда, она хладнокровно решила вышибить зверю мозги — и сделала это.

Существо было как минимум семи футов ростом и представляло собой гибрид женщины и медведя. Лицо — не сказать, чтобы медвежья морда, но челюсти вытянуты вперед, как у зверя. Высокий лоб намекал на развитый интеллект. Строение рта и зубов, однако, показывало, что их хозяйке с

трудом давалась человеческая речь. Могла ли она говорить или нет, но тоанский язык понимала наверняка.

И тут Кикахе смутно вспомнились легенды медвежьего народа — племени, обитавшего на втором ярусе, то есть в Америндии. До сих пор он считал эти сказания просто племенными мифами. В них говорилось о потомках брачного союза между Великим Медведем и обыкновенной девушкой. Люди медвежьего народа утверждали, что они, как и человек-медведь, тоже происходят от этой пары. Но на самом деле предки убитой великанши наверняка были созданы в лаборатории какого-нибудь властителя — хотя бы того же Ядавина, ставшего Вольфом на Земле-1.

На прогалине уже кишмя кишели жуки и муравьи, привлеченные запахом разлагающейся плоти. Кикаха, шатаясь, побрел к лесу и сел на краю прогалины, прислонясь спиной к огромному корневищу. Вскоре из лесу вышла Анана и настороженно огляделась. Видно было, что она готова нырнуть обратно в заросли при первых же признаках опасности.

Кикаха тихонечко свистнул, имитируя посвист маленьких древесных лемурчиков. Анана свистнула в ответ. Кикаха с усилием встал и подошел к ней.

— Ворон был уже мертв, когда я нашла его, — сказала она. — Его пожирала гигантская ласка.

Они поговорили несколько минут и, выработав план действий, повернули к лагерю. План Кикахи, намеревавшегося выбить из сестер признание о сговоре с Рыжим Орком, был отвергнут. Кикаха хотел было отрезать голову человеку-медведице и швырнуть ее сестрам под ноги, но потом согласился с Ананой, что лучше оставить сестриц в неведении. По крайней мере, до поры до времени.

По пути в лагерь они сочинили историю, объясняющую его раны. На него напал гигантский кот, сказал сестрам Кикаха, но ему удалось вырваться и убежать от зверя. Анана встретила его и помогла дойти до лагеря. Особо притворяться Кикахе не пришлось, и стонал он, лежа на земле, вполне натурально.

— Придется задержаться здесь, пока я встану на ноги, — заявил Кикаха.

Поверили ли сестры его рассказу — этого он понять не мог. Тоаны были настолько подозрительны по натуре, что с недоверием воспринимали даже самые простые и обычные утверждения.

Через два дня Кикаха уже вполне оправился. Как и все люди в тоанских вселенных, за исключением жителей двух

Земель, он обладал замечательными способностями самоисцеления. От ран остались лишь еле заметные шрамы, которые со временем должны были исчезнуть совсем. Правда, ел и пил в эти дни Кикаха за троих, поскольку быстрое исцеление требовало больше горючего.

Анана тем временем сопровождала сестер в лес каждый раз, когда они отлучались по нужде.

— Они явно пытаются вступить в контакт с вороном и не могут понять, почему он не появляется.

— Пускай поволнуются, — отозвался Кикаха.

— Их ссоры и перебранки действуют мне на нервы.

— Мне тоже. Они просто дети, которым по десять тысяч лет от роду. Ненавидят друг дружку, но не могут расстаться. Каждая из них, наверное, боится, что другая станет счастливой, если некому будет отравлять ей жизнь.

— Большинство тоанских пар похожи на них, — заметила Анана. — А земные пары?

— Увы, тоже. — Он помолчал немного и вдруг сказал: — Полагаю, ты знаешь, что они обе приглашали меня поваляться с ними в листве.

— Меня они тоже приглашали, — рассмеялась Анана.

Рано утром на третий день путники свернули лагерь и продолжили путь к трехглавой горе. Два дня спустя они вышли из леса. Им предстоял еще двухдневный переход по широкой равнине. Они пересекли ее без особых хлопот, если не считать пары нападений саблезубых тигров, питавшихся обычно мамонтами, и одной атаки, предпринятой шестью птицами-топороклювами. В конце концов отряд вышел к подножию горы Ригсурт.

— Здесь мы останемся на ночь, — проговорил Кикаха и, указав на середину крутой трехглавой горы, прибавил: — А завтра днем, если поторопимся, будем вон там.

Только он и Анана знали, что указывал он отнюдь не на то место, где были расположены врата. Кикаха редко открывал случайным попутчикам свои настоящие планы. Ловкость рук, склонность к запудриванию мозгов и изворотливость — таковы были черты личности, отмеченной печатью «КИКАХА».

— Врата находятся в большом валуне, похожем на сердце? — спросила Элет.

— А ты догадливая, — ответил Кикаха.

Залезая ночью под одеяло у самого выхода из маленькой пещеры, Анана сказала:

— Раз они считают, что так близко подобрались к вратам, то могут попытаться убить нас сегодня же ночью.

— Сомневаюсь. Сдается мне, у Рыжего Орка другие планы на наш счет. Хотя — чем черт не шутит? Я подежурю первым. — Он поцеловал Анану в губы. — Спокойной ночи.

Через пятнадцать минут он вылез из-под одеяла и подошел к мирно спящим сестрам. Потом взобрался на ближайший валун, закутался в одеяло и сел, глядя на костерок в пещере и трех уснувших женщин. Время от времени Кикаха обводил взглядом окрестности и напряженно прислушивался. Ниже по склону горы, футах в пятидесяти от пещеры, мелькнула чья-то громадная туша, и несколько камней с грохотом посыпались вниз. Потом с небес спланировала длиннокрылая птица — или летучее млекопитающее, — схватила пискнувшего зверька, и кромешная тьма тут же поглотила и хищника, и его добычу.

Ночные думы овладели Кикахой, накрыв его с головой большим черным парашютом.

Чаще всего в них мелькал образ Рыжего Орка.

Властитель заманивает их с Ананой в западню, думал Кикаха. Даже не подслушай он разговора Элет с вороном, он все равно был бы в этом уверен. До сих пор все шло по плану, придуманному властителем, в чем бы он ни заключался. То, что Рыжий Орк не пытался убить их с Ананой, означало, что властителю они нужны живыми. Он придумал для них что-то особенное. Нечто вроде изощренной физической пытки или длительного заточения с моральными пытками, или и то и другое вместе.

Кикаха припомнил, как они с Ананой скрывались в Лос-Анджелесе, а Орк со своими людьми пытался их поймать. Теперь, размышляя об этом, Кикаха решил, что люди властителя оказались подозрительно неумелыми исполнителями, а сам тоан — не слишком умелым организатором.

Или Рыжий Орк просто играл с ними в кошки-мышки?

Это было вполне возможно. Одно из правил, которым следовали властители в своих жестоких играх, гласило, что в любой ловушке нужно оставлять хотя бы одну лазейку. Естественно, если противнику достанет ловкости и сообразительности ею воспользоваться, не говоря уже о везении.

Лазейка была обычно столь ничтожна, что многие властители погибли при попытке пробраться в неприятельские вселенные через врата, снабженные ловушками. До сих пор Кикахе с Ананой везло. Не им, а их врагам пришлось удирать в свои крепости, а то и расставаться с жизнью.

Но, как казалось Кикахе, Рыжий Орк преследовал их пока далеко не в полную силу.

Впрочем, возможно, тоану вскоре надоест эта игра и он решит навсегда избавиться от своих заклятых врагов.

Кикаха был полон решимости этого не допустить.

Но Рыжий Орк наверняка придерживался иного мнения, и игнорировать его мнение Кикаха не мог. Из всех властителей Орк был самым опасным и самым удачливым. Никто из тоанов не мог похвастаться таким количеством захваченных вселенных и убитых врагов. Рыжий Орк наводил страх буквально на всех. Хотя в юности, по словам Ананы и других тоанов, он был чувствительным и любящим молодым человеком — по тоанским меркам, разумеется.

Несправедливое и жестокое обращение с ним Лоса, его отца, превратило Орка в беспощадного и мстительного злодея. По крайней мере, таково было общепринятое мнение. Но Кикаха считал, что перемена была вызвана генетической склонностью к насилию, присущей властителям. Как бы там ни было, Орк восстал против своего отца. После долгой борьбы, повлекшей за собой разрушение нескольких планет и вселенных, непокорный сын убил Лоса. На стороне Орка выступили тогда его мать Энитармон и племянница Вала. Кстати, подобные поступки отнюдь не были редкостью и не осуждались тоанской моралью.

Гораздо позже Энитармон погибла во время набега от руки некоей властительницы. Рыжий Орк выследил убийцу, взял ее в плен и замучил так жестоко, что даже тоаны, эти искусные заплечных дел мастера, были шокированы.

— А вскоре после этого — лет через тысячу примерно, то есть пятнадцать тысяч земных лет тому назад — Рыжий Орк стал тайным властителем обеих Земель, — сказала Анана. — Впрочем, это ты и сам знаешь.

— Да, я знаю, — ответил Кикаха. — Приблизительно в то же время Рыжий Орк создал вокруг двух Земель их вселенные.

— Так я тебе говорила, — отозвалась Анана, — и тогда я действительно верила, что вселенные сотворил Рыжий Орк и он же заселил обе планеты искусственно созданными людьми. Но теперь мне кажется, что я ошибалась. Видишь ли, существует предание, согласно которому обе Земли были созданы властителем по имени Орк. Однако это был не наш Рыжий Орк. Тот Орк одним из первых стал создавать карманные вселенные, а родился он за много тысячелетий до Рыжего Орка. Его убил кто-то из тоанов, и с той поры обе Земли довольно долго жили вообще без властителей. Затем их захватил некий

Трасса, но Рыжий Орк, родившийся гораздо позже первого Орка, убил его и стал властителем обеих Земель.

Кикаха, не долго думая, сделал вывод:

— Значит, Рыжего Орка стали принимать за первого Орка.

Анана кивнула:

— Вот именно. Что-то в этом роде. Прошло много тысячелетий; властители разных вселенных редко общались друг с другом и не вели никаких записей, так что со временем Рыжего Орка начали отождествлять с древним Орком. Ты же знаешь — Рыжий Орк доводится мне дядей, поскольку он брат моей матери, а Лос и Энитармон — мои дедушка с бабушкой. Ядавин, он же Вольф, мне наполовину брат...

— Ты меня уже запутала, — прервал ее Кикаха. — Лучше рассказывай дальше.

— Извини. Ну так вот, Рыжий Орк сейчас искренне верит в то, что именно он сотворил две последние вселенные, то есть вселенные Земли-1 и Земли-2. Он не совсем в своем уме, хотя это не мешает ему добиваться успеха. Вообще-то почти все властители немного тронутые. Такая длинная жизнь способна расшатать любой рассудок, кроме самого трезвого.

— Типа твоего, — ухмыльнулся Кикаха.

— Да. И если хочешь, я расскажу тебе, как я пришла к такому выводу.

— Что слишком долгая жизнь утомляет разум, и он убегает от реальности в мир иллюзий?

— Я так не говорила, — улыбнулась Анана, — хотя твое утверждение близко к истине. Однажды ночью, когда мы были на планете трехногих и ты спал как младенец, а меня замучила бессонница, я стала размышлять об Орке и Рыжем Орке. И докопалась до истины.

— Почему ты мне не рассказала об этом утром?

— Потому что той ночью на нас напало племя шлуков. Помнишь? Нам удалось прорваться, но мы бежали еще два дня без передыха, пока не удрали от этих трехногих каннибалов. У меня все тогда вылетело из головы. Скажи спасибо, что я сейчас об этом вспомнила. После прожитых тысячелетий в моей памяти, как и у всех тоанов, хранятся лишь самые важные воспоминания. Для подробностей просто не хватает места...

— Да, у струльдбругов незавидный жребий*, — сказал Кикаха по-английски.

---

* Струльдбруги — персонажи «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта, обреченные на бессмертие и страдавшие от него, поскольку они жили вечно и вечно пребывали в старческом маразме.

— Что?

— Да так, ничего. Значит, ты докопалась до истины, говоришь?

— Есть две версии насчет того, кто создал две Земли. Версия о первом Орке сейчас малоизвестна. Большинство людей верит, что Земли сотворил Рыжий Орк, тем более что он этого не отрицает. Но на самом деле он не мог их создать.

Она умолкла так надолго, что Кикаха не выдержал:

— Ну и?

— Я слышала от некоторых властителей, не настроенных враждебно по отношению к Орку, — правда, должна признать, таких не много, — одну историю. Вроде бы ее рассказывал сам Рыжий Орк, похваляясь перед своими многочисленными любовницами, хотя насчет своего прошлого он обычно не распространяется.

История восходит к тому времени, когда отец загнал Орка на Антему, или в Нежеланный мир. Лос думал, что Орк там погибнет, поскольку шансов выжить в этом мире очень мало, а найти в нем врата — еще меньше. Но даже если бы Орк нашел врата, они привели бы его на планету Зазеля, называемую также Пещерной планетой. А с нее и вовсе невозможно выбраться. Во всяком случае, так думал Лос.

Рыжий Орк нашел-таки врата и попал на планету Зазеля. По словам Орка, она представляла собой один огромный компьютер с бесчисленными пещерами и туннелями, поросшими зеленью и населенными зверьем. Зазель давно уже умер, но его искусственное творение заботилось о себе само. В конце концов Орку удалось уговорить компьютер, чтобы тот выпустил его через врата, о которых Лосу не было известно. Однако Рыжий Орк хотел вернуться на Пещерную планету еще раз, после того как убьет отца. Что потребовало нескольких тысячелетий — в общем, это была отдельная эпопея.

У моего дяди была веская причина стремиться обратно на Пещерную планету, ибо там, в памяти компьютера, хранятся данные о том, как построить машину творения-разрушения.

— Ого!

— Ты знаешь, о чем я говорю?

— Еще бы! — сказал Кикаха. — Древние властители пользовались такими машинами для создания искусственных вселенных. Но за долгие годы, а особенно за тысячелетия жестокой войны между властителями и Черными Звонарями, машины были уничтожены или потеряны. Информация о том, как их построить, тоже исчезла бесследно. Верно?

— Верно! Однако Рыжий Орк обнаружил, что данные до сих пор хранятся в памяти Пещерной планеты. В ту пору ему

было не до них, но он твердо вознамерился когда-нибудь вернуться и раздобыть информацию. К несчастью для него и к счастью для нас, вернуться ему не удалось. Компьютер, похоже, задраил врата. Рыжий Орк пытался найти лазейку и проникнуть туда, но его отвлекали войны с другими властителями, так что он не мог сосредоточиться на поисках. Хотя, как мне кажется, он почти уже сдался: слишком много попыток окончилось неудачей.

— Насколько я знаю Орка, он так быстро не сдастся, — заметил Кикаха.

Судя по всему, Рыжий Орк не жалел усилий на то, чтобы выследить Кикаху с Ананой. Гордость тоана была, несомненно, уязвлена тем, что эти двое скрывались от него столь долго и столь успешно. Он наверняка пришел в ярость, а гнев его был ужасен. Боже сохрани вас попасть под горячую руку властителя! Боже помилуй тех несчастных, которых он послал на поиски Кикахи с Ананой! Впрочем, все его приспешники были не без греха, и что бы ни случилось с ними, они это заслужили.

Орк наверняка знал о том, что два его злейших врага находились на планете вазиссов. Только не знал, где именно. Или знал?

На Земле он не терял своих противников из виду, зато вполне мог потерять их след, когда Кикаха с Ананой бежали в Лавалитовый мир. Возможно, он разыскивал их все пятнадцать лет, пока они скитались по планете трехногих.

Но чем еще занимался тоан эти пятнадцать лет? Скольких властителей успел он убить и сколько карманных вселенных присвоить?

Кем был тот загадочный англичанин в костюме начала девятнадцатого века, которого видели Кикаха с Ананой в воздушном замке Лавалитового мира?

И где обретаются сейчас Вольф с Хрисеидой?

Тут в памяти Кикахи всплыл древний Спящий с лицом насекомого. Вот уж действительно загадка из загадок! Почему он проснулся, как только непрошеные гости покинули его удивительную гробницу? И как вообще им удалось забрести в этот тщательно охраняемый склеп?

Кикаха не верил, что они «забрели» туда случайно и что пробуждение Спящего было всего лишь совпадением. Конечно, совпадения бывают, но в них, если копнуть поглубже, всегда можно найти связующие нити.

Анана пришла сменить его с дежурства. Они пошептались минут десять, обсуждая планы на завтра, а потом Кикаха пошел в пещеру соснуть. Так, сменяя друг друга, они провели

всю ночь. Кикаха опять сидел на валуне, когда серый рассвет возвестил о том, что солнце вот-вот взойдет из-за горизонта.

Сестры за всю ночь не встали ни разу, хотя постоянно ворочались, пытаясь устроиться поудобнее на жестких камнях.

Плеснув себе в лица немного воды и съев простой завтрак, они разбрелись за валуны и скальные выступы, чтобы облегчиться. А когда вернулись в лагерь, то быстро свернули его и тронулись в путь под предводительством Кикахи. Не прошли они и полумили, как Элет остановилась:

— Ты ведешь нас не туда, куда показывал!

— Я показывал вам место, куда мы направляемся. Но мы не пойдем по прямой. Эта дорога гораздо удобнее.

Через два часа сестры начали жаловаться на усталость.

Кикаха остановился перед красным гранитным монолитом восьмидесяти футов высотой. Основание монолита находилось в нескольких футах от края утеса, на котором стояли путники. Десятью футами выше основания в граните торчала блестящая полусфера из черного камня, похожая на пушечное ядро, которым выстрелили в монолит с близкого расстояния.

— Это и есть врата? — спросила Элет, показывая на монолит.

— Нет, — сказал Кикаха.

— Тогда где они? Где-нибудь недалеко?

— Это не сами врата, но здесь они находятся.

Кикаха раскрыл замшевый футляр, висевший на поясе, и вытащил из него серебристую трубу.

Элет распахнула глаза и ахнула:

— Рог Шамбаримена!

Сестра ее сначала онемела от благоговения. Потом обе они застрекотали визгливыми голосами. Кикаха подождал минуту и потребовал тишины.

Он поднял рог к губам и затрубил. Как только отзвучала последняя нота, у основания монолита появилась арка семи футов высотой и пяти шириной. Пространство внутри арки слегка колыхалось, словно воздух знойным днем. Кикахе почудилось, будто он видит, как с той стороны по чему-то огромному и черному пробегает рябь. Но это была всего лишь иллюзия, разумеется.

— Через десять секунд они закроются! — громко сказал Кикаха и махнул рогом. — Вперед! Живо!

Они с Ананой выхватили лучеметы и стали подталкивать сестер к вратам.

— Нет! Нет! — завопила Элет. — Откуда нам знать, что это не ловушка?

И рванула в сторону. Анана подставила ей подножку и наподдала под зад, когда та попыталась встать.

Вторая сестрица, замирая от страха, побрела к вратам, а потом вдруг резко свернула вбок. Анана вырубила ее, ударив ребром ладони по шее.

Элет тем временем, подхватив края туники, припустила наутек, но споткнулась и упала. Вставать она отказалась наотрез, хотя Кикаха кричал, что разрежет ее пополам.

Зыбкая арка исчезла с лица монолита.

Кикаха с Ананой отступили немного назад, чтобы держать обеих сестриц под прицелом.

— Ясно как Божий день, что вы обе не хотите идти через врата, — сказал Кикаха. — Однако совсем недавно вы сами напросились нас сопровождать. Какая муха вас укусила?

Элет встала, стряхивая грязь с подола туники.

— Мы вам не доверяем! — заявила она.

— Неубедительное объяснение! — громко сказала Анана. — Почему вы пытались сбежать? Вы знаете, что находится с той стороны врат? Вы надеялись заманить нас в ловушку?

— Мы испугались!

— Да, — с притворным всхлипом поддержала сестру Она, — мы испугались.

— Чего? — спросила Анана.

— Вы испугались, что Рыжий Орк поймает вас вместе с нами, нарушит свое обещание и убьет? — рявкнул Кикаха. — Верно я говорю?

Как ни изумлена была этим вопросом Элет, она даже глазом не моргнула. Но Она вздрогнула, словно Кикаха хлопнул у нее над ухом мухобойкой.

— Рыжий Орк? — взвизгнула она. — При чем тут Рыжий Орк? Какое он имеет к нам отношение? — Она повернулась и махнула рукой в ту сторону, где недавно мерцали врата.

Кикаха подошел к ней вплотную, почти нос к носу. И сказал еще громче:

— Я слышал, как ваш ворон Уэйскам разговаривал с Элет! Я знаю все! Все!

«Это весьма далеко от истины, — подумал он про себя. — Но я заставлю их признаться. А если не сумею, напущу на них Анану. У нее не такое мягкое сердце, как у меня. Надеюсь, что смогу перенести их вопли».

Сестры растерянно молчали. То, что Кикахе было известно имя ворона, убедило их в его осведомленности.

— Ваша защитница, женщина-медведь, мертва, — продолжал Кикаха. — Анана убила ее.

— Ах так! — криво улыбнувшись, сказала Элет. — Значит, тебя поцарапала вовсе не большая кошка! Это была...

— Я не знаю, как ее звали, — проговорил Кикаха. — Да, она чуток поцарапала меня. Я и сам бы ее пристрелил, но Анана меня опередила.

Элет по-прежнему молчала. Однако Она не выдержала:

— Мы не виноваты! Мы...

— Заткнись! — взвизгнула Элет. — Они ни черта не знают! Они просто пытаются заставить тебя заговорить!

— Послушай меня, Она, — промолвила Анана. — Если ты расскажешь нам все без утайки, я сохраню тебе жизнь! Что же касается Элет... — Анана ткнула Ону стволом лучемета. — Выкладывай!

— Если мы расколемся, нам не жить, — проговорила Элет голосом твердым, как алмаз. — Если не расколемся, нам тоже не жить. Я выбираю молчание. И тебе, Она, категорически запрещаю болтать!

— Ты думаешь, Рыжий Орк нас спасет? — осклабилась ей в лицо сестра. — Выпрыгнет, как чертик из табакерки, и спасет? Размечталась! Думаешь, ему есть до нас дело? По-моему...

— Хватит! — заявила Анана. — Вы обе наговорили вполне достаточно, чтобы подтвердить свою вину. Хотя мы в таком подтверждении даже не нуждались. Элет, ты начнешь рассказывать первой. Если утаишь хоть что-нибудь, мы дознаемся об этом от Оны, и тогда ты умрешь! Немедленно!

Элет оглянулась, словно надеясь, что Рыжий Орк спустится с гор и выручит ее. Но спаситель не появился, и она прекрасно понимала, что помощи ждать неоткуда. Элет заговорила.

Рассказ ее был примерно таким, как и ожидал Кикаха. Сестры наврали, будто им удалось сбежать от Рыжего Орка, когда он вторгся в их вселенную. Их поймали, не дав уйти через врата. Но Рыжий Орк не убил их, а принудил стать приманкой для поимки Кикахи с Ананой.

— Принудил? — фыркнула Анана. — Вас, жестокосердых дщерей Уризена, пришлось силой принуждать стать нашими врагами?

— Мы никогда не говорили, что считаем вас друзьями, — сказала Элет. — Но мы не стали бы преследовать вас по собственной воле.

— Вы слишком ленивы, — заметила Анана.

— Орк не сказал нам, откуда он знает, что вы здесь, — продолжала Элет. — А мы были не в том положении, чтобы задавать ему вопросы.

Рыжий Орк, по словам Элет, потерял след своих врагов на планете трехногих. Но он нашел единственные на планете врата, которые со временем отыскали и Кикаха с Ананой. Шестиугольник давно уже стоял в храме трехногих. Орк перенастроил врата, создав резонансную цепь, и убрался восвояси.

— Орк сказал, что врата выведут вас в определенное место Многоярусного мира. Он установил сигнальную систему, — правда, не знаю где, — чтобы определить, когда вы войдете в цепь. Конечно, вместо вас туда мог попасть кто-нибудь из властителей. Но он на девяносто процентов был уверен, что это будете вы.

— Откуда он мог знать, что мы не погибнем в его бесчисленных ловушках? — спросил Кикаха.

— Похоже, он здорово верил в вас обоих. Он даже сделал вам комплимент: если кто-то и сможет пройти через цепь, сказал он, так это вы с Ананой.

— Ну да, ведь у меня рог Шамбаримена.

— Об этом он не упоминал.

— А зачем? Если бы вы знали, то могли бы поддаться соблазну и предать его, чтобы завладеть сокровищем.

— Правда твоя, — согласилась Элет.

Властитель или же один из его слуг доставил сестриц в чащу леса, где на них наткнулись Кикаха с Ананой. Все время путешествия из своей вселенной в Многоярусный мир сестры были без сознания.

— Могу вас уверить, что в этом лесу не существует врат, — сказал Кикаха. — Я знаю. Я видел схему врат во дворце Вольфа. Вас наверняка перенесли через врата куда-то в другое место на планете, а потом переправили по воздуху в лес.

— А ты уверен, что знаешь местоположение всех врат? Может, Рыжий Орк установил там новые?

Кикаха пожал плечами.

В общем, когда сестрицы очнулись, то обнаружили, что лежат среди деревьев. Пятьдесят пять дней они боролись за выживание. Орк снабдил их лишь самым необходимым — тем, что они могли бы захватить впопыхах, убегая от него.

— Мы уже и не надеялись на ваше появление, — сказала Элет. — Вы могли погибнуть в ловушках или просто не найти нас. Но Рыжему Орку — чтоб ему испытать все муки Интимана! — было плевать, сдохнем ли мы с голоду или от лап

какого-нибудь хищника. Мы решили подождать еще дней пять. Если бы вы не появились, мы пошли бы ко дворцу Ядавина.

— Цель, конечно, заманчивая, — сказала Анана, — хотя не думаю, чтобы вам удалось одолеть два монолита.

Элет рассказала практически все. И добавила только, что не знает, зачем Рыжему Орку понадобилось, чтобы сестры сопровождали Кикаху с Ананой к вратам. Рыжеволосая Она подтвердила ее слова.

Кикаха с Ананой отошли в сторонку, чтобы потолковать наедине.

— По-моему, они не врут, — сказал Кикаха. — Орк не стал бы посвящать их в свои планы. Интересно, как он узнал про эти врата?

— А я не так уж уверена, что он про них знает, — откликнулась Анана. — Возможно, он просто следил за каждым нашим шагом, чтобы напасть на нас, как только мы откроем врата.

Анана поглядела на склон горы и перевела взгляд вниз, на равнину.

— Да, возможно, — сказал Кикаха. — Или послал кого-нибудь из своих прислужников.

— Он сам или его слуги могут быть где угодно, в сотнях миль отсюда. Где-нибудь на равнине или в небесах. Одна-единственная ракета сотрет нас в порошок.

— Орк не станет стирать нас в порошок, — возразил Кикаха. — Мы нужны ему живыми. Похоже, мы увязли в гамлетовых вопросах. Так много «но» и «если», что они нас парализуют. Давай-ка лучше двигать отсюда — там видно будет.

Он снова протрубил в рог. Анана прогнала сестриц, протестовавших громко, но тщетно, через колышущуюся завесу в скале и сама последовала за ними. Кикаха сунул рог в футляр и тоже прыгнул в арку. Он очутился в полукруглой комнате с блестящим полом и стенами. Пол под ногами был гладким и ровным, как монолит.

Рыжеволосая Она вскрикнула и метнулась мимо Кикахи. Он протянул руку, пытаясь поймать ее. Она увернулась и прыгнула обратно через мерцающую завесу. Верхняя часть ее тела скрылась — и вдруг мерцание погасло. От Оны остались только кусочек туники, ягодицы, длинные ноги да пара капель крови. Элет взвизгнула и громко зарыдала.

Тут их неожиданно перенесло в другое место — в нечто вроде ямы, выдолбленной в скале. Кикаха присел и, сжимая в руке лучемет, повернулся кругом, оглядывая новые окрестности. Непосредственной опасности, похоже, не было. Сто-

явший в углу ямы человек — Кикаха его узнал — в знак своих мирных намерений поднял над головой ладони.

Кикаха отвел от него взгляд, чтобы осмотреть очередную тюрьму, в которую они угодили. Площадь ямы была футов двенадцать, высота — около десяти. Над головой сияло голубое небо. Солнца не было видно, и тени громадных утесов быстро наползали на отверстие сбоку.

Яма находилась на дне или на одном из склонов гигантского ущелья. Оба склона круто вздымались вверх, однако в них было множество уступов и расщелин. Там и сям, цепляясь корнями за каменные стены и отклоняясь от них под углом в сорок пять градусов, росли чахлые деревца. Местами камни были покрыты большими пятнами зеленых мхов.

Жара, словно по мановению дирижерской палочки, отворила все поры в коже Кикахи, заливая его потом. Температура здесь была не ниже ста одного градуса по Фаренгейту.

Кикаха не стал терять времени даром и, вытащив из футляра рог, затрубил. Семь нот отзвучали, но врата в стенах ямы не появились. Рыжий Орк заманил-таки их в западню!

Кикаха сунул рог обратно в футляр и повернулся к человеку, стоявшему в углу ямы. Человек был высокий, красивый, выглядел лет на двадцать пять, хотя родился лет полтораста тому назад, если не больше. Длинные темные волосы, гладко зачесанные назад, были завязаны в хвост. Его одеяние походило на костюмы властителей, давно уже вышедшие из моды. Скорее всего, он заказал себе костюмчик в какой-нибудь из тоанских вселенных. Полы жакета переливались зелеными, красными, белыми, голубыми и желтыми красками, пульсирующими, словно неоновые трубки. Некогда белая рубаха с плоеным воротничком была расстегнута у шеи. Бриджи из бутылочно-зеленого вельвета доходили до икр и кончались тугой тесьмой. Гениталии покрывал треугольный малиновый гульфик.

На левой руке у него блестело тяжелое серебряное кольцо, обвивавшее средний палец три раза. Кикахе оно сразу бросилось в глаза, но только теперь он разглядел кольцо как следует — и замер от изумления. Кольцо изображало чешуйчатого человека. На пальце отчетливо виднелось лицо существа, погребенного в усыпальнице.

— Вот мы и встретились снова, — сказал по-английски человек и улыбнулся.

Его произношение показалось Кикахе странным, но он не сумел определить, что это за акцент.

— Эрик Клифтон, ваш покорный слуга. Я, как и вы, пленник Рыжего Орка. Во всяком случае, я полагаю, что этот презренный властитель заточил вас здесь вопреки вашей воле.

ГЛАВА 7

Элет стенала и плакала навзрыд.

— Кончай этот кошачий концерт! — прикрикнул на нее Кикаха. — Ты ненавидела свою сестру, а теперь голосишь так, будто любила ее без памяти.

Элет уставилась на него красными глазами, силясь справиться с горем.

— Но я любила Ону! — всхлипнув, сказала она. — Только из-за того, что мы порою спорили...

— Спорили? Порою? — Кикаха рассмеялся. — Да вы с сестрой постоянно варились в котле, наполненном презрением и желчью! Вы не убили друг дружку только потому, что боялись потерять предмет своей ненависти!

— Неправда, — сказала Элет. Всхлипнула еще раз и добавила: — Хотя ты все равно не поймешь.

— Тут ты права, не пойму.

Кикаха вновь повернулся к Эрику Клифтону:

— Меня зовут Кикаха. Возможно, ты слышал обо мне. А это Анана Светлая. Она родилась в начале войны с Черными Звонарями, так что можешь прикинуть, сколько ей лет. Эта плакальщица — Элет, одна из жестокосердых дщерей Уризена, известных ранее как мягкосердечные дщери Аханни, жены Уризена. О них ты, наверное, тоже наслышан. — Кикаха сделал паузу и продолжил: — Мы с Ананой видели тебя мельком в летающем замке Уртоны, властителя Лавалитового мира. Он вместе с Рыжим Орком попортил нам немало крови, пока мы блуждали по его миру. Но теперь он мертв. Рыжий Орк тоже был в замке, однако ему удалось сбежать.

— Я частенько думал о вас: все хотел узнать, что с вами сталось, — произнес Клифтон.

— Подробности потом. А сейчас лучше объясни нам, каким ветром тебя занесло с Земли в тоанские вселенные и как ты очутился здесь. И откуда, черт побери, у тебя это кольцо?

Задавая вопросы, Кикаха в то же время осматривал стены ямы. Они были покрыты маслянистой пленкой.

— Это долгая история, — сказал Эрик Клифтон. — Может, имеет смысл подумать вначале, как выбраться отсюда, пока не появился Рыжий Орк?

— Я только об этом и думаю, — сказал Кикаха. — Но мои мысли не помешают мне выслушать твою историю. Главное, постарайся не отвлекаться.

Клифтон поведал, что родился в 1780 году в очень бедной семье. Жили они в Англии, в Лондоне. Отец его выбился из поденных рабочих в люди, то есть стал владельцем булочной.

Когда булочная прогорела, он вместе с женой и шестью детьми угодил в долговую яму. Там отец и трое детей умерли от голода и лихорадки. Вскоре после того как Эрика с родными выпустили из тюрьмы, его четырнадцатилетнего старшего брата поймали и повесили за кражу башмаков. Его младшая сестра в двенадцать лет стала проституткой, а в восемнадцать скончалась от сифилиса и гонореи.

Тут Клифтон глубоко вздохнул, и на глаза его навернулись слезы:

— Все это было очень давно, но, как видите, воспоминания до сих пор не дают мне покоя... Простите... Как бы там ни было...

Как бы там ни было, ему лично очень повезло: его усыновила, хотя и нелегально, бездетная супружеская пара. И это спасло его от высылки в Австралию.

— Хотя там — как знать? — я мог бы стать свободным и даже богатым человеком, — вздохнул Клифтон.

Человека, усыновившего его, звали Ричардом Дэлли.

— Он был издателем и продавцом книг. Они с женой научили меня читать и писать. Когда приемный отец сделал меня рассыльным и поручил мне доставку книг, я познакомился с Уильямом Блейком — поэтом, гравером и художником. Мистер Блейк...

— Ты уверен, что не отвлекаешься? — прервал его Кикаха.

— Разумеется. Все это имеет непосредственное отношение к делу. Вы знакомы с поэзией Блейка?

— Я читал кое-какие его стихи, когда учился в колледже

Насколько Кикаха помнил, Блейк родился в 1757 году и умер в 1827-м. Он был христианином, но слыл оригиналом, и его взгляды на религию весьма отличались от общепринятых взглядов того времени. Да и не только того — любого времени, включая эпоху Кикахи. Вот, собственно, и все, что ему запомнилось из лекций по английской литературе.

— А знаете ли вы, что Блейк создал свою собственную мифологию? — спросил Клифтон.

— Нет.

— Он смешал ее вместе с христианскими элементами.

— Ну и?

— Его дидактические и символические произведения были апокалипсическими поэмами, и в них действовали вымышленные боги и богини, которых, по утверждению Блейка, он выдумал сам. Божества в его мифологии носили такие имена, как Лос, Энитармон, Рыжий Орк, Вала и Ахания.

— Что? Да ты, как видно... Да нет, ты шутишь! — воскликнул Кикаха. И повернулся к Анане: — Ты об этом знала?

У нее округлились глаза.

— Да, я знала, только не сердись. Ты никогда не спрашивал, но я встречалась с Блейком.

— Ты встречалась с Блейком?

Кикаха был настолько ошеломлен, что даже начал заикаться. Но он не сомневался в правдивости Ананы. Блейк мало значил для нее, и она бы вспомнила о нем только в том случае, если бы Кикаха упомянул его имя.

— Ладно. Все о'кей. Я просто удивился. — Он опять повернулся к Клифтону: — Рассказывай дальше.

— Мистер Блейк был мистиком, ясновидящим и оригиналом, каких свет не видел. Ни у кого больше я не встречал таких пронзительных, диких и сверкающих очей. Лицо у него было как у эльфа — опасного эльфа. По словам мистера Дэлли, Блейк божился, будто в детстве видел ангелов на дереве и пророка Иезекииля в поле. Говорили также, что в окне своей спальни он видел лик Божий. Если бы вам довелось встретиться с Блейком и послушать его речи, вы поверили бы всему, что о нем говорят.

Несколько раз мистер Блейк заходил к мистеру Дэлли купить книги в кредит. Дело в том, что он был очень беден. Дважды я слышал, как он беседовал с моим приемным отцом, хотя говорил по преимуществу мистер Блейк. Мистер Дэлли был очарован мистером Блейком, хотя и побаивался его безумных речей. Меня тоже охватывал испуг. Казалось, он был одержим какой-то странной потусторонней силой. Это трудно объяснить, его надо было слышать.

В общем, однажды вечером, когда глаза мистера Блейка выглядели еще более дикими, одухотворенными и — ясновидящими, что ли? — чем обычно, он поведал мистеру Дэлли, что видел призрак блохи. Не знаю, при чем тут блоха: судя по описанию мистера Блейка, призрак ничего общего с блохой не имел. Он выглядел в точности как фигура на моем кольце, только в руке у него не было кубка с кровью.

Клифтон поднял руку с кольцом на пальце.

— Призрак был одним из многих посещавших Блейка «пришельцев» — то есть видений людей или предметов из потустороннего мира. Хотя иногда он называл их пришельцами из других миров.

— А иногда — эманациями миров неведомых, — добавила Анана.

— Откуда ты знаешь? — спросил Кикаха.

— Я слышала это от самого Блейка. Как известно, когда Рыжий Орк сотворил вселенную Земли и ее двойника, он запретил властителям наведываться в них. Я говорила тебе, что бывала на Земле несколько раз, хотя и не рассказывала в подробностях. Когда я жила в Лондоне — городишке занятном, хотя и малоприятном, — то выдавала себя за богатую француженку-аристократку. А поскольку я коллекционировала лучшие произведения примитивного земного искусства, мне посоветовали встретиться с Блейком. Я купила у него несколько гравюр и рисунков темперой, попросив никому об этом не говорить. Вряд ли до Рыжего Орка могли дойти слухи о моем пребывании на Земле, но я не хотела рисковать.

— И ты ничего мне не сказала! — возмутился Кикаха.

— Ты прекрасно знаешь почему, так что не заводись.

— Ладно, — кивнул он. — Но откуда Блейк узнал про тоанские миры?

Клифтон открыл было рот, однако Анана его опередила:

— Нас, тоанов, знавших о Блейке, тоже это удивляло. По нашей теории, Блейк был мистиком, как-то настроенным на восприятие обитателей в других вселенных. То ли его восприимчивость была свойством нервной системы, то ли это было какое-то седьмое чувство, о котором нам ничего неизвестно, но никто из землян больше такими способностями не обладал. Во всяком случае, мы о таких людях не слыхали, хотя существует теория, что некоторые земные мистики, а также некоторые безумные земляне...

— Давай обойдемся без теорий, если можно, — попросил Кикаха.

— В общем, точно мы ничего не знаем, — сказала Анана. — Но каким-то образом Блейку являлись видения — или картины, не знаю, как их лучше назвать, — искусственных карманных вселенных. Возможно, он видел и оригинальную тоанскую вселенную или ту, что, по мнению некоторых, ей предшествовала. Во всяком случае, то, что он знал имена многих властителей и некоторые события с их участием, никак не могло быть случайным совпадением.

Но видения Блейка были искаженными и фрагментарными, и он использовал их для создания своей личной мифологии, смешав ее с мифологией христианства. В результате получился коктейль «а-ля Блейк», расцвеченный его богатым воображением и верованиями. В общем, Блейк был мошенником, хотя и очень высокого класса.

— Понятно, — сказал Кикаха. — И тем не менее то, что он назвал «призраком блохи», на самом деле имело облик чешуйчатого человека, которого мы видели в той странной

гробнице. Никто из тоанов не знал о чешуйчатом, и все же Блейк его видел.

— Очевидно.

— И весьма примечательно!

— Любая вселенная и все сущее в ней примечательно, — сказала Анана.

— Но не в одинаковой степени, — возразил Кикаха и показал на кольцо. — Так откуда оно у тебя, Клифтон? Где ты его взял?

— И как ты попал в тоанские миры? — спросила Анана.

Клифтон покачал головой:

— Это было самое странное приключение, какое когда-либо выпадало на долю землянина.

— Думаю, не более странное, чем мое путешествие в Многоярусный мир, — сказал Кикаха.

— У меня есть некоторые способности к рисованию, — начал Клифтон. — Описание призрака блохи так меня заинтриговало, что я нарисовал его, а потом показал рисунок своему другу, Джорджу Пью. Как и я, он был дитя улицы, карманный воришка и по совместительству работал пажом ювелира по имени Роберт Скарборо.

— Пажом? — не понял Кикаха.

— Это мальчик-слуга, — пояснила Анана, — который сопровождал хозяина, когда тот выходил на улицу.

— Пью показал рисунок своему работодателю, мистеру Скарборо, хотя и не назвал моего имени. Мистеру Скарборо рисунок так понравился, что он рассказал о нем одному из своих клиентов, богатому шотландскому аристократу лорду Ривену. Лорд Ривен был крайне заинтригован и заказал себе по моему эскизу кольцо. Кольцо сделали, но заказчик его так и не получил, ибо оно было украдено.

Клифтон сделал паузу и поднял кольцо, чтобы окружающие получше его рассмотрели, после чего продолжил:

— Украла его банда, членом которой был Пью. Он отдал кольцо мне и попросил спрятать, поскольку хозяин заподозрил его. Мне не очень хотелось ввязываться в это дело, хотя, по правде говоря, я не прочь был завладеть кольцом. В то время я не был таким честным, какими, по мнению богачей, должны быть бедняки, да и вы на моем месте вряд ли были бы честнее.

— Не нам тебя судить, — сказал Кикаха.

— По словам Пью, никто, кроме него, не знал о том, что он отдал мне кольцо на сохранение. Но его убили, когда он убегал от констеблей. И тогда я решил, что отныне кольцо принадлежит мне. Правда, я не собирался продавать его, по

крайней мере сразу. У констеблей было подробное описание, так что продавать кольцо было опасно.

А потом, в один прекрасный летний день, случилось так, что меня против воли забросило в другие миры, и в конечном итоге я оказался в этой яме. Хотя конкретные планы Рыжего Орка на мой счет, равно как и на ваш, мне неизвестны.

Вдали раздался громовой удар, эхом прокатившийся по пропасти. С внезапностью танковой атаки с запада надвинулись свинцовые тучи. За несколько секунд они покрыли ясное небо, и над отверстием ямы засвистал порывистый ветер. Проникнув в яму, он выдул удушающую жару и остудил нагое тело Кикахи.

— Мы дослушаем твою историю потом, Клифтон, — сказал Кикаха. — Пора выбираться из этой дыры.

Анане не было нужды спрашивать его, почему он так заторопился. Она знала, что способен натворить в таком ущелье сильный ливень.

Кикаха подумал, что можно было бы пробить лучеметами туннель со дна ямы под углом в сорок пять градусов и выбраться на склон ущелья. Но времени для рытья туннеля не осталось.

Кикаха отдал распоряжения. Мужчины встали бок о бок, повернувшись лицами к северной стороне ямы. Анана, сильная и ловкая, вскарабкалась на их плечи и встала одной ногой на правое плечо Кикахи, а другой — на левое плечо Клифтона. Элет к тому времени слегка уже пришла в себя и приняла посильное участие в борьбе за спасение. Самой легкой из всех и атлетически развитой, ей не составило труда взобраться на плечи Ананы. Вокруг талии Элет была намотана тонкая веревка, которую Кикаха извлек из своего рюкзака. Через пару секунд Элет пожаловалась:

— Край слишком скользкий, никак не могу уцепиться.

— Что ты видишь? — спросил Кикаха. — Есть там какое-нибудь местечко, куда можно было бы забросить веревку с крюком?

— Ничего подобного! — В голосе Элет зазвенело отчаяние.

Удар грома и орудийная вспышка молнии разорвали ее дальнейшие слова в клочья. Она вскрикнула и свалилась с Ананы, но успела сгруппироваться и приземлилась, поджав колени, на ноги.

— Что ты хотела сказать? — спросила Анана, спустившись с мужских плеч.

Ответные слова Элет снова заглушили гром и молния. С небес упало несколько капель дождя.

— Я видела водный поток, — прокричала Элет. — Он лился как бешеный вниз по склону! Мы все здесь утонем!

— Возможно, — усмехнулся Кикаха. — А может, наоборот, выплывем из этой ямы.

Но в голосе его было больше надежды, чем в душе.

— Рыжий Орк не стал бы заманивать нас сюда только затем, чтобы утопить! — вскричала Элет.

— Почему нет? — сказала Анана.

— По-моему, он просто не подумал о возможности наводнения, — сказал Кикаха. — Он выбрал это местечко для западни, когда тут было сухо.

Тьма — не такая непроглядная, как тьма полуночи, но чернее вечерних сумерек — заполнила яму. Ветер становился все крепче и прохладнее, хотя дул еще не в полную силу. На людей внезапно обрушился сильный ливень. Над головами полыхали молнии. Несколько минут спустя вода перелилась через края отверстия и почти сразу поднялась Кикахе до лодыжек.

— Элиниттрия Серебряные Стрелы, спаси нас! — воззвала Элет.

Холодная вода волной побежала в яму и сбила их с ног. Не успели они подняться, как их накрыла вторая, еще более мощная волна. А затем через край хлынул бешеный ревущий поток.

Кикаху прижало к стене. Почти теряя сознание, он все силился выплыть наверх, хотя и потерял представление о том, где верх, а где низ. Наткнувшись ладонью на камень, он понял, что плыл все время вниз. Или не вниз, а горизонтально — и этот камень не что иное, как стенка ямы?

Чье-то тело ударилось в него. Кикаха попытался его схватить, но не успел. А потом его целую вечность мотало в воде и било о камни. В ту самую минуту, когда он подумал, что сейчас отдаст концы, если не вдохнет воздуха, голова его вынырнула из воды. Он успел сделать вдох, прежде чем снова погрузился вниз, и успел также заметить справа какую-то темную массу — более темную, чем окружающая мгла.

Это, должно быть, стена ущелья, подумал Кикаха. А следовательно, меня вынесло из ямы.

Он снова поплыл во мраке. Если его не перевернуло вверх тормашками, то он направлялся к поверхности. Шансы выжить были ничтожны, поскольку его в любой момент могло размазать по скале. Но Кикаха не сдавался, и голова его вдруг опять вынырнула из воды, хотя в рот тут же ударило

волной и он чуть не захлебнулся. Задыхаясь и отфыркиваясь, Кикаха выплюнул воду.

Звать на помощь не имело смысла. Гром и молнии по-прежнему терзали ущелье. Никто не услышит его, а даже если услышит, что толку?

Теперь ему угрожала еще и гибель от электрического разряда. Молнии то и дело вспарывали поток. Но в их вспышках Кикахе удалось разглядеть, что его несет мимо большой скалы, вздымавшейся почти вертикально, в такую кромешную тьму, которую даже молнии не могли разогнать.

Рев, доносившийся оттуда, заглушал удары грома. Что это? Водопад? Поток швырнул Кикаху через край, и он полетел в бездну. Когда его ударило о дно беснующейся реки и потащило вперед, он снова почти отключился. Придя в себя, Кикаха обнаружил, что попал в самый центр водоворота. Тот крутил его и крутил, а потом с силой треснул обо что-то твердое.

Очнулся Кикаха лежа лицом на камнях. Ноги и нижняя часть туловища плавали в воде, тихо колеблемые потоком. Тьму по-прежнему пронзали молнии, но полыхали они гораздо дальше.

Кикаха полежал немного, откашливаясь и судорожно вдыхая воздух. Потом, чуть оправившись, с трудом вскарабкался вверх по наклонной скале. Лицо, ступни, колени, ребра, ладони, локти, ягодицы и гениталии горели так, словно с них срезали кожу ножом. У него не было сил уползти подальше. Он перевернулся лицом вверх; ландшафт то и дело освещали вспышки молний. Кикаха лежал на скальном треугольном выступе, одна вершина которого врезалась в ревущую реку Впереди вздымалась отвесная стена, уходя в небеса Бог знает на какую высоту.

Кикаха поднял голову, застонав от боли, и посмотрел наверх. Очередная вспышка молнии помогла ему сориентироваться. Стена возвышалась всего в пятидесяти футах от него. Когда ливень только начался, он наверняка стекал со стены бурным потоком, но теперь по ней струился лишь мелкий водопад.

Кикахино счастье, подумал он. Но в один прекрасный день...

Он встал и побрел к широкой части треугольника. Там он сел. Гроза ушла еще дальше вдоль ущелья. Как-то, несмотря на холод и сырость, Кикахе удалось заснуть. Когда он проснулся, было уже светло. Прошло несколько часов, и солнце встало за краем стены, уходившей, как казалось, в небеса без

конца и без края. Кикаха очутился на самом дне ущелья — ниже, чем когда сидел со всеми в яме.

— Анана! — позвал он.

Почти все его оружие и обмундирование снесло водным потоком. Правда, на нем остались пояс, нож и лучемет в кобуре. Рог Шамбариймена, туго прикрученный к поясу, потоку тоже не удалось утащить... Кикаха усмехнулся, потому что рог был ему дороже всего оружия вместе взятого.

Когда солнце стояло уже прямо над головой, Кикаха с трудом поднялся. Гроза остудила воздух, но завтра жара снова станет нестерпимой. У Кикахи был один лишь выход — добраться до края ущелья. Он походил вдоль основания стены взад и вперед по всей ширине треугольного выступа. Найдя наконец место, испещренное трещинами и поросшее растениями, за которые можно было ухватиться — даже на этой глубине кривые деревца умудрялись цепляться корнями за стену, — Кикаха полез наверх. Ладони болели, кожа на четырех пальцах была ободрана. Скрипя зубами и стеная, Кикаха прополз по стене около восьмидесяти футов. К тому времени вода уже перестала струиться по склону. А футах в пятидесяти над головой Кикаха заметил край большого гнезда, свисающего над уступом.

В гнезде, возможно, будут яйца, и он сможет немного подкрепиться.

Когда, шатаясь от усталости и голода, он добрался до гнезда, то увидел, что оно сделано из сучков и веточек, скрепленных высохшим клейким веществом. Внутри лежали четыре розовато-лиловых яйца размером вдвое больше куриных. Кикаха посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости нет наседки. Проткнув яйца кончиком ножа, он высосал из них немного белка. Потом разбил скорлупу и обнаружил внутри зародыши птенцов. Он съел их сырыми, за исключением лап и голов.

Отдохнув немного, Кикаха встал, собираясь продолжить подъем, как вдруг услышал резкий крик и обернулся. Наседка вернулась домой и пришла в такую ярость, что даже выронила зверушку, похожую на кролика, которую несла в гнездо. Зверек полетел вниз, но Кикаха не видел его падения в реку, поскольку был вынужден заняться собственной защитой. Небесно-голубая птица величиною больше земного орла набросилась на него. Он распорол ей брюхо ножом, однако она успела вцепиться ему клювом в руку и разодрать когтями грудь.

Все тело у него болело так, что до схватки с птицей казалось, будто больнее уже некуда. Теперь он понял, что ошибался.

Ощипав птицу, Кикаха разрезал ее и съел пару кусков. Остаток дня и ночь он провел на уступе. Хоть ночи здесь были теплые, и то слава Богу.

Спустя двенадцать дней Кикаха добрался до края ущелья. Питался он в пути очень скудно. Несмотря на способности его организма к регенерации, все тело было покрыто синяками и ссадинами. Правда, их он приобрел недавно.

Убедившись, что на краю ущелья все спокойно, он перевалился через кромку и лег на бок, пытаясь отдышаться, а потом встал.

Судно, казалось, возникло прямо из воздуха. Возможно, так оно и было. Сверкающий серебристый цилиндр сужался с обоих концов в острые конусы. Под прозрачным куполом возле конуса, ближайшего к Кикахе, виднелась кабина, тянувшаяся в длину до половины цилиндра. Из боков судна высунулись четыре металлические ноги и уперлись в землю.

Воздушный катер приземлился; передняя часть купола откинулась кверху. Человек, сидевший в пилотском кресле, вылез из катера и зашагал навстречу Кикахе, еле стоящему на ногах.

Пилот был высокий и мускулистый, с привлекательным лицом и волосами по плечи, отливавшими красноватой бронзой. На нем было черно-белое одеяние в полоску, доходившее до щиколоток. На поясе, украшенном драгоценными каменьями, виднелась кобура. Она была пуста, поскольку лучемет пилот сжимал в руке.

Человек улыбнулся, обнажив очень белые зубы, и сказал по-тоански:

— Кикаха! Ты воистину человек выдающийся, раз сумел-таки выжить! Я испытываю к тебе огромное уважение — такое огромное, что меня так и подмывает поприветствовать тебя и отпустить на все четыре стороны! Однако...

— У тебя за пазухой полно всяких «однако», Рыжий Орк, — заметил Кикаха. — Не говоря уже о прочих вещах.

ГЛАВА 8

По команде тоана Кикаха медленно вытащил лучемет и нож и бросил их вперед футов на десять. Очень нехотя он отправил за ними и футляр с рогом. Рыжий Орк, сияя победным восторгом, подобрал футляр правой рукой.

— Спиной ко мне, — скомандовал он Кикахе, махнув лучеметом, — руки вверх и на колени. И чтоб не шевелился, пока не разрешу.

Кикаха повиновался, прикидывая одновременно свои шансы в том случае, если он вскочит, подбежит к краю ущелья и прыгнет. Возможно, ему удастся миновать острые выступы и упасть в реку. Но останется ли он в живых? И успеет ли тоан пристрелить его, пока он будет бежать к краю обрыва?

Ответ на первый вопрос был «нет»; на второй — «да». И вообще это был безумный план. Но, может быть, лучше принять такую смерть, чем мучения, уготованные ему Рыжим Орком?

Кикаха не расслышал шагов у себя за спиной. Он различил лишь негромкое шипение и почувствовал, как что-то коснулось его спины. Очнулся он на заднем сиденье воздушного катера. Все тело его было обмотано жесткой липкой лентой и прикручено к сиденью. Кисти рук были связаны вместе, ноги тоже. Голова трещала; во рту пересохло. Поглядев сквозь купол, Кикаха обнаружил, что катер поднялся над землей по меньшей мере на тысячу футов и направляется к северу.

Рыжий Орк, сидевший за пультом управления, глядел на телеэкран, нависавший сбоку над приборной панелью. На экране прекрасно был виден Кикаха. Тоан встал, включив автопилот, и пошел назад по узкому проходу между двумя рядами сидений.

— До сих пор ты успешно избегал моих ловушек, — сказал он, остановившись футах в четырех от пленника. — Но теперь тебе конец.

— Я еще жив, — прохрипел Кикаха.

— И можешь прожить еще довольно долго. Но ты будешь мечтать о смерти. Может быть. Честно говоря, я еще не придумал, что с тобой сделаю.

Кикаха посмотрел в сторону и увидел то самое ущелье, которое недавно одолел. Или другое? Отсюда оно казалось шириной миль около сорока, а вниз уходило на такую глубину, что дно скрывалось в кромешной тьме. Вряд ли такая пропасть образовалась в результате эрозии. Видно, эту планету когда-то потряс чудовищный катаклизм.

Рыжий Орк, похоже, угадал его мысли.

— Мы находимся на планете Ванзорд, созданной Аппирмазулом. Я сражался здесь со своим отцом Лосом. У Лоса было оружие потрясающей разрушительной силы. Не знаю, откуда он его взял — возможно, нашел в какой-нибудь древней пещере. Лос использовал его против меня и моего войска, так что мне пришлось бежать через врата и бросить своих людей. Пропасть возникла в результате применения оружия.

— И где оно теперь? — хрипло спросил Кикаха.

— Отец выиграл ту кампанию. Позже, когда я атаковал его армию, мне удалось завладеть «аннигилятором», как его называли. Но я вынужден был уничтожить это древнее оружие. Удача повернулась ко мне спиной, мне пришлось отступать, и я не хотел оставлять отцу аннигилятор. Поэтому я его взорвал.

Тем не менее, как ты, наверное, слышал, окончательная победа оказалась на моей стороне. Я взял отца в плен и, помучив его вдоволь, убил. Задолго до того я отрезал у него яйца и съел их — когда он попытался убить мою мать. Мне надо было тогда же прикончить его. Как только у него выросли новые яйца, он объявил мне беспощадную войну.

Но в конце концов я победил, сжег его тело, смешал пепел с вином и выпил своего папашу. Хотя настоящий конец ему пришел на следующий день — когда я вылил его в унитаз!

Рыжий Орк рассмеялся безумным смехом. Да он и есть безумец, подумал Кикаха. Правда, вполне разумный и логичный во многих отношениях. И очень коварный.

— Все это жуть как интересно, — сказал Кикаха, — но мне хотелось бы узнать об Анане, Клифтоне и Элет.

Рыжий Орк улыбнулся, точно ему доставляло удовольствие то, что он намеревался сообщить своему пленнику:

— Пока ты карабкался по склону ущелья, я поискал остальных. Когда наводнение схлынуло, тело Элет осталось лежать на скале — без лица и с половиной головы. С нее содрало почти весь скальп, но несколько белокурых прядей позволили мне ее опознать. Так закончила свою жизнь последняя из жестокосердых дщерей Уризена. Оплакивать их никто не станет.

Клифтон, очевидно, погребен под тоннами ила и камней. Его истории тоже пришел конец. Он очутился в яме потому, что попал в одну из ловушек, установленных мной в резонансной цепи, и угодил в то самое место, куда я заманил тебя вместе с твоими попутчицами. Вообще-то и яма, и цепь были созданы Ололоном много лет тому назад. Я ими просто завладел. Ололон соорудил этакий заколдованный круг в расчете на любого властителя, который в него попадет. Но в ловушку попался англичанин. Я, кстати, почти забыл о нем. В последний раз я его видел в летучем дворце Уртоны, в Лавалитовом мире. Уртона сбежал из дворца вместе с вами двоими. Что с ним сталось потом?

— Уртона погиб, как только мы прошли через врата в Многоярусный мир. Можно сказать, попал в свой собственный капкан и избежал смерти от моих рук.

Рыжий Орк приподнял брови и тихо проговорил:

— Ах так! Еще один из самых старых властителей мертв. Мне очень жаль, но только лишь потому, что не я убил его. Когда он стал союзником отца, я включил его в свой черный список.

— Так что же с Ананой? — спросил Кикаха.

Губы тоана тронула едва заметная улыбка. Кикаха понимал, что Рыжий Орк медлит с ответом исключительно для того, чтобы помучить пленника. И тоан знал, что пленник это понимает.

— Анана? Ах да, Анана!

Кикаха склонился вперед, готовясь к самому худшему. Но Рыжий Орк сказал:

— Я думал, что Она тоже окажется в яме, но, очевидно, с ней что-то приключилось в пути. Или она удрала от вас и блуждает сейчас одна по Алофметбину?

— Она погибла при попытке к бегству. Что с Ананой?

— Тебе, наверное, интересно узнать, как вас угораздило попасть в капкан. Только я мог придумать такое. Никто другой не сумел бы устроить все так быстро и ловко. К счастью, в резонансной цепи, созданной Ололоном и поймавшей вас двоих, была трехдневная пауза, которая задержала вас перед очередными вратами. Она дала мне время, чтобы доставить с базы все необходимое оборудование. Ты когда-нибудь слыхал об Ололоне?

— Бога ради! — воскликнул Кикаха по-английски и перешел на тоанский: — Ты нарочно тянешь резину, чтобы меня помучить, да? Хоть ты и прожил так долго, но остался испорченным мальчишкой!

— Мелкие радости — вещь хорошая, и я не стану делать вид, будто я выше их, — ответил Рыжий Орк. — Когда ты почти бессмертен, то понимаешь, как быстротечна радость и какие долгие промежутки отделяют один сладкий миг от другого. Поэтому мелкие радости для меня всегда желанны, особенно неожиданные. — Он сделал паузу, спокойно выдержав свирепый взгляд Кикахи, и спросил: — Так как насчет Ололона?

— Мы были в его мире, на планете трехногих, — сказал Кикаха. — Ты и сам это знаешь.

— Теперь знаю, — откликнулся тоан. — А раньше лишь подозревал, но не был уверен. Уверен я был только в одном: если вы воспользуетесь единственными вратами на планете Ололона, то непременно угодите в резонансную цепь. Давным-давно, убив Ололона и захватив его планету, я изучил схемы его врат и записал их в файл на своей базе. Я знал, что когда-нибудь они мне пригодятся. И я не ошибся. Мало кто

из властителей может похвастаться такой предусмотрительностью.

Хвались-хвались, хвастун несчастный, подумал Кикаха. Но его невольно заинтересовало, как тоану удалось осуществить свой план.

— Элет и Она оказались умными противниками. Они умудрились сбежать из плена, пока я отлучился с базы. Я подозревал, что они подкупили стражу, но у меня не было времени пытками добиваться у охранников признаний, поэтому я их убил. А чтобы коррупция не распространилась дальше, ликвидировал всех, кто жил у меня во дворце — кроме детей, конечно. Я позаботился о том, чтобы их приняли местные племена.

Вечно одно и то же, подумал Кикаха. Пытки и убийства, а потом похвальба собственным милосердием.

— Сестриц я выследил не сразу, но в конце концов мне удалось их обнаружить. Они бродили, полуголодные и совершенно несчастные, в том самом лесу, где вы на них наткнулись. Но я не стал их наказывать, а решил использовать в качестве приманки для вас с Ананой. Я пообещал сестрам освободить их, если они согласятся со мной сотрудничать, и они все время со страхом гадали, сдержу я свое слово или нет. Я послал также ворона — Око Властителя — и оромота, чтобы они следили за вами с Ананой, а заодно и за сестрицами, которые вполне могли предать меня. И оромоту, и ворону была обещана солидная награда, но я пригрозил, что убью их, если они попробуют переметнуться на вашу сторону. Я...

— Мы с Ананой знали об этом, — сказал Кикаха. — Мы убили их обоих.

Рыжий Орк побагровел, бросил на него свирепый взгляд и крикнул:

— Не смей говорить, пока я тебе не разрешил!

Взяв себя в руки, он продолжил:

— Меня беспокоило то, что у вас был рог Шамбаримена; по крайней мере, я полагал, что он все еще у вас. Рог способен изменить состояние резонансной цепи. С ним вы могли вырваться из заколдованного круга, даже если бы попали в него. Но тут сработала моя сигнальная система, и я понял, что вы с Ананой прошли через врата на планете трехногих.

Схема цепи, доставшаяся мне от Ололона после его смерти, показывала, что одна из кратких остановок будет на Алофметбине. Но остановка должна была длиться всего несколько секунд. Я рассчитывал, что вы узнаете Алофметбин и убежите

из зоны действия врат до окончания паузы или же затрубите в рог и таким образом нейтрализуете активность врат. И оказался прав, как всегда. Я предпочел бы, чтобы вы оказались поближе к сестричкам, но это от меня не зависело. И, естественно, я не мог предугадать, окажется ли вблизи врат какая-нибудь щель или нет.

Поэтому сразу пленить вас с Ананой я был не в силах. Вам стоило только протрубить в рог, и вы смылись бы через щель, окажись она там. Вероятность была половина на половину.

Кикаха открыл было рот, намереваясь задать вопрос, но вовремя спохватился и сжал губы.

— Я знал, что вы прямиком направитесь к ближайшим вратам — тем, что расположены в валуне. Удача, как всегда, не покинула меня, так как расположение врат было мне известно. Ололон несколько раз побывал на этой планете во времена властителя Вольфа, нашел четверо врат и нанес их местоположение на карту. Он же и соединил врата в валуне с ямой.

Кикаха откашлялся и сказал:

— Могу я спросить?

Рыжий Орк махнул рукой.

— Что случилось с Ананой?

— Дай мне закончить рассказ! — гневно заявил тоан. — Тогда ты поймешь, против кого вздумал сражаться! А теперь помолчи! Ололон, очевидно, вырыл эту яму вскоре после того, как благодаря аннигилятору моего отца здесь образовалось ущелье. Яму я нашел давно, во время короткого визита на планету Ванзорд. Мне нравилось шляться по вселенным и собирать информацию, которая могла пригодиться позже. Никогда ведь не знаешь, когда и что окажется полезным. Но потом вы с Ананой исчезли из цепи на несколько часов, а на островке вам вроде появляться было рано... — Он помолчал и воскликнул: — Ну конечно! С помощью рога вы прорвались из цепи еще до того, как попали на островок. А затем снова угодили в нее, верно?

Кикаха кивнул. Хотя он и не представлял себе, какую выгоду мог извлечь тоан из информации о существовании чешуйчатого человека, лучше было оставить Рыжего Орка в неведении. Никогда не болтай попусту — как бы не пришлось об этом пожалеть.

— Я редко когда беспокоюсь, — сказал тоан, — но не считаю для себя унизительным признать, что ваше исчезновение заставило меня понервничать. Однако я продолжал приводить в действие свой план. Дело в том, что в стенах ямы

могла оказаться щель. Вероятность была небольшая, но я не хотел рисковать, иначе вы выбрались бы оттуда запросто, разочек дунув в рог. Поэтому я установил рядом с ямой генератор, который вы не могли увидеть со дна, и настроил его так, чтобы вокруг ямы возникли односторонние врата. Пока этот щит из односторонних врат опоясывал яму, даже рог не сумел бы открыть щель.

Рыжий Орк сделал паузу.

— Можно спросить? — прохрипел Кикаха. Во рту и в горле у него жутко пересохло, но будь он проклят, если попросит у тоана стакан воды!

— Валяй.

— Почему ты попросту не спустился на катере как-нибудь ночью, пока мы шли по лесу или равнине, и не захватил нас в плен?

— Потому что я не люблю рисковать, если можно обойтись без риска. Вы могли протрубить в рог и ускользнуть через щель. А убежать из ямы у вас не было возможности, даже с рогом.

— Но ты забыл про наводнения, — сказал Кикаха.

Лицо тоана вновь побагровело.

— Я давным-давно не был на этой планете! — заорал он. — Я не знал, что там бывают такие ливни! Это очень сухая планета! Я в жизни там даже облачка не видал!

Кикаха ничего не ответил. Он не хотел доводить тоана до бешенства, чтобы тот не вздумал выжечь ему лучом глаза или сделать что-нибудь похуже.

— И труд мой был вознагражден! — продолжал Рыжий Орк. — Этот англичанин, Клифтон, очевидно, удрал из летучего дворца Уртоны. Но он тут же угодил в мою ловушку на другой планете, и я бросил его в яму. Все мои неуловимые враги — за исключением Вольфа с Хрисеидой — попались, как рыбки в сети!

— Вольф? Хрисеида? — пробормотал Кикаха.

— Вольф и Хрисеида! — крикнул Рыжий Орк. Голос его в тесном пространстве кабины показался таким оглушительным, что Кикаха вздрогнул. — Они сбежали! Сбежали! Мне надо было сразу же разделаться с ними!

— Ты не знаешь, где они? — вкрадчиво спросил Кикаха.

— Где-то на Земле, — с досадой махнув рукой, ответил тоан. — А может, удрали через врата в другие миры. Это неважно! Я все равно их поймаю! И тогда!.. — Он осекся, глубоко вздохнул и улыбнулся: — Не радуйся так за них, Кикаха. Рано радуешься! Я ведь нашел-таки Анану.

Кикаха знал, что тоан ждет не дождется новых вопросов об Анане. Но пленник упрямо сжал губы. Тоан все равно скажет, не удержится.

— Тело Ананы, вернее, то, что от него осталось, торчало из-под небольшого валуна! Я оставил ее стервятникам!

Кикаха закрыл глаза. Его сотрясала дрожь, а грудь будто проткнули копьем. Но властитель мог и наврать.

Овладев собой настолько, чтобы не выдать дрожи в голосе, Кикаха спросил:

— Ты взял с собой ее голову? Ты покажешь мне ее?

— Нет!

— Может, у тебя есть фотография ее тела? Хотя снимок легко подделать.

— Зачем мне это нужно?

— Потому что ты лжешь!

— Но ты не можешь знать этого наверняка, или я не прав?

Кикаха молчал. Так и не дождавшись от пленника ответа, тоан вернулся в пилотское кресло.

Кикаха снова взглянул сквозь прозрачный купол. Бездонных ущелий внизу больше не было; под ними расстилалась каменистая пустыня, лишенная почвы и растительности. Однако там и сям уже начинали пробиваться новые побеги. Некоторые виды птиц — в чем Кикаха успел убедиться на собственной шкуре — и, по-видимому, какие-то животные сумели пережить апокалипсическую битву. Не исключено, что остались в живых и небольшие группки людей. Хотя вряд ли им приходится есть досыта.

И вновь Кикаху охватил гнев при мысли о том, как надменно и презрительно относятся властители к жизни. Им ничего не стоило, глазом не моргнув, уничтожить целую планету!

Чудо, что Анана так не похожа на своих сородичей.

Минут через десять катер начал снижаться. Зависнув на пару мгновений в воздухе, он быстро пошел на посадку и приземлился на изрезанный морщинами и складками каменный монолит, наклонно уходивший ввысь под углом в тридцать градусов. Пьедесталом ему служила громадная красноватая скала, похожая по очертаниям на голову медведя. Тоан выжал из тюбика несколько капель голубой жидкости на краешек липкой ленты. Через пару минут лента отлипла, и Кикаха легко высвободился из пут. Только руки у него остались связанными.

Его вывели из катера. Велев подбежавшим людям закрыть прозрачный купол, тоан повел Кикаху к скале. Там он про-

изнес кодовое слово, и часть скалы засверкала красными и фиолетовыми полосами. Кикаха глядел на них, не отрываясь, хотя у него тотчас разболелись глаза.

— Иди вперед, — приказал Рыжий Орк.

Кикаха прошел через врата в маленькое помещение в скале. Через секунду он оказался в большом зале из зеленоватого мрамора, увешанном коврами и занавесями, хотя и без окон, и уставленном креслами, диванами и статуями. Чуть погодя часть монолитной на вид стены отворилась и в зал вошел Рыжий Орк.

— Садись вон в то кресло, — сказал он, махнув лучеметом.

Пленник повиновался. Рыжий Орк сел в кресло напротив, улыбнулся, откинулся на спинку и вытянул вперед ноги.

— Мы в одном из моих убежищ на Земле-2.

— Ну и?

— Ты голоден? Можешь подкрепиться, а потом мы с тобой кое-что обсудим.

Отказываться от еды только потому, что она предложена врагом, Кикаха счел глупостью. Ему понадобится много энергии, если он сделает попытку освободиться, а он не сомневался в том, что сделает ее. Не «если», а «когда» — вот как надо ставить вопрос.

— Хорошо, — сказал он.

Орк, очевидно, подал какой-то сигнал, а может, он заранее был уверен в том, что пленник не откажется от трапезы. В стене открылось отверстие размером с дверь, и женщина вкатила тележку, уставленную бокалами и блюдами вместе со столовым серебром. Женщина была черноволосая, кареглазая, темнокожая и очень красивая. Бедра ее обхватывала мерцающая серебристая повязка, с передней части которой свисали такие же серебристые перья в фут длиной. В волосах красовалось павлинье перо. Подкатив тележку к столу, женщина поклонилась Рыжему Орку, переставила еду и напитки на стол и вышла из зала, покачивая узкими бедрами. Отверстие в стене закрылось.

— Ты сможешь насладиться не только лучшими блюдами и напитками, какие есть на планете, но и этой красавицей тоже, — сказал тоан. — А также другими, не менее прекрасными и искусными в сладострастных утехах. Если примешь мое предложение, конечно.

Кикаха приподнял брови. Предложение? Выходит, Рыжему Орку нужна его помощь в очередной афере. Тоан, конечно, человек смелый, от опасностей не бегает, но тут он явно играет с огнем.

Ну хорошо, а что потом? Да только будет ли это «потом»?

Кикаха поднял связанные кисти рук и показал пальцем на стол. Рыжий Орк велел ему поднять руки еще выше и раздвинуть их как можно шире. Кикаха так и сделал. Пространство между запястьями было не больше дюйма.

— Не шевелись, — предупредил тоан и молниеносно выхватил лучемет. Желтый луч разрезал путы пополам; лучемет скрылся в кобуре. Все это заняло не больше двух секунд.

Очень впечатляюще, подумал Кикаха. Но Рыжему Орку он этого говорить не собирался. Кстати, что это за лучемет такой, с желтыми лучами?

— Я вернусь, когда ты пообедаешь, — сказал тоан. — Если хочешь сначала умыться или сходить в туалет, скажи «кентфасс», и из стены выдвинется ванная комната. Чтобы убрать ее, достаточно снова сказать то же самое слово.

Причудливое устройство, подумал Кикаха. Впрочем, Рыжий Орк всегда был склонен к причудам.

Тоан вышел из зала. Хотя особого аппетита у Кикахи не было, еду, состоящую из различных овощей, фруктов и рыбы, он нашел отменной. Вино показалось слишком терпким на вкус, но было в нем нечто неуловимо пикантное, и пилось оно легко. После обеда Кикаха воспользовался ванной комнатой, изукрашенной росписями подводного царства. Потом ванная скользнула назад, и часть стены снова закрылась. В некоторые из таких подвижных стенных секций наверняка были встроены врата.

Несколько минут спустя в зал вошел тоан. Теперь на нем была длинная тога и сандалии. Его сопровождали трое смуглых мужчин в конических шлемах с павлиньими перьями, в коротких клетчатых юбках и высоких ботинках со шнуровкой. Все были вооружены копьями, мечами и кинжалами. Они встали за спиной у Рыжего Орка, а тот сел лицом к пленнику в кресло, сделанное в форме паука. На сей раз тоан был безоружен.

— Ты, должно быть, сгораешь от любопытства, — сказал он Кикахе. — Гадаешь, небось, зачем мне, властителю, понадобилась помощь леблябия?

— Очевидно, ты задумал нечто грандиозное и не в силах справиться один, — предположил Кикаха.

Рыжий Орк улыбнулся:

— Полагаю, ты хотел бы узнать, какая награда тебя ожидает, если ты исполнишь мое желание. И уж наверняка тебя терзают сомнения: а получишь ли ты обещанную награду?

— У тебя поразительные способности к чтению моих мыслей.

— Попридержи свое ехидство. Я никогда еще не нарушал данного мною слова.

— А тебе приходилось его давать?

— Несколько раз. И я его сдержал, несмотря на естественную склонность к вероломству. Но были и такие ситуации... — Он умолк на несколько секунд, а затем спросил: — Ты слыхал про Зазеля с Пещерной планеты?

— Да, — ответил Кикаха. — Анана...

Он осекся. Одно только упоминание ее имени ожгло его сердце горячей болью.

Откашлявшись, он продолжил:

— Анана говорила мне о нем. Он создал планету в виде каменного шара со множеством туннелей и пещер. Что, на мой взгляд, мог сделать только безумец. Зазель, по словам Ананы, был склонен к меланхолии и покончил жизнь самоубийством.

— Многие властители покончили жизнь самоубийством, — заметил Рыжий Орк. — Те, что были слабаками. Сильные убивают не себя, а друг друга.

— По мне, они могли бы делать это побыстрее. Почему ты вдруг вспомнил о Зазеле?

— В юности я нанес своему отцу жестокое оскорбление. Но он не убил меня, а забросил через врата в мир, мне совершенно незнакомый и очень опасный. Его называли Антемой, или Нежеланным миром. Скитаясь по планете, я встретился с другим властителем по имени Иджим из Темных Лесов. Он попал на Антему, скрываясь от властителя, чью вселенную безуспешно пытался захватить. Сорок четыре года он искал на планете врата, способные перенести его в другие миры.

Тоан сделал паузу. Глаза его затуманили воспоминания о пережитых тяжелых временах. Затем он заговорил снова:

— Долгое одиночество сделало Иджима параноиком. Но мы объединили усилия, хотя каждый из нас, конечно же, намеревался убить другого, как только мы выберемся из Нежеланного мира. В конце концов мы нашли врата, которые Лос, как выяснилось, поместил в районе, населенном свирепыми хищниками. И тем не менее мы прорвались к вратам и прыгнули в них. Там оказалась ловушка в виде бритвы. То есть Лос настроил их таким образом, что врата были безопасны всего несколько секунд. Все остальное время они действовали как гильотина.

Иджима рассекло пополам, словно яблоко. Я отделался кусочками срезанной кожи на ягодицах и пятках. Поблуждав по туннелям, я вышел в просторную пещеру. Там я встретил Дингстета — существо, созданное Зазелем в качестве надсмотрщика или управляющего. После того как Зазель покончил с собой, Дингстет остался единственным разумным существом в этом огромном каменном шаре, изрытом туннелями и пещерами.

Дингстет был ужасно наивным. Ему следовало сразу же убить меня, но он этого не сделал. И не потому, что устал от одиночества и жаждал чьей-то компании. Он не ведал одиночества. По крайней мере, не страдал от него, как мне кажется. Были кое-какие признаки...

Рыжий Орк снова умолк. Он глядел мимо Кикахи, словно в памяти его всплывали картины Пещерной планеты.

— От Дингстета я узнал, — продолжал тоан, — что весь этот каменный мир представлял собой полубелковый-полукремниевый компьютер. В нем хранилась уйма разной информации, заложенной Зазелем. Большая часть этих данных давно была потеряна для прочих властителей. — Тоан помолчал, облизнул губы и добавил: — До сих пор только я один побывал на планете Зазеля. Только я один знаю о том, какие бесценные сокровища информации хранятся там. Только мне одному известны врата, ведущие на эту планету. И только я один знаю, какая информация даст мне абсолютную власть над властителями и их вселенными.

— А именно? — спросил Кикаха.

Рыжий Орк громко рассмеялся:

— Ты не только хитроумный, ты еще и шутник! Тебе не обязательно знать, что именно я хочу найти. Хотя, попав на планету Зазеля, ты, без сомнения, приложишь отчаянные усилия, чтобы разузнать, чего же я так страстно жажду. Но я не открою тебе секрет, поскольку не хочу давать властителям ни малейшего шанса выпытать его. И уж меньше всего я склонен доверить его тебе.

— Как я могу разболтать о том, чего не знаю сам?

— Ты не можешь. Но некоторые властители сумеют догадаться, в чем дело.

Рассуждение тоана показалось Кикахе не совсем логичным, но особой логики ждать от Рыжего Орка и не приходилось. Им управляли ненависть и жажда власти. Или же наоборот.

Не приходилось рассчитывать и на то, что Рыжий Орк выполнит свои обещания или как-то наградит Кикаху. Тоан

знал, что Кикаха не откажется от мести за гибель Ананы. И даже если ей удалось спастись, она была на волоске от гибели по вине Рыжего Орка. Такое Кикаха прощать не собирался.

— Так что же тебе нужно от меня? — спросил он.

— Ты будешь пешкой в моей игре, и я пожертвую тобой, если придется. И тем не менее, клянусь Шамбарименом, Элиниттрией и Манату Ворсион, что, если ты сумеешь выполнить мое задание и остаться в живых, я отпущу тебя на свободу...

— И Анану тоже, если она не погибла?

Рыжий Орк раздраженно поморщился, недовольный тем, что его перебили, но спокойно проговорил:

— И Анану тоже.

Кикаха спросил, каково же будет задание.

— Ты отправишься на планету Зазеля. Оттуда свяжешься со мной, и я к тебе присоединюсь.

Кикаха пожевал уголок губы:

— А почему ты не можешь отправиться туда сам?

— Ты знаешь почему, — улыбнулся Рыжий Орк. — Это опасное предприятие, и шансы выжить у тебя невелики. Но если ты погибнешь, я буду знать, что тебя погубило, и сумею избежать западни. С помощью рога мне это удастся. К тому же мне хочется убедиться, что ты и впрямь такой хитроумный, как считают некоторые властители. Хотя, должен признаться, ты уже произвел на меня неплохое впечатление, даром что ты леблябби.

— Тебе нравятся смертельно опасные игры?

— Да. И тебе тоже.

— Тебе не раз удавалось меня поймать, — сказал Кикаха.

— И до сих пор ты все равно от меня ускользал. Когда за тобой охотились в Лос-Анджелесе, я просто развлекался. Мои наемные убийцы оказались не слишком умелыми, и удача была на твоей стороне. А потом я попал в Лавалитовый мир и чуть было не остался там навечно. Подозреваю, не без твоей помощи.

Кикаха не стал подтверждать догадку тоана. Пусть себе гадает.

— В любом случае, — сказал Рыжий Орк, — больше я с тобой играть в кошки-мышки не намерен.

— Я постараюсь выполнить твое задание и не стану делать попыток к бегству, — пообещал Кикаха.

Возможно, Рыжий Орк верил ему не больше, чем сам Кикаха верил Рыжему Орку, но тем не менее тоан в подроб-

ностях рассказал, как он попал на Пещерную планету и как выбрался оттуда.

Лос, отец Рыжего Орка, выдворил сына из фамильной вселенной в пещеру на Антеме. Рыжий Орк и поныне в точности не знал, где именно на Антеме располагались врата. Впрочем, Лос мог установить там несколько врат.

Рыжий Орк с Иджимом нашли врата, ведущие с Антемы на планету Зазеля, потому, что отец снабдил сына картой. Но карта была зашифрованной, так что Рыжий Орк мог и не найти дороги.

— А покинуть Пещерную планету я сумел лишь потому, что Дингстет показал мне врата, — сказал Рыжий Орк. — Но через эти врата нельзя войти — только выйти. Врата, расположенные на Антеме, были точно такими же. Ты должен будешь отыскать другие врата. Хотя, если найдешь те самые, через которые прошли мы с Иджимом, можешь воспользоваться ими. Я долго пытался их найти, и искал так упорно, что, по-моему, зациклился. Мне нужен кто-нибудь, способный взглянуть на вещи свежим взглядом. Кто-нибудь изобретательный или по крайней мере пользующийся такой репутацией. Поэтому я предлагаю тебе добровольно согласиться на это рискованное предприятие.

— Отдай мне рог, — сказал Кикаха. — Он откроет любые врата и обнаружит слабые места в стенах между вселенными.

— Я же говорил, что ты шутник. А без шуток не можешь?

— Не могу. Ну хорошо. Я должен узнать все подробности об этих вратах и о мирах, в которых они находятся. И вообще у меня к тебе много вопросов.

Через час Рыжий Орк покинул зал, хотя то зло, которое, как чудилось Кикахе, исходило от тоана, все еще висело в воздухе. Чего хотел от него тоан, Кикахе было ясно. Неясными оставались тайные замыслы Рыжего Орка. На планете Зазеля тоан побывал восемнадцати лет от роду, то есть двадцать тысяч земных лет тому назад. Почему он тянул так долго? Почему не взял Пещерную планету штурмом и не завладел вожделенной информацией? Или же он пытался и все время безуспешно? Если многочисленные попытки тоана оказались неудачными, значит, дело и впрямь безнадежно. Практически невозможно достичь успеха там, где тоан потерпел поражение, — и все же он доверил эту задачу презренному лебляббию!

Практически невозможно. Но Кикаха был убежден, что, если есть хоть триллионная доля вероятности, он сумеет ею воспользоваться. Хотя он порой подтрунивал над собственной самоуверенностью, Кикаха свято верил, что способен сделать

все, кроме того, что сделать невозможно. И даже с невозможным можно побороться.

В течение следующих трех дней Кикаха не видел своего поработителя. Он усиленно занимался гимнастикой в этом просторном зале, который мог бы быть и попросторнее, ел за троих, хотя и кипел от злости, а подчас выплескивал ее отборной бранью. Прекрасная служанка недвусмысленно дала ему понять, что не прочь разделить с ним ложе, буде он пожелает. Но Кикаха отверг ее. Пока он не убедится в том, что Анана погибла, других женщин для него не существует.

В его воображении постоянно возникали все новые и новые сцены спасения Ананы из потопа. Рыжий Орк, осматривавший ущелье с воздушного катера, мог не заметить ее, если она укрылась где-нибудь в пещере или под выступом скалы, да и на открытом пространстве вполне мог ее проглядеть.

Но потом Кикаха укротил свою фантазию. Ничего не попишешь, надо просто надеяться и ждать.

Вечером третьего дня Рыжий Орк снова появился в зале. Лучемет у него был в кобуре, а с пояса свисала шпага в длинных ножнах. В правой руке тоан нес большой мешок. За спиной властителя маячило пять телохранителей, в том числе и один лучник. Тоан не поздоровался с пленником, просто сказал: «Иди за мной». Телохранители окружили Кикаху и повели через анфиладу экзотически убранных залов, совершенно пустых. Наконец его привели в огромный зал, освещенный тысячью факелов. Потолок уходил вверх этажей на шесть или семь. Стены, покрытые золотыми пластинами, украшали бесчисленные изображения животных и людей, и очертания каждой фигурки были выложены драгоценными камнями. Мебели в зале не было. В дальнем конце стояла гигантская бронзовая скульптура, изображавшая человека с громадным, торчащим кверху фаллосом, четырьмя руками и дьявольским лицом. Футах в двадцати перед скульптурой располагался алтарь на монолитном постаменте, покрытом пятнами засохшей крови. Его окружала стена вполовину меньшей высоты с выдолбленными в камне ступенями.

— Меня привели на заклание? — усмехнулся Кикаха.

Улыбка тоана, казалось, была высечена из гранита:

— Но не в качестве жертвы религиозного ритуала.

Он что-то сказал на сладкозвучном местном наречии, и телохранители удалились через парадную дверь. Один из них захлопнул дверь и задвинул массивный запор. Лязг запираемой двери показался Кикахе роковым. Но ему не раз уже приходилось сталкиваться с роком и побеждать его.

— Поднимись по ступеням и стань возле постамента, — велел ему Рыжий Орк.

Когда Кикаха повернулся к тоану лицом, почти касаясь спиной монолита, возвышавшегося у него над головой, Рыжий Орк размахнулся и швырнул к его ногам мешок.

— Развяжи мешок, — громко приказал тоан. Слова его подхватило гулкое эхо.

Кикаха вытащил из мешка лучемет, пакет батарей, длинный нож, флягу с водой и мешок поменьше. Там оказались одежда, пояс с кобурой и ножнами, пара башмаков, перочинный нож и ящик с концентратами.

— Лучевик не заряжен, — сказал Рыжий Орк. — Вставишь в него батарею, когда прибудешь на место назначения.

— И когда ты окажешься вне досягаемости, — добавил Кикаха. — Ты все предусмотрел.

— Я не такой беспечный, как ты, леблябби. Ты получил от меня инструкции и всю информацию, которую я мог тебе дать. Положи вещи в мешок и лезь на постамент.

Оказавшись на вершине монолита, Кикаха взглянул на тоана. Тот улыбался, словно вся эта процедура доставляла ему искреннее наслаждение.

— Я предпочел бы оставить тебя своим пленником, помучить в свое удовольствие, а потом выпить твой пепел с вином, как выпил пепел своего папаши, — крикнул ему тоан. — Но я прагматик. Даю тебе шестьдесят дней на выполнение задания и...

— Шестьдесят дней? — крикнул в ответ Кикаха. — Я должен сделать за шестьдесят дней то, с чем ты не справился за десять тысячелетий?

— Вот именно! Кстати, Хитроумный! У тебя есть еще один стимул для того, чтобы вернуться ко мне! Твоя подружка Анана все время была в соседней с тобой комнате! — Он помолчал немного и крикнул: — Правда, я могу и солгать!

Кикахе показалось, будто его пронзило гигантской сосулькой. Не успел он оттаять, как Рыжий Орк выкрикнул кодовое слово.

Твердый камень под ногами исчез, и Кикаха полетел вниз.

ГЛАВА 9

Он выбросил вверх правую руку, пытаясь ухватиться за край разверзшейся под ним бездны. Кончики пальцев царапнули по каменной стенке шахты. Так это врата, а вовсе не

люк в полу, открылись и поглотили его! До чего же типично для Рыжего Орка не предупредить, что пленнику придется падать!

Прижимая мешок к левому боку, Кикаха отчаянно пытался сохранить вертикальное положение. Свет, струившийся сквозь врата, погас. В непроглядной тьме Кикаха тщетно хватался за воздух. Шахта, в которую он падал, сделалась уже. Ее округлые стены, казалось, были всего в дюйме от тела. А затем Кикаха обнаружил, что шахта начинает изгибаться. Стены были скользкие, словно намыленные, и только благодаря этому кожа на спине еще не начала гореть.

К тому времени Кикаха начал считать секунды. Насчитал двадцать. Еще пять наверняка прошло до того, как он начал отсчет. Через четыре секунды шахта плавно изогнулась и стала горизонтальной. Кромешную мглу сменил туманный тусклый свет, разгоравшийся все ярче.

Ну-ну, подумал Кикаха. Похоже, приехали!

Он вылетел из шахты, как из пушки. Над ним была каменная, залитая ярким светом стена. Кикаха развернулся в воздухе, чтобы приземлиться на ноги. Развернувшись, он обнаружил, что находится в каменной пещере футов двадцати в ширину и тридцати в длину. То, что он принял за стену, оказалось потолком. Внизу блестел пруд, и Кикаху несло прямиком в воду. Как ни пытался он войти в нее ступнями, но все-таки плюхнулся боком, да с такой силой, что тут же пошел ко дну. Несмотря на полуобморочное состояние, он судорожно замолотил руками и ногами и всплыл на поверхность, после чего, не выпуская из руки мешок, добрался до берега. Тот возвышался над водой всего на несколько дюймов, так что Кикаха довольно легко выволок свое тело на каменный пол.

— Черт! — громко выругался он.

Голос его эхом отдался от стен. Посидев немного и переведя дух, Кикаха встал. Свет исходил из невидимого источника — впрочем, в этом не было ничего нового. В стенах зияло три входа в туннели. Кикаха развязал мешок и вытащил почти все его содержимое. Натянул на мокрое тело обтягивающие жокейские шорты и рубаху с длинными рукавами. Вытер ноги короткой шотландской юбкой, облачился в нее, потом надел носки и туфли, похожие на тенниски. Быстро опоясался, застегнул ремень, сунул лучемет в кобуру, нож — в ножны и крепко привязал к поясу мешок.

— Пока что довольно занятно, — сказал он вслух.

Только вот мучительную неуверенность по поводу судьбы Ананы никак нельзя было назвать занятной. Тоан, этот чертов сукин сын, зажег на мгновение радость в сердце Кикахи, сказав о том, что Анана жива, — и тут же потушил ее, как свечу, прибавив, что, возможно, он лжет. Прибавил, конечно же, с одной только целью: чтобы Кикаха терзался все время скитаний.

Рыжий Орк левша. Означает ли это, что нужно выбрать левый туннель? Или любой из них выведет к цели? Это было бы вполне в духе Рыжего Орка.

Кикаха вошел в левый туннель. Он освещался таким же не имеющим источника и не дающим тени светом, как и пещера, только более сумеречным. Кикаха шагал не спеша, оглядываясь в поисках ловушек, хотя, как ему казалось, Рыжий Орк должен был дезактивировать их. Какой ему смысл губить Кикаху в самом начале пути? Даже Рыжий Орк не настолько безумен.

Минут через пятнадцать туннель повернул влево, а еще через десять — вправо. Вскоре Кикаха вышел на финишную прямую и оказался в ярко освещенной комнате. Он рассмеялся.

Как он и ожидал, в комнату вели все три туннеля, и лишь один вел из комнаты. Рыжий Орк специально устроил три выхода из пещеры с прудом, чтобы человек, оказавшийся там, помучился над проблемой выбора. То, что тоан не дал Кикахе инструкций насчет туннелей, означало, что властитель не собирался облегчать ему задачу.

Каменные стены выглядели монолитными, но где-то в них мог скрываться монитор. Тоан наверняка наблюдает за ним сейчас. И глумливо ухмыляется при этом.

Что ж, Кикаха обманул его надежды.

Он пошел быстрее, углубившись в единственный выходящий из комнаты туннель. Здесь, как и в прежнем туннеле, было довольно темно. Примерно милю спустя стало светлее. Через сорок шагов перед Кикахой открылся прямой отрезок, в конце которого сиял яркий дневной свет. Шагнув наружу, Кикаха оказался на скальном уступе. Скала отвесно поднималась ввысь, гладкая, точно отполированная, и под уступом точно так же отвесно обрывалась вниз. Если прыгнуть в реку, текущую у подножия горы, то придется пролететь как минимум тысячу футов. Снизу, поднимаясь к вершине, дул холодный ветер.

Но где же врата?

Через несколько секунд Кикаха почувствовал за спиной теплое дуновение. Обернувшись, он увидел мерцание внутри

туннеля, футах в десяти от входа. За мерцающей завесой смутно виднелись очертания стульев и столов.

— Играй-играй в свои детские игры, Рыжий Орк, — пробормотал Кикаха.

Он вошел было в туннель, но, сделав несколько шагов, остановился. Перед зыбкой завесой появилась еще одна мерцающая пелена и затмила первую.

Такое Кикаха видел впервые.

— И что дальше?

Через новые врата сбоку смутно проглядывал ствол какого-то дерева. Больше ничего Кикахе разглядеть не удалось. Он пожал плечами и, сжимая в руке лучемет, прыгнул сквозь врата. Приземлился, сгруппировавшись, и огляделся по сторонам. Не заметив ничего угрожающего, медленно выпрямился.

Его окружали деревья, вдвое превосходящие по величине секвойи. С ветвей там и сям свисали полосатые красно-зеленые растения, похожие на испанский бородатый мох. Их усики то и дело шевелились. Землю покрывал мягкий толстый ковер из бледно-желтого мха. Между стволами росли большие кусты с красноватыми ягодами. Лес оглашали переливчатые птичьи трели. Пестрые пятна мягкого света и прохладный свежий воздух наполнили душу Кикахи ощущением уюта.

Он подождал немного: вдруг кто появится? Но так никого и не дождавшись, углубился в лес, не зная, да и не тревожась о том, выйдет ли он на опушку или, наоборот, забредет в самую чащу. Поскольку Рыжий Орк не дал на сей счет никаких указаний, Кикаха решил идти куда глаза глядят.

Он все еще размышлял об удивительном появлении в туннеле вторых врат, когда из-за гигантского ствола вышел человек. Кикаха остановился и сразу же оглянулся, желая убедиться, что никто не подкрадывается к нему из-за спины. Сзади никого не оказалось. Человек, ростом примерно с Кикаху, был гол и бос. В длинных прямых черных волосах, завязанных позади хвостом, торчало малиновое птичье перо. По щекам разбегались косые параллельные полоски, зеленые, белые и черные. Пенис был обмотан длинной синей лентой, свисающей до самых колен. Оружия у человека не было, и он поднял вверх раскрытые ладони, демонстрируя мирные намерения.

Кикаха подошел к нему поближе. Человек улыбнулся. Высокие скулы, короткий приплюснутый нос и сильно выраженный эпикантус* выдавали его монголоидное происхождение. Но глаза были светло-карими.

---

* Эпикантус, или «монгольская складка», — особая складка у внутреннего уголка глаза, в большей или меньшей степени прикрывающая слезный бугорок.

— Приветствую тебя, Кикаха! — сказал он по-тоански. У него был ярко выраженный непривычный акцент, но слова звучали вполне понятно.

— Привет и тебе, друг! — ответил Кикаха, вновь насторожившись. Откуда, черт побери, этому парню известно его имя?

— Меня зовут Лингваллан, — сказал человек. — Оружие тебе не понадобится, хотя, если хочешь, можешь оставить его. Следуй за мной, пожалуйста.

Человек повернулся и зашагал в том же направлении, в каком шел до сих пор Кикаха.

— Что это за мир? — спросил, поравнявшись с ним, Кикаха. — Где мы находимся? Куда мы идем? И кто послал тебя?

— Наберись терпения, скоро ты получишь ответы на все вопросы.

Кикаха решил не противиться. Если парень заманивал его в западню, то делал это довольно необычным способом. Хотя вполне эффективным. Его «гость» был слишком любопытен, чтобы отвергнуть приглашение. А кроме того, интуиция подсказывала Кикахе, что незнакомец не опасен. Впрочем, интуиция подчас подводила его.

Они прошли несколько миль, и Кикаха лишь однажды прервал тишину вопросом.

— Ты знаешь Рыжего Орка? — поинтересовался он.

— Нет, — ответил Лингваллан.

Они миновали стадо оленеподобных животных, пасшихся на поросшей мхами лужайке. Животные подняли головы, глянули на них и вернулись к своему занятию. Через какое-то время путники прошли мимо молодой обнаженной парочки — юноши и девушки, которые сидели, прислонясь спинами к стволу. На животе у девушки, между пупком и волосами на лобке, был намалеван зеленый треугольник. Юношу украшала длинная оранжевая лента, обмотанная вокруг пениса. Парень играл на дудочке; девушка аккомпанировала ему, дуя в деревянный резной инструмент гораздо более низкого тона. Они наигрывали веселый мотивчик — возможно, даже эротический, если судить по восставшему члену юноши.

Кикаха сунул лучемет в кобуру. Еще через какое-то время послышались громкие пронзительные голоса и смех играющих детей. А спустя минуту путники подошли к просторной поляне, посреди которой возвышалось дерево размером с три секвойи. Крона его кишела пичугами и красномордыми обезьянками. У дерева девятью концентрическими кругами стояли округлые хижины с коническими крышами из пальмовых

ветвей и листьев. Кикаха поискал глазами огороды, обычные для первобытных земных поселений, но не увидел ничего похожего.

Здесь не было также извечных стай кусачих насекомых — непременного атрибута подобных деревень на Земле.

Когда Кикаха с Лингвалланом шагнули из леса на поляну, освещенную солнечными лучами через просветы меж ветвей, там сразу воцарилась тишина. Длилась она всего несколько секунд. Затем взрослые и дети бросились вперед и окружили путников. Многие протягивали руки и касались Кикахи. Он терпел, поскольку их прикосновения явно не были враждебными.

Лингваллан провел Кикаху через проход, образованный домами, стоявшими чуть поодаль друг от дружки. Возле внутреннего круга толпа остановилась, хотя и продолжала оживленно гомонить. Еще до этого Кикаха заметил прорубленные в стволе бробдингнежского дерева окна и большие арки у его подножия. Все арки, за исключением той, что находилась прямо перед Кикахой, были полны любопытных коричневых лиц.

А в арке напротив стояла великанша в одном лишь ожерелье, искрившемся на солнце, да зеленой набедренной повязке. Сбоку в волосах у нее пылал громадный красный цветок. В руке великанша держала длинный деревянный посох с резными змеями, которые, казалось, как живые ползли наверх.

Хоть росту в ней было футов семь, при виде ее тела у любого мужчины затряслись бы от вожделения поджилки. А взглянув на ее лицо, он невольно бухнулся бы перед нею на колени. Кикаха почувствовал жар в своих чреслах. От этой женщины, казалось, исходили почти осязаемые лучи. Ни один мужчина, как бы ни был он груб или возбужден, не посмел бы наброситься на нее без позволения. Она не только выглядела как богиня — ее окружала невидимая божественная аура.

На позолоченном солнцем лице сияли зеленые, словно листья, глаза. «По цвету точь-в-точь как мои, — подумал Кикаха, — хотя моей привлекательности до ее красоты как до неба».

Лингваллан выбежал вперед и опустился на одно колено у ног великанши. Она что-то сказала ему, он встал и подбежал к Кикахе.

— Манату Ворсион повелевает тебе подойти к ней. Она говорит, что не ждет от тебя земных поклонов.

— Манату Ворсион! — пробормотал Кикаха. — Как я сразу не догадался?

Почти всех властителей, встречавшихся ему до сих пор, Кикаха считал воплощением зла. На самом деле, и он это прекрасно знал, они были всего лишь людьми, хотя настойчиво подчеркивали превосходство своей расы перед расой гомо сапиенс и жестоко эксплуатировали своих подданных леблябиев.

Но Манату Ворсион, судя по сказаниям, которые доводилось слышать Кикахе, была исключением. Создав себе вселенную и заселив ее искусственными людьми, она посвятила им свою жизнь, стараясь стать для них доброй и понимающей правительницей. Леблябии ее планет считались самым счастливым народом среди тысяч и тысяч вселенных. Кикаха не очень-то верил этому, поскольку все встречавшиеся ему властители, за исключением двоих, были невыносимо надменны, эгоистичны и не менее кровожадны, чем Чингисхан, Шака* или Гитлер.

Вольф и Анана — вот двое властителей, которые стали настоящими «людьми». Но когда-то и они были такими же безжалостными кровопийцами, как их сородичи.

Кикаха подошел к Манату Ворсион. И вдруг, несмотря на свою твердую решимость никогда ни перед кем не склоняться, будь то мужчина или женщина, упал на одно колено. Он ничего не мог с собой поделать; его переполняло ощущение божественности, исходившей от великанши. Тщетно разум твердил ему, что по рождению она не более богиня, чем он сам. Колено подогнулось так естественно, будто он с детства только этим и занимался.

Теперь, оказавшись вблизи от женщины, Кикаха заметил, что ее ожерелье сделано из живых насекомых типа светлячков, связанных вместе.

Прямо у него за спиной раздался громкий голос Лингваллана:

— Манату Ворсион! Великая Праматерь! Владычица наша! Прародительница всего сущего! Позволь представить тебе Кикаху!

— Встань, Кикаха, человек разносторонних талантов и безмерной хитрости, человек, не знающий поражений! — сказала Манату Ворсион. От ее мелодичного и мощного го-

---

* Шака, или Чака (1787?—1828) — основатель зулусского королевства в Юго-Восточной Африке.

лоса по спине у Кикахи побежали мурашки. — Войди в мой дом как гость!

Ступив под арку, Кикаха с любопытством оглядел большой зал с винтовыми лестницами, вырезанными внутри еще цветущего дерева. Следуя за Лингвалланом, он поднялся по одной из лестниц. Освещались помещения в дереве исключительно солнечным светом, по крайней мере днем, хотя какие устройства проводили сюда свет, Кикаха не понял. Мебель в комнатах, соединенных арочными проходами без дверей, тоже была вырезана из дерева и как бы вырастала из пола. Каждую комнату украшали толстые ковры, живописные полотна, скульптуры и фонтаны.

Но Кикаху снедало желание узнать, зачем Манату Ворсион понадобилось приглашать его сюда, и он не стал терять время на разглядывание произведений искусства. Попав в отведенные ему покои, Кикаха тут же ополоснулся под водопадом, сбегавшим вдоль стены и пропадавшим в маленьких дырочках в полу. Когда он вышел из-под душа, его насухо вытерла молодая женщина, вполне способная на Земле выиграть звание «мисс Америка». Она же подала ему пару сандалий. Кикаха обулся — похоже, сандалии были здесь общепринятой формой обуви — и спустился по блестящей полированной лестнице. Лингваллан встретил его внизу и провел в трапезную — большую комнату, устланную мягким ковром, но совершенно без мебели. На ковре, скрестив по-турецки ноги, сидела владычица этой вселенной, а рядом с ней — двое громадных, но очень красивых мужчин и две огромные прекрасные женщины. Манату Ворсион представила их гостю, предложила ему сесть и затем сказала:

— С ними я делю свою постель.

«Со всеми сразу?» — подумал Кикаха.

— Они также мои любовники, — добавила Манату Ворсион. — Как ты знаешь, или должен знать, есть большая разница между любовниками и теми, с кем просто делишь постель.

Слуги вместе с Лингвалланом, бывшим, по-видимому, кем-то вроде старшего дворецкого, внесли блюда с овощами и фруктами, в том числе незнакомыми Кикахе, а также жареной свининой, олениной и дичью. Откусив кусок бутерброда, намазанного толстым слоем какого-то джема, Кикаха выпучил глаза, ощущая, как все тело задрожало от блаженства.

Бокалы, выточенные из морских раковин, содержали четыре разных напитка. В одном была вода; в другом — легкое восхитительное вино; в третьем — разбавленное виски; в четвертом

оказался напиток, какого Кикахе пробовать еще не доводилось.

Он пил и ел, стараясь не переедать, а лишь насытиться. От мяса почти воздержался, чтобы оставить место еще для одного бутерброда с джемом. Заметив его сдержанность, Манату Ворсион одобрительно кивнула. На самом-то деле Кикахе хотелось не столько есть, сколько расслабиться и словить кайф, но он понимал, что сейчас это совершенно неуместно.

Вот что было бы уместно, подумал он, так это прекратить светскую беседу и попросить у хозяйки ответа на кое-какие вопросы. Но Великая Праматерь не спешила, что, в общем, вполне естественно для женщины, прожившей более тридцати тысяч лет.

После обеда все вышли на улицу посмотреть церемонию, организованную в честь гостя. Танцы были ярки, живописны и шумны, а песни полны упоминаний о мифах и легендах, не известных Кикахе. Лингваллан, стоя рядом с ним, пытался пояснить гостю их суть, но вскоре сдался, не в силах перекричать шума толпы. Впрочем, мифы Кикаху не волновали. Он хотел услышать хоть что-нибудь о своей судьбе от женщины, знающей толк в таких делах — от «Владычицы нашей» Манату Ворсион.

Усталый, раздраженный, хотя и несколько возбужденный зрелищем, Кикаха улегся спать в своей комнате. Час зевал, вздыхал, ворочался на толстых перинах, лежавших на полу, но в конце концов все же уснул. Пробудило его сновидение: словно наяву он увидел лицо Ананы — совершенно несчастное лицо, появившееся из серых зловещих облаков.

Наутро, приняв душ, позавтракав — словом, проделав все необходимые, но отнимающие время процедуры, — Кикаха спустился по лестнице и вышел из дерева. Там его ждал еще один завтрак, сервированный на улице возле арки. Великанша не появлялась, пока Лингваллан не провел Кикаху по поселку и не показал все достопримечательности, объясняя их историю и значение. Кикаха кипел от злости. В какую вселенную ни попади, нигде не скроешься от назойливых гидов!

Но тем не менее он уяснил для себя, к какого рода властителям принадлежала Манату Ворсион. Она была благожелательным деспотом. То есть единолично решала, в какой окружающей среде должны жить ее леблябби и какой общественный строй подходит им лучше всего. Почти вся суша на планете была покрыта джунглями, лесами, реками и озерами. Пустынь здесь не существовало вовсе, зато невысоких горных массивов было в изобилии.

По густым плодородным джунглям кочевали отдельные семьи или племена. Охота, рыбная ловля и сбор растительной пищи занимали у них по нескольку часов в день. Земледелие было сведено к маленьким садам и огородам. Досуг туземцы проводили в беседах (местные леблябби были жутко словоохотливы) и в воспитании молодежи, собирались порой на племенные советы, занимались искусствами, устраивали спортивные состязания и совокуплялись. Последнее занятие представляло собой публичную игру, потому-то мужчины-победители и носили на членах разноцветные ленточки, а женщинам рисовали на животе треугольники. Эти голубые, зеленые и оранжевые знаки отличия означали первое, второе и третье место в очень популярных соревнованиях.

Женщины и мужчины обладали равными правами. Межплеменных войн здесь не бывало — вместо них проводились азартные и подчас очень жесткие спортивные игры с соседними племенами.

Короче говоря, если верить Лингваллану, подданные Манату Ворсион были счастливы, насколько вообще могут быть счастливы люди.

Кикаха, немало живший среди первобытных народов, знал, что безопасное и сплоченное племенное существование требует от людей почти абсолютного единогласия. Инакомыслящие представляли собой угрозу сообществу, и обычно с бунтарями расправлялись без всякой жалости. Если бунтовщик не смирялся и после сурового наказания, его изгоняли или убивали. Как правило, непокорные предпочитали смерть изгнанию. Жизнь вне племенного сообщества была невыносима для его членов.

Кикаха спросил об этом Лингваллана.

— Наша Владычица повелела, чтобы новаторов в области искусства или техники не зажимали. Но взрывчатые вещества и огнестрельное оружие у нас запрещены, как и двигатели, работающие на горючем. Властительница говорит, что железные предметы, за исключением предметов искусства, загрязняют землю, воздух и воды. Она рассказывала нам, что творится на твоей родной планете, Земле-1. — Он помолчал, пожал плечами и добавил: — Да мы этого и не хотим, а если и хотели бы, она бы не позволила.

— Но ведь вашей планете не грозит перенаселение, — заметил Кикаха. — Все тоаны регулируют рождаемость в своих вселенных, за исключением Земли-1 и 2. К примеру, Ядавин, бывший когда-то властителем Многоярусного мира, сократил прирост населения среди своих подданных очень просто —

растворил во всех водоемах химикалии, частично препятствующие зачатию.

— Я ничего не знаю про Ядавина или других властителей, — сказал Лингваллан, — но наша мудрая властительница создала наши тела таким образом, что мы крайне редко способны к зачатию.

— И у вас нет ни убийств, ни краж, ни междоусобиц, ни сексуальных преступлений?

Лингваллан снова пожал плечами:

— Все бывает. Великая Праматерь говорит, что это неизбежно между людьми. Но племенные советы выносят вердикты, и приговоренный может апеллировать лишь к самой Манату Ворсион. Очень трудно избежать разоблачения, если ты кого-нибудь убил. Да и редко у нас такое случается. Сексуальных преступлений почти не бывает. За совращение ребенка до двенадцати лет полагается смертная казнь. Люди старше двенадцати могут совокупляться только по взаимному согласию. — Он подумал немного, потом сказал: — Угроза ребенку, как физическая, так и моральная или эмоциональная, карается смертью или изгнанием. Но я о таком отродясь не слыхал, ни в одном из племен. Дети — самое ценное, чем мы владеем, если, конечно, ребенком можно владеть.

Кикаха не стал спрашивать своего гида, не тяготит ли его необходимость подчиняться Великой Праматери. Ничего, кроме сомнений насчет вменяемости гостя, такой вопрос у Лингваллана вызвать не мог.

— Стало быть, все счастливы и кругом сплошная благодать? — сказал Кикаха. — А жизнь — само совершенство без недостатков?

— Разве бывает на свете совершенство? — вопросом на вопрос ответил Лингваллан.

Кикаха понял лишь одно: останься он здесь жить, он бы помер со скуки.

Манату Ворсион встретила его у главного входа в дерево:

— Теперь мы поговорим о Рыжем Орке, о тебе и обо мне. Нам есть о чем потолковать.

Она провела Кикаху по главной лестнице на шестой этаж и дальше, через арку без дверей, в просторную комнату. На одной стене висело зеркало футов в двадцать пять высотой. А на единственном столе стояли серебряный кувшин и три серебряных кубка, украшенных горельефами людей и животных. Один из горельефов привлек внимание Кикахи. Это было изображение чешуйчатого человека.

Манату Ворсион пригласила гостя сесть. В комнате было всего два кресла.

— Эта комната для всех табу, здесь я принимаю лишь избранных гостей. Нас никто не потревожит. — Усевшись, властительница наполнила два кубка зеленоватой жидкостью. — Ты хочешь спросить меня, зачем и как ты попал сюда из мира Рыжего Орка, вéрно?

Кикаха кивнул и пригубил напиток. На вкус... похоже на сжиженные лучи солнца, луны и звезд, другого сравнения не подберешь. Сердце у Кикахи забилось быстрее; голова, похоже, слегка разбухла; по телу разлилось приятное тепло.

— Только не пей слишком быстро, — предупредила хозяйка.

Кикаха привык к наготе, но эти громадные, круглые и упругие груди напротив вызывали у него странное чувство. Отчасти сексуальное, но отчасти... как бы это сказать? Кикаха ощущал себя погруженным в материнское чрево, и околоплодные воды качали его, навевая сновидения без слов. Вернее, даже без понятия о словах. Просто мысли, лишенные всяких образов. Он стал бессловесным созданием, в голове не осталось никаких посторонних видений. Его качали и баюкали волны чистых эмоций. Он чувствовал себя сытым, довольным, ему было уютно и покойно, и он не хотел покидать этот мир. Здесь был рай, а снаружи — ад.

Чувство быстро прошло. Околоплодный океан вдруг с глухим ревом обмелел, точно во чреве открылась дыра, и устремился водопадом наружу. Кикаху охватила паника, а через мгновение он снова стал самим собой.

Он потряс головой и тихо поклялся, что не прикоснется больше к зеленому напитку. По крайней мере, в этой комнате и в присутствии Манату Ворсион.

Властительница улыбнулась, точно знала о его ощущениях.

— Я долгое время наблюдала за Рыжим Орком и его планами, — сказала она. — О тебе я узнала не так уж давно. И мне известно довольно много о том, что творится в других вселенных. — Не оборачиваясь, она нажала большим пальцем кнопку возле серебряного зеркала. — С его помощью я наблюдаю за событиями в разных мирах. Зеркало соединено с вратами других властителей, а также с теми вратами, которые я сама установила в стенах между вселенными. Передачи не всегда качественные, да и настройка то и дело сбивается, но все же я могу следить за ключевыми мирами. Так сказать, держу палец на пульсе многих вселенных. Мои подданные считают это зеркало волшебным.

Кикаха хотел спросить, досталось ли ей зеркало в наследство от предков или она смастерила его сама. Анана расска-

зывала ему о Манату Ворсион — в том числе и о том, что это единственный оставшийся среди властителей ученый, за исключением, может быть, Рыжего Орка. Но так или иначе, зеркало принадлежало ей, а остальное сейчас не имело значения.

— Я слыхала о тебе и время от времени видела тебя, — продолжала властительница, — но до сих пор, даже когда ты показывался в глиндглассе, — она махнула рукой в сторону мнимого зеркала, — я не ставила тебе ловушек, чтобы заманить в свой мир. У меня не было на то веских оснований. Но как только они появились, я устроила несколько ловушек — кстати, это не так-то просто сделать, пользуясь дистанционным управлением, — и стала ждать, надеясь, что когда-нибудь поймаю тебя. Кроме того, я поставила на врата сигнализационные системы, чтобы звонок оповестил меня, когда ты пройдешь через них, причем в одиночестве.

— Но как детекторы распознали меня? — спросил Кикаха.

— Кожа каждого существа имеет уникальное по графике электрическое поле. Глиндглассa улавливает поля и заодно регистрирует массу индивида. В нее встроен визуальный детектор, но я пользуюсь им нечасто, потому что его трудно контролировать. Однако у меня было твое физическое описание, полученное из других источников, и я ввела его в компьютер, где хранятся данные обо всех существах, попадавших в поле зрения глиндглассы. Когда машина обнаружила тебя, на экране появилось твое озвученное изображение вместе с присущим тебе частотным полем.

После этого я и установила ловушки, чтобы они перебросили тебя сюда, как только ты окажешься в зоне действия глиндглассы. Правда, вероятность поймать тебя была ничтожной, ибо существует много тысяч, возможно, сотни тысяч врат, а подключиться я могла лишь к тысяче.

— Почему ты не поймала заодно и Рыжего Орка?

— По-моему, он не знает, что я с удовольствием сделала бы это. Зато он наверняка знает о существовании глиндглассы и, очевидно, носит при себе устройство, поглощающее частоты его поля.

— Но разве отсутствие поля наряду с обнаруженной массой не выдаст Рыжего Орка с головой? Ты же можешь в таком случае включить визуальный детектор, разве нет?

— Да, тебя не назовешь простаком, хитроумный убийца властителей, — улыбнулась Манату Ворсион. — Во-первых, поле визуального наблюдения часто отклоняется от поля приемопередатчика. А во-вторых, Рыжий Орк, насколько мне

известно, ни разу не попался ни в одну из моих ловушек. Может, у него есть нейтрализатор визуального детектора и фальшивый массоизлучатель. Не ты один способен на хитрости.

— Кстати, а почему ты переместила меня в лес, а не сразу в свое дерево?

— Тебе нужно было время, чтобы привыкнуть к моей вселенной и убедиться в мирных намерениях Лингваллана. Кто знает, что случилось бы, попади ты сразу в толпу незнакомцев? Ты очень проворный. Мне не хотелось, чтобы ты пустил в ход лучемет, не разобравшись в ситуации.

— Только не я.

— Самоуверенности тебе не занимать. Это неплохо для личности — в разумных пределах, конечно.

Кикаха не поверил объяснениям властительницы. Скорее всего, она просто была очень осторожна и не хотела устанавливать врата в непосредственной близости от своего жилища. Человек, прошедший через врата, мог иметь при себе мощную бомбу или другое разрушительное оружие. Деревья в лесу наверняка были снабжены бесчисленными невидимыми детекторами. И если бы у Кикахи было при себе опасное оружие, властительнице это сразу бы стало известно.

— Сейчас не время для несущественных вопросов, — сказала между тем Манату Ворсион. — Но на один я отвечу. Ты спросишь, почему я не телепортирую сюда всех подряд, кто попался в мои ловушки? Среди них ведь мог бы оказаться и Рыжий Орк, верно? Я долго именно так и поступала — пять столетий, если быть точной. Но перестала, как только поняла, что он способен их избежать.

А теперь прикуси язык и слушай, пока я не позволю тебе говорить.

ГЛАВА 10

Манату Ворсион давно уже знала о Рыжем Орке, о его войнах с родным отцом Лосом и с другими властителями после убийства отца.

— Я и о тебе тоже слыхала, Кикаха. Многие властители боятся тебя. Они считают тебя тем самым лебляббием, который, согласно древнему пророчеству, покончит со всеми властителями. Пророчества — это, конечно, ерунда, но только до тех пор, пока они не начинают сбываться. Несмотря на свое могущество, властители не только деградируют, они еще и суеверны.

Пока что Рыжий Орк не пытался захватить вселенную Манату Ворсион. В ее распоряжении было слишком много

древнего оружия, чтобы он осмелился напасть, пусть даже вдохновленный расправой со многими другими властителями.

— Так было до сих пор, — продолжала властительница, — но теперь у него появился рог Шамбаримена. Это может придать ему смелости для вторжения в мой мир. К тому же шпионы доносят, что Рыжий Орк возобновил свои попытки проникнуть на планету Зазеля, которые бросил несколько тысячелетий назад. С помощью рога он, возможно, преуспеет. Говорят, ему известно, что там хранится последняя машина творения-разрушения. Рыжий Орк, как свидетельствуют мои шпионы, не раз заявлял, что уничтожит все вселенные, кроме одной, как только завладеет древней машиной.

«Вот, значит, где собака зарыта!» — подумал Кикаха. По словам Рыжего Орка, он хотел завладеть на планете Зазеля лишь «определенной информацией». Значит, информация касается машины творения-разрушения, что бы та собой ни представляла.

— Прости, что прерываю, Великая Праматерь, — осмелился Кикаха, — но я просто не в силах промолчать. Твои данные не совсем точны. Машины на планете Зазеля нет, но там есть информация о том, как ее построить. Рыжий Орк сказал мне об этом. То есть он надеется найти данные, планы, схемы — уж не знаю что еще, только не саму машину.

Властительница приподняла свои блестящие черные брови:

— Вот как? Но он же известный лгун — возможно, он не сказал тебе всей правды?

— Он был уверен, что я не в силах сбежать от него и обязательно вернусь обратно, поэтому был более откровенен, чем обычно. Он действительно завзятый лгун, хотя не мне упрекать его в этом, поскольку я сам не без греха. И тем не менее в данном случае у него не было причины лгать.

Манату Ворсион помолчала с полминуты.

— Наверное, лучше сначала мне выслушать тебя, — проговорила она наконец. — Расскажи мне, во-первых, как ты, землянин, попал в Многоярусный мир? Вообще-то я слышала об этом, но слухи не всегда правдивы. Расскажи мне свою историю от начала до нынешнего момента, только постарайся не превращать ее в эпическое повествование. Мне нужен всего лишь краткий обзор.

Кикаха выполнил повеление. Но когда он дошел до чешуйчатого человека, то услышал изумленный вздох великанши.

— Токина! — воскликнула она, широко распахнув глаза.

— В чем дело?

— Продолжай. Я скажу тебе позже. Что случилось, когда ты впервые увидел его?

Кикаха рассказал, как чешуйчатый человек, которого они с Ананой считали мертвым, зашевелился в то самое мгновение, когда они покидали гробницу.

Великанша вскочила и быстро зашагала по комнате взад-вперед, широко размахивая руками. Она явно была взволнованна.

Даже богини теряют порой самообладание, подумал Кикаха.

— Токина! Токина! — бормотала великанша. — Не может этого быть!

— Почему не может?

Властительница повернулась к нему:

— Потому что он просто образ из народной легенды, рожденной первобытными страхами и воображением! В детстве родители и домашние слуги рассказывали мне сказки о токинах. В ряде сказаний токины считались негуманоидными предшественниками тоанов. Судя по другим преданиям, токины создали первых тоанов и поработили их. Потом тоаны восстали и убили всех токинов, кроме одного. Единственный уцелевший Токина сбежал в какую-то неведомую вселенную и, если верить преданию, погрузил себя в анабиоз. Но легенда — кстати, мне, девочке, она казалась очень страшной — гласила, что однажды, когда наступит час, Токина восстанет ото сна, присоединится к злейшему врагу тоанов и поможет ему перебить их всех. А злейшим врагом их будет леблябби.

В этой легенде рассказывалось и о том, как Токина убьет последнего тоана и станет властителем всех миров.

Но в другом предании говорилось, что Токина присоединится к леблябби и поможет им скинуть иго властителей. Все эти сказки заставляли детишек замирать от ужаса и восхищения. Но чтобы Токина на самом деле... чтобы он... чтобы...

— Я не лгу, — сказал Кикаха. — И меня очень заинтересовало изображение чешуйчатого человека, которое я увидел на кубке.

— Если Токина восстал ото сна и ожил, что, интересно, он намерен предпринять?

— Сейчас мы знаем только то, что он существует, и это не сказки. Трудно судить, будет ли он настроен дружелюбно или враждебно.

А про себя Кикаха подумал: уж не остался ли детский страх в душе великанши и поныне?

Она села, склонилась к нему и обхватила его за талию. Кикаха поморщился: от этого дружеского объятия у него, казалось, затрещали ребра. Хватка у нее была сильной, как у

гориллы. Не хотелось бы ему встретиться с этой дамой в рукопашной!

— Чешуйчатый человек представляет собой неизвестный фактор. А стало быть, пока мы не узнаем больше, опасный. Скажи мне: ты говорил о нем Рыжему Орку?

— Нет. Я никогда не стал бы делиться с ним полезной информацией.

Великанша ослабила хватку. Кикахе очень хотелось потереть занемевший бок, но он не собирался показывать кому бы то ни было, даже богине, что ее объятия причинили ему боль.

— Хорошо, — сказала она. — Значит, это будет нашим преимуществом. Еще одно наше преимущество в том, что Рыжий Орк не знает, где ты находишься. Теперь, когда ты снова отправишься на Пещерную планету...

Дважды богинь перебивать не принято, но Кикаха все же решился:

— Снова отправлюсь на Пещерную планету?

— Ну конечно. Я думала, это само собой разумеется. Ты же дал ему честное слово, не так ли?

— В данном случае честное слово роли не играет. Рыжий Орк знает, что я вернусь, поскольку, по его словам, Анана жива и находится у него в плену. Я сильно сомневаюсь, что ей удалось пережить наводнение, однако не могу проигнорировать даже малейший шанс.

— Ты еще не закончил свою историю.

Кикаха закруглился, описав, как он угодил в ловушку, поставленную великаншей перед вратами Рыжего Орка.

— Ты необычайный человек, — сказала властительница, — хотя и везло тебе тоже необычайно. Правда, удача может изменить тебе. Но с другой стороны...

Беседа их продолжалась еще долго. Кикаха потягивал напиток. К концу разговора он почувствовал особый прилив вдохновения и надежды, даром что нехваткой оптимизма никогда не страдал.

Богиня встала и посмотрела на него сверху вниз, не скрывая нежности. Он ощущал к ней нечто большее, чем нежность.

— Значит, договорились. Ты отправишься на поиски планеты Зазеля. Я помогу тебе, поскольку мне известны врата, о которых никто не подозревает. Сил у меня немало, но выполнение нашего плана потребует поистине колоссальных усилий. Я постараюсь держать тебя в зоне действия глиндглассы, хотя гарантировать ничего не могу. Ты проведешь здесь еще несколько дней: отдохнешь, наберешься сил, а заодно мы

обсудим некоторые подробности. Ты выглядишь усталым. Иди и выспись как следует — встанешь, когда захочется.

— Порой я встаю, когда мне вовсе этого не хочется.

— Может, я ошибаюсь, но в словах твоих мне чудится некий подтекст, — улыбнулась великанша.

— Он тебе не чудится.

— Ты удивительно смел для лебляббия.

— Знаешь, не исключено, что я не совсем лебляббий. Возможно, я наполовину тоан, хотя мне на это плевать. Что есть, то есть, и я таков, каков я есть.

— Мы обсудим это в другой раз. А теперь можешь идти.

«Она явно ставит меня на место, — подумал Кикаха. — Я просто захмелел от напитка, и это он говорит моими устами. Или нет?»

Перед внутренним взором Кикахи всплыло светлое лицо Ананы. Он с трудом удержал рыдания.

Великанша потрепала его по плечу.

— Горе — это цена, которую платишь за полноту жизни. — Она сделала паузу. — Некоторым забыть на время горе помогает снотворное. Но я знаю средство получше.

Больше великанша ничего не сказала. Кикаха пошел в свою комнату и улегся. Сон долго бежал его, но под конец сморил. Правда, ненадолго — прошло минут пятнадцать, и Кикаха вдруг проснулся, судорожно нащупывая под подушкой лучемет. Что его пробудило? Шум? Тихий голос? Он застыл с лучеметом в руке — и увидел в дверном проеме освещенный тусклым светом женский силуэт. Высокий силуэт, который вполне мог принадлежать Манату Ворсион. В воздухе разливался слабый аромат. Видимо, он и пробудил Кикаху: нос его, как всегда, был начеку. Аромат был мускусный, но совсем не походил на духи из бутылочки. В нем чудились потоки воды, смешанные с жарким лихорадочным паром, поднимающимся над трясиной, — странное сочетание, но приятное. Запах знойной женской плоти, хотя и более сильный, чем у обычной женщины.

Фигура медленно приблизилась к нему.

— Положи лучемет, Кикаха.

Он бросил оружие на пол. Сердце стучало, точно стадо жеребцов, бьющих копытами в ворота стойла. Женщина опустилась на колени, а затем легла рядом с Кикахой. Жар ее тела обжигал, как волна душного воздуха из открытой печи.

— Вот уже восемьдесят лет я не рожала детей, — прошептала она. — Восемьдесят лет я не встречала мужчины, чье дитя мне хотелось бы носить под сердцем, хотя я делила ложе со многими превосходными любовниками. Но ты, Кикаха,

человек безмерной хитрости, человек, не знающий поражений, герой сотен приключений, ты дашь мне ребенка, которого я буду любить и лелеять. И я знаю, что вызвала в тебе сильную страсть. Больше того — ты один из немногих мужчин, не убоявшихся меня.

Кикаха не был в этом так уверен. Но всю свою жизнь он учился преодолевать разные страхи, а потому не сомневался, что преодолеет и этот, кстати, не такой уж страшный.

Он подумал об Анане, хотя отлив крови от мозга к другим, не связанным с мыслительными процессами, органам сделал ее образ несколько туманным. Если она умерла, Анана не будет препятствием на пути у других женщин. Но он не знал, умерла ли она, а они с Ананой дали клятву верности друг другу и обещали сдержать ее, если только жизнь не разлучит их надолго или же обстоятельства не принудят ее нарушить. Как поступать в таких случаях — дело ее или его совести.

Женщина нашла губами его губы, и правая грудь Матери Земли, своего рода планеты в одном человеке, легла ему на живот.

«Я в ее власти, — думал Кикаха. — От нее зависит, поможет ли она мне в сражении с Рыжим Орком. На чашах весов судьбы многих вселенных. Если я скажу ей "нет", равновесие может сдвинуться в пользу Рыжего Орка. Хотя вряд ли — но все-таки тогда она не будет помогать мне с таким энтузиазмом. К тому же гостю не пристало обижать хозяйку. Так себя воспитанные люди не ведут.

А самое главное, — подумал он, — я хочу ее».

— Мне очень жаль, Великая Праматерь, — проговорил он со вздохом, — но мы с Ананой поклялись в верности друг другу. Как бы сильно я тебя ни желал — а сильнее я желал только Анану, — я вынужден отказаться.

Женщина вся напряглась и тут же встала.

— Я уважаю твой обет, Кикаха, — сказала она, глядя на него сверху вниз. — Хотя даже при таком сумрачном свете я вижу, что отнюдь не безразлична тебе.

— Тело не всегда послушно велениям разума.

Она засмеялась:

— Ты хорошо изучил тоанские поговорки. Я восхищаюсь тобой, Кикаха. Верность — редкая черта, особенно когда в роли соблазнительницы выступает сама Манату Ворсион.

— Так, значит, это действительно ты. Пожалуйста, оставь меня, пока воля моя не совсем ослабела.

Три дня спустя Кикаха с Манату Ворсион стояли возле серебряного экрана глиндглассы. Кикаха был обмундирован

и вооружен до зубов. Рюкзак его был забит запасами еды, воды и лекарств, а голова — советами мудрой Праматери.

Властительница склонилась к самой глиндглассе и прошептала кодовое слово. Поверхность зеркала тут же замерцала и чуть раздвинулась, а потом чуть сжалась. Кикаха вглядывался в нее, но ничего не видел.

Манату Ворсион повернулась, обняла Кикаху, прижала к своей груди и поцеловала в лоб.

— Я буду скучать по тебе, Кикаха, — тихо сказала она. — Пусть тебе сопутствует удача. Я постараюсь наблюдать за тобой, сколько смогу, хотя это мало что даст.

— Встреча с тобой была не только волнующей, — ответил Кикаха, — она была поучительной. И ты оказала мне великую честь.

Она выпустила его из объятий. Кикаха шагнул к вратам. Манату Ворсион легонько коснулась его шеи и пробежала кончиками пальцев вдоль позвоночника. Кикаху бросило в дрожь. Ощущение было такое, точно богиня благословила его.

— Если кому-то под силу справиться с Рыжим Орком, так только тебе, — сказала она.

Кикаха мельком подумал: она это серьезно? И тут же решил, что ответ не имеет значения. Он всей душой был с ней согласен. Хотя даже его сил могло не хватить.

Кикаха шагнул сквозь мерцающую мириадами искорок завесу.

ГЛАВА 11

Хоть великанша и обещала Кикахе, что во время первого перехода ему не грозят никакие опасности, он приготовился к встрече с неожиданным. Сжал в руке лучемет, пригнулся — и его окружила тьма. Следуя наставлениям Манату Ворсион, он сделал три шага вперед. Яркий солнечный свет ударил в глаза. Перед ним простиралась открытая равнина — все было так, как рассказывала Великая Праматерь. Кикаха выпрямился, огляделся и сунул оружие в кобуру.

На небе полыхало северное сияние, переливающееся фиолетовыми, зелеными, синими, желтыми и серыми красками. Равнину покрывала высокая желтая трава, кое-где кучками росли деревья. Далеко впереди паслось большое стадо громадных черных животных. За спиной возвышался валун величиною с дом в форме пирамиды из какого-то гладкого, маслянистого зеленоватого камня.

У Кикахи было пятьдесят секунд на то, чтобы обогнуть валун. Великая Праматерь организовала такой окольный путь, чтобы ввести в заблуждение любого врага, которому случится пройти через врата. Кикаха обежал пирамиду и увидел мерцание с обратной стороны. Но ему пришлось остановиться. Даже Великая Праматерь не могла всего предусмотреть. Возле врат стояли два зверя размером с тигра, с длинными мордами и хищными клыками. Они зарычали, но не двинулись с места.

Кикаха с воплем бросился к ним, снова выхватив лучемет. Один зверь отскочил назад; другой припал к земле и изготовился к прыжку. Луч пронзил его голову. Хищник свалился и замер. Кикаха перемахнул через труп, от которого разило жареной плотью, и прыгнул сквозь врата. В ушах раздался громкий рев. Очевидно, второй зверь вернулся и погнался за противником. Кикаха успел мельком увидеть, как померкли врата и как животное ударилось с разбегу о внезапно отвердевшую поверхность валуна. Сам Кикаха по инерции пролетел вперед и шмякнулся о стену. Удар оглушил его.

Сколько он пролежал без сознания, Кикаха не знал, но когда очнулся, то почувствовал, что судорожно сжатый кулак полон липкой жидкости. В ноздри ударил запах хищного животного. А еще запах крови. Кикаха нащупал кнопку на запястье и нажал. Вспыхнувший свет ослепил его на мгновение. Потом он увидел, что лежит в тесной каморке из камня, похожего на зеленоватый камень пирамиды. Но вряд ли это был тот самый валун, если это вообще был валун. Кикаха встал и, переступив через гигантского горностая, отметил про себя, что хищнику удалось просунуть сквозь врата лишь половину туловища.

Кикаха подошел к стене, сквозь которую недавно проник сюда. Две другие стены тоже мерцали знакомым сиянием. Но Великая Праматерь предупредила его, что в них встроены ложные врата с приспособлениями, которые спрыснут любого, кто попробует войти в них, ядом. Кикаха прыгнул через безопасные врата, надеясь, что стычка с животными не задержала его слишком долго. Оказавшись с другой стороны врат и выкрикнув кодовое слово, Кикаха приземлился в металлический ящик шести футов шириной и шести дюймов глубиной. Ящик парил в воздухе на высоте тысячи футов над голой каменистой пустыней. Небо было синее, а ветер, свистевший в ушах, обдавал холодом. Внизу виднелись бесконечные ряды бробдингнежских бюстов, высеченных из камня. Они простирались до самого горизонта. Манату Ворсион говорила Кикахе, что он попадет в мир Аратмема Чванливого. Этот властитель,

давным-давно убитый Рыжим Орком, создал планету, четвертая часть которой была покрыта его собственными бюстами из камня или драгоценных каменьев.

Кикахе повезло, что он не попал сюда в тот момент, когда электрическая буря была в самом разгаре. Гром и молнии вкупе с воющим ветром могли заглушить кодовое слово, и тогда металлический ящик автоматически перевернулся бы и сбросил его на землю.

Снаружи на ящике, возле одного из бортов, виднелась чуть выступающая металлическая пластинка. Кикаха распластался на животе, подполз к краю, нащупал пластинку и нажал на нее. И тут же, как и предупреждала Великая Праматерь, его поглотил кромешный мрак, заполненный вязкой жидкостью. Жидкость давила со всех сторон, заливала ноздри и уши. Кикаха не запасся кислородной маской, поскольку в этой ловушке должен был пробыть совсем недолго. Но если бы сюда попал враг Манату Ворсион, здесь бы он и погиб.

Кикаха протянул вперед правую руку и начал водить ею по стене, пока не нащупал круглый выступ. Надавив на него ладонью, он выбрался из самой странной ловушки, в какую ему доводилось когда-либо попадать. Ловушка была встроена в массивную скалу на планете Вута — скалу, представлявшую собой гибрид живой и неживой материи, аналогичный вирусу. Жидкость медленно вытекала сквозь щели в камне и капала на землю возле скалы. Из этой лавы рождались — если такое слово уместно для обозначения столь странного процесса — маленькие шарики, плоские снизу.

Туземцы, жившие здесь, поклонялись «матери», подбирали ее «детенышей» и устанавливали их посреди своих деревень. Каменные шарики вырастали со временем размером с «маму». Больше того, на планете процветала торговля «детенышами». Деревни, имевшие монопольный доступ к источнику, продавали каменных божков другим селениям. Немало войн отгремело здесь за право сохранить за собой или, наоборот, захватить источник самого ценного местного товара.

Покрытый с головы до ног тягучей серой жидкостью, Кикаха стоял не двигаясь, пока та не стекла с тела, разлившись по земле грязной лужей, а потом прыгнул на сухое место и зашагал к востоку. Манату Ворсион, тысячелетиями наблюдавшая за вратами, к которым сумела подключиться, имела некоторое, хотя и смутное представление о том, где на этой планете расположены врата, ведущие в мир Зазеля. Найти их предстояло Кикахе самому, но он по крайней мере знал, в каком направлении искать.

Добраться до врат было нелегко. Кикаха находился в Нежеланном мире, на планете, столь изобилующей хищными зверями, птицами, растениями и другими формами жизни, что оставалось только удивляться, как они не уничтожили друг дружку давным-давно. Через несколько дней непрерывного бега, пряток и стрельбы Кикаха искренне зауважал Рыжего Орка — вернее, его способность к выживанию. Спустя десять дней, четыре из которых он провел, скрываясь от зверюги ростом в пять футов и размером с городской квартал, ползавшей по земле и испускавшей смертоносные газы, Кикаха очутился на вершине горной гряды. Внизу виднелись равнина и река, а на ее берегу — остатки гигантского квадратного гнезда, построенного неведомыми существами. Даже Манату Ворсион не знала, что это за твари. Гнездо было построено из похожего на бетон материала, который существа вырабатывали у себя в желудке, а потом выплевывали, чтобы тот засох.

Именно здесь Лос установил врата — единственный известный выход на планету Зазеля. Когда Рыжий Орк вернулся сюда, он поубивал всех обитателей бетонного гнезда. Поскольку существа, по его мнению, выломали врата и закопали их где-то, Рыжий Орк обшарил все окрестности в районе сотни квадратных миль. У него были с собой крайне чувствительные детекторы, способные обнаружить любую крупинку металла на глубине сотни футов под землей. Но ни первые, ни последующие поиски врат не дали никаких результатов.

— По правде говоря, — сказала Кикахе Великая Матерь, — мы не можем быть уверены в том, что врата убрали и зарыли обитатели бетонного гнездовья. Возможно, это сделал кто-то из властителей, хотя такая версия кажется мне маловероятной.

Кикаха не стал говорить, что подобная мысль пришла в голову и ему. Великанша могла, как уже бывало прежде, разозлиться и недвусмысленно поставить его на место. Порой Великая Праматерь становилась просто Большой Бабой.

Пройдя через равнину и спугнув по пути стадо бизоноподобных животных, Кикаха приблизился к развалинам гнезда. Лучемет Рыжего Орка должен был оставить здесь кучу обломков, но на земле они не валялись. По-видимому, тоан дезинтегрировал обломки и выжег в земле громадную дыру. Сейчас она по самые края была наполнена водой.

Кикаха снял рюкзак и положил на землю. Раскрыв его, он вытащил прибор, похожий на длинную сигару, только раза в два больше самой большой сигары на свете. В верхнюю часть прибора был встроен монокулярный цилиндр. Кикаха напра-

вил его в сторону бетонного строения и вгляделся в монокуляр. Глазам его предстали перекрестья и голубое небо. Кикаха медленно водил трубкой взад-вперед, приподнимая ее все выше — и вдруг увидел короткую яркую вспышку, вроде молнии.

— Будь я проклят! — пробормотал он. — Вон они!

Манату Ворсион объяснила ему, что прибор служит для обнаружения врат или трещин в стене между вселенными. Кикаха и не подозревал о существовании такого инструмента, пока Великая Праматерь не вручила ему цилиндр. Сделан он был множество тысячелетий назад и, насколько могла судить Манату Ворсион, остался в единственном экземпляре.

— Говорят, его тоже смастерил Шамбаримен, — добавила она.

— Ты должна быть чертовски уверена во мне, — заметил Кикаха. — А что, если я потеряю детектор или у меня его отнимут?

— Я берегла его на самый крайний случай, — пожала плечами Манату Ворсион. — Сейчас он как раз и наступил.

Значит, врата расположены там — вернее, поскольку металлический шестиугольник снят, там находится слабое место в стене между вселенными. Рыжий Орк не сумел его найти, поскольку такого детектора у тоана не было.

Кикаха положил детектор на камень. Стало быть, вверху, футах в пятидесяти над землей, зияет щель между двумя вселенными, видимая только для этого прибора. Чтобы добраться до нее, придется соорудить несколько платформ и лестниц. Ну что ж — леса вокруг достаточно, необходимые инструменты есть.

— Можно приступать к работе, — пробормотал Кикаха.

— Вот спасибо! — раздался громкий голос сзади.

Кикаха резко повернулся, схватившись за кобуру.

В сорока футах от него стоял Рыжий Орк. Он улыбался, целясь из лучемета в Кикаху. На земле возле тоана стояло блестящее веретено — воздушный катер с откинутым кверху куполом.

— Не смей! — сказал тоан.

Кикаха отдернул руку от кобуры и, повинуясь жестам Рыжего Орка, поднял обе руки над головой. Сердце в груди билось так сильно, что, казалось, вот-вот взорвется.

— Как... — начал Кикаха и тотчас прикусил язык. Тоан наверняка объяснит без всяких вопросов, какой он умный.

— А теперь медленно опусти руку, вытащи двумя пальцами лучемет и брось подальше, — скомандовал Рыжий Орк. — Потом кинешь мне искатель.

Кикаха подчинился, исподтишка оглядывая окрестности. Ближайшим укрытием могла служить разве что рощица в сотне ярдов отсюда.

— Я знал, что Манату Ворсион заманила тебя к себе, — заявил властитель. — Ее ловушку я засек уже давно и специально послал тебя через те врата, чтобы ты угодил в ее вселенную. Я подозревал, что она снабдит тебя каким-нибудь устройством для поиска щели и что ты воспользуешься вратами Манату Ворсион, чтобы добраться сюда. Хотя я понятия не имел, в чем охотно сознаюсь, что шестиугольника здесь больше нет.

У Кикахи вертелось на языке множество вопросов. В частности, ему хотелось спросить, откуда тоану было знать, что именно Манату Ворсион перебросит Кикаху в свой мир. Но он не спросил ни о чем. Сейчас это было неважно; важно было только одно: что он влип в такую передрягу — хуже не придумаешь.

— Я не собираюсь убивать тебя сию минуту, — сообщил Рыжий Орк. — Погоди, пока я не воспользуюсь искателем.

Не отрывая от Кикахи глаз, тоан нагнулся и поднял детектор. И тут же выстрелил в Кикаху из лучемета. Оружие было настроено так, чтобы лишь парализовать. Но луч ударил Кикаху в грудь и сшиб его с ног с такой силой, точно он взялся за ручку двери, в которую с другой стороны с разгону влетела команда спринтеров. В глазах потемнело, в горле перехватило дыхание. Кикаха пытался встать, но не мог.

Когда ему наконец удалось набрать в легкие воздуха и приподняться на локте, он увидел, что Рыжий Орк смотрит в монокуляр. Через секунду тоан оторвался от прибора и повернулся к Кикахе с довольной, победной усмешкой.

И вдруг Кикаху ослепила яркая вспышка и оглушил громоподобный взрыв.

Куски окровавленной плоти дождем усеяли ему лицо и грудь. Вскоре дым, окружавший Рыжего Орка, рассеялся на ветру. Левую руку ему оторвало напрочь, туловище превратилось в кровавое месиво. Мертвый властитель лежал на земле.

Кикаха снова упал спиной на траву и уставился в ясное синее небо. До него просто не доходило, что же произошло. Человек безмерной хитрости, человек, не знающий поражений, пребывал в полной растерянности. И лишь тогда, когда сердцебиение пришло почти в норму, а боль в груди утихла, он сумел заставить себя мыслить здраво.

Боль сменилась дикой яростью. Манату Ворсион предала его. Подставила, как пешку, не смущаясь тем, что его могут

изувечить или убить. Ее «детектор» был фальшивкой, предназначенной для того, чтобы заманить Рыжего Орка в западню. Свет, якобы означавший щель в стене, автоматически вспыхивал в приборе через несколько минут после включения. И каким-то образом, как только тоан оказался в зоне досягаемости, прибор сработал как бомба и взорвался. То, что при этом могла погибнуть и приманка, то есть Кикаха, нимало не беспокоило Манату Ворсион.

Великая Праматерь оказалась той еще сукой.

— Она могла хотя бы предупредить меня, — пробормотал себе под нос Кикаха.

Не сделала она этого, очевидно, потому, что Кикаха, по ее мнению, вел бы себя иначе, знай он истинное назначение искателя. И она наверняка объяснила бы ему сейчас, что Рыжий Орк представляет собой угрозу всему живому во вселенных и самому существованию вселенных, а потому в борьбе с ним все средства хороши.

«Но не для меня, — подумал Кикаха. — Теперь мне придется убить Манату Ворсион. Я не стану преследовать ее, но, если когда-нибудь она встретится на моем пути, я предъявлю ей оторванную руку убитого».

Он внезапно застонал: в яркую череду сменявших друг друга видений, в которых он мстил Великой Праматери, внезапно вторглась мысль о том, что Рыжий Орк единственный знал доподлинно, утонула Анана во время наводнения или нет. А теперь Рыжий Орк погиб.

Застонав еще раз, Кикаха перевернулся на бок, намереваясь встать, и из груди его невольно вырвалось:

— О Господи!

Удар следовал за ударом. Рядом с Кикахой, в десяти футах или даже ближе, стоял Рыжий Орк. Он держал в руке лучемет, нацеленный на противника, и улыбался, как улыбался и его полурастерзанный труп. За спиной тоана блестел воздушный катер — точная копия прежнего.

Кикаха посмотрел туда, где только что лежал Рыжий Орк — вернее, где он лежал и поныне. Но то был покойник. А перед ним стоял живой человек. Голова у Кикахи пошла кругом. И хотя мозг его был не в состоянии осознать последние события, телу удалось принять вертикальное положение. Чуть покачиваясь взад-вперед, Кикаха хрипло проговорил:

— Ты живуч как кошка!

— Ну, может и не как кошка, но живуч, — подтвердил Рыжий Орк.

Кикаха без слов махнул рукой в сторону трупа.

— Клоны, плоть от плоти моей и гены от генов, — сказал тоан. — Я вырастил их с пеленок и дал им образование. Будучи в каком-то смысле мною, они, как и я, жаждали власти, поэтому мне пришлось позаботиться о том, чтобы они меня не обскакали. Ни к одному из них я не рискнул бы повернуться спиной. Поскольку они не глупее меня, хотя и значительно менее опытны и образованны, им предназначалась роль жертвенных агнцев, или дорогостоящих приманок. Четверыми мне уже пришлось пожертвовать, считая вместе с этим, но за первых трех я отомстил. — Он сделал паузу, улыбнулся и добавил: — Конечно, может быть и так, что ты разговариваешь сейчас с одним из клонов, а не с настоящим Рыжим Орком.

— Но как ты попал сюда? Откуда ты узнал, когда я сюда доберусь?

— Не у одной Манату Ворсион есть свои секреты. Расскажи мне, что здесь произошло. Как я понимаю, прибор вовсе не предназначался для распознавания щелей, он просто должен был оторвать мне голову. Кстати, ты сам вполне мог лежать на месте моего клона. Но это лишь мои предположения. Так здесь не было ни врат, ни щелей, верно?

— Не было.

— Я так и знал, — улыбнулся Рыжий Орк. — Я пробовал трубить в рог, но безрезультатно. Знай я об этом, когда посылал тебя сюда, я бы не велел тебе тратить понапрасну мое и твое время. — Тоан махнул лучеметом: — Иди к катеру.

Кикаха повиновался. Интересно, думал он, где сейчас находится рог Шамбаримена? В катере тоана? Тут он почувствовал такой же легкий толчок в спину, как и тогда, когда Рыжий Орк поймал его у края ущелья. Очнулся Кикаха — голый, но не связанный — в незнакомой комнате-кубе со сторонами по двадцать футов. Куб выглядел совершенно пустым: ни мебели, ни ковров, ни окон, ни дверей. В одном углу темнела круглая дырка, очевидно, для экскрементов, но чистенькая и не загаженная. Прохладный воздух, сочившийся сквозь вентиляционное отверстие в потолке, овевал нагое тело.

Грудь у Кикахи болела по-прежнему. Взглянув вниз, он обнаружил на груди черно-голубой синяк дюймов пяти шириной. Но голова была ясной, и давешней растерянности как не бывало. Кикаха ощущал лишь отчаянную ярость.

Чтобы привести в порядок мысли, чувства и мышцы, он сделал энергичную зарядку, насколько позволяла больная грудь. Потом принялся мерить свою темницу шагами, ожидая, когда Рыжий Орк даст о себе знать. Прошло, должно

быть, несколько часов, прежде чем Кикаха услышал, как кто-то за спиной тихонько кашлянул. Он обернулся — перед ним стоял Рыжий Орк или один из его клонов с лучеметом в руке. Кикахе начало казаться, что оружие приросло к ладони Рыжего Орка. Властитель прыгнул сюда через врата или открыл секцию в стене, дождавшись, пока пленник повернется к нему спиной.

— Кругом! — скомандовал Рыжий Орк.

Кикаха послушно развернулся, и стена перед ним раскрылась, разделившись на верхнюю и нижнюю половинки. Верхняя скользнула в потолок, нижняя — в пол. По команде властителя Кикаха зашагал вперед по очень широкому коридору с высоченным потолком, без окон и без дверей, потом свернул за угол и пошел дальше по точно такому же коридору. В конце коридора возле двери высотой футов в двенадцать стояли два вооруженных копьями человека. Квадратные стальные шлемы и выпуклые кирасы стражников были украшены золотым орнаментом, короткие алые шотландские юбки затканы изображениями маленьких зеленых сфинксов с женской грудью. Стражники расступились, держа копья наперевес, готовые в любую минуту проткнуть ими Кикаху. Дверь скользнула в сторону.

Властитель и пленник, сопровождаемые стражей, вошли в громадную лабораторию. Большинство приборов были совершенно незнакомы Кикахе. Все четверо прошли полмили по проходу между столами и большими аппаратами. Когда путь им преградила стена, Рыжий Орк велел Кикахе остановиться. Тоан быстро произнес кодовое слово — но Кикаха тем не менее расслышал его и запомнил.

Громадный квадрат в стене стал прозрачным. Кикаха невольно вскрикнул. За прозрачной стеной в комнате сидела обнаженная Анана. Она была привязана к креслу, голову ее сжимал обруч. Глаза у нее были закрыты. Над головой виднелось нечто вроде большого фена для сушки волос.

Кикаха резко развернулся и заорал:

— Что ты с ней делаешь?

— Я думал, ты обрадуешься, увидев ее живой. Если бы я оставил ее на уступе над водопадом, она бы погибла. У нее были сломаны рука, нога и три ребра, не говоря уже о легком сотрясении мозга. Сейчас она в превосходной физической форме, а все благодаря моему врачебному искусству. Тебе трудно угодить, Хитроумный.

— Что ты с ней делаешь?

— Перед тобой, леблябби, — сказал тоан, махнув свободной рукой, — мое собственное изобретение, которое я смастерил и опробовал множество раз, когда хотел избавиться от неизбежной скуки, овладевающей бессмертными. Это не очередная машина, унаследованная мною от древних. Я сам ее придумал.

Властитель сделал паузу, но Кикаха ничего не сказал. Если Рыжий Орк ждет еще одной вспышки эмоций, так он ее не дождется.

— Посмотри на нее, Кикаха! — резко сказал тоан. — И попрощайся с Ананой, которую ты знал!

Кикаха медленно повернулся к окну.

— Машина стирает ее память. Стирает медленно, потому что быстрый процесс повреждает мозг, а мне не нужна безмозглая любовница.

Кикаха содрогнулся, но не вымолвил ни слова.

— Работая по часу в день, машина за десять дней сотрет все воспоминания этой женщины, вплоть до ее восемнадцатилетия. Когда процесс закончится, Анана решит — и в каком-то смысле вполне справедливо, — будто она по-прежнему живет на родной планете и будто ее родители все еще живы. Она словно совершит путешествие во времени назад, не имея ни малейшего представления о том, сколько тысячелетий прошло с тех пор, когда ей было восемнадцать.

Кикаха потерял дар речи, а когда обрел его, то просипел:

— И она не вспомнит меня.

— Ну конечно. Так же, как и меня. Однако я ей представлюсь и со временем заставлю себя полюбить. Если я захочу, передо мной не устоит ни одна женщина.

— А что будет, когда она узнает правду?

— Она не узнает, — сказал Рыжий Орк и рассмеялся. — Об этом я позабочусь. Конечно, когда она мне надоест — если надоест...

— Ты собираешься проделать такой же фокус и со мной? Или для меня ты приготовил что-нибудь покруче?

— Я мог бы стереть твою память, скажем, до того момента, когда ты, студент земного колледжа, пробрался через врата Ваннакса в Многоярусный мир. Или же замучить тебя, пока ты не взмолишься о смерти. Любого человека, даже самого храброго, можно довести до такого состояния, не исключая меня самого. Или, если ты согласишься убить Манату Ворсион и преуспеешь, я мог бы отпустить тебя на свободу. Но сначала ты должен выполнить свое задание и найти дорогу к Пещерной планете. Если сумеешь, я в виде

награды сохраню тебе память, хотя воспоминания об Анане будут для тебя мучительны.

Кикаха сделал выбор без колебаний. Но Рыжему Орку он сообщит о своем решении только тогда, когда будет вынужден. Сейчас он был способен думать лишь об Анане.

«Если мы когда-нибудь снова будем свободны, — думал Кикаха, — я добьюсь ее любви во что бы то ни стало. И расскажу ей о нашей совместной жизни все до мельчайших подробностей».

Рыжий Орк произнес другое кодовое слово. Окно вновь стало стеной. Все четверо промаршировали через три зала и вошли в большую комнату, затейливо убранную в стиле, как предположил Кикаха, здешних обитателей. Тоан и пленник сели друг напротив друга в удобные кресла, стоявшие возле стола из полированного красного дерева с зелеными спиральными полосками. Ножки у стола были сделаны в виде фигурок тритонов. Слуга и служанка внесли блюда и встали за спинами властителя и Кикахи.

— Можешь вымыться, поесть и отдохнуть, как только мы договоримся, — заявил властитель. — Полагаю, что ты постараешься выполнить оба моих задания себе же на благо. Я бы на твоем месте поступил именно так. Пока ты жив...

— Пока я жив, я надеюсь, — сказал Кикаха.

— Вот именно. Давай-ка поедим.

— Я не голоден, — сказал Кикаха. — Мне кусок в горло не лезет.

— Желудок подчас живет своей собственной жизнью. Ну да ладно. Можешь подкрепиться попозже в своих апартаментах.

Тоан пожевал немного, запил еду вином и заговорил снова:

— Расскажи мне о своих приключениях у этой потаскушки-великанши.

Кикаха рассказал обо всем без утайки, умолчав лишь о том, что поведала ему Великая Праматерь о чешуйчатом человеке. Рыжий Орк мог знать, хотя бы отчасти, что говорил и делал его «гость» во владениях Манату Ворсион. Это казалось маловероятным, но Кикаха не имел понятия, какой системой шпионажа владел его «хозяин».

— Я не хочу с ней связываться, — произнес Рыжий Орк, когда Кикаха закончил повествование, — по крайней мере пока. Но она вмешалась в мои дела, утянув тебя в свою вселенную. Кстати, она перенесла тебя в лес вовсе не затем, чтобы ты успокоился и попривык к ее планете — она хотела обезопасить себя. Если бы я вшил тебе под кожу атомную бомбочку и взорвал ее, как только ты ступил бы на планету

великанши, пострадали бы только лес и его обитатели. — Тоан засмеялся и добавил: — Но я не мог этого сделать. Я имею в виду атомную бомбу. Мне пришлось бы заняться исследованиями, найти информацию о том, как их изготавливают, потом долго и упорно возиться с добычей необходимых металлов и постройкой реактора... в общем, сам понимаешь. — Он побарабанил пальцами по столу, потом заговорил опять: — Двух дней тебе хватит, чтобы оправиться. После этого, готов ты будешь или не готов, тебе придется вновь пуститься в путь. И на сей раз я пропущу тебя через серию врат, к которым, я уверен, Манату Ворсион не успела подключиться.

Уныние при мысли об Анане все еще терзало сердце Кикахи, когда он шагнул через первые врата, приготовленные для него властителем. Возле вторых врат он успел сунуть в лучевик батарейку, прежде чем его понесло к следующей остановке. За три минуты Кикаха прошел через анфиладу из пяти врат. Одни из них оказались в высокогорной пещере. Кикаха мельком заметил внизу долину с лентой реки, подле которой расположилась крошечная деревушка и замок. Кикаха вскрикнул от радости: он узнал крепость барона фон Крица, своего заклятого врага, жившего в Дракландии. Так назывался один из ярусов планеты, которую Кикаха любил больше всех, — Многоярусного мира. Через пару секунд последовала очередная остановка.

Но это место не походило на описанное Рыжим Орком. Кикаха очутился в камере без окон, с толстой решеткой на двери. Мебели в камере не было, если не считать унитаза, кувшина с водой, мыла, полотенца на стене и кучи одеял в углу.

Зато в камере был обитатель, и Кикаха узнал его сразу, даром что тот был раздет.

Эрик Клифтон!

Англичанин стоял в углу и выглядел смущенным.

Не успели они поздороваться, как в голове у Кикахи помутилось и он упал без чувств. Последнее, что он увидел, было лицо опустившегося на колени Клифтона, а потом и оно расплылось. Когда Кикаха пришел в себя, он лежал на полу нагой, как и его сокамерник. Лучемет, кобура, пояс и рюкзак куда-то испарились.

Кикаха с трудом поднялся. Клифтон, тоже лежавший на полу, пошевелился. Кикаха посмотрел сквозь дверную решетку и ахнул.

За решеткой стоял чешуйчатый человек.

ГЛАВА 12

— Я и не думал, что кто-нибудь кроме меня уцелел во время наводнения, — раздался за спиной у Кикахи мягкий голос Эрика Клифтона. — Но лучше было нам с вами погибнуть, чем попасть в лапы беспощадного демона ада, возможно самого Князя Тьмы. Самые души наши подвергаются здесь страшной опасности.

Кикаха слышал его слова, но был так поглощен созерцанием своего поработителя, что не воспринимал их смысла. Вблизи существо казалось еще чудовищнее и опаснее, нежели в «гробу». Массивные мускулы и крепкий костяк были достойны Геракла. Золотые и зеленые чешуйки сверкали на ярком свету. Шею чудовища, от самой челюсти до плеч, охватывали круглые костяные пластинки, покрытые змеиной чешуей. И лицо под яркими чешуйками, как теперь заметил Кикаха, тоже было покрыто костяной броней, правда не такой толстой, как на шее и туловище.

Чешуйчатый человек открыл рот и обнажил длинные, острые львиные зубы. Только клыки были заметно короче, чем у льва.

Явно не поклонник овощей и фруктов, подумал Кикаха. С другой стороны, у медведей тоже зубы как у хищников, хотя питаются они в основном вегетарианской пищей.

Изо рта чудовища высунулся тонкий и очень узкий, словно у рептилии, язык. Впрочем, как выяснилось, это было лишь зеленое щупальце на кончике красного языка, похожего на человеческий.

Большие зеленые глаза располагались на черепе примерно на дюйм ближе к затылку, чем у человека. Несмотря на то что они напомнили Кикахе глаза крокодила, на них были веки, которые то и дело моргали.

В коридоре за чудовищем виднелись еще две камеры с решетчатыми дверями.

— Давно ты здесь сидишь? — тихо спросил у Клифтона Кикаха.

При звуке его голоса плоские уши чешуйчатого загнулись вперед, как лепестки.

— Два дня, — прошептал Клифтон. — Я чуть было не утонул в потоке, меня изрядно потрепало. Но мне удалось уцепиться за ствол дерева, а потом поток вынес меня на край громадного водопада и швырнул вниз. Однако и тогда, с Божьей помощью, я выжил, видно, благодаря своему ангелу-хранителю. Меня унесло в самые глубины ущелья, так глубоко, что край его казался мне тоненькой светлой полоской,

в то время как сам я погрузился в адскую бездну. Мне грозила неминуемая гибель от жары и сырости, но я добрался до берега вселенского потока, ставшего к тому времени обыкновенной рекой. А потом побрел вперед, куда глаза глядят, и снова Господь с ангелом-хранителем даровали мне спасение.

Чешуйчатый человек придвинулся к самой решетке и обхватил ее громадными руками, пристально наблюдая за пленниками. Кикаха вздрогнул, заметив на правом указательном пальце чудовища то самое кольцо, что было на руке у Клифтона в яме. Обернувшись, Кикаха взглянул на правую руку англичанина. Да, кольцо исчезло. Кикаха вновь повернулся к чешуйчатому. Если он отобрал у Клифтона кольцо, ему пришлось сильно расширить его, чтобы надеть на свой здоровенный палец.

— Опустим подробности, — сказал Кикаха. — Как ты очутился здесь?

— Боже, спаси наши души! По-моему, в этой темнице мне незачем торопиться с рассказом. Но если вы хотите короче — я карабкался по стене ущелья, срывался и падал, пока, вконец измученный, не набрел на довольно широкий уступ, где и решил заночевать.

— Я просил без подробностей.

— Проснувшись, я обошел уступ и увидел вход в пещеру. В ней журчала вода. Мне ужасно хотелось пить, но я забрался уже слишком высоко, чтобы спускаться обратно к реке. Поэтому я вошел в пещеру — очень осторожно, можете мне поверить! Я ощупывал ногами каменный пол, прежде чем шагнуть, чтобы не свалиться в бездну. Так я дотащился до водопада внутри пещеры. В это мгновение вдруг воссиял ослепительный свет, и я очутился на высокой горе совсем в ином мире. Короче говоря, я прошел через невидимые врата, спрятанные в пещере. Надо полагать, их установил там какой-то властитель много лет спустя после битвы Лоса с Рыжим Орком.

— Врата могли стоять там тысячелетиями. Возможно, их установил властитель по имени Ололон.

— Да. Но на вершине горы я пробыл не дольше пары секунд. Меня перенесло в другое место, потом опять в другое и опять. В конце концов я очутился в камере, внутри круга, очерченного, как вы видите, здесь в углу. Советую вам не ступать в этот круг, поскольку в любой момент мне на голову может свалиться кто-то еще, прошедший через те же врата. Если вы окажетесь в той же точке, может случиться взрыв.

Кикаха только теперь заметил оранжевую черту на полу.

— Насчет взрыва я сомневаюсь, — сказал он. — Если камера, как и большинство врат, оборудована сенсорными устройствами, то врата не активируются, пока кто-то будет стоять внутри круга.

— Но вы же не знаете, есть ли в камере сенсорные устройства.

— Куда делось ваше кольцо?

— Кольцо? Ах да! Вскоре после прибытия сюда я потерял сознание. Наверное, демон пустил в камеру газ. Иначе трудно объяснить, почему я лишился чувств — да и вы тоже, когда попали сюда. После чего, надо думать, демон вошел в камеру, раздел нас и обобрал. Во всяком случае, когда я очнулся в тот раз, кольцо исчезло. А теперь оно у него на пальце.

Клифтон показал на руку чешуйчатого.

— Да, я заметил, — сказал Кикаха. — Но ты...

Тут чешуйчатый заговорил глубоким раскатистым голосом, усердно шевеля щупальцем во рту. Кикаха не понял ни слова. Закончив свою речь, чудовище повернуло одно ухо в сторону Кикахи, точно ожидая ответа.

— Я тебя не понимаю, — произнес Кикаха по-тоански.

Чешуйчатый кивнул. Но что означал его кивок — может, несогласие? Затем существо повернулось и зашагало прочь по коридору.

— Ты так и не закончил свой рассказ о том, как тебя занесло во вселенные властителей, — сказал Кикаха.

— Я...

Клифтон осекся, разинув рот. Кикаха обернулся и увидал, что в камере напротив появился новый заключенный. У новоприбывшего подогнулись колени, и он упал внутри круга, в котором появился. Кикаха сразу узнал эти длинные волосы цвета красноватой бронзы и ангельски красивое лицо.

— Рыжий Орк!

— Дьявол поймал дьявола! — ахнул Клифтон.

Очевидно, где-то прозвучал сигнал тревоги, уведомивший чешуйчатого о событии. Кикаха услышал его тяжелые шаги и вскоре увидел, как тот идет по коридору. Как только чудовище вошло в камеру Рыжего Орка, Кикаха снова потерял сознание.

Очнулся он одурманенным, вялым, сидя у стены напротив двери. Голова, казалось, распухла вдвое больше обычного. Глаза слезились от едкого дыма, хотя порохом не пахло. Кикаха пощупал руками вокруг, провел по ребрам правой ладонью. Рядом с ним лежал Клифтон, все еще без чувств. Тело англичанина, почерневшее от гари, было заляпано

кровью и кровавыми ошметками плоти. Оглядев себя, Кикаха обнаружил, что и сам выглядит не лучше. По-прежнему оглушенный, он стряхнул кусочки мяса со своей груди, живота и правой ноги. Что же тут произошло?

Дым к этому времени поплыл из камеры вдоль коридора. Дверная решетка была вся в крови; клочья кожи и мускулов свисали с прутьев и валялись на полу. Возле Кикахиной ноги лежал окровавленный глаз.

Дурман в голове мало-помалу рассеивался. Кикаха попытался встать, но не смог — так немилосердно его трясло. Болела спина, ноги казались ватными. Он снова прислонился к стене и закрыл глаза. Когда он их открыл, картина происшедшего была ему совершенно ясна. Не Рыжий Орк, а клон, посланный Рыжим Орком, попался в ловушку чешуйчатого. Но это означало, что тоан послал за Кикахой своего клона. Вот только с какой целью?

Кикаха напряг все извилины мозга, заработавшего наконец на полную мощность, и понял, с какой целью. Глядя на детекторы, Рыжий Орк обнаружил, что Кикаха отклонился от курса, заданного тоаном. Властитель, должно быть, очень удивился — и крайне обеспокоился, — когда Кикаха снова исчез из виду. Поэтому он послал за ним вдогонку клона. Быстро же он отреагировал! Сунул в рюкзак клону бомбу и настроил взрыватель так, чтобы бомба взорвалась через несколько секунд после того, как клон достигнет точки, в которой Кикаха исчез. Клон, естественно, и не подозревал, какой подарочек подсунул ему в рюкзак властитель.

Хотя Рыжему Орку было невдомек, куда девался Кикаха, когда детектор засек его исчезновение, тоан, очевидно, решил, что это очередные происки врагов. Кикаху могла вновь словить Манату Ворсион или кто-то другой. В общем, кто бы это ни был, у врага имелось устройство, неизвестное тоану. Поэтому властитель решил уничтожить противника, даже если бомба разнесет в клочья и Кикаху.

Несмотря на боль и лихорадочную дрожь, Кикаха все же встал и дохромал до двери. Решетка в камере клона выгнулась наружу. От самого клона после взрыва осталась левая нога, оторванная по самое бедро и стоявшая возле решетки, рука, лежащая на полу, и похожая на ребро кость.

Кикаха дрожа приник к решетке и выглянул в коридор. Чешуйчатый человек стоял футах в двенадцати от камеры, энергично мотая головой взад-вперед и из стороны в сторону, точно пытался вернуть свои потрясенные мозги в исходное

состояние. Хотя на нем не было ни крови, ни ошметков мяса, яркие золотистые и зеленые чешуйки потускнели от дыма.

Кикаха обернулся и посмотрел на Клифтона. Англичанин открыл глаза и усиленно двигал челюстью, но Кикаха не расслышал ни звука. Он направился было к лежащему, однако не успел сделать и шага, как вырубился опять.

Очнулся он на кровати в просторной комнате. Стены и потолок представляли собой громадные экраны с изображениями невиданных животных и множества чешуйчатых мужчин и женщин на фоне экзотического красочного пейзажа. Ни боли, ни дрожи Кикаха не чувствовал. Он сел и, откинув шелестящее покрывало, уставился на свои ноги — чисто вымытые, без следов гари, крови и мясных ошметков.

Рядом в такой же кровати лежал Эрик Клифтон, тоже накрытый сияющим покрывалом. Кикаха отметил про себя, что в комнате нет ни окон, ни дверей, и тут же часть стены скользнула в пол. В палату вошел чешуйчатый человек, на мгновение повернув голову. Профиль его можно было очертить почти идеально правильной аркой, шедшей от основания шеи до самой нижней губы и чуть выступавшей вперед только на кончике носа, — ни дать ни взять чуточку приплюснутый снаряд для миномета. Вблизи его сходство с насекомым еще увеличилось. Но когда он остановился возле кровати Кикахи и заговорил, то стал совсем похож на человека. Тон его голоса и глаза выдавали явную озабоченность.

— Я не понимаю, — сказал Кикаха.

Хозяин поднял руки и повернул их ладонями вперед. Но даже если сей жест означал, что он тоже не понимает слов Кикахи, чешуйчатый человек вовсе не выглядел при этом разочарованным.

В течение двух следующих месяцев Кикаха вместе с Клифтоном часа по четыре в день обучали хозяина тоанскому языку. Жили они в роскошных апартаментах этажом выше больничной палаты, а кормили их разнообразной, но непривычной едой — порою вкусной, а порою просто отвратительной. Оба гостя чешуйчатого усердно занимались гимнастикой. Чешуйчатый, кстати, вернул Клифтону кольцо, снова переделанное по размеру пальца англичанина.

Звали их хозяина Хрууз, а его бывших сородичей — хрингдизами. Из всего рода уцелел он один, однако никогда не слыхал имени Токина, которым его называли в тоанских преданиях. Кикаха решил, что властители таким образом

просто приспособили слово «хрингдиз» к своему произношению.

Резиденция Хрууза находилась в глубоком подземелье, под «гробницей» — тоже располагавшейся на солидной глубине, — в которую как-то проникли Кикаха с Ананой. Хрууз не мог объяснить, как их занесло в место его тысячелетнего отдыха. Но когда Кикаха поведал ему, что воспользовался рогом Шамбаримена, то есть звуковым ключом ко всем вратам, Хрууз все понял и сказал, что попали они в усыпальницу по чистой случайности. Дело в том, что врата усыпальницы, как и многие другие врата в виде замкнутой цепи, имеют «вращающиеся узлы», или точки пересечения. В этих узлах постоянно «вертятся» от десятка до сотни врат. Человек может пройти через любые из них, но куда он попадет — зависит от того, какие врата будут активированы в данной энергетически заряженной точке. Рог протрубил как раз в тот миг, когда «трещина», или щель, ведущая в гробницу, попала при вращении в такой узел. Эта щель не совсем то же самое, что настоящие врата, то есть ее не создавал никакой властитель, она существовала изначально в самой материи. Но рог сумел ее активировать.

— Так, значит, Рыжий Орк теперь сможет найти сюда дорогу, — сказал Кикаха Хруузу. — Ты воспользовался серией врат, чтобы заманить в ловушку меня и тоанского клона. Но если у Рыжего Орка есть детекторы, а я думаю, они у него есть, ему ничего не стоит пробраться сюда. Или же послать еще одного клона, с бомбой в тысячу раз более мощной, чем прежняя. Хотя он, конечно, не знает в точности, куда девался его клон и что тут с ним случилось.

Кикаха уже успел к тому времени рассказать Хруузу все, что ему самому было известно о Рыжем Орке и об истории тоанов.

Хрууз заговорил на своем еле понятном тоанском — языковое щупальце чешуйчатого то и дело соприкасалось с нёбом, издавая звуки, не свойственные тоанскому языку:

— До поры до времени я закрыл все врата, так что к нам никто не проникнет. Правда, и я не могу получать информацию из внешнего мира.

Хрууз сказал Кикахе, что в общих чертах тоанские легенды о хрингдизах были довольно близки к истине. Но детали, как правило, сильно искажались. Когда тоаны перебили всех хрингдизов, кроме него, он создал себе это подземное убежище, а потом, пожив здесь немного, остановил движение молекул в своем теле и залег в длительную

«спячку». Машины, обеспечивавшие поддержание порядка в усыпальнице, запись событий в разных частях разных вселенных, а также «пробуждение» Хрууза, работали на ядерной энергии. Когда запасы энергии подошли бы к концу, машины должны были вывести спящего из анабиоза.

— К тому времени, — сказал Хрууз, — ситуация имела все шансы кардинально перемениться. Властители могли вымереть, поскольку их число было невелико еще тогда, когда я лег в анабиоз. Или же их потомки, если таковые останутся, могли измениться как в культурном плане, так и в плане темперамента. Возможно, они стали бы более терпимы и человечны. А может быть, тоанов сменила бы другая разумная раса, превосходящая властителей в моральном смысле. В общем, как бы там ни было, кто бы ни населял вселенные, они могли с радостью принять меня, последнего из хрингдизов. Если бы ситуация не изменилась к лучшему — что ж, мне пришлось бы справляться со злом в меру собственных сил и умения.

Энергии мне хватило бы еще на некоторое время. Но я установил также сигнализационную систему, чтобы любое вторжение в гробницу пробудило меня. Вы вошли, и я немедленно начал выходить из состояния анабиоза. Но процесс этот требует времени, поэтому я не успел побеседовать с вами. Вы ушли с помощью рога. Кстати, он явно сделан по технологии, украденной у моего народа. Тоаны не владели подобной техникой.

— Что? — изумился Кикаха. — Но рог изобрел древний властитель Шамбаримен!

— Этот Шамбаримен наверняка получил информацию от одного из нас, для начала, естественно, убив ее владельца. Но вместо того чтобы поделиться информацией со своими сородичами-властителями, он хранил ее в секрете и, воспользовавшись ею, создал ту штуку, которую вы зовете рогом. Я совершенно уверен в этом.

— Но тогда должны существовать другие чертежи или сами аппараты! — сказал Кикаха. — Если у хрингдизов были приспособления, открывающие врата и щели, то некоторые из таких устройств должны были попасть в руки тоанов!

— Нет. Их было немного, и они тщательно охранялись. Они давали нам преимущество перед тоанами, поскольку мы могли проникать через их врата и щели. Но нас, переживших первую бойню, осталось слишком мало, и мы не могли эффективно использовать свое техническое превосходство. А под конец в живых остался я один. Те из моих сородичей, у кого

были открывающие устройства, очевидно, уничтожили или спрятали перед смертью все чертежи и приборы. Остальное тебе известно.

— Стало быть, Шамбаримен лгал, утверждая, что и легенда рассыпалась в прах!

Хрууз пожал своими мощными плечами, совсем как человек:

— Судя по твоим рассказам и моему собственному недавнему опыту, властители до сих пор живы и мало кто из них изменился.

— Ты хотел бы отомстить? Стереть их с лица земли? — спросил Кикаха.

Чешуйчатый человек замялся, но потом сказал:

— Не стану отрицать, что был бы счастлив, если бы мои личные враги, то есть властители, жившие во время уничтожения моего народа, были убиты, и убиты мною. Но это невозможно. Я должен как-то научиться жить с ними в мире. А если не сумею, то я обречен.

— Не теряй надежды, — подбодрил его Кикаха. — Я тоже враг почти всех властителей, потому что они первые хотели меня убить. Их нужно уничтожить, и лишь тогда наступит мир во всех вселенных. Мы с тобой, по-моему, могли бы стать отличными союзниками. Как тебе идея?

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе, — ответил чешуйчатый. — Даю тебе слово. И, знаешь, раньше, когда живы были другие хрингдизы, слово Хрууза дорогого стоило.

Кикаха поинтересовался, знает ли Хрууз о том, как появились на свет тоаны. Хрууз ответил, что его народ никогда не стал бы создавать столь непохожих на себя существ.

— На некоторые вопросы просто нет ответов, — заметил Хрууз. — Наша вселенная не была единственной. Тоаны как-то ухитрились пробить стену между двумя вселенными. Но вместо того чтобы обращаться с нами как с мирными и незлобивыми созданиями — какими мы и были, — они вели себя так, будто столкнулись с опасными животными. Нас предательски захватили врасплох, и первым же ударом тоаны отправили к праотцам три четверти моих соплеменников. Нам, выжившим, пришлось стать убийцами. Остальное ты знаешь.

— А теперь? — спросил Кикаха.

— Когда я открыл врата и подсоединил их к цепи, мне надо было как-то выяснить, остались ли тоаны такими же кровожадными. Поэтому я решил собрать у себя несколько

экземпляров. Вы двое попались мне первыми — я же не знал, что вы не тоаны, а жители планеты, которой даже не существовало, когда я лег в анабиоз. Третьим был тоан. Вы помните, что с ним произошло.

— Мы можем помочь тебе, а ты можешь помочь нам, — сказал Кикаха. — Рыжего Орка надо прикончить. Вообще-то нужно убить всех властителей, жаждущих нашей погибели. Но сначала я должен добраться до планеты Зазеля, опередив при этом Рыжего Орка.

— Он действительно намеревается уничтожить все вселенные, а затем создать себе новую?

— Так он говорил. И он вполне на это способен.

Хрууз вытаращил глаза и сплюнул, высунув языковое щупальце. В это мгновение он был ужасно похож на змею. «Хватит! — сказал себе Кикаха. — Довольно сравнивать Хруза с насекомыми и рептилиями. Хрингдизы были такими же людьми, как любой гомо сапиенс, и даже более достойными звания человека, чем большинство людей. По крайней мере, на то похоже. Если только Хрууз не врет, скрывая свои истинные чувства.

Эй, парень, ты слишком долго якшался с властителями! — мысленно одернул себя Кикаха. — Это же типичнейшая паранойя. Хотя, с другой стороны, подозрительность не раз спасала мне жизнь».

Хрууз пообещал изучить все данные о вратах, содержащиеся в его банке. Он дал машинам задание просканировать соответствующие файлы, выбрать важную информацию и распечатать ее. Это заняло всего два часа, но распечатка на экзотическом хрингдизском алфавите показалась Кикахе просто громадной.

— В основном это информация о вратах, которой располагал мой народ, — сказал чешуйчатый. — Хотя за время моей долгой спячки тоаны наверняка понаставили новых. Я пытался получить о них информацию, но вынужден был закрыть свои врата. К сожалению, Зазель создал Пещерную планету значительно позже. И все-таки мы попробуем разузнать что-нибудь о его вратах. По крайней мере, пока не покончим с Рыжим Орком.

— Когда мы с ним покончим, нам и Пещерная планета не понадобится, — заметил Кикаха.

— Я бы так не сказал. Данные о машине творения-разрушения могут попасть в руки другого властителя. Нет, эту информацию нужно либо отдать в надежные руки, либо уничтожить. Хотя мне претит поступать так с научной инфор-

мацией, но лучше не рисковать, поскольку ее могут у нас выкрасть или забрать силой.

Кикаха задумался на минутку.

— А ведь когда-то у каждого вла́стителя должна была быть такая машина. Иначе как бы они сотворили свои персональные вселенные? Куда же делись все эти машины? Почему ни у кого из властителей не осталось о них даже информации?

— Эти вопросы не ко мне, — заявил Хрууз. — Я выпал из жизненного потока на тысячи лет. Быть может, у некоторых властителей есть такие машины или чертежи, но они сами об этом не подозревают. Что же до твоего второго вопроса, я думаю, каждый властитель, захватив чужую вселенную, уничтожал машину творения-разрушения, принадлежащую его врагу. Захватчику не хотелось, чтобы кто-нибудь, проникнув случайно в его владения, нашел подобную машину. А затем другой властитель убивал прежнего захватчика — и со временем машин осталось совсем немного. Так, во всяком случае, я думаю.

Через несколько недель после этого разговора Хрууз пригласил Кикаху с Клифтоном в огромный зал, где они еще не бывали. Купол потолка и стены здесь были черные, но разрисованные искрящимися точками и соединительными линиями, которые вместе образовывали очень сложную паутину.

— Перед вами результаты обработки данных, — сказал Хрууз и обвел помещение рукой. — Точки обозначают узлы, а соединяющие их линии показывают пути между вратами. Линии нарисованы исключительно для удобства восприятия. Они разделяют врата, чтобы наблюдающий мог разобраться в схеме. На самом же деле переход между одними вратами и следующими совершается мгновенно.

— Как-то раз я видал схему врат, когда был с Ядавином у него во дворце, — сказал Кикаха. — Но она была значительно проще. А твоя — это нечто!

— Да, это нечто, как ты изволил выразиться, — откликнулся Хрууз, глядя на Кикаху своими темными глазами. — Но на схеме изображены лишь известные мне врата, в основном хрингдизские. Большинство из них были открыты в тоанские вселенные, когда мой народ еще сражался с врагами. Поэтому многие наши врата соединены с вратами тоанов, хотя такие соединения, как правило, случайны.

Кикахе пришлось признать, что он понятия не имеет о том, где расположено большинство узлов и путей. Если бы ему пришлось путешествовать через врата из вселенной

хрингдизов, он как пить дать заплутал бы. К тому же многие узлы пересекались с замкнутыми цепями.

— Есть ли хоть какая-нибудь вероятность, что хрингдизские системы врат могут вывести на Пещерную планету? — спросил Кикаха. — Насколько я слышал, в мир Зазеля ведут — или вели — всего одни врата. Но что, если существуют древние врата, созданные хрингдизами?

— Все может быть. Но я не знаю таких врат, которые могли бы вывести тебя туда. А чтобы пройти через всю схему, потребуется несколько сотен лет, да и то еще неизвестно, повезет ли тебе. К тому же шансы пережить подобное путешествие будут ничтожны.

— Однако Рыжий Орк, вероятно, верит, что я найду врата Иначе зачем бы он меня посылал?

— Вам следовало бы уже уяснить, что Рыжий Орк редко открывает истинные причины своих поступков, — вмешался Клифтон.

— Да, конечно. И все же в данном случае ему не было смысла врать.

Пока они гостили у Хрууза, Кикаха попросил Клифтона закончить столь часто прерываемое повествование о том, как англичанин попал в тоанские вселенные.

— На чем я остановился? Ах да! Итак, для начала я кратко суммирую все события, о которых успел рассказать до наводнения.

Кикаха вздохнул и устроился в кресле поудобнее. Спешить им было некуда, но ему все равно хотелось, чтобы Клифтон попридержал свои эпические наклонности.

— Итак, безумный Блейк описал своему другу призрак блохи, бывший, как нам теперь известно, изображением Хрууза. Меня так заинтриговал его рассказ, что я нарисовал чешуйчатого человека, следуя описаниям мистера Блейка. Рисунок я показал своему ближайшему другу, парнишке по имени Пью. Он работал у ювелира, мистера Скарборо, и отнес рисунок своему работодателю. Тот, в свою очередь, продемонстрировал его богатому шотландскому аристократу, лорду Ривену, который заказал себе на основе рисунка кольцо. Но бедный глупый Пью украл кольцо. Понимая, что поднимется крик и суматоха и что его заподозрят первым, Пью отдал мне кольцо на сохранение. Это еще раз доказывает его непроходимую тупость. В то время я не раскаялся еще в своих грехах и не дал Господу клятву, что буду вести честную жизнь.

— Давай дальше, а? — взмолился Кикаха, потеряв последние крохи терпения.

— Хорошо, хорошо. Констебли искали Пью, а того укрывала банда беспризорных мальчишек, в которую он вступил еще до того, как стал работать на мистера Скарборо. Но констебли нашли беднягу и убили при попытке к бегству. Выстрел в затылок, как мне кажется, отправил незадачливого воришку прямо в ад.

Я решил, что отныне кольцо по праву принадлежит мне. Но я не знал, как долго придется ждать, прежде чем у меня появится шанс продать его. К тому же продавать лучше было где-нибудь подальше от родного города, а я не мог вот так взять и бросить своего приемного отца, мистера Дэлли, издателя и книготорговца. Меня бы сразу заподозрили, и констебли прознали бы о моей связи с Джорджем Пью. Если бы меня признали виновным, то повесили бы.

Барон Ривен, как поведал далее англичанин, исполнился твердой решимости найти кольцо и вора. Один из его агентов расспрашивал Клифтона о краже. Агент откуда-то узнал, что Клифтон был близким другом Пью — возможно, единственным. Клифтон жутко перепугался, но отрицал все, кроме своего знакомства с Пью. Со временем, конечно, правда должна была выйти наружу. Поэтому вскоре после встречи с агентом Клифтон удрал, намереваясь добраться до Бристоля. Там он хотел сесть на любой корабль, который увезет его из Англии. Денег у него не было, но он надеялся устроиться на судно юнгой — или кем угодно.

— Я стащил кошелек и на эти деньги снял комнатушку в дешевой портовой таверне, — рассказывал Клифтон. — Я обошел не меньше дюжины судов, предлагая оплатить проезд работой. В конце концов меня взяли помощником кока на торговое судно.

Вечером, когда судно должно было отплыть, Клифтон шел по улицам по направлению к порту и вдруг почувствовал, как на плечо ему легла чья-то рука, а потом что-то кольнуло в шею. Он хотел убежать, но колени у него подогнулись, и он свалился без чувств на мостовую. Очнулся Клифтон в комнате, где увидел лорда Ривена и еще двоих мужчин. Пленника раздели и привязали к кровати. Барон собственноручно ввел ему в артерию какую-то жидкость. Вопреки ожиданиям Клифтона, сознание он не потерял. Но когда лорд Ривен стал расспрашивать о кольце, Клифтон, несмотря на мучительную умственную борьбу, выложил все как было.

— Наркотик правды, — заметил Кикаха.

— Да, верно. Мой мешок с немногочисленными пожитками тщательно обыскали. Кольцо красовалось теперь у барона на пальце. Я ждал, что меня сдадут констеблям и повесят. Но как выяснилось, барон не хотел, чтобы власти прознали обо мне или о кольце. Он велел своим подручным, зверского вида подонкам, перерезать мне горло. Сунул им в руки несколько гиней и направился было к двери, захватив с собой большой, изумительно разукрашенный кожаный саквояж. Но, сделав пару шагов, остановился, повернулся и сказал: «Я придумал для него более суровое наказание. Вы двое можете идти!»

Они быстро удалились. Барон вытащил из саквояжа два больших плоских полумесяца, сделанных из какого-то серебристого металла.

— Переносные врата! — сказал Кикаха.

— Так, значит, вы знаете, о чем я говорю?

— Именно через такие врата я и проник в Многоярусный мир, — отозвался Кикаха.

— Вот оно что! Но у меня-то не было ни малейшего представления, что это за штуковины. Я принял их за орудия пытки. В каком-то смысле так оно и было. Барон положил их на пол, так что они образовали круг с зазором. Потом он отвязал меня от кровати. Я был слишком напуган, чтобы сопротивляться, и даже обмочился со страху, хотя мне казалось, что я уже опустошил весь мочевой пузырь, как только очнулся.

Лорд Ривен развязал англичанина, оставив связанными только руки за спиной, а потом схватил его одной рукой сзади за шею, поднял, как кролика, и поставил в центр круга, образованного полумесяцами. Он велел Клифтону стоять смирно и не дрыгаться, если тот не хочет, чтобы его разрезало пополам.

— Я выбивал зубами дробь и трясся как лист на ветру. Барон запретил мне разговаривать, но я все-таки спросил, что он собирается со мной делать. Он ответил только, что пошлет меня прямиком в преисподнюю, не убивая.

Клифтон считал, что находится во власти дьявола, если не самого Сатаны. Он взмолился о пощаде, хотя сам в нее не верил. Но лорд Ривен быстро нагнулся, соединил концы полумесяцев, потом выпрямился и отошел на несколько футов назад. Пару секунд ничего не происходило.

— И вдруг комната с бароном исчезли. На самом деле, как вы понимаете, исчез, конечно, я сам. Через мгновение я понял, что нахожусь в другом мире, хотя и не похожем на ад.

Здесь не было ни скачущих чертей, ни огненных языков, рвущихся из скал. И все же я действительно попал в преисподнюю. Это была умирающая планета в одной из тоанских вселенных. — Клифтон помолчал и добавил: — Воспоминания о жутком паническом страхе, охватившем меня в ту минуту, до сих пор заставляют меня содрогаться. Но я сумел развязать руки и как-то умудрился выжить, хотя и прошел через адские мучения.

— В каком году барон отправил тебя через врата? — спросил Кикаха.

— В году 1817-м от Рождества Христова.

— Значит, ты провел в тоанских мирах около ста семидесяти пяти лет.

— Боже праведный! Так долго! А я и не заметил в этой суете.

Англичанин вкратце описал свою дальнейшую жизнь. Он побывал во многих мирах и успешно прошел через множество врат, был в рабстве у тоанов и у людей, потом стал вождем маленького племени и, в общем, совсем неплохо устроился.

— Но меня начал донимать настоящий зуд — тоска по приключениям. Я прошел через врата, и они бросали меня из мира в мир, пока не забросили в яму — ловушку, подстроенную Рыжим Орком. Я и не знал, кто он такой, пока не увидел человека, которого занесло в камеру Хрууза, а потом разорвало на куски.

Клифтон сделал короткую паузу.

— Этот человек выглядел в точности как лорд Ривен.

— Я так и думал, — откликнулся Кикаха. — Барон на самом деле был не кто иной, как Рыжий Орк, живший в ту пору на Земле-1 под маской шотландского аристократа.

ГЛАВА 13

Хотя Кикаха был занят и старался не думать об Анане, он не мог выбросить ее из головы. А вместе с воспоминаниями наваливались тоска и ярость. Тоан уже наверняка закончил стирать Анане память, и теперь она считает, что ей всего восемнадцать лет.

Рыжий Орк объяснит ей, что у нее была амнезия и что он ее лечит. Или что его назначил опекуном Ананы ее отец, а потом она потеряла память. Он уж постарается сделать так, чтобы она не узнала, как много тысячелетий прошло после смерти отца.

Возможно, именно в это мгновение Рыжий Орк пытается ее соблазнить. Или же силком тащит к себе в постель. Кикаха пытался отогнать видения Рыжего Орка и Ананы, предающихся любви, но это было куда труднее, чем задернуть оконную занавеску.

Прошло два месяца. На третий день третьей недели третьего месяца (хорошее предзнаменование для тех, кто в них верит) Хрууз опять пригласил Кикаху и Клифтона в смотровой зал со схемой врат. Просторные апартаменты освещались лишь точками на купольном потолке и стенах. Но точки сияли куда ярче, чем в прошлый раз. Единственный луч света падал на пульт управления и сидевшего за ним Хрууза. Когда гости вошли, Хрууз встал, и на лице его появилось выражение, означавшее, как уже знали земляне, улыбку.

Чешуйчатый потер руки, в точности как человек, выражающий радость или глубокое удовлетворение.

— Хорошие новости! — сказал он. — Очень многообещающие!

И показал большим пальцем на потолок. Запрокинув голову, Кикаха увидел жирную точку, которой раньше там не было. От нее бежало множество линий к другим, более мелким точкам. Кикаха заметил также, что одна из точек из белой стала оранжевой. Несколько линий, отходящих от нее, тоже были оранжевыми. Одна линия шла прямо к жирной точке.

— Оранжевая точка обозначает врата, ведущие в мир Зазеля, — если мои вычисления правильны.

— Ты уверен? — спросил Кикаха.

Хрууз уселся перед контрольной панелью.

— Я же сказал, что не уверен. Если компьютер не ошибается, значит, так оно и есть. Но я не уверен, что он не ошибается. Чтобы проверить, кто-то должен пройти через врата.

— Как тебе удалось их вычислить? — поинтересовался Кикаха.

— Я дал компьютеру задание проследить за всеми линиями, которые вы видите перед собой. По сравнению с прошлым разом их стало гораздо больше.

— Но вы же говорили, что закрыли все ведущие сюда врата из-за Рыжего Орка! — вмешался Клифтон.

— Верно. Закрыл. И тем не менее я надеялся, что Рыжий Орк не сможет засечь мои новые врата. Я открывал их на пару микросекунд, и в это время компьютер прослеживал

данные. Перед вами результаты миллионов таких микросекундных слежений.

Кикаха все равно не мог понять, почему Хрууз считает, будто ему удалось найти врата в мир Зазеля. Но прежде чем он задал вопрос, Хрууз продолжил:

— Посмотрите на точку, которая значительно больше остальных. Видите, от нее идет оранжевая линия к оранжевой точке? Большая точка на самом деле представляет собой скопление точек, расположенных так близко друг к другу, что они сливаются в одну. — Он посмотрел наверх и снова улыбнулся. — И эта большая точка обозначает кое-что, о чем, как я думаю, тоаны даже не догадываются.

— Уж не те ли это «всеузловые врата», о которых ты спрашивал меня пару месяцев назад? — предположил Кикаха. — Меня заинтриговал твой вопрос, но, когда я сказал, что не слыхал ни о чем подобном, ты не добавил больше ни слова.

— Ты правильно угадал, хотя твои познания о вратах ограничиваются исключительно собственным опытом. Ты не ученый. А вот Рыжий Орк, знай он о вращающихся, или всеузловых, вратах, не преминул бы ими воспользоваться.

Хрууз что-то сказал, обращаясь к пульту управления, и на экране появилась другая картинка. В центре ее ярко сияло скопление точек, образующих всеузловые врата. Теперь Кикаха заметил маленькие расстояния между точками.

Хрууз опять что-то произнес на своем гортанном языке. Масштаб изображения увеличился еще больше, выделив на экране одну из точек. Рядом с ней появилось слово, напечатанное мелкими хрингдизскими буковками.

— Вот эти врата во всеузловом скоплении ведут к двум местам — вы называете их щелями — в «стене» вселенной Зазеля. Обратите внимание, что щели выглядят значительно более тусклыми, чем активные врата. Одна щель была когда-то вратами; другая образовалась естественным путем при сотворении вселенной. Бывшие некогда активными врата закрыло, как мне кажется, существо, управляющее Пещерной планетой. Это существо — ты говорил, его зовут Дингстет — не только закрыло врата, но и передвинуло слабое место в стене, что требует больших познаний и мощного источника энергии. Даже мои машины не в состоянии проделать такой фокус. Но они могут засечь перемещение слабого места. Смотрите внимательно. Я увеличу резкость изображения, чтобы вам было виднее.

Он произнес еще одно слово. На экране появилась еле заметная линия. С одной стороны она заканчивалась тусклой точкой, а с другой — еще более тусклой.

— Следы перемещения, — пояснил чешуйчатый человек. — На схеме тысячи световых точек, но только эти две показывают перемещенные врата или слабое место в стене. Сначала Дингстет ликвидировал гильотину-ловушку в односторонних вратах, через которые Рыжий Орк проник на Пещерную планету. Потом он превратил врата в двусторонние, но лишь затем, чтобы дезинтегрировать шестиугольную структуру. Ему не пришлось покидать для этого свою планету, поскольку он использовал луч, уничтоживший шестиугольник сразу в двух мирах.

Затем Дингстет вновь переделал врата в односторонние и переместил щель в другое место — такая штука сегодняшней тоанской технологии не по зубам. Поэтому Рыжий Орк и не нашел врата в Нежеланном мире. А свет, вспыхнувший в монокуляре Манату Ворсион, был всего лишь ловушкой, о чем ты и сам впоследствии догадался.

— Это замечательно! — воскликнул Кикаха. — А куда девались те односторонние врата, через которые Дингстет выпустил Рыжего Орка с Пещерной планеты?

Хрууз, совершенно как человек, развел руками:

— Он закрыл их и превратил в обыкновенную трещину. Я сомневаюсь, чтобы детекторы Рыжего Орка были способны обнаруживать уязвимые места в стенах между вселенными. Потому-то он и не смог найти входные врата и проследить за их перемещением. Хотя врата и были пару секунд двусторонними, Дингстет сумел скрыть все следы их существования. Но тебе придется снова открыть выходные врата, когда ты попадешь в мир Зазеля.

— Я их открою! — заявил Кикаха. — Все, пора в путь!

— Не торопись. Сначала машина откроет — по крайней мере должна открыть — входную точку, закрытую Дингстетом.

Хрууз снова что-то сказал, и из стены под пультом выдвинулся ящик. Чешуйчатый вынул из него небольшой металлический кубик с оранжевой кнопкой. Днище у кубика было изогнутым; с одного ребра свисал ремешок.

— Это ключ к вратам в мир Зазеля, — сказал Хрууз. — Таких ключей всего два, и рог Шамбаримена — второй и последний.

Чешуйчатый протянул черный кубик Кикахе:

— Мне подарил его друг, великий ученый, которого убили буквально через несколько дней. Насколько я знаю, подобного

устройства нет больше ни в одной вселенной. Пристегни его к запястью. Без него ты с таким же успехом можешь остаться здесь

Приготовления к путешествию длились два дня. Эрик Клифтон настаивал, что пойдет вместе с Кикахой. Хрууз заметил, что шансов на успех у Кикахи крайне мало. Если Клифтон пойдет вместе с ним, он тоже может погибнуть. А Хруузу необходимы знания Клифтона о вселенных властителей, чтобы успешнее бороться с последними.

— К тому же, — признался Кикахе Хрууз, когда Клифтона не было поблизости, — мне будет без него очень одиноко, хоть он и не хрингдиз.

Как ни велико было нетерпение Кикахи, ему пришлось подождать, пока не наступит нужный момент для прохода через всеузловые врата.

— Узлы на самом деле не вращаются, — сказал Хрууз. — Просто я употребляю этот общепринятый термин. Ты должен стартовать вовремя, и ни минутой раньше. У тебя будет двадцать секунд на то, чтобы войти в узел и пройти через врата, которые доставят тебя к щели во вселенной Зазеля. Но если ты опоздаешь хоть на десять микросекунд, то пройдешь через другие врата и окажешься Бог знает где.

Чешуйчатый соорудил металлический девятиугольник, в который предстояло войти Кикахе. За час до начала путешествия Кикаха надел кислородную маску, черные очки, пояс с оружием, полный припасов рюкзак, кислородный баллон и застегнул на левом запястье часы вместе с устройством, открывающим слабые места. Кикаха назвал его «открывашкой».

Эрик Клифтон пришел проводить своего товарища-землянина в дорогу.

— Бог в помощь, — сказал он, пожимая Кикахе руку. — Это война против дьявола, а потому мы обречены на победу.

— Бог может выиграть у Сатаны, — заметил Кикаха. — Но как насчет военных потерь?

— Мы не будем в их числе.

На стенном экране светились хрингдизские цифры, обозначавшие время. Кикаха уже научился в них разбираться. Когда до старта осталось две минуты, он взглянул на хрингдизские часы у себя на запястье. Они шли синхронно с настенным индикатором. Кикаха встал перед девятиугольником и, увидев, что осталось всего тридцать секунд, приготовился шагнуть через врата. И хотя Хрууз уверял его, что там он никого не встретит, землянин все же расстегнул кобуру лучемета.

— Приготовься, — проговорил Хрууз. — Через двадцать секунд я дам команду.

Казалось, не прошло и мгновения, как он прокричал потоански:

— Пошел!

Кикаха прыгнул в середину девятиугольника и с изумлением почувствовал, что его тело как бы растягивается. Ноги и руки, казалось, стали длинными-предлинными. Ступни находились как минимум в двадцати футах от торса, ладони — в десяти футах от плеч.

У него было такое ощущение, будто он бухнулся в ледяное море. Конечности начали неметь и терять чувствительность. Хрууз не предупредил его об этом — хотя хрингдиз, скорее всего, ничего и не знал. «Я сам должен соображать, что делать», — подумал Кикаха.

Его окружала зеленоватая полутьма. Замерзающие ступни вроде бы стояли на полу, но Кикаха не видел ни пола, ни стен. Он словно очутился в непроглядном тумане.

Где-то впереди мелькнул огонек. Кикаха пошел в ту сторону, если только можно сказать «пошел». Скорее потащился, точно увязая в густой патоке. Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он попал в это место — если его можно назвать местом. Но глядеть на часы не было смысла. Либо он доберется вовремя, либо нет.

Зеленоватая мгла просветлела. Свет с той стороны — если здесь вообще существовали «стороны» — загорелся ярче. Там, очевидно, «вращается» узел. А светятся как раз нужные Кикахе врата.

И вдруг свет немного померк. Кикаха отчаянно пытался прибавить шагу. Святые угодники! Он был уверен, что двадцати секунд более чем достаточно, чтобы добраться до врат. Теперь этот срок казался ему немыслимо коротким. Да еще вдобавок все внутренности — желудок, легкие, сердце — тоже начали вытягиваться, как и конечности. Ему стало дурно.

Если его вытошнит в маску, вот будет номер!

В конце концов ему удалось выйти на свет. Очень медленно, как во сне, Кикаха потянулся рукой к универсальному ключу, которым снабдил его Хрууз. Кубик тоже вытянулся, исказившись до неузнаваемости. Рука повисла в пустоте, ничего не нащупав. Кикаха был на грани паники — холодной паники, понемногу поднимающейся из неведомых глубин, где она обычно таится. У него осталось совсем мало времени, чтобы нажать оранжевую кнопку. По крайней мере, так ему казалось. Уверен он был лишь в одном: если ему не удастся сейчас же включить черный кубик, он безнадежно опоздает.

Кикаха провел рукой по груди и нащупал свое левое плечо, хотя и не без труда. Сколько секунд у него осталось? Наконец пальцы коснулись рубашки. Он скользнул ими вниз, глядя одновременно на свою изогнутую зигзагом руку, такую же кривую, как кий в фильме с известным комиком У. К. Филдсом, название которого Кикаха никак не мог вспомнить. Средний палец дополз до кнопки. Ее поверхность оказалась вогнутой, хотя до того была совершенно плоской. Но Кикаха все равно нажал.

И очутился в полутемном, точно озаренном первыми проблесками рассвета туннеле. Тошнота мгновенно прошла; руки и ноги сжались до нормальных размеров. Ледяная стужа сменилась теплом. Кикаха вдохнул полной грудью. Похоже, он все время сдерживал дыхание, пока обретался в том ужасном месте. Судя по наручным часам, он пробыл в полупространстве или непространстве восемнадцать секунд.

Кикаха отключил приток кислорода, снял маску и баллон. Воздух здесь был недвижный, знойный и затхлый, точно давным-давно иссушенный жарой. Положив кислородное обмундирование к ногам, чтобы отметить точку входа, Кикаха огляделся. Туннель, вырубленный в гладком, словно кристалл, камне, был достаточно широким, чтобы по нему могли пройти шеренгой человек двадцать. По середине пола бежала неглубокая извилистая канава с журчащей водой. Стены и потолок покрывали большие пятна густого лишайника. Тусклый свет испускали зеленоватые шишки, росшие на полу, потолке и стенах. С потолка свисали высушенные тела шестиугольных насекомовидных существ. Точно такие же тела лежали на полу. Кто они такие и что было причиной их гибели — об этом оставалось только гадать.

Но больше всего Кикаху поразили надписи, медленно ползущие одной строкой по стенам туннеля. Черные символы, высотой дюйма в четыре, двигались чуть выше уровня глаз. Дойдя до лишайника, они пропадали, но, миновав его, вновь появлялись на камне. То ли буквы неведомого алфавита, то ли идеограммы — не поймешь. Некоторые из них казались смутно знакомыми, напоминая греческое, кириллическое, арабское и китайское письмо, но это ничего не означало. Просто совпадения.

Спертый воздух начал действовать Кикахе на нервы. Он решил начертить на стене большой крест, чтобы отметить точку входа, а затем положил кислородную маску с баллоном в рюкзак.

Ну и куда ему теперь идти?

Вперед по течению ручейка? Это направление ничем не хуже других. Да и символы тоже бежали вперед.

Пять часов Кикаха шагал по туннелю в тишине, которая начала уже звенеть в ушах. Единственным живым существом здесь был светящийся лишайник. Хотя, возможно, зеленоватые шишки тоже были живыми растениями. Через каждые полчаса Кикаха останавливался и царапал на стенке крест. Воздух был все такой же затхлый и душный. Кикаха боролся с искушением воспользоваться баллоном, но тот мог еще понадобиться в экстренной ситуации.

К этому времени Кикаха был уже совершенно уверен, что находится в мире Зазеля. Хотя тоанские легенды были довольно скупы в деталях, туннели в них упоминались определенно. Значит, ему удалось совершить то, что Рыжему Орку оказалось не по плечу! Ликование подстегивало Кикаху. Он еще покажет этому сукину сыну!

В начале шестого часа пути Кикаха оказался у развилки. Туннель разветвлялся вправо и влево. Кикаха без колебаний свернул налево. Левый означало для него счастливый — к черту все предрассудки насчет левых путей! — и он был уверен, что выбранный туннель приведет его к самому центру Пещерной планеты. Подтверждением тому стали первые увиденные им скелеты животных. Скелетов было великое множество, и Кикаха шагал прямо по ним, когда не удавалось переступить. Животные, похоже, погибли в яростной схватке, так перемешаны были их кости. Встревоженный, Кикаха замедлил ход. Что-то тут случилось, и явно что-то неладное.

Через пару минут, перешагнув через очередной скелет, Кикаха вышел к гигантской пещере, освещенной все теми же шишками, которые росли здесь гораздо гуще, чем в туннеле. Но свет был слишком тусклым, чтобы разглядеть пещеру целиком.

Кикаха спустился по наклонной тропке вниз. Как и в туннеле, пол был усеян костями разных животных и птиц. Растения, некогда росшие в пещере, были съедены почти до самых корней. Оставшиеся ветки и листья позволили Кикахе отнести их к разряду овощных. Он решил, что засыхающие или уже засохшие растения были сожраны животными. Но друг дружку они все-таки поубивали еще до того, как успели съесть всю растительность.

А на ближайшей стене, насколько хватало глаз, символы продолжали свой загадочный парад.

Судя по тому, что Кикахе доводилось слышать, вся Пещерная планета представляла собой колоссальный компьютер. Но Зазель сотворил также фауну и флору, отчасти для

того, чтобы украсить свои громадные пещеры, отчасти для забавы. Правда, это не спасло его от хандры, и он покончил жизнь самоубийством.

Где же глава этого мира, единственное разумное существо, одинокий король, искусственное создание, которому Зазель оставил в наследство свою заброшенную вселенную?

Кикаха крикнул несколько раз, чтобы предупредить о своем появлении Дингстета, если тот окажется в пределах слышимости. Ответило ему только эхо. Пожав плечами, Кикаха зашагал вперед. Когда он оглянулся, вход в пещеру уже поглотили сумерки. Через час перед Кикахой оказалась стена с шестью туннелями. Он выбрал самый левый. А еще тридцать пять минут спустя вышел в другую пещеру — и вновь увидел знакомую картину: кости, перемешанные с остатками растений, и тишина.

Но полоска символов по-прежнему двигалась вдоль стены, исчезая во тьме. Компьютер был еще жив. Вернее, он еще работал.

Ни экранов, ни контрольных панелей здесь не было. Очевидно, решил Кикаха, компьютер управляется голосом. Но как нужно задавать ему вопросы? Странные символы мало чем могли помочь. Возможно, Зазель изобрел для управления компьютером свой собственный язык. Если так, то выполнить задание не будет никакой возможности. И вообще, не хватало только заплутать в этом Богом забытом месте — ведь запасы еды у него ограниченны, их хватит всего на двенадцать дней. И то если питаться очень экономно.

«Если я найду Дингстета, — подумал Кикаха, — или он найдет меня, все будет замечательно. В том случае, конечно, если Дингстет согласится помочь».

Но Дингстет никому уже помочь не мог, в том числе и себе самому. Кикаха обнаружил его останки в резном каменном кресле и на полу возле кресла. Кости явно принадлежали Дингстету, больше некому. Скелет выглядел гуманоидным, у него было две ноги, но он слишком сильно отличался в деталях. Между костями виднелись пластмассовые органы с проводками. И череп, упавший на колени, определенно не был человеческим.

«Повезло мне, что я так быстро на него наткнулся, — подумал Кикаха. — В конце концов, когда я собирался сюда, то рассчитывал найти Дингстета. Я мог бы долго блуждать по этому лабиринту, протянувшемуся на тысячи миль. Но я добрался до места, которое искал, почти сразу».

Правда, назвать это везением можно было лишь отчасти. Ведь единственное существо, способное рассказать Кикахе,

где находится информация о машине творения-разрушения, рассказать уже ничего не могло и никогда не сможет.

Кикаха не нашел никаких признаков насильственной смерти ни на черепе, ни на скелете. Возможно, Дингстету просто наскучило его бессмысленное и бесцельное существование, и он решил выпить яду. Или же Зазель сконструировал своего слугу таким образом, чтобы тот скончался в определенный срок. В общем, какой бы смертью ни умер Дингстет, он оставил планету без присмотра, и она пришла в упадок.

— Ну не знаю я, что делать! — крикнул в сердцах Кикаха.

Объятый разочарованием и злостью, он схватил череп и швырнул его куда подальше. Пользы это не принесло, зато злость немного поутихла. Крик его подхватило громкое эхо, точно умирающий мир непременно желал оставить последнее слово за собой.

К несчастью, смерть Дингстета вовсе не означала, что данные о машине творения-разрушения стали абсолютно недоступны. Если Рыжий Орк доберется сюда, он, возможно, сумеет их раздобыть. В конце концов, он ученый и достаточно умный, чтобы сообразить, как наладить общение с компьютером. Нужно было сматываться отсюда до прибытия тоана.

Кикаха треснул, правда не очень сильно, кулаком по спинке каменного кресла и выкрикнул:

— Врешь! Я еще не сдался!

ГЛАВА 14

Символы на стене могли двигаться по кругу, но могли вести и к центру управления. Кикаха решил углубиться в пещерно-туннельный комплекс. Пройдя чуть меньше мили, он остановился. Светящиеся шишки и лишайник стали здесь коричневатыми. Половина шишек свалилась с потолка на пол, а другая половина грозила вот-вот последовать за первой. Если гниение распространится дальше, все туннели и пещеры окажутся в кромешной тьме, а выработка растениями кислорода прекратится.

Не привыкший легко отказываться от своих намерений, Кикаха шагал вперед, помечая стены крестами через каждую сотню футов. Приметы упадка становились все более очевидными. Но свежей воды тем не менее было в избытке. Хотя нет. Через десять минут ручей начал иссякать, а еще через пять в канаве, прорытой посреди коридора, воды осталось на донышке. Да и та при такой жаре должна была вскоре испариться.

Светящихся шишек осталось так мало, что туннель был виден Кикахе в пределах пяти футов. Он снова остановился. Какой смысл идти дальше? Планета скоро умрет, тут уж ничего не попишешь. И если строчки символов по-прежнему ползут по стенам, это свидетельствует лишь о том, что громадный компьютер еще не загнулся окончательно. Возможно, он будет работать до тех пор, пока не иссякнут запасы энергии, и его агония продлится несколько тысячелетий.

Кикаха повернулся и пошел назад к пещере. Чтобы не сбиться с пути, он держался поблизости от стены, помеченной крестами. Через пять минут ему пришлось вытащить из рюкзака фонарь. Он привязал его ко лбу и зашагал быстрее. Но воздух так обеднел кислородом и стал таким спертым, что Кикаха был вынужден вытащить из рюкзака баллон и пристегнуть его к правому плечу. Надев маску, он повернул рычажок. Время от времени, решил Кикаха, он будет перекрывать доступ кислорода и сдвигать маску набок. Несколько минут можно продержаться и в здешней атмосфере, а потом снова вдохнуть «свежего» воздуха.

Теперь, по крайней мере, можно не волноваться о том, что Рыжий Орк завладеет информацией о древней машине. Эта мысль подбодрила Кикаху. Отныне он целиком может отдаться мести: убить тоана и вызволить из его лап Анану.

Следуя собственным указателям, Кикаха наконец вернулся в исполинскую пещеру. Там он не ставил крестов, поскольку в них не было нужды. Если продолжать идти вдоль стены, он выйдет к помеченному крестом туннелю и сможет отправиться в обратный путь. Но вместо того чтобы идти по стеночке, Кикаха пошел по середине пещеры, в направлении центрального туннеля. Луч фонарика упал на пожухлые листья и кости животных, порой весьма причудливого вида. Тут Кикаха остановился.

Вот оно, каменное кресло. Но где же скелет Дингстета?

Подойдя вплотную к пустому креслу, Кикаха повернулся и посветил фонариком сначала в одну сторону, потом в другую. Луч, увы, не достигал ни потолка, ни стен. Кикаха пошел туда, куда, как ему помнилось, швырнул недавно череп. Но, обыскав довольно широкую территорию, так ничего и не нашел.

Он сдвинул кислородную маску.

— Дингстет! Дингстет! — звал он снова и снова.

Имя громовыми раскатами возвращалось к нему от далеких стен. Когда эхо утихло, Кикаха снова надел маску и прислушался. Услышал он лишь биение собственного сердца. Но теперь невидимый наблюдатель будет знать: незваный

гость наконец-то понял, что он не единственное живое существо в Пещерном мире.

Кикаха подождал пять минут и выкрикнул имя еще двенадцать раз. И снова эхо, а потом тишина.

— Я знаю, что ты здесь, Дингстет! — крикнул Кикаха. — Где бы ты ни прятался, выходи!

Не дождавшись ответа, он подошел к креслу и уселся. Почти удобно, насколько удобно может быть в каменном кресле. Кикаха дал себе десять минут на ожидание. После этого придется уходить. Но когда-нибудь он вернется, прихватив гораздо более солидные запасы еды и кислорода, и продолжит поиск. А если к нему присоединится Хрууз, то не исключено, что чешуйчатому удастся вернуть планету к жизни.

Прошло две минуты. Кикаха начал было подумывать о возвращении, поскольку не мог с уверенностью сказать, хватит ли ему кислорода. И вдруг он выпрямился, напряженно вглядываясь во тьму. Ему показалось, что где-то раздался еле слышный смешок. Кикаха встал и медленно повернулся кругом. Не успел он развернуться на три четверти, как что-то с силой ударило его справа по голове. Удар был болезненный, но не лишил Кикаху чувств. Он прыгнул вперед и выключил фонарик. Потом пробежал еще десять шагов и растянулся на каменном полу.

Сжимая в руке лучемет, он лежал и прислушивался. Кикаха знал, что его ударило. Соскакивая с кресла, он успел краем глаза заметить череп Дингстета, летевший во мрак.

Он вслушивался в тишину так, словно жизнь его зависела теперь только от слуха. В общем, так оно и было. Через несколько секунд за спиной раздался еще один смешок, погромче. Кикаха откатился немного в сторону и, съежившись, сел. Тот, кто метнул в него череп, вероятно, неплохо видел в темноте. Что ж, это не проблема. Сняв рюкзак и порывшись в нем, Кикаха вытащил черные очки и надел их. Потом подкрутил на крохотном циферблате яркость и вгляделся сквозь очки в призрачный полумрак.

Никого не видать. Единственное укрытие, за которым можно спрятаться, — каменное кресло. Но нападавший знает, что Кикахе нетрудно будет об этом догадаться. Где же еще он — или она — может скрываться? В канавах с водой? Если распластаться на дне, там вполне можно затаиться. Ближайшая канава находилась футах в тридцати.

«Минуточку! — подумал Кикаха. — Кто слишком спешит с заключениями, часто в них и попадает. Противник мог просчитать ход моих мыслей и именно поэтому спрятаться за креслом. Пока я буду ползать, обследуя канавы, он меня

пристрелит. Хотя, с другой стороны, ему ничего не стоило сделать это в любой момент. Почему же он швырнул в меня черепом и таким образом предупредил?

Кем бы ни был нападавший, он явно из рода властителей. Только тоаны способны играть с противником, как кошка с мышкой. Но я им не мышка, и тоаны должны бы это знать. Что ж, чем больше опасность, тем забавнее игра, — так он, наверное, думает. Ладно, дадим ему позабавиться, но последним смеяться буду я!

Конечно, вполне вероятно, что во тьме их скрывается несколько. Если игра обернется не в пользу черепометателя, его приятель подстрелит меня.

Но тут уж ничего не поделаешь. Придется просто быть осторожнее и попытаться вычислить других игроков».

Кикаха встал, раскрутился на месте, сделав три оборота и держа свой рюкзак на весу, точно боевой топор, а потом швырнул его в кресло. Рюкзак шлепнулся на резное сиденье, но никто не высунул голову из-за спинки и не взглянул на него. Кикаха переключил свет ночного видения на фотонный, надеясь, что противник невольно выдаст себя от неожиданности. Ничуть не бывало — никто на уловку не клюнул. Кикаха опять переключился на ночное видение.

Он осторожно подошел к двум канавам, часто оглядываясь назад. Насколько позволял разглядеть луч фонарика, там было пусто. Но нападающий или нападающие могли скрываться в темноте. Кикаха нащупал на стволе лучемета, рядом с кнопкой, рычажок, не глядя передвинул его, настроив оружие на поражение цели в районе двухсот ярдов, и тут же, разворачиваясь на месте, с силой надавил на спускатель. Луч, похожий сквозь очки на черный карандаш, описал широкую дугу. Если кого-то и задело, то он не вскрикнул.

Едва закончив разворот, Кикаха бросился к креслу, одновременно чуть ослабив давление на спускатель. И так чересчур много энергии потрачено впустую. Если за креслом кто-то прятался, он должен был услышать тяжелые шаги и что-нибудь немедля предпринять.

Из-за резной спинки показалась голова в выпуклых защитных очках, а за ней — широкие плечи. Не успев появиться по грудь, противник выстрелил из лучемета. Кикаха бросился плашмя на пол, послав ответный луч. Каменный пол задымился на расстоянии дюйма от левого плеча Кикахи. Но луч, вылетевший из его оружия, прошел точнехонько сквозь шею тоана. В этом Кикаха был уверен.

Он встал и, описывая лучом широкую кривую, подошел к креслу. Хотя тишина не скрадывала его осторожных шагов,

Кикаха сомневался, чтобы упавший человек мог их слышать. Даже если у него над ухом раздастся звон литавр, он и тогда вряд ли что-нибудь услышит.

Приближаясь к креслу, Кикаха настороженно смотрел по сторонам и оглядывался назад. Хотя ему давно уже пришел бы конец, если бы в пещере был еще один противник. Правда, не исключено, что тот лежит раненый где-то во мраке и готовится нанести ответный удар.

Удостоверившись, что луч и впрямь попал врагу в шею, Кикаха снял с трупа очки. Как он и предполагал, перед ним предстало лицо Рыжего Орка. Но властитель мог снова послать вместо себя клона. Точно это можно будет выяснить только при личной встрече с очередным экземпляром, вынудив его сознаться, что он-то и есть оригинал.

А это крайне маловероятно, подумал Кикаха. У застреленного человека не было с собой рога Шамбаримена. Пошел бы Рыжий Орк сюда без рога? Нет, быть такого не может. Значит, Кикаха прикончил все-таки клона. Но тот не мог попасть в мир Зазеля без рога. Следовательно, Рыжий Орк протрубил в рог и послал клона через врата. А может, пошел вместе с ним и скрывается где-то во тьме?

Как всегда, сплошные сомнения!

Кикаха подобрал лучемет погибшего и внимательно осмотрел его, освещая головным прожектором. Настройка на шкале показывала, что оружие включено на парализующую мощность в районе ста ярдов. Выходит, Кикаху собирались только оглушить. Кем бы ни был убитый, игра с врагом несомненно доставляла ему удовольствие. А натешившись вволю, он парализовал бы землянина и доставил в резиденцию Рыжего Орка как пленника.

То и дело бросая быстрые взгляды по сторонам, Кикаха забрал кислородный баллон убитого, лучемет, пакет батарей, головной прожектор, пищевой паек и флягу. Не выбрасывай добро — глядишь, и тебе добром воздастся. Взвалив на плечи два рюкзака и выходя из пещеры в туннель, Кикаха подумал: уж не там ли поджидает его Рыжий Орк, надеясь напасть из засады?

Он переключил очки на ночное видение и зашагал быстрее. Обратный путь прошел гладко. Никто не появился внезапно из засады, и вроде бы никто не крался следом. Только символы, бежавшие прежде по стенам, исчезли.

Обливаясь потом, еле сдерживая туго натянутые нервы, Кикаха добрался до последнего креста — отметки, показывавшей точку входа. Он встал перед стеной, произнес кодовое слово, которое сообщил ему Хрууз, и приготовился к

кошмарному испытанию холодом и растяжкой при проходе через узловые врата. Но, к его изумлению, эта напасть его миновала. Он шагнул через стену и сразу же оказался в лесу.

Кикаха огляделся кругом и застонал. Деревья были точь-в-точь такие же, как на планете Манату Ворсион. Не успел он опомниться, как его окружили рослые коричневые люди с прямыми блестящими черными волосами, приплюснутыми носами и монгольской складкой у черных глаз. Их длинные копья были нацелены на Кикаху.

— Эй, я друг Великой Праматери! — сказал он. — Вы меня не узнаете?

Они явно видели его впервые, но ничего не ответили. Кикаху под конвоем провели по лесу. Через час они вышли на поляну, в центре которой стояло гигантское дерево — жилище «Владычицы нашей». Пленника впихнули в древесный дворец и по винтовой лестнице доставили на шестой этаж к большой закрытой двери. Стража удалилась.

— Можешь войти, — раздался из-за двери голос Манату Ворсион.

Кикаха толкнул полированную черную дверь. В глаза ему ударил яркий свет. Он сощурился и увидел громадный круглый стол, стоявший посреди роскошно обставленной комнаты. За столом в мягком кресле восседала лицом к двери великанша. По обе стороны от нее сидели Эрик Клифтон и Хрууз.

— В моей жизни было немало сюрпризов, — сказал Кикаха, — но такого я не припомню. Как, черт возьми, вы оба попали сюда?

— Присаживайся, — махнула рукой великанша. — Угощайся. Выпей. И расскажи нам о своих приключениях в Пещерном мире. Мне следовало бы позволить тебе помыться и отдохнуть перед обедом, но нам не терпится услышать, что ты сумел там разузнать.

Кикаха сел в уютное кресло, и на него внезапно навалилась усталость. Но глоток желтого вина из деревянного кубка мгновенно ее прогнал. Кикаха принялся за обед и рассказ одновременно.

Закруглившись, он сказал:

— Вот и все. Теперь Рыжий Орк сможет попасть на Пещерную планету. Найдет ли он там то, что ищет, это другой вопрос. Но как он сумел отыскать дорогу — ума не приложу.

— Скорее всего, он проследил за твоим переходом из моего убежища в мир Зазеля, — произнес Хрууз. — И мне это не нравится. Похоже, у него появились средства слежения, которых не было прежде. По крайней мере, насколько я могу судить.

— Он может вычислить проход и в мою вселенную, — сказала Манату Ворсион. — Особенно теперь, когда у него есть рог.

— Надеюсь, такого устройства, каким я пользовался в Нежеланном мире, у Рыжего Орка все-таки нет, — заметил Кикаха. — О'кей, я рассказал вам свою историю. Но как вы трое собрались вместе?

— Это была идея Хрууза, — ответила Великая Праматерь. — Он послал ко мне Эрика Клифтона с предложением объединить наши усилия в борьбе против Рыжего Орка.

— И я же настроил врата, ведущие из мира Зазеля, таким образом, чтобы ты сразу оказался здесь, — добавил Хрууз.

— Стало быть, твоя вселенная сейчас открыта? — спросил Кикаха. — Рыжий Орк...

— ...попытается проникнуть в нее, — закончила за Кикаху властительница. — Но он не знает, что она открыта. К тому же Хрууз установил ловушки.

Лицо Хрууза, столь непохожее на человеческое, исказилось совершенно человеческой досадой.

— По-моему, Кикаха обращался ко мне, — буркнул чешуйчатый. — Я мог бы сам ему ответить.

— Если я обидела тебя, — изумленно округлила глаза великанша, — то прошу прощения. Хотя я ни сном ни духом не хотела тебя оскорбить.

Кикаха улыбнулся. Между двумя союзниками уже возникли трения, пускай пока по мелочам. Манату Ворсион привыкла делать все, что ей хочется, в том числе и перебивать людей на полуслове. Хрууз же явно не привык, чтобы с ним обращались как с подчиненным. А для Манату Ворсион все окружающие были подчиненными. Разве не была она «Владычицей нашей», Великой Праматерью, Прародительницей всего сущего? Разве не преклонялись перед ней все живые существа в ее вселенной? Даже Рыжий Орк не осмеливался нападать на нее до сих пор. А если теперь и осмелился, то лишь потому, что она сама объявила ему войну.

— Надеюсь, я не нарушу этикет, попросив слово? — произнес Кикаха, стараясь, чтобы в голосе не прозвучала ирония. — Мне кажется, лучшая защита от Рыжего Орка — это нападение. Не стоит ждать, пока он ворвется в твою или какую-то другую вселенную. Нам нужно выступить против него во всеоружии.

— Мысль хорошая, хотя и не новая, — заявила великанша. — Мы уже решили, что это лучшая стратегия. Мы также пришли к единому мнению, что ты будешь нашим авангардом.

— К роли пушечного мяса мне не привыкать, — откликнулся Кикаха. — Я начал играть ее во время второй мировой войны на Земле, когда был совсем юнцом, и продолжаю до сей поры. Но я не согласен быть просто пешкой. Я настаиваю на равноправном членстве в военном совете. Думаю, я это заслужил.

— Ни у кого из нас и мысли не было лишить тебя равноправного членства, — спокойно проговорила властительница. — Но как показывает практика тысячелетий, военные советы годятся лишь на то, чтобы давать советы. В армии должен быть единовластный командир — полководец, принимающий мгновенные решения, чьим приказам любой солдат должен повиноваться беспрекословно, даже если их целесообразность вызывает у него сомнения.

У тебя, Клифтон, нет военного опыта. Ты, Кикаха, по натуре воин-одиночка — превосходный, возможно, даже непревзойденный в непосредственном сражении с врагом. Но ты не стратег, вернее, у тебя нет опыта в выработке стратегических планов. Ты, Хрууз, для нас величина неизвестная, хотя то, что ты сумел выжить, когда уничтожили весь твой народ, свидетельствует о твоей незаурядной ловкости. Кроме того, ты для нас бесценный кладезь научных и технических познаний. Но ты мало знаешь о людях, об их прошлом и настоящем. Да и опыта как у командующего армией у тебя никакого. — Манату Ворсион сделала паузу, набрала в грудь побольше воздуха и заключила: — Так что вполне очевидно, кто должен быть командиром. У меня есть все ваши достоинства плюс достоинства, которыми вы не обладаете.

На минуту воцарилось молчание. Потом Кикаха сказал:

— Мне на командирскую должность плевать. Она не в моем стиле. Я только настаиваю, чтобы меня не считали жертвенной пешкой на шахматной доске. А во время сражения я принимал и буду принимать свои собственные решения, правильные или неправильные, даже если они будут идти вразрез с приказами. Солдату́ на поле боя виднее, что требуется в данный момент. — Он перевел дух и посмотрел великанше прямо в глаза: — У меня в горле застряла кость и мешает мне дышать. Нам с тобой придется вместе вытащить ее.

— Знаю, — отозвалась властительница. — И если бы ты об этом промолчал, я перестала бы тебя уважать.

— Тогда я расскажу Клифтону и Хруузу о том, что не дает мне покоя. Ты послала меня в Нежеланный мир, чтобы найти врата в мир Зазеля, и дала мне детектор, определяющий местонахождение врат. Но ты не сказала, что это вовсе не детектор, а мина-ловушка. Ты знала, что через определенное время она взорвется. И...

— Нет. Она должна была взорваться только тогда, когда поблизости окажется Рыжий Орк или один из его клонов. И не сразу, а через некоторое время. У меня не было образца электрического поля, излучаемого кожей Рыжего Орка, как и данных о его массе. Но я вычислила его массу приблизительно, основываясь на твоих собственных описаниях. Думаю, что погрешность не превышала одного фунта.

— И тебе было плевать, если я погибну тоже! — взорвался Кикаха.

— Нет. Мне совсем не было плевать. Поэтому я настроила бомбу так, чтобы она сработала лишь тогда, когда человек, отобравший ее у тебя, удалится на некоторое расстояние. В общем, когда ты будешь вне опасности.

— Но ты же не могла знать, кто отберет у меня детектор! А если бы это оказался не Рыжий Орк?

— В любом случае так поступить мог только твой враг.

— Ну что ж, — проговорил Кикаха уже более спокойно. — Наверное, ты ждешь от меня извинений за беспочвенные подозрения. Я действительно подозревал, что тебе все равно, погибну я или нет, лишь бы Рыжий Орк сыграл в ящик.

— Сыграл... во что?

— Это идиома — она означает «погиб».

— Ясно. Нет, я не жду от тебя извинений. Ты ни в чем не виноват. Ты знал не все факты...

— Я знал очень мало фактов, — пробормотал Кикаха. — Фактически почти ни одного.

— Так или иначе, мне пришлось подвергнуть твою жизнь некоторой опасности. Но тебе к этому не привыкать. К счастью, тебя просто оглушило. — Великанша взглянула на остальных: — Вы согласны признать меня полководцем?

— Ты представила вполне логичные основания, — пожал плечами Хрууз. — Мне нечего возразить.

— А я благодарю даже за право голоса, — отозвался Клифтон. — Кто я такой, чтобы мое мнение интересовало столь могущественных особ?

— Кикаха?

— Согласен.

— Отлично. Тогда слушайте, что мы предпримем дальше.

ГЛАВА 15

Кикаха находился на Земле-2 — одной из планет, принадлежащих Рыжему Орку.

Где именно — этого он не знал. Великая Праматерь перебросила Кикаху через врата в район Земли-2, соответствующий Калифорнии на Земле-1.

— Рыжий Орк запретил властителям появляться на обеих Землях, — сказала ему Манату Ворсион. — Но, как тебе известно, другие властители, в том числе Ядавин и Анана, создали врата, ведущие на обе планеты, и время от времени бывали там.

Я давно открыла возможные проходы на Земли, просто не пользовалась ими. Врата выведут тебя на Землю-2 как можно ближе к тому месту, где, по твоим предположениям, находится дворец Рыжего Орка. Хотя возможно, что он засек эти врата и установил в них ловушку.

— Что ж, дело привычное.

Кикаха приготовился шагнуть через глиндглассу, и тут Великая Праматерь обняла его. На несколько секунд он зарылся головой в долину меж ее грудей. Ах, до чего же восхитительное ощущение!

Разжав объятия, великанша оттолкнула его на длину руки — немалую длину, надо заметить.

— Ты единственный мужчина, отвергший меня.

— Из-за Ананы.

— Я знаю, — кивнула Манату Ворсион. — Но в конце концов ты все равно разделишь со мной постель.

— Мне не хочется сейчас думать о конце — ни о твоем, ни о моем.

Она рассмеялась:

— И ты единственный мужчина, которого я могу простить. Впрочем, ты ведь тоже простил меня, когда я без предупреждения подвергла опасности твою жизнь. Ступай, и пусть удача Шамбаримена сопутствует тебе.

Удача подвела-таки однажды легендарного создателя рога, но Кикаха не стал упоминать об этом. Он шагнул сквозь мнимое зеркало в напоенную теплом каменистую пустыню со скудной растительностью. Огляделся — а вокруг лишь парочка канюков, сорная трава, валуны да крутые отвесные скалы, вздымающиеся ввысь. Где и когда он их видел?

На небе ни облачка. Судя по высоте солнца над горизонтом, здесь около десяти часов утра. Температура чуть выше семидесяти пяти градусов по Фаренгейту.

Великая Праматерь не могла в точности сказать, насколько близко окажутся врата от территории, соответствующей на Земле-1 Лос-Анджелесу. И Кикаха представления не имел, в какую сторону идти.

«Вечно все приходится решать самому», — подумал Кикаха. Но именно это ему и нравилось.

Из скалы Кикаха появился лицом к западу. Значит, слева был юг. Кикаха всегда предпочитал ходить налево — это при-

носило ему удачу. В конце концов, если выбранное направление окажется неправильным, можно развернуться и пойти назад. Кикаха спустился по крутой скале, оскальзываясь, но не падая, и наконец добрался до более или менее ровной местности. По пути он всполошил черную, как уголь, змею, чье настороженное шипение наполнило его душу теплом. Как-никак, почти родная Земля. Хотя когда он в последний раз был на своей настоящей родине, Лос-Анджелес ему не понравился. Слишком много народу, слишком много машин, шум, давка и грязный воздух.

Чуть позже Кикаха наткнулся на громадного тарантула. Его крохотные злобные глазки напомнили путнику о многочисленных врагах, не раз вставáвших у него на пути в разных вселенных. Это воспоминание тоже согрело ему душу. Столкновения с врагами закалили Кикаху; в сущности, он должен быть им благодарен. Жаль только, все они мертвы. И он не сможет сказать им «спасибо».

Широкополая шляпа защищала голову Кикахи от солнца. Темно-бордовая рубаха с расстегнутым воротничком, кожаный ремень, мешковатые черные брюки, черные носки и крепкие походные башмаки составляли его остальной гардероб. На боку — кобура с лучеметом, с правой стороны пояса — фляга, полная воды. И, конечно же, неизменный рюкзак, набитый всем, что могло пригодиться в этом путешествии.

Пройдя немного по тропе, Кикаха остановился. Ну конечно! Теперь он узнал, где находится! Эти живописные скалы — сколько раз он любовался ими в вестернах! Горы Васко пользовались заслуженной популярностью у режиссеров. Значит, идти ему надо на юг, хотя и неизвестно сколько. Кикаха решительно устремился в направлении тридцатой параллели.

Впереди лежал район, который на Земле-1 назывался округом Лос-Анджелес. География обеих Земель совпадала, но архитектура и обитатели были различны.

Чуть погодя Кикаха вышел на широкую дорогу с наезженной колеей. Отшагав по ней миль пять, он услышал за спиной какой-то шум. Оглянулся — и увидел в полумиле к северу облако пыли, клубившееся под копытами коней. Шлемы всадников сверкали на солнце. Двое наездников, скакавших впереди кавалькады, держали высокие пики с развевающимися на ветру штандартами. Солнечные блики, пляшущие на кончиках копий, заворожили Кикаху и разгорячили в жилах кровь. Перед глазами проплыли лихие набеги, совершенные вместе с медвежьим народом в Америндии, на одном из уровней Многоярусного мира. Вспомнились ему и рыцарские

турниры в Дракландии, на той же планете. В ушах запели звонкие призывы военных рожков.

Но меньше всего ему сейчас хотелось быть взятым под арест солдатами. Его одеяние покажется им странным. Если они устроят допрос, он не сможет связать и двух слов на их языке. А любой подозрительный незнакомец на этой планете автоматически попадал в каталажку.

Местность по левую руку была равнинной, но до высохшего русла реки оставалось футов сорок. Скалы по правую руку вздымались в полусотне футов. Кикаха рванул к руслу, надеясь, что кавалеристы его не засекут. Правда, раз он их увидел, что мешает им заметить его? Скверно, но делать нечего. Остается только бежать и надеяться на удачу.

Кикаха спрыгнул на дно сухого русла, тут же повернулся и взглянул на берег, прячась за листьями полыни. Вскоре всадники со штандартами проскакали мимо. На малиновых полотнищах колыхалось изображение бурого медведя с более длинными, чем у гризли, лапами и более короткой мордой.

Наверное, гигантские тупорылые медведи, вымершие на Земле-1, здесь сумели выжить, подумал Кикаха.

Офицеры, скакавшие вслед за авангардом, были чисто выбриты и носили круглые шлемы с пластинками, прикрывавшими носы. Сзади шлемы изгибались, защищая шею, а сверху были увенчаны черными плюмажами, напоминая обмундирование древнегреческих воинов. Кроме того, на всадниках были темно-фиолетовые плащи и малиновые туники, расшитые спереди золотом, а также кожаные сандалии, надетые на босу ногу. С широких, украшенных малиновыми каменьями поясов свисали ножны с короткими мечами. Кирасы наподобие тех, что носили испанские конкистадоры, гремели в корзинах, притороченных к седлам. В такую жару облачались в них, видно, лишь перед боем.

Вообще-то солнце пекло так сильно, что и шлемы казались лишними. Но, по-видимому, воинский устав не позволял их снимать ни при каких обстоятельствах.

Пехотинцы сжимали в руках копья, а с поясов у них свисали в ножнах длинные мечи. Они были так же чисто выбриты и смуглы, как и офицеры. Но, в отличие от коротко стриженного начальства, рядовые носили волосы до плеч — длинные, темные, волнистые, они свободно развевались на ветру. И все же солдаты не походили на жителей Средиземноморья. Широкие лица с выдающимися скулами, слабо выраженные монгольские складки на веках и длинные носы указывали на то, что среди их отдаленных предков были американские индейцы.

За ними шагало около сорока лучников.

Позади солдат тащился обоз — кучка мужчин и женщин, кто на конях, кто на груженых фурах. Все без исключения в широких мягких шляпах с высокими тульями, некогда желтых, а теперь просто грязных и заляпанных жирными пятнами. Разноцветные запыленные туники, никакого оружия. Уж они-то, без сомнения, принадлежали к индейской расе и были слугами или рабами. Обоз сопровождали несколько копьеносцев и лучников.

— У них есть лошади, — пробормотал Кикаха, — а мне необходима лошадь. Ergo*, я ее добуду. Хотя здесь, наверное, тоже вешают за конокрадство, как на старом добром Западе. Ну, да я не в первый раз ворую лошадей. И, надеюсь, не в последний.

Отряд прошел мимо, пыль улеглась, и Кикаха, убедившись в том, что солдаты не собираются за ним возвращаться, снова вышел на дорогу. Шагал он по ней около часа, а солнце палило все нещадней. Увидев двух всадников, спускающихся впереди с холма, Кикаха прибавил шагу. Когда они выехали на дорогу, то оказались всего в сорока футах от него. Кикаха окликнул незнакомцев, и те придержали коней.

Ребята на вид были крутые — круче некуда: такие же шляпы, как у рабов в обозе; черные, усыпанные крошками бороды по грудь; черные свирепые глазки; обветренные лица с ястребиными носами, не знающие, что такое улыбка. Одеты в грязные голубые туники и высокие, по бедра, сапоги. За плечами колчаны со стрелами, тетива на луках туго натянута. В ножнах длинные мечи и кинжалы.

Кикаха снял рюкзак и вытащил из него маленький слиток золота. Протягивая его, он указал другой рукой на ближайшего коня:

— Я дам тебе это за лошадь.

Они, разумеется, не поняли слов, зато поняли жесты. Перебросившись парой фраз, всадники повернули коней и устремились к Кикахе, обнажив мечи. Он предвидел такой поворот, поскольку выглядели они настоящими разбойниками. Парализующий луч выбил обоих из седла. Кикаха поймал одного коня за поводья, и тот, протащив его по земле несколько футов, остановился. Вторая лошадь ускакала прочь. Скинув всю свою одежду, за исключением брюк, и напялив вонючие сапоги и тунику более рослого наездника, Кикаха пришпорил коня. Он прихватил с собой также лук и колчан.

---

* Следовательно *(лат.)*.

Брюки он не снял, чтобы не стереть до крови ноги. Рядом с лежащими в отключке бандитами Кикаха бросил золотой слиток. Они его не заслужили, ну да черт с ними.

Путешествие верхом оказалось значительно более долгим, чем хотелось бы, потому что Кикаха боялся загнать коня и должен был позаботиться о его кормежке. По мере приближения к городу движение на дорогах становилось оживленнее. Туда ехали фермерские фургоны, груженные снедью, а обратно катили, громыхая, повозки с баулами накупленных товаров. Кикаха проскакал мимо каравана рабов, в основном индейцев и индианок, скованных железными ошейниками и цепями. Дети, правда без цепей, следовали за родителями. Кикаха пожалел несчастных, но сделать для них ничего не мог.

В конце концов он выехал на дорогу, ведущую прямо в город, до которого оставалось еще несколько миль. Кикаха обменял несколько золотых слитков на местные деньги: круглые медные и серебряные монеты различной величины и достоинства. На каждой монете был выгравирован профиль какого-то местного правителя, а по краю, рядом с ободком, бежали три слова, написанных незнакомыми буквами.

По местным меркам город был большой. Одна—полторы тысячи жителей, как прикинул Кикаха. На окраинах стояли вразброс убогие домишки. Чем ближе подъезжал Кикаха к океану, тем гуще становилась застройка, хотя до берега оставались еще мили. Там и сям среди трущоб и жалких лавчонок располагались огороженные заборами поместья с величественными особняками. Грязные улочки, похоже, были проложены коровами, которых гнали на водопой. По таким улочкам Кикаха проехал примерно половину местности, называвшейся на его Земле Голливудскими горами. Потом улицы стали прямее, кое-где попадались даже вымощенные большими обтесанными камнями мостовые.

Время от времени вдоль дороги мелькали высокие квадратные здания из белого камня, увенчанные двойными куполами. К особнякам вели широкие лестницы с колоннами, украшенными изображениями троллей, драконов, львов, медведей и, как ни странно, слонов. Или то были мамонты? Улицы здесь были немощеные, а в узких желобах по обочинам плескались вонючие помои. Возможно, ближе к берегу снова начинались каменные мостовые, но у Кикахи не было времени, чтобы в этом удостовериться.

Городской смог можно было сравнить разве что с лосанджелесским; над долиной из тысяч кухонных очагов стлались густые клубы дыма.

Кикаха скакал, проверяя окрестности детектором врат. Огонек в детекторе не вспыхнул, пока Кикаха не прочесал почти все «Голливудские горы». В отличие от гор, которые он видел на Земле в 1970-м, здешние склоны были почти пустынны, если не считать горстки особняков. Один из них, на самой вершине горы, вспыхнул в детекторе светлым пятном. Врата.

Большой белый дворец с двойным куполом стоял на том самом месте, где на родной планете Кикахи располагалась обсерватория Гриффита. Если ему не изменяла память, в Лос-Анджелесе дорога к обсерватории вела через парк. Вполне возможно, что на этой планете к замку проложена частная дорога. Выяснить это можно было лишь одним способом.

На поиски пути ушло несколько часов, поскольку Кикаха не мог обратиться за разъяснениями к прохожим. В конце концов он набрел на грязную тропу, которая вывела его к дороге, мощенной большими плоскими булыжниками. Дорога вела к океану и к подножию горы. Но тропа, вьющаяся к вершине, была опять-таки грязной и немощеной. Кикаха неспешно поскакал по ней. Коню было слишком трудно одолеть крутой склон галопом или даже кентером.

Трясясь по узкой аллее, обсаженной с двух сторон деревьями, Кикаха усиленно думал, что же ему предпринять, когда он окажется вблизи особняка. Рыжий Орк, время от времени живший в здании, скорее всего, оставался для большинства горожан таинственным незнакомцем. Подкупил, надо думать, кого-нибудь из местной знати и приобрел под их поручительство земельную собственность. Живя на Земле-2, он мог почти безвылазно сидеть в своих владениях. Дворец явно хорошо охраняется, а входные врата в здании как пить дать оснащены ловушками.

Впрочем, тоана здесь могло и не быть. По слухам, на Земле-2 у него было несколько замков на разных континентах, и врата переносили его из одного региона планеты в другой в мгновение ока. Шпионы доносили властителю о состоянии дел в интересующей его стране, к тому же он наверняка просматривал местную прессу.

Создатель и тайный наблюдатель обеих Земель, Рыжий Орк придерживался политики почти полного невмешательства в дела людей. Планеты были его лабораториями. В них он воссоздал свою собственную планету — геологический и географический образ родного, ныне погибшего мира, причем скопировал самое начало каменного века.

Рыжий Орк создал искусственных людей, потом клонировал их и поселил одних на Земле-1, а других — на Земле-2.

Население обеих планет было абсолютно идентичным по генетическому строению и жило в идентичных географических условиях. И те и другие пребывали в одинаково первобытном состоянии, и соответствующие племена говорили на одном и том же языке. То есть племена, жившие, к примеру, в Алжире на Земле-1 и в том же районе на Земле-2, могли понять друг друга с полуслова.

Рыжий Орк наблюдал за племенами обеих Земель в течение последних двадцати тысячелетий. Или тридцати, как утверждали некоторые тоаны, но точную цифру знал, пожалуй, только Рыжий Орк. Как бы там ни было, он следил за предысторией и историей землян на обеих планетах. Это не значит, что он занимался наблюдением беспрерывно. Просто время от времени властитель навещал обе планеты, чтобы обновить информацию или же провернуть какое-нибудь гнусное дельце.

Две Земли наглядно демонстрировали расхождения в развитии одного и того же вида. Несмотря на то что вначале каждое племя было точной копией своего аналога на другой планете, то есть у них совпадали не только физические типы, но и языки, обычаи и даже имена, двадцать тысяч лет спустя отличия стали разительными.

Но Кикахе некогда было заниматься сравнительным анализом здешних обитателей и жителей Земли-1. Рыжий Орк мог держать его под колпаком с помощью шпионов. Тоан, как известно, рисковать без нужды не любил и тщательно охранял свои тылы. Слухи о появлении Кикахи на Земле-2 могли достичь ушей властителя уже несколько дней назад.

Что ж, чему быть, того не миновать.

На полпути дорогу Кикахе преградил высокий каменный забор, поднимавшийся дальше в гору. Возле ворот стояла дюжина вооруженных людей. Кикаха повернул назад и поскакал обратно в город. Там за небольшую мзду ему удалось пристроить на постой коня. Хозяин конюшни не страдал излишним любопытством. Здесь, в портовом городе, появление иноземца не вызвало удивления, даром что конюшня находилась в нескольких милях от центра.

А может, хозяину велел помалкивать агент Рыжего Орка?

Кикаха вновь подошел к подножию горы и углубился на несколько ярдов в лес. Там он дождался ночи, то подремывая, то перекусывая из собственных запасов и попивая из собственной фляги. Хотя теоретически он обладал иммунитетом против любой болезни, ему не хотелось рисковать и пробовать местную пищу и воду. Наконец наступила долгожданная полночь. Небо было затянуто облаками. Но Кикаха надел

головной прожектор и очки ночного видения и пошел по склону, петляя меж деревьями на некотором удалении от дороги, пока не добрался до забора. Десятифутовая высота забора не смутила Кикаху — он забросил веревку с крюком и ловко вскарабкался наверх.

Подтянув к себе веревку, Кикаха вытащил из рюкзака детектор для обнаружения сенсорных устройств, которым снабдил его Хрууз. На территории, прилегающей к забору, детектор ничего не обнаружил. Впрочем, это значило только, что установленные там сенсорные устройства неактивны. Здесь могла быть уйма пассивных детекторов, замаскированных под камни или древесную кору. Ну и черт с ними, решил Кикаха. Вперед и вверх!

Он спустился с забора на землю и отцепил крюк. Смотав веревку и прицепив ее к поясу, он полез наверх по отвесному склону. Вскоре склон стал более пологим. Кикаха снова обшарил местность на предмет сенсорных устройств. Лампочка на детекторе по-прежнему не загоралась.

Забравшись на верхушку второго каменного забора, Кикаха опять включил детектор. На сей раз индикатор зажегся. Кикаха настроил прибор на определение частоты сенсоров, а затем подкрутил до той же частоты боковой циферблат и нажал на кнопку, утопленную в стенке прибора. Индикатор мгновенно погас. Теперь прибор поглощал излучаемые Кикахой волны, так что сенсорные устройства были бессильны зарегистрировать его присутствие. Правда, оставался риск, что эту операцию могла засечь сигнализационная система в замке Рыжего Орка.

«Словно плывешь в крохотном каноэ по реке неопределенности, — подумал Кикаха, — а днище протекает и весла того и гляди переломятся. Но если лодка пойдет ко дну, можно пуститься дальше вплавь».

Кикаха смахнул со лба пот и напился из фляги. Начальный запас воды он давно уже опустошил и много раз наполнял флягу из чистых ручьев, сбегавших по склону. Продираясь сквозь густой кустарник, Кикаха заметил свет в верхних этажах особняка и остановился. На первом этаже окна были закрыты ставнями. Как и особняки в долине, здание было построено из белых каменных блоков.

Кикаха снял очки ночного видения и, обернувшись, посмотрел вниз. Долину поглотила тьма, лишь кое-где мерцали разрозненные огоньки — скорее всего, скопления факелов. Кикаха пошел по тропинке к восточной части здания. Гравиевая дорожка вилась меж клумбами по ровной земле. В сорока футах от дома начиналась лужайка. Поглядывая то и

дело на детектор, Кикаха крадучись дошел до угла здания и высунул голову. Со стороны фасада виднелось широкое крыльцо, освещенное настенными факелами. Вдоль переднего края крыльца выстроилось семь колонн с резными фигурами.

Перед дверью восьмифутовой высоты стояли два стражника с копьями.

Две минуты ушло на то, чтобы оглушить их лучеметом, связать руки и ноги и сунуть во рты по кляпу. Кикаха не знал, когда придет время смены караула, да это его и не волновало. На большой железной двери не было никакого замка. Но когда Кикаха толкнул дверь, она не поддалась — очевидно, была заперта изнутри. Луч, выпущенный из оружия, прошил дверь и большой деревянный прямоугольный засов за нею насквозь.

Расплавленное железо зашипело, засов и металлическая скоба с лязгом упали на пол. Кикаха отпихнул их в сторону и вошел в ярко освещенный зал, способный вместить в себя средней величины корабль. Иллюминация, естественно, без видимого источника, как и положено по тоанской технологии. Сбоку из вентиляционного отверстия в стене дул холодный воздух.

Никто не прибежал, чтобы преградить доступ в дом. Обыскав первый этаж и не обнаружив ни единого стражника, Кикаха поднялся по широкой лестнице на второй этаж. Там он нашел комнату, где Анану подвергали процедуре стирания памяти. В комнате было пусто, как и на первом этаже. На третьем тоже не оказалось ничего интересного, кроме света, вспыхнувшего на индикаторе детектора. Врата здесь были на каждом этаже, всего Кикаха насчитал десять штук. Рыжий Орк любил, чтобы под рукой было множество выходов на крайний случай.

На «чердаки», то есть внутрь двух куполов, можно было проникнуть сквозь люки, расположенные в потолке третьего этажа. Кикаха не ожидал найти там что-то стóящее — и ошибся. На обоих чердаках стояло по воздушному катеру. Если бы в случае опасности Рыжий Орк не успел добраться до врат, он мог удрать на одном из катеров. Кикаха забрался в кабину катера и внимательно изучил контрольную панель, после чего завел мотор и нажал на кнопку, открывавшую в куполе люк. Часть купола сдвинулась в сторону, обнажив затянутое облаками небо.

Катер поднялся, направляясь к отверстию. Кикаха собирался вернуться в горы Васко и пройти через тамошние врата в мир Манату Ворсион. Вратами замка он не воспользовался, поскольку был уверен на сто процентов, что все они с ловуш-

ками. Похоже, Рыжий Орк предусмотрел возможность появления Кикахи в особняке. Странно только, что тоан не установил здесь взрывной механизм, чтобы здание взлетело на воздух, как только в него ступит нога незваного гостя.

Кикаха нажал на педаль акселератора. Катер рванул вперед, прижав пилота к спинке кресла. Конечно, из купола следовало выбираться поосторожнее, но Кикахе уж очень было невтерпеж.

Спешка его и погубила. Хотя, возможно, скорость в данном случае не имела никакого значения.

Как бы там ни было, когда в нескольких дюймах от люка появилась мерцающая пелена, тормозить было уже поздно.

— Попался! — крикнул в сердцах Кикаха.

Воздушный катер со свистом промчался сквозь мерцающую завесу — то есть через врата, настроенные Рыжим Орком так, чтобы они открывались, как только к ним приближался катер.

ГЛАВА 16

Промчавшись через завесу, Кикаха нажал на две кнопки и включил большие мощные лучеметы-«пушки», расположенные с двух концов катера. Что бы ни ждало его по ту сторону врат, перед такими пушками ничто не устоит. Металл расплавится, а плоть превратится в облачко атомов.

Черта с два! Из пушек, увы, так и не вырвались с ревом лучи, сметающие все на своем пути.

Нужно было проверить оружие, прежде чем пускаться в путь. Рыжий Орк дезактивировал пушки.

Кипя от злости на собственную оплошность, Кикаха тем не менее принял все меры, чтобы не впилиться в противоположную стенку гигантского ангара. Убрал ногу с педали акселератора, до упора повернул рычаг обратного магнитного выброса. Давление было таким сильным, что, казалось, сейчас переломает все кости. Но магнитное поле смягчило удар, и Кикахе все же удалось не врезаться грудью в штурвал. Почти касаясь носом стены, катер остановился.

Кикаха откинул купол кабины и глянул вниз. Катер парил над полом ангара футах в пятидесяти. У задней стены громадного помещения были припаркованы два ряда летательных аппаратов разной величины и судно, размером и формой напоминавшее цеппелин. А впереди стояла дюжина людей с лучеметами, нацеленными на Кикаху. То, что он принял за стену, оказалось верхней частью закрытых ворот ангара.

Из дверцы рядом с воротами вышел Рыжий Орк, встал за спинами вооруженных людей и поглядел вверх. Хотя на таком расстоянии он казался совсем маленьким, голос его прокатился по ангару:

— Медленно посади катер и сдавайся! Иначе я взорву бомбу, которая находится у тебя на борту!

Кикаха пожал плечами и выполнил приказ. Похоже, из этого тупика ему уже не выбраться. Кикаха был уверен, что Рыжему Орку он больше не нужен. Кроме того, хитроумный леблябби так часто ускользал от тоана, что вряд ли тот захочет рискнуть еще раз.

Хотя, с другой стороны, имея дело с Рыжим Орком — таким же непредсказуемым и изворотливым, как и сам Кикаха, — ни в чем нельзя быть уверенным.

Кикаха вырубил мотор. Потом по команде офицера бросил вперед рюкзак и оружие. Теперь в руки Рыжего Орка попал также искатель врат, что даст ему значительное преимущество в сражении с Хруузом и Манату Ворсион. Кикаха вылез из кабины и постоял с поднятыми руками, пока офицер обшаривал его металлическим детектором. Затем офицер, говоривший по-тоански, велел ему опустить руки и связал кисти за спиной.

Из дверцы вышла женщина и встала рядом с Рыжим Орком. Прекрасная женщина, с прямыми черными волосами, падавшими ниже плеч, в простом красном платьице и сандалиях.

— Анана! — крикнул Кикаха.

Она с недоумением взглянула на него и перевела вопросительный взор на тоана.

— Она не знает тебя, Кикаха! — сказал Рыжий Орк, обняв женщину. — Я ей про тебя не рассказывал. Но расскажу обязательно. Она узнает, какой ты злобный и кровожадный убийца. Думаю, ты вряд ли ее заинтересуешь.

Разные беды случались с Кикахой, но эта была горше всех.

Рыжий Орк велел офицеру увести пленника.

— Мы скоро увидимся, — пообещал тоан. — И наша решающая беседа будет в каком-то смысле последней.

В каком-то смысле? Что он имеет в виду?

Анана не отрываясь смотрела на Кикаху. В глазах ее сквозила жалость, но скоро она сменится отвращением, когда лживый тоан поведает ей, каким трусливым подонком был всю жизнь его пленник.

— Не верь ни единому его слову! — крикнул ей Кикаха. — Я люблю тебя! Ты тоже любила меня когда-то и полюбишь опять!

Анана теснее прильнула к Рыжему Орку. Он положил ладонь ей на грудь. Кикаха рванулся вперед, но тут же упал на колени от удара лучеметом по голове. Оглушенного, шатающегося и еле сдерживающего рвотные позывы, пленника увели. На полпути к зданию, которому предстояло стать его темницей, Кикаху чуть было не вырвало, но стражник пинками погнал его дальше.

Несмотря на тошноту, Кикаха озирался, оглядывая окрестности и свою будущую тюрьму. Она стояла на большой прогалине, окруженной деревьями. Деревья росли так густо, что ветви их смыкались, непрестанно двигаясь вверх и вниз и оплетаясь порой вокруг соседних стволов. Казалось, будто они ощупывают друг дружку. Кикаха сразу понял, что это сторожевые деревья. Просто поймают они беглеца или сожрут, в любом случае с таким препятствием приходилось считаться.

Небо стало голубым и чистым, только в самой вышине плавали тонкие перистые облачка. Солнце в точности походило на земное. Это, впрочем, ничего не означало, ибо многие солнца во многих вселенных выглядели как земное. Некоторые и по величине были такими же, а другие могли быть крохотными, зато близко расположенными.

Стражники — рослые голубоглазые парни с коротко стриженными русыми, рыжими и соломенными волосами — были обуты в желтые полусапожки и одеты в мешковатые зеленые шорты по колено, пристегнутые подтяжками к кожаной сбруе на плечах. На широких кожаных ремнях, крест-накрест бежавших по груди, сверкали металлические значки.

Такой формы Кикаха раньше не встречал. Похоже, он по-прежнему был на Земле-2, хотя и в районе, удаленном от «Лос-Анджелеса».

Здание, к которому гнали пленника, напоминало по форме луковицу и было украшено с фасада фигурами змей и чертей, сплетенных то ли в схватке, то ли в соитии.

Кикаху провели между двумя взводами стражи через просторное фойе и велели остановиться у двери лифта. Но дверь не открылась. Перед ней появились мерцающие врата, и пленник вместе с одним взводом стражников шагнули сквозь пелену в просторную кабину лифта. Такой кабины — с раковиной, полотенцами, стульчаком, вращающейся сушилкой, душем, дренажными дырочками в полу и креслом с одеялами — Кикаха еще не видел. Кабина поднялась на несколько этажей.

Но когда она остановилась, дверь не скользнула, как ожидал Кикаха, в сторону. Кабина развернулась и быстро помчалась дальше в горизонтальной плоскости.

Наконец она опять остановилась. Взвод промаршировал сквозь замерцавшие в дверном проеме врата. Как только последний солдат вышел из кабины, врата исчезли.

Стало быть, кабина была одновременно и камерой. Примерно через час в стене открылось маленькое окошко. Из ниши выдвинулась полка с едой. «О'кей, — подумал Кикаха. — Мне уже и раньше подавали обед таким вот макаром. И в камеры, откуда невозможно сбежать, приходилось попадать, причем не раз».

Кикаха не ел уже несколько часов. И хотя от удара по голове он почти оправился, но чувствовал себя паршиво. В основном из-за того, что Анана не узнала его — и, возможно, никогда не узнает.

Увидев ее в ангаре, Кикаха отметил, что она выглядит значительно моложе. Как будто, хотя он и не замечал этого прежде, каждый век из прожитых Ананой тысячелетий накладывал на ее лицо микроскопически тонкую маску. Ему-то она всегда казалась молодой. Но теперь, когда ей стерли память до самого восемнадцатилетия, разница бросалась в глаза. Анана точно сбросила с плеч бремя столетий — незримое, но тяжкое бремя. К ней вернулась давно утраченная невинность. И лишь Кикаха, знавший ее так хорошо, мог это заметить.

На стене кабины высветился квадрат — померцал, помигал, и на нем появилось изображение. Кикаха увидел Рыжего Орка, сидящего обнаженным в кресле возле стола. За спиной тоана у стены стояла громадная кровать.

Властитель поднял хрустальный кубок, наполненный красным вином, и сказал:

— Последний тост в твою честь, Кикаха. Охота за тобой была увлекательной и занятной. Честно говоря, порою ты меня раздражал. Зато и гоняться за тобой было интереснее, чем за другими. Поэтому я пью за тебя, моя увертливая, но наконец попавшаяся в плен добыча! — Отхлебнув глоток и поставив кубок, тоан, довольный собою, откинулся на спинку кресла. — Тебе удалось сделать то, что мне оказалось не под силу, несмотря на упорные попытки: ты нашел дорогу в мир Зазеля. Правда, повезло тебе в значительной степени благодаря тому, что я был уже близок к решению проблемы. Ты просто взглянул на нее свежим глазом. И тем не менее я благодарен тебе, а чувство благодарности мне приходилось испытывать крайне редко. Тебе же я должен быть благодарен вдвойне.

Тоан протянул руку в сторону к чему-то за краем экрана. Вновь появившись в поле зрения Кикахи, рука сжимала устройство для поиска врат.

— Я безмерно благодарен тебе за подарок, хотя ты не очень-то жаждал мне его вручить. Так что еще раз большое спасибо.

— И это ты называешь благодарностью?

— Я же не убил тебя, верно? — Тоан глотнул еще вина и продолжил: — Я не знаю, что стряслось с моим сыночком, то бишь клоном, которого я послал за тобой на Пещерную планету. Подозреваю, что ты его убил. Ты расскажешь мне в подробностях, как это случилось.

Отказать тоану в такой просьбе было бы бессмысленно и даже глупо. Рыжий Орк все равно выбил бы из него правду, подвергнув немыслимым мучениям. Кикаха нехотя рассказал о том, как он добрался до планеты и что было дальше, не упоминая только о Клифтоне и Хруузе.

Рыжий Орк не выглядел ни злым, ни разочарованным.

— В общем, я верю твоей истории, — сказал он, — но все равно дождусь подтверждения от моего сыночка Авессалоса, когда он вернется. Впрочем, вернется он или нет, я в любом случае доберусь до планеты Зазеля. И, без сомнения, сумею ее оживить, хотя это потребует времени.

— Времени, которого у тебя нет. Манату Ворсион в конце концов нарушила свое уединение. Отныне ты обрел в ее лице могучего врага.

— Я все равно собирался напасть на нее рано или поздно.

— «Атака раньше времени все равно что конь без стремени», — процитировал Кикаха древнюю тоанскую пословицу.

— Как говаривала Элиниттрия Серебряные Стрелы, «старые поговорки всегда стары, но не всегда верны».

Кикаха уселся в единственное кресло и ухмыльнулся:

— Давай-ка бросим обмен цитатами. Лучше расскажи мне, как ты собираешься расправиться с Манату Ворсион. В конце концов, теперь я уже не смогу ее предупредить. А потом, если тебя не затруднит, обрисуй мою дальнейшую судьбу. Я хотел бы к ней подготовиться.

— Вторую просьбу я уважу, хотя и отчасти, — отозвался Рыжий Орк. — Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. — Тоан встал и позвал: — Анана! — После чего добавил, обернувшись к пленнику: — Отныне ты сможешь видеть и слышать все, что происходит в этой комнате. Но передача из твоей камеры будет блокирована.

Через минуту в комнату вошла Анана — обнаженная, как и сам тоан. Подойдя к Рыжему Орку, она обняла его и страстно поцеловала. Тоан подвел ее к кровати.

— Нет! Нет! — взревел Кикаха, треснув кулаком по экрану. Костяшки пальцев разбились в кровь, но Кикаха даже не почувствовал боли. Схватив кресло, он принялся дубасить им по экрану. Ни креслу, ни экрану это не причинило вреда. Тогда Кикаха обмотал голову одеялом и заткнул уши пальцами. Громкость звука тут же увеличилась, и Кикахе было по-прежнему слышно все, что творится в комнате.

Он кричал, стараясь заглушить звуки, пока окончательно не охрип. Наконец звуки стихли. Кикаха сорвал с головы одеяло и взглянул на экран. Тот был пуст и нем. Кикаха с облегчением перевел дух, хотя в мозгу продолжали звенеть голоса, а перед глазами плыли мысленные образы.

Экран внезапно осветился, замерцал и снова ожил. Это было воспроизведение записи. Рыжий Орк явно намеревался крутить ее снова и снова, пока Кикаха не впадет от ярости в буйное или тихое помешательство.

Кикаха сжал зубы, придвинул кресло к стене и с каменным лицом уставился на экран. Он не был уверен, что сумеет вспомнить те приемы умственного отстранения, которым его научили давным-давно, когда он жил среди племени хроваков — медвежьего народа — в Америндии и упражнялся в психологических процедурах под руководством шамана. Много лет прошло с тех пор, но, как выяснилось, навыки не забылись, как не забывается умение плавать. Упражнения навек отпечатались в сознании и нервных клетках Кикахи.

Теперь главное было как следует сосредоточиться. Это оказалось нелегко. Семь попыток окончились неудачей. Тогда Кикаха сконцентрировал внимание на экране и не отрывал от него взгляда несколько часов. Если Рыжий Орк наблюдал за ним — в чем у Кикахи не было сомнений, — реакция пленника наверняка изумила его.

Просмотр фильма измучил Кикаху до изнеможения. По щекам его катились слезы; грудь точно наполнилась кипящим свинцом. Но Кикаха не отрывал от экрана глаз. Через какое-то время боль начала стихать. Потом ему сделалось скучно. Он сумел абстрагироваться и воспринимал происходящее на экране как обыкновенную порнографическую картину с незнакомыми актерами. Раздражало только, что один и тот же фильм крутили и крутили без конца.

Теперь он готов был начать внутренний ритуал. И на сей раз попытка увенчалась успехом. Экран внезапно исчез. Хотя на

самом деле он по-прежнему светился на стене, Кикаха не видел его и не слышал звуков. Он отключил свое сознание.

«Старый мудрый знахарь Абсакосо! — думал он. — Я так тебе обязан!» Но отплатить добром старику, увы, уже не удастся: и знахаря, и все его племя истребил один из врагов Кикахи. Кикаха покарал убийцу, однако местью медвежий народ не воскресишь.

Прошло три дня. Экран по-прежнему казался Кикахе пустым. Утром четвертого дня картинка внезапно ожила. На сей раз сцена происходила в другой спальне, хотя и с теми же актерами. Было очевидно, что Анана без памяти влюблена в Рыжего Орка. Впрочем, она всегда отличалась пылким темпераментом, а ненавидеть властителя у нее не было причин. О том, что за ней наблюдают, она, естественно, не подозревала.

То ли передача велась каким-то другим способом, то ли Рыжий Орк понял, отчего Кикаха не обращает внимания на фильм, но изображение снова вторглось в сознание пленника. И снова он сидел, часами не отрывая от экрана глаз, пока картина ему не наскучила. А потом применил систему Абсакосо. Поднявшись с кресла, Кикаха видел перед собой лишь голую стену. Но случайные фрагменты страстных любовных утех то и дело вспыхивали в мозгу. Со временем усталость возьмет свое, и он не сможет больше абстрагироваться от изображения.

На пятый день, усиленно занимаясь умственными упражнениями, Кикаха услышал голос тоана. Он обернулся. Экран светился, но на нем уже не было сцен, чуть было не приведших Кикаху на грань безумия. На экране виднелись лишь голова и плечи Рыжего Орка. Кикаха растерялся, не сразу сообразив, что произошло. А потом понял: мозг блокирует лишь постельные сцены, все остальное, исходящее с экрана, он готов воспринимать.

— А ты увертливый не только в физическом смысле, — проговорил Рыжий Орк. — Я бы взял у тебя несколько уроков, чтобы обучиться твоим приемам, но у меня есть свои. Поверь мне на слово: я могу выпытать у тебя что угодно, даже не обещая в награду отдых от пыток. А я не сомневаюсь, что часть информации ты от меня утаил. Уж очень довольный — я бы сказал, самодовольный — был у тебя вид. Так что теперь ты заснешь, а когда проснешься, я буду знать все твои секреты. По крайней мере те, которыми тебе так не хотелось делиться.

Экран померк — и все кругом померкло. Очнувшись на кровати, Кикаха понял, что его лишили сознания, возможно

с помощью газа, и подвергли допросу. Рыжий Орк впрыснул ему наркотик правды и вытянул из Кикахи все подробности, в том числе о Хруузе. Новости, должно быть, сильно встревожили тоана. Уж чего-чего, а появления чешуйчатого человека он предвидеть не мог.

Пообедав и поставив поднос с грязными тарелками на выдвижную полку, Кикаха обнаружил, что тоан сыграл с ним еще одну злую шутку. На стене светился экран. И вновь Рыжий Орк и Анана бурно предавались на нем любви всеми мыслимыми способами, в том числе и извращенными. Кикаха угрюмо занялся умственной хровакской гимнастикой. Но на сей раз прошло пять часов, а ему так и не удалось заблокировать сознание.

В середине десятого воспроизведения запись вдруг прервалась, и на стене появилась голова тоана.

— Полагаю, до тебя уже дошло, что я нейтрализовал твои приемчики. Гипнотическое внушение, дружок. Приемы ты не забыл, но ты не можешь ими воспользоваться.

Кикаха еле сдерживался, чтобы не шваркнуть креслом об экран. Он даже попытался улыбнуться и сделать вид, что ему все равно. Но вместо улыбки получилась кривая гримаса, а из горла вырвалось глухое рычание.

— Я решил не дожидаться возвращения Авессалоса из мира Зазеля, — продолжал Рыжий Орк. — Наверное, ты правду сказал, что убил его. Это я выясню на месте. Через несколько минут я отправлюсь туда. А когда вернусь, у меня будут все данные о том, как построить машину творения-разрушения. И тогда ты погибнешь, но не один: погибнут все мои враги и вместе с ними миллиарды людей, даже слыхом обо мне не слыхавших. Их вселенные сгинут без следа. Даже мои Земли сгорят дотла в этом изумительном взрыве энергии. Я создал их ради эксперимента, но мне уже ясно, куда заведет человечество эволюция. Обитатели Земли-1 погубят себя сами своим безудержным размножением, безрассудным отравлением почвы, воздуха и воды. Цивилизация рухнет, начнется повальный голод. Немногие уцелевшие одичают, а потом начнут понемногу снова карабкаться к вершинам цивилизации, науки и техники, чтобы история повторилась сначала.

Со временем то же самое произойдет и на Земле-2. Зачем мне продолжать эксперимент, если результат уже известен? Я лучше использую энергию разрушенных вселенных для создания новой — и единственной. Это будет идеальный мир. Идеальный для меня, во всяком случае.

Возможно, я возьму в свой новый мир Анану. А может, и нет. Но пока я отлучусь, она скучать не будет. Ею займется мой сыночек Кумас. Она будет любить его не менее страстно, чем меня, ибо не почувствует подмены. — Тоан помолчал и добавил с улыбкой: — А то, что она ее не почувствует, наводит на определенные размышления по поводу настоящей любови, верно? Проблема личностной идентичности — философская проблема. Я бы с удовольствием обсудил ее с тобой, хотя, боюсь, обсуждение будет недолгим. Ты и впрямь хитроумный, Кикаха, но ты не знаешь тоанской философии. Да и земной, как я подозреваю, тоже. Если копнуть поглубже, ты в общем-то обыкновенный дикарь.

Тоан повернул голову и посмотрел куда-то в сторону. Наверное, сверяется с хронометром, подумал Кикаха. Казалось бы, какая ему разница, куда смотрит и что делает тоан? Никакой, конечно, но так уж был устроен Кикаха, что все непонятное вызывало в нем живейший интерес.

Рыжий Орк вновь повернулся к пленнику:

— Ах да! Продолжай наслаждаться фильмами!

Тоан ушел, и на экране тут же появилась комната, в которой Анана и Рыжий Орк — или его клон? — пребывали на вершине экстаза.

Кикаха попытался сделаться глухим, слепым и бесчувственным, как сталь. Но ничего не вышло.

Существует много способов, чтобы содрать с кота шкуру. Или, как гласит тоанская поговорка, испортить воздух можно в разных направлениях. Кикаха применял до сих пор лишь один из трех приемов, которым научил его шаман Абсакосо.

Он сел и снова уставился на экран. Он будет смотреть на него, пока не надоест. А потом начнет представлять себе Анану и Рыжего Орка в виде марионеток, которыми управляют, дергая за ниточки. Через какое-то время они перестанут быть людьми — по крайней мере в его восприятии — и станут просто деревянными куклами с подвижными конечностями.

Но Кикахе было очень трудно игнорировать звуки, которые лились с экрана, усиленные динамиками. Стоны, издаваемые Ананой, все время возвращали его мысли назад, к тем временам, когда они вместе занимались любовью. Он почти уже отчаялся и решил испробовать другой прием, когда экран внезапно опустел.

Через секунду на нем появилось лицо властителя.

— Кикаха! Это я, Кумас, сын Рыжего Орка!

Кикаха вскочил с кресла.

— Да ну? А может, ты и есть Рыжий Орк? Может, ты решил сыграть со мной одну из своих шуточек?

Человек на экране улыбнулся, хотя лицо его осталось напряженным:

— Я тебя не виню. Мой отец взращивает в людях подозрительность, как рыболовы — червей для наживки.

— Если ты и правда его сын... то есть его клон... чем ты можешь это доказать? А даже если и можешь, чего ты хочешь от меня?

— Партнерства. Мой отец отправился на планету Зазеля. Он оставил меня главным, поскольку доверяет мне больше, чем остальным, — насколько он вообще способен доверять. Я всегда был послушен и не выказывал амбициозных устремлений. Он считает меня робким и замкнутым, больше склонным к чтению, писанию стихов и философским размышлениям. Что ж, отчасти он прав. Но я ненавижу его не меньше, чем братья, хотя, в отличие от них, успешно скрываю свою ненависть.

Человек сделал паузу, пытаясь унять учащенное дыхание.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе убить его? — спросил Кикаха.

Кумас шумно сглотнул и выпалил:

— Да! Я много слышал о тебе — в основном от отца, но и из других источников тоже. Мне не хватает уверенности в себе, чтобы одному выполнить задуманное.

— А именно?

Сердце у Кикахи билось как бешеное; ему тоже пришлось напрячь силу воли, чтобы не дышать как загнанная лошадь. Безнадежность внезапно сменилась надеждой. Конечно, могло быть и так, что тоан просто затеял очередную игру.

— Об этом мы сейчас поговорим. Но сначала я докажу тебе, что я не Рыжий Орк: он никогда бы такого не сделал. Смотри!

На стене рядом с экраном замерцал прямоугольник размером с дверь.

— Шагай через врата в мою комнату!

Кикаха, хотя и обуреваемый сомнениями, перед таким приглашением устоять не смог. Он шагнул сквозь мерцание и очутился в просторной, по-спартански обставленной комнате. На стенах висели полки с книгами, свитками манускриптов и компьютерными дискетами в виде кубиков. С потолка на цепях свисала старинная кровать. У противоположной стены стоял длинный стол.

Кумас — если это и правда был Кумас — стоял посреди комнаты. Лучемет лежал на краю стола, ближнем к Кикахе.

Он мог схватить его раньше тоана. Кумас протянул вперед раскрытые ладони:

— Видишь! У меня нет оружия, кроме этого лучемета. И я не стану возражать, если ты возьмешь его. Надеюсь, тем самым я смогу доказать, насколько велико мое доверие к тебе. Оружие заряжено и готово к стрельбе.

Придвинувшись на всякий случай поближе к лучемету, Кикаха ответил:

— В этом нет необходимости — по крайней мере, пока. Где Анана?

Кумас повернулся спиной к Кикахе и лицом к голой стене над столом.

— Шешму! — проговорил клон, что по-тоански значило «откройся».

Часть стены превратилась в экран, и на нем появилась Анана, купающаяся вместе с другими женщинами в большом пруду. Они плескались в воде и веселились от души. Кикаха отчетливо слышал их возгласы, визги и щебетание.

Кумас произнес еще одно слово, и звук стал потише.

— Как видишь, она вполне счастлива. Мой отец наплел ей, что спас ее от Ядавина, когда тот вторгся во вселенную ее родителей, и она поверила каждому слову. Она считает, что ей всего восемнадцать лет, и по-настоящему любит моего отца.

Грудь Кикахи на мгновение снова наполнилась кипящим свинцом.

— Анана! — пробормотал он и добавил: — Что будет, когда она узнает правду? Со временем ей непременно бросятся в глаза несоответствия в его рассказе. Как сможет он помешать ей прочесть исторические хроники или услышать случайно оброненную кем-то фразу, противоречащую его словам?

Кумас поглядел на него с любопытством.

— Я думал, ты в первую очередь заинтересуешься тем, как нам избавиться от моего отца, — сказал он. — Но тебя, похоже, больше волнует Анана. Ты, наверное, действительно любишь ее.

— И без всяких «наверное». Но полюбит ли она меня когда-нибудь?

— Поживем — увидим, — резко ответил Кумас. — А сейчас лучше займемся более важной задачей. Если мы не справимся с ней, у вас с Ананой вообще не будет никакого будущего. Как, впрочем, и у меня.

— Согласен. Хотя мне очень трудно удержаться и не броситься к ней. Очень трудно. Но ты прав. Пускай пребывает

в счастливом неведении до тех пор, пока мы не откроем ей глаза.

Они сели за стол. Кикаха вкратце рассказал тоану свою историю. Когда он упомянул о том, что Рыжий Орк собирается дезинтегрировать вселенные и начать все сначала, сотворив себе новую, Кумас заметно побледнел и задрожал.

— Этого я естественно, не знал, — проговорил тоан. — Отец рассказал о своих планах тебе одному, поскольку был уверен, что ты не сможешь проболтаться.

— Оставим эту тему на потом, — предложил Кикаха. — Кстати, сколько твоих братьев осталось в живых?

— Вместе со мной — четверо, если только ты и вправду не убил Авессалоса.

— Ну конечно, убил.

— Тогда, значит, трое. Всего нас было девять. Теперь остались Ашателон, Вематол и я. Братья настойчиво рвутся сопровождать нас в Пещерный мир. Они хотят принять участие в убийстве отца.

— Чем дальше, тем занятнее, — пробормотал Кикаха.

Но думал он о том, что не может доверять ни одному из клонов, хотя Кумас, похоже, отличался от прочих. Не исключено, что Рыжий Орк побаловался какими-нибудь генетическими экспериментами. Или же влияние окружающей среды оказалось более сильным, нежели предполагал властитель. В любом случае придется держать ухо востро, хотя братья вряд ли нападут на Кикаху, пока Рыжий Орк будет жив. Они боятся отца и нуждаются в лидере, который не ведает страха. И лишь потом, как шакалы, помогавшие льву на охоте, они могут наброситься на Кикаху.

— По крайней мере четверых моих братьев отец сам послал на верную смерть, — продолжал между тем Кумас. — Кентрита, например, он отправил в мир Хрууза с бомбой в рюкзаке, о чем мой брат даже не подозревал. Да и мы ничего не заподозрили, пока отец сам не рассказал. Он просто помирал при этом со смеху. Казалось бы, натерпевшись от собственного папаши, он мог бы относиться к нам получше. Да где там! Лос, похоже, так исковеркал его душу, что он получает особое наслаждение, измываясь над собственными сыновьями. Порой мне чудится, будто он сотворил нас, чтобы терзать себя самого.

— Как это? — спросил Кикаха.

— Он ненавидит себя, в этом не может быть никаких сомнений. Наказывая нас, он наказывает самого себя. Тебе это кажется слишком надуманным?

— Да нет, все может быть. Но я не уверен. Так или иначе, для нас это ничего не меняет. Ты проверил свою комнату? Здесь нет подслушивающих устройств?

— Конечно, проверил. В общем, нас осталось трое. Ашателон и Вематол — люди действия. Как раз такими и хотел нас видеть отец. Я разочаровал его своей пассивностью. Он не может понять, в чем дело: как-никак, я же его генетический двойник! Почему тогда у меня совсем другой характер? Он пытался найти объяснение, но...

— Мы обсудим это потом, — прервал его Кикаха. — Но если мы не остановим твоего отца — а остановить его способна только смерть, — этого «потом» у нас может и не быть.

— Ладно. Сейчас он на Пещерной планете, если только не солгал мне. Я никогда не знаю, когда он лжет, а когда говорит правду. Там он, должно быть, пробудет довольно долго. Оживить умирающий мир — дело не простое. Логичнее всего было бы напасть на него именно там. Но сначала, если это возможно, надо задраить все тамошние врата, за исключением тех, через которые мы войдем. Ты согласен?

Кикаха кивнул. Но, слушая Кумаса, он не мог удержаться от мыслей об Анане. А вдруг она больше никогда не полюбит его? И тут в голове молнией мелькнула идея. Если все выйдет, как он задумал, Анану можно будет настроить против Рыжего Орка.

— Кумас! — взволнованно воскликнул он. — Послушай! Мы обставим твоего папашу! Во всяком случае, в том, что касается Ананы. Он считает, что предусмотрел все до мелочей, но такого он предвидеть не мог. По крайней мере, я надеюсь. Вот что мы с тобой сделаем перед уходом...

Через час Кумас вышел из комнаты и направился к Анане. Кикаха наблюдал за ними, не отрывая от экрана глаз. К тому времени Анана уже закончила купание и надела зеленое полупрозрачное платье, а волосы собрала в тяжелый узел. Она сидела на скамейке в усаженном цветами саду и читала, глядя на маленький видеоэкран. Когда Кумас подошел к ней, Анана подняла голову. Он протянул ей кубик, который подготовил вместе с Кикахой, что-то сказал и ушел. Анана, нахмурившись, сжала кубик в руке.

Как только Кумас вошел в комнату, Кикаха выключил экран.

— Думаешь, она посмотрит? — спросил он.

Кумас пожал плечами:

— А ты бы удержался?

— Это зависит от того, заставил ли он ее пообещать, что она не станет слушать никаких порочащих его сведений.

Если заставил, может, она и не станет смотреть. Но я готов поспорить, что синдром Синей Бороды возьмет верх. Она бросит кубик в щель и включит экран. Я очень на это надеюсь.

— Синдром Синей Бороды?

Кикаха рассмеялся:

— Синяя Борода — это злодей из старинной народной сказки. Он часто женился и убивал своих жен, а потом развешивал их для просушки в запертой комнате. Но ему пришлось уехать из дома, и он отдал своей последней жене ключ, открывающий все двери в замке, строго-настрого запретив ей совать свой нос в ту единственную комнату.

Само собой, любопытство пересилило долг послушания супругу. После недолгой борьбы с искушением женщина поддалась ему и отперла запретную комнату, где бывшие жены висели на крюках. Бедняжка, естественно, пришла в ужас, поведала обо всем властям, и Синей Бороде пришел конец.

— У нас, тоанов, тоже есть похожая сказка, — откликнулся Кумас.

— Если Рыжий Орк просто приказал ей не обращать внимания на клевету, которой постараются облить его сыновья, она, возможно, послушается. Но если она дала ему слово... Не знаю. По ее мнению, ей восемнадцать лет. Та Анана, которую я знал, едва дождалась бы ухода Рыжего Орка, чтобы выяснить, что он от нее скрывает. Но восемнадцатилетняя Анана, по-видимому, изменилась как личность.

— Мы все узнаем, когда вернемся, — сказал Кумас. — Если вернемся.

ГЛАВА 17

— Приехали! — весело воскликнул Кикаха. — Добро пожаловать в страну умерших!

Он вместе с тремя клонами, «сыночками» Рыжего Орка, вновь очутился в том самом туннеле, где впервые увидел мир Зазеля. Но попали они сюда не сразу. Первый шаг из особняка Рыжего Орка был самым простым и привел их во вселенную Манату Ворсион. Великая Праматерь сообщила Кикахе о том, что снова установила прежнюю ловушку, которая однажды перенесла Кикаху в ее мир. Через эту ловушку он мог теперь попасть к ней в любое время.

На планете Манату Ворсион врата, как и прежде, открылись в лесу, окружавшем громадное дерево, в котором жила властительница. И вновь из-за деревьев появились воины

и провели путников в замок. После целого ряда совещаний с Великой Праматерью четверка отправилась во вселенную Хрууза и оказалась в комнате без окон и без дверей, высеченной в скале. Через пару минут врата перебросили их в тюремную камеру — подземную крепость Хрууза. Чешуйчатый человек соединил все проходы в свою вселенную отводным каналом и вывел его прямиком в камеру, что позволило ему закрыть все остальные врата. Но Эрик Клифтон мог их открыть, когда приборы регистрировали чье-то появление в камере. Сам Хрууз отбыл в мир Зазеля, оставив Клифтона наблюдать за вратами.

Англичанин выпустил четверку из заключения только тогда, когда убедился, что Кикаха не пленник клонов Рыжего Орка. Кикаха сразу же поведал Клифтону обо всем, что с ним приключилось после того, как они расстались. Клифтон, в свою очередь, рассказал ему новости о Хруузе.

— По крайней мере, он туда направлялся, — заметил Клифтон. — Он собирался пройти тем же путем, что и ты.

— Давно это было?

— Десять дней назад. — Клифтон горестно поднял глаза к небу. — Он должен был вернуться через пять. Впрочем, он мог задержаться и попробовать оживить планету. Ведь ни я, ни Хрууз понятия не имели о том, в каком она состоянии.

— Не знаю, что у него на уме, — сказал Кикаха, — но зря он нас не подождал. Может, он решил, что вполне обойдется без нас? Не знаю, не знаю.

— Ты его подозреваешь? — изумился Клифтон.

— Хрууз ничем не доказал, что ему можно доверять. С другой стороны, повода для подозрений он тоже не давал. Ведет он себя дружелюбно и, без сомнения, нуждается в нашей помощи. Вернее, нуждался. Быть может, теперь по какой-то причине мы больше ему не нужны? Хотел бы я знать, что он от нас скрывает?

— Свою ненависть к людям?

— Он ненавидит властителей, как и всякий нормальный человек. Хотя... он же все-таки не человек. Но с чего бы ему ненавидеть лебляббиев? Мы не сделали ему ничего плохого.

— Внешне нас не отличишь от властителей, — сказал Клифтон. — А ненависть — чувство отнюдь не рациональное.

— Но к нам с тобой он неизменно относился по-дружески. Чтобы так успешно скрывать все это время свою ненависть, он должен быть поистине великим актером!

— Чем черт не шутит? Может, так оно и есть. Я не осудил бы его, если б он хоть разочек ругнулся, когда рассказывал о

тоанах. Но нет! Видно, самообладание у него железное. Разве это не подозрительно само по себе?

— Трудно сказать, — произнес Кикаха. — Но сейчас мы все равно ничего не можем изменить. Придется идти без него.

Часом позже боевой отряд высадился на планете Заседя, не зная, какой прием их ожидает в месте назначения. Тоннель, однако, был пуст. Правда, одно — зато весьма существенное — отличие Кикаха заметил сразу. По стенам тоннеля вновь маршировали загадочные символы.

— Кто-то уже преуспел в попытке оживить этот каменный скелет, — проговорил задумчиво Кикаха.

— Будем надеяться, не Рыжий Орк, — отозвался Кумас.

Чтобы не перепутать друг дружку с Рыжим Орком в решающий момент, когда идентичность личности будет играть важную роль, клоны выкрасили волосы в лиловый цвет. Головы они повязали оранжевыми лентами, а за плечами несли голубые рюкзаки.

— Ясно одно: коль скоро символы снова движутся по стенам, значит, либо Хруузу, либо Рыжему Орку удалось включить компьютер, — сказал Кикаха. — Давайте-ка выясним, кому именно.

На сей раз Кикаха не собирался пускаться в долгий и утомительный путь пешком по туннелю. Четверка покинула особняк Рыжего Орка в складных одноместных воздушных катерах весом по тридцать фунтов каждый. Скорее даже не катерах, а воздушных мотоциклах. Кислородные баллоны и фляги с водой, ящики с припасами и «маленькие пушки», прикрепленные к фюзеляжу у носа, оказались для крохотных моторов хотя и тяжким, но посильным грузом.

Перегруженные флаеры делали не больше тридцати миль в час, однако в замкнутом пространстве туннеля даже такая скорость казалась внушительной.

Инфракрасный свет — Кикаха надел очки ночного видения — придавал туннелю какой-то потусторонний, призрачный вид.

Не прошло и часа, как перед путниками показалась развилка. Кикаха поднял руку и остановил катер.

— Что за черт!

Вход в левый туннель был перегорожен камнем. Символы, дойдя до него, пропадали, хотя по другой стене продолжали бежать вперед.

Кикаха вылез из флаера и обследовал камень. Гладкий, со светящимися прожилками, он совпадал с краями туннеля так идеально, словно вырос прямо из стен. Или же словно кто-то поработал камнеплавящим инструментом.

Кикаха вытащил из рюкзака квадратный приборчик с индикатором глубины на боковой стенке. Прижав его передней частью к камню, он обернулся к своим спутникам:

— Там тридцать футов сплошного камня. За ними пустое пространство — продолжение туннеля, надо полагать. Кто-то поставил здесь камень, чтобы направить нас туда, куда ему хочется.

— Надеюсь, это сделал Хрууз, — раздался из крошечного приемника, прилепленного к челюсти Кикахи, голос Кумаса.

— Я тоже надеюсь. Впрочем, нам ничего не остается, как следовать по маршруту, который кто-то столь основательно для нас подготовил. Мы с тобой, Кумас, полетим как можно ближе к потолку. А вы, Ашателон и Вематол, ведите машины прямо над полом и постарайтесь держаться футах в десяти сзади нас. Так мы обеспечим максимальную боеспособность и в то же время не перестреляем друг друга. Я полечу чуть впереди Кумаса.

Кикахе не очень-то улыбалось подставлять спину тоанам, но ему необходимо было сохранить лидерство. Иначе они сочли бы его трусом. Кумаса он оставил рядом с собой только потому, что не был уверен, сумеет ли тот сориентироваться во время боя без приказа.

Через пять минут все четверо резко затормозили и остановились. Вход в пещеру тоже был блокирован. Но рядом в стене зияло новое отверстие, ведущее в туннель, который сворачивал направо. Символы как ни в чем не бывало ползли по обеим его стенкам во тьму.

— Вперед и вглубь! — скомандовал Кикаха. — Глаза держать разутыми, а пальцы на спусковом крючке. Но без необходимости не стрелять!

— Если это подстроил наш отец, — сказал Кумас, — с нами все кончено.

— Многие властители говорили так обо мне, установив очередную ловушку, — отозвался Кикаха, — однако я жив, здоров и полон сил, как молодой жеребчик. Враги же мои мертвы, точно львы, напавшие на слона.

— Хвастунишка все равно что воздушный шарик, — заметил Вематол. — Ткни в него — и он лопнет!

— Этого человека не зря прозвали Убийцей властителей и Победителем Черных Звонарей, — сердито одернул брата Ашателон. — Побереги лучше свои насмешки для себя самого.

— Мы решим этот вопрос попозже — на ножах, — заявил Вематол.

— Что может быть прекраснее братской любви! — воскликнул Кикаха. — Меня от вас, тоанов, уже тошнит. Вы мните себя богами, а на самом деле еще не вышли из детсадовского возраста. Вечно задираетесь, как последние из леблябиев, хотя, видит Бог, у них это выходит талантливее. Все, хватит! Больше никаких перебранок! Это приказ! Сосредоточьте лучше свои мозги на выполнении нашей задачи, не то я пошлю вас обратно к нянечкам, и пусть они подтирают вам носы!

Некоторое время все четверо хранили молчание. Флаеры проплыли по туннелю около мили — и тут дорогу им вновь преградил громадный камень. Но на сей раз между камнем и стенами туннеля виднелись зазоры, так что приварен он не был. Путники тем не менее остановились.

Что же до символов, то они либо прекратили движение, либо как-то просачивались сквозь каменную преграду.

Кикаха вновь вытащил измеритель глубины.

— Десять футов камня, — сказал он, взглянув на индикатор. — Дальше пустота.

— Поворачиваем? — спросил Кумас.

— Чтобы блуждать здесь, пока не кончатся съестные припасы? — возразил Вематол.

— Можно попробовать расплавить камень пушкой, — предложил Ашателон. — Энергии, правда, потребуется уйма. Но что нам еще остается?

— Будем пробиваться, — решил Кикаха.

Все четверо по очереди начали буравить преграду лучом. Плавился камень быстро, стекая на пол лавой. Соскрести полужидкую массу оказалось чертовски трудно, тем более маленькими лопатками, но сделать это было необходимо. Обливаясь потом, стараясь не попасть под узконаправленный луч, путники очистили от лавы вход в туннель. Когда батареи на одном из флаеров сели почти наполовину, за дело принялся другой. Но буквально через минуту камень вдруг начал медленно откатываться вбок, в стенную нишу.

Кикаха велел Ашателону выключить лучемет.

— Так это же колесо! — воскликнул Кумас.

— А то мы без тебя не догадались, болван! — откликнулся Вематол.

Они отвели машины назад и замерли в ожидании. Носы флаеров были нацелены на отверстие, пальцы пилотов лежали на кнопке «огонь».

— Приготовьтесь к стрельбе, — скомандовал Кикаха. — Только не палите почем зря!

— Кому, кроме Рыжего Орка, могло понадобиться закрыть все входы? — проворчал Вематол.

— Не знаю. Может, это сделал Хрууз, только не спрашивайте меня зачем. Не будем делать скоропалительных выводов.

Гигантское колесо почти целиком скрылось в стене. Перед путниками открылся вход в пещеру.

Кумас по приказу Кикахи снял очки ночного видения, чтобы посмотреть, есть ли в пещере фотонный свет.

— Там светло как днем! — громко воскликнул клон.

Все тут же сняли очки. Иллюминация в пещере была такой яркой, что светящиеся растения явно не могли ее обеспечить. Свет исходил из невидимого источника и не давал теней. Очень похоже на тоанскую технологию. Увы, очень даже похоже.

Пещера оказалась огромной. Прохладный воздух освежил вспотевшие тела. Кикаха снял кислородную маску и вдохнул полной грудью. Но хотя воздух был восхитительно свежим, Кикаха вновь надел маску и велел клонам не спешить.

Стены и потолок пещеры уходили вдаль, насколько хватало глаз. Из пола росли какие-то странные растения, в том числе и высокие, как деревья.

— И там нас поджидает Рыжий Орк, — сказал Кумас.

— Вовсе не обязательно, — отозвался Кикаха.

— Тогда иди первым, — заявил Кумас.

— Ну конечно! — воскликнул Кикаха. — Если я буду дожидаться, пока кто-нибудь из вас отважится сделать первый шаг, мы тут с голоду передохнем!

— Никто еще не называл меня трусом! — возмутился Ашателон.

Не успел Кикаха остановить его, как Ашателон рванул флаер с места и помчался в отверстие. Но в пещере он не притормозил, а, напротив, разогнался на полную скорость — пятьдесят миль в час, — взлетел вверх и скрылся из виду. Через минуту он появился вновь и завис над полом в десяти футах от входа, развернув к нему машину носом.

— Ну и кто здесь, по-вашему, празднует труса? — громко крикнул он.

Слова его эхом отдались от стен.

Кикаха повел свою машину в пещеру и осмотрелся. Часть стены перед глазами была почти сплошь покрыта зеленым лишайником. Кто-то сумел оживить увядшие растения. Или же в этой пещере они и не увядали. Стены уходили в стороны мили на две, а до потолка было футов сто, не меньше. Противоположный конец пещеры сужался впереди в еле различимую

точку. По обеим сторонам чинно маршировали символы, пропадая вдали.

В пещеру вплыли Кумас с Вематолом.

— Никого, — с облегчением сказал Кумас.

— Но кто-то все же откатил камень в стену, — заметил Кикаха. — Ладно, поехали дальше.

Он нажал на педаль акселератора — и почувствовал, как все тело покрылось каплями пота, а глаза заволокло туманом.

Очнулся он в решетчатой клетке. Высоко над головой маячил сквозь прутья потолок пещеры, той же самой или другой — Бог его знает. Кикаха медленно встал и обнаружил, что ноги у него босые. Одежды тоже не осталось — ни на нем, ни где-либо поблизости. Пол в клетке был металлический, в углу валялась кучка одеял. В другом углу стоял металлический ящик, а в третьем — еще один ящик с дыркой: по-видимому, сортир. В центре на полу был очерчен оранжевый круг диаметром около трех футов.

А на значительном удалении друг от дружки стояли точно такие же клетки, расположенные по кругу. Вместе со своей Кикаха насчитал шесть штук. В каждой было по пленнику, хотя один из них явно не относился к разряду гомо сапиенс.

— Хрууз! — прохрипел Кикаха.

Он схватился за решетки, чуть было не потеряв сознание снова. Несмотря на кислородные маски, его и клонов явно отравили газом. Очевидно, газ сделал свое черное дело сквозь поры в коже.

— Нас, похоже, опрыскали из дырочек в стене, — пробормотал себе под нос Кикаха. — Впрочем, теперь это уже неважно. Главное, что мы попались.

Однако в плен их взял не Рыжий Орк, поскольку он стоял в клетке как раз напротив Кикахи. Обнаженный, как и все прочие пленники, тоан прижимался лицом к решетке и улыбался своему заклятому врагу. Что означала эта улыбка? Радовался ли властитель, что враг попался тоже? Или улыбался своим тайным мыслям? Может, все-таки это он засадил их в клетки, а теперь сам разыгрывает из себя пленника? Но зачем? Впрочем, время покажет.

В трех других клетках находились три клона Рыжего Орка.

— Ну что, Кикаха, дохвастался? — окликнул его Вематол и плюнул через прутья решетки.

Кикаха не обратил на него внимания. Он хотел было обратиться к Хруузу, но тут прямо в центр круга, образованного клетками, медленно и важно вошел... вошло... существо? машина? получеловек? Секунду назад его здесь не было. Откуда он появился? Через врата, не иначе.

Кикаха узнал вошедшего, хотя никогда не встречался с ним раньше. Это было существо, которое он считал умершим.

— Дингстет! — воскликнул землянин.

— Нет трут, — ответило существо, что по-тоански означало: «Да, это я». Во рту вместо зубов блеснули драгоценные камни.

Кикаха слыхал о Дингстете от Ананы и Манату Ворсион. Судя по их рассказам, Зазель сделал Дингстета своим компаньоном и наделил широкими полномочиями. Перед тем как покончить с собой, властитель передал Дингстету бразды правления над своей планетой. Зачем ему понадобилось сохранять такой скучный и мрачный мир — это уже другой вопрос.

Наконец-то Кикахе довелось воочию увидеть легендарного Дингстета. Двуногий, шести футов ростом, со светлой, чуть розоватой, как у скандинавов, кожей. Медлительность его поступи не была намеренной — блестящие кольца, охватывавшие сочленения на плечах, бедрах, локтях, коленях и кистях не позволяли Дингстету двигаться с проворством человека. Голова, шея и туловище были больше человеческих. Череп почти квадратный, очень тонкие губы, а на месте гениталий — гладкая поверхность.

— Ты знаешь мое имя, — проговорило существо. — Но я не знаю твоего.

— Меня зовут Кикаха. Я думал, что эта планета погибла, и ты вместе с ней.

— Я хотел, чтобы ты так думал, — ответило существо, выговаривая слова с каким-то архаичным акцентом. — Но ты и твои приятели оказались слишком настойчивыми. Поэтому мне пришлось принять меры. — Оно помолчало и добавило: — Я полагал, что врата закрыты.

— Он собирается заточить нас здесь навечно! — выкрикнул Рыжий Орк. — Дингстет! Я пришел с миром!

Не оборачиваясь, существо ответило тоану:

— Возможно. А возможно, и нет. Вон тот, называющий себя Хруузом, говорит, что ты очень жесток, склонен к насилию и жаждешь завладеть секретом машины творения-разрушения, принадлежавшей моему хозяину. Он говорит, ты уничтожишь все вселенные, включая мир Зазеля, чтобы использовать их энергию для создания своей собственной вселенной.

— Он лжет! — заявил Рыжий Орк.

Дингстет не сводил глаз с Кикахи:

— Может, получеловек, называющий себя Хруузом, лжет, а может, говорит правду. Он утверждает, что сумеет представить мне доказательства, если я отпущу его домой. Но ты,

Орк, обещал, что скоро вернешься, когда я выпустил тебя через врата. И не вернулся. Выходит, ты меня обманул.

Откуда мне знать — может, Хрууз меня тоже обманывает? Или вы все тут обманщики? Взять, к примеру, тебя, Кикаха. Вы с Хруузом, возможно, никогда не вернетесь сюда, если я вас выпущу. Но вы ведь можете и вернуться, чтобы силой выпытать у меня секреты, которые я обязан хранить. Не знаю, лжец ли ты, Кикаха, но приступам безрассудной ярости ты подвержен точно. Я видел, как ты зашвырнул копию моего черепа. И я видел, как ты убил человека, хотя, похоже, это была самооборона. Так мне, во всяком случае, показалось.

Дингстет повернулся и степенно зашагал прочь. Пройдя ярдов двадцать, он остановился возле «дерева» — малинового растения с густыми ветвями абсолютно одинаковой длины. Неподалеку от цилиндрического ствола лежал большой круглый камень. Хранитель планеты встал точно посередине между камнем и стволом, повернувшись к пленникам спиной, и, очевидно, произнес кодовое слово, поскольку тут же исчез.

— Как он тебя поймал? — спросил Кикаха у Хруузa, стоявшего в третьей клетке от него.

— Газ. Но меня сейчас больше волнует вопрос, как нам выбраться из клеток.

— Меня тоже, — сказал Кикаха. — Правда, должен признать, что более трудной проблемы мне еще решать не приходилось.

— Нам не приходилось, — поправил его Хрууз.

— Вот именно — нам! — воскликнул Рыжий Орк. — Предлагаю на время забыть былую вражду и вместе пораскинуть мозгами.

— Забывать я ничего не собираюсь, — отозвался Кикаха. — Но вместе подумать согласен.

— Мы обречены, — вздохнул Кумас.

— Нытик! — набросился на него Ашателон. — Мне стыдно, что я твой брат! Всегда было стыдно, с самого детства!

— А ты, Ашателон, всегда умел подбодрить в трудную минуту, — съязвил Вематол.

Резкий и глубокий голос Хруузa прекратил перепалку:

— Когда я слушаю вас, тоанов, то всегда удивляюсь: как вы умудрились победить мой народ? Просто не могу поверить, что властители, перебившие моих сородичей, были вашими предками. Давайте-ка и впрямь оставим в стороне старые обиды, пока не справимся с Дингстетом — надеюсь, мирным путем.

— Только не проси их дать тебе слово, что они не пырнут тебя в спину, когда выберутся из клеток, — заметил Кикаха. — Их слову грош цена.

— Это мне известно, — сказал Хрууз. — Но все же общая опасность должна сплотить нас на время.

— Ха!

— Есть у кого-нибудь какие-нибудь идеи? — осведомился Рыжий Орк.

— Дингстет, возможно, подслушивает, — отозвался Кикаха. — Какой смысл обмениваться идеями, если он тут же о них узнает? Бумаги у нас нет, да и толку от нее все равно было бы мало. Клетки слишком далеко друг от друга, никакой бумажный шарик не добросишь. К тому же Дингстет наверняка не спускает с нас глаз.

— А может, попробуем язык жестов? — предложил Кумас.

Все рассмеялись.

— Пошевели мозгами, болван! — сказал Вематол. — Кто из нас знает язык жестов? А если кто и знает, ему придется сначала обучить остальных. А чтобы обучить, придется кричать во всю глотку, объясняя значение жестов. И Дингстет выучит его вместе с нами. Так что...

— Я просто высказал идею! — взорвался Кумас. — Я просто думал вслух — а тебе и думать-то нечем, безмозглая тварь! Ну, выкладывай, какая гениальная идея тебя осенила!

Вематол ничего не ответил.

Остаток дня прошел в молчаливых размышлениях. Ночью иллюминация погасла, остался лишь рассеянный свет фосфоресцирующих растений. Кикаха ворочался на одеялах, но не из-за отсутствия кровати — ему не давали заснуть мучительные раздумья о том, как же выбраться из проклятой клетки и что делать дальше. В конце концов сон сморил его, и думы сменились сновидениями, где рядом с ним была Анана. Ему снились в том числе и опасные, почти безвыходные ситуации, в которые они с Ананой попадали так часто, но в общем сны были приятны.

В одном из сновидений он увидел лица своих покойных родителей. Они улыбались и выглядели гораздо моложе, чем запомнились ему при жизни. Их лица светились сквозь туман где-то вдали, но Кикаха все равно почувствовал себя счастливым — и вскоре проснулся. Было время, когда он сомневался в том, что это его биологические родители. Один из тоанов намекнул как-то Кикахе, что его усыновили, а настоящим отцом его был властитель, возможно даже Рыжий Орк. Кикаха не раз давал себе слово разобраться с этим вопросом,

как только появится свободная минутка. Но теперь ему было все равно. Биологические родители не всегда настоящие отец и мать. Любовь и забота — вот что главное. Бедные, но очень порядочные люди, вырастившие Кикаху на ферме в штате Индиана, были единственными, кого он знал и любил. А значит, они и есть его настоящие родители. И к черту все вопросы.

Пещера осветилась зарей, чуть менее яркой, чем вчерашняя иллюминация. Дингстет, очевидно, свято соблюдал смену дня и ночи. Через час он появился между деревом и камнем и вышел в центр круга, не подходя, однако, ни к одной из клеток слишком близко.

— Я слышал, как вы обсуждали планы бегства, — заявил он, не утруждая себя приветствиями, — и просчитал ваши шансы. Получилось 99,999999999 процентов против. Сейчас компьютер пытается выяснить, как обеспечить стопроцентную надежность.

— Чтобы выяснить, тебе нужно собрать о нас абсолютно полные данные, — заявил Кумас. — Иначе ничего не получится.

— Ну-ну, подскажи ему еще что-нибудь! — заорал Вематол. — Давай, выболтай все, что знаешь, король кретинов! Тупица долбаный!

Кумас с оскорбленным видом улегся обратно на одеяло и умолк.

— Я и так пытаюсь учесть по возможности все факторы, — сказал Дингстет. — К сожалению, мой создатель не наделил меня творческими способностями.

— Мы с удовольствием поможем тебе разрешить все трудности! — выкрикнул Вематол.

— В самом деле? — Дингстет повернулся к нему. — Вы очень добры.

Ему пришлось подождать, пока в клетках утихнет оглушительный здоровый хохот. Даже Хрууз рассмеялся своим отрывистым лающим смешком.

— Очевидно, это какая-то шутка. Я не понимаю шуток. Через час вы услышите сигнал. Ты, Кикаха, незамедлительно встанешь в центр круга, очерченного на полу твоей клетки. Врата перенесут тебя в район спортзалов и душевых. Когда ты вернешься в клетку, сигнал зазвучит опять. Ты, Вематол, пойдешь следующим.

Дингстет установил очередность, убедился, что пленники его поняли, и вернулся к дереву.

— Похоже, нам здесь обеспечен отличный уход, — сказал Ашателон, когда хозяин пропал из виду. — Вот только как

будет с едой — непонятно. Хотел бы я знать, какого черта он о нас так печется?

— Думаю, он печется вовсе не о нас, — откликнулся Рыжий Орк. — Просто выполняет программу, заложенную в него Зазелем исключительно ради собственных нужд. Возможно, мы еще пожалеем, что Дингстет не прикончил нас сразу.

— Главное, что такая программа в нем заложена, а зачем — это уже детали! — заявил Кикаха. — Нужно попробовать обернуть ее в свою пользу, и не мешкая.

Увы, это было проще сказать, чем сделать, как гласит древняя земная поговорка. Кикаха так и не придумал ничего существенного к тому времени, когда его перенесло в рекреационный зал. Он очутился в глухом каменном помещении без выходов — если не считать врат, доставивших его сюда, — которое вентилировалось через узкие прорези в стенах. Пятьдесят футов в высоту и в ширину, полмили в длину. В каждом конце — душ, фонтанчик, унитаз и воздушная сушилка.

Кикаха разогрелся, сделав несколько упражнений, потом пробежал вокруг зала миль пять, снова позанимался гимнастикой, напился, встал под душ, высушился и тут же оказался посреди круга в клетке. Раздался громкий сигнал, и Вематол встал в центр своего круга.

На третье утро Кикаха спросил Дингстета, что тот собирается с ними делать дальше.

— Вы останетесь в клетках, пока не убьете сами себя или не погибнете от несчастного случая, хотя я не представляю себе, какой несчастный случай может с вами тут произойти.

Когда ураган протестов затих, наступила гробовая тишина.

— Значит, мы останемся здесь навечно, — наконец проговорил Вематол.

— Вечность — всего лишь философская концепция, — сказал Дингстет. — На самом деле ее не существует. Но если ты имел в виду, что вы останетесь тут надолго, то ты не ошибся.

— Да мы же здесь рехнемся! — не выдержал Кикаха.

— Вполне возможно. Но на длительность вашего заточения это не повлияет.

— Почему ты так обращаешься с нами? — с трудом сохраняя спокойный тон, спросил Кикаха.

— Я должен выполнять команды Зазеля, хотя и не знаю, почему он так распорядился. Думаю, когда хозяин отдавал мне приказы, он еще не знал, что покончит с собой. Теперь он мертв — но его повеления живы.

Кумас потерял сознание. Вематол выплеснул на Дингстета весь свой обширный запас ругательств и оскорблений, а когда исчерпал его, то начал по новой. Ашателон кусал кулаки, пока на них не выступила кровь. Все прочие не проронили ни слова, но Рыжий Орк задумчиво уставился вдаль через решетку. Хрууз рыдал — странное зрелище для людей, поскольку лицо его казалось совершенно не приспособленным для выражения подобных эмоций. Кикаха вскарабкался на решетку, повис на ней и принялся корчить рожи, гикая, точно обезьяна. Он ощущал неодолимую потребность хоть как-то выразить свои чувства. На минуту ему почудилось, будто его и вправду отбросило к самому началу эволюционного пути. Обезьяны не думают о будущем. А раз так, он станет обезьяной и тоже ни о чем не будет думать!

Позже Кикаха осознал, насколько вывихнутой была его логика. Но в тот момент она казалась ему вполне нормальной. И в самом деле — что может быть естественнее для человека, чем превратиться в обезьяну!

ГЛАВА 18

К утру он совершенно пришел в себя. Вспоминая вчерашнее, Кикаха решил, что быть обезьяной довольно забавно. Для полного сходства с антропоидом ему недоставало лишь густой шерсти да блох.

И все же это кратковременное падение с лестницы эволюции было своего рода предупреждением. Слишком много лет провел Кикаха в постоянной боевой готовности, слишком часто глядел смерти в лицо. А перерывы между экстремальными ситуациями были слишком коротки. Правда, он всегда был крепок духом и телом и не убоялся бы сразиться с целой вселенной, если придется. Но преодоление бессчетных опасностей не проходило даром, требуя высокой душевной расплаты. Два последних и самых сильных удара — потеря Ананой памяти и угроза пожизненного заключения — выбили-таки его из колеи.

— Но ненадолго, — пробормотал Кикаха. — Я снова буду в форме, вот только отдохну маленечко, и тогда посмотрим, кто кого!

Некоторые из его товарищей по несчастью все еще предавались отчаянию. Кумас, в ответ на любое обращение ворчавший нечто нечленораздельное, целый день простоял в одной позе, припав к решетке лицом и отказываясь от еды. Ашателон сотрясал воздух площадной бранью и бешено метался по клетке. Вематол что-то бормотал себе под нос.

Только Хрууз и Рыжий Орк казались вполне спокойными, сосредоточившись, подобно Кикахе, на мыслях о бегстве.

Дохлый номер! Кикаха вновь и вновь напрягал мозги, призывая на помощь все свое хитроумие. Но любая мелькнувшая идея тут же развеивалась ураганом реальной действительности. По сравнению с их тюрьмой знаменитый Алькатраз* был просто детской игрушкой.

Прошло тридцать дней. Каждый день после обеда их навещал Дингстет и с каждым пленником беседовал по нескольку минут, за исключением Кумаса, который поворачивался к тюремщику спиной и не произносил ни слова.

Рыжий Орк пытался уговорить Дингстета, чтобы он их отпустил. Но в ответ на все просьбы слышал неизменное:

— Приказы Зазеля ясны и недвусмысленны. Пока он не отменит их, я должен держать всех пленников до его возвращения.

— Но Зазель умер! Он не вернется никогда!

— Верно. Но это ничего не меняет. Хозяин не сказал мне, что делать с заключенными, если он умрет.

— А ты не можешь пересмотреть его приказы в свете изменившейся ситуации?

— На такое я просто не способен.

Кикаха внимательно прислушивался к диалогу. На следующий день, во время пробежки по спортзалу, его внезапно осенило — точно где-то в подсознании вдруг вспыхнул фейерверк.

— Может, и получится, — сказал он сам себе еле слышно. — Попытка не пытка. Все зависит от того, как устроены у Дингстета мозги.

Днем позже, увидев Дингстета, напряженно шагающего в круг между клетками, Кикаха окликнул его:

— Дингстет! У меня сногсшибательные новости! Случилось настоящее чудо!

Существо подошло к клетке Кикахи и остановилось так, чтобы пленник не мог до него дотянуться.

— Что за новости? — спросило оно.

— Прошлой ночью ко мне явился во сне призрак Зазеля. Он сказал, что пытался связаться с тобой из страны умерших. Но это возможно только в сновидениях, а ты никогда их не видишь! — Кикаха утверждал наугад, надеясь про себя, что мозг Дингстета лишен подсознания. — Ну так вот, Зазель выбрал меня в медиумы, чтобы установить с тобой контакт,

---

* Остров в заливе Сан-Франциско, где до 1962 года располагалась одна из самых надежных тюрем Соединенных Штатов.

поскольку таких первоклассных сновидцев, как я, раз два и обчелся!

Черты лица Дингстета не были приспособлены для выражения удивления, но намек на это чувство все же по ним скользнул.

— Почему ты обчелся, сосчитав до двух? Что значит это выражение в контексте твоего утверждения?

— Это значит «превосходный, непревзойденный»!

— Вот как? А что такое «призрак»?

— Ты что, никогда не слыхал о призраках?

— Мои познания обширны, но всего в мозгах не удержать. Когда мне нужна какая-нибудь информация, я обращаюсь к планетному мозгу.

— Ну так спроси его о призраках, духах и парапсихических явлениях. А теперь лучше послушай, что случилось со мной прошлой ночью. Зазель...

Когда Кикаха закончил свой рассказ, Дингстет заявил:

— Пойду к планетному мозгу, посоветуюсь.

И поспешил прочь.

— Кикаха! Что ты... — начал было Рыжий Орк, как только существо пропало из виду между деревом и камнем, но Кикаха прижал палец к губам и легонько покачал головой:

— Ш-ш-ш! Доверься мне.

Он принялся нетерпеливо мерить клетку шагами. Мысли его, точно астероиды, вращались по орбите вокруг одной и той же идеи, осенившей его вчера. Идея яркой кометой зажглась во мраке подсознания и, ворвавшись в светлую область мозга, разнесла ее, как планету, на мелкие кусочки, озарив на мгновение тьму ослепительной вспышкой огня.

«Я мог бы быть поэтом, — подумал Кикаха. — Слава Богу, у меня хватило ума не рассказывать посторонним о тех образах, сравнениях и метафорах, что всплывают порою в моем мозгу. Не то меня подняли бы на смех».

Отвлекшись наконец от мыслей о самом себе — слабость вполне простительная и широко распространенная, — Кикаха принялся обдумывать дальнейшие планы. Что делать, если Дингстет вернется и заявит: хватит, мол, пудрить мне мозги?!

Правитель Пещерной планеты и впрямь вернулся через несколько минут.

— Планетный мозг проинформировал меня, — заявил он, встав напротив Кикахи, — что таких созданий, как призраки и духи, в реальности не существует. Следовательно, ты лжешь.

— Ничего подобного! — вскричал Кикаха. — А ну, скажи мне: когда в планетный мозг были введены данные о призраках?

Дингстет задумался.

— Около двенадцати тысяч лет назад по времяисчислению родной планеты Зазеля. Могу назвать тебе точную дату.

— Вот видишь! — сказал Кикаха. — Данные давным-давно устарели! Нынче неопровержимо доказано, что так называемые суеверия — реальный факт! Призраки и всякие прочие привидения существуют на самом деле. Пару тысячелетий тому назад тоан по имени Гудини доказал, что призраки не только реальны, но и могут общаться с живыми. Однако не со всеми. Они являются лишь высокочувствительным и одаренным личностям, таким, как я, например, чтобы довести до сведения людей свои пожелания. Их метод связи похож на односторонние врата: они с нами могут говорить, а мы с ними — нет!

Он оглянулся вокруг. Все узники, кроме Кумаса, вцепившись в прутья решетки, внимательно прислушивались.

— Если не веришь, спроси у них! Они не дадут мне соврать. Правду я говорю, ребята?

Никто из пленников толком не мог понять, к чему клонит Кикаха. Но он надеялся, что у них хватит соображения подыграть ему. Кумас, правда, по-прежнему лежал недвижно на одеялах, не сводя глаз с потолка. Зато все прочие поклялись, что слова Кикахи — святая правда, давно известная любому школьнику.

— Кстати, тот же Гудини подтвердил свои доказательства научно-психическими экспериментами, — заявил Рыжий Орк. — Несколько раз ему даже удалось увидеть привидения, хотя и неясно. Но во сне умершие порой являются более или менее отчетливо. — И тоан посмотрел на Кикаху, как бы спрашивая взглядом: «Кто такой, черт побери, этот Гудини?»*

Кикаха за спиной у Дингстета сложил указательный и большой пальцы колечком, восхищенный сообразительностью тоана.

— Мой народ гораздо древнее тоанов! — громко возвестил Хрууз. — Мы знали о существовании призраков задолго до того, как тоаны узнали о нашем существовании!

Кикаха надеялся, что клоны не испортят эффекта излишним энтузиазмом. Чтобы Дингстет не поймал их на лжи, игру следовало вести осторожно и не зарываясь. Когда Дингстет повернулся лицом к Хруузу, Кикаха жестом велел братьям-клонам говорить поменьше. И тут же выругал себя: ведь Дингстет мог записывать все их движения через монитор, а потом просмотреть запись.

---

* На самом деле Гарри Гудини (1874—1926) был очень известным в свое время американским иллюзионистом.

Если тюремщик увидит его жестикуляцию, придется изворачиваться ужом, чтобы как-то объяснить свои ужимки.

Вематол и Ашателон заявили, что всем на свете давно известно о существовании духовного мира и о том, как любят призраки являться в сновидениях. Но, конечно же, братья не сумели сдержать свою натуру и облили Дингстета презрением за его невежество чуть более щедро, чем хотелось бы Кикахе.

Если Дингстет и оскорбился, то вида не подал. Повернувшись лицом к Кикахе, он потребовал:

— Опиши Зазеля!

Хитрый, стервец! А выглядит таким простодушным!

Чтобы потянуть время и собраться с мыслями, Кикаха засыпал тюремщика вопросами:

— Что ты имеешь в виду? Описать его наружность? Черты лица? Рост? Сравнительные пропорции конечностей и туловища? Цвет волос и глаз? Форму и величину ушей и носа?

— Да.

Кикаха набрал в грудь побольше воздуха, надеясь почерпнуть из него вдохновение, и заговорил громким голосом, чтобы все пленники могли его слышать:

— Ну, видишь ли, он скрывался в тумане, поэтому лица его я не разглядел. Умершие, как правило, являются живым в туманной дымке, это же общеизвестно. Я не прав, ребята?

— Прав, конечно!

— Какие могут быть сомнения? Это доказанный факт!

— Да будь здесь Гудини, он сказал бы то же самое!

— Мы, хрингдизы, всегда видели призраков только в тумане!

Кумас, неожиданно встав с одеял, подошел к решетке и завопил:

— Вы все с ума посходили!

После чего улегся и вновь замолчал.

— Он опровергает ваши утверждения, — заметил Дингстет.

— Ничуть не бывало! — убежденно заявил Рыжий Орк. — Он сам на грани безумия. Ты же слышал: он сказал «вы все», то есть включил в число сумасшедших и тебя. Но ты-то сам уверен в собственной нормальности. И мы тоже знаем, что не сошли с ума. А следовательно, утверждение Кумаса, человека с нестабильной психикой, не соответствует действительности.

— Звучит разумно, — признал Дингстет. — Я и правда знаю, что мой рассудок в порядке. Что сказал Зазель? — спросил он, обращаясь к Кикахе.

— Во-первых, он поприветствовал меня. Он сказал: «Нисс Зацель».

Вематол застонал, решив, что леблябби безнадежно прокололся.

— Да, «нисс Зацель». Я не сразу его понял. А потом до меня дошло, что он говорит по-древнетоански. На архаическом тоанском, которым пользовались в его время, «нисс Зацель» означало «меня зовут Зазель». К счастью, язык изменился не слишком сильно. Я сумел разобрать почти все слова, которые говорил мне призрак, а те, что не разобрал, понял из контекста. Хотя голос его тоже звучал приглушенно, словно из-за туманной завесы. Призраки всегда так являются — будто сквозь неточно настроенные врата, искажающие их внешность и голос.

— Как я рад это слышать! «Нисс Зацель»! Ты ведь не тоан, а значит, вряд ли знаешь древнетоанский!

Кикаха решил больше не цитировать Зазеля дословно. По-древнетоански он знал всего несколько выражений, которым научила его Анана. Кто бы мог подумать, что эти давние беседы так ему пригодятся!

— Что он сказал еще? — требовательно спросил Дингстет.

Кикаха медленно заговорил, придумывая фразы прямо на ходу:

— Он сказал, что многому научился у других призраков и Верховного Духа, который правит тамошней страной. И теперь он понял, какие ошибки и промахи совершил при жизни.

«Только не увлекайся, — одернул себя Кикаха. — Рассказ должен быть впечатляющим, но кратким. Чем меньше скажешь, тем меньше вероятности ляпнуть что-нибудь не то».

— Короче, он сказал мне, что может вступить с тобой в контакт только через посредство человека, открытого для психической связи. Я таким и оказался. Ему потребовалось некоторое время и усилия, чтобы пробиться ко мне, поскольку я был расстроен тем, что попал в заключение. Но в конце концов прошлой ночью он явился мне во сне и сказал, что ты должен выпустить нас и обращаться с нами как с гостями, не переставая, впрочем, следить за Рыжим Орком, поскольку он опасен. Однако Зазель категорически запретил давать кому бы то ни было данные о машине творения. Тебе следует уничтожить их и отпустить нас на все четыре стороны. — После небольшой паузы Кикаха продолжил: — Он также сказал мне — вернее, приказал, — чтобы я забрал рог Шамбаримена, который ты отнял у Рыжего Орка. Это моя

собственность, и я, по словам Зазеля, не употреблю ее во вред.

Рыжий Орк побледнел и злобно, но беззвучно оскалился. Он не смел противоречить Кикахе, боясь, что Дингстет откажется их освободить. С другой стороны, Кикаха должен был включить тоана в список освобождаемых — ведь иначе Рыжий Орк тут же разоблачил бы его как лжеца.

— Таким образом, ты выпустишь нас из клеток и откроешь выходные врата со своей планеты. Но Зазель приказал не возвращать Рыжему Орку оружия и снять с его катера лучевые пушки. Мы полетим на своих машинах до выходных врат. Планету мы покинем все вместе, и врата выведут нас во дворец Рыжего Орка на Земле-2.

Рыжий Орк сверкнул глазами. Он прекрасно знал, почему Кикаха ставит такие условия.

— Зазель не сказал мне, почему он этого хочет, — добавил Кикаха. — Видно, у него есть на то свои причины, объяснять которые он не стал. Но я уверен, что все его распоряжения нам только во благо. Мертвым известно все.

Дингстет молчал несколько минут. Глаза его застыли неподвижно, как у статуи, — он не переводил их с одного узника на другого, не мигал поминутно, как это делал бы человек в такой напряженной позе. Люди в клетках, все, кроме Кумаса, не спускали с тюремщика глаз.

— Купится он или нет? — пробормотал себе под нос Кикаха.

Ни с одним тоаном такой номер не прошел бы, равно как и с большинством землян. Но Дингстет не был человеком и почти не имел опыта общения со столь коварным видом, как гомо сапиенс.

Наконец Дингстет заговорил:

— Приказы Зазеля будут выполнены. Ах, если бы я умел видеть сны — он мог бы разговаривать со мной!

На мгновение Кикахе стало жаль его. Может, это существо более человечно, чем все они думали? Или оно просто хочет стать более человечным?

Он отпустит их, сказал Дингстет, в течение часа и перебросит через врата в пещеру, где хранятся их воздушные катера. Но выполнение «приказов Зазеля» заняло немного больше времени, чем предполагал Кикаха. Как это часто бывает, случилось нечто непредвиденное. Первым в пещеру должен был попасть Хрууз, за ним Кумас, а потом уже Рыжий Орк. Кикаха велел организовать переброску через врата в такой очередности, поскольку не хотел, чтобы Рыжий Орк оказался в пещере один. Кто знает, на что способен этот хитрый

ублюдок, если его оставить одного или только с клонами? А Хрууз достаточно силен, чтобы справиться с ним в случае чего.

Хрингдиз встал в круг внутри клетки и исчез. Но с Кумасом вышла заминка: Дингстет никак не мог заставить его подчиниться. Клон повернулся к нему спиной, лежа на одеялах, и не двигался с места. В конце концов Дингстет заявил:

— У меня есть в распоряжении средства, чтобы принудить тебя выполнить мою команду. Но это весьма болезненные средства, учти.

Полминуты Кумас молчал. Потом поднялся — с безучастным лицом и пустыми глазами. Добрел до круга и встал посредине. Дингстет нацелил один конец маленького дистанционника в сторону круга и нажал на кнопку. Раздался радиосигнал, означавший начало процесса, но полностью врата активировались лишь через пять секунд.

Кумас, очевидно, считал каждую секунду, ибо в тот самый миг, когда ему полагалось исчезнуть, он метнулся к краю оранжевого круга и высунул правую ногу за черту.

А потом исчез. Только нога, фонтанируя кровью, осталась в клетке и тут же свалилась на пол.

— Он убил себя! — воскликнул Рыжий Орк.

Бывшие узники замерли, онемев от неожиданности. Дингстет, возможно, тоже был потрясен, но вида не показал, только спросил:

— Почему он это сделал?

— Ну я же говорил тебе: бедняга совсем помешался, — ответил Кикаха.

— Ваша человеческая психика такая нестабильная, сложная, с вывертами и комплексами, так часто выходит из строя... Я ее не понимаю, — сказал Дингстет.

— Мы тоже, — заверил его Кикаха.

Дингстет оставил уборку заляпанного кровью помещения на потом — когда его «гости» покинут планету. А может, он и вовсе не собирался утруждаться. Он все же перебросил оставшихся людей в пещеру, где хранились их воздушные катера, но не в тот круг, куда планировал первоначально, а в другой. Когда Кикаха вышел из круга, то увидел рядом еще один, с телом клона. Мельком взглянув на него, Кикаха занялся приготовлениями к старту, который не замедлил последовать. Как только все расселись по машинам, Дингстет произнес кодовое слово и открыл пещеру. Часть стены поднялась, скользнула в нишу, и флаеры вылетели в туннель. Дингстет объяснил им, как добраться до врат, через которые

Рыжий Орк проник на Пещерную планету. Рыжий Орк летел позади своих клонов, Хрууз и Кикаха — за ним.

Двадцать минут спустя они прибыли к вратам. Кикаха выпрыгнул из флаера и вытащил из рюкзака клейкую веревку. Рыжий Орк опомниться не успел, как на него набросились клоны с Хруузом. От Вематола с Ашателоном ему, возможно, удалось бы отбиться, но Хрууз был силен, как медведь. Выполняя указания Кикахи, данные шепотом в пещере, Хрууз заломил руки тоана за спину, а клоны тем временем схватили его за ноги. Дингстет, наблюдавший за ними с помощью планетного мозга, небось недоумевал, силясь понять, что же тут происходит

Кикаха быстро связал Рыжему Орку руки, вытащил из его рюкзака вожделенный рог и протрубил семь нот. Часть стены мгновенно замерцала. Хрууз протолкнул Рыжего Орка, не проронившего за все это время ни слова, через врата. А минуту спустя вся компания оказалась во дворце, где обитала Анана. Пришлось немного повозиться со стражей, напавшей на них при виде связанного хозяина. Но сражение было недолгим. Несколько лучевых выстрелов, пара трупов — и стражники бросились врассыпную.

Вскоре, однако, они собрались и заняли оборонительные позиции. Казалось, придется пробиваться через дворец с боями. Но Кикаха обратился к капитану, засевшему в зале за баррикадой из мебели. После того как с капитаном переговорили по очереди Кикаха, Вематол и Ашателон, стороны пришли к соглашению. Затем капитан посовещался со своими лейтенантами и рядовыми. Переговоры заняли почти час, но зато в результате стража присягнула на верность Кикахе и клонам. Наемники не любили Рыжего Орка, и в общем им было плевать, кому служить, тем более что Кикаха удвоил им жалованье и сократил часы службы.

Кикаха был в восторге:

— Мне осточертело кровопролитие. Оправданное или нет, оно мне в любом случае противно. А кроме того, если бы они организовали яростное сопротивление, мы тоже понесли бы потери. И я бы мог оказаться в их числе.

Но Вематол с Ашателоном не доверяли солдатам и, чтобы предотвратить мятеж, отвели часть наемников в сторону. Им от имени Кикахи были обещаны солидные суммы, если они согласятся шпионить за своими товарищами и доносить о потенциальных смутьянах и заговорах. После чего, ни слова не говоря Кикахе, клоны завербовали других охранников, наказав им следить за шпионами Кикахи. Он узнал об этом лишь тогда, когда кое-кто из завербованных предупредил его,

надеясь на вознаграждение за предательство. Кикаха выдал награду и тотчас нанял других солдат и нескольких слуг, чтобы те следили за клонами. Вскоре ему стало известно, что клоны завербовали нанятых им людей в свою секретную службу, поручив им присматривать за Кикахой. И, без сомнения, Вематол с Ашателоном организовали также слежку друг за другом.

Кикаха, узнав об этом, от души посмеялся. Если процесс пойдет дальше, скоро все охранники и слуги во дворце станут двойными, тройными или даже четверными агентами.

Удостоверившись, что в ближайшее время беспорядков со стороны солдат ожидать не приходится, Кикаха навестил Анану. Она сидела в саду в шезлонге, возле пруда размерами с небольшое озеро. Солнце Земли-2, близясь к зениту, заливало ее ослепительным светом. На столике возле шезлонга стоял высокий стакан с темной жидкостью и кубиками льда. Купальщицы в пруду издавали веселые визги, но Анана не выглядела счастливой. Кикаха, подойдя к ней и представившись, не удостоился ни улыбки, ни приглашения присесть.

— Вематол уже рассказал тебе всю правду, — промолвил Кикаха. — Я боялся, что ты не захочешь меня слушать, поэтому попросил его объяснить тебе, что с тобой случилось на самом деле. Но я готов рассказать еще раз, какую операцию проделал над тобой Рыжий Орк, и восполнить все подробности, упущенные Вематолом.

— Я выслушала его до конца, хотя мне стоило большого труда сдержаться и не крикнуть ему в лицо: «Ты лжец!», — сухо проговорила Анана, не поднимая на Кикаху глаз. — Я не желаю слушать твои измышления. Уходи и никогда больше сюда не возвращайся.

Кикаха придвинул к ней кресло и сел.

— Нет, я не уйду. Вематол сказал тебе правду, хотя, поскольку он тоан, ему это, наверное, было нелегко.

Он изнывал от желания обнять ее и поцеловать.

Анана посмотрела на него:

— Я хочу поговорить с самим Рыжим Орком. Пусть он расскажет мне правду.

— Во имя Элиниттрии! — не выдержал Кикаха, только что давший себе слово не горячиться. — Да он же наврет тебе с три короба!

— Я почувствую, говорит он правду или лжет.

— Это нелогично! И глупо!

Кикаха пытался подавить свой гнев, рожденный разочарованием и отчаянием.

— Я не намерена позволять какому-то лебляббию говорить со мной в таком тоне, — холодно ответила Анана. — Даже если я в его власти.

— Я... — начал было Кикаха и закрыл рот. Нельзя давать волю эмоциям. Он должен вести себя как можно более сдержанно и тактично, иначе разговора не получится. — Я приношу свои извинения. Видишь ли, я знаю всю правду, и мне больно видеть тебя обманутой. Ладно. Ты можешь поговорить с Рыжим Орком с глазу на глаз.

— А ты будешь подслушивать и наблюдать за нами?

— Обещаю, что не буду.

— Но ты запишешь наш разговор. А потом прокрутишь пленку, не нарушив таким образом обещания.

— Нет. Даю тебе слово. Вот только...

— Что?

— Ты не поверишь мне. Но Рыжий Орк может убить тебя, если я не позабочусь об охране.

Анана презрительно рассмеялась:

— Он? Может меня убить?

— Поверь мне, я знаю его гораздо лучше, чем ты. Он может отомстить нам обоим, свернув тебе шею и навеки отняв тебя у меня.

— Я никогда не полюбила бы тебя, леблябби́й. Как же он может меня у тебя отнять?

— Так мы ни до чего не договоримся. Я исполню твое желание. Ты будешь в комнате наедине с Рыжим Орком, и вас не будут подслушивать ни люди, ни машины. Но между вами я установлю прозрачный экран. Я не хочу рисковать. Таково мое решение, и оно непреклонно.

«Хрууз — не человек. Он сможет наблюдать и слушать разговор Ананы с Рыжим Орком по монитору. Так что в буквальном смысле обещание будет выполнено: ни люди, ни машины подслушивать беседу не станут. И я в том числе, — подумал Кикаха. — Я никогда ей не лгал».

По той же причине он отверг и свой первоначальный план: подсунуть ей Ашателона или Вематола под видом раскаявшегося Рыжего Орка... Но это исключено. Хотя искушение было так велико, что отказаться от него стоило Кикахе больших трудов.

Анана не выказала благодарности, даже когда Кикаха пообещал ей, что беседа продлится так долго, как она пожелает. Через два часа Анана вышла из комнаты вся в слезах. Но, увидев Кикаху, подавила рыдания и сумела принять безразличный вид. Тоанам не пристало показывать свою

«слабость» перед леблябиями. Не отвечая на вопросы Кикахи, Анана быстро прошла в свою спальню.

Рыжего Орка задержали в той комнате, где он разговаривал с Ананой. Кикаха вошел туда и сел в кресло, в котором она сидела. Кресло было еще теплое, и Кикахе показалось, будто он к ней прикоснулся.

— Ты выиграл этот раунд, — сказал Кикаха. — А ставка была велика. Не надейся, что это сойдет тебе с рук. Сбежать ты отсюда не сбежишь, а убить я тебя могу в любую минуту. Но, говоря откровенно, я не способен хладнокровно убить человека или перепоручить другим сделать то, что мне самому не по нутру. Думаю, ты вряд ли удивишься, если я скажу, что твои клоны жаждут предать тебя мучительной смерти. Они не могут понять, почему я им этого не разрешаю.

— Я тоже не могу понять, — ответил тоан, помолчав. — Что же до побега, я на твоем месте не был бы так уверен. Мы с тобой во многом похожи, Кикаха, хотя ты и не хочешь этого признавать. Ну да ладно, что толку зря говорить? Насколько я понимаю, ты намерен оставить меня в живых. Но на свободу не выпустишь. Ты просто не станешь меня убивать — будешь держать в плену, пока я не сдохну от скуки. Верно?

Кикаха кивнул.

— Ты просто глупый леблябий! — заорал тоан.

Все тело его внезапно залилось краской, лицо перекосилось от ярости. Он погрозил Кикахе кулаком и плюнул. В уголках рта закипели крошечные пузырьки, сорвались вниз слюной и закипели снова. Глаза налились кровью; артерии на лбу разбухли, точно кобры, готовые выбросить жало. Он бешено стукнул лбом по прозрачному экрану, потом еще и еще.

Услышав крик тоана, Кикаха изумленно вскочил с кресла и отпрянул. Но теперь он подошел поближе, пристально разглядывая врага. Из разбитого лба хлестала кровь, заливая лицо властителя и экран. Рыжий Орк был сейчас не рыжим, а красным — Красным с большой буквы. Да, он прославился на все вселенные красной кровью, которую проливал не скупясь, но не менее знамениты были и приступы ярости Рыжего Орка. Они случались нечасто, поскольку тоан прекрасно умел владеть собой. Но уж если он давал себе волю, гнев его был ужасен.

«Ей-Богу, он вполне достоин звания дедушки всех фурий», — подумал Кикаха.

Если правду говорят, что детские обиды до старости живы, то сейчас из души тоана рвется наружу вся накипевшая боль. Обычно долгоживущие тоаны помнили только самые значительные события собственного прошлого, но Рыжий Орк никогда не забывал своего детства — ненависти к отцу, любви

к матери и того горя, которое причинила ему ее смерть. А также других разочарований и поражений. Их не могли стереть из памяти даже его многочисленные победы.

Наблюдая за тоаном, который начал раздирать себе ногтями лицо, не переставая при этом вопить, Кикаха недоумевал, почему Рыжий Орк не испробовал какую-нибудь систему психического лечения. А может, пробовал, да безуспешно?

Внезапно Рыжий Орк рухнул на пол, покатился и с силой врезался в стену. Откатился назад, к противоположной стене — и стукнулся в нее. Вопить он, правда, перестал, но кровь хлестала из ран и ссадин на лице, груди, животе и ногах, отмечая его путь кровавыми дорожками.

Также внезапно он замер, лежа на спине и судорожно втягивая воздух ртом, точно рыба, выброшенная на берег. Руки и ноги раскинуты буквой Х, глаза бездумно уставились в потолок.

Мощная грудь тоана, ходившая ходуном, стала вздыматься чуть медленнее.

— Ну что, приступ прошел? — спросил Кикаха.

Рыжий Орк ничего не ответил, просто поднялся на ноги. Лицо его сплошь было залито кровью. Целую минуту он молча смотрел Кикахе в глаза, потом спокойно проговорил:

— Я знаю, что ты собираешься мне предложить. Ты сохранишь мне жизнь, если я расскажу Анане всю правду.

Кикаха кивнул.

— Мне нужно время, чтобы подумать, — заявил тоан.

— О'кей. Даю тебе десять секунд.

На мгновение Кикахе показалось, что Рыжий Орк опять впадет в буйство. Губы тоана крепко сжались, в глазах сверкнули бешеные искры. Но, сделав глубокий вдох, он с улыбкой сказал:

— Я уже целую неделю об этом думаю. Ладно, вот тебе мой ответ. Нет, я не скажу Анане правду.

— Я так и знал, — сказал Кикаха. — Но у меня есть и другое предложение. Если ты его примешь, то избежишь пожизненного заключения. Однако сделаю я тебе это предложение или нет — зависит от твоего ответа на мой вопрос. Ты сохранил воспоминания Ананы? А если да, то можешь ли ты вернуть ей память?

ГЛАВА 19

Рыжий Орк сидел недвижно, не сводя глаз с точки в нескольких дюймах от головы Кикахи. Раз он не дал ответа сразу, значит, решил тщательно взвесить все «за» и «против»

Кикаха попытался угадать ход его мыслей. Рыжий Орк знает, в состоянии ли он вернуть Анане память. Значит, думает он о том, солгать или сказать правду. Если даже память можно вернуть, тоан все равно способен ответить «нет». И хотя такой ответ обречет его на пожизненное заточение, Кикаха ведь сумел найти выход из клетки Дингстета. А что по плечу леблябию, то и Рыжему Орку под силу.

Если он скажет «да», то операцию по восстановлению памяти будет производить он сам, поскольку никто больше не умеет обращаться с этой техникой. Тогда Анана окажется в его власти и он сможет убить ее электрическим разрядом или как-нибудь еще. Но ему не придется насладиться плодами своей мести, ибо через несколько секунд он будет мертв.

— Нет, — сказал наконец тоан. — Я не могу вернуть ей память. Даже если бы ее можно было сохранить, потребовался бы громадный архив, размером с планету Зазеля. Да и то я не уверен. Разрушать куда легче, чем творить.

— Тебе виднее, — заметил Кикаха. — Ведь именно ты лишил Анану памяти. Но то, что ты сделал с ней, я могу повторить с тобой. Как тебе перспективка, а?

Тоан невольно вздрогнул.

— Я позабочусь о том, чтобы аппарат стер тебе память до пятилетнего возраста, — продолжал Кикаха. — Говорят, если только слухам можно верить, ты был в то время чудесным ребенком. Таким образом ты останешься в живых — по крайней мере, я надеюсь — и получишь второй шанс. Я не запру тебя в камеру, но запрещу выходить из дворца. Или поселю где-нибудь еще, под строгим надзором, пока на все сто процентов не уверюсь в том, что ты действительно невинный сосунок.

А может, лучше вернуть тебя в трехлетний возраст? Или даже двухлетний? Так нам будет легче сформировать из тебя другую личность. Твои деструктивные наклонности можно будет повернуть в созидательное русло. Как видишь, порой творить так же просто, как и разрушать.

— Тысячелетние познания и опыт — все погибнет, — пробормотал Рыжий Орк.

Кикаха ожидал новой вспышки ярости, но, видно, первая порядком истощила тоана.

— Познаний Ананы ты не пожалел.

Тоан глубоко вздохнул, посмотрел на потолок, потом уставился Кикахе в глаза:

— Ты кое о чем позабыл. Я один умею обращаться с машиной, стирающей память.

— Я помню, — отозвался Кикаха. — Тебе введут в вену гипнотическое средство, и ты как миленький ответишь на все вопросы.

— Со мной этот номер не пройдет, — улыбнулся тоан. — Я знаю несколько умственных приемов, которые мгновенно блокируют любые ваши гипнотические средства.

— Я не задумываясь подвергну тебя таким пыткам, что ты будешь просто счастлив выложить мне все подробности о том, как управлять аппаратом. Правда, я редко прибегаю к пыткам — только когда речь идет о спасении жизни. Надеюсь, ты мне веришь?

— Ты своему слову хозяин, — съязвил тоан. — Но чью жизнь ты собираешься спасать, подвергнув меня пыткам?

— Твою, — усмехнулся Кикаха. — Хотя мне не придется тебя мучить. Я припрятал в рукаве еще одну карту. Так что страданий можешь не бояться — физических, я имею в виду. Хрууз сумеет разобраться в том, как работает твой аппарат.

На сей раз пришел черед усмехаться тоану:

— Я давно предвидел появление какого-нибудь умника вроде хрингдиза. Аппарат не включится, пока не идентифицирует меня в качестве оператора. Он сверит частоту голоса и образчик интонаций. Ему также понадобятся отпечатки моих пальцев, глаз, запаха и маленький кусочек кожи, чтобы прочесть мою ДНК. А кроме того, он потребует кодовую фразу, хотя ее вы сможете вырвать у меня под пытками. Но это не обязательно. Я вам и так ее скажу, не жалко.

— А дальше? — спросил Кикаха.

— Ага! Ты уже догадался, что это не все! Правильно догадался. Если аппарат включу не я, то через некоторое время в нем взорвется парочка внутренних деталей. Взрыв уничтожит машину, а заодно аннигилирует все в радиусе трехсот футов и вызовет серьезные разрушения в радиусе следующих трехсот.

— Да, это серьезно, — согласился Кикаха. — То есть ты создал самоуничтожающуюся систему исключительно для того, чтобы твои клоны не могли ею воспользоваться, верно?

— Ну и долго же до тебя доходит, идиот!

— Этот идиот сумеет перехитрить твою систему, — сказал Кикаха. — Ты утаил от меня еще одну подробность, с помощью которой машина тебя распознает. Нечто, отличающее тебя от клонов. Но ты мне расскажешь об этом, когда боль станет совсем нестерпимой. Как я уже говорил, пыток я не люблю, но иногда к ним прибегаю. Этот инструмент практически не дает осечки.

— Информацию ты получишь, да только воспользоваться ею не сможешь. И даже если ты посадишь оператором Ашателона или Вематола, аппарат все равно взорвется. — Рыжий Орк немного помолчал. — Мои сыновья могли бы управлять аппаратом, если бы не одно непреодолимое препятствие. Я расскажу тебе о нем, поскольку мне совсем не улыбается взлететь на воздух вместе с вами. Дело в том, что машину нельзя заставить стереть мне память. Даже я не могу этого сделать. Если я введу в аппарат такую команду, он тут же взорвется. Машина отличает меня от клонов по возрасту. Клоны гораздо моложе меня. И как только аппарат обнаружит эту разницу, сработает взрывной механизм.

— Что-то я не пойму, — протянул Кикаха. — Клетки в твоем теле обновляются каждые семь лет, как и у клонов. Как же машина уловит разницу?

— Очень просто. Перед стиранием аппарат просканирует мою память и таким образом убедится, что я — это я, поскольку у клонов память короче. Тут я бессилен что-либо изменить. Я не могу изъять эту цепь так, чтобы машина не взорвалась. Такая в нее вложена команда, и я не в силах ее отменить. — Рыжий Орк встал. — Все, я устал. Отправь меня обратно в камеру.

Кикаха тоже поднялся с кресла:

— Уже уходишь? А мне с тобой было так интересно!

Рыжий Орк встал в круг, очерченный на полу, ожидая, пока его отправят через врата в темницу. Напоследок он крикнул:

— Послушай моего совета, Кикаха! Присматривай за Хрузом! Не доверяй ему!

Выходя из комнаты, Кикаха вынужден был признаться себе, что зашел в тупик. Ситуация напоминала временную ничью. Рыжий Орк оказался упрямее дохлого осла. Ему предложили гораздо больше, чем он заслуживал, но этот ублюдок согласен был скорее умереть, чем лишиться памяти, то есть своего драгоценного «я».

Кикаха пошел в центр управления — громадную комнату с очень толстым ковром, на котором виднелись бессчетные математические формулы. У контрольной панели с мириадами приборов и индикаторов сидел Хрууз. Он развернулся вместе с креслом и поглядел на Кикаху:

— Похоже, тебе придется либо убить его, либо держать в заточении до смерти.

— Держать его взаперти — не лучший выход. За те тысячелетия, что он еще проживет, ему удастся придумать способ

побега. А мне невыносима одна мысль о том, что он будет разгуливать на свободе.

— Я предлагаю тебе прекратить его страдания.

— Страдания?

— Да. Порой Рыжий Орк вполне спокоен — так мне, во всяком случае, говорили — и живет в мире с самим собой, пока ощущает свое превосходство над другими людьми. Тогда он бывает даже добр и верит в свою божественную сущность. Но это чувство преходящее. Он не может удержать его, не может стать спокойным и безмятежным по-настоящему, и это его терзает. Он не может принудить людей полюбить себя, хотя сам того не сознает, ибо потребность в любви скрывается глубоко в его подсознании. Под любовью в данном случае я не подразумеваю секс или страсть. Он прожил много тысячелетий, но так и не научился жить в мире с собой и с людьми. Его довели до безумия окружающие, в которых сам он вызвал ненависть к себе.

А теперь ему предлагают возможность покончить с безумием, начать все сначала. Но, невзирая на все страдания и боль, он любит свое безумие. Он не может от него отказаться. Рыжий Орк считает себя сильной личностью, и во многих отношениях справедливо. Но в каком-то смысле он слабак, хотя именно слабаков он презирает больше всего.

Кикаха громко рассмеялся:

— Благодарю вас, доктор Фрейд!

— Как ты меня назвал?

— Не бери в голову. Ты хоть и не человек, но отлично разбираешься в человеческой психологии.

— Я убежден, что между двумя видами разумных существ не может быть кардинальной разницы. Как, впрочем, и между отдельными особями внутри одного вида.

— Возможно, ты прав. И все же факт остается фактом: я предложил Рыжему Орку самое мягкое наказание, учитывая все, что он натворил. А он не соглашается его принять. Такие дела.

Хрууз закатил свои огромные глазищи к потолку. Кикаха не мог понять, что это означает. Презрение? Недоумение по поводу загадочности человеческой натуры?

— Рыжий Орк хотел посеять в твоей душе сомнения на мой счет, — сказал Хрууз. — Надеюсь, ты понимаешь, что все его инсинуации — сплошная ложь.

— Ну конечно! Мне его намерения ясны, — откликнулся Кикаха. — Его хлебом не корми — дай только подложить кому-нибудь свинью.

«Чертов Рыжий Орк! — подумал он про себя. — А ведь он просто вытащил из глубины моего подсознания червей сомнения, что давно уже там кишели. Подозрение точит мой мозг постоянно — и все-таки у меня не было никаких оснований подозревать Хрууза в дурных намерениях. Не было и нет. Нужно просто выкинуть совет Рыжего Орка из головы... Хотя ведь и Манату Ворсион говорила что-то в том смысле, что я слишком доверяю Хруузу. Правда, она тут же признала, что для подобного замечания у нее нет оснований. С другой стороны, не стоит доверять никому, пока не пройдешь с ним огонь и воду... и даже когда пройдешь.

Обычно я подозреваю всех и каждого так же естественно, как дышу. Но у Хрууза такие веские основания для ненависти к властителям, что сомневаться в ней просто грешно. А может, он ненавидит не только тоанов, но и всех людей? Может, он такой же безумец, как и Рыжий Орк, просто лучше скрывает свои чувства? Да нет, Хрууза мне не в чем обвинить. Просто не в чем.

Ну а если он все-таки затевает какую-нибудь пакость? Как узнаешь? Откуда мне знать, что он думает и чувствует на самом деле? Я мог бы его заточить, убрать с дороги — но мне без него не обойтись, да и потом будет крайне несправедливо сажать его в темницу без всяких оснований.

О! Идея! Попрошу его пройти проверку на детекторе лжи! Нет. Он наверняка способен обмануть машину или наркотик правды с помощью ментальных приемов. Если Рыжему Орку это под силу, то Хруузу и подавно. К тому же его метаболизм и нервные реакции, скорее всего, отличаются от человеческих, и результаты проверки будут некорректны. И вообще, если я обращусь к нему с подобной просьбой, то тем самым нанесу смертельную обиду. Я просто не могу этого сделать. А может, нужно через "не могу"?»

Он взглянул на Хрууза, пытаясь разгадать, что творится в голове этого кузнечика.

— Когда ты собираешься казнить Рыжего Орка? — спросил Хрууз.

— Не знаю, я еще не решил. Его, конечно, нужно казнить. Но я ненавижу убивать — это моя слабость, — а убить мне его придется самому: нажать на кнопку и пустить в камеру газ или как-то по-другому, неважно. Я не стану поручать это кому-то еще. Так поступают только трусы.

— Не согласен, — откликнулся Хрууз. — Разве ты собственноручно убиваешь животных, которых подают тебе на обед?

— Как правило, да, хотя в чем-то ты прав. Но не совсем. Рыжий Орк не животное, что бы о нем ни говорили. Даже

несмотря на то, что он собирался убить меня и съесть, как будто я животное.

— Надеюсь, ты решишь свою дилемму, — сказал хрингдиз. — А я, пожалуй, вернусь на время в свой мир.

Предупреждение Рыжего Орка вспыхнуло у Кикахи в мозгу, точно чья-то рука рванула струны арфы. В этой мелодии пронзительным диссонансом звенели ноты подозрения. Чертов Рыжий Орк, чтоб ты провалился!

— Зачем? — как можно спокойнее проговорил Кикаха.

— Как ты знаешь, я пытаюсь раскрыть коды Рыжего Орка, чтобы проникнуть в секретные файлы компьютера. Надеюсь найти там базы данных, которые позволят нам сконструировать свою машину для стирания памяти. Если получится, мы сможем превратить его в невинное дитя и избежать необходимости убийства. Но есть и еще одна, не менее важная причина. Возможно, Рыжий Орк все-таки сохранил память Ананы, а тебе просто наврал. Хочу поискать в базах данных. Как знать, может, нам удастся вернуть ей память?

Кикаху так захватила эта мысль, что все подозрения тут же рассеялись, как стая птиц при звуке выстрела. В конце концов, с чего он взял, что у хрингдиза есть какой-то зловещий тайный умысел? Вздор, да и только! В сражении с Рыжим Орком Хрууз был незаменим. И вообще он славный парень, несмотря на свою чудовищную внешность.

— Ты и правда так думаешь? — спросил Кикаха.

— Все возможно. Мы должны испробовать все шансы, даже если они потребуют длительных усилий. Ради такого дела не стоит жалеть ни времени, ни сил.

— Да я тебя сейчас расцелую! — воскликнул Кикаха.

— Пожалуйста, если это доставит тебе удовольствие.

— Ну... я не имел в виду буквально, — растерялся Кикаха. — Я просто хотел сказать, что безумно тебе благодарен.

— Но мне нужно вернуться на мою планету, — невозмутимо продолжал хрингдиз. — Там у меня колоссальный архив информации, как унаследованной от предков, так и захваченной у тоанов. Я даже не знаю толком всего, что там есть. Возможно, в архиве мне удастся найти не только способ расшифровки кодов Рыжего Орка, но и данные о том, как построить аппарат для стирания памяти. Кто знает?

К тому же наш друг, Эрик Клифтон, наверное, жутко скучает в одиночестве. Я переброшу его сюда — пускай побудет в человеческой компании.

— Да, но... — начал было Кикаха и умолк.

— Что? — спросил Хрууз.

— Так, ничего.

— Я заметил, что когда вы, люди, говорите «ничего», то в уме при этом часто держите нечто.

— Ты очень наблюдателен, — сказал Кикаха. — Но в данном случае мне просто стукнула в голову одна мысль, не имеющая отношения к нашему разговору. Кое-что мне надо было сделать, а я забыл, вот и все.

Подозрительность Кикахи была подобна мусорному мешку, выброшенному на пляже в море. Вот он уже почти пропал из виду — и вдруг приливная волна выносит его и швыряет тебе прямо под ноги.

— Это чертовски любезно с твоей стороны, что ты так внимателен к чувствам Клифтона, — снова заговорил Кикаха, — но мне бы хотелось, чтобы он пока остался с тобой.

— Почему?

Кикаха замялся, но только на секунду.

— Клифтон, конечно, не сможет помочь тебе с компьютером. Но он пригодится тебе — хотя бы для компании. К тому же Клифтону ты по душе. И, я уверен, ты многому сумеешь его научить, ведь он умен и очень любознателен.

«Слабо и неубедительно! — подумал Кикаха. — Но на большее я сейчас не способен. Надеюсь, мои слова не выдадут Хруузу, что я его подозреваю».

— Хорошо, — сказал Хрууз, — пускай остается. Мне нравится Клифтон, я с удовольствием побуду в его компании. Правда, сам он, наверное, скучает по себе подобным, потому-то я и хотел перебросить его сюда. — Он помолчал немного и добавил: — Спасибо, что ты заботишься обо мне — о том, чтобы мне не было одиноко.

— Не за что, — ответил Кикаха.

Поведение хрингдиза явно не свидетельствовало о том, что он стремится избавиться от Клифтона. Впрочем, если Хрууз задумал что-то недоброе — хотя с какой стати? — то он просто убьет ни о чем не подозревающего англичанина, и вся недолга.

— Я хотел бы вернуться прямо сейчас, чтобы приняться за работу, — сказал Хрууз. — Не терпится поскорее решить эту проблему!

Он нажал кнопку на пульте управления и встал с кресла. Атмосфера в комнате внезапно накалилась, точно по ней пробежал эмоциональный разряд. Хрууз улыбался, но от этого отнюдь не выглядел менее зловещим. Впрочем, он выглядел таким всегда, независимо от выражения лица. Щупальце на кончике языка извивалось; тело застыло в напряженной позе. Словно лев, который дремал и вдруг почуял присутствие

другого льва, подумал Кикаха. Он готов защищать свою территорию, готов наброситься на вторгшегося чужака.

Но заговорил хрингдиз вполне спокойно:

— По-моему, ты делаешь из мухи слона. Я чувствую твою необъяснимую враждебность. Мне до сих пор не совсем понятны все выражения человеческих лиц и оттенки интонаций. Но чудится мне, что ты — как бы это выразиться? — подозреваешь меня в чем-то. Или я не прав?

— Ты прав, — сказал Кикаха, выхватив из кобуры лучемет и прицеливаясь в Хрууза. — Возможно, я допускаю грубую ошибку, сомневаясь в чистоте твоих намерений. Если так, я извинюсь. Потом. Но ставки сейчас слишком высоки, чтобы я мог позволить себе рисковать. Придется тебе посидеть взаперти, пока я разберусь, прав я или нет. Позже я все объясню. — Он махнул лучеметом: — Ты знаешь, где находятся врата, ведущие в спецкамеры. Я буду у тебя за спиной, так что не делай глупостей. Если попытаешься сбежать, я буду точно знать, что ты виновен.

— В чем? — спросил Хрууз.

— Иди!

Они пошли к двери. Но Хрууз, вместо того чтобы идти по прямой, уклонился на несколько футов влево. Кикаха громко крикнул:

— Стой!

Хрингдиз сделал еще два шага, остановился и начал поворачиваться. Кикаха напряг палец, лежавший на спусковом крючке. Регулирующий мощность рычажок стоял чуть дальше отметки «парализующая мощность», поскольку для Хрууза, как рассудил Кикаха, разряд потребуется посильнее, чем для человека.

Поворачиваясь к Кикахе лицом, Хрууз сказал что-то на своем родном языке. И исчез.

Кикаха остолбенел от изумления. Потом, очухавшись, с горечью треснул себя по лбу:

— Кодовое слово! Вот что он сказал! Боже праведный, он поставил тут врата! Ну и пройдоха! Меня не так-то просто одурачить, но...

Хрингдиз установил врата в петле, символизирующей вечность, — в лежачей восьмерке, нарисованной на ковре. Ступив в нее, он произнес кодовое слово и сейчас, скорее всего, уже находится в неприступной подземной крепости у себя на планете.

Ну все, Клифтону конец. Хрууз расправится с ним немедля.

Кикаха зашагал к контрольной панели и объявил всеобщую тревогу, после чего приказал Вематолу и Ашателону

появиться на ближайшем экране. Через минуту на него воззрились два одинаковых лица. Кикаха рассказал клонам о происшествии. Оба, похоже, встревожились. Вематол, отличавшийся от брата лиловой головной повязкой, спросил:

— Что, по-твоему, он задумал?

— Не знаю, — ответил Кикаха. — Слушайте! Он может вернуться в любую минуту. Способен кто-нибудь из вас установить односторонние выходные врата, покрывающие в центре управления весь пол? Тогда он не сумеет сюда проникнуть.

— Мы оба можем это сделать.

— В таком случае бегите сюда и за работу!

Ашателон — в зеленой головной повязке и зеленых сапогах — появился первым. Через пару секунд в центр управления вбежал его брат.

— Хрингдиз мог установить врата и в других помещениях дворца, — запыхавшись, выпалил Ашателон.

— Я знаю, но мы же не в состоянии заблокировать полы во всех залах! Или я ошибаюсь?

— Это возможно, только потребует времени. Но тогда все врата, которыми мы пользуемся, окажутся закрыты. Ты не сможешь передать моему отцу еду, например. Хотя, если он сдохнет с голоду, я буду только рад.

— А кроме того, — вмешался Вематол, — Хрууз мог установить врата и в стенах. И даже в потолках.

— Закройте только пол в этой комнате, — распорядился Кикаха. — Но по-быстрому, не тяните!

Братья уселись за пульт. Кикаха вызвал капитана стражи и обрисовал ему ситуацию.

— Поставь своих людей в круглосуточный караул. Работайте в три смены. Если появится хрингдиз, пристрелите его.

Кикаха сомневался в том, что Хрууз скоро вернется назад. Он подозревал, что чешуйчатый отправится в мир Зазеля, чтобы заполучить данные о машине творения-разрушения, которую жаждет прибрать к рукам не меньше Рыжего Орка. Такое предположение казалось Кикахе вполне правдоподобным, хотя почему — он и сам бы не мог объяснить. Но в то, что хрингдиз способен уничтожить все вселенные, кроме одной, Кикахе как-то не верилось.

Если Хрууз это сделает, он станет самым одиноким созданием на свете. Правда, не исключено, что он сумеет сотворить себе клонов, а потом часть из них переделает в особей женского пола. А может, у него в архивах есть данные, позволяющие изменять клонов? Тогда ему ничего не стоит создать генетически разное население.

Ладно, так можно гадать до бесконечности. А время не ждет.

Кикаха записал на кубик сообщение для Манату Ворсион и отправил гонца ко вратам, соединенным с ее планетой. Возможно, она поддержит его идею о вторжении во вселенную Хрууза. Кикаха просто не мог сидеть и ждать атаки хрингдиза. «Лучшая защита — это нападение» — таков был его девиз. Когда гонец вернулся и доложил, что кубик отправили через врата, клоны как раз закончили блокировку пола в центре управления.

— На приборы контрольной панели это не повлияет, — сказал Вематол.

Кикаха, убедившись, что все возможное на данный момент сделано, прошел через дворцовую анфиладу к комнатам Ананы. На входной двери, ведущей в ее покои, висел громадный монитор. Кикаха назвал свое имя. Экран ожил. Кикаха увидел, как Анана мечется по своей комнате взад-вперед прямо возле двери. Словно тигрица в клетке, подумал он, только еще прекраснее. Эта мысль исторгла из груди Кикахи слабый стон. Кто бы мог подумать, что придет день, когда его возлюбленная готова будет растерзать его в клочья?!

Кикаха попросил позволения войти. Анана остановилась и повернула к нему искаженное гневом лицо.

— К чему весь этот фарс? Меня тошнит от твоей вежливости и напускной заботы! Ты здесь хозяин! И можешь делать все, что пожелаешь!

— Верно, — сказал он. — Но я ни в коем случае не причиню тебе вреда. Правда, пока я не могу доверять тебе. Я должен отлучиться по делам. Мне некогда объяснять тебе ситуацию, да и не к чему, поскольку ты все равно мне не веришь. Я вынужден перевести тебя в специальную камеру, для твоей же безопасности. Когда-нибудь, надеюсь, ты поймешь. Вот, собственно, и все.

Вообще-то сначала Кикаха намеревался зайти к ней в комнату и поговорить с глазу на глаз. Но потом передумал. Он подошел к другому стенному экрану и вызвал Вематола с Ашателоном.

— У меня появился совсем новый план, — сказал он. — Вот что вы должны сделать немедля. Транспортируйте Анану через врата в камеру номер три. Подберите четырех верных служанок, пускай снабжают водой и пищей ее и Рыжего Орка, пока нас не будет. Стражников отпустите в оплачиваемый отпуск, оставьте только пятьдесят человек. Оставшиеся — и постарайтесь выбрать самых надежных — пусть продолжают нести круглосуточную вахту. Когда все будет готово, закройте дворец, заприте все ворота и все окна на первом

этаже. Даю вам два с половиной часа. А потом приготовьтесь к путешествию в мир Зазеля.

Клоны запротестовали — мол, слишком мало времени, они не успеют, — но Кикаха резко оборвал их протесты.

— Выполняйте! — бросил он и выключил экран.

Через десять минут Кикаха отправил еще одно послание Манату Ворсион, в котором сообщил ей об изменении ситуации и о том, что Анана переведена в надежную камеру. В назначенный срок Ашателон и Вематол явились, как было велено, на одноместных воздушных флаерах.

— В дорогу! — сказал Кикаха и поднес к губам рог.

ГЛАВА 20

Они ожидали, что Дингстет оживит планету, но мир Зазеля был так же мертв, как и в прошлый раз. Правда, кое-какие отличия имелись. Кто-то, например, взорвал в туннеле кусок стены. Новое отверстие вело в большущую пещеру с живыми растениями и животными. Там же находился и жилой уголок с мебелью, домашней утварью, кухней и ванной. Очевидно, здесь жил Дингстет, но никаких следов борьбы не было видно.

— Хрууз побывал тут, — сказал Кикаха, — и захватил Дингстета, несмотря на все его ловушки. Хрингдиз не стал их обходить — просто попер напролом, сметая все на своем пути. Стало быть, мы отправляемся на планету Хрууза.

— Элиниттрия! — воскликнул Вематол. — Как мы туда попадем? И стоит ли вообще соваться в его логово?

— Нет, — ответил Кикаха, — не стоит, если хочешь жить вечно. Но попасть туда будет нетрудно. Великая Праматерь объяснила мне, как это сделать. Проход на планету Хрууза свободен.

Они полетели обратно к первому кресту, которым отметили точку своей высадки. Здесь Кикаха трижды протрубил в рог. Манату Ворсион устроила так, что тройной сигнал у этих врат открывал проход в мир Хрууза. Кикаха понятия не имел, как ей это удалось, но вообще-то Великая Праматерь многое умела. И теперь с удовольствием применяла на практике знания, накопленные в течение бесчисленных тысячелетий.

Предупредив спутников, чтобы были начеку — хотя они в таком предупреждении и не нуждались, — Кикаха повел их через врата. Они очутились в подземном лабиринте, но до крепости хрингдиза отсюда было еще далеко. С помощью детектора, присланного Великой Праматерью через врата несколько дней назад, Кикаха определил, где расположено

скопление врат, и полетел в ту сторону. Хотя Хрууз полагал, что закрыл все врата, они оставляли на индикаторе слабое свечение, и таким образом их можно было обнаружить. Великая Праматерь и впрямь позаботилась обо всем.

Путники приготовились к встрече с ловушками в виде взрывов, смертоносных газов или врат, которые перебросят их в замкнутую цепь либо в заброшенную вселенную. Ничего подобного на пути не оказалось. Хрууз, похоже, был уверен, что никто не сможет проникнуть в его крепость без позволения. Наконец, обыскав комнаты чешуйчатого и найдя их пустыми, троица добралась до входа в центр управления Хрууза.

Кикаха вошел туда первым и остановился. Клоны приблизились к нему и уставились на пятна засохшей крови прямо перед главным пультом. Футах в пятидесяти от пятен Кикаха увидел тело. Клифтон лежал на полу ничком. В вытянутой руке был зажат лучемет. Видно, Хруузу не удалось застать его совсем уж врасплох.

Кикаха подошел к лежащему, отметив, что между пятнами и телом не было никаких кровавых дорожек. Встав на колени, он прижал палец к шее Клифтона. Пульса нет. Чего и следовало ожидать. На Клифтоне была только шотландская юбка, сандалии и пояс с кобурой. Сзади на левой руке зияла обожженная дыра, и еще одна, точно такая же — внизу, возле позвоночника. В него дважды попали узконаправленным лучом.

Кикаха перевернул англичанина. Две раны спереди соответствовали дырам на спине и руке.

— Хрууз, должно быть, чертовски торопился, — сказал Кикаха, вставая. — Ему даже не хватило времени, чтобы избавиться от тела.

Он приказал Вематолу отнести труп подальше и дезинтегрировать его из большой катерной пушки. Тоан надел кислородную маску и потащил покойного из комнаты. Кикаха же вернулся к пятнам перед контрольной панелью и внимательно их осмотрел.

— Клифтон успел-таки выстрелить перед смертью. Похоже, Хрууз ранен, хотя и не слишком серьезно. — Опустившись вновь на одно колено, Кикаха обследовал края пятен. — Эй! Да здесь же отпечаток передней части ступни! Не человеческой, но и не Хрууза! Дингстета, не иначе! Он стоял рядом с Хруузом, когда началась пальба!

Ашателон тоже склонился к отпечатку:

— Ты прав. Интересно, Дингстет пришел с Хруузом по доброй воле или как пленник?

— Очень сомневаюсь, чтобы по доброй воле.

— Но зачем Хруузу понадобилось брать с собой Дингстета? — недоуменно спросил Ашателон. — Если Дингстет выполнил твой приказ, так он давно уже стер все данные о машине творения... — Он умолк и вдруг воскликнул: — А, понимаю! Кажется, понимаю! Данные стерты из памяти компьютера, но они могли остаться у Дингстета в мозгу!

Кикаха кивнул:

— Да, это я прошляпил. Мне надо было сразу сообразить. Я же не спрашивал Дингстета, хранит ли он информацию о машине в своей памяти, вот он ничего и не сказал. Хрууз оказался умнее. Возможно, он подумал об этом еще тогда, когда мы были в плену, но промолчал.

— Он жаждет мести, — сказал клон. — Он собирается сделать то же, что хотел мой отец! Уничтожить все вселенные, кроме одной!

— Точно мы этого не знаем, — заметил Кикаха. — Но, возможно, ты прав. Мы возвращаемся во дворец, только сначала нужно повидаться с Манату Ворсион. Как бы скверно ни складывались дела, она наверняка захочет присоединиться к нам. Думаю, Хрууз уже в замке. Он ожидает, что мы погонимся за ним по пятам. Быть может, в такой спешке он и не успеет подготовить нам достойную встречу. Будем надеяться. Но нам в любом случае придется сделать крюк и завернуть к Манату Ворсион.

Если великаншу и удивило внезапное появление гостей, то вида она не подала. Как только ей рассказали о последних событиях, Великая Праматерь сказала:

— Я иду с вами. Долгие тысячелетия я не покидала свой мир, но сражаться еще не разучилась. Я буду готова через несколько часов. А вы пока подкрепитесь. Вам нужно поесть и немного отдохнуть.

Что она делала все это время, Кикаха и клоны не знали. Но когда Манату Ворсион появилась перед ними, на ней был комбинезон, прозрачный шлем, перчатки и кислородный баллон за спиной. Кожаная упряжь, обхватывавшая торс, щетинилась оружием, в том числе и таким, какого Кикаха никогда не видел. За великаншей шествовали четверо слуг с обмундированием в руках. Слуги протянули амуницию Кикахе и клонам.

Настоящая богиня войны, подумал Кикаха. Даже Афина никогда не выглядела столь внушительно. Было совершенно очевидно, что великанша взяла командование на себя. Кикахе это не нравилось, но он понимал, что так лучше для всех. Рядом с ней, обладавшей тысячелетним опытом, он чувствовал себя младенцем.

— Ступайте за мной, — сказала она в шлемопередатчик. — Я отведу вас в такое место, где кроме меня никто не бывал. Там вы сможете надеть костюмы.

Они поднялись по винтовой лестнице в покои великанши. Она произнесла кодовое слово. Глиндгласса, громадное зеркало, замерцала. Кикаха шагнул сразу за хозяйкой и очутился в гигантском зале со множеством дверей. Увы, ему некогда было полюбоваться бессчетными произведениями искусства — а некоторым из них могло быть более двадцати тысяч лет — и рассмотреть во всех подробностях чучела мужчин и женщин, стоявших в разных позах с выражениями целой гаммы эмоций на лицах. Очевидно, это были враги Манату Ворсион, убитые ею в стародавних войнах. Уникальные музейные экспонаты, причем совсем не пыльные.

Великанша провела их из зала в коридор длиной по меньшей мере футов в четыреста. Не доходя до конца коридора, она свернула в ворота пятидесятифутовой высоты. За ними простирался колоссальный ангар, в котором рядами стояли самые разнообразные летательные аппараты. По команде Манату Ворсион мужчины облачились в комбинезоны. Правда, в ножнах на упряжи у них оказалось лишь знакомое им оружие: лучеметы, ручные гранаты и ножи. Великанша показала им, как вставить шлемы в металлические кольца наверху комбинезонов и закрепить их крохотной защелкой на ободке. В шлемы были встроены приемопередатчики. Манату Ворсион объяснила также, как пользоваться кислородными аппаратами. Надев шлемы, они слушали ее голос уже через приемники.

Через минуту вся четверка взошла на борт судна с прозрачным куполом, похожего на дирижабль без оперения, с башнями вверху и внизу. Великанша показала, куда кому сесть и как управляться с большими вращающимися лучеметами, расположенными на судне таким образом, чтобы можно было стрелять из любой его части. Потом быстро проинструктировала, как обращаться с выдвижными башнями, и указала на шесть складных одноместных катеров, прикрепленных к корпусу судна:

— Они управляются точно так же, как ваши флаеры, на которых вы передвигались в мире Зазеля. Будьте готовы воспользоваться ими.

Великанша села в пилотское кресло и коротко рассказала о назначении основных и самых простых контрольных приборов. После чего трое мужчин заняли свои места и пристегнулись к вращающимся креслам возле лучевых пушек. Вематол сел у нижней башни, Ашателон — у верхней. Кикахе досталась хвостовая пушка. Он предпочел бы пилотское крес-

ло или, на худой конец, верхнюю башню. Но Великая Праматерь распорядилась иначе. Как и прочие члены экипажа, Кикаха за десять минут ознакомился с принципом управления башней и лучеметом. А потом Манату Ворсион подняла судно в воздух и тихонько повела его к задней стене ангара. Дирижабль прошел через невидимые врата, не выдавшие своего присутствия даже мерцанием.

На мгновение они очутились на высоте, по прикидкам Кикахи, пяти тысяч футов. В чистом голубом небе ярко светило солнце, внизу расстилались безбрежные леса. Была ли то планета Манату Ворсион или какой-то совсем другой мир? Потом они вдруг оказались глубоко под водой, сквозь толщу которой еле пробивался свет. А еще через минуту судно вновь летело в воздухе, на сей раз безлунной ночью.

Прародительница всего сущего отлично умела заметать следы, не давая врагам обнаружить подходы к ее вратам.

Кикаха увидел знакомые созвездия — те самые, что светили ему каждую ночь во дворце Рыжего Орка. Корабль летел над Землей-2. Значит, атака начнется снаружи, а не внутри особняка.

В шлеме раздался голос Манату Ворсион:

— Через две минуты мы будем во дворце! Если сможете, берите Хрууза живым! Он для нас источник ценной информации и к тому же последний представитель своего вида. Возможно, он планирует уничтожить все живые существа во вселенных. В своем безумии он не виновен, но это его не извиняет.

Мы, тоаны, не в силах возместить ему то, что сделали с его народом. И тем не менее мы не должны поддаваться сейчас сожалению или чувству вины. Если другого выхода не будет, убейте его!

Прошла минута.

— Мы на месте! — крикнула Манату Ворсион.

Ночное небо исчезло. Судно парило в просторной, ярко освещенной столовой для стражи и слуг. На полу валялось около сорока трупов охранников, изуродованных лучевыми выстрелами. Возле стола лежали три мертвые служанки, оставленные Кикахой для того, чтобы они снабжали едой Анану и Рыжего Орка. Перевернутые стулья и полупустые тарелки свидетельствовали о том, что людей застали врасплох во время обеда. Десять оставшихся стражников либо сбежали из дворца, либо лежали где-то мертвые, либо попрятались.

Сигнализационная система, которую почти наверняка установил Хрууз, уже предупредила его о появлении врагов, подумал Кикаха.

Дверь столовой оказалась такой громадной, что судно смогло протиснуться в нее, несмотря на башни вверху и внизу. На стенах, на полу и потолке — везде чернели следы от выстрелов лучемета. Судно вынырнуло в следующей комнате. Почти такая же картина — черные пятна и обгорелые или изуродованные трупы, на сей раз пяти стражников.

Кикаха услышал голос Манату Ворсион:

— Четвертую служанку Хрууз, очевидно, оставил в живых для допроса. Он заставит ее сказать кодовые слова, чтобы послать подарочек в камеры Ананы и Рыжего Орка.

Кикаха заскрипел зубами. Чешуйчатый мог впустить газы или бросить взрывчатку даже сквозь малые врата для передачи пищи. А если хватит времени, Хрууз вполне способен догадаться, как расширить врата, чтобы через них мог пройти человек. В том случае, конечно, если узники ему зачем-либо понадобятся.

Представив себе эту сцену, Кикаха облился пóтом и тихо застонал. Живое воображение — и подарок судьбы, и ее проклятие одновременно.

— ...мог это сделать, а потом возобновить допрос Дингстета, — продолжала между тем Манату Ворсион. — Возможно, Хрууз уже завладел данными о машине творения, но может быть и так, что он до сих пор выпытывает их у Дингстета. Все зависит от того, как долго он здесь пробыл.

Корабль летел теперь по коридору. Судя по царапинам на стенах и потолке, Хрууз ворвался в замок на судне примерно таких же размеров. Коридор вывел их в широкое длинное помещение с высоким потолком — зал для приема гостей, хотя Рыжий Орк никогда не давал балов. Посреди зала стоял корабль, пустой и с погашенными огнями, очень похожий на судно Манату Ворсион. Только корпус со стороны носа и кормы у него был закруглен, а днище — плоское.

— Дальше Хрууз пошел пешком, потому что коридоры для его судна слишком узки, — сказала великанша.

Она посадила корабль прямо за судном Хрууза. Вематол вылез из нижней башни, и та вдвинулась в корпус.

— Открепите флаеры, — велела Манату Ворсион.

Пока мужчины возились с воздушными катерами, великанша осмотрела судно Хрууза. Это заняло немного времени.

— Дверца заперта, — сказала она, вернувшись. — Слушайте мой план. Мы разделимся на две группы. Ты, Кикаха, вместе с Ашателоном осмотришь все близлежащие залы. А мы с Вематолом попробуем пробраться в коридор, ведущий к центру управления. Если понадобится помощь, сразу зовите нас

Великанша сказала им кодовые слова, отпирающие оба люка в большом судне и приводящие его в движение. Теперь любой из них, если ситуация потребует, сможет вернуться на корабль и поднять его в воздух. С управлением не должно быть проблем, назначение всех приборов четко обозначено.

— А знаешь, — сказал Кикаха, летя рядом с Ашателоном, — Хрууз уже вполне мог смотаться отсюда. И оставить нам в подарок бомбочку, способную разнести дворец в пух и прах.

— Да, подбодрить ты умеешь как никто, — отозвался тоан. — Оставь свои шуточки для другого раза, ладно?

Кикаха рассмеялся, хотя и не так весело, как обычно.

За двадцать минут они обыскали все комнаты и коридоры на первом этаже восточного крыла дворца. Кикаха доложил о результатах и тут же услышал голос Манату Ворсион. Они с Вематолом были на втором этаже перед дверью центра управления.

— Мы нашли четвертую служанку. Она лежит в коридоре. Все тело покрыто мелкими ожогами, глаза выжжены, голова вся изрезана. Видно, ему пришлось изрядно ее помучить, прежде чем он узнал то, что хотел. Очень храбрая женщина, хотя с ее стороны было глупо так долго хранить молчание. Она могла бы избавить себя от мучений. — Великанша сделала паузу и скомандовала: — Поднимайтесь сюда. Я подожду вас, в центр управления войдем все вместе.

Когда Кикаха с клоном поднялись на второй этаж, они обнаружили, что Манату Ворсион уже успела вырезать лучеметом из стенки дверь. Та лежала на полу, а великанша усердно выжигала в стене, футах в тридцати от дверного проема, большой круг, через который мог пролететь флаер.

— Вы вдвоем сделайте такой же круг с другой стороны от двери, на том же расстоянии! — велела она.

Выжигая круг лучами из пушек, они услышали, как часть стены, обрабатываемая великаншей, с грохотом обвалилась в комнату. Кикаха не долго думая направил свой флаер в круг, почти законченный им и клоном. Удар чуть не вышиб Кикаху из кресла — вернее, вышиб бы, не будь тот пристегнут. Стена не выдержала, и часть ее рухнула на пол.

Кикаха осторожно глянул в разлом, опасаясь выстрела из лучемета или взрыва гранаты. В просторном зале была целая уйма экранов, пультов и аппаратов непривычного вида. Кикаха доложил, что видит часть помещения: там никого нет, но сейчас он сунет голову в пролом и осмотрит весь зал. Услыхав категорический запрет Манату Ворсион, Кикаха невольно почувствовал облегчение. Неужто ему и впрямь не терпится

лишиться башки, только чтобы доказать, какой он смелый? — выругала его великанша.

— Часть зала, которая видна мне, — продолжала она, — похоже, необитаема. Сенсорные индикаторы тоже не регистрируют тепла, исходящего от тела. Хотя Хрууз мог загородиться экранами — если он там, разумеется. Влетаем все вместе, по моему сигналу. Как я уже сказала, предпочтительнее было бы только ранить его, но, боюсь, это невозможно.

Манату Ворсион подняла руку и крикнула:

— Вперед!

Кикаха нажал на педаль акселератора. Флаер рванул с места с такой скоростью, что Кикаху вдавило в спинку кресла, несмотря на амортизаторы. Влетев в зал, он резко поднял флаер вверх, заложив крутой вираж вправо, и чуть было не впилился головой в потолок, хотя от пола до него было не меньше сорока футов. Кикаха выровнял машину и включил тормозное поле. Флаер остановился так резко, что пристежные ремни больно врезались Кикахе в грудь.

Флаер Ашателона, описав дугу влево, остановился прямо напротив воздушного катера Кикахи. Машины почти соприкасались носами. Ашателон должен был затормозить уровнем ниже, но ошибся в расчетах. Однако времени на упреки не было. Кикаха сосредоточенно высматривал внизу Хрууза, но тщетно.

Увидев Дингстета, распростертого лицом вниз возле массивного аппарата у дальней стены, Кикаха издал глухой стон. Руки Дингстета были связаны за спиной. Вокруг машины и тела тянулись кровавые следы.

Хрууз, должно быть, вышел из зала раньше, чем преследователи добрались до него, или же скрылся через врата. Последнее казалось более правдоподобным. По-видимому, они ворвались в зал как раз в тот момент, когда хрингдиз собирался пристрелить Дингстета. Поскольку ему помешали, Хрууз не довел дело до конца и удрал то ли через врата, то ли в коридор.

Кикаха и его спутники подлетели к аппарату, возле которого лежал Дингстет, приземлились и вылезли из флаеров. Манату Ворсион велела Вематолу встать у двери на часах, чтобы лишить Хрууза удовольствия вернуться и застать их врасплох. Потом она вместе с Ашателоном обошла вокруг аппарата. Кикаха тем временем повернул Дингстета лицом вверх.

— Ранен в плечо и ногу, — сказал Кикаха, подняв к великанше голову. — Пульс еле прощупывается.

— Хрууз удрал буквально только что, — заметила Манату Ворсион. — Кровь еще совсем свежая.

Кикаха начал было подниматься — и вдруг потерял равновесие. Ему почудилось, будто он летит вниз на скоростном лифте. Выпрямившись, он взглянул сквозь шлем великанши в ее искаженное тревогой лицо. Она раскрыла рот — но не успела вымолвить и слова, как раздался оглушительный взрыв.

Пол вздыбился навстречу Кикахе, с силой ударил его, потом прогнулся и треснул под его упавшим телом. Смутно, словно в тумане, Кикаха заметил, как массивный аппарат съехал с места, отшвырнув Ашателона в сторону. Потом Кикаху что-то ударило в спину, и он потерял сознание. Последнее, что он слышал, был оглушительный грохот лавины и его собственный слабенький крик.

ГЛАВА 21

Боль пробудила его. Болели голова, нос, шея, спина и правый локоть. Ног, начиная от бедер и ниже, он практически не чувствовал — ощущал только придавившую их тяжесть. Сквозь шлем, припорошенный тонкой пленкой белой пыли, был виден развороченный пол. Большая трещина проходила прямо под Кикахой. Нос его приплюснуло к шлему. Облизав губы, Кикаха ощутил привкус крови.

В помещении было тихо, только откуда-то издалека донесся один-единственный приглушенный стон. Кикаха крикнул. Ему ответила тишина.

Он попытался перевернуться, но не смог: ноги были прижаты к полу. Извиваясь верхней частью тела, Кикаха заметил зеленые сапоги, торчащие из-под кучи цементных плит, усыпанных всякими другими обломками. Сапоги, как и вся остальная комната, были покрыты пленкой пыли, но Кикаха все же разглядел, что они зеленые. Такие сапоги были только у Ашателона.

Опустив голову и повернув ее вправо, Кикаха уперся взглядом в металлическую балку, зависшую в дюйме от шлема. Оторвавшись от стены, балка, очевидно, стукнула его по голове и покорежила шлем. Удар швырнул его на пол, причем балка чуть было не раздробила ему плечо.

Кикаха силился выбраться из-под тяжести, пригвоздившей его к полу так, будто на ноги ему надавили пальцы титана. Истощив последние силы и едва дыша, он сделал перерыв. Ему удалось продвинуться по крайней мере на несколько дюймов. Или он выдавал желаемое за действительное?

Полежав спокойно несколько минут, Кикаха возобновил попытки. И вдруг увидел прямо перед собой громадные за-

пыленные голубые сапоги Манату Ворсион. Звучный голос ее заполнил шлем:

— Лежи тихо, Кикаха. Я постараюсь поднять эту балку с твоих ног.

Сапоги исчезли. Кикаха услышал кряхтение, нецензурную брань, и наконец великанша сказала, задыхаясь:

— Не могу. Пойду приведу сюда флаер, если сумею отыскать его в этом бедламе, и попробую поднять ее с воздуха. Там в запасном отсеке должен быть трос.

Когда она удалилась, к Кикахе подошел Вематол.

— Она велела мне очистить место вокруг балки, — прохрипел клон. — Лежи и не двигайся, Кикаха. Ты ничего не сможешь сделать, пока она не вернется.

— Как будто я сам не знаю, — проворчал Кикаха. Ему ужасно хотелось пить, и перед глазами как наяву маячил стакан с ледяной водой.

Довольно долго в шлеме раздавались скребущие звуки и тяжелое дыхание Вематола.

— Возможно, ноги у тебя и не раздроблены, — проговорил наконец тоан. — Их завалило кучей хлама, а уж потом сверху упала балка.

— По-моему, я начинаю их чувствовать, — отозвался Кикаха. — Онемение проходит.

Великанша вернулась вместе с флаером. Ей пришлось разгрести целый курган, прежде чем она нашла машину. Правда, не свою, но другие флаеры засыпало напрочь. Она помогла Вематолу убрать мусор вокруг балки, потом обмотала ее тросом — и через несколько минут приподняла так, что Вематолу удалось вытащить Кикаху из-под груза. Великанша посадила флаер и вылезла, чтобы обследовать Кикаху.

Ноги еще не слушались его. Он сидел, прислонясь к груде обломков, пока Манату Ворсион ощупывала ему ноги сквозь комбинезон. Переломов, похоже, нет, заявила наконец великанша, но ей нужно будет осмотреть его еще раз, без одежды.

— Ашателон погиб, — прибавила она.

— Странно. Мне казалось, он из тех, кто выживет в любой ситуации.

— Таких не бывает. Время побеждает всех.

Кикаха взглянул на то, что осталось от потолка. Края его в основном уцелели, но обвалившийся верхний этаж пробил посередине здоровенную дыру. Части потолка вокруг дыры держались на честном слове. Разрушенная стенка центра управления обвалилась прямо в коридор. Пока Кикаха рассматривал руины, здание тихонько дрогнуло, и по другим стенам

поползли новые трещины. Дальний конец потолка с шумом рухнул, подняв тучу белой пыли, и на полу тут же выросла еще одна гора мусора, уходившая вершиной в провал.

— По-моему, нам пора двигать отсюда, — сказал Кикаха.

Не успела великанша ответить, как в комнату ворвался Вематол, обследовавший коридор:

— Мы не на Земле-2!

— Что? Откуда ты знаешь? — в один голос воскликнули Кикаха и Манату Ворсион.

— Я видел небо сквозь отверстие в потолке коридора. Наверное, каменная колонна на крыше дворца обвалилась и пробила все полы верхних этажей. Дыра небольшая, но небо видно. Оно зеленое.

— Это значит... — начал Кикаха.

— Это значит, — перебила его Великая Праматерь, — что Хрууз обволок вратами весь дворец, возможно даже с прилегающей территорией, и перенес его в другую вселенную. Для такой операции нужна уйма энергии. А также времени. Очевидно, он подготовил все заранее, до того, как вернулся сюда с Дингстетом. Когда дворец перемещался, он поднялся в воздух — то ли случайно, то ли так было задумано, — а потом упал. Наверное, поднялся он не очень высоко, иначе мы бы погибли.

— Именно это я и собирался сказать. — Кикаха огляделся. — А где Дингстет?

— Или похоронен под кучей обломков, или очнулся раньше нас и ушел. Возможно, не сознавая, что делает. Но если так, то, раненый, он далеко не уйдет.

— Он наполовину состоит из плоти, а наполовину из электронных цепей, — сказал Кикаха. — Способность к регенерации у него, наверное, выше нашей. Есть тут какой-нибудь кровавый след, ведущий из комнаты?

— Нет, — ответила великанша. — Но когда замок рухнул, Дингстет был рядом с тобой. Его должно было пришибить той же балкой.

— А может, он устремился на поиски Хрууза, чтобы отомстить ему? — предположил Вематол.

— Со связанными за спиной руками? — усомнилась великанша.

— Анана! — крикнул Кикаха.

Он попытался встать, однако ноги были еще слишком слабы, хотя и наливались понемногу силой.

Великанша с клоном переглянулись, но не проронили ни слова. Они поняли, какую картину представил себе Кикаха: Анана, по-прежнему находящаяся в здании и замурованная в

камере. Единственный вход к ней вел через врата. Но стена с активатором врат могла быть погребена под обломками.

Рыжий Орк находился в таком же положении, однако это Кикаху не волновало.

Манату Ворсион, похоже, была несколько больше обеспокоена судьбой тоана:

— Возможно, их не засыпало при падении замка. Там даже мог открыться какой-нибудь проход.

— Это вряд ли, — усомнился Вематол.

— Все может быть. Но мы должны знать наверняка. Необходимо найти Хрууза и выяснить, на месте ли Рыжий Орк.

— Как я понимаю, Анану ты искать не собираешься? — спросил Кикаха.

— Позже, — отрезала Манату Ворсион. — Вематол, ты пойдешь со мной. Прости, Кикаха, но мы не можем ждать, пока ты оправишься. Хрууз, по-видимому, был где-то вне замка, когда перебрасывал его, но потом мог вернуться сюда через другие врата. Думаю, он поостерегся перемещаться вместе с дворцом. Но теперь наверняка нас ищет. Удивляюсь, что его еще нет в этой комнате.

— Наверное, сидит в засаде где-нибудь неподалеку, выжидая удобного момента, — сказал Вематол и нервно оглянулся по сторонам.

Великая Праматерь решила, что им нужно снять с себя кислородные баллоны, рюкзаки, шлемы и комбинезоны.

— Они замедляют движения, а я не думаю, что нам следует опасаться ядовитых газов, — сказала она.

Сняв с себя комбинезоны, великанша и клон надели упряжь с оружием. Потом они стащили комбинезон с Кикахи и помогли ему застегнуть ремень. На поясе кроме оружия у него висел рог Шамбаримена.

Кикаха проводил взглядом уплывающий флаер — крохотную и легкую двухместную металлическую конструкцию с небольшим моторчиком, маленьким запасным отсеком и двумя вращающимися лучевыми пушками. Великая Праматерь сидела в пилотском кресле, Вематол — у нее за спиной. Кикахе велели не трогаться с места, но быть начеку. В футляре, прикрепленном к поясу, у него был искатель врат. Рядом на полу стояла фляга, а в руке был зажат лучемет, готовый стрелять, если покажется Рыжий Орк или Хрууз. Несмотря на то что сзади пробраться в комнату было практически невозможно, Кикаха то и дело оглядывался. Громадные кучи мусора могли заслонять какое-то отверстие, о котором он и не подозревал.

Было тихо, только руины, оседая, временами тихо потрескивали. Любой здравомыслящий человек постарался бы выбраться отсюда, пока все не рухнуло к чертовой матери. Но здравомыслящий человек, если уж на то пошло, здесь бы и не очутился. К тому же все тело у Кикахи ныло от боли.

Казалось маловероятным, чтобы Хруузу удалось настроиться на их частоту, но рисковать все же не стоило. Радиопередатчиками придется пользоваться только в случае крайней необходимости.

Кикаха чувствовал себя беспомощным. Обычно одиночество не угнетало его, но сейчас он жаждал услышать человеческий голос. И оттого, что здание могло обрушиться и погрести его под собой в любой момент, время представлялось Кикахе похожим на раскаленную проволоку в волочильном станке. Если ее растянуть слишком сильно, она порвется. И тогда руины, скопившиеся на верхнем этаже, обвалятся вместе с потолком прямо ему на голову.

Становилось все жарче, и Кикаха начал покрываться потом. Зато ноги наконец полностью обрели чувствительность. Несмотря на боль, Кикаха поднялся. Его шатало, но не очень сильно. Вволю напившись из фляги, оставленной великаншей, Кикаха вышел из центра управления. Какой смысл сидеть там и ждать, если Хруух, вооруженный Бог знает чем, шляется по дворцу?

Поначалу передвигаться было не очень трудно. Хотя коридор завалило чуть ли не до потолка, Кикаха карабкался на кучи, проползал по верхушкам, почти упиравшимся в потолок — вернее, то, что от него осталось, — и съезжал по другой стороне курганов. Из дыры в потолке, о которой упоминал Вематол, струился бледный свет. Кикаха посмотрел через отверстие. Да, все правильно. Небо зеленое.

В конце коридора простиралось полуразрушенное помещение размером с два бальных зала, но идти здесь стало труднее — сплошные горы и долины из пластиковых осколков, деревянных панелей, каменных обломков, разбитых и целых мраморных колонн, мраморной крошки и статуй выше человеческого роста. Многие колонны и статуи торчали из груды хлама под углом, словно пушечные стволы из развалин крепости. Торчали также обломанные ножки стульев и столов; покореженные металлические и деревянные шкафы; разбитые бутылки, залившие воздух ароматами вина и пива; изогнутые канделябры и покрившиеся рамы огромных картин с лохмотьями холста. Кикаха весь взмок, пробираясь между завалами. Пот, мешаясь с пылью, покрыл его тело и волосы липкой жижей, заливая и разъедая глаза. Кикаха

подумал, что похож сейчас на бледного призрака с кровавокрасными глазами.

Время от времени он вытаскивал из футляра детектор врат и включал его. Индикатор загорался раз десять. Но Кикаха не хотел рисковать и трубить в рог, чтобы открыть врата, поскольку Хрууз мог находиться в пределах слышимости.

Великая Праматерь сказала, что они с Вематолом пойдут в северную часть дворца. Там они разделятся и начнут поиски поодиночке. Как только чешуйчатый человек будет обнаружен, им не составит труда связаться друг с другом по радио. Кикаха тоже направился на север, хотя и окольным путем. Правда, несмотря на бесконечное напряжение, ноги не только не устали, но становились все сильнее.

Добравшись до громадного кургана в другом конце зала, Кикаха понял, что его занесло куда-то не туда. Манату Ворсион и Вематол, очевидно, залезли через дыру на второй этаж, а потом на третий. А он не мог найти даже выхода из зала. Вздымающиеся горы заслоняли обзор.

Кикаха начал взбираться по склону, то и дело шумно соскальзывая вниз вместе с обломками. Недалеко от вершины в глаза ему бросилось отверстие вроде туннеля, шедшее прямо сквозь кучу в чудом не рухнувшую стену. Кикаха осветил фонариком внутренности случайно образовавшегося туннеля. Две громадные мраморные колонны, упавшие почти параллельно друг дружке, пробили стену и остались лежать, уходя немного под наклоном вверх. Дыра, пробитая ими в стенке, была завалена массой обломков. Каменные плиты, свалившись вниз, упали на колонны подобно крыше. Между ними-то как раз и тянулся узкий туннель, по которому можно было протиснуться ползком. Правда, проход, уходивший вверх под углом градусов в десять, тоже был завален мусором, но Кикаха выгреб его, выбрасывая назад. В конце туннеля мерцал тусклый свет. Проникнув по туннелю в соседний зал, можно будет застигнуть Хрууза врасплох — если, конечно, он там. Кикаха, извиваясь, как червь, начал ползком пробираться вперед.

Он старался производить как можно меньше шума, но совсем не шуметь не получалось. На секунду Кикаха представил себе, как Хрууз стоит с той стороны туннеля, поджидая незваного гостя. Нет. Если чешуйчатый в соседнем зале, он тут же прошьет туннель лучами, как только услышит подозрительный шум, и разрежет врага на мелкие кусочки. Но Кикаха не мог удержаться и по-прежнему полз вперед. Да и кто сказал, что Хрууз будет именно там? Откуда ему знать про туннель?

Одолев тридцатифутовый лаз и осторожно высунув голову, Кикаха увидел, что находится возле вершины кургана из обломков. Большая часть потолка в этом зале обвалилась вместе с полом третьего этажа. Кикаха оглядел руины внизу Если кто-то здесь прячется, то он как пить дать засел за высоченной кучей у противоположной стены.

Сжимая в руке лучемет, Кикаха съехал по склону на спине, шепотом обругав себя за неизбежный шум. Добравшись до подножия, весь в кровавых ссадинах и порезах, залепленных пылью, Кикаха приготовился к обороне. Но никто не появился. Тогда он миновал более низкие кучи, обогнул громадный холм у противоположной стенки — и увидел там зияющую дыру, через которую свободно мог пройти танк «шерман». Оставалось только удивляться, почему стена не рухнула целиком.

Кикаха сунул в дыру голову, огляделся и шагнул через пролом. Почти весь потолок вместе с верхними этажами и кусками крыши валялся на полу. Внизу было темно от пыли, как в тумане. Зато вверху сиял яркий свет, льющийся с зеленого неба.

Небеса в Многоярусном мире были точно такого зеленого цвета. Неужели Хрууз перебросил дворец на планету, созданную в форме Вавилонской башни? И если да, то зачем? Или же... Но гадай не гадай — все одно никакого толку.

Слева из кургана высотою футов в двадцать выдавались вперед несколько деревянных и каменных плит. Кикаха заметил, как во тьме под этим навесом что-то шевельнулось. Бесформенная масса, покрытая белой пылью, вполне могла быть человеком. Кикаха вгляделся повнимательнее и решил, что человек повернут к нему спиной. Или это военная хитрость? Противник, кем бы он ни был, при виде Кикахи мог прикинуться убитым или тяжело раненным. А услышав приближающиеся шаги, он резко развернется и выстрелит. Может быть.

Кикаха скользнул в лисью нору, черневшую в мусорном кургане, и выстрелил, целясь прямо над головой у лежащей фигуры. Любой человек, если только нервы у него не железные, должен был вздрогнуть. Но фигура не шелохнулась. Кикаха вылез из норы, стараясь не шуметь, и осторожно приблизился к навесу. Когда до лежащего осталось футов двадцать, Кикаха понял, что тот не может быть ни Хруузом, ни Рыжим Орком. Это был Дингстет. Но руки у него уже не были связаны за спиной.

И кровь из ран сочиться тоже перестала. Никаких кровавых следов поблизости не наблюдалось. Кикаха не решился

подойти к Дингстету в открытую. Он остановился, наполовину скрываясь за обломками, нагнулся и ткнул стволом лучемета лежащему в затылок. Тот застонал.

— Дингстет! — окликнул его Кикаха.

Существо что-то пробормотало. Кикаха вытащил его из-под навеса и перевернул. На запыленной коже виднелось множество черных пятен. Ожоги? Не в силах разобрать, что он бормочет, Кикаха оглянулся кругом, а потом встал на колени и приложил ухо ко рту Дингстета, хотя такая поза была весьма уязвимой.

— Это я, Кикаха, — ласково сказал он.

— Хрууз... Не верил мне... — прошептало существо.

— Что? Я тебя не слышу

— Кикаха! Хрууз.. когда я сказал... в моем мозгу нет данных... пытал меня. не верил... забрал меня с собой... ушел... Зазель... гордиться мной...

— Я помогу тебе, — сказал Кикаха. — Сейчас, погоди...

И осекся. Глаза у Дингстета открылись. Рот, полный алмазных зубов, замер без движения.

Кикахе пришлось нарушить радиомолчание. Он должен был поставить в известность Манату Ворсион. Она откликнулась мгновенно.

— Я по-прежнему там, куда мы с Вематолом направлялись, — осторожно промолвила великанша, когда Кикаха закончил свой рассказ. — Я послала его за тобой. Если он не найдет тебя в течение десяти минут, то вернется ко мне.

Коль скоро великанша отвела Вематолу на поиски всего десять минут, значит, она отправила его на флаере. Прошло двадцать минут Кикаха вызвал по радио Вематола, но клон не ответил.

И тут же раздался голос Манату Ворсион:

— С ним, должно быть, что-то случилось! Дам ему еще две минуты.

«А мне, значит, снова вперед, — подумал Кикаха, — то бишь вверх и вниз да вдоль и поперек». Минут через пятнадцать он остановился, чтобы дать отдых измученным ногам Потом побрел дальше и вскоре вышел в еще один просторный зал Под ногами валялись части крыши. Сквозь пролом сияло солнце, начавшее уже клониться к закату Оно струило свои лучи в угол зала, где у стены каким-то чудом уцелела винтовая лесенка. Верхняя часть ее, без перил, торчала из верхушки высоченного холма Кикаха забрался на мусорную гору, как и прежде, оскальзываясь, сползая и немилосердно шумя. Лестница, сделанная из какого-то твердого дерева,

выглядела устойчивой. Кикаха медленно начал взбираться по ней, глядя на каждом шагу вверх и вниз.

Но когда до верха осталось всего двадцать шагов, ему пришлось присесть и ухватиться за край ступеньки. Совсем рядом что-то обвалилось с грохотом Ниагарского водопада. Лестницу так затрясло, что Кикахе почудилось, будто ее вот-вот оторвет от стены. Нижний край лесенки отделился от площадки, качнулся в сторону и с размаху ударился о стену. Каменные стенные блоки зашатались и частично сдвинулись с места. Казалось, стена сейчас обвалится и унесет вместе с собой и лестницу, и Кикаху. А если обвала не произойдет, лестница просто оторвется, и он рухнет на кучу обломков с высоты в тридцать футов.

Как ни цеплялся Кикаха за ступени, его неумолимо сносило к открытому краю. Еще пара таких толчков — и он свалится вниз, даже если вся конструкция устоит. И, как назло, ничего невозможно было разглядеть: новая лавина подняла такую тучу пыли, что все заволокло туманом. Пыль нещадно ела глаза и забивалась в ноздри.

И вдруг все кончилось — и грохот, и толчки. Лестница тихонько подрагивала. Когда и дрожь прекратилась, Кикаха пополз дальше на четвереньках. Лестница отклонилась от стены, хотя и не так сильно, как Пизанская башня. По крайней мере, пока. Чем выше он взбирался, тем сильнее она прогибалась, скрипела и стенала.

Ему пришлось нагнуться вправо, чтобы как-то скомпенсировать левый наклон ступеней. Уцепившись наконец руками за край верхней ступеньки, Кикаха медленно и неуклюже выпрямился, осторожно балансируя слегка согнутой правой ногой. Перед ним простирался второй этаж, открытый взгляду, словно кукольный домик, благодаря напрочь снесенной стене. Пол прогибался посредине, треща под тяжестью великанской горы обломков и угрожая рухнуть в любой момент. Между полом и Кикахой зияла пропасть шириной в восемь футов. Прыгай! — сказал он себе.

Можно было, конечно, попробовать спуститься вниз по лестнице, но она тоже того и гляди обрушится.

Кикаха сунул лучемет в кобуру. Ему понадобятся обе руки, чтобы ухватиться за край пола, если не удастся прыгнуть на ноги. В нормальных условиях Кикахе ничего не стоило преодолеть такое расстояние. Оглядевшись вокруг, он присел и оттолкнулся — и тут лестница, не выдержав толчка, сверзилась вниз. Для нее это оказалось чересчур. Верхняя часть лестницы надломилась и с громким треском шлепнулась на мусорный курган.

Хотя падение лестницы несколько удлинило прыжок, Кикаха все же долетел до пола. Он ударился о край животом и заскользил вниз. Согнутые в локтях руки хлопнулись о пол, грудь прижалась к краю пола. Кикаха держался исключительно на предплечьях, свесив ноги в пропасть. Потом изогнулся, забросил через край правую ногу и наконец втащил свое тело на поверхность пола.

Он задыхался и хотел хоть минутку полежать на спине, чтобы собраться с силами. Но деревянный настил под ним прогнулся: Кикаха чувствовал, как по дереву пробегает тревожная дрожь. Наверное, пол, перегруженный громадной грудой в центре зала, был уже на пределе, когда к нему добавился вес человеческого тела.

Кикаха с трудом поднялся, вытащив одновременно из кобуры лучемет. Шагнув к ближайшей двери, ведущей в северном направлении, он услышал громкий треск. Пол неожиданно накренился. Кикаха чуть было не скатился в пропасть, но успел-таки в последний момент прыгнуть в дверной проем. Несколько секунд ему казалось, что лавина все же сметет его, поскольку обломки завалили все пространство дверной арки, кроме узкого просвета в верхней части. Кикаха приземлился на склон мусорной кучи и стал карабкаться вверх, цепляясь за куски дерева и камня, но те неудержимо ползли вниз — на пол, которого больше не было. Пыль стояла столбом и слепила глаза.

Ему удалось забраться на вершину кучи в дверном проеме, хотя подъем был похож на бег по земле, движущейся в обратном направлении. Начав спускаться к подножию с другой стороны, Кикаха неожиданно свалился лицом на пол. Почти вся куча исчезла, рухнув в пропасть зала, откуда он только что выбрался. Правда, ноги его все еще висели в пустоте над краем бездны. А пол в комнате, где он надеялся найти убежище, клонился вниз.

Кикаха отполз от края пропасти, встал и что было духу помчался по кренящемуся полу, еще соединенному с противоположной стенкой, хотя и явно ненадолго. Перепрыгивая через маленькие кучки, ползущие ему навстречу, обегая вокруг высоких холмов, тоже надвигавшихся на него, Кикаха стремился к выходу в следующий зал. Но не успел. Его оглушил очередной громоподобный рев, и он покатился по комнате. Как-то ему удалось приземлиться на ноги, потом он полетел вслед за грудой обломков и в конце концов, избитый и почти ничего не соображающий, очутился на большущем диване Хорошо еще, его не погребло под грудой мусора.

Повезло ему и в том, что край расколотого настила пролетел мимо в нескольких дюймах. Иначе он точно стал бы трупом. А так он чувствовал себя всего лишь полутрупом.

Сколько времени он пролежал, пытаясь прийти в себя, Кикаха определить не мог. А очухавшись, ощутил во всем теле нестерпимую боль. Но все-таки он превозмог ее и встал. Лучемет по-прежнему был зажат в руке, и футляр с рогом не сорвался с пояса. Пыль начала понемногу оседать, и Кикаха медленно побрел вперед. Ему очень хотелось откашляться, но он сдержался — и вдруг услышал чей-то кашель чуть впереди.

Кикаха остановился. В густой пыли навстречу ему двигалась призрачная фигура. Казалось, она парит в нескольких футах от поверхности пола. Вематол на флаере? Кикаха не стал окликать пришельца: наоборот, он спрятался за кучу и прицелился. Никогда не принимай ничего на веру — пусть даже порой он и нарушал это правило.

В соседней комнате, из которой появился незнакомец, прогремел очередной обвал. Пыль снова взметнулась вверх, обволакивая фигуру. Кикаха прищурился, вглядываясь слезящимися глазами в пыльные клубы. Если это не Вематол, то, скорее всего, Манату Ворсион. Или же Хрууз — если ему удалось где-то разжиться флаером.

Кикаха ждал. Минуты текли одна за другой. И тут опять раздался грохот лавины. За ней последовали четыре менее громких обвала. Пыль сгустилась. Кикаха зажал нос и дышал через рот, стараясь не чихнуть. Но в носу немилосердно щекотало, так что он не был уверен, что сумеет с собой совладать. Внезапно в белом тумане раздалось громкое «А-ап-чхи!», сопровождаемое не менее громким отфыркиванием.

Кикаха, несмотря на героические усилия, тоже чихнул во всю мощь.

Хотя неукротимый чих сотрясал все его тело, затрудняя движения, Кикаха вытянул руку и нащупал нечто похожее на большой глиняный черепок. Он зашвырнул его как можно дальше вправо. Возможно, неведомый пришелец и услышал звук падения черепка, но сам Кикаха в этот миг опять оглушительно чихнул. Никакой реакции не последовало: ни луча, прорезающего пыльную мглу, ни голоса.

Кикаха решил не ждать, пока осядет пыль. У неизвестного мог быть с собой тепловой детектор или очки ночного видения. Или он мог поднять флаер к потолку и засечь любую мишень, как только пыль немного прибьется к полу.

Крадучись, пригибаясь и стараясь не шуметь, Кикаха вышел из-за кучи. Лучше всего, подумал он, сейчас выпрямиться

и рвануть из комнаты. Но он не мог сделать это бесшумно, не натыкаясь на препятствия. А кроме того, он не знал, где расположены выходы.

Углядев перед собой еще одну груду, Кикаха спрятался за ней. К черту радиомолчание! Он вызвал Манату Ворсион. Ее голос, гораздо более тихий, чем обычно, откликнулся тут же:

— Чего ты хочешь?

— Ты по-прежнему на том же самом месте? — прошептал Кикаха. — Я спрашиваю потому, что кто-то здесь летает на флаере. Из-за пыли не могу разглядеть кто.

— Это не я. И Вематол определенно ответил бы тебе, если б смог. Но прежде чем стрелять, удостоверься все-таки, что это не он.

— Конец связи, — сказал Кикаха.

Он присел и пошарил кругом, пока не нащупал несколько больших кусков штукатурки, а потом бросил их в пыль перед собой. Но неизвестный не выстрелил на звук. Видимо, его флаер уже парил высоко вверху, высматривая цель перед атакой.

Это наверняка Хрууз, больше некому.

Кикаха встал и начал пробираться к противоположной стене. Сделав несколько шагов, он отпрыгнул в сторону. Что-то капнуло ему на левое плечо. Кикаха потрогал плечо правой рукой. Ладонь пришлось поднести почти к самым глазам, но он сумел-таки рассмотреть темную пыль, смоченную какой-то влагой.

Что это — кровавый дождь?

Кикаха посмотрел наверх. Частички пыли начали понемногу оседать. Еще немного, и на фоне бывшего потолка можно будет разглядеть любой темный объект, тем более что там гораздо светлее.

Он снова сделал несколько шагов — и снова замер. Впереди раздался глухой стон. Кикаха внимательно прислушался, шагнул вперед — и тут же, выругавшись про себя, остановился. Что-то тяжелое шлепнулось на пол совсем неподалеку. Очень медленно и осторожно Кикаха пошел в ту сторону. Это могла быть уловка, но вряд ли. Удар был похож на падение тела. Дерево или камень издали бы совсем другой звук. В этом же ударе явственно слышался шлепок плоти о каменный пол и хруст ломающихся костей.

Наконец он увидел лежащего. Это и впрямь оказался Хрууз. Он лежал на спине, с открытыми глазами. Кровь растеклась под телом хрингдиза, словно сама Смерть постелила ему алый ковер. Несмотря на свою толщину, череп не выдержал удара. Осторожно подойдя к трупу поближе,

Кикаха увидел широкую и тугую повязку на левом бедре. Из-под нее по ноге сочилась кровь. Клифтон перед смертью успел подстрелить чешуйчатого. Хрууз наспех замотал рану и, прихватив с собой Дингстета, вторгся во дворец. Очевидно, его снедала жажда мести. Он не в силах был ждать и начал атаку, несмотря на ранение. Но медленная потеря крови так ослабила его, что он выпал из воздушного катера.

Очко в пользу Клифтона.

Кикаха поделился новостями с Манату Ворсион.

— Жаль, что не удалось взять его живым, — сказала она. — Он был настоящим кладезем познаний и к тому же последним в своем роде. Но все-таки я рада, что больше он нам не угрожает. Кстати, мне отсюда видны окрестности дворца. Хрууз перебросил не только замок, но и лужайки с садами. Правда, они слегка пострадали, но, по-моему, Хрууз переместился вместе с Дингстетом на лужайку или в сад после того, как транспортировал дворец. Ему не хотелось находиться в здании, когда оно приземлится. А потом он вошел в замок, чтобы довершить начатое.

— Теперь можно заняться поисками Ананы и Рыжего Орка, — сказал Кикаха.

— Я понимаю твое нетерпение, — ответила великанша, — но сначала нужно найти Вематола.

Они поговорили еще несколько минут. Великанша пообещала, что начнет поиски с северной стороны. Кикаха пойдет ей навстречу, тоже разыскивая клона. Они будут поддерживать радиосвязь и обмениваться новостями каждые пять минут.

Кикаха вздохнул. Флаер парил над ним футах в пятидесяти, но подобраться к нему не было никакой возможности. Кикаха пожал плечами и снова побрел через завалы. Некоторое время спустя ему встретился арочный проход, не совсем забитый обломками. Пересекая простирающийся за проходом зал, Кикаха с полдороги заметил человека, приткнувшегося в полутьме к упавшей и разбитой мраморной колонне. Кикаха осветил фигуру фонариком. Это был Вематол — неподвижный, с закрытыми глазами. Пыль не смогла скрыть лиловой окраски его сапог и головной повязки. На груди клона расплылось кровавое пятно. Лучемета не было видно, а из всего оружия остался лишь кинжал в ножнах.

— Вематол! — крикнул Кикаха.

Крик его рикошетом отдался от высоких стен. Клон не шевельнулся.

Кикаха поднес наручный передатчик к губам, но передумал и решил, прежде чем докладывать, установить, в каком

состоянии находится клон. Подойдя к бесчувственному телу поближе, Кикаха склонился и снова произнес его имя.

Правая нога Вематола взметнулась и выбила из рук Кикахи лучемет.

ГЛАВА 22

Остолбенев от неожиданности — что случалось с ним всего несколько раз в жизни, — Кикаха опомнился уже буквально через долю секунды. И бросился на лежащего, ткнув в него своим маленьким фонариком в форме ручки.

Тоан выхватил длинный кинжал. Кикаха сжал запястье противника и саданул ему в левый глаз фонариком. Тот непременно вонзился бы в мозг, если бы тоан не отвернулся. Острый конец фонарика попал в уголок глаза, поранил кожу и скользнул по виску. Кикаха бросил фонарь и начал выкручивать левую руку тоана, одновременно повернувшись к нему боком, чтобы тот не пнул его коленом в пах. Но хотя Кикаха крутил запястье с такой силой, что должен был его сломать, ему удалось лишь наполовину вывернуть руку. Да, тоан был настоящим силачом. Кинжал тем не менее все-таки шлепнулся на пол.

Кикаха отклонился назад, потом дернул тоана на себя и тут же развернулся кругом. Противник не сопротивлялся, позволив Кикахе закрутить себя и швырнуть, точно боевой топор. Пролетев десять футов, он упал, прокатился по полу и вскочил на ноги, как леопард.

Кикаха бросился к нему, пока тот катился. Вскочив, властитель метнулся к лучемету, валявшемуся меж двумя небольшими кучками. Кикаха изменил направление в надежде помешать тоану. Властитель нагнулся, на бегу подбирая с пола лучемет. Кикаха прыгнул и обеими ступнями ударил в подставленные ему ягодицы. Противник взвыл и полетел вперед, но не выпустил из рук оружия, даже когда грянулся оземь и проехал по полу лицом и грудью.

Хотя Кикаха тоже упал на спину от толчка, он быстро вскочил. Властитель перевернулся вверх лицом. Кровь фонтанчиками била из глубоких ран, струилась из мелких порезов на груди и лице. Тоан изогнулся, приподнял туловище и выбросил вперед руку с лучеметом. Но не успел он нажать на спускатель, как в воздухе, точно барракуда в полутемном море, мелькнул брошенный Кикахой нож. Острие на дюйм вонзилось в левый бицепс тоана, и лучемет упал. Но властитель тут же выхватил кинжал и зажал его в правой руке. А потом с удивительным проворством вскочил на ноги, склонился и потянулся левой рукой к лучемету.

Взревев, Кикаха прыгнул и ударил ногами противнику в грудь как раз в тот самый момент, когда тоан распрямился. Из оружия, пронзая сумерки, вырвался фиолетовый луч. Правое запястье Кикахи обожгло. Лучемет со стуком покатился по полу. Властитель задохнулся, попятился, взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие, но не сумел и грохнулся на спину, выронив кинжал.

Кикаха исхитрился так сгруппироваться, что на сей раз не упал, а приземлился на обе ступни. Но он не стал тратить время и подбирать с полу кинжал. Надеясь застать противника в уязвимой позе, пока тот будет вставать, Кикаха со всех ног рванул к нему. Однако властитель вскочил так резво, будто его подняла невидимая рука. Вскочив, он размахнулся и чем-то запустил в Кикаху.

На мгновение Кикаху оглушило. И мозг, и тело, казалось, онемели. Камень, вылетевший из полумрака, треснул его по лбу и заставил остановиться. Кусок красного мрамора размером с яблоко свалился, обагренный кровью, на пол. То, что удар не убил Кикаху или по крайней мере не лишил надолго чувств, доказывало, что тоан ослабел. Или же плохо размахнулся.

Но состояние Кикахи тоже было не ахти. И к тому же у властителя было преимущество, поскольку он успел подобрать кинжал. Правда, дышал он тяжело, а из раны в бицепсе так и струилась кровь.

Кикаха утер со лба и с глаз собственную кровь. Сейчас он переведет маленько дух и снова начнет атаку.

— Рыжий Орк! — проговорил он между глубокими вдохами. — Как тебе удалось бежать? И что ты сделал с Вематолом, прежде чем забрал его сапоги, головную повязку и кинжал?

Тоан умудрился улыбнуться:

— И все-таки я тебя обдурил!

— Ненадолго.

— Для меня достаточно. Но ты сначала расскажи, что здесь произошло, а уж потом я объясню, как мне удалось бежать из тюрьмы.

Рыжий Орк хотел оттянуть начало схватки и немного отдышаться. Кикаха был не против. Ему тоже нужно было время. Время, чтобы вызвать Манату Ворсион, подумал он вдруг. Она прилетит на флаере. Если, конечно, сумеет его найти. Но, подняв к лицу запястье, Кикаха обнаружил, что радио там нет. На его месте краснел ожог. Единственный выстрел Рыжего Орка сорвал диск-присоску, удерживавший передатчик, вместе с кусками кожи. Хорошо еще, что луч не сильно повредил запястье.

Впрочем, потеря радио — это не беда. Помощь великанши ему не нужна, решил Кикаха, и он будет сильно разочарован, если она, а не он убьет Рыжего Орка.

Дыхание его стало более ровным.

— Хрууз перенес весь дворец в другую вселенную, — сообщил он тоану. — В Многоярусный мир, как мне кажется. Об остальном ты и сам легко можешь догадаться. Теперь твоя очередь, рассказывай.

Кикаха говорил, внимательно оглядывая пол в надежде заметить лучемет. Но на сей раз ему не повезло.

— Ах вот оно что! — сказал тоан. — Хрууз еще жив?

— Нет. Анана бежала вместе с тобой?

— Не знаю. Я выполз из своей камеры, когда она обрушилась, и при этом изрядно ободрал себе шкуру. А потом увидел Вематола в воздушном катере. Я прыгнул на него с кучи и вытолкнул из флаера. К сожалению, машина полетела дальше. Пока мы дрались с Вематолом, его лучемет провалился сквозь дырку в полу, и я не смог его найти. Свернув клону шею, я надел его сапоги и головную повязку и забрал кинжал. Мне удалось одурачить тебя. А теперь я намерен закончить сагу о Кикахе.

— Ну-ну, посмотрим. Но почему ты так уверен, что сможешь меня победить? Ты же слабее, хоть ты и властитель, а я леблябби́й.

— С чего ты взял? — возмутился Рыжий Орк.

— Тебе пришлось послать меня в мир Зазеля, поскольку все твои тысячелетние попытки потерпели крах. Именно я, и никто иной, обманул Дингстета и уговорил его отпустить нас. У тебя не хватило воображения, чтобы придумать сказочку о призраке Зазеля. Ты был в моей власти, когда я запер тебя в темницу. Ты и поныне сидел бы там, если бы Хрууз не перебросил дворец через врата. Почему же ты так уверен в своем превосходстве?

— Ты леблябби́й, потомок искусственных людишек, которых мы, тоаны, создали на своих фабриках! — взревел Рыжий Орк. — Ты бесконечно ниже меня, потому что мы сотворили твоих предков низшими существами! Мы сделали вас глупее себя! Слабее и неповоротливее! Неужели ты думаешь, что мы такие дураки, чтобы создавать себе ровню?

— Возможно, так оно и было вначале, — сказал Кикаха. — Но не забывай, что существует такая штука, как эволюция. Если я и правда потомок столь глупой расы, почему же мне удалось убить стольких тоанов и избежать стольких ловушек? Почему меня прозвали Хитроумным Убийцей властителей?

— Больше ты не убьешь ни одного тоана! — рявкнул Рыжий Орк. — Отныне меня назовут Убийцей Кикахи!

— Как гласит старинная английская пословица, «чтобы судить о пудинге, надо его отведать». Приготовься: возможно, мое угощение придется тебе не по вкусу, — ответил Кикаха.

Рыжий Орк на глазах закипал, и это было на руку Кикахе, ибо гнев затмевает рассудок. Или же хитрый тоан просто делал вид, что впадает в ярость, чтобы противник потерял бдительность?

— Я рад, что у тебя есть кинжал, — заметил Кикаха. — Это дает тебе преимущество, в котором ты так нуждаешься.

— Леблябби! — взвизгнул тоан.

— Какого черта ты стоишь тут и обзываешься, как десятилетний сосунок! — сказал Кикаха. — Давай, попробуй! Атакуй меня! Посмотрим, на что ты способен!

Рыжий Орк взревел и бросился к Кикахе. Тот нагнулся, поднял кусок мрамора, ударивший его по лбу, и размахнулся, как заправский бейсболист — недаром же он играл подающим в колледже! Он целился в грудь. Но Рыжий Орк подставил кинжал, и камень стукнулся об острие. Тоану удалось выбить снаряд из рук Кикахи, но его собственная рука на миг онемела. Кикаха, издав боевой клич, прыгнул на врага. Рыжий Орк пытался увернуться, но Кикаха ударился в него всем телом и сжал ладонями его мощную шею. Тоан попытался схватить Кикаху за уши. Кикаха рывком нагнул голову и треснул противника лбом. Перед глазами все поплыло, но он, прижав к себе тоана, все бил и бил лбом в голову Рыжего Орка (еще вопрос, у кого головокружение было сильнее), а потом вцепился зубами ему в шею.

Властитель грохнулся навзничь, увлекая за собой Кикаху. Падение выбило тоана из колеи — он задыхался и вынужден был бороться, одновременно пытаясь восстановить дыхание. Кикаха к этому времени тоже впал в ярость. Глаза ему застлало красной пеленой, хотя, возможно, то была его собственная кровь или кровь тоана. Несмотря на удар и потерю дыхания, Рыжий Орк умудрился перевернуться, и они покатились вместе по полу, пока их не остановила груда обломков. Кикаха сжал зубы на яремной вене властителя, стараясь вонзить их как можно глубже. Перегрызть вену он не надеялся — он же не обезьяна с острыми резцами, — но ему хотелось пустить противнику кровь.

Тело Кикахи так крепко прижималось к левой руке Рыжего Орка, что тот никак не мог ее освободить. Тогда тоан выбросил вверх правую руку, согнув палец крючком. Палец глубоко впился в правый глаз Кикахи, и тоан тут же отдернул

руку. Глаз выскочил из орбиты и повис на зрительном нерве. В пылу схватки Кикаха почти не чувствовал боли, но тут его пронзило даже сквозь красную пелену.

И тем не менее он не отпустил яремной вены. Рыжий Орк принялся колотить Кикаху по голове ребром ладони. Не в силах вытерпеть острой боли и головокружения, Кикаха разжал зубы и покатился в сторону. Он почти и не заметил, что зрительный нерв оборвался. Когда Кикаха сел, его выбитый глаз — плоский, с вытекшей жидкостью, — уставился на него с пола.

Это вызвало в нем новый прилив энергии. Он вскочил на ноги одновременно с Рыжим Орком и сразу же кинулся к нему. Рыжий Орк повернулся, чтобы встретить нападение лицом, — и тут голова Кикахи с силой врезалась ему в живот. Тоан опять свалился на спину. Кикаха тоже упал, но, протянув руку, сдавил Рыжему Орку яйца. Пока тоан корчился от мучительной боли, Кикаха встал и прыгнул на него обеими ногами. Властитель пронзительно вскрикнул; раздался хруст сломанных ребер.

На том сражение могло бы и кончиться, однако Рыжий Орк был не из тех, кого способны остановить увечье или нестерпимая боль. Не переставая корчиться, он схватил Кикаху за локоть и дернул с такой силой, какой у него и быть-то не могло. Кикаха упал как подкошенный, но успел слегка крутануться, чтобы не свалиться плашмя, и ударился об пол плечом. Рыжий Орк наполовину повернулся к нему, по-прежнему крепко стискивая локоть. Кикаха сел, разжал один палец тоана и загнул его назад. Кость треснула; тоан вскрикнул еще раз и ослабил хватку.

Кикаха встал на колени и врезал кулаком тоану по носу. Переносица сломалась, из ноздрей хлынула кровь. И все же, чисто автоматически, Рыжий Орк нанес ответный удар в челюсть. Удар был бы сокрушительным, не будь властитель так ослаблен. Но голова у Кикахи пошла-таки кругом. Когда он очухался, Рыжий Орк уже стоял, покачиваясь, прямо над ним.

— Ты не можешь победить меня, — просипел властитель. — Ты леблябби. А я Рыжий Орк.

— Ну и что? Зато я Кикаха.

Голос Кикахи звучал еле слышно, но он все же собрался с силами и откатился в сторону. Рыжий Орк, шатаясь, последовал за ним. Увидев на полу кинжал, властитель остановился и поднял его.

— Я отрежу тебе яйца, как отрезал их своему отцу, — сказал он. — И тоже съем их сырыми.

— Это легче сказать, чем сделать, — ответил Кикаха, вставая. — Твои злодеяния, и в особенности то, что ты со-

творил с Ананой, вопиют о возмездии, и ты меня не остановишь, как бы ни старался.

— Давай покончим с этим, леблябби. Оставь свои тщетные надежды на победу. Ты умрешь.

— Когда-нибудь. Не теперь.

— От этого тебе не спастись, — сказал тоан, потрясая кинжалом.

Поглядев на лицо Рыжего Орка, искаженное болью, и на его скрюченную позу, Кикаха подумал, что мог бы уклоняться от удара, приплясывая вокруг тоана, пока тот не свалится. Но с таким же успехом он может сам свалиться первым.

Кикаха нащупал рукой замшевый футляр с рогом. В пылу сражения он совсем позабыл о нем. Вытащив рог из футляра, Кикаха схватил его как дубинку. Древний мастер Шамбаримен и не подозревал, что его инструмент сможет послужить оружием. Но чего не бывает на свете! Кикаха медленно приблизился к властителю, говоря на ходу:

— Все узнают, что тебе пришлось воспользоваться ножом, чтобы убить безоружного человека.

— Ты хотел бы, чтобы я его бросил? Но никто ведь не видит нашей схватки. А жаль. Иначе ее воспели бы в стихах. Впрочем, возможно, еще воспоют. И, кстати, именно я расскажу, как она происходила.

— Ты всю жизнь был трусливым лжецом, — сказал Кикаха. — Но кинжал тебе не поможет. Я все равно тебя убью. И тогда ты прославишься еще больше — как единственный в мире человек, убитый рогом.

Ничего не сказав, Рыжий Орк двинулся на Кикаху с ножом. Рог с размаху ударил тоана по запястью. Но властитель не выронил кинжал — и острие вонзилось в грудь Кикахе. Правда, рана оказалась неглубокой, потому что Кикаха, сжав одной рукой запястье врага, другой огрел его рогом по голове. Рыжий Орк вырвал запястье, отпрянул, тяжело дыша, и вновь набросился на Кикаху.

На сей раз властитель прикрылся от дубинки левой рукой, как щитом, а правую с кинжалом выбросил вперед. Лезвие скользнуло по предплечью Кикахи, но он опустил рог и изо всех сил врезал тоану в подбородок. Хотя удар и оглушил Рыжего Орка, тот все же полоснул ножом Кикахе по плечу и поранил руку, сжимавшую рог. Кикаха выронил оружие; рог с лязгом покатился по полу.

Рыжий Орк быстро шагнул вперед. Кикаха попятился.

— Ну что ж ты стоишь — беги! — хрипло сказал тоан. — Ты еще можешь спасти свою шкуру. Правда, ненадолго. Я все равно найду тебя и убью.

— Ты слишком самоуверен для побежденного, — ответил Кикаха.

Он нагнулся и подобрал окровавленный обломок мрамора. Распрямившись, Кикаха еле удержался на ногах. Слишком много потеряно крови, слишком много ударов пришлось по голове. Но Рыжий Орк был не в лучшем состоянии. Победа могла достаться тому, кто выдержит и не хлопнется в обморок первым.

Кикаха обтер мраморный обломок о шорты и поднял его так, чтобы противнику было видно.

— Его пускали в ход уже дважды — один раз ты, один раз я. Давай посмотрим, что выйдет в третий раз. Сомневаюсь, что тебе снова удастся его отбить.

Рыжий Орк, поморщившись, полуприсел, держа наготове кинжал.

— В юности на Земле, — продолжал Кикаха, — я так кидал бейсбольный мяч, что он летел, будто метеорит сквозь космическое пространство. Я и крученые подачи тоже лихо делал. Один парень как-то сказал мне, что я рожден для высшей лиги. Но у меня были другие планы. Хотя они и не осуществились, поскольку я попал в Многоярусный мир, а оттуда в другие вселенные властителей. Поглядим — может, мои земные занятия спортом на что и сгодятся!

Он встал в стойку, осознавая, что давно не практиковался и что неровный кусок мрамора — отнюдь не легкий мяч. Да и сил осталось мало. Но он сумеет собраться с силами, тем более что до Рыжего Орка всего десять футов.

Мраморный обломок вылетел, вращаясь, из его руки. В ту же секунду тоан упал на колени и чуть подался вбок. Но камень, которым Кикаха метил в грудь, далеко уклонился от цели и ударил Рыжему Орку в голову прямо надо лбом. Тоан рухнул, выронив кинжал. Глаза и рот у него раскрылись; он не двигался.

Кикаха поднял кинжал, посматривая своим единственным глазом на властителя. Потом пнул лежащего сапогом. Тело шевельнулось, но лишь от удара.

Кикаха склонился и стащил с поверженного врага штаны. Схватил его за яйца и взмахнул ножом. Он сможет съесть их сырыми. Правда, он еще не решил, стоит ли. Но, несмотря на изнеможение, ярость все еще бурлила в нем. Этот тоан должен пережить ту самую участь, какую он уготовил своему противнику.

В ушах раздался голос Манату Ворсион:

— Кикаха! Не делай этого! Ты лучше его! Ты не такой дикарь, как он!

Кикаха поднял голову и глянул здоровым глазом на Великую Праматерь. Она сидела в воздушном катере, но видел он ее неясно. Здоровый глаз был не очень-то здоров.

— Черта с два не такой! — возразил он. Собственный голос, казалось, доносился до него издалека. — Смотри!

Он сделал это одним махом. И тут же все вокруг завертелось, отлетев куда-то вдаль, и черная пустота, прихлынув, заполнила собой пространство.

ГЛАВА 23

Раны Кикахи зажили, а в глазнице вырос новый глаз. Этот процесс длился сорок дней, и сначала глаз был похож на тошнотворное осклизлое желе. Но потом стал не хуже прежнего.

Кикаха сидел на краю монолита, на котором стоял дворец бывшего властителя здешнего мира Вольфа, и время от времени прикладывался к выточенному из кварца кубку, наполненному пурпурной жидкостью. Он смотрел на зеленое небо, желтоватое солнце и просторную панораму внизу — уникальную среди множества вселенных.

Дворец стоял на вершине массивного каменного монолита, венчавшего планету, созданную в форме Вавилонской башни. Монолит вздымался в центре круглого континента под названием Атлантида. Тот, в свою очередь, возвышался посреди еще более обширного монолита — яруса Дракландии. Под ним простирался громадный ярус, названный Кикахой Американдией, его любимый материк. Еще ниже находился ярус Океана. Если встать на его краю, то увидишь перед собой одно лишь пустое пространство, заполненное воздухом. А если спрыгнуть вниз, то падать пришлось бы долго-долго. И где закончилось бы это падение, Кикаха понятия не имел.

Теоретически, если смотреть в очень мощный телескоп, в ясную погоду можно было разглядеть самый нижний ярус, то есть выступающую его часть. Но Кикаха был доволен и тем видом, что открывался у него перед глазами.

Анана пережила крушение дворца, но, когда ее вынесли из камеры через пять дней после нападения Хрууза, она была серьезно ранена и сильно обезвожена. Кикаха не отходил от нее ни на шаг, пока она не поправилась. Но, несмотря на всю проявленную им заботу, Анана по-прежнему ненавидела его.

Раны у Рыжего Орка затянулись сами собой. В темницу его не заперли, но держали под строгим наблюдением. Теперь его звали просто Орком. Выбора между пожизненным заключением и стиранием памяти до пятилетнего возраста ему

попросту не дали. Великая Праматерь поработала над компьютером тоана, пока не нашла универсальный код, открывающий доступ ко всем файлам. Пожалуй, она единственная во всех вселенных могла справиться с такой задачей, хотя и провозилась довольно долго.

После того как был построен аппарат, тоана посадили в кресло и подвергли процедуре стирания памяти. Теперь по умственному развитию ему было всего пять лет. Его воспитатели, добровольцы из местной прислуги, дадут ему всю любовь и внимание, какие необходимы каждому ребенку. Кикаха жалел, что не убил властителя, отнявшего у него ту Анану, которую он знал. Но он не мог ненавидеть человека, не имеющего практически ничего общего с Рыжим Орком. Хотя понадобится немало времени, чтобы Кикаха возлюбил своего бывшего врага — если такое вообще произойдет.

Одна проблема с Ананой была решена. Аппарат стер ей память о событиях, случившихся после пленения ее Рыжим Орком.

Этичность подобной операции без согласия пациентки тревожила Кикаху. Но не очень сильно. Анана не любила больше Рыжего Орка, поскольку напрочь забыла его. И перестала наконец ненавидеть Кикаху. Неважно, что его она тоже не любит. Он уже начал кампанию по завоеванию ее любви. Разве он может проиграть? Если отбросить ложную скромность — разве во всех вселенных найдется человек, способный сравниться с ним?

Великая Праматерь вернулась в свой мир, но они с Кикахой время от времени будут навещать друг друга.

Он снова посмотрел на панораму. Изумительный вид! Где еще найдешь такую красоту, пленительную загадочность и такое обилие приключений?

Больше он никогда не покинет эту планету, превосходящую Землю по площади суши. Бродить по ней вечно вместе с Ананой — вот она, райская жизнь! Хотя здешний рай и приправлен толикой ада, ведь в любую минуту их могут убить... А, пускай! В этом есть своя прелесть.

— Мой мир! — крикнул Кикаха.

Слова разнеслись по планете, сопровождаемые глухим рычанием, словно лев предупреждал всех в округе о том, что это его территория.

— Мир Кикахи!

МИР ОДНОГО ДНЯ

МИР ОДНОГО ДНЯ
МИР ОДНОГО ДНЯ: БУНТАРЬ
МИР ОДНОГО ДНЯ: РАСПАД

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Романом «Мир одного дня» начинается одноименная трилогия, упрочившая пошатнувшуюся было славу Фармера как потрясателя основ, человека, который не следует за модой, а творит новые направления в литературе.

Антиутопии в последнее время вышли из моды. Но Филипа Фармера это не смутило. Он создает неимоверный в своей бесчеловечности мир, творит реальность, которую менее талантливый фантаст мог бы описывать на протяжении десятка романов — и отодвигает ее в сторону, сосредотачиваясь на способах, какими можно от этого мира бежать.

Итак: мир одного дня. Того дня, который позволено прожить каждому человеку за неделю. Перенаселение заставило пойти на крайние меры. Каждый дом, каждую квартиру заселяют семь семейств — по одному на день недели. Когда ваше время истекает, вы заходите в специальный аппарат и... окаменеваете. Скажем, до следующего вторника. Если вы живете по средам, то воскресенье не наступит никогда. Связь между днями строго ограничена. Общество разделено на семь культур, и каждая развивается в своем направлении.

Чтобы выжить в этом мире, надо сойти с ума...

Имя: Джефферсон Сервантес Кэрд. Преступление: ежедневная жизнь. Он дневальный. Он имеет семь имен, семь профессий, семь характеров. Семь индивидуальностей, каждая из которых воплощает одну из сторон его личности. И такая жизнь устраивает его — пока она не рассыпается в прах. Когда угроза разоблачения становится реальной, когда опасность может прийти с любой стороны и неверный шаг может сделать статуей на правительственном складе — расщепленная личность Кэрда начинает *складываться*...

МИР ОДНОГО ДНЯ

Моему младшему внуку, Томасу Хосе Джозефсону, родившемуся 25 марта 1983 г., с пожеланиями дожить до старости и остаться таким же способным, дружелюбным, пытливым, жизнерадостным и здоровым, как сейчас

Приношу благодарность отцу Джеймсу Д. Шонесси из Пеории за его советы и идеи относительно будущих пап римских. Однако за все, что я написал о семи одновременно существующих папах, несу ответственность я, а не он

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Основой — или трамплином — для этого романа послужил мой короткий рассказ «Порезанный ломтиками мир только-по-вторникам». Действие рассказа происходило в 2214 г. от Р. Х. (по старому стилю), или в 130 г. Н. Э. (по новому стилю). Н. Э. — это Новая Эра. Дата означает, что прошло 130 лет с официального основания общества каменирования.

События «Мира одного дня» относятся к 3414 г. по старому стилю, или к 1330 г. по новому. С начала Новой Эры прошло уже тысяча триста тридцать лет.

Хотя между событиями рассказа и романа прошло тысяча двести лет, за это время на свет появилось всего семь с половиной поколений. Почему это так, станет ясно из текста романа.

В будущем США неизбежно перейдут на метрическую систему мер и 24-часовую систему отсчета времени. Я сохранил теперешние системы ради удобства американского читателя.

Некоторые современные выражения в культуре Новой Эры приобрели иной смысл. Какой — также станет ясно из романа.

Пусть вас не смущает то, что некоторые персонажи — мужчины носят женские имена и наоборот. Времена меняются, а с ними и обычаи.

Герой «Мира одного дня» — нарушитель закона, дневальный. Он живет по горизонтальному календарю.

Вы поймете, что такое горизонтальный и вертикальный календарь, посмотрев таблицу на следующей странице.

В Новой Эре живут не по нашему «горизонтальному» календарю, а по «вертикальному». В нашей неделе семь дней.

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ НОВОЙ ЭРЫ
Год 1330 Н.Э. (3414 по старому стилю)

ЕДИНСТВО, первый месяц

ВОСКРЕСЕН.	ПОНЕДЕЛЬН.	ВТОРНИК	СРЕДА	ЧЕТВЕРГ	ПЯТНИЦА	СУББОТА
Д1 - Н1	Д1 - Н1	" "	" "	" "	" "	Д1 - Н1
Д2 - Н1	Д2 - Н1	" "	" "	" "	" "	Д2 - Н1
Д3 - Н1	Д3 - Н1	" "	" "	" "	" "	Д3 - Н1
Д4 - Н1	Д4 - Н1	" "	" "	" "	" "	Д4 - Н1

МНОГООБРАЗИЕ, второй месяц

ВОСКРЕСЕН.	ПОНЕДЕЛЬН.	ВТОРНИК	СРЕДА	ЧЕТВЕРГ	ПЯТНИЦА	СУББОТА
Д5 - Н1	" "	" " день Кэрда	" " день Тингла	" " день Дунского	" " день Реппа	Д5 - Н1 день Ома
Д6 - Н1 день Зурвана	" " день Ишарашвили	" "	" "	" "	" "	Д6 - Н1
Д7 - Н1	" "	" "	" "	" "	" "	Д7 - Н1
Д1 - Н2	" "	" "	" "	" "	" "	Д1 - Н2

СВОБОДА, седьмой месяц

ВОСКРЕСЕН.	ПОНЕДЕЛЬН.	ВТОРНИК	СРЕДА	ЧЕТВЕРГ	ПЯТНИЦА	СУББОТА
Д4 - Н4	" "	" "	" "	" "	" "	Д4 - Н4
Д5 - Н4	" "	" "	" "	" "	" "	Д5 - Н4
Д6 - Н4 Рождество	" " Рождество	" " Чей это день? Рождество	" " Рождество	" " Рождество	" " Рождество	Д6 - Н4 Рождество
Д7 - Н4	" "	" "	" "	" "	" "	Д7 - Н4

Д1 - Н1 означает первый день первой недели года, Аналогично Д3 - Н4 будет третьим днем четвертой "вертикальной" недели и т. д.

За воскресеньем следует понедельник, за понедельником вторник, и с приходом следующего воскресенья мы переходим на следующую горизонтальную хронологическую линию.

Новая Эра, или «общество каменирования», пользуется вертикальным календарем. Причина состоит в том, что каждая седьмая часть земного населения живет только один день в неделю. Иными словами, шесть седьмых населения Земли шесть дней в неделю находятся в «окаменелом», или анабиотическом, состоянии. Воскресники живут только по воскресеньям, понедельничники — по понедельникам и так далее.

За один оборот Земли вокруг Солнца гражданин определенного дня проживает всего пятьдесят два дня. Если он родился, допустим, в 100 году Н. Э., к 300 году срок его пребывания на Земле составляет двести лет. Но по своему физиологическому возрасту он несколько моложе двадцати девяти лет. Человеку, пребывающему на Земле шестьсот лет, нет и восьмидесяти шести.

Окаменение значительно снижает потребность в пищевых продуктах и товарах потребления, дефицит жизненного пространства и загрязнение среды. Если население земного шара составляет, скажем, десять миллиардов, то на каждый день приходится лишь около полутора миллиардов человек, точнее, миллиард четыреста двадцать восемь миллионов пятьсот тысяч — ест, пьет, использует пространство и производит всяческий мусор и отходы.

Правительство Новой Эры ввело новый календарь по двум причинам. Во-первых, для того, чтобы полностью отмежеваться от прошлого. Во-вторых, чтобы граждане каждого дня проживали свое законное количество дней в году, не страдая от неравной длительности месяцев григорианского календаря. Первым днем года было провозглашено летнее солнцестояние, примерно соответствующее 21 июня, и день этот, согласно декрету, приходится на воскресенье.

Год поделили на тринадцать месяцев по четыре семидневных недели в каждом. За последним днем каждого года следует нулевой, или лишний, день — он введен для того, чтобы в году было ровно триста шестьдесят пять дней. В високосные годы добавляется еще один нулевой день. В эти дни все, кроме минимального числа пожарных, полицейских и представителей администрации, остаются в окаменении.

Гражданам, разумеется, приходится прибегать к двум видам отсчета времени. Объективное время, то есть время, измеряемое вращением Земли вокруг Солнца и вокруг собственной оси,

исчисляется в обгодах, обмесяцах и обнеделях. Субъективное время, то есть время, фактически прожитое каждым человеком, исчисляется в субднях, субнеделях, субмесяцах и субгодах.

Месяцы, в порядке следования, называются: Единство, Многообразие, Радость, Надежда, Содружество, Любовь, Свобода, Изобилие, Мир, Знание, Мудрость, Благоденствие и Осуществление. Это также названия Тринадцати Принципов, на которых предположительно основано общество Новой Эры.

Мир вторника

Органическое сообщество Земля
Североамериканский орган
Штат Манхэттен
Общее население Манхэттена — 2 100 000
Дневное население Манхэттена — 300 000
Район Гринвич-Виллидж
Дом на углу Бликер-стрит и канала Кропоткина (ранее авеню Америкас).

МНОГООБРАЗИЕ, второй месяц 1330 года Н .Э.
Д5-Н1 (пятый день первой недели)
5-я временная зона, 12.15 ночи

ГЛАВА 1

Когда лают гончие, лисы братаются с зайцами.

Сегодня лис по имени Джефф Кэрд услышит лай гончих.

В тот миг он не слышал ничего, поскольку стоял в звуконепроницаемом цилиндре. Даже если бы он был снаружи, он все равно ничего бы не услышал. Кроме него самого да нескольких органиков, пожарных и техников, в городе не было ни единой живой души.

За несколько минут до того, как войти в цилиндр и закрыть за собой дверцу, Кэрд отодвинул маленькую панель в стене. Там за приборным щитком помещался миниатюрный прибор, давным-давно подключенный Кэрдом к энергосети Кэрд активировал прибор голосом, преградив тем самым поступление «раскаменяющей» энергии в свой цилиндр.

В городской компьютер, несмотря на это, поступят фальшивые данные о том, что данный цилиндр подвергся раскаменению.

Цилиндр, или каменатор, был таким же, как у всех здоровых взрослых людей. Он стоял вертикально, имел в дверце круглое окошко диаметром в один фут и был сделан из серой бумаги. Бумага эта, однако, вследствие постоянного каменирования стала неразрушаемой и всегда холодной на ощупь.

Голый Кэрд ждал, стоя на толстом диске в середине цилиндра. Надувной манекен, точная копия его самого, был опущен и лежал в заплечной сумке на полу цилиндра.

Фигуры в других цилиндрах, находящихся в комнате, были неживыми — их молекулы, подчинившись электромагнитной команде, замедлили все свои функции. В результате тела отвердели, став неразрушаемыми и несгораемыми — только алмаз мог поцарапать их. Температура тел понизилась, хотя не настолько, чтобы вызвать осаждение влаги в окружающем воздухе.

Но вот в цилиндры этой комнаты, как в сотни и тысячи других цилиндров по всему тихому городу, автоматически хлынула энергия, идущая от дисков на полу сквозь подобные статуям тела. Она, словно кий, ударивший в кучку бильярдных шаров, привела в движение оцепеневшие молекулы живой материи. Шары раскатились и зашевелились в предписанном природой ритме. Сердца раскамененных, не успевшие понять, что были остановлены, забились вновь. Ровно через пятнадцать минут после полуночи вторичные манхэттенцы перестали изображать собой несъедобные, не подверженные гниению тыквы. В последующие двадцать три часа тридцать минут их запросто можно ранить или убить.

Кэрд распахнул дверцу и вышел в большое подвальное помещение. Он чуть согнулся в поясе, и опознавательный значок, висевший на цепи вокруг шеи, слегка качнулся. Кэрд выпрямился, и зеленый диск, окруженный семью лучами, занял свое место на солнечном сплетении.

Вместе с раскаменяющей энергией включился свет, идущий из невидимого источника. Кэрд, как это было утром каждого вторника, увидел в бестеневом освещении светло-зеленые стены с телеполосками четырехфутовой ширины от пола до потолка, толстый коричневый ковер с зелеными разводами, и каменаторы — цилиндры и ящики в форме гробов, всего двадцать три штуки. В круглых окошках виднелось двадцать застывших лиц. Двенадцать взрослых стояли в цилиндрах, восемь малых детей лежали в ящиках, глядя в потолок.

Через несколько секунд после Кэрда из своего цилиндра вышла женщина, Озма Филмор Ван — небольшого роста, стройная, полногрудая и длинноногая. Лицо, имеющее форму сердечка, было широкоскулым, а большие черные глаза — чуть раскосыми. Длинные, прямые черные волосы отливали синевой, и широкая улыбка открывала крупные белые зубы.

На ней не было ничего, кроме опознавательного диска-звезды, губной помады и теней для век — если не считать большого зеленого кузнечика, нарисованного прямо на коже. Кузнечик стоял на задних ножках и пристально смотрел на мир глазами с черными зрачками — окрашенными в черное сосками. Иногда Джефф, занимаясь любовью с женой, испытывал такое чувство, будто спаривался с насекомым.

Озма подошла к нему, и они поцеловались.

— Доброе утро, Джефф.

— Доброе утро, Озма.

Она вышла в смежную комнату, он следом. Его рука потянулась было, чтобы потрепать ее по круглому задку, но он вовремя остановился. Достаточно малейшего поощрения, чтобы ее воспламенить. И ей приспичит заняться любовью тут же на ковре, под невидящими взорами свидетелей в цилиндрах. Он считал это инфантильным, но она и была инфантильной в некоторых отношениях. Или, как предпочитала говорить она, в ней было много детского. Пусть ее. Во всех больших художниках много детского. Каждая новая секунда открывает им новый мир, еще удивительнее и восхитительнее предыдущего. Только вот можно ли назвать Озму большим художником?

Да какое ему, впрочем, дело? Кэрд любил Озму ради нее самой, что бы это ни означало.

В соседней комнате стояли стулья, диваны, столики, столы для пинг-понга и бильярда, там имелись тренажеры, настенные телеполоски. Одна дверь вела в ванную, другая в кладовую. Озма, пройдя мимо второй двери, поднялась по ступенькам в холл. Кухня была слева, но они повернули направо и прошли по короткому коридору к лестнице на второй этаж. Наверху было четыре спальни, все с ванными. Озма вошла в ближайшую, и в комнате сразу зажегся свет.

В одном конце большого помещения под занавешенными окнами стояла внушительных размеров кровать. В другом, у большого круглого окна, находился столик с зеркалом. Тут же на полках стояли вместительные пластмассовые коробки со щетками, гребенками и косметикой. На каждой коробке значилось имя владельца.

Вдоль одной из стен тянулись дверцы, тоже с именами. Джефф вставил один из лучей своей звезды в скважину дверцы с их табличкой. Дверь скользнула в сторону, и внутри зажегся свет. Там на полках лежали их личные вещи. Джефф взял с полки на уровне плеча скомканный ворох ткани, зажал его край между большим и указательным пальцами и встряхнул Ком развернулся, испустив сноп электрических искр, и превратился в длинную, гладкую ярко-зеленую хламиду. Кэрд надел ее и подпоясался. С другой полки он взял носки и башмаки, обулся и застегнул обувь, крепко сжав пальцами вверху

Озма исследовала постель и выпрямилась.

— Все чисто и застелено согласно спецификациям.

— Понедельничники всегда соблюдают аккуратность. Нам повезло, не то что кое-кому из знакомых. Лишь бы наши понедельничные жильцы не вздумали переехать.

Озма произнесла кодовое слово, и стена ожила — на ней появилось трехмерное изображение гигантских стеблей травы — настоящие джунгли. Трава зашевелилась, и выпуклые черные глаза насекомого уставились на людей. Существо, шевеля усиками, подняло заднюю ногу и потерло ею туловище. Комнату наполнил стрекот кузнечика.

— Бога ради, сделай потише, — сказал Джефф.

— Это меня убаюкивает. Хотя мне вообще-то пока не хочется спать.

— Может, сначала отдохнем как следует. Потом всегда лучше получается.

— Ну, не знаю. Предлагаю провести эксперимент. Сделаем это сначала перед сном, потом после и сравним свои впечатления.

— Сорок — это не двадцать пять. Поверь мне, я-то знаю.

— Не такой уж у нас неравный брак, дорогой, — засмеялась она. И улеглась, широко раскинув руки и ноги. — Замок Экстаза не защищен, и мост его опущен. Войди в него, сэр Галахад, со своим верным копьем.

— Боюсь, не свалиться бы мне в ров, — ухмыльнулся он.

— Вот гад! Опять ты меня злишь? Вперед, слабодушный рыцарь, не то я опущу решетку!

— Ну, насмотрелась «Рыцарей Круглого Стола».

— Они меня заводят, все эти лихие парни на больших конях и девы, похищенные трехголовыми великанами. Все эти разящие копья. Ну, Джефф! Давай поиграем!

— Я — искатель Священного Грааля, — сказал он, ложась. — Но это больше похоже на священную масленку.

— Я не виновата, если у меня слишком много смазки. Поговори еще, какашка, и я тебя в унитаз спущу. Не порти удовольствия, Джефф, дай пофантазировать.

«Где ты, старый добрый бесхитростный секс?» — подумал он. Но вслух сказал:

— Я только что дал обет молчания. Считай меня безумным монахом из Шервудского леса.

— Говори, говори. Ты знаешь, я люблю, когда ты несешь похабщину.

Через пятнадцать минут она спросила:

— Ты заявление подал?

— Нет, — сказал он, тяжело дыша. — Забыл.

Она повернулась к нему лицом:

— Ты же сказал, что хочешь ребенка.

— Сказал. Но ты же знаешь, сколько у меня хлопот с Ариэль. Не знаю, так ли уж я хочу второго ребенка.

Она нежно потрепала его по щеке.

— Твоя дочь — замечательная женщина. Какие там хлопоты?

— Большие — с тех пор как умерла ее мать. Она стала невротичной, слишком привязана ко мне. И очень ревнует к тебе, хотя никакой причины у нее для этого нет.

— Я не сказала бы, что нет. Но все равно... хлопоты? Какие еще хлопоты? Ты что-то от меня скрываешь?

— Нет.

— Поговорим об этом за завтраком. Если не хочешь говорить сейчас. Я ведь была уверена, что ты правда хочешь ребенка. Это я сомневалась. Я художник и должна всю себя отдавать искусству — не считая, конечно, того, что я с радостью отдаю тебе. Но ребенок? Я сомневаюсь. Потом...

— Мы об этом уже говорили. — Он скопировал ее низкий, хрипловатый голос, в котором будто хрустел песок: — «Каждая женщина — художник в своем роде, ведь она может создать шедевр, свое дитя. Не все, конечно, достигают совершенства, но я его достигну. Одной живописи мне недостаточно».

Она стукнула его кулачком по руке.

— В твоей передаче это звучит так помпезно.

— Нисколько, — сказал он, целуя ее. — Спокойной ночи. Потом поговорим.

— Вот и я о том же. Но сегодня-то ты подашь заявление?

— Обещаю тебе.

Они могли бы подать свое заявление и через телеполоску, но было гораздо больше шансов получить положительный ответ, если Джефф использует свои связи как органик (так назывались полицейские, служащие сил «органического» правительства). Он мог лично переговорить с одним высоким чином из Бюро Воспроизводства, которому в свое время оказал кое-какие услуги — тогда это заявление минует обычные каналы. Но даже и в этом случае пройдет добрый субгод, прежде чем Бюро примет решение. Их просьбу наверняка удовлетворят — а он тем временем может передумать и забрать заявление.

Озма разозлится, если он это сделает — значит, придется придумать вескую причину. Да и мало ли что может произойти до того критического дня.

Озма быстро уснула, а он долго еще лежал с закрытыми глазами, видя перед собой лицо Ариэль. Совет иммеров отверг его просьбу о принятии Озмы, и он был готов к этому — но думал, что Ариэль-то примут наверняка. Она дочь иммеров, у нее сильный интеллект и высокая адаптируемость, все данные, чтобы стать иммером. Правда, кое в чем она проявила

психическую нестабильность, и совет мог ей из-за этого отказать. Кэрд не отрицал, что совет обязан быть крайне осторожным, но на душе у него было тяжело.

Иногда он жалел о том, что Гилберт Чинь Иммерман вообще изобрел свой эликсир, или состав, или как там назвать это средство против старости. А если уж Иммерман открыл его тогда, много обвеков назад, то жаль, что он не обнародовал свое открытие. Но ученый после мучительных раздумий решил, что всему человечеству эликсир не принесет добра.

Каменирование и так помешало родиться многим поколениям, которые появились бы на свет, не будь изобретены каменаторы. Человеку требуется сто сорок облет, чтобы физиологически достичь двадцатилетнего возраста. Значит, за каждые сто сорок лет теряется шесть поколений. Кто знает, сколько гениев и святых, не говоря уж об обычных людях, так и не родилось на свет? Кто знает, сколько пропало людей, с которыми мир мог бы достичь столь многого в науке, искусстве и политике?

Иммерман счел, что дело с этим обстоит и так достаточно плохо. Если же темп жизни и рождаемости замедлится еще в семь раз, потери станут гораздо больше. И система под названием Органическое Сообщество Земля станет еще статичнее, а перемены в ней — еще медленнее.

Этичным или неэтичным было решение Иммермана, он его принял — и возникшее в результате тайное семейство иммеров существует и поныне.

Однако не эгоизмом руководствовался Иммерман, сохранив секрет для себя, своих потомков и посвященных в семью. Иммеры должны были стать скрытыми мятежниками, действующими против правительства. Мало-помалу, незаметно, они проникнут в высшие и средние эшелоны сообщества. Но и получив кое-какую власть, они не станут менять коренным образом структуру управления. Отмена каменаторов им пока не нужна. Пока что они желают положить конец постоянной, неусыпной слежке, которую правительство ведет за гражданами. Эта слежка не только надоедлива, она унизительна. И необходимости в ней нет, хотя правительство утверждает обратное.

«Ты свободен, лишь когда за тобой наблюдают», — таков один из лозунгов, часто демонстрируемых на телеполосках.

Когда Кэрду было восемнадцать сублет, родители рассказали ему про общество иммеров. Совет изучил его кандидатуру, взвесил все характеристики и признал вполне удовлетворительной. Его спросили, хочет ли он стать иммером.

Разумеется, он хотел. Кто же откажется намного продлить свою жизнь? И какой разумный юноша не захочет работать на благо свободы, сделав при этом хорошую карьеру?

Только несколько сублет спустя он понял, как должны были волноваться его родители, открывая ему тайну иммеров. А если бы сын, из духа противоречия, отказался войти в семью? Совет не позволил бы ему жить, даже если вероятность, что он выдаст семью, была бы ничтожной. Его похитили бы среди ночи, окаменили и спрятали бы там, где никто не найдет, и его родителей постигло бы горе.

Поняв все это, Кэрд спросил родителей, что бы они стали делать, если бы он отклонил предложение. Восстали бы против иммеров?

«Не было случая, чтобы кто-нибудь отказался», — ответил ему отец. Кэрд ничего не сказал, но подумал: может, и были такие случаи, но о них не знает никто, кроме непосредственно связанных с этим людей.

В девятнадцать к Кэрду обратился его дядя, органик, который, как подозревал Кэрд, входил также в иммерский совет Манхэттена. Не хочет ли племянник стать дневальным? Не заурядным дневальным, обычным уголовником, но таким, который пользуется защитой и помощью иммеров. На каждый день у него будет другая легенда, он овладеет несколькими профессиями и будет устно передавать сообщения из одного дня в другой, от одного совета другому — бывают сообщения, записывать которые опасно.

Юный Кэрд, завороженный такой перспективой, с жаром ответил, что он, конечно же, хочет стать дневальным.

ГЛАВА 2

Думая обо всем этом, Кэрд наконец уснул, и ему приснилась очередная серия какого-то сна, хотя раньше он в этом сериале не бывал. Он сидел в какой-то комнате, зная почему-то, что находится в давно заброшенной канализационной системе, засыпанной еще при первом большом землетрясении, которое сравняло с землей Манхэттен. Комната эта была как раз посредине огромного канализационного тунеля, закрытого с обоих концов — туда можно было проникнуть только через вертикальный колодец. Комнату освещала по старинке одна только лампочка без абажура — осветительный прибор, не применявшийся уже тысячу облет.

Резкий свет, однако, не мог рассеять темный туман, ползущий со всех сторон. Клубы тумана накатывались, отступали и снова накатывались.

Кэрд сидел на жестком деревянном стуле у большого круглого деревянного стола. И ждал, когда войдут другие — *те, другие*. Но он также стоял в тумане и смотрел на себя самого, сидящего у стола.

Вошел Боб Тингл — медленно, словно брел по пояс в воде. В левой руке он нес портативный компьютер, на верхушке которого вращалась микроволновая антенна. Тингл кивнул сидящему Кэрду, поставил компьютер на стол и сел сам. Антенна прекратила вращение и уставилась своим вогнутым лицом на выпуклое лицо Кэрда.

Вплыл, словно по воздуху, Джим Дунский с рапирой в левой руке. Он кивнул двоим присутствующим, положил рапиру так, что она указывала на Кэрда за столом, и сел. Защитный наконечник растаял, и острие сверкало, точно злобный глаз.

Вайатт Репп, с серебристой, похожей на пистолет телекамерой в левой руке, вошел так, словно за ним бесшумно качнулись распашные двери салуна. Ковбойские сапоги на высоких каблуках делали его выше остальных. Костюм с блестками сверкал так же зловеще, как и острие рапиры. На белой десятигаллоновой шляпе спереди был красный треугольник, а в нем — ярко-синий глаз. Глаз подмигнул Кэрду, а потом немигающе уставился на него.

Репп сел и наставил свой аппарат на Кэрда, держа палец на спуске.

Ввалился Чарли Ом в грязном белом фартуке, с бутылкой виски в левой руке и стопкой в правой. Сев, он налил стопку и молча предложил ее Кэрду.

Кэрд, стоящий в тумане, ощутил вибрацию, идущую через пол и подошвы его башмаков. Точно земля задрожала и под полом прокатился гром.

И в комнату вступил отец Том Зурван, перед которым будто расступались воды Красного моря. Пряди его золотистых, до пояса, волос вились, точно разъяренные змеи. На лбу была нарисована большая оранжевая буква S, означавшая «символ» Кончик носа был окрашен в ярко-синий цвет, губы зеленые, а усы голубые. В золотой бороде, тоже до пояса, виднелось множество крохотных мотыльков, вырезанных из алюминия. Белую, до пят, ризу покрывал узор из больших красных кругов с синими шестиконечными звездами внутри. На опознавательном диске изображена была плоская восьмерка, лежащая на боку и чуть раскрытая с одного конца — символ прерванной вечности. В правой руке он держал длинный дубовый посох, загнутый вверху

Отец Том Зурван остановился, прислонил свой пастырский посох к плечу и сложил плоский овал из большого и указательного пальцев правой руки. В этот овал он трижды продел средний палец левой руки.

— Реките же правду и ничего, кроме правды, — громко произнес он. Снова взяв в руку свой посох, он подошел к стулу и сел. Посох он положил на стол так, что загнутый конец указывал на Кэрда.

— Прости меня, отче! — сказал Кэрд, сидящий за столом.

Отец Том, улыбнувшись, повторил свой жест. В первый раз жест был непристойным, теперь он означал благословение. А также команду освободить словесно всех запертых внутри зверей, вывернуть нутро наизнанку.

Последним вошел Уилл Ишарашвили в зеленом балахоне с коричневыми разводами и широкополой шляпе — форме смотрителя Центрального парка. Он сел на стул и уставился на Джеффа. Все неотрывно смотрели на Кэрда за столом. И все эти лица были его лицом.

— Ну, и что теперь будем делать? — хором сказали они.

Кэрд проснулся.

Несмотря на работающий кондиционер, он весь вспотел, и сердце билось сильнее, чем следовало.

— Может быть, я принял неверное решение, — вымолвил он. — Может быть, мне следовало остаться в одном дне, быть Джеффом Кэрдом и больше никем.

Негромкий шорох подметальных машин за окном вновь усыпил его.

Сидя за столом и завтракая, Кэрд видел в окно огороженный штакетником задний двор. В одном его углу стоял сарай, в другом гараж, в третьем углу был маленький сад. Центр занимала будка из прозрачного пластика — студия. В тридцати футах от нее росла большая яблоня. На ней были яблоки, но прохожие, не слыхавшие про Озму, дивились, должно быть, что это за дерево. Озма расписала каждое яблоко по-разному, но вместе они представляли приятную для глаза картину. Краска не так легко смывалась, но была безвредна, и на столе сейчас стояла целая корзинка этих фруктов.

Озма с Джеффом договорились, что кухню оформит он, и в результате на стенах светились четыре рисунка художников династии Тан. Джефф любил китайский стиль, этот спокойный, будто глазами вечности, взгляд на мир, где фигурки людей всегда в отдалении — маленькие, но значительные, не властители, но неотъемлемая часть гор, лесов и водопадов.

Озма, хотя в ней было больше китайской крови, чем в нем, к картинам относилась прохладно Она была ярко выраженной и ярой западницей.

Сейчас она включила диктофон, чтобы послушать, не оставили ли им средовики каких-либо сообщений Сообщений не оказалось — стало быть, у среды нет замечаний по поводу чистоты и порядка в доме

Их завтрак прервал звонок в дверь Озма, в платьице до колен, таком тонком, что можно было его и не надевать, пошла открыть. Это пришли, как и следовало ожидать, капрал Хайатт и рядовой первого класса Сангалли, работники Манхэттенской Службы Чистоты — в зеленых кепи с длинными черными козырьками, зеленых халатах со знаками отличия и медалями за хорошее поведение, в коричневых сандалиях и желтых перчатках.

Озма поздоровалась с ними, скривившись от перегара, которым они дышали, пригласила их войти и предложила им кофе Они отказались и тут же принялись вытирать пыль, мыть, натирать и пылесосить. Озма вернулась к столу

— И почему они не могут приходить попозже, когда нас нет?

— Потому что у них норма, и потому что им так предписано

Джефф поднялся наверх, почистил зубы и намазался удаляющим щетину кремом. Лицо в зеркале было темным, со связанными в узел длинными темными волосами Карие глаза мрачно смотрели из-под тяжелых бровей Нос длинный, слегка крючковатый, с раздувающимися ноздрями. Челюсть массивная, с круглым, раздвоенным, выдающимся вперед подбородком.

— Рожа в самый раз для легавого, — пробормотал он. — Да я и есть легавый, правда, не на полную неделю.

И взгляд у него, как у черного ворона Хотя о чем ему беспокоиться? Кроме как о том, что его могут поймать? Кроме Ариэль?

Он принял душ, натер подмышки дезодорантом, пошел в спальню и облачился в голубой балахон с черными трилистниками Не то карточка трефы, не то строенные дубинки Он трефово-дубиночный король, а может, валет Или и то и другое. Кэрд не знал, кто придумал этот органический символ — наверное, какой-то бюрократ который счел эту идею весьма тонкой Именно у органиков в руках реальная власть — дубинка

Кэрд взял свою наплечную сумку и спустился вниз. Полоска у входной двери светилась — Озма оставила ему сообщение. Она просила его зайти к ней в студию перед уходом.

Она сидела в своей прозрачной будочке на высоком табурете. Когда Кэрд вошел, она отложила лупу. Кузнечик, которого она рассматривала, был окаменен, чтобы его легче было раскрашивать. Усики у него были желтые, голова бледно-оранжевая, туловище густо-пурпурное с желтыми петельчатыми крестами, ноги угольно-черные. Розовато-лиловая краска, не мешая зрению, покрывала глаза.

— Джефф, я хотела, чтобы ты посмотрел моего последнего. Как он тебе?

— Цвета не сочетаются. По современным стандартам, во всяком случае.

— И это все, что ты можешь сказать? А тебе не кажется, что он произведет сенсацию? Разве это не улучшение природы? Не истинное искусство?

— Не произведет он никакой сенсации. Господи, да в Манхэттене не меньше тысячи раскрашенных кузнечиков. Все к ним привыкли, а экологи жалуются, что ты нарушаешь природный баланс. Хищные насекомые и птицы не едят их, потому что они выглядят ядовитыми.

— Искусство должно радовать, или заставлять мыслить, или делать и то и другое, — сказала она. — Сенсация — это для ремесленников.

— Что ж ты тогда спрашиваешь, произведет он сенсацию или нет?

— Я не имела в виду, что он кого-то ошарашит, или разозлит, или просто покажется чем-то новеньким. Я имела в виду сенсацию в эстетическом смысле. Чувство, что есть Бог на небе, но на земле есть такой человек, который сделал что-то лучше Бога. Ну, ты же меня понимаешь!

— Конечно, — с улыбкой сказал он, повернул ее голову к себе и поцеловал в губы. — Не переключиться ли тебе на тараканов? Они так божественно безобразны. Они нуждаются в улучшении.

— Где же я возьму в Манхэттене тараканов? Придется ехать за ними в Бруклин. Думаешь, так и сделать?

— Не думаю, что власти это одобрят, — засмеялся он.

— Я могла бы их стерилизовать, а уж потом отпускать на волю. А разве тараканы правда безобразны? Если отнестись к ним непредвзято, подумать о них в ином плане, взглянуть на них с религиозной точки зрения — они красивы. Может быть, люди при помощи моего искусства как раз и познают их

истинную красоту. Увидят, какие это бесценные живые сокровища.

— Эфемерные шедевры, — сказал Кэрд. — Недолговечные антики.

Она с улыбкой подняла на него глаза.

— Ты полагаешь, что остришь, но возможно, ты сказал правду. Мне понравилось, как ты выразился. Я использую это в своей лекции. И не так уж они эфемерны. То есть насекомые, конечно, умирают, но мое имя остается. Люди зовут их озмами. Ты видел семичасовой выпуск «Таймс», раздел об искусстве? Сам великий Сэм Фан назвал их озмами. Он сказал...

— Ты же сидела рядом со мной, когда мы это смотрели. В жизни не забуду, как ты при этом ерзала и хихикала.

— Вообще-то он придурок, но иногда говорит верно. Ох, я была в таком экстазе!

Она склонилась над столом и почти микроскопической кисточкой стала наносить черную краску на костяные отростки, через которые воздух поступает в дыхательные трубки насекомого — трахеи. Один химик из Колумбийского университета разработал для нее краску, не мешающую доступу кислорода.

Кэрд посмотрел на окаменелого богомола, лежащего тут же на столе, и сказал:

— Они достаточно хороши и зеленые — и для Господа Бога, и для меня. Зачем это надо — золотить лилию?

Озма выпрямилась, широко раскрыв черные глаза и скривив рот.

— Обязательно надо все испортить? Кто, интересно, выдал тебе диплом критика? Неужели ты не можешь просто полюбоваться моей работой и оставить свое невежественное мнение при себе?

— Ну-ну, — торопливо сказал он, погладив ее по плечу. — Ты же сама говоришь, что надо всегда говорить правду, ничего не таить, свободно выплескивать эмоции. Я счастлив оттого, что тебе твоя работа приносит счастье..

— Не работа, а искусство!

— Да, искусство. И я счастлив, что публика дарит тебя признанием. Извини меня. Ну что я понимаю?

— Слушай-ка, легавый. Изучая насекомых, я многое узнала. Известно тебе, что высшие формы насекомых — пчелы, осы и муравьи — это женские общества? Самцы у них служат только для оплодотворения.

— Да ну? — ухмыльнулся он. — Что бы это значило?

— А то, умник, что мы, женщины, можем посчитать энтомологию ключом к будущему!

Она расхохоталась и прижала его к себе одной рукой, другой придерживая кисточку, связанную тонюсенькой трубочкой с машинкой на столе. Он поцеловал ее — приступы ее гнева разряжались и проходили, как молнии, в них не было ничего затяжного или угрожающего. Потом включил голосом настенную полоску и запросил расписание на сегодня. Он нуждался в таком напоминании, пожалуй, больше, чем кто-либо во всем вторнике.

В половине восьмого они с Озмой идут на артистическую вечеринку. Значит, битых два часа придется стоять, пить коктейли и говорить с людьми, большей частью насквозь фальшивыми. Правда, будет и несколько таких, с которыми поговорить приятно.

А завтракает он с Энтони Хорн, генеральным комиссаром манхэттенских органических сил. И вряд ли речь у них пойдет о полицейских делах. Она иммер.

Напоминалось также, что ему следует зайти к майору Уолленквисту по поводу дела Янкева Гриля. Кэрд нахмурился. Этот Гриль — гражданин понедельника. Как его фамилия оказалась в файлах их округа?

Кэрд вздохнул. Он не знал даже, как выглядит Гриль. Но скоро он это узнает.

ГЛАВА 3

Поцеловав Озму на прощание, Кэрд вывел из гаража велосипед, один из шести. Не проехав и нескольких футов, он понял по жуткому скрипу, что жители понедельника не удосужились смазать педальный механизм, и тихо выругался. Надо бы оставить им ругательную запись, хотя это не такое уж серьезное упущение. Он попросит их участкового механика заняться этим. Вообще-то это не положено, но разве можно быть детективом-инспектором, не пользуясь при этом какими-то маленькими привилегиями?

Нет. Это все-таки нехорошо. И будь он проклят, если поедет на работу на машине, которая его раздражает и привлекает к себе внимание. Кэрд вернулся в гараж и взял другой велосипед. Этот тоже скрипел. Ругаясь, он взял третий, последний взрослого размера, и выехал из гаража. Увидев Озму, согнувшуюся пополам от смеха, он гаркнул:

— Выпрямись! Выглядишь точно корова! И оденься по-человечески!

Озма, не переставая смеяться, показала ему средний палец.

— Хорошенькие у нас отношения, — буркнул он, выехал за белый штакетник на Бликер-стрит и свернул за угол, на велосипедную дорожку вдоль канала. Двое мужчин, удивших рыбу с берега, мельком взглянули на него. Как всегда, на дорожке было полно пешеходов, которым там ходить не полагалось. Многие видели его органический значок, но еле давали себе труд посторониться, а другие и этого не делали.

Пора провести очередной рейд, подумал Кэрд. Правда, пользы от этого никакой — сдерут с нарушителей мизерный штраф, и все тут. Ну их. Его дочь Ариэль, историк, говорила ему, что манхэттенцы никогда особенно не соблюдали правил дорожного движения. И даже в нынешний законопослушный век нарушений столько, что офицеры-органики предпочитают смотреть на них сквозь пальцы.

В воздухе еще сохранилась ночная прохлада, но становилось все теплее. Однако в спину Кэрду дул попутный ветер со скоростью пятнадцать миль в час, помогая крутить педали и создавая легкий холодок. На небе не было ни облачка. Дождя не было уже двенадцать дней, а восемь последних термометр показывал больше ста двенадцати по Фаренгейту. Кэрд исправно нажимал на педали, лавируя между пешеходами. Иногда он поглядывал на канал в десяти футах под собой. По каналу сновали гребные лодки, водные велосипеды и маленькие баржи, толкаемые маленькими буксирчиками. Дома вдоль дорожки стояли в основном двухэтажные, различных стилей; иногда между ними попадался шестиэтажный жилой дом или двухэтажный распределитель товаров. Вдали по правую руку возвышалось огромное здание Тринадцати Принципов, единственный небоскреб на острове. Когда-то на его месте стояло здание Эмпайр Стэйт Билдинг, снесенное пять обвеков тому назад.

Кэрд проехал двенадцать мостов через канал и вдруг увидел, как идущий в шестидесяти футах перед ним пешеход бросил на мостовую банановую кожуру. Джефф посмотрел по сторонам. Ни одного органика поблизости не было. Видно, правду говорят, что органики всегда тут как тут — только не тогда, когда надо. Придется выписывать штраф самому. Он взглянул на часы. Ему осталось пятнадцать минут, чтобы явиться на службу вовремя. Придется опоздать. Но если он задержится по служебным делам, его извинят.

Кэрд затормозил. Нарушитель, тощий бледненький человечек — его малый рост и бледность уже сами по себе вызывали подозрение, — внезапно увидел, что рядом органик. Он застыл, завертел головой, потом усиленно заулыбался и ста-

щил с головы коричневую вьетнамскую шляпу, обнажив нечесаную русую шевелюру.

— Она сама выпала, — заныл он. — Я как раз собирался подобрать.

— Тогда почему же вы от нее удалялись? — спросил Кэрд. — Вы уже отошли на целых двенадцать футов и от кожуры, и от урны на стене.

Кэрд указал на уличную телеполоску:

НЕ СОРИТЬ
ТОТ, КТО СОРИТ, ПОСТУПАЕТ НЕЭСТЕТИЧНО,
АНТИОБЩЕСТВЕННО И НЕЗАКОННО.

ОБО ВСЕХ ЗАМЕЧЕННЫХ НАРУШЕНИЯХ
СООБЩАЙТЕ ПО ТЕЛЕКАНАЛУ 245-5500

Кэрд опустил подпорку велосипеда, открыл сумку, стоящую в корзинке на раме, достал из нее ярко-зеленый ящичек, выдвинул экран.

— Попрошу опознавательный знак.

Провинившийся, держа в одной руке так и не надкушенный банан, снял с шеи цепь. Кэрд взял диск с семью лучами и вставил один из лучей в прорезь своего ящика. На экране появилась надпись:

ДОРОТИ ВУ РУТЕРБИК
CZ-49V. № 27-8b* WAP 412.

Кэрд просмотрел биографические и поведенческие данные, пошедшие вслед за фамилией и личным номером. Рутербик имел четыре взыскания, все за неряшество, но за засорение общественных мест пока не привлекался. Ни досье Рутербика, ни его проступок не давали Кэрду оснований навести на него «небесный глаз» спутника.

Рутербик придвинулся поближе, чтобы взглянуть на экран.

— Окажите снисхождение, офицер!

— А вы подумали о своих согражданах? Что, если кто-нибудь поскользнулся бы на вашей кожуре?

— Ну, простите меня. Я правда не подумал. У меня, офицер, голова другим занята. Ребенок болеет, жена пьет, и я уже пару раз опаздывал без уважительной причины — так это называется. Куда им еще уважительней? У меня одни заботы в голове. У вас тоже есть свои заботы, правда ведь? Ну, может, и нет, раз вы органик. А у меня вот есть, и у всех есть. Имейте жалость. Я больше так не буду.

Кэрд запросил картотеку. На экране вспыхнули все данные на Рутербика, включавшие тот факт, что Рутербик

говорил другим офицерам то же, что и Кэрду. Тогда как детей у него не было, а жена ушла от него три недели назад.

— Теперь я снова опоздаю, если вы меня не отпустите. Я не могу допустить, чтобы мне опять срезали кредит. Я и так мало зарабатываю. Еле на жизнь хватает.

Государство гарантировало, что на жизнь должно хватать всем. Рутербик знал, что Кэрд проверяет его досье, но продолжал врать. А ведь он знал, что ложь обойдется ему как минимум в еще один вычет.

Кэрд вздохнул. Ну зачем они это делают?

Ему-то следовало бы знать. Он гораздо более тяжкий преступник, чем Рутербик, который, собственно, только мелкий правонарушитель, а не уголовник. Но Кэрд верил, по крайней мере уверял себя, что верит, что между ним и другими преступниками есть разница. Качественная разница. Кроме того, если он сейчас из ложного сочувствия отпустит Рутербика, то поставит под удар самого себя. Да и брошенная кожура не просто является нарушением — она действительно опасна.

«И я никому не приношу вреда.

Да, пока нет. Но если меня поймают, многим придется плохо».

Кэрд достал из сумки камеру, зажал ее между двумя пальцами, глядя одним глазом в мини-объектив, и щелкнул. Полученную фотографию он вложил в другую щель своего терминала. Экран показал, что фотография передана и записана в файл. Она подтверждала также, что виновный — действительно Рутербик. Кэрд прочел в микрофон взыскание, наложенное на Рутербика. Через несколько секунд экран подтвердил, что взыскание занесено в файл и на диск нарушителя.

Кэрд вернул диск Рутербику.

— Я оказал вам снисхождение. Вам не нужно являться в суд немедленно. Можете зайти туда после работы. Положите кожуру куда следует и можете идти.

Лицо Рутербика было под стать его нытью — вытянутое, узкое, с длинным унылым носом, близко посаженными водянисто-голубыми глазками и с подбородком, который так и не развился в материнской утробе. Плечи у него были покатые, волосы нечесаные, а платье рваное. От такого следовало ожидать только раболепия — того, что случилось, Кэрд уж точно не ожидал.

Рутербик надел свой диск на шею и пошел прочь, опустив глаза. И вдруг он взвыл, мордочка хорька преобразилась в оскал дикой кошки — а в следующий миг он толкнул на

Кэрда старушку, которая как раз проходила мимо. От толчка Кэрд налетел на свой велосипед и повалился вместе с ним на мостовую. Он завопил от боли — край педали врезался ему в позвоночник. Не успел он встать, Рутербик взвился в воздух и прыгнул обеими ногами, обутыми в сандалии, Кэрду на грудь. У Кэрда из легких с шумом вырвался воздух, и он не смог издать ни звука, когда педаль с новой силой врезалась ему в спину.

Рутербик схватился за руль, выдернул велосипед из-под Кэрда и побежал с ним к бордюру, а потом спустил его в канал. Терминал и сумка пошли на дно вместе с велосипедом.

Кэрд, вновь обретя дыхание и силы, взревел и кинулся на врага. Рутербик будто бы побежал, потом упал на одно колено, ухватил Кэрда за руку, опрокинулся на спину и всадил ноги Кэрду в живот. Кэрд полетел прямо в воду, чуть не ударившись при этом о борт лодки.

Когда он выплыл, отплевываясь — больше от бешенства, чем от воды, — наверху маячила ухмыляющаяся рожа Рутербика.

— Ну что, свинья, получил?

Рядом возникли другие лица. Кэрд крикнул им, чтобы задержали Рутербика, и лица тут же скрылись.

— Вы не исполняете свой органический долг! — заорал Кэрд, но никто уже не слышал его, кроме двух ухмыляющихся человек, сидевших в лодке. Они втащили его через борт и доставили к лестнице под мостом Западной Тридцать третьей улицы. Когда Кэрд выбрался на дорожку, Рутербика и след простыл. Кэрд связался через наручные часы с участком и распорядился, чтобы водолазы достали его велосипед, сумку и терминал. Остальную часть пути он прошел пешком.

Участок на углу Восточной Тридцать третьей и Вуманвэй занимал четвертую часть шестиэтажного дома, составлявшего целый квартал. Мокрый и мрачный Кэрд прошел по входной аллее, где по бокам стояли каменированные офицеры в форме, погибшие при исполнении служебных обязанностей. Они стояли как живые, в достойных позах, хотя при жизни далеко не все вели себя достойно. Ближе всех ко входу на шестифутовом гранитном пьедестале возвышался Абель Ортега, Гончий Пес, былой наставник и напарник Кэрда. Кэрд всегда говорил ему «доброе утро», хотя кое-кто из его коллег находил этот ритуал патологическим. На этот раз Кэрд прошел мимо Ортеги молча, даже не взглянув на него.

И не ответил на приветствие дежурного сержанта. Тот крикнул ему вслед:

— Эй, инспектор, а я и не знал, что дождь идет! Ха-ха-ха!

Не обращая внимания на любопытные взгляды, Кэрд пересек большой вестибюль и зашагал по коридору. В конце помещалась раздевалка. Кэрд открыл шкафчик, выбрал один из дюжины балахонов, а свой мокрый повесил на крючок.

Он поднялся на лифте на третий этаж и вошел в свой кабинет. Экран на столе извещал его о том, что он и так знал. Ему следовало незамедлительно связаться с майором Рикардо Уолленквистом. Вместо этого Кэрд доложил в компьютер, что он на месте, и затребовал досье на Рутербика. Последний его адрес был Кинг-стрит, номер сто. Кэрд вызвал двух пеших патрульных того района и попросил их проверить квартиру. Ему сказали, что это уже сделано пять минут назад. Домой Рутербик не приходил и на работу не явился.

Значит, скорее всего, он ни тут, ни там уже не появится. Совершив нападение на офицера — свое первое серьезное преступление, насколько известно, — он скорее всего подался в район «минни» около Гудзон-парка. Там селились люди, живущие на минимальное гарантированное пособие, личности, по какой-то непонятной причине не желающие работать. Имели они также тенденцию скрывать у себя преступников. Время от времени органики устраивали в этом районе облаву и отлавливали кое-кого из находящихся в розыске. Как видно, пора провести очередную акцию.

Кэрд велел принести кофе и, попивая горячий напиток, немного поостыл. И даже посмеялся, представив себе картину своего купания. Сцена была безусловно смешная, хотя опозорился он сам. Если бы он увидел такое в кино, то хохотал бы. И нельзя в какой-то мере не воздать должное Рутербику. Кто бы мог ожидать, что этакий нытик, плакса, этакое ничтожество вдруг так взорвется?

Его розыск лучше предоставить патрульным. Кэрд выключил экран и хотел отдать полоске команду соединиться с кабинетом Уолленквиста, но вспомнил, что ему надо подать заявление на ребенка. Но не успел он назвать код отдела рождаемости Бюро Народонаселения, на полоске появилось лицо Рикардо Уолленквиста (Долбилы).

— Доброе утро, Джефф! — Его жирная красная рожа прямо сияла.

— Доброе утро, майор.

— Видел мой вызов?

— Да, сэр. Пришлось заняться одним неотложным делом. Я как раз собирался...

— Зайди ко мне, Джефф. Прямо сейчас. Есть кое-что интересное. Это тебе не мелочевка какая-нибудь, не спеку-

ляция дистиллированной водой. Лучше поговорим с глазу на глаз.

— Иду, майор, — сказал Кэрд и встал.

Уолленквист придавал большое значение личным контактам. Общение с помощью электроники он не одобрял. Это слишком безлично, слишком отстраненно

«Сколько барьеров! Провода, волны, экраны! Нельзя узнать человека по-настоящему или проникнуться к нему симпатией, и он не узнает тебя и не почувствует симпатию к тебе, если говорить через аппаратуру. Вы просто призраки и больше ничего. Тут нужна плоть и кровь, дорогуша. Нужно потрогать и понюхать. Электричество, оно в душу не заглядывает. Не передает нужные сигналы. Лицом к лицу, нос к носу — это другое дело. Видит Бог, мы и так утратили уйму человеческого. Надо сберечь остатки. Плоть к плоти, глаза в глаза. Потрогать и понюхать».

Все это прекрасно, думал Кэрд, поднимаясь в лифте. Беда в том, что Уолленквист жить не может без лука. Ест его на завтрак, обед и ужин. И при этом норовит держаться как можно ближе к человеку, с которым говорит.

Кабинет Уолленквиста был в два раза больше, чем у Кэрда — так оно и следовало. Сам майор, однако, был лишь на четверть крупнее своего лейтенанта. Ростом шесть футов семь дюймов, весил он двести восемьдесят семь фунтов. Фунтов девяносто приходилось на избыточный жир. Департамент Здравоохранения, конечно, выражал свое недовольство, но у майора было достаточно связей, чтобы ему не слишком докучали. Мелкий бюрократ не решился бы атаковать напрямую майора-органика, а руководство департамента не очень-то ретиво боролось и с собственным жирком. Рядовой обыватель — дело другое, вот он-то должен соответствовать всем меркам этого, официально бесклассового, общества. Так оно было всегда, так и будет.

Майор поднялся с огромного мягкого кресла, когда вошел Кэрд, и потряс в воздухе сложенными вместе руками. Кэрд ответил тем же.

— Садись, Джефф.

Кэрд взял себе стул. Уолленквист обошел свой полукруглый стол и присел на его край, подавшись вперед так, что казалось — он вот-вот упадет. Как Шалтай-Болтай, подумал Кэрд. Но тот хоть луку не ел.

— Ну как там жена, Джефф? — ухмыльнулся Уолленквист

На секунду Кэрду стало дурно Уж не совершила ли Озма чего-то противозаконного?

— Прекрасно

— Все букашек раскрашивает?

— Ну да.

Уолленквист расхохотался и хлопнул Кэрда по плечу.

— Вот здорово, да? Не знаю, искусство это или нет, зато реклама хорошая. Ее все знают. Я слышал, даже вечер в ее честь устраивают.

У Кэрда отлегло от сердца. Майор просто создает душевный настрой. Живое общение — глаза в глаза, нос к носу.

— А дочка как поживает? Ариэль... Маузер, верно?

— Чудесно. По-прежнему преподает в университете Восточного Гарлема.

Уолленквист кивнул. Его щеки затрепетали, словно паруса.

— Вот и славно. На вечер, значит, идете? Будет кто-нибудь, кого я знаю?

— Возможно. Это такое богемное сборище. Устраивает его Малькольм Чен Кант, хранитель Музея Двадцатого Века.

— Да, я о нем слышал, конечно. Но сам в тех кругах не вращаюсь. Хорошо, что ты там бываешь. Органик должен знать людей, не принадлежащих к его профессии.

«Тебе и невдомек, сколько таких людей я знаю», — подумал Кэрд. И продолжил ритуал, осведомившись о здоровье майора, его жене, двух детях и трех внуках.

— Чудесно, лучше не бывает.

Уолленквист сделал паузу. До этого момента Кэрд старался держать голову так, чтобы видеть майора только уголками глаз. Теперь он повернулся к начальнику лицом — и получил полный заряд.

— У меня такое дельце — сразу ушки насторожишь, — сказал Уолленквист. — Дневальный! Ага, я ж говорил! Мигом встрепенулся, да? — Он ткнул Кэрда в плечо. — Общее руководство, конечно, я оставляю за собой, но все удовольствие получишь ты. Ты отличный мужик, ей-Богу, и больше того — ты мне нравишься!

— Спасибо, — сказал Кэрд. — Мне тоже... отлично работается с вами.

— Я своих людей знаю. Пусть это нескромно, но есть у меня этот нюх, умение отбирать лучших из лучших. Ты у нас, Джефф, настоящая ищейка.

ГЛАВА 4

Майор слез со стола, к большому облегчению Кэрда, обошел его, сел и включил стенную полоску сзади и сбоку от себя, повернувшись к ней на крутящемся стуле.

— Это не какой-нибудь дюжинный дневальный.

В кадре появилось изображение мужчины — в трех проекциях и в полный рост. Далее последовали снимки того же человека без одежды. Оба органика как завороженные уставились на член с обрезанной крайней плотью. Кэрд еще ни разу не видел такого у живого человека, да и на фотографиях не часто встречал. Экзотично, но безобразно и отдает каменным веком.

Последовал крупный план головы и плеч того же субъекта. У него были длинные рыжие волосы, и он носил зеленую круглую шапочку. Пышная рыжая борода обрамляла сильное широкое лицо с маленькими зелеными глазами. Нос короткий и широкий, с крупными ноздрями, а губы очень тонкие.

ЯНКЕВ ГАД ГРИЛЬ ПОНЕДЕЛЬНИК, ВЗРОСЛ.

Последовал личный код, следом потянулись коды отпечатков пальцев, формы ушей, рисунка сетчатки, следов ног, голоса, запаха в нормальном состоянии, группа крови, рентгенограммы и сонограммы скелета и черепа, топографические и волновые снимки мозга, гормональный баланс, волосяные, кровяные и генетические карты, внешние измерения, коэффициент умственного развития, коэффициент психического развития, социальный коэффициент и индекс походки.

Уолленквист дал полоске команду подавать информацию помедленнее. Через несколько секунд Кэрд сказал:

— Стоп! Аллергия на моллюсков? Но правоверные евреи не едят моллюсков!

— Ага! — воскликнул майор, как человек, которого только что осенило. — Не едят, точно, а он вот ест. То есть ел. Один раз. После этого у него возникли головокружение и сыпь. Вот, видишь? Он решил, что это Бог его наказал.

— Никто не совершенен, — сказал Кэрд.

— Но все-таки человечество идет к совершенству!

«Как же, — подумал Кэрд. — На будущий год мы соберемся в Иерусалиме. Второе пришествие Христа может произойти с минуты на минуту. Пролетариат возьмет власть в свои руки, и государство постепенно отомрет».

— Как видишь, — сказал Уолленквист, — он был образцовым гражданином, если не считать его религиозности. — А потом вдруг раз! — Майор вскинул руки. — Испарился! Не вышел вчера из своего каменатора. Его коллеги по университету Йешива, конечно, забеспокоились — семьи у него нет, — открыли цилиндр, а он пустой. Ни записки, ничего, что объяснило бы случившееся. — Майор наклонился к Кэрду: — Это значит, что он во вторнике. В это самое время!

Кэрд встал со стула и начал шагать взад-вперед.

— Янкев Гриль. Я знаю этого человека.

— Знаешь? Но ведь...

— Вы не до конца прочли его досье. Он играет в шахматы с другими днями — по записи. Я — один из его противников. Я знал его только по имени и сейчас, разумеется, впервые увидел его. Но я — чемпион Манхэттена и завоевал седьмое место в мировом чемпионате вторника, а во вседневном чемпионате занял двенадцатое место. А Гриль занял одиннадцатое.

— Правда? Я сам-то в шахматах не очень. По мне, рыбалка лучше. Но все равно я горжусь, что ты чемпион, хотя бы и по шахматам. Все управление тобой гордится.

Он приблизился к Кэрду, но тот повернулся и отошел. Отойдя от майора как можно дальше, Кэрд снова повернулся к нему:

— Вы что же, хотите дать мне темпоральный паспорт?

Майор упорно приближался.

— О нет. В этом нет нужды. И слишком большая волокита. Раз ты о нем кое-что знаешь, играл с ним в шахматы, вот и поищи его сегодня. Посвяти этому побольше своего времени.

— Ну, либо он просто перешел в наш день, либо будет нарушать все дни подряд. Только зачем это ему? Найти мотив — значит найти преступника.

— Превосходно, — сказал майор, потирая руки. — Я умею подбирать кадры.

Кэрд ускользнул от Уолленквиста, подошедшего нос к носу.

— А можно будет получить разрешение на допрос по записи его понедельничных коллег?

— Я подам просьбу, но пройдет какое-то время, пока мы получим ответ.

Слова «подам просьбу» напомнили Кэрду о требовании Озмы.

— Я немедленно возьмусь за это дело, майор, — сказал он, направившись к двери. — Если только у вас для меня больше ничего нет.

— Черт возьми, дорогуша, не могу же я говорить тебе в затылок!

Кэрд с улыбкой обернулся:

— Прошу прощения, майор. Не терпится взяться за работу, наверно.

— Ничего, ничего, мой мальчик. Я всегда счастлив, когда мои люди выказывают рвение. Сегодня такое не часто встретишь.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Просто держи меня в курсе, — махнул рукой Уолленквист. — А, да, я видел в твоем расписании... ты ведь завтракаешь с генеральным комиссаром?

Зависть? Негодование?

— Да, сэр. Мы с комиссаром выросли в одном квартале, учились в одной школе. До сих пор с удовольствием встречаемся иногда, поговорить о старых временах. И потом мы родственники. Моя первая жена приходилась ей кузиной.

— Да-да. Я нисколько не любопытничаю. — Майор взглянул на две полоски, зажегшиеся одновременно. — Дела, дела. Ну, беги. Желаю приятно позавтракать. Передай комиссару привет от меня. Главное, доложи, что выяснишь о Гриле — ничего себе имечко! Доложи еще до ленча.

Джефф отдал майору честь, чего тот не заметил. Уолленквист переводил взгляд с одной полоски на другую, не зная, которая важнее. Кэрд вернулся к себе и запросил на полоске последний ход Гриля.

Перед ним появилась шахматная доска из шестидесяти четырех чередующихся зеленых и красных квадратов — восемь горизонтальных рядов по восемь квадратов в каждом, восемь зеленых фигур и восемь красных. Партию начал Гриль, играющий зелеными, его первый ход был e2—e4. Зеленый квартальный передвинулся на четвертый вертикальный квадрат. Джефф сделал такой же ход своим красным квартальным.

Второй ход Гриль сделал органиком, поставив его на f3. Кэрд еще подумал тогда, что шахматисту начала двадцать первого века было бы не так уж трудно следить за игрой. Он быстро бы разобрался, что белые и черные квадраты преобразились в зеленые и красные. Короли стали всемирными советниками, ферзи — суперорганическими директорами, ладьи — интерорганическими координаторами, слоны — губернаторами, кони — органиками, пешки — квартальными. Если бы гипотетический шахматист былых времен имел какое-то понятие о нынешней системе управления, он сообразил бы, что эти переименования сделаны по политическим соображениям и большого значения не имеют.

Кэрд изучал доску минут пять, хотя его и терзало ощущение, что он пренебрегает долгом ради удовольствия. Кроме того, его интересовало, где находился Гриль, когда делал свой последний ход.

Он дал полоске команду сделать ход органиком. Неизвестно, увидит ли когда-нибудь беглец этот его ход. Кэрд надеялся, что увидит. Они играли опасную, но возбуждающую

партию, где защита неразлучна с нападением. Их всемирные советники сейчас открыты — они, как сказал некогда один гроссмейстер, подвергаются угрозе со всех сторон.

Так же обстоит дело с ними обоими и в жизни.

Кэрду необходимо было уладить несколько дел, прежде чем заняться Грилем. На следующий вторник планировалась облава в Тао Тауэрс, многоквартирном доме на Западной Одиннадцатой улице. По сообщению информатора, некоторые жильцы там не только курят табак, но и торгуют им. Приверженцы вредных привычек не переводятся, даже после семи поколений соответствующего обучения и воспитания.

Бедных, вопреки словам Иисуса, в обществе больше нет. Во всяком случае, людям нет необходимости быть бедными. А вот извращенцы по-прежнему существуют — что ни час, то новый родится.

Рейд в районе минни, связанный с розыском Рутербика, начнется в течение ближайшего часа. Кэрд не собирался присутствовать там лично. Он поручил командование детективу-инспектору Энн Вон Гулс, но намеревался поддерживать с группой постоянный видеоконтакт.

Он запросил результаты спутникового поиска Рутербика и Гриля и через десять минут получил их. Три «небесных глаза» снимали сверху Манхэттен и примыкающие к нему территории под тремя различными углами. Компьютеры передали голографии преступников на центральную базу, где изображения сравниваются с лицами манхэттенцев, заснятых на улицах или на крышах домов. Результат пока был нулевой. Этого можно было ожидать — ведь Грилю и Рутербику достаточно надеть широкополые шляпы и опустить головы, чтобы избежать съемки. Однако всех, на ком были такие шляпы, небесные глаза брали на заметку, и дома, в которые эти люди входили, регистрировались. К сожалению, в Органическом Департаменте недоставало персонала для проверки всех этих следов. Разве что адреса в центре Манхэттена, да и это займет много времени.

Получить фальшивые опознавательные знаки было нетрудно, если знать, куда обратиться. Рутербик как раз из таких, которые должны это знать. Но Гриль-то — книжник, затворник. Что он может знать о подпольном мире? Ничего — если только он не задумал стать дневальным задолго до этого и не подготовился как следует.

Кэрд мысленно отложил Рутербика на потом и стал думать о Гриле. Найти мотив — значит найти преступника. Прекрасное изречение, только ему-то не надо выискивать подозреваемых — он знает, кто преступник.

Понедельник передал биоданные Гриля вторнику, но Кэрду нельзя допросить близких Грилю людей. Это дело понедельника. Почти все, что Кэрд может сделать, — это передать данные по Грилю на терминалы всех органиков, чтобы им было чем руководствоваться в розыске. «Небесные глаза», разумеется, тоже будут вести обзор улиц в поисках похожих на Гриля субъектов. Кэрд не думал, что Гриль настолько глуп, чтобы разгуливать по улицам среди бела дня. Кроме того, Гриль мог остричь волосы и сбрить бороду, хотя «небесные глаза» обмануть нелегко. Департамент Удостоверений, наверное, уже спроектировал снимки Гриля с выбритым лицом и разослал их.

В досье Гриля содержалась кое-какая интересная информация — вот, например, о том, что он последний человек на Земле, говорящий на идише. А еще он специалист — по существу, единственный специалист — по одному древнему автору, именуемому Церинтий. Две работы Гриля, посвященные ему, заложены в Мировой Банк данных. Кэрд запросил резюме относительно Церинтия, больше из любопытства, чем в надежде получить какой-то ключ.

Церинтий был христианин, живший в первом или втором веке старой эры. Рожденный иудеем, он перешел в христианство, но повсеместно считался еретиком. Полагают, что святой Иоанн написал свое Евангелие ради обличения заблуждений Церинтия. Об этом человеке очень мало что было известно, пока три объективных века назад на юге Египта не был найден один манускрипт. Церинтий основал секту евреев-христиан с гностическим уклоном, которая просуществовала недолго. Будучи христианином, он, однако, из всего Нового Завета признавал только Евангелие от Матфея. Церинтий учил, что мир был создан ангелами, один из которых вручил евреям их закон. Но закон этот был несовершенен. Церинтий также был сторонником обрезания и соблюдения субботы.

— Такой же чокнутый, как они все, — пробурчал Кэрд, выключив экран.

Другая полоска вспыхнула оранжевыми буквами и громко засигналила — это Озма напоминала, чтобы он подал заявление на ребенка. Кэрд выключил досье на Гриля и перешел к настольному компьютеру. Он успел заполнить только четыре пункта на бланке, когда замигала еще одна полоска. Рутербик был замечен в районе Гудзон-парка.

Кэрд перевел бланк заявления в режим паузы и связался с женщиной, передавшей это сообщение, капралом Хатшепсут Эндрюс Руиз. Она стояла перед передаточной полоской на улице, но видно ее было плохо. Какой-то минни, наверно,

закидал полоску грязью или еще чем похуже. На тротуаре рядом с капралом стояли трое органиков, рядовые первого класса. У одного была маленькая камера, которой он снимал панораму улицы. Кэрд запросил картину обзора, и улица появилась на полоске рядом с той, что показывала Руиз. Женщина, донесшая на Рутербика, стояла рядом с Руиз, держа в руках большой пакет с продуктами. Руиз, козырнув, сказала:

— Свидетельница, Бенсон Мак-Тавиш Паллагули, 128...

— Это я получу из компьютера, — сказал Кэрд. — Что случилось?

— Свидетельница только что вышла из продуктового распределителя на Вест Кларксон-стрит с пакетом, на верху которого лежала гроздь бананов.

Кэрд уже собрался было сказать капралу, чтобы она это опустила, но упоминание о бананах его удержало.

— Разыскиваемый Дороти Ву Рутербик, однозначно опознанный Паллагули, проходил мимо и при этом оторвал один банан от грозди, лежавшей сверху на пакете Паллагули. Затем Рутербик побежал по улице, — Руиз указала на запад, — до угла Вест Кларксон и Гринвич. На углу разыскиваемый, согласно показаниям Паллагули и двух других свидетелей, повернул налево и побежал по Гринвич-стрит. После чего вошел в здание, обозначенное как GCL-I.

Перед Кэрдом на полоске проецировался план района, так что он мог проследить весь маршрут беглеца. На другой полоске возникло здание, в котором скрылся Рутербик — эти кадры снимали с двух точек двое патрульных. Командир наряда, Ванда Конфуций Торп, как раз выходил из подъезда с электродубинкой в руке. За ним шли трое органиков, все с электродубинками.

Кэрд связался с Торпом и спросил, оцеплен ли дом. Сержант, с легким возмущением в голосе, ответил, что он, разумеется, распорядился. Одна из камер показала Кэрду две оранжево-белые машины, стоящие у кромки тротуара рядом с домом. Кэрд вызвал операторов с двух других сторон дома и получил полную картину операции. Дом занимал весь квартал, но между ним и тротуаром был еще палисадник с нестриженым газоном, поросшим одуванчиками и прочими сорняками, с множеством пальм и сикоморов. Квартальный, безусловно, получил не один выговор от властей с приказом очистить газон. Но руководители у минни зачастую такие же неряхи и бунтари, как и их подчиненные.

Дому около сорока объективных лет — он строился в ту пору, когда Архитектурное Бюро было одержимо корабельным дизайном. Одна сторона здания изображала закруглен-

ный «нос», другая — «корму». Все это вместе с трехэтажной надстройкой на плоской кровле напоминало авианосец двадцатого века. Комнаты в выступающем наружу верхнем этаже имели окна в полу, и их жильцы могли смотреть прямо в палисадник.

Может быть, Рутербик сидит в одной из них и глядит сверху на органиков.

Кэрд места себе не находил от возбуждения. Вот уже три месяца, как он не участвовал в акции. А тут целых две в один день.

Он запросил у компьютера все упоминания о бананах, хранящиеся в досье Рутербика. Результат вспыхнул на полоске почти немедленно. Ознакомившись с ним, Кэрд велел Руиз спросить у Паллагули — знает ли та человека, стащившего у нее банан, и проследил за их диалогом. Темнокожая свидетельница слегка изменилась в лице, но тут же вознегодовала:

— Сроду я этого поганца не видела, а увижу, так засуну ему банан туда, где солнца не бывает.

Руиз перед опросом сняла данные с опознавательного диска Паллагули. Кэрд бегло просмотрел их, дав компьютеру указание увеличить и выделить оранжевым любые упоминания о Рутербике. Через несколько секунд выделился один параграф. Кэрд остановил кадр и прочел его. Паллагули была соседкой Рутербика по четвертому этажу дома на Доминик-стрит три обгода тому назад.

Кэрд обреченно вздохнул. Должна же Паллагули знать, что это содержится в ее досье — знает и все равно врет. Из глупости или из чувства противоречия? Какая разница. Следовало бы ее допросить в участке. Но Кэрд и так мог поспорить на тридцать кредиток, что все ее показания — вранье. Рутербик обратился к ней за помощью, и она помогла. Более того, он подбил еще двоих минни дать ложные показания. Вместо того чтобы повернуть налево, на юг, и войти в тот дом, он повернул направо и скрылся... где? Где-то поблизости, но за пределами полицейского невода.

А вдруг у него хватило ума сообразить, что командир органиков раскусит этот его маневр и он на самом деле зашел в тот дом? Нет, вряд ли. Это уж значило бы перемудрить.

Кэрд отменил бы поквартирный обыск, будь он убежден в своей правоте на сто процентов. Пока что он запросил подкрепление, чтобы расширить невод и послать людей в близлежащие многоэтажные дома. Ему ответили, что могут выделить не больше десяти человек.

Кэрд взглянул на полоску, где мигало «ЗАЯВЛ. В ПАУЗЕ!». Сейчас этим некогда заниматься. Заявление на то, что Озма хочет иметь от него ребенка, придется передать попозже.

Еще одно сообщение: секретарь генерального комиссара спрашивает, не может ли он перенести время ленча на одиннадцать тридцать. Кэрд ответил, что может, и на полоске загорелось: ПРИН. И ДОЛОЖ.

Поступил ответ на его запрос по спутниковому поиску Рутербика. Обычно это занимает десять минут, но сегодня, неизвестно почему, все каналы были забиты. Кэрд изучил снимки и обратился в подстанцию Гудзон-парка за подкреплением. Он просил еще десять пеших органиков, но получил ответ, что ни одного не будет несколько ближайших часов, если не дольше.

— Это почему?

— Виноват, инспектор, — сказал сержант, — но у нас исключительно зверское убийство на Кармин-стрит. Две жертвы — женщина и ребенок.

Кэрд остолбенел.

— Выходит, в Манхэттене за этот субгод произошло уже два убийства, а еще и второй месяц не кончился. Бог ты мой, да за весь прошлый субгод было всего шесть!

Сержант печально кивнул:

— Это превращается в эпидемию. Общество загнивает, сэр, да и эта жуткая жара тоже способствует.

Разговор с сержантом заставил Кэрда нахмуриться. Органические силы могли бы быть гораздо многочисленнее и он не испытывал бы сейчас недостатка в персонале, если бы каждый органик не обязан был защитить докторскую степень по криминологии. Так нет же — каждый кандидат сначала проходит психологический тест (идеологический, следует понимать), после которого пять из десяти отсеиваются. Оставшиеся шесть субъективных лет обучаются в Вест-Пойнте. Тот или та, кто выдерживает суровую дисциплину и получает среднее «В» по всем предметам, становится пешим патрульным нулевого класса.

Ну что ж, приходится работать с тем, что есть. К трем часам дня, судя по полоске прогноза погоды, и на «небесные глаза» уже нельзя будет полагаться. Ожидается сплошная облачность.

ГЛАВА 5

К одиннадцати утра Рутербика еще не засекли и не схватили. Кэрд еще несколько минут позанимался другими делами, потом вышел на улицу. Служебный роботокар повез

его по бульвару Вуманвэй до Колумбус-серкл, а потом по Западной Сентрал-парк до Западной Семьдесят седьмой улицы. Здание Общества Джона Рида занимало целый квартал под номером сто на Семьдесят шестой и такой же квартал на Семьдесят седьмой улице, охватывая все промежуточное пространство. Чуть к северу от него находился Музей естественной истории. Кэрд вышел из машины на уровне третьего этажа, кар медленно отъехал и сполз вниз по западному пандусу. Кэрд оказался в огромном вестибюле, оформленном в том году в микенском стиле. Золотые маски Агамемнона улыбались ему со стен, с потолка и с пола. В середине зала бил фонтан со статуей Аякса, бросающего вызов богам. Флюоресцирующая молния из желтого пластика как бы падала с потолка на дерзостного и обреченного ахейца. Скульптуру выбирал, не иначе, какой-нибудь бюрократ, посчитавший уместной заключенную в ней ненавязчивую мораль. Если ты настолько глуп, чтобы выступать против правительства, тебя мигом поджарят.

Впрочем, в этом стопроцентно грамотном обществе, где можно при желании всю жизнь бесплатно учиться, девять десятых и не слыхивало об Аяксе, первом человеке-громоотводе, а остальным он был безразличен. Так что мораль пропадала втуне, а исполнение казалось Кэрду чересчур назойливым.

Он поднялся на пневматическом лифте на самый верх и вошел в ресторан «Зенит» в 11.26. Мэтру он сказал, что приглашен комиссаром Хорн. Мэтр нажал три клавиши, и на экране появилось лицо Кэрда, а под ним — несколько строк информации.

— Очень хорошо, инспектор Кэрд. Прошу за мной.

«Зенит» был очень элегантным и изысканным заведением. Шесть музыкантов на подиуме играли под сурдинку, и все беседы звучали приглушенно — пока Энтони Хорн не поднялась из-за стола, чтобы поздороваться с Кэрдом. Она устремилась к нему с протянутыми руками, в развевающихся оранжево-пурпурных одеждах.

— Джефф, дорогой!

Сидящие за столиками вскидывали глаза и морщились от звуков ее зычного голоса. Потом Кэрд погрузился в облако шелка, духов и пышной плоти. Ее груди, если смотреть сверху, напоминали зрелище пары соседних планет с высоты сорока тысяч футов. Кэрд не оказал сопротивления, когда его прижали к ним лицом, хотя вид у него при этом был не слишком солидный. На один краткий миг он почувствовал себя счастливым и защищенным на груди у Великой Матери.

Энтони отпустила его и улыбнулась, показав крупные белые зубы. И повела его за руку к своему столику в отделении для употребляющих мясо. Она была на шесть дюймов выше его шести футов трех дюймов, хотя четыре дюйма разницы приходились на высокие каблуки. Плечи и бедра у нее были широкие, талия — очень тонкая. Золотистые волосы были уложены в затейливую прическу, изображавшую треуголку восемнадцатого века — последний крик моды. Огромные золотые серьги, каждая с китайской идеограммой слова «рог» («хорн»), болтались в маленьких, плотно прижатых к голове ушах.

Они сели. Она облокотилась о стол, и ее груди выставились вперед, как две белые волчицы, которые вот-вот вырвутся и кинутся на добычу. Большие синие глаза встретились с глазами Кэрда. Гораздо тише, чем раньше, она сказала:

— У нас большая и скверная проблема, Джефф.

Он, вскинув брови, тихо спросил:

— Правительство узнало о нашем существовании?

— Пока еще нет. Мы...

Она умолкла, поскольку к ним подошел официант — высокий бородатый сикх в чалме. Некоторое время они выбирали напитки и изучали печатное меню. «Зенит» был чересчур элегантен, чтобы показывать меню на стенных полосках. Когда официант отошел, Хорн спросила:

— Помнишь доктора Чена Кастора?

Кэрд кивнул:

— Уж не сбежал ли он?

— Да, сбежал.

Кэрд зарычал, словно от удара в солнечное сплетение, но тут официант как раз принес ему вино, а Хорн — джин, а еще через две минуты подоспел со складным столиком и двумя подносами, уставленными множеством блюд. Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы подать заказ. Блюда были приготовлены заранее — некоторые в прошлый вторник, а некоторые и два субгода назад — и каменированы. После раскаменации их нужно было только подогреть и разложить на тарелках.

Они болтали о семейных делах, пока официант не ушел. Кэрд показал большим пальцем ему вслед.

— Информатор?

— Да. Я воспользовалась своими связями и кодом, который мне по идее знать не положено, чтобы выявить здешних информаторов. Однако жучков здесь нет и направленных

микрофонов тоже. Слишком много шишек здесь столуется.— Она разрезала свой бифштекс и положила кусочек в рот.— Дело тут... не только в том, что ты органик и можешь быть нам полезен. То, что произошло... затрагивает тебя лично.

Прожевав мясо, она пригубила свой джин. Кэрду стало ясно, что Хорн глубоко потрясена. Иначе она опорожнила бы высокий бокал наполовину еще до того, как подали еду. Она, как видно, боялась притупить свои мыслительные способности.

Чен Кастор был иммером и блестящим ученым — он возглавлял физический сектор в Институте Ретсолла. Он всегда был эксцентричен — но когда он начал проявлять признаки психического заболевания, организация иммеров немедленно приняла меры. Дело представили так, будто он гораздо более нестабилен, чем действительно был в то время. Его поместили в клинику, которая, будучи правительственной, тайно контролировалась иммерами. Там Кастор быстро соскользнул в зыбучие пески глубокого психоза, из которых, похоже, ему не суждено было выбраться до самой смерти. Наука четырнадцатого века Новой Эры, при всей своей мощи, оказалась бессильна вытащить его.

Кэрду вспомнился другой ленч, в другом месте, когда Хорн сказала ему, что Кастор возомнил себя Богом.

— Он же атеист,— сказал тогда Кэрд.

— Был — и в каком-то смысле остается им. Он говорит, что Вселенная сформировалась по чистой случайности. Но структура ее такова, что в конце концов, после многих эпох, она неизбежно рождает Бога. Его, Кастора. Который устроил все так, что понятия «случай» больше не существует. Все, что происходит с момента кристаллизации Божества — хотя это тоже была случайность, последняя во Вселенной — все, что происходит с того момента, управляется Им. Им с большой буквы. Он настаивает, чтобы к нему обращались «Ваша Божественность» или «О Великий Иегова». И говорит, что никакого Бога не было, пока не появился он. Космическое время он делит на две эры — Д. Б., то есть до Бога, и П. Б.— после Бога. Он точно скажет тебе, с какой секунды началась новая хронология, даже если ты его об этом не спросишь.

Эта их беседа происходила три обгода назад.

Теперь Энтони Хорн тихо произнесла:

— Ты ненавистен Богу.

— Что?

— Не будь таким смущенным и виноватым. Под Богом я, конечно, подразумеваю Кастора. Кастор ненавидит тебя и

хочет до тебя добраться. Вот почему я должна была тебе об этом сообщить.

— Но почему? Я хочу сказать — почему он меня ненавидит? Из-за того, что я его арестовал?

— Ты попал в точку.

Вся та операция направлялась и контролировалась иммерами. Хорн, тогда генерал-лейтенант, лично отдала ему приказ взять Кастора под стражу. Кэрд отправился к Институту Ретсолла и будто бы случайно оказался на месте в момент осуществления заговора. Двое иммеров разгромили лабораторию, а обвинили в этом Кастора. Последний впал в буйство и набросился на тех двоих, вне себя от того, что его так подставили. Кэрд отвез его в ближайшую больницу, как предписывалось органическими правилами. Но вскоре после этого суд, где выступала экспертом доктор Наоми Атлас, тоже иммер, направил Кастора в Экспериментальную психическую клинику Тамасуки на Западной Сорок девятой улице. С тех пор его никто не видел, кроме Атлас и трех сестер первого класса. Причем одной только Атлас разрешалось разговаривать с ним.

— На твоем месте мог бы оказаться любой другой, — сказала Хорн. — Любой, кто его бы арестовал. Тебе просто не повезло. — Она снова пригубила джин, поставила бокал и спокойно продолжила: — Он в какой-то степени манихеец. Вселенную он делит на добро и зло, так же как и время. Зло — это тенденция космоса вернуться к случайному порядку событий. Однако случаем должен кто-то управлять...

— Как, черт возьми, можно управлять случаем?

— Не спрашивай меня, — пожала плечами Хорн. — Кто я такая, чтобы задавать вопросы Богу? Нельзя же требовать от безумца, чтобы он рассуждал логически. Кастор свои шизофренические противоречия разрешает без труда, и в этом он отнюдь не одинок. Важно то, что думает он сам. Его божественная мудрость и проницательность открыла ему, что ты — Тайный и Злонамеренный Управитель Случая. Он именует тебя Сатаной, Вселенским Зверем, Вельзевулом, Анграа Майнью и не упомню уж, как еще. Он сказал, что разыщет тебя и сокрушит, и ввергнет тебя в бездну, с воем и скрежетом зубовным.

— Почему же мне раньше об этом не говорили?

— Напрасно ты так возмущаешься. Люди могут заметить. Не говорили, потому что в этом не было надобности. Ты же знаешь, мы стараемся свести все взаимные связи до минимума. Атлас рассказывала о Касторе одной только мне, да и то в немногих словах, и делала это на разных приемах и

общественных мероприятиях. — Энтони помолчала немного, потом опять перегнулась через стол и заговорила еще тише: — Приказано его каменировать и спрятать тело, если это возможно. Если невозможно — убить его.

Кэрд слегка вздрогнул, потом вздохнул:

— Я знал, что когда-нибудь до этого дойдет.

— Мне это отвратительно, — сказала Тони. — Но этого требует общее благо.

— Благо иммеров, ты хочешь сказать.

— Не только. Кастор безнадежный маньяк и представляет опасность для всех, кто попадется ему на пути.

— Я никогда еще никого не убивал.

— Но ты способен на это. И я способна.

Кэрд потряс головой:

— Да, так показали наши психотесты, но они ведь не на сто процентов точны. Я узнаю это, только когда должен буду сделать — и, возможно, не смогу.

— Сможешь. Ты поймаешь его и сделаешь то, что должен будешь сделать. Послушай, Джефф...

Она положила ладонь на его руку и посмотрела ему в глаза. Он замер.

— Я... — Она прочистила горло. — Я получила сегодня решение совета... насчет Ариэль. Мне жаль, искренне жаль, Джефф. Но...

— Ей отказано!

Тони кивнула:

— Они говорят, что она слишком нестабильна. Психопроекция показала, что она чересчур обременена социальной ответственностью. Рано или поздно она сломается и выдаст все властям. А если не сделает этого, то ее ждет психический срыв.

— Они не могут знать этого наверняка, не могут, — бормотал Кэрд.

— Вероятность достаточно велика. Они не вправе рисковать.

— И апеллировать сейчас бесполезно, — хрипло заметил он. — Не тот случай. Скажи мне — это решение окончательное или можно снова к ним обратиться через пять лет? В конце концов, Ариэль только двадцать. Может, она еще повзрослеет.

— Можешь тогда попытаться еще раз. Однако психопроекция...

— Довольно, — сказал он. — У тебя все?

— Прошу тебя, Джефф. Не так уж все плохо. Ариэль вполне может быть счастлива, и не будучи иммером.

— Ариэль, но не я — только это, полагаю, значения не имеет. Сначала они отвергли Озму, теперь — Ариэль.

— Ты же знал, становясь иммером, что такое возможно. От тебя ничего не скрыли.

— Ну, теперь-то у тебя все?

— Давай, Джефф — убей гонца, принесшего дурную весть.

Он погладил ее руку:

— Ты права, а я нет. Просто... мне так обидно за нее.

— И за себя тоже.

— Да. Можно мне теперь уйти?

— Да. Ох, Джефф, только не плачь!

Он достал из сумки платок и вытер слезы.

— Наверное, тебе сейчас лучше побыть одному, Джефф.

Она встала из-за стола, он тоже. Он пропустил ее вперед, поскольку она была выше по званию. Когда она остановилась, чтобы кассир мог вложить счет в ее опознавательный диск, он прошел к выходу, сказав тихо:

— До встречи, Тони.

— Не забывай докладывать, — сказала она ему вслед.

По рации, встроенной в часы, он вызвал из участка машину, услышал, что придется подождать двадцать минут, и остановил такси. Несколько кредиток, не велика важность. Однако, сев в машину, он пожалел, что не стал ждать. Он с трудом сдерживал слезы — в роботокаре он мог бы выплакаться вволю.

К участку он подъехал уже с сухими глазами. Прошел к себе в кабинет и доложился Уолленквисту — майора разбирало любопытство по поводу его встречи с Хорн, но он не смел задавать инспектору слишком много вопросов.

Гриль исчез бесследно, словно провалился в древние заброшенные катакомбы метро и канализации. Возможно, именно туда он и ушел. Десять патрульных с сержантом во главе сейчас разыскивали его на самом глубоком известном участке под университетом Йешива. Пока что они обнаружили только пробитый человеческий череп — похоже, давний, — несколько громадных крыс и две почти неразличимые надписи двадцать первого века:

НЕНАВИЖУ ГРАФИТИ
Я ТОЖЕ, А ЕГО БРАТ ЛУИДЖИ
ХРЕН МОРЖОВЫЙ

И Рутербик скрылся, точно кролик в зарослях вереска.

Сменщица Кэрда, детектив-инспектор Барнуолт, пришла в три часа. Он ввел ее в курс дел, и они немного поговорили о попытках молодежи вновь ввести в моду брюки.

— Мне не нравится, — сказала Барнуолт. — Эти штаны такие тесные, так обтягивают. Я пробовала и почувствовала себя неловко. Не знаю, по-моему, так одеваться аморально.

Кэрд засмеялся:

— Я слышал, что в среду штаны уже носят все — и молодые, и старые.

— Ну, что с этих средовиков возьмешь, — пожала плечами Барнуолт.

ГЛАВА 6

Кэрд приехал на велосипеде домой, зашел к Озме в студию — она раскрашивала осу — и пошел в комнаты. Посмотрел выпуск новостей — ничего нового, — потом позанимался на тренажерах в подвале. Принял душ и надел широкую белую блузу с оранжевым поясом, белый воротник-брыжи и изумрудно-зеленый кильт. Пришла Озма и покрасила ему ноги в желтый цвет. Обулся он в высокие, до щиколоток, бордовые башмаки. Когда они с Озмой поели, он немного подкрасил губы и выбрал себе широкополую шляпу с высокой конической тульей и искусственным бордовым пером.

Озма надела белую шапочку с длинным красным козырьком, из клипс в ее ушах свисали синтетические орлиные перья, глаза она подвела зеленым и зеленым же накрасила губы, нарумянила щеки, на ней была широкая прозрачная блуза, блестящая зеленая юбка колоколом до пят, красные чулки с блестками и ярко-зеленые туфли на высоких каблуках. Множество колец на пальцах и алый зонтик завершали ее туалет.

— А твой где? — спросила она.

— Мой что?

— Твой зонтик.

— В прогнозе сказали, что дождя не будет.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем речь. К вечернему костюму обязателен зонтик.

— И ты будешь несчастна, если я его не возьму.

— Не то что несчастна, мне просто будет неловко.

— И это называется не признающая условностей артистическая натура. Что ж, ладно.

В семь часов они вышли из дома, каждый с большой наплечной сумкой, и сели в такси. Когда они приехали, огромный вестибюль музея уже заполняли гости, все с коктейлями или чем-то покрепче в руках, стоящие и болтающие тесными кучками или бродящие от группы к группе. Фатические линии общения, как выразился один антрополог двадцатого века,

функционировали исправно. Все говорили, и никто никого не слушал.

Поздоровавшись с хозяевами, Кэрд и Ван приобщились к спеси целевиков. Наскучив ими, Кэрд переместился в гордыню давленщиков, а Озма — в суп супернатуралистов. Последние были не художники вышеназванного направления, а новая школа, приверженцы которой стремились показать себя реалистически не только снаружи, но и изнутри. По их замыслу, одна половина головы должна оставаться такой, какой ее видит глаз, другая же — служить окном в глубины: кожа удаляется, череп удаляется, виден мозг, то, что в мозгу, и темная тень подсознания.

Кэрд не видел в супернатурализме ничего ценного или примечательного, но с Озмой на этот предмет не спорил. Что он, в конце концов, понимает в искусстве? А ей это доставляло удовольствие, хотя ему и надоедали порой ее разговоры на эту тему.

В половине одиннадцатого вечер был в самом разгаре. Озму уговорили расписать хозяина дома. Он стоял голый посреди вестибюля, а она импровизировала на нем. Кэрд, стоя далеко в толпе, гадал, не сделает ли она из своей натуры кузнечика.

— Вам звонят, инспектор, — сказал официант. — Полоска около двери, как войдете в зал Абсолютного Нуля.

Кэрд поблагодарил и направился в указанный ему синий и очень холодный зал со множеством каменированных ледяных скульптур. На полоске виднелась до пояса генеральный комиссар Энтони Хорн.

— Извини, что отрываю тебя от вечера, Джефф.

— Не за что извиняться. Что стряслось?

Она проглотила слюну.

— Наоми Атлас убита.

В голове у Кэрда словно сверкнула молния. Он хотел спросить: «Это сделал Кастор?» — но неизвестно — вдруг эта линия прослушивается.

— Ее тело — то, что от него осталось, — нашли пятнадцать минут назад в кустах рядом с жилым крылом клиники. Я хочу... — Она снова глотнула, лицо у нее скривилось. — Я хочу, чтобы ты приехал сюда и взялся за это дело. Прямо сейчас. Выясни все, что возможно, до полуночи и доложи мне. Я поручаю это дело тебе, потому что ты — самый большой специалист в Манхэттене по расследованию убийств. Полковник Топенский восторга по этому поводу не выразил, но содействие оказывать будет, не то я надеру ему задницу — я ему так и сказала.

— Сейчас еду, — сказал Кэрд.

— Патрульная машина будет ждать тебя у главного входа. Подробности я сообщу тебе по дороге.

Кэрд с извинениями проложил себе путь через толпу в вестибюле.

— Озма! Прервись на минуту.

Она перестала мазать желтой краской хозяйские ягодицы.

— В чем дело, Джефф?

— Меня вызывают по службе. Очень срочное дело. Я искренне сожалею, — сказал он хозяину, — но долг обязывает.

— Конечно, конечно. А что случилось?

— Служебная тайна — но возможно, об этом сообщат в новостях. — Он поцеловал Озму в щеку. — Извини, но придется тебе ехать домой без меня. Если я задержусь, то, может быть, воспользуюсь каменатором на месте. Буду дома утром.

— Такая уж доля у жены полицейского, — улыбнулась она.

В машине он связался с Хорн. Прошло две минуты, прежде чем ее лицо возникло на спинке переднего сиденья.

— Введи меня в курс, — сказал он.

Подозреваемых пока что не было, и ни ему, ни Хорн нельзя было упоминать о Касторе. Она не могла добавить ничего нового к фактам, которые сообщили ему в музее. По ее тону он понял, что она скажет ему больше, когда они окажутся наедине.

Двор ярко освещали большие прожектора, установленные органиками. Кэрд пробился через зевак, показал свой значок и опознавательный диск, и его пропустили за ограждение. Он увидел Хорн в тот же момент, как она увидела его. Она поманила его к себе в тень большого сикомора, поднялась со складного стула и протянула ему руку. Крепко сжав его пальцы, Тони тихо сказала:

— Она там.

«Там» являлось понятием очень растяжимым. Атлас была повсюду: голова под кустом, нога рядом, другая нога засунута в куст, рука свисает с ветки, обрубленный торс прислонен к стволу дерева. Фестоны внутренностей украшали другой куст. Кровь запятнала траву и впиталась в землю по всему огороженному веревкой участку.

Кэрд стиснул зубы и задержал дыхание. Вот уже семь объективных лет он не видел столь жуткого зрелища.

Он осмотрелся. Если убрать прожектора, место будет довольно темным. И все же в каких-нибудь пятидесяти футах — улица, где ходят люди.

— Медэксперт говорит, что она умерла шестьдесят три минуты назад, — сказала Хорн. — Тело обнаружил шестнадцатилетний парень, который шел напрямик через двор. Насколько мы сумели установить, Атлас направлялась на вечер, устраиваемый профессором Сторрингом. Ты его, конечно, знаешь.

Кэрд кивнул. Сторринг тоже был иммер, но они виделись всего три раза.

— Атлас жила одна с тех пор, как рассталась с мужем — около двух субмесяцев, кажется. И вот... — Хорн с опаской посмотрела вокруг и протянула Кэрду сложенный листок бумаги. — Это от Кастора. Было засунуто в дверь моей квартиры — мне позвонили относительно Атлас, я вышла и увидела записку. Боже мой, он был прямо у меня за дверью после того, как разделал ее на куски! Просто чудо, что он не попытался убить и меня. Откладывает это на потом, хочет помучить меня, проклятый садист.

Кэрд положил записку в свою наплечную сумку.

— Что там написано?

— Бог — Кастор повествует о себе в третьем лице — горделиво объявляет о смерти и расчленении божьего врага. Доктора Наоми Атлас. Бог также пророчит смерть и расчленение всем прочим своим врагам, в первую очередь генеральному комиссару Хорн и детективу-инспектору Кэрду. Впоследствии он огласит имена других, которые умрут так же верно, как верен предначертанный Богом курс звезд. Подписано одним словом: Бог.

— Бог!

— Ты должен его поймать. У тебя для этого наилучшие возможности. Я думаю, он нарушит границу дня, а если так, ты сможешь идти с ним в ногу и лично предупреждать иммеров каждого дня. Они окажут тебе помощь.

Он кивнул и спросил:

— Кастор ведь не знает, как я называюсь в другие дни, нет?

— Не должен бы, но кто знает, не разведал ли он чего. Он всегда был любопытен.

— Кто-нибудь ждет Кастора около моего дома?

— О да. Двое органиков, иммеры.

— Я не собирался сегодня возвращаться туда, но теперь, думаю, лучше вернуться. Вдруг Кастору захочется сотворить что-нибудь мне назло... черт, мало ли... убить Озму, скажем! Он мог бы раскаменить ее, вытащить из каменатора и разрезать на куски еще до того, как выйдут средовики. Да хоть бы

и вышли, его это, думаю, не волнует. Он и их, чего доброго, убьет.

— Ужасно, — ее голос дрогнул. — Ужасно оповещать другие дни, что появился новый Джек-Потрошитель. И при этом я не могу сказать, кто он. Столько людей будет его разыскивать, и...

— Не будут знать, кого искать, — сказал Кэрд. — Официально мы не знаем даже, кто это сделал — мужчина или женщина, и сколько их было: один, двое или больше. Следы ног нашли?

— Да. Они принадлежат двадцати разным людям. И никаких орудий — ни ножей, ни пил.

— Он мог бросить их в канал.

Подошел полковник Топенский, и они стали обсуждать дело втроем. Если полковник и был недоволен тем, что следствие поручено Кэрду, он этого не показывал. Подытожив, что ему удалось выяснить — ничего сверх того, что сказала Кэрду Хорн, — он провел инспектора по огороженному участку. Фотограф и техники уже закончили работу, и можно было не опасаться запутать картину своими следами. Кэрда затошнило, когда он подошел близко к кускам тела, однако до рвоты не дошло. Он выслушал полковника, который, оставаясь невозмутимым, указывал на разные детали, которые Кэрд и сам прекрасно видел. В четверть двенадцатого техники упаковали расчлененный труп и увезли его. В морге его каменируют, а после раскаменят для экстенсивного анализа.

Патрульных и детективов разослали по округе — опросить всех, кого только можно, до полуночи. Дежурные в участке тоже обзвонят, кого успеют. И сообщат, с кем поговорили, чтобы этих людей не опрашивали повторно. Но при всем этом до полуночи выявится лишь очень немного возможных свидетелей.

— Мы проверили, не сбежал ли кто из Тамасуки, — сказал полковник. — Но нет — все на месте, все под замком.

— Это хорошо, — сказал Кэрд. Плохо то, что кто-нибудь может откопать запись о переводе Кастора. Если за это ухватятся, у Хорн будут большие неприятности. А значит, и у Кэрда и у всех иммеров. Кэрд взглянул на часы и сказал:

— Мне нужно вернуться домой, полковник. Я живу в Гринвич Виллидж.

— Почему бы вам не воспользоваться каменатором здесь? В участке полно свободных, это всего в двух кварталах отсюда.

— Моя жена себя плохо чувствует.

Еще одна ложь, чтобы прикрыть все остальные.

— Она могла бы каменироваться пораньше, а в следующий вторник обратиться в больницу.

— Спасибо за совет, полковник, но я ее знаю. Она захочет, чтобы я был рядом.

— Ну что ж, — пожал плечами Топенский. — Времени у нас все равно немного, да и что еще мы могли бы сделать?

— Почти ничего. — Кэрд пошел было прочь, но остановился. — Хотя есть одна вещь, которую можно сделать сейчас, чтобы сэкономить время утром. Мы имеем дело с маньяком-убийцей. Я, пожалуй, подам заявление о выдаче оружия персоналу, занятому в расследовании.

Топенский прикусил губу, потом сказал:

— Да, ситуация, похоже, действительно требует чрезвычайных мер. Думаю, что комиссар согласится. Она вон там.

Кэрд поспешил перехватить Хорн, которая как раз садилась в машину. Услышав, что он зовет ее, она задержалась и оглянулась. Кэрд делал ей знаки, и она поняла, что он хочет поговорить с ней без посторонних ушей. Выслушав его предложение о выдаче оружия, она кивнула:

— Придется, правда, объясняться перед губернатором и органическим советом. Но если они заартачатся, я покажу им видеозапись с места преступления и свожу их в морг.

— А как насчет приказа стрелять в случае необходимости?

— Да. только сначала ведь надо знать, кто убийца. И другие дни, возможно, не захотят отдать подобный приказ. По крайней мере, до тех пор, пока преступник не будет опознан. Что касается нас, то придется отказаться от плана окаменить его и спрятать. Что, если его найдут и раскаменят? Нет. Его надо убить.

— Да, это правильное решение, хотя и жестокое, — сказал Кэрд. — Впрочем, у нас и выбора нет, по-моему У Кастора, возможно, есть пистолет — или будет. Его придется убить хотя бы в целях самозащиты.

— Да, но придется соблюдать порядок и отдать вооруженным людям приказ предупредить его сначала

— Знаю. Одна надежда, что он попадется мне первому. — Он взглянул на часы. — Мне нужно оружие прямо сейчас. На случай, если Кастор окажется около, когда я вернусь домой.

Хорн села в машину, включила полоску на заднем сиденье и отдала приказ Кэрд уселся рядом Водитель погнал машину со всей скоростью, на которую был способен электромотор, с миганием оранжевых огней и воем сирены. Движение почти прекратилось — большинство горожан было дома и готовилось к окаменению К тому моменту, когда они проехали

несколько кварталов до участка, дежурный сержант уже отпер оружейный склад. Кэрд и Хорн прошли мимо органиков, стоявших в очереди на получение оружия, и сержант обслужил их вне очереди. Звание имеет свои преимущества. Кэрд положил свой пистолет в наплечную сумку, сказал «До завтра, Тони», — и поскорей сел в машину. Водитель, на радостях, что ему разрешили погонять, довел скорость до предельной — сорок миль в час. Хорн распорядилась, чтобы им давали зеленый свет всю дорогу до Бликер-стрит. Кэрд не знал, как она объяснит эту исключительную меру, но не сомневался, что она придумает что-нибудь убедительное.

В пяти кварталах от дома Кэрд велел водителю выключить сирену — чтобы не спугнуть Кастора, если он там. Хотя, возможно, лучше спугнуть — помешать ему сделать то, что он мог задумать.

Повинуясь Кэрду, водитель снизил скорость на протяжении последнего квартала и остановился за два здания до дома инспектора.

Было 11.22. Кэрд вышел и сказал:

— Можете ехать. Имеется аварийная каменаторская под номером 200 на Бликер-стрит. У вас еще восемь минут — вполне успеете.

— Да, сэр, я знаю. Спокойной ночи, сэр.

Кэрд тоже пожелал спокойной ночи и посмотрел, как машина отъехала, потом пошел к дому. Двое охранников, конечно, уже ушли. Света в окнах не было. Озма, как видно, решила, что он остался в каменаторской в участке, и уже заняла место в своем цилиндре. Или... кто-то другой выключил свет и поджидает Кэрда.

И этим кем-то может быть только Кастор. Ему известно, что в передней зажжется свет, как только Кэрд вставит луч своей звезды в замочную скважину. Кастор мог выключить свет и вручную — но тогда он должен знать, что Кэрд сразу заподозрит неладное.

Вместо того чтобы войти с парадного крыльца, Кэрд обошел вокруг дома, с оружием в одной руке и с фонариком в другой, ища следы взлома. Ничего подозрительного он не обнаружил, и задняя дверь была заперта. Он медленно обошел дом с другой стороны, глядя, нет ли следов взлома там. Ничего. Когда он повернул снова к заднему крыльцу, в доме замигали огни и послышался слабый вой сирены.

Было 11.30.

По всему городу, по всей их временной зоне, в каждом обитаемом доме мигали огни и выли сирены. То же самое происходило на улицах.

У взрослых и детей осталось меньше пяти минут, чтобы занять свои каменаторы перед включением энергии. Если кто-то еще не в цилиндре — а большинство уже в них, сказывается многолетняя тренировка, — то ему следует поторопиться. Неважно, если тебе надо в туалет Неважно, если у тебя родовые схватки Все это мелочи Лезь в каменатор

В цилиндры с закрытыми дверцами автоматически поступит энергия. Туда, где дверцы открыты, она не поступит От 11 30 до 11.35 — льготный период Гражданин еще может войти в каменатор, захлопнуть дверцу и окаменеть через шестьдесят секунд. После этого всякая энергия отключается до пятнадцати минут первого следующего вторника, а потом включится раскаменяющее поле, в корне отличающееся от окаменяющего

Световые вспышки и сирены будут продолжаться шестьдесят секунд — это третье и последнее предупреждение В одиннадцать часов, когда Кэрд ехал на юг по улицам Манхэттена, огни замигали и сирены взвыли в первый раз. Через пятнадцать минут по городу прозвучало второе предупреждение

До того как огни в доме погасли снова, Кэрд оказался у задней двери и вставил в скважину луч звезды Он открыл дверь до окончания тревоги Если Кастор внутри, ему не отличить световой сигнал, оповещающий, что кто-то вошел в дом, от остальных Но как только тревожные огни погаснут, он увидит оранжевый свет над дверью в передней комнате и поймет, что кто-то вошел через заднюю дверь Если только Кэрд не успеет запереть ее за собой

Кэрд успел, и тут свет в холле и передней комнате погас Свет в кухне горел по-прежнему, но больше не мигал. Кэрд прошел через холл с оружием, поставленным на максимальную мощность Когда он вышел из кухни, холл осветился, а в кухне свет погас Кастор, если он здесь, увидит это и поймет, что в доме кто-то есть

Свет должен быть и в той комнате, где сидит Кастор У Кастора достало бы смекалки воспользоваться ручным выключателем, но он должен понимать если Кэрд войдет в комнату, а свет там не включится, то Кэрду станет ясно, что свет выключен вручную

Кэрд внушал себе, что он не должен паниковать и стрелять во все, что шевельнется Вдруг Озма все еще наверху Однако, с другой стороны, не стоит давать Кастору шанс, промедлив слишком долго

Он остановился и прислушался Всюду было тихо, но Кэрду казалось, что дом дышит и тоже прислушивается к чему-то

С оружием наготове и пальцем на спуске он двинулся дальше — мимо раздвижных дверей шкафа слева, мимо ванной и детской справа. Все двери были закрыты. Но Кастор мог скрываться за любой из них, и Кэрд беспрестанно оглядывался.

Внезапно он понял, что Кастор может подкрасться к нему и через кухню: из столовой туда вела дверь. Кастор мог зайти ему в тыл из столовой.

Осветилась большая передняя комната. Кэрд взглянул на темную лестницу в правом углу холла и коснулся рукой нижних ступенек. Зажегся свет на лестнице. Там никого не было, и ничье зловещее лицо не выглядывало из-за угла наверху. Нет никаких признаков, что в дом проникли насильственно, и маловероятно, что Кастор сделал это с помощью электроники. С другой стороны, как он тогда удрал из клиники Тамасуки?

Кэрд осмотрел все углы в передней и столовой. Потом вернулся в кухню, прошел по длинному коридору, поднялся наверх, где заглянул в ванную, обе спальни и в каждый стенной шкаф.

Была полночь, когда он спустился в подвал. Еще пятнадцать минут, и надо уходить. В игровой, кладовке и в ПШ, персональном шкафу, следов человека не наблюдалось, хотя нечто живое там присутствовало. Здоровенный паук стреканул от него под бильярдный стол. Надо бы оставить запись для уборщиков, когда будет время. Хотя нет, уборщики за это не отвечают. Надо будет самому поискать под столом паутину в будущий вторник. Его очередь делать косметическую уборку.

Кэрд заглянул в окошко цилиндра Озмы. Ее глаза ответили ему безжизненным взглядом. Большинство людей закрывает глаза перед подачей энергии, но Озма придерживалась безумной мысли, что ее подсознание видит все, что происходит в комнате, и не желала ничего пропускать.

Он испытал счастливое облегчение, хотя не перестал потеть от страха. Впрочем, тревога, не оставлявшая его, теперь несколько ослабла. Но скоро окрепнет с новой силой, если он не поторопится.

Кэрд перешел к каменатору, на котором значились его имя и опознавательный номер. Снял сумку, поставил ее на пол и достал оттуда небольшой предмет телесного цвета с маленькой втулкой. Открыл дверцу каменатора, положил вещицу внутрь и повернул диск на конце втулки.

Маленькая штучка расправилась, стала надуваться и превратилась в точную копию Кэрда.

Кэрд извлек цилиндрик со сжатым воздухом из клапана в правом носке ноги манекена и завинтил крышку клапана.

Цилиндрик он убрал в сумку Цепь с опознавательным диском перешла с шеи Кэрда на шею манекена. Она весила меньше унции, но манекен все же накренился вперед. Он останется в этом положении — его уравновесят стальные шарики в надувных ногах. Крен не будет таким, чтобы манекен прилепился носом к окошку

Кэрд достал из сумки опознавательный диск среды и надел его себе на шею. Подобрал пистолет, который положил на пол, и засунул его за пояс. Сумку он поставил на пол каменатора и закрыл дверцу. В большом цилиндре осталось то, что до сих пор сходило за молекулярно заторможенное тело Джефферсона Сервантеса Кэрда.

Вскоре оно окаменеет.

Послав воздушный поцелуй Озме, Кэрд взбежал по лестнице, открыл парадную дверь, закрыл ее за собой, перескочил через перила веранды и побежал под деревьями к восточной стороне двора. Схватился рукой за белый штакетник, перепрыгнул через него. Пробежал под деревьями по другому двору. Взбежал на крыльцо большого дома с множеством белых колонн, напоминающего усадьбу Скарлетт О'Хара. Вложил луч звезды в скважину входной двери. Увидел свет, зажегшийся в вестибюле. Вошел и захлопнул дверь за собой. Пробежал через вестибюль к широкой лестнице и поднялся на второй этаж. Быстро добрался по застеленному толстым ковром коридору до квартиры 2Е. Снова отпер дверь звездой и оказался в гостиной. Добежал по узкому коридору до каменаторской и метнулся влево. Четырнадцать цилиндров стояли здесь гораздо теснее, чем в подвале дома, который он только что покинул.

Десять минут первого.

Никогда еще он не прибегал вот так, в обрез — и надеялся, что ему больше никогда не придется этого делать.

ГЛАВА 7

Средовая жена невидяще смотрела на него в окошко своего цилиндра. Кэрд бросился к своему, стоявшему напротив через узкий проход. На табличке значилось РОБЕРТ ЭКВИЛИН ТИНГЛ. В окошко смотрело на него его собственное лицо Дверце следовало быть запертой изнутри, поскольку внутри был кто-то — точнее, что-то, и только изнутри ее можно было отпереть. Но Кэрд устроил так, чтобы она отпиралась и снаружи

Сейчас ему некогда было заниматься надутым манекеном. Он кинулся в душевую, освобождаясь на ходу от пистолета,

срывая с себя блузу и кушак. При нажатии на кнопку из душа хлынула вода с заданным напором и температурой. Избавившись от остальной одежды, Кэрд стал под душ и принялся энергично намыливаться. Тщательно смывать грим не было времени; Кэрд вышел с подтеками краски на ногах, стер их полотенцем и швырнул полотенце в корзину для белья. Избавится от него позже, хотя вряд ли жена туда заглянет. Взяв другое полотенце, Кэрд начал вытираться, приостановился с приглушенным возгласом и выключил воду

Волосы остались мокрыми, но сушить их времени не было. Отправив второе полотенце вслед за первым, Кэрд собрал свою вторничную одежду, свернул ее в ком и сунул под полотенце. Когда представится случай, он спрячет все это в свой персональный шкаф или уничтожит.

Голый, с одним только диском на шее и с пистолетом в руке, он перебежал в каменаторскую. Осталось восемьдесят секунд. Можно влезть в цилиндр и попытаться уместиться там рядом с твердым и неподатливым манекеном, а можно сделать вид, что он как раз выходит из каменатора. Однако второе опаснее. Через микросекунду после включения раскаменяющей энергии его жена может открыть глаза и увидит, что его дверца закрыта. И если он не будет стоять перед своим каменатором, пока она не уйдет, она увидит в окошке другое лицо. И даже если не увидит, то удивится, почему он вышел из своего каменатора раньше ее. И поди объясни ей, почему он стоит столбом перед своим цилиндром.

— Куда ни кинь — всюду клин, — буркнул он. Выругался, открыл дверцу и пролез, изогнувшись, внутрь. Охнул, задев ногой окаменелую сумку на полу. Осталось десять секунд. Бросив пистолет, Кэрд нажал на твердый и холодный манекен. Тот подался вбок, ударившись головой о стенку цилиндра. Кэрд пролез вперед и выпрямился. Все равно — любому видно, что у него за спиной что-то торчит.

Три секунды до включения раскаменяющей энергии. На него она не подействует, поскольку он не каменирован. Может, номер и пройдет.

И вдруг — наверное, от вида жены, напомнившей ему другую жену, которую он только что оставил, — Кэрда прошила паника, пересилившая все прочие страхи. «О Боже! Я ведь так и не подал заявление на ребенка! Озма меня убьет!»

ГЛАВА 8

Нокомис Дочь Луны, длинноногая брюнетка среднего роста, вышла из своего цилиндра в облегающем алом с черным узором платье, доходящем ей до щиколоток. Худоба и резко очерченное лицо выдавали в ней балерину. Не успев выйти, она настороженно прищурилась.

Кэрд знал почему — ее удивляло, что он все еще стоит в цилиндре. Пришлось отказаться от намерения «воплотиться», как он называл это, в Боба Тингла. Этим он займется позже — теперь некогда. Теперь главное, чтобы она не заметила манекен.

Он распахнул дверцу, выскочил наружу, быстро захлопнул дверь за собой, подхватил Нокомис на руки и затанцевал с ней, кружась, по коридору.

— Что ты делаешь? — закричала она. — Что это на тебя нашло?

Он опустил ее на пол в кухне.

— Я люблю тебя и очень рад тебя видеть. Неужели это так трудно понять?

— Нет, — засмеялась она. — То есть да. Обычно ты никак не можешь прочухаться и доползти до ванной. И рычишь, пока тебе не дадут кофе. Тебе не кажется, что надо бы одеться?

— Да, ты права. Сейчас слишком рано, чтобы созерцать меня в голом виде. — Нагнувшись, он поцеловал ее в губы. — Ну как, попьем кофе и поболтаем? Или сначала поспим?

Она сощурила свои темные глаза, и на ее лице появилось нечто, что он назвал бы подзором подозрения. Вроде тумана, который остается, если дохнуть на зеркало. Подзор подозрения.

— Ты разве забыл? Я проспала целых шесть часов перед каменированием, и ты сказал, что тоже вздремнул часок, пока я спала. И проснулся вместе со мной — ты так сказал.

Ты никогда не ложишься спать после того, как вздремнешь. Почему это вдруг тебя потянуло на боковую?

Будь он Бобом Тинглом, он помнил бы, что ей говорил. Но он все еще был Джеффом Кэрдом, которого тревожили вчерашние события и мучили сегодняшние недоделки. Манекен. Надо его срочно спустить.

Он приказал себе унять брожение внутри. Прихлопнуть его твердой, спокойной рукой. И сказал:

— Я ж не часовой механизм. Не заведенный. Бывает, что и по собственной воле поступаю. Ну, хочешь, назови это капризом. Или несварением желудка.

— У тебя был нисколько не сонный и не усталый вид, когда ты выскочил из ящика, точно чертик из табакерки.

Еще до женитьбы на ней он знал, что она — настоящий радар, настроенный на все непривычное, телеканал для почти параноидальных волн. Она подозревала в недобром умысле даже диктора, читающего прогноз погоды, если вдруг шел дождь вместо обещанного «ясно». Может быть, это несколько преувеличено, но не слишком. Как Джефф Кэрд он никогда бы на ней не женился, даже встречаться с ней долго не стал бы. Как Боб Тингл он влюбился в нее. Сейчас он как Кэрд испытывал к ней неприязнь, возмущался ее подозрительностью и спрашивал себя, как это его угораздило связаться с этой скелетиной. Да нет, это не он с ней связался. Это сделал Тингл.

Чувство, близкое к панике, вновь охватило его. Скрытый спрут, которого видел и чувствовал только он один. Но кто «он»? Не один Кэрд. Кэрду не пришли бы в голову выражения вроде «подзора подозрения» или «скрытого спрута». Тингл пытался вылезти на свет, но ему это не удастся, пока Кэрд не улучит минутку, чтобы проделать церемонию введения, ритуал снятия камня с гробницы Тингла, погребенного в его мозгу, и передачи ему всех прав на это чумовое чудо, именуемое по средам жизнью Тингла. При этом Кэрд не исчезнет бесследно. Если бы он каждый раз исчезал, Кэрд-Тингл был бы бесполезен в своей роли иммера, имеющего определенное задание. Джефф Кэрд был первоосновой, оригиналом.

— Чертик из табакерки! — откликнулся он с улыбкой. — А как насчет того, чтобы впустить чертика в табакерку? В твою табакерку? — Он снова поднял ее и закружил. — Пошли?

— Нет уж, — улыбнулась она. — Поставь-ка меня. Ты же знаешь, мне надо поупражняться. Ну а потом... я, как тебе известно, не фригидна.

Он поставил ее на пол.

— Нет, но мне порой непонятно, как действует твой термостат. Ладно. Как скажешь, Пуантик. Твои желания — мои желания. Ты приготовь кофе, а Тингл пойдет потинглает.

Такого Кэрд тоже никогда бы не сказал. Как видно, исконный имидж все-таки потихоньку искореняется.

Надо это прекратить, подумал Кэрд. По крайней мере, снизить темп. Это знак, что Тингл маячит на пороге среды и может вылезти даже без моего ритуала. Только теперь не время экспериментировать. Слишком опасно.

— Ты ходил в туалет перед самым каменированием, — сказала Нокомис.

Ой-чой! И как это Тингл ее терпит?

Кэрд был рад, что не сказал этого вслух. Среде это междометие было незнакомо — в этот день в Манхэттене царили не китайские, а индейские и бенгальские традиции. Услышь это Нокомис, ее подозрения дошли бы до точки кипения.

— Да, и опять хочу, — сказал Кэрд. Он прошел по коридору в ванную, которая была справа, и сел на крышку унитаза. Он отметил, что вторничник забыл сменить туалетную бумагу — с катушки свисали три одиноких клочка. Но из-за такой мелочи не стоило оставлять на пленке выговор.

Кэрд закрыл глаза и ушел в мир, где не существовало ни звуков, ни трения. Перед ним в полную величину висел плотный, яркий образ его самого как Кэрда. Глядя на него, фигурально говоря, одним глазом, он обратил второй глаз, тоже воображаемый, вовнутрь. Поначалу этот глаз видел одну только тьму. Потом в ней возникло множество слабо натянутых линий, серых на черном. Они исходили из бездны в глубинах тела и уходили мимо глаза в бездну вверху. Кэрд выпрямил их так, что они туго натянулись и загудели от напряжения. Он еще растянул концы — не зная, где эти концы, собственно, находятся, — так, что стало казаться, будто линии, светящиеся теперь холодным огнем, вот-вот лопнут Кэрд включил нагрев — то есть начал подавать импульсы энергии в виде комет, каждый из которых ударял в свою линию и впитывался ею, хотя и не до конца. Оставшееся тепло скатывалось вдоль по линии, как восковые капли со свечи. Они сами выбирали, в какую сторону скатываться. Там, в голове у Кэрда, не существовало веса.

Ни веса, ни вкуса, подумал он. Хотя как знать. Эти капельки были аппетитны, словно горячая подливка.

Силовые линии должны были подавить его, Кэрда, и вызвать к жизни Тингла, который, восстав из глубин сознания

подобно духу Самуила, вызванного Эндорской волшебницей*, обрастет плотью и займет свое место в своем законном дне.

Кэрд еще усилил натяг. Линии щелкнули и зазмеились, сверкая, во тьме. Они извивались туда-сюда, сталкивались, сливались — пока наконец не сплавились в одну стройную, длинную, светящуюся колонну. Она стояла торчком, то есть уходила из тьмы внизу во тьму вверху. Кэрд повернул ее под прямым углом к прежней позиции и закрутил так быстро, что колонна превратилась в размытый диск.

Другой глаз отметил, что образ Кэрда стал намного бледнее и съежился. Неудивительно — ведь тепло, подаваемое на линии, исходило от него. Теперь под ногами у захиревшего Кэрда возникли очертания люка. Иногда образ исчезал, взвиваясь вверх, как ракета, иногда сжимался в шар и укатывался по желобу с призрачными кеглями на другом конце. Сегодня он, стало быть, провалится в люк.

Глаз, наблюдающий за вращением сверкающего белого диска, видел, как диск вырезал из тьмы прямоугольную глыбу и начал обтесывать ее. Грубая фигура, возникающая из черноты, постепенно светлела, поглощая свет из диска. Чем больше она обретала форму, тем темнее становился диск.

Когда Тингл был почти совсем готов, первый глаз мысленно отдал команду, и образ Кэрда провалился сквозь пол. Линии, изображавшие люк, исчезли.

Теперь оба глаза сфокусировались на Тингле. Диск сжался и почернел, утратив весь свой накал и затупив свою кромку, а светящийся Тингл всплыл из мрака.

Диск исчез, и образ Тингла взмыл кверху с такой скоростью, что оставил за собой длинный, как у кометы, хвост.

Он обратил глаза наружу и поднял веки. Боб Тингл успешно приземлился с осадком Кэрда на дне. На девяносто восемь процентов он был житель среды, а на два процента — житель вторника. От Кэрда осталось достаточно, чтобы не забыть о манекене, все еще остававшемся надутым в каменаторе. Что будет, если Нокомис его увидит? Тингл не сумеет дать ей удовлетворительного объяснения — и правду тоже сказать не сможет. И угораздило же его когда-то ввязаться в эту затею!

Он встал со своего сиденья и собрался выйти, но тут скривился, щелкнул пальцами и повернул назад. Если Нокомис не услышит, как он спускает воду, то прибежит узнать, почему он этого не сделал. Она всегда замечала отступления

---

* Волшебница, вызывающая дух пророка Самуила по просьбе царя Саула (1-я кн. Царств, гл. 28). *(Здесь и далее примеч. пер.)*

от привычного хода вещей: если то, что должно произойти, не произошло — значит, что-то не так. Он нажал на кнопку, вызвав ревущий поток, и вышел.

Обычно к этому моменту он почти полностью становился Бобом Тинглом, хотя Джефф Кэрд на самом деле не проваливался бесследно в воображаемый люк. Кэрд всегда был бельмом у него на глазу, незаживающей язвочкой у него в сознании — но Тингл не замечал его без веской причины. Такой, как теперь, например, когда требовалось спустить воздух из манекена. А еще более заметным делало Кэрда то, что Чен Кастор — возможно — разгуливал в среде, и Тингл никак не мог этого игнорировать.

Тингл заглянул в коридор. Нокомис не было видно, но вдруг ей приспичит взять что-нибудь из ПШ.

— Я пошел одеваться! — крикнул он. — Захватить тебе что-нибудь из шкафа?

— Нет, дорогой! — весело откликнулась она. — Кофе скоро будет готов!

Значит, сейчас Нокомис раскаменяет локс и багели* им на завтрак. Потом сунет багели в тостер. К этому времени ему надо одеться, иначе она пойдет его искать.

Он побежал к каменатору, открыл его и вытащил затычку из ноги манекена, потом метнулся к шкафу с табличкой «Среда». «Откройся», — сказал Тингл, и механизм, узнав его по голосу, отпер замок. Тингл схватил ближайший балахон, натянул его через голову, сказал «закройся», снова нырнул в коридор, посмотрев, нет ли поблизости Нокомис, и заглянул в каменатор.

— Вот черт!

Манекен сдувался чересчур медленно, Тингл надавил на него, опасаясь, не слишком ли громкое получилось шипение, но Нокомис как раз включила полоску — голоса должны заглушить шум.

Выпустив воздух наполовину, Тингл вошел в цилиндр, закрыл за собой дверцу, спустил манекен окончательно, свернул его, затолкал в пузырек и положил в сумку. Пистолет тоже отправился в сумку. Там же, в сумке, лежал четверговый опознавательный диск — Тингл знал, что он там, но не мог удержаться, чтобы не проверить, и нащупал концы звезды.

Потом вышел из цилиндра, закрыл его и, дыша тяжелее, чем ему бы хотелось, подался на кухню. Завернув за угол, он столкнулся с Нокомис, идущей навстречу.

---

* Сорт копченого лосося и рогалики.

— А, идешь уже. Багели стынут.

Они вышли на балкон, где на круглом столике стояли кофе, апельсиновый сок и еда. Тингл сел напротив Нокомис. С улицы проникало достаточно света, чтобы создать вокруг него с женой серый ореол. Кузнечики и древесные лягушки распевали вовсю.

Тингл отхлебнул горячий кофе и посмотрел на свой вторничный дом. Окна светились, но никого не было видно. В нем осталось достаточно Кэрда, чтобы мельком подумать об Озме, стоящей в цилиндре. Об Озме, которой осталось шесть дней до свидания с ним.

Нокомис, как почти всегда, выглядела прелестно. Ее кожа в сумерках казалась темнее, чем днем — при солнечном свете она приобретала красивый медный оттенок. Отдельные прядки коротко стриженных черных волос были окрашены в белое, «под скунса», что было модно в среду.

Нокомис пыталась и Тингла уговорить покрасить волосы и отпустить бороду — квадратной формы, опять же по моде. Но он отказался, хотя и не мог, разумеется, объяснить ей истинную причину своего неподчинения моде.

Одежда в корзине для белья, думал он. Не забыть перепрятать ее получше.

Нокомис, допивая вторую чашку кофе, начала болтать о своем новом балете «Протей и Менелай». Балет еще только репетировался, и с этим было связано множество проблем.

— ...композитор не в своем уме. Она думает, что атональная музыка — это нечто новое. И слушать не хочет, когда ей говорят, что это направление отмерло десять поколений назад. У Роджера Шенахи запор, и каждый раз, выходя из гран-жете, он жутко портит воздух. Я говорила Фред...

— Фред?

— Ты что, не слушаешь? Будь же внимательнее. Я терпеть не могу говорить в пространство, и ты это знаешь. Ну да, Фред Панди, наш пуп земли: она написала либретто, она сочинила музыку, она же и хореограф. А я ей говорю, что ей надо бы переписать свою вещь под Роджера, назвать ее «Газы» или вроде того, а в процессе не худо бы избавиться от старой музыки и сочинить такую, под которую можно хотя бы танцевать...

— Я уверен, что в тебе достаточно артистизма, чтобы все это преодолеть, — сказал Тингл. — Но с каких это пор балерина, даже твоей величины, решает...

— Спасибо, но ты ничего не понимаешь. Я решаю, и еще как, потому что состою в комитете, как тебе прекрасно

известно. Состоять состою, но наш дирижер — любовник композитора, и эта шайка подавляет всех остальных.

— Двое — еще не шайка.

— Ну что ты в этом понимаешь, Боб?

— Почти ничего. Какой такой комитет? Разве комитет способен создать произведение искусства?

— Ты что, совсем меня не слушаешь? Я тебе уже все это рассказывала вчера. Или позавчера? Ну все равно — рассказывала.

— Да, конечно, я помню. Чья это была идея?

— Какого-то бюрократа. Я уверена, что в других днях таких проблем нет. Это просто...

ГЛАВА 9

Тингл поступал некрасиво, думая о другом, но ничего не мог с собой поделать. Гриль, Рутербик и Кастор всплыли из глубин, как затонувшие корабли, наполненные газами разложившихся трупов. Никогда еще — почти никогда — не было ему так трудно отрешиться от других дней недели. По средам он обычно был почти полностью Бобом Тинглом: довольно среде своей заботы. Теперь же привычный порядок поколебался. Где-то бродят на свободе трое дневальных, двое из которых могут быть очень опасны. Ну пусть не двое — один. Рутербик, если даже наткнется на Тингла и узнает его, вряд ли станет доносить властям, что Тингл ужасно похож на Джеффа Кэрда. Разве что сделает это анонимно, по телеполоске. А вот Кастор... этот маньяк мог затаиться во мраке и видеть, как Кэрд перебегал из одного дома в другой. Кастор может появиться в любой момент и, как предупреждала Хорн, наделать больших бед.

— Боб!

Тингл вылез из своей моральной трясины.

— Вообще-то я с тобой согласна. Комитеты — ужасная гадость. Но взгляни на это и с другой стороны. Живи я в старые времена, я и заикнуться бы не смела о постановке. А так можно хоть что-то изменить. Комитеты — точно воздушные шары: всегда они в воздухе, подвластны всем ветрам и опускаются вниз, когда кончается газ. Говорю тебе, это шоу потерпит крах. Полнейший крах! И меня тоже ждет полный провал!

Он отпил глоток кофе и сказал:

— Вот что. Я служу в Мировом Банке данных..

— Знаю, ну и что?

— То, что я поищу какой-нибудь компромат против членов твоего комитета, в особенности против Панди и Шенахи. Если найду что-нибудь, ты сможешь это использовать и заставить этих двоих уступить. Придется, правда, порыться и в белье прочих членов.

Она обошла вокруг стола и поцеловала его.

— О Боб, неужели это возможно?

— Конечно. Только вот как насчет этики? Это ведь...

— Но это же ради искусства!

— Скорее ради тебя, разве нет?

— Я думаю не только о себе, — сказала она, вернувшись на место и налив себе еще кофе. — Я думаю о спектакле. Я мыслю органически, забочусь о всеобщем благе.

— Не знаю, будет ли мой рычаг достаточно солидным, чтобы оторвать вашего композитора от ее атональной музыки. Даже если это случится, получится долгая проволочка — придется ведь переписывать всю партитуру.

— Ну и пусть, — пожала плечами Нокомис. — Теперь не прежние времена, и от денег мы не зависим.

— Лучше бы вы, пожалуй, от них зависели. Впрочем, не будем пока говорить об этом. Я посмотрю, что можно сделать. Ну скажи — разве не счастье иметь такого мужа? Где твоя благодарность?

— Ты пока еще ничего не сделал, — засмеялась она.

— Могла бы записать мне в кредит благие намерения.

— Подрядчик на мощение ада. Искать предлог совсем не обязательно. Но лучше давай подождем до вечера. После занятий у меня подымается настроение.

— Только не в последнее время. Ты приходишь домой злая и удрученная.

— Значит, надо вложить всю злость и разочарование в работу. Ты ведь не всерьез жалуешься, нет?

— Я никогда не жалуюсь на то, чего нет. Когда-нибудь наши настроения перемешаются и квартира взлетит на воздух.

— Мне не хотелось бы подыскивать новую, — сказала она, снова целуя его. — Что сегодня будешь делать?

— У меня напряженный график, но я постараюсь выкроить время для проекта «Шантаж». Но чтобы уложиться, придется приехать на работу пораньше.

— Пораньше? — Она широко раскрыла глаза.

— Да, знаю — это опасно. Это ты можешь работать сколько угодно и постоянно задерживаться — никто и слова не скажет. Ты артистка, а я чиновник. Стоит мне прийти пораньше и задержаться попозже, как мои сослуживцы начнут под

меня копать. Нельзя позволить им узнать, что я работаю налево, пользуюсь каналами, не имеющими отношения к моей работе. Так можно нажить большие неприятности. Лучше и вправду явиться вовремя. Замотаю кое-какие текущие дела, вот и все. Мои коллеги не против, если я сачкую или делаю ошибки — чего там, с кем не бывает, — и начальник не станет ворчать, если я не слишком уж выбьюсь из графика. Существует негласная величина, на которую мне позволено отставать. Начальнику так лучше — не приходится то и дело вызывать меня на ковер.

Они кончили завтракать, и Нокомис ушла в ванную. Тингл надеялся, что она не станет ничего вынимать из корзины, чтобы постирать. Хотя вряд ли — стирку она охотно предоставляла ему. Если он правильно помнил, в прошлую среду стирала она — значит, будет считать, что сегодня его очередь.

Через пятнадцать минут она вышла на балкон в белой блузе, тугих ярко-красных брючках и с сумкой через плечо.

— А я думала, что ты уже спишь или готовишься лечь.

— Нет, — улыбнулся он, — я размышляю, как найти тебе нужный материал.

— Молодец. Ну, я поехала в танцзал.

Он встал, и они быстро поцеловались.

— Желаю хорошо потрудиться.

— Это уж обязательно, я всегда работаю на совесть. Но в перерыве я с тобой поесть не смогу. Наш комитет собирается в ресторане во время ленча.

Пока ее не было, Тингл включил полоску и проверил расписание на сегодняшний день. Он уже знал, что она не будет завтракать с ним, и она знала, что он это знает. Но она не была уверена на все сто процентов в его памяти. Доверяла она только себе.

— Увидимся в семь в комплексе Гугола, — сказал он.

— Надеюсь, салат будет лучше, чем в прошлый раз.

— Если не будет, в следующий раз пойдем в другое место.

Он сидел на балконе, пока она не проехала на велосипеде по Бликер-стрит и не покатила на север вдоль канала. Когда она исчезла из виду, он встал и пошел в ванную. Не раз бывало, что она возвращалась через несколько минут после ухода, говоря, что забыла что-нибудь.

Она его не обманывала — она проверяла, не делает ли он чего-то неподобающего. Одно время он сомневался, уж не органик ли она, играющий роль балерины. Только расследование, проведенное через каналы банка данных, убедило его, что это не так.

Кто же она тогда? Просто чересчур подозрительная женщина, почти шизофреничка. Совсем неподходящая жена для Боба Тингла. Но она не выказывала свою истинную натуру, когда он за ней ухаживал, а он не позаботился проверить ее личностный индекс до брака. Страстная любовь ослепила его — такой уж был характер у Боба Тингла. Тингл был способен поддаться эмоциям, которым Джефф Кэрд никогда не дал бы воли. Однако это Кэрд нес всю ответственность за характер Тингла. Кэрд намеренно выбрал себе на среду такой образ, потому что хотел — в качестве Тингла — испытать сильные чувства, незнакомые Кэрду.

Очевидно, Кэрду чем-то нравились черты, которыми он наделил Тингла, очевидно, Кэрд чувствовал, что упускает что-то, будучи столь сдержанным. Поэтому Кэрд, когда он строил, а лучше сказать — выращивал личность Тингла, дал себе волю. Теперь он расплачивался за эту роскошь, ибо его страсть к Нокомис поставила его под угрозу. Жена, хотя и не была секретным агентом правительства, неусыпно следила за ним. Если она обнаружит что-либо подозрительное, не связанное с их отношениями, она может копнуть и поглубже. И учует криминал. Выдаст она его тогда или нет?

Тингл не думал, что выдаст — но очень рассердится за то, что он не доверился ей.

По правде сказать, Тингл сам не знал, что будет, если она что-то пронюхает. Знал он одно: Тинглу не следовало на ней жениться. Тинглу надо бросить ее, и чем скорее, тем лучше. Но Тингл все еще ее любил, хотя накал прежней страсти уже сменился умеренным, но приятным теплом. Кроме того, скажи он ей, что хочет развестись, ему пришлось бы вытерпеть бурю обиды и гнева. Она была большой собственницей и эгоисткой — это ей следовало бы уйти, а никак не ему. Мало того, что она с жаром коллекционировала самые разные вещи, а порой и людей — она ни за что не хотела расставаться со своими приобретениями. Их персональный шкаф был набит всяким хламом: игрушечными мишками, фарфоровыми куколками, подарками на дни рождения, а также на всемирные, национальные и местные праздники, балетными трофеями, кассетами, где хозяйка была заснята с детских лет до недавнего времени; имелась там медаль за первое место в забеге на сто метров среди восьмиклассниц Манхэттена и грамота за хорошее поведение, полученная в возрасте двадцати сублет (с тех пор Нокомис не получила ни одной, потому что постоянно ссорилась с разными членами балетной труппы), и сотня других вещей.

Тингл много раз пытался заставить ее все это выкинуть. Можно было с ума сойти со всем этим барахлом, поскольку Нокомис непременно надо было что-то доставать каждую ночь и ставить это на полку. А перед каменированием приходилось пихать это обратно. И потом, Тинглу стоило труда добраться до немногих собственных пожитков, даже до вешалок с одеждой.

Тингл знал, что однажды его безграничное терпение лопнет и он повыкидывает все ее добро в мусоропровод. Тут они и расстанутся. С логической точки зрения это следовало бы сделать до того, как ее собственничество и подозрительность доведут его до беды.

Итак, Тингл вздохнул, встал со стула и пошел в ванную. Вытащил еще влажную вторничную одежду из корзины и развесил для просушки. Потом он свернет ее и положит в сумку. Проще и разумнее было бы все выбросить, но у него имелся только один вечерний костюм на вторник. Чтобы получить другой, необходимо сдать старый — или выдумать правдоподобную историю, как ты его потерял. В последнем случае требовалось заполнить анкету для Департамента Одежды.

Ложась спать, Тингл думал, что сон ускользнет от него, но почти сразу поймал желанное забытье и оказался в гуще видений.

Проснувшись от звона полоски-будильника, он сумел припомнить только один из осаждавших его снов. Он видел, как на стенной полоске появилось лицо отца Тома — его собственное лицо, узнаваемое даже под париком и накладной бородой. Отец Том стоял на берегу широкой, темной и медленно текущей реки. Рядом с ним возвышался массивный каменный мост. В правой руке отец Том держал тяжелый чугунный канделябр-семисвечник. Такие используются в синагогах, только Тингл не мог вспомнить, как они называются. Средний палец правой руки отца Тома вспыхнул длинным ярким пламенем. Отец Том нахмурился, точно не мог решить, какую свечу зажечь.

«Миг настал», — сказал он сурово.

Тингл проснулся, бормоча: «Какой такой миг?»

Он проспал шесть часов, хотя обычно ему требовалось восемь. Надел шорты и спустился в подвал, где в одиночестве поупражнялся на тренажере. Вернувшись в квартиру, он снова принял душ, оделся и выпил чашку кофе. К тому времени солнце поднялось высоко, город пробудился, и температура начала двигаться вверх к обещанной отметке сто двенадцать по Фаренгейту. Тингл в легких нижних трусах, в белой с зеленым рубашке с короткими рукавами и ворот-

ником-брыжами, в ярко-зеленых расклешенных брюках и коричневых сандалиях снова вышел на балкон. И оглядел окрестности, ища взглядом... кого? Доктора Чена Кастора?

Это означало, что он не полностью Тингл. Джефф Кэрд все еще жил в нем. И напоминал Тинглу, что ему надо связаться со своим средовым связником-иммером. Но это придется сделать уже с работы, из банка данных.

Сейчас перед домом на углу Бликер-стрит и канала Кропоткина виднелся только один человек — велосипедист, едущий на запад спиной к Тинглу. На нем была большая зеленая шляпа-вьетнамка, коричневая рубашка и брюки цвета морской волны. Велосипедист остановился на углу и оглянулся.

— Бог мой! — Тингл стиснул руки и сделал шаг к перилам. Под шляпой он различил длинное узкое лицо Кастора с довольно крупным носом. И почему велосипедист так пристально смотрит на тот дом? Тингл потряс головой и громко сказал самому себе:

— Это твое воображение, и больше ничего. Не настолько же он глуп, чтобы сделать это.

Что — это? Расправиться с Озмой?

Человек повернул голову, показавшись Тинглу в профиль. Да, похоже на хищное обличье Кастора... но нет, это не может быть Кастор.

Велосипедист скрылся за домом, повернув на север вдоль канала, мелькнул опять и пропал за следующим зданием. Из задней двери дома на углу вышел мужчина и направился в гараж. Вскоре он вывел оттуда велосипед. Тингл узнал его — это был Джон Чандра. Тингл хорошо знал в лицо и его, и его жену, Адити Ротва — он видел их в окошках каменаторов в подвале. Он отступил назад, чтобы Чандра его не заметил.

Впрочем, если сосед и заметит, как похож Тингл на Джеффа Кэрда в каменаторе, то ничего, кроме мысли об удивительном сходстве, ему в голову не придет. Тингл подождал, пока Чандра не уедет, и снова вышел посмотреть на того велосипедиста — но он уже скрылся из виду.

— Нервы, вот и все, — пробормотал Тингл.

Три минуты спустя он уже ехал на восток в потоке велосипедов и редких электрокаров. Он уже начал потеть — и вдруг заметил краем глаза банановую кожуру на тротуаре.

ГЛАВА 10

Он сделал зигзаг, подъехал к кромке мостовой, опустил подножку, подобрал кожуру и бросил в урну. Возвращаясь к велосипеду, он посмотрел по сторонам. Рутербика не было

видно, да Тингл и не ожидал его увидеть. Мало ли в среде свинтусов и кроме Рутербика — если он действительно тут. Тем не менее Тинглу стало не по себе, и он, отъезжая, обругал себя за свой безотчетный поступок. Не останавливаться надо было, а наоборот — нажать на педали.

На Тридцатой улице он въехал вверх по пандусу и вскоре оказался на западной, теневой, стороне здания Тринадцати Принципов. Эта громадина с солнечными панелями на крыше занимала участок между Седьмой, Четвертой, Тридцатой и Тридцать седьмой улицами. Главный корпус возвышался на четыре тысячи футов, а тринадцать башен по его периметру добавляли еще тысячу четыреста. Офис Тингла находился на верхушке башни в северо-западном углу, где пересекались Седьмая и Тридцать седьмая улицы.

Спустившись по пандусу на стоянку в третий подземный этаж, Тингл поднялся на лифте в главный северо-западный вестибюль. Оттуда он доехал экспрессом до верха главного корпуса, а уж оттуда — до своего этажа в башне.

Идя по коридору к себе в кабинет, Тингл засмотрелся на вид из высоких и широких окон справа. На крыше главного здания было шесть причальных мачт, у трех стояли на приколе дирижабли, а четвертый, сверкающий оранжевый гигант, подходил носом к мачте. Тингл остановился полюбоваться великолепным красавцем кораблем.

Вокруг здания гуляли сильные потоки воздуха, но дирижабли, минуя их, опускались в сравнительно спокойной зоне над огромной кровлей, где не было препятствий для маневра. И никому не нужно было принимать концы, брошенные с борта. Двенадцать пропеллерных двигателей, которыми управлял пилот, могли противостоять любым воздушным завихрениям. Дирижабль медленно подплыл к гнезду на вершине мачты и состыковался с ним носом.

Тингл с удовольствием посмотрел бы, как выгружают в тележки каменированных, упакованных в сетки пассажиров, которым не страшны ни аварии, ни дорожная скука. Но взгляд на часы сказал ему, что самое время посовещаться с шефом перед работой. Он вошел в приемную, где сидел секретарь, печальный и неважно выглядящий, точно с похмелья. Тингл промчался мимо со словами:

— Доброе утро, Салли! — Услышав в ответ одно только бурчание, он добавил: — Солоно, Салли?

— Доброе утро, маха Тингл. Маха Паз...

— Знаю, знаю. Ждет меня не дождется. Спасибо.

Кабинет с потолком в форме купола был так же элегантен, как его хозяин. Привет Вардхамана Паз поднялся навстречу

Тинглу во весь свой семифутовый рост. Блестящая разноцветная блуза и брюки обтянули шаровидный торс и мощные ягодицы. Над тремя обвисшими подбородками высилась круглая голова с массивным выпуклым лбом. Когда Паз кланялся и соединял ладони в молитвенном жесте, могло показаться, что ему трудно поднимать столько колец. Их было по два на каждом пальце, и в каждом крупный бриллиант или изумруд. Золото было фальшивое, камни искусственные, и сам Паз тоже казался Тинглу ненастоящим. Возможно, потому, что толстяки сейчас были редкостью.

Тингл тоже поклонился и сложил перед собой ладони.

— Доброе утро, шеф.

— Доброе утро, Боб.

Паз опустился на стул медленно и осторожно, как воздушный шар, из которого через дырочку постепенно выходит горячий воздух. Пригласил сесть Тингла и добавил:

— Для кого доброе, а для нас с тобой...

«Студень», как называли его за глаза, махнул ручищей, напоминающей плавник моржа, и скривился, будто объелся бобов.

— Я получил по нашему каналу сведения насчет твоих... и наших... трудностей.

Тингл заерзал на стуле и посмотрел по сторонам. Он не хотел выставлять себя дураком и спрашивать Паза, нет ли в комнате жучков и работает ли скрэмблер. Жучков, конечно, не было, и скрэмблер работал. Кроме того, раздражающе громко вещали три телеполоски. Тингл подвинул свой стул, упершись животом в край стола, и подался вперед.

— Тебе Тони сказала?

— Нет, не она.

— Рутербик и Гриль меня сегодня не волнуют. Но Кастор... наверное, твой информатор сказал, как он для нас опасен?

Паз кивнул, и его щеки затрепетали, как паруса на ветру.

— Розыском Кастора занимается один органик высокого ранга. Но у него связаны руки, поскольку он пока не может ничего предпринять официально. Лишь в случае, если вторник заявит, что Кастор — дневальный, наш человек сможет действовать. Причем он должен будет убить Кастора, чтобы предотвратить арест. Мы не можем допустить, чтобы Кастор попал в руки властей.

Хотя Тингл не должен был знать упомянутое Пазом лицо, он его знал. Он выяснил это имя с помощью информационных

исследований, проведенных без ведома и согласия как правительства среды, так и совета иммеров.

— Мы должны найти Кастора, — сказал Паз.

— Буду трудиться, как бобр.

— Чего ты улыбаешься?

— Да так, каламбур.

— Какой еще каламбур? Сейчас не время быть легкомысленным, Боб.

— Американский бобр принадлежит к виду Кастор канадиенсис, — пробормотал Тингл.

— Что?

— Так, ничего. Шеф, мне придется схимичить с отчетом о рабочем дне. Но моя непосредственная начальница, Глоткия Писдрис, уж больно дотошная особа. Почти каждый раз меня проверяет.

— Глоткия Писдрис? — нахмурился Паз.

— Глория Питсдрит. Мы, подчиненные, зовем ее Глоткия Писдрис.

Паз не улыбнулся.

— Я уже сказал тебе, Боб. Легкомыслие...

— ... вещь тяжелая. Я знаю, шеф. Прости меня.

— Я займусь Питсдрит, — с тяжелым вздохом сказал Паз. — Только вот...

Выждав несколько секунд, Тингл спросил:

— Что, есть новости и похуже?

— Ты очень проницателен, Боб. — Паз снова испустил тяжкий вздох. — Мой информатор сказал, что здесь у нас находится воскресный органик. Женщина, детектив-майор Пантея Пао Сник. У нее темпоральная виза, Боб. Темпоральная!

— И это, конечно, как-то связано с нами. Иначе ты бы о ней не упомянул.

— Боюсь, что да. Судя по словам моего информатора — он не сумел добыть подробности, которые могли бы пролить свет на это дело, — миссия Сник настолько секретна, что только генеральному комиссару известно, в чем она заключается. Возможно, что всего не знает даже и комиссар. Он, однако, отдал приказ об оказании Сник всяческого содействия. Это недобрый знак. Мы должны разузнать, какое у нее задание.

— Может быть, она здесь совсем не из-за нас.

Паз снова вздохнул:

— Хотелось бы мне так думать. К сожалению, она уже спрашивала о тебе. С тобой-то, собственно, она и хочет поговорить.

Сегодня, как видно, не удастся стать Тинглом на все сто. Вторник упорно отказывается умолкнуть. И требует, чтобы Тингл оставался как минимум агентом Джеффа Кэрда. Это все, что может позволить себе Тингл. Кэрда следует рассматривать как лицо, временно уполномочившее Тингла быть своим представителем в среде.

— Мне, возможно, придется поработать сверхурочно, — сказал Тингл.

— Я это улажу. Без проблем.

Придется выдумать какой-то предлог. Одна ложь порождает другую, и их нарастающий вес гнетет — а ведь придумываешь их, чтобы облегчить себе жизнь.

Паз кашлянул, прервав раздумья Тингла.

— Ничего не хочешь добавить?

— Нет, — сказал, вставая, Тингл. — Если у тебя все...

— Пока да. Если узнаешь что-нибудь новое, сообщи мне.

— Конечно.

Тингл вышел из кабинета, закусив губу. В коридоре он ощутил потребность помочиться и свернул в дверь с табличкой П — К. Через умывальную он прошел в просторное помещение, все белое, с потолком, полом и стенами под мрамор. Слева был ряд писсуаров с телеполосками в промежутках, справа кабинки, откуда слышались голоса дикторов, диалоги мыльных опер и прочие звуки.

Взглянув на пустой ряд, Тингл выбрал писсуар рядом с № 176. Их дневного диктора, Большого Джона Фоккера Натчипала, Тингл терпеть не мог. Справляя нужду, он мог представить, будто мочится на безмерно мерзкого Натчипала. Через четыре полоски от него читала новости фантастически красивая и сексуальная Констант Тунг. Но ее он избегал — по крайней мере, в туалетах, — поскольку эрекция, возникающая при виде ее, затрудняла процесс.

На сей раз предусмотрительность не помогла. Он все-таки слышал ее голос и невольно думал о ней. Пребывая в весьма затруднительном положении, Тингл вдруг почувствовал, что слева от него кто-то стоит. Он повернул голову и увидел женщину в коричневом жокейском кепи, на котором стояла красная звезда в зеленом круге, и в длинном коричневом платье с узором из зеленых петельчатых египетских крестиков. Большая зеленая наплечная сумка была набита битком. Из-под платья торчали носы ярко-зеленых туфель.

Она была небольшого роста, около пяти футов восьми дюймов, стройная, с короткими черными волосами, блестящими, как мех морского котика. На тонком треугольном личике выступали высокие скулы. Большие темно-карие глаза,

тоже как у котика, пристально смотрели на Тингла. Она была не менее красива, чем Тунг, но произвела на него совсем другой эффект — ее бесцеремонность его разозлила.

— Да? — сказал он ей.

Вошла еще какая-то женщина, помахала Кэрду, сказала «Доброе утро, Боб» и скрылась в кабинке.

— Извините, что беспокою вас здесь, — сказала та, что стояла рядом. — Мне не хотелось ждать, пока вы выйдете. Не люблю терять время зря. — Говорила она быстро, с легкой хрипотцой.

— Кто вы и чем я могу вам помочь? — буркнул Тингл. — От смущения и злости эрекция прошла, но он так и не смог ничего из себя выдавить. — Сдаюсь, — сказал он, застегнул брюки и сердито направился к умывальнику, а женщина за ним.

— Детектив-майор Пантея Пао Сник, — представилась она. — Я...

— Я знаю, кто вы, — сказал он, глядя на нее в зеркале. — Мой начальник, полковник Паз, сказал мне.

— Да, знаю. Я заходила к нему в кабинет через несколько секунд после вас.

Он подошел к сушилке для рук и нажал на кнопку. Сник последовала за ним со словами:

— Мне разрешено говорить о своей миссии лишь в самых общих чертах. Но я вправе требовать содействия и воспользуюсь этим правом.

Значит, она действует по поручению Североамериканского Суперорганического Совета. Или делает вид, чтобы ей оказывали полное содействие. Тингл, будучи Кэрдом, сам не раз так поступал. Но он не собирался разоблачать ее, если она и блефовала. Если она действительно от САСО, то ей, возможно, поручено расследовать слухи, подозрения или, не приведи Бог, факты относительно иммеров. В любом случае она прибыла сюда явно не для того, чтобы поразвлечься.

Страх шарил у Тингла внутри, ища, за что ухватиться.

ГЛАВА 11

— Мне нужно поговорить с вами наедине, — сказала Сник.

— Ко мне в кабинет мы не можем пойти, — ответил он, когда сушилка выключилась. — Не думаю, что у вас имеется на это разрешение.

Он пошел к выходу.

— Не имеется, — сказала она, следуя за ним по пятам, — хотя я могла бы его получить. Но не стоит терять на это время. Мне нужно всего несколько минут, и чтобы никто нас не слышал.

Он повернулся к ней и встретился с ее большими карими глазами, которые словно старались прочесть что-то в его взгляде. Красивые глаза, подумал он, совсем неподходящие для офицера-органика. А может, как раз наоборот. Такие любого мужчину с толку собьют. Кто поверит, что за этакой мягкостью скрывается сталь?

Он сказал, что они могут поговорить в комнате отдыха тут же поблизости. Она поспешала за ним, быстро перебирая ногами, стараясь приноровиться к его широкому скорому шагу. Он и не думал приспосабливаться к ней. Если ей так дорого время, пусть хоть трусцой бежит. Он тоже ценит свое время.

В комнате никого не было. Он сел в большое удобное кресло, принимающее форму тела. Сник взяла стул, который укоротился на несколько дюймов, по длине ее ног, и устроилась за низким столиком напротив Тингла.

— Так что же вам от меня нужно? — спросил он, посмотрев на часы.

— Не хотите взглянуть на мое удостоверение?

— Нет, — махнул он рукой. — Полковник Паз сказал, что вы желали со мной поговорить.

Всю информацию о ней он рассчитывал получить, вернувшись к себе в кабинет, но хотел, чтобы у нее создалось впечатление, будто он ею не интересуется.

Она достала из своей сумки зеленую коробочку и положила на стол. Выдвинула экран, нажала на кнопку и вставила в прорезь луч своей звезды. Он прочел надпись, которая появилась на экране с обеих сторон, посмотрел на ее фото.

— Хорошо. Итак, вы именно та, за кого себя выдаете.

— Мне поручено разыскать дневального. Гражданина понедельника и Манхэттена. Это некий Янкев Гад Гриль. Доктор философии, преподаватель Йешивского университета, верующий еврей, шахматист, специализируется по творчеству Церинтия, христианина-гностика первого века старой эры.

В первый момент Тингл решил отрицать всякое знакомство с Грилем. Это было так далеко от того, чего он ждал, хотя Тингл сам толком не знал, чего ждать, что у него отнялся язык.

— Гриль! А, теперь я понял, почему вы хотели поговорить со мной. Я ведь играю с ним в шахматы. Но наши контакты, разумеется, были очень ограничены. Я не знаю его в лицо, и

мы ни разу не разговаривали. Правила интертемпорального шахматного турнира очень строги.

— Я знаю, — кивнула она. — Однако Гриль сейчас находится в среде, по крайней мере мы так думаем. Он страстный шахматист, настоящий фанатик...

— И великий шахматист при этом, — вставил Тингл.

— ...так что, возможно, захочет продолжить игру с вами. Не думаю, что он окажется настолько глуп, но страсть к шахматам может пересилить в нем здравый смысл. Ему может показаться, что если он передаст вам очередной ход через общественную полоску, то у него есть шанс уйти. Я говорю «может показаться», но у него в самом деле есть шанс уйти от органиков, если он так поступит. Если мы не получим немедленного донесения, мы не сможем навести на него спутник.

— И вы хотите, чтобы я сообщил вам или местным органикам, как только он выйдет со мной на связь? Если выйдет?

— Сообщите мне. Из этого, возможно, ничего не выйдет, поскольку Гриль может передать вам информацию в замедленном режиме и будет уже далеко к тому времени, как вы ее получите. Но все равно сообщите. Кстати, вы ведь пока ничего от него не получали, нет?

Вопрос на засыпку. Она, конечно, проверила уже все вызовы на имя Боба Тингла.

— Нет, не получал.

Если он не под надзором, на центральной базе связи записываются не все его переговоры. Если бы Тингл получил изображение шахматной доски с очередным ходом Гриля, он попросил бы перевести эту картинку в память, пока Гриль за ней не обратится. И в нормальных условиях Грилю передали бы ход Тингла в следующий понедельник. Если Гриль послал-таки Тинглу свой ход, то этот ход должен храниться и в банке среды, и в Манхэттенском Мировом Банке.

Сник должна была это проверить. И должна была, с помощью мониторов органиков среды, определить момент передачи. Зачем же тогда заставлять его, Тингла, доносить на Гриля?

А вдруг она преследует иную цель? Может, Гриль — только предлог, маскирующий ее настоящий интерес?

Тингл пожалел, что не ограничил свои игры с Грилем рамками какой-нибудь одной из своих ролей. И что играет с Грилем каждый день, в каждом своем воплощении. Завтра Сник придет по следу Гриля к Джиму Дунскому и увидит, что Боб Тингл и Джим Дунский — одно лицо. Как, возможно, уже знает, что Джефф Кэрд и Боб Тингл — одно лицо.

Нет, этого быть не может. Она уже арестовала бы его и сейчас потрошила бы в ближайшей камере допроса. Возможно, она действительно ищет Гриля.

Но с чего это вдруг воскресному органику поручили бы выслеживать понедельничного дневального?

Куда бы Сник ни метила, в четверг она его увидеть не должна. Впрочем, ей и незачем видеться с ним лично: фотографии Джима Дунского на экране будет вполне достаточно.

— Надеюсь, я не буду излишне любопытен, — сказал он, — если спрошу, почему розыск Гриля поручен вам. Чем его случай отличается от остальных? Насколько мне известно, дневальными занимаются органики текущего дня. Я никогда не слышал, чтобы для этой цели органику выдавали темпоральную визу.

— У нас имеются свои причины.

— Понятно. Иначе говоря, не мое это дело.

— Мне выделен специальный номер для связи. Х-Х. Легко запомнить. Если Гриль передаст вам ход, вы позвоните мне сразу? Без промедления?

— Разумеется. Х-Х, — усмехнулся он. — Да, легко запоминается. Двойной крест.

Она ничем не показала, что уловила намек* — возможно, просто сделала вид, что не поняла, выдержки ей не занимать.

— Янкев Гриль, да? — засмеялся он. — А знаете, что это означает на идише, Янкев Гриль?

— Нет. А это следует знать?

— Янкев — это Джеймс. то есть Джимми. А Гриль — это сверчок, или Крикет. Стало быть, вы ищете Джимми Крикета**.

— Возможно. Но я не вижу в этом ничего забавного или несущего информацию. Я чего-то не улавливаю? — Она взглянула на часы и поднялась. Он тоже встал.

— Это просто шутка — шутки облегчают жизнь, смазывают колесики.

— А по-моему, это глупости. Законом они, правда, не запрещены...

— ...но будь на то ваша воля, вы бы их запретили.

— Это антисоциально. Я вовсе не это хотела сказать.

Но что она хотела сказать, так и осталось невыясненным. Она ушла быстро, не попрощавшись, только оглянулась коротко и сказала:

---

* В оригинале игра слов. По-английски «double cross» (двойной крест) означает также «обмануть», «перехитрить».

** Джимми Крикет на американском сленге — Иисус Христос.

— Возможно, мы еще увидимся, маха Тингл.

— Надеюсь, что нет, — пробурчал он под нос, однако при этом вздохнул. Сник была одной из самых милых женщин, которые ему встречались, — прелестный морской котик, но не вызвала в нем ни восхищения, ни вожделения — только страх.

Он отпер дверь своего кабинета лучом звезды и вошел. Банкир, работавший в первую смену, уже ушел. Кабинет был с куполом, диаметр его составлял двадцать футов, а стены состояли из сплошных телеполосок. В центре стоял стол в виде кольца со стулом внутри. На столе был контрольный терминал. Тингл поднял доску в столе и вошел в «зачарованный круг». Опустил доску и сел. Стул вращался, позволяя видеть любую полоску, и откидывался назад, когда нужно было прочесть информацию под потолком.

Тингл набрал код, известный только ему. На полосках появились тексты и фотографии, хранившиеся там с тех пор, как Тингл закончил работу в прошлую среду. Тингл бегло просмотрел все это — ему не терпелось приступить к своему излюбленному проекту. Это было неофициальное задание, порученное ему Пазом, который, в свою очередь, получил приказ от своего начальства. Тинглу не полагалось знать, кто начальник Паза, но он выяснил это без ведома шефа.

Одной из черт Тингла было опасное любопытство, порой переходящее прямо-таки в манию. Совет иммеров встревожился бы, узнав об этом. Но члены совета уверились в свое время в надежности Джеффа Кэрда, и им не приходило в голову, что Боб Тингл — не Кэрд. Кэрд, программируя характер Тингла, решил побаловать себя. Однако он знал, что не сумел бы развить в Тингле определенные качества, если бы они не были заложены в нем самом — как эмбрионы, задавленные, но не вырванные с корнем.

На первой стадии проекта требовалось собрать статистику о людях, «полуперманентно» каменированных и помещенных в запасники за последние сто сублет. Это были лица, умиравшие от неизлечимых болезней, страдавшие не поддающимися терапии душевными недугами — или же обычные преступники, также «неизлечимые». Считалось, что, когда наука найдет способы вернуть этим людям здоровье, их раскаменят.

Это в теории. Правительство публиковало цифры по количеству «временно отсутствующих», как их называли. Паз поручил Тинглу проверить, не лжет ли правительство среды на этот счет. Когда Тингл приступил к работе, официальная статистика утверждала, что из обращения временно выведено 46 947 269 человек. Тингл, после четырех лет тайных расследований по многим каналам, обнаружил, что действитель-

ное их число — 86 927 326. И это, разумеется, только те, что были, выражаясь правительственным жаргоном, «полуперманентированы» в среду. Тингл и Паз предполагали, что прочие миры дней поступают точно так же и на Земле сейчас «временно отсутствует» около 609 миллионов человек.

Затем Паз велел Тинглу выяснить, не разработаны ли за последние двадцать сублет методы лечения, которые могли бы помочь «отсутствующим». Это задание оказалось легче первого. Тингл обнаружил, что различные методы и средства, опубликованные и внедренные в практику, позволяют раскаменить не менее 30 миллионов каменированных в среду — или, если пользоваться экстраполяцией, 210 миллионов из общего числа отсутствующих.

Однако ни один человек из тридцати миллионов не был раскаменирован с тем, чтобы проверить на нем новые методы лечения. И общественность не выступала с подобными предложениями.

«Начнем с того, — сказал Тингл Пазу, — что для их возвращения потребуется тридцать сублет, если излечивать, скажем, по миллиону в год. За это время в запасники поступит не менее сорока миллионов. Резерв, составляющий восемьдесят семь миллионов, так и останется нетронутым. Нет нужды усматривать в действиях правительства какие-то зловещие мотивы. Оно просто пообещало то, чего не может выполнить. Я уверен, что и другие обнаружили то же, что я, но их докладам не дали ходу».

«Стало быть, все эти миллионы все равно что умерли», — сказал Паз.

«Отчего же. Возможно, когда-нибудь... у нас будет достаточно медиков, и соответствующая система, и фонды, чтобы выполнить наконец обещание».

«Да, конечно. — Паз взглянул сверху на свой живот и ущипнул самый нижний из трех подбородков. — Тогда же, когда люди научатся есть не больше того, сколько им необходимо».

Тингл подумал, что, если вылечить всех «отсутствующих» Земли, огромное количество оживших заставит, чего доброго, добавить к неделе восьмой день.

«Зачем тебе эта информация?» — спросил он у Паза.

«Возможно, мы, иммеры, когда-нибудь воспользуемся ею».

«Для шантажа? Для вымогательства? Для угроз?»

Паз в ответ только усмехнулся.

Сейчас, на последней стадии проекта, Тингл занимался «проникновением» в биографические файлы и в переговоры высокопоставленных деятелей манхэттенского и мирового

правительств. Прибор, созданный, надо полагать, в секретной лаборатории иммеров, позволял ему расшифровывать их диалоги. Сначала Тингл испытывал большое удовлетворение. Потом он сообразил, что то, что могут сделать иммеры, могут сделать и засекреченные отделы правительственных служб. Стало быть, иммерские скрэмблеры тоже могут быть разгаданы в любое время — а может быть, уже разгадываются.

Он передал свою догадку по начальству, с тех пор иммеры стали менять характеристики скрэмблеров каждые несколько недель.

Тингл спросил Паза, для чего нужно это подслушивание. Паз ответил, что Тинглу незачем это знать. Тингл хранил про себя мнение, что совет иммеров предполагает использовать эту информацию в будущем для собственной защиты. А быть может, использует ее уже сейчас для давления на упомянутых чиновников — в каких-то неясных, но безусловно серьезных целях.

Занимаясь шпионажем, Тингл отобрал кое-какие данные и для себя. Если ему понадобится защитить собственную персону, он воспользуется ими не задумываясь.

Когда он подумал об этом, у него мелькнула мысль, что он, Тингл, и вправду без колебаний пошел бы на шантаж в случае нужды. А вот Кэрд, его вторничная ипостась, счел бы это бесчестным.

Просматривая полоски, он вспомнил, что обещал Нокомис достать ей компромат. Сегодня он этого сделать не сможет, и жена рассердится на него. Он вздохнул. Сейчас проблема номер один — это Сник, а если останется время, надо будет заняться Кастором.

«Надо было в свое время перевести Кастора в число отсутствующих, — пробормотал он. — И не случилось бы этого кризиса».

Совет иммеров, должно быть, понимал это не хуже Тингла. Но официальная процедура каменирования Кастора в качестве неизлечимого больного требовала произвести тщательный опрос пациента. Возможно, Кастор и не открыл бы властям, что является иммером — ведь он считал себя Богом. Но совет не мог взять на себя такой риск. Пришлось оставить Кастора в клинике, как пациента, имеющего шансы на выздоровление.

Тингл снова вздохнул и, тихонько насвистывая «Криминальное Кредо» — арию Ко-Ко из оперетты Гилберта и Салливана «Микадо», — принялся за «проект Сник». На полосках появились коды, необходимые для проникновения в воскресные файлы органических сил. Коды он получил из

иммерского банка данных, и их использование допускалось лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Таких, как сейчас. Однако оперировать ими следовало с осторожностью, поскольку воскресные банки данных могли к этому моменту ввести новую систему безопасности — не ту, которая была известна Тинглу.

Все обитатели воскресенья сейчас каменированы — кроме Сник, конечно, — но в свой срок они проснутся и узнают, что кто-то пытался проникнуть в их банк — в том случае, если запросы Тингла включат тревожную сигнализацию. Если это произойдет, ему придется как следует замести свои электронные следы. В крайнем случае придется даже стереть весь иммерский банк, чтобы не привести органиков к самой организации.

За пятнадцать минут Тингл получил из шести различных источников все имеющиеся биографические данные на Пантею Пао Сник. И лишь через два часа, использовав все безопасные способы и все релевантные каналы, он отказался от попытки узнать официальный приказ относительно ее миссии. Либо этот приказ недоступен, либо Сник получила его устно.

Теперь он, по крайней мере, представлял себе все ее слабости — те, что хранились в файлах. По собственному опыту он знал, однако, что Сник могла кое-что и утаить от правительственных психитистов. Тингл собрался было приступить к следствию по Кастору, но тут все действующие полоски загорелись красным и все данные с них исчезли. Испуганный Тингл запросил полоску, обслуживающую дверь. Сердце часто забилось — это говорило о том, что он не так спокоен, как ему хотелось бы. И нервничает больше, чем сам признает.

— Это я, — ответил голос Паза.

Система безопасности была настроена так, что предупреждала Тингла и убирала всю информацию с дисплеев всякий раз, когда кто-то пытался связаться с ним по полоске или отпереть дверь.

Тингл нажал на кнопку, и дверь открылась. Он знал, что Паз не пришел бы к нему с посторонним без предупреждения, но все-таки повернулся со стулом к двери, чтобы удостовериться. Паз вошел, и дверь опять захлопнулась.

Тингл хотел сказать шефу, что затратил на Сник меньше времени, чем ожидал, но осекся, увидев, как бледен и мрачен Паз.

— В чем дело? — спросил он вместо этого.

— По органическим каналам передают, что в доме, соседнем с твоим, произошло убийство. Это, конечно, может быть и совпадением, но Кастор...

Тингл, вставший навстречу Пазу, почувствовал дурноту и снова сел.

— Эй, что это с тобой?

В этот миг Тингл стал чуть меньше Тинглом и чуть больше Кэрдом.

— Кто убит?

— Не знаю, черт возьми! — воскликнул Паз. — Тело как раз выносят. Я и подумал, что ты живешь рядом... и Кастор... может, это его засекли там и убили. Или он убил кого-то по ошибке.

Паз не знал, что Кэрд живет рядом с Тинглом. Ему незачем было это знать.

— Я думаю... — сказал Тингл.

— Да? — вопросительно посмотрел на него Паз. Тингл махнул рукой:

— Так, ничего. Давай включим этот канал и посмотрим. Может, это не имеет к нам никакого отношения. Есть целая дюжина объяснений...

Паз сделал несколько глубоких вдохов.

— Да. Я, наверно, придумываю лишнее и только зря паникую. Это просто совпадение. Но если Кастора настигли там и убили, то все к лучшему.

На полоске органики в голубой форме отгоняли от дома любопытных. Сцену снимали сразу три операторские группы. У тротуара стояли несколько патрульных машин и фургон коронера. Двое мужчин свозили с крыльца тележку, приспособленную для лестниц. В прикрепленном к тележке мешке для перевозки трупов что-то лежало.

На экране появился репортер 87-го канала Роберт Аманулла.

— Мы только что поговорили с махой Адити Ротва по... — начал он, и полоска внезапно погасла.

ГЛАВА 12

— Органики выключили, — сказал Паз. — Что они хотят скрыть?

Неизвестно почему другие камеры еще работали. Паз вызвал два других канала, показывающих сцену в другом ракурсе. После тридцатисекундного перерыва включился вновь и 87-й канал. Аманулла продолжал вести репортаж, умалчивая о том, кто же убит. Тело поместили в фургон, который

отъехал, медленно прокладывая путь через толпу. Выбравшись на простор, машина набрала скорость, но не включила ни сирену, ни мигалку. Спешить было некуда.

Судя по словам репортеров, в доме произошло убийство. Подробности пока неизвестны. Как только репортеры узнают от органиков, что произошло, они сообщат об этом зрителям. Две группы в ожидании лучших времен переместились в Ист-Сайд и вели свою съемку там. Канал № 87 остался на месте — возможно, потому, что Амануллу рассердило вмешательство в его репортаж.

— Глушат, — сказал Паз. — Пройдет добрых несколько часов, пока мы узнаем правду.

— Если вообще узнаем.

Тингл нетвердо поднялся на ноги, подошел к стене, активировал одну из полосок, задал ей несколько вопросов, выслушал ответы и спросил Паза:

— Слышал?

— Да. Ротва живет в том же доме.

— Я...

Тингл осекся. Он чуть было не выдал Пазу, что знает Ротву. По крайней мере, в лицо, поскольку часто видел ее в окошке каменатора в подвале того дома.

Убитым мог быть Кастор. Или Озма. Это определенно не кто-то из жителей среды, поскольку женщина жива. Если бы она убила своего мужа, ее бы сразу каменировали, чтобы предотвратить попытки к бегству, и увезли.

Был один код, с помощью которого Тингл мог проникнуть в записи органиков. Но им можно было пользоваться лишь в абсолютно чрезвычайных ситуациях. Относится эта ситуация к таковым или нет?

— Нужно выяснить, не Кастора ли убили, — сказал Тингл.

Паз нахмурился, поразмыслил с минуту и сказал:

— Если он убит, спешить нам некуда. Рано или поздно это выяснится.

— Сомневаюсь, что это Кастор, — с бледной улыбкой сказал Тингл. — Разве Бога возможно убить?

— Ты славный парень, Боб, — тяжело посмотрел на него Паз, — и человек хороший. Но твои остроты могут вывести из себя.

— Остроты, говоришь? Ну извини.

— Вон ее муж идет домой, — показал на полоску Паз. — По крайней мере, я думаю, что это он.

Тингл узнал мужчину, но не подтвердил, что Паз прав. А может, и зря? Не пора ли открыть Пазу, что Тингл по вторникам проживает в этом доме? Не сказав этого, Тингл не

сможет объяснить Пазу, как мучит его вероятность гибели Озмы от руки Кастора. Возможно, Пазу следует узнать об этом и по другой причине. Пусть он оповестит вышестоящих лиц, что Кастор напал на след Тингла и поэтому представляет опасность для всех иммеров.

Тингл осмотрел экраны. В толпе Кастора не было. А ведь сумасшедшего должно тянуть на место преступления, чтобы посмотреть, как выносят тело, и ощутить сладостную дрожь. Но Кастор для этого слишком хитер. Он, наверное, давно ушел.

Что-то живое беспрестанно копошилось у Тингла в груди, причиняя боль. Тингл знал, что зверек, который скребется там, внутри, — это горе, испытываемое Кэрдом. Сам он чувствовал или, скорее, позволял себе чувствовать это горе лишь в смягченном виде — как всякий поверенный, у которого клиент теряет жену.

Так говорил себе Тингл. На самом деле его боль была гораздо острее — такой острой, что он боялся, как бы она не прорвалась наружу. Случись это — и ему придется, по крайней мере частично, перевоплотиться в Кэрда. Он не мог этого допустить.

«Но ты же не знаешь наверняка, что Озма убита», — твердил он себе.

Напрасные слова. Он знал.

— Ну, что скажешь? — спросил Паз.

— Извини. Я задумался.

— Это что, такой болезненный процесс?

Тингл заставил себя улыбнуться.

— Больно только, когда смеюсь. Виноват, шеф. Я думал, что надо найти Кастора — сделать для этого все изруквонистое и изкоживылезательное, как выразился великий Бедфорд Форрест*.

— Это еще кто такой?

— Так, историческая аллюзия, имеющая, боюсь, исторические корни. Не имеет значения, шеф. Я раздобыл насчет Сник все, что было возможно, и все-таки не знаю, вправду ли она гоняется за Грилем или это только прикрытие, а нужен ей я. Мне... нам всем... в общении с ней придется импровизировать. Я уверен, что совет уже предпринял что-то относительно нее, так что без помощи мы не останемся. Главное сейчас — это Кастор. Я им займусь, но вряд ли выжму что-нибудь из банка. Тут нужны действия, а не информация. Дай

---

* Кавалерийский генерал армии южан во время гражданской войны в США.

мне немного подумать. Если надумаю что путное, то уйду с работы. Причину придумай сам, только и мне скажи, чтобы я знал.

— Нет проблем, — сказал Паз, у которого по лицу каплями струился пот. Выходя, он добавил через плечо: — Свяжись со мной перед уходом, если будешь уходить.

— Обязательно.

Тингл откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Через две минуты ему позвонила Нокомис.

— Нашел что-нибудь для меня?

— Нет еще, дорогая. Текучка заела. Даже не знаю, когда смогу взяться за это дело.

— Оно не терпит отлагательства, это дело, — нахмурилась она. — Промедление смерти подобно! — Она закатила свои большие карие глаза и скорчила гримасу.

— Займусь при первой возможности, — сказал он.

Она предупредила, что время обеда переносится с семи часов на восемь. Продюсер с хореографом поругались, и дошло бы до драки, если бы их не растащили. Роджер Шенахи, премьер, перестарался со слабительным и теперь после гран-жете являет собой жалостное, хотя и смешное зрелище, поспешно удирая со сцены.

В другое время Тингла бы это позабавило. Теперь он распрощался с Нокомис, сказав, что ему надо идти. Не мог он болтать с ней о ее пустячных делишках в столь трагический и опасный момент. Однако он достаточно хорошо ее знал, чтобы понимать: если он не достанет ей требуемого, ему придется выслушать от нее не одну пару теплых слов.

Полчаса спустя, вдоволь нашагавшись по кабинету, Тингл признал негодными все свои планы обнаружения Кастора. Сейчас ему требовалось отвлечься на время от этой задачи, чтобы потом приняться за нее со свежими силами.

Он покинул свой кабинет, зашел в туалет и направился к Пазу. Шеф сидел за столом и поглощал обильный ленч, включавший солидный бифштекс. Он взглянул на Тингла, словно ожидая от него какого-нибудь нелестного замечания. Тингл отвел глаза и сказал:

— Я пойду. Нет, ничего хорошего сказать не могу. Мне надо поупражнять тело, а не ум. Схожу на полчасика в фехтовальный зал.

— Раз тебе это нужно, нет вопросов. Конечно, иди. Надеюсь только, что ты все-таки придумаешь что-нибудь.

— Я люблю захватывать события врасплох и не люблю, когда случается наоборот, — сказал Тингл. — Но боюсь, что

сейчас может получиться именно так. Тогда останется одно — импровизировать на всю катушку.

— Хорошо, когда умеешь импровизировать, — сказал Паз сквозь непрожеванный бифштекс. —.Только лучше не прибегать к этому умению. Звони мне каждые полчаса.

У Паза был не обеспокоенный, а скорей виноватый вид. Тингл откланялся и ушел, подумав, что шеф очень уж переживает по поводу своей мясной диеты. Ему, Тинглу, все равно, что ест Паз, хотя лучше бы шеф ел поменьше. В один прекрасный день начальнице Паза придется, невзирая на все влияние, каким он у нее пользуется, вынудить его перейти на голодный паек. А если и это не поможет, Паза исследуют на патологию обмена веществ, после чего или подвергнут электрохимической терапии, или отправят на «ферму для толстяков».

Тингл спустился лифтом на двадцатый этаж в фехтовальный зал. После десятиминутной разминки он сразился с мужчиной и с женщиной — ни один из них не был ни иммером, ни банкиром данных. В обоих матчах он одержал победу, и это было приятно. Но, стоя под душем, он опять начал думать о Касторе. И пришел к заключению: раз этот маньяк знает, где живет Кэрд, он может знать, где живет и Тингл. Это тем вероятнее, что Тингл живет по соседству с Кэрдом. Кастор мог видеть, как Тингл выходит из своего дома.

И Тингл, поскольку ничего другого не оставалось, решил сделаться приманкой. Возможно, он только напрасно потратит время, но время все равно будет потрачено, что бы он ни предпринял. Кастор между тем фанатик, и он-то не станет тянуть резину. Он сделает все возможное, чтобы добраться до Тингла, если только в его безумные планы не входит помучить свою главную жертву морально. Кто знает, сколько зла может таиться в сердце человека? Разве что Князь Тьмы — и еще Бог. Бог-то и есть истинный Князь Тьмы.

— Но ведь Кастор — не настоящий Бог, — пробормотал Тингл.

Он спустился к выходу на Пятую авеню, вышел в знойный день и подозвал такси. Сев в машину и сказав водителю, куда ехать, он вложил луч своей звезды в аппарат на спинке переднего сиденья. Водительница лишь мельком взглянула на данные Тингла и цифру его кредита, показавшиеся в окошке приборной доски. Ее еще ни разу не грабили, и она не думала, что такое возможно.

Тингл посмотрел телеполоску перед задним сиденьем. Об убийстве на Бликер-стрит не упоминалось. Как видно, рука правительства зажала рот вещанию. Больше в новостях об

этом говорить не будут, если только власти не сочтут нужным придумать что-нибудь для отвода глаз. Значит... Озма на самом деле убита, и правительство среды решило, что общественности незачем об этом знать. Может возникнуть паника, если станет известно, что гражданина другого дня можно раскаменить и убить.

Тингл содрогнулся при мысли о том, что мог сделать и наверняка сделал с Озмой Кастор. Это была реакция Тингла — будь он полностью Кэрдом, его бы вырвало.

Что касается Сник, то нет смысла ее избегать. Это только усилит ее подозрения, если она его подозревает. А если не подозревает, то начнет подозревать, видя его непонятное поведение. Надо ехать к себе на квартиру и ждать Кастора там — или гулять по соседству с домом.

Такси свернуло с Пятой авеню на восток, на Северную Вашингтон-сквер. Тингл, сидевший справа, посмотрел в окно и вдруг громко сказал:

— Остановитесь!

— Ой! — испуганно сказала водительница и подъехала к тротуару, лавируя между велосипедистами. Потом обернулась и спросила: — Здесь выйдете?

— Через минуту поедем дальше.

В тридцати футах от тротуара рос большой дуб. В его тени стояли столики и стулья, все занятые шахматистами. Один из них, человек плотного сложения, был одет в черное. Виден был его орлиный профиль, необычно густые брови и длинная, лохматая рыжая борода. Рыжие волосы покрывала круглая черная шапочка, называемая, если Тингл правильно помнил, ермолкой.

— Гриль! — произнес Тингл — или это был Кэрд?

Тингл понаблюдал за ним с минуту. Гриль нисколько не походил на правонарушителя, находящегося в бегах. Если он и ждал, что на плечо его вот-вот опустится чья-то рука, ловил слухом приближающиеся тяжелые шаги, а краем глаза — подкрадывающиеся тени, то по нему это не было заметно. Казалось, его не волнует ничто, кроме шахмат. Он застыл над доской недвижно и сосредоточенно, как богомол, заприметивший гусеницу.

Тингла удивляло, что Гриль избежал ареста. Но потом он понял, почему беглец так долго остается на свободе. Органики ищут человека, похожего на Гриля, но не настолько похожего. Им думается, что Гриль сбрил бороду, снял ермолку, покрыл лицо темным гримом и вставил себе контактные линзы, чтобы изменить зеленый цвет глаз. Но хитро-

умный Гриль сохранил свой облик правоверного еврея и замаскировался, не маскируясь.

— Я все-таки пойду дальше пешком, — сказал Тингл и вложил луч звезды в прорезь аппарата, чтобы записать пробег, который можно будет сравнить с цифрой на счетчике такси. Если кто-то следит за ним и потом спросит, почему он здесь вышел, Тингл ответит, что ему захотелось прогуляться. Другой причины, почему он отпустил такси, Тингл придумать не мог. Хотя нет. Он ведь страстный шахматист, вот и захотел немного понаблюдать за игрой. В конце концов, он и раньше играл на Вашингтон-сквер. Здесь собирались лучшие игроки Манхэттена.

Тингл подошел к столику рядом с тем, за которым сидел Гриль, и стал смотреть. Потом как бы невзначай перешел к столику Гриля. Встретившись с зелеными глазами гроссмейстера, Тингл почувствовал себя как-то странно. Гриль его не узнал, а он хорошо знает Гриля. Неплохо, во всяком случае.

Тингл не удержался и посмотрел вверх сквозь листья. «Небесный глаз», если следит за ним, сейчас не видит ни его, ни Гриля.

Через минуту, за которую ни один из игроков не сделал хода, Тингл отошел. Ему не о чем было разговаривать с Грилем. Импульсивное желание предостеречь беглеца прошло, как и следовало ожидать. Кто ему Гриль — сегодня, во всяком случае?

Он медленно шел мимо с криками и визгом играющих детей, мимо актеров пантомимы, мимо тележек с орехами, фруктами и овощами, мимо продавцов воздушных шариков с яркими гроздьями над головой, мимо дерущих глотку уличных ораторов, выставляющих напоказ свою запутанно-запятнанную психику, мимо акробатов, мимо фокусников, извлекающих из воздуха кроликов и розы, мимо немытых сквернословов-барбов (так в среде назывались минни) и непременных органиков в штатском. Их отличало неопределимое, но очевидное — для Тингла — выражение лица, присущее им в толпе обычных граждан.

При виде их он вдруг ощутил тяжесть оружия в своей наплечной сумке. Если его по какому-нибудь поводу остановят и обыщут... Тингла передернуло. Неразумно это — носить с собой пистолет. Но он вынужден это делать — вдруг ему встретится Кастор.

Тингл подумал о Касторе — и тот возник, словно по волшебству.

Тингл споткнулся.

Сначала Гриль. А теперь — да, сомневаться больше не приходится.

Кастор шел справа навстречу ему и был от него футах в пятидесяти.

Тингл снова пошел в прежнем темпе и снова споткнулся.

Слева футах в семидесяти от себя он увидел женщину, тоже идущую ему навстречу — в коричневом жокейском кепи и коричневом же платье с зелеными петельчатыми крестами. На ней были ярко-зеленые туфли.

Сник.

ГЛАВА 13

Во Вселенной все взаимосвязано, но сходные вещи и явления связаны более тесно.

Тингла, Гриля, Кастора и Сник более или менее тесно связывали противозаконные деяния, совершенные первыми тремя. И вот пожалуйста — все они оказались на Вашингтон-сквер, повинуясь некоему закону криминального притяжения. Точно планеты, притягиваемые друг к другу вопреки теории вероятности. Причем все, кроме Гриля, стремились к единому центру.

Однако люди — не планеты, созданные из неодушевленной материи. Люди могут покинуть свою орбиту по собственной воле.

Первым это сделал Кастор. Он взглянул налево и увидел Тингла. Глаза его широко раскрылись, и он замедлил шаг. А потом он бросился бежать. Бог никогда не убегает: Он всемогущ и не знает страха. На сей раз, однако, он улепетывал, как простой смертный, а не как тот, кто способен растаять в воздухе или поразить своего врага молнией или моровой язвой в острой форме.

Его бегство дало Тинглу шанс. Сник обернулась, увидя, как длинный тощий Кастор мчится, подобно двуногой газели, за которой гонится гепард. Зная, что Сник непременно захочет посмотреть, от кого Кастор убегает, Тингл спрятался за ствол дуба. Притворяясь, что он просто отдыхает, мечтательно прислонясь к стволу, Тингл отыскал в толпе переодетых органиков. Некоторые из них видели Кастора, но, видимо, приняли его за обычного бегуна. Гриль по-прежнему сидел за столиком.

Трель свистка, которую Тингл ожидал услышать от Сник, так и не прозвучала. Органики в штатском остались на местах, сохраняя свою будто бы небрежную, но внутренне настороженную повадку. Тингл, не в силах более сдерживать

любопытство, выглянул из-за дерева. Кастор скрылся за одним из больших домов на Западной Четвертой улице, к югу от площади. Сник стояла спиной к Тинглу, подбоченясь и склонив голову набок, явно озадаченная. Почему она, черт возьми, не повинуется условному рефлексу всех органиков и не бросается в погоню за тем, кто бежит? Возможно, потому, что у нее важная миссия, от которой нельзя отвлекаться, и она не может гоняться за кем попало.

Нет. Тингл испустил стон — он снова ошибся. Сник пустилась трусцой на юг по Томпсон-стрит. Свернула на Западную Третью и затаилась там за домом. Она все-таки преследует Кастора.

Тингл прикусил губу, взглянул на Гриля, занятого игрой, и вышел из тени дуба. Солнце тут же окутало его одеялом удушливого жара, но холод внутри остался. Что делать? Тинглу не хотелось наткнуться на Сник, у которой могла бы создаться нежелательная ассоциация между ним и Кастором. С другой стороны, его присутствие здесь объясняется просто. Его дом всего в нескольких кварталах отсюда.

Тингл не побежал, просто ускорил шаг. Если органики на площади увидят, как трое человек подряд срываются и бегут куда-то, их это может наконец заинтересовать. Дойдя до угла Томпсон-стрит и Западной Третьей, Тингл свернул в ту же сторону, что и Сник. Ни преследуемого, ни преследующей не было видно. Добравшись до Салливан-стрит, Тингл увидел Сник, спиной к нему, заворачивающую на Бликер-стрит. Поскольку на улице больше никого не было, Тингл перешел на бег.

Недалеко от Бликер-стрит он притормозил и выглянул за угол. Сник, уже трусцой, поворачивала на Макдугал-стрит. Кастор, как видно, теперь движется на север. Тингл пробежал по Бликер в западном направлении и остановился на углу Макдугал. Выглянул и постоял, пока Сник не свернула на Минетта-лейн. Проделывая все это, он надеялся, что никто из соседей не заметит, что он тут вытворяет.

На углу Минетта-лейн он постоял подольше, чтобы дать Сник уйти достаточно далеко. Потом прошел на запад до конца квартала и спрятался за деревом, глядя на нее одним глазом. Она трусила вдоль канала, платье на ней взмокло и прилипло к спине. Тингл подождал, пока она свернет за дом Джеффа Кэрда на Бликер-стрит, и только тогда вышел из-за дерева.

Потом он опять побежал. Рыболовы, пешеходы и велосипедисты у канала глядели на него во все глаза: вот ненормальный, бегать по такой жаре. Дураки те, кто вообще

вылезает на улицу, вот как они. Запыхавшийся Тингл, которому щипало глаза от пота, остановился на очередном углу. Не видя Сник, он выступил из-за ограды на тротуар и тогда увидел ее перед подъездом своего дома. Значит, Кастор вошел туда. И дверь, выходящая на улицу, и черный ход днем обычно не запирались. Кастору было не труднее проникнуть туда, чем теперь Сник.

Тинглу не верилось, что Кастор вошел в этот дом чисто случайно.

Паз велел Тинглу звонить каждые полчаса. Тингл уже опоздал на пятнадцать минут, да и сейчас звонить было некогда. Но как только он двинулся к дому, часы у него на руке запищали. Он отключил сигнал и поднес часы ко рту.

— Слушаю, — сказал он, перенося часы к уху.

— Я начал беспокоиться, — сказал Паз. — Ты не...

— Да, знаю. Перейди на прием.

Тингл кратко сообщил обо всем происшедшем и сказал, что собирается последовать в дом за этими двумя.

— Ты считаешь, это разумно?

— В данный момент я не знаю, что разумно, а что нет.

— Я могу прислать туда двух человек, и они займутся Кастором, — сказал Паз. — А ты карауль снаружи, чтобы он не ушел.

— Он может выйти через заднюю дверь. — Говоря это, Тингл бежал вокруг здания. — Я сейчас как раз направляюсь к ней.

Он выглянул за угол дома. Кастора нет — значит, он или в доме, или уже выбежал с черного хода и скрылся с глаз. Второе он вряд ли успел бы проделать. Кроме того, Тинглу не верилось, чтобы Кастор снова вышел на улицу. Безумец, скорее всего, поджидает Сник внутри.

Поднимаясь на заднее крыльцо, Тингл изложил Пазу, как обстоит дело.

— Придется войти в дом. Я не хочу, чтобы он что-то сделал со Сник.

— Почему? Она, возможно, не менее опасна, чем Кастор. Пусть он с ней разделается, а мы разделаемся с ним.

— У нас нет уверенности, что она охотится за мной, — сказал Тингл. — Кроме того...

— Что «кроме того»? — резко спросил Паз.

— Если люди увидят... если будут свидетели... тогда сюда сразу явятся органики, а нам это ни к чему, так ведь?

— А что, здесь рядом есть люди?

— Пока никого.

— По-моему, тебе лучше оттуда убраться. Пусть этим займутся мои ребята.

— Это приказ?

Паз кашлянул:

— Нет. Я там не присутствую и не могу ручаться... Ты на месте, Боб, тебе и карты в руки. Иди и действуй по ситуации.

— Иду, — сказал Тингл. — Я у входа в дом. Позвоню тебе позже.

— Да, но...

Тингл выключил рацию.

Он выправил блузу из брюк, достал из сумки пистолет и сунул его за пояс, под блузу. Потом быстро, но осторожно прошел через вестибюль к широкой, полукругом, лестнице на второй этаж. Огромный рекреационный холл был пуст, и ни звука не доносилось ни изнутри, ни снаружи. Мокрое лицо Тингла начало просыхать в прохладном кондиционированном воздухе, но из подмышек пот струился прямо ручьем. Тингл задержался у подножия лестницы и достал из-за пояса пистолет. Тяжелое оружие весило четыре фунта и походило по форме на старинный пистолет-автомат. Кроме гашетки, на нем с обоих боков над рукояткой было еще два диска. Тингл поставил левый регулятор на узкий плотный луч, а правый — на полную мощность заряженных частиц.

И стал медленно подниматься по ступеням, настороженно прислушиваясь к звукам наверху. Перед верхней площадкой он пригнулся и выглянул, не поднимая головы выше пола второго этажа. Пистолет он держал дулом вверх, у мочки левого уха.

Верхний холл был пуст.

Тингл мог теперь подождать перед квартирой 2Е, пока не выйдет Сник или Кастор. Он не знал, там ли они, но это следовало предположить. Он мог, конечно, и ошибаться. Возможно, Кастор поднялся наверх или спустился по черной лестнице и ушел. Это, однако, казалось Тинглу маловероятным — а может быть, ему просто хотелось, чтобы Кастор находился в его квартире, из которой только один выход. Как бы там ни было, квартиру надо проверить.

Тингл подошел к своей двери и заглянул, согнув колени, в замочную скважину. Внутри было темно — значит, Кастор не воспользовался своим оружием, чтобы взломать кодовый замок. Тингл выпрямился и вставил в скважину луч диска-звезды, отпирающий дверь. Выждав несколько секунд, он толкнул дверь, и она распахнулась легко и бесшумно, остановившись в футе от стены. В прихожей и в холле не было никого.

Тингл вошел и тихо прикрыл дверь, повернув ручку. Ему не хотелось, чтобы вслед за ним вошел кто-то другой. За

четыре минуты он быстро, но тихо прошел по всем комнатам, открыл дверцы шкафов и даже заглянул под кровать, хотя и почувствовал себя при этом глупо.

Потом прошелся вдоль каменаторов, останавливаясь перед каждым и глядя на лица в окошках. Ни Кастора, ни Сник среди них не было. Оставались два пустых цилиндра — Тингла и его жены. Тингл не стал подходить к ним близко и смотреть, не скорчился ли кто под окошком, но все время посматривал на эти цилиндры, проверяя остальные.

Ни в комнатах, ни на балконе никого. Если в квартире кто-то есть, он должен прятаться в одном из двух цилиндров среды. И если заняты оба из них, то в одном, возможно, спрятан труп.

Пригнувшись, чтобы Кастор не увидел его, если выглянет в окошко, Тингл приблизился к первому цилиндру. Держа пистолет в одной руке, другой он быстро распахнул дверцу. Цилиндр был пуст. Значит, пуст и второй. Если только там не двое, один из которых мертв.

Тингл повторил процедуру и вздохнул полуоблегченно-полуозабоченно. И тут никого. Где же они тогда? Он был почти уверен, что они не выходили из дома.

Нахмурясь, Тингл вышел на балкон и посмотрел по сторонам. Ни Кастора, ни Сник. Он собрался было доложить обо всем Пазу, но раздумал. Зачем? Помочь ему шеф не в состоянии, зато может приказать Тинглу уйти или, наоборот, остаться в квартире. Остается одно — осмотреть в доме все, что возможно.

Тингл вышел в коридор, в конце которого была входная дверь. И лишь по счастливой случайности не попал под луч, разнесший в пыль кодовый замок и проникший в квартиру. Раскаленное добела веретено чуть не задело левое плечо Тингла. В следующую секунду дверь распахнулась настежь.

Тингл не в полной мере обладал кэрдовской реакцией. Он долго взращивал в себе другие качества, более подходящие для его роли. Поэтому он пребывал в столбняке на секунду дольше, чем Кэрд. Кэрд сразу упал бы на пол, одновременно взяв на прицел дверь. Но Тингл все-таки очнулся вовремя, чтобы нажать на спуск, хотя и не знал, кто это вломился к нему.

ГЛАВА 14

Кастор с воплем выронил оружие, зажал рукой левое плечо и исчез. Тингл бросился за ним в холл второго этажа. Там стоял запах горелого мяса и пластика. На задней лестнице

мелькнула голова бегущего вниз Кастора. Тингл побежал за ним, но, выскочив на улицу, потерял его. Тингла так и разбирало обежать вокруг дома — вдруг сумасшедший затаился за углом или прячется во дворе за кустом или деревом. Какая-нибудь минута — и Тингл обнаружит его и убьет. Но что, если кто-то увидит, как Тингл стрелял в человека? Органики будут здесь через шестьдесят секунд. А если он начнет обшаривать окрестности, его могут схватить из-за того, что кто-то видел раненого Кастора и вызвал органиков.

Кастору не уйти далеко — он непременно привлечет к себе внимание и его либо схватят, либо пустятся за ним в погоню. Тингл не желал быть где-то поблизости, когда это случится.

Не исключено, однако, что у Кастора есть неподалеку какая-то крысиная нора. Например, высокая желтая труба в углу маленького парка близ канала. Это вход в подземную систему транспортировки товаров. Если Кастор спустился туда, ищи его свищи.

Тингл отдышался немного и набрал код Паза на часах. Паз сразу ответил. Тингл рассказал ему все, и тот разразился бранью. Окончив свой монолог, включавший с дюжину выражений на хинди, Паз сказал:

— Мои агенты где-то в твоем районе. Я сообщу им о случившемся и пошлю сюда кого-нибудь еще. Кастора надо найти немедленно!

— Да что ты говоришь, — буркнул Тингл и сказал в рацию: — Я поищу Сник. Кажется, я догадываюсь, где она. Позвоню после.

По закону хотя бы в одном доме каждого квартала должны были иметься четыре запасных каменатора. Они использовались в основном для срочного каменирования людей, с которыми произошел несчастный случай поблизости, применяли их и органики в случае ареста. Каменировать подозреваемого куда надежнее, чем надевать на него наручники.

Тингл подошел к двери в подвал, кивнув сходящей с лестницы паре. Пистолет он, к счастью, спрятал обратно, под блузу. Соседи, тем не менее, взглянули на него подозрительно — возможно, оттого, что он был так взбудоражен. Тингл спустился в другое рекреационное помещение. Там мерцала призрачным светом телеполоска — кто-то забыл ее выключить. За это полагался выговор, а то и штраф — требовалось только найти провинившегося. Тингл выключил полоску.

Запасные цилиндры стояли в углу кладовой. Тингл подошел к стенному щитку, обозначенному АВАР ЦИЛ ВКЛ, и

опустил его. Кнопка номер три светилась. Тингл нажал на нее, и огонек погас. Тингл подошел к цилиндру под номером три и открыл его. Сник сидела там, головой в колени, синевато-серая, холодная и твердая на ощупь, как металл. Ссадина на лбу указывала, что Кастор оглушил ее — а может, и убил. Во всяком случае, он не успел, если и собирался, расчленить ее так же, как доктора Атлас.

Тингл закрыл цилиндр, вернулся к контрольной панели, нажал кнопку номер три и перевел реостат в положение ВКЛ. Через секунду реостат автоматически выключился. Тингл открыл дверцу цилиндра, нагнулся и приложил палец к сонной артерии Сник. Пульс бился, хотя и слабо. Хорошо! Хотя что в этом хорошего? Живая она опасна, если только не упрятать ее куда-нибудь подальше.

Вернув Сник в окаменелое состояние, Тингл немного поразмыслил и вызвал по рации Паза. Крохотный скрэмблер, вмонтированный в часы, не позволял понять разговор никому, кроме самого Паза. Правительство вправе прослушать любой разговор, но при этом дает гражданам право пользоваться скрэмблерами, создавая иллюзию свободы. Води собаку на поводке, но сделай его длинным, и собака будет счастлива.

Тингл рассказал Пазу о своей находке.

— Я пошлю двух агентов, чтобы забрали ее, — сказал тот.

— Мне нужно знать, куда ее увезут.

— Это еще зачем?

— Мне надо допросить ее, узнать, в чем состоит ее задание. Я не буду чувствовать себя в безопасности, пока не сделаю этого. В отношении ее, хочу я сказать. Кастор — дело другое.

— Мы позаботимся об этом.

— Я не люблю работать в потемках. И потом, как ни крути, я должен присутствовать на допросе.

Паз вздохнул, помолчал и сказал:

— Ну хорошо. Как только ситуация стабилизируется, я тебе сообщу.

Говорил он, точно с полным ртом — может, он и набил рот едой, чтобы успокоиться, когда Тингл воспротивился его приказу.

Получив указание оставаться в квартире до следующего звонка Паза, Тингл поднялся наверх. Он позвонил в Ремонтно-сантехнический Департамент и сказал, что ему нужно вставить новый кодовый замок. Ему ответили, что это можно будет сделать только завтра, то есть в будущую среду. Тингл отменил заказ и позвонил Пазу, который уже изнемог и

начал злиться, однако сказал, что пришлет кого-нибудь вставить замок в течение часа. РСД вообще не следовало ставить в известность. Они могли бы расследовать дело, а как Тингл объяснил бы причину повреждения? Ремонтники смекнули бы, что такой замок можно прожечь только лучевым оружием. Тингл сказал, что сам это знает, но большинство ремонтников, с которыми он сталкивался, причина повреждения мало интересует. По закону им требуется эту причину записать, но этим дело обычно и ограничивается. Разве что какой-нибудь высший чин начнет копать.

— Чем дальше, тем хуже, — сказал Паз. — Надеюсь, у тебя больше нет никаких затруднений.

— Это не я их создаю, — сказал Тингл и отключился. Похоже было, что Паз дошел до точки или приближается к ней. Возможно, совет иммеров следует известить, чтобы они понаблюдали за Пазом на предмет эмоциональной неустойчивости. Беда в том, что это предложение должно будет пройти через того же Паза. Впрочем, Тингл мог передать это через своего четвергового начальника, тот известил бы четверговый совет, а тот передал бы предложение совету среды. Но совет среды получит его только тогда, когда его раскаменят в будущую среду.

Тингл пожал плечами. Он и сам не настолько спокоен и не настолько владеет собой, чтобы бросать камни в Паза.

Он вошел в ванную и усилил громкость сигнала на часах, чтобы расслышать его сквозь шум воды. Запер дверь и положил пистолет на полку рядом с душем. Он не думал, что Кастор вернется, но лучше ничем не пренебрегать.

Потом он услышал писк, увидел оранжевую вспышку и выругался. Сигнал шел не из часов, а с полоски напротив душевой кабины. Мыло выскользнуло у него из рук. Тингл нагнулся поднять его, передумал, выключил воду и открыл дверь кабинки. Кто это может быть? Нокомис? Если она почему-то вернулась домой раньше, трудненько ему будет изловчиться, чтобы позвонить Пазу.

Тингл наступил на мыло и упал навзничь.

Очнулся он на больничной койке. Над ним маячило широкое, но красивое лицо Нокомис.

— Да уж, ничем не следует пренебрегать, — проворчал он.

— Что ты сказал, дорогой?

Мозги у него обратились в студень, но он все-таки сумел разобраться в том, что рассказала Нокомис. Ее вызвали прямо со сцены в ключевой момент репетиции. Но пусть его это не волнует. Он для нее гораздо важнее, чем карьера. Продюсер и почти вся труппа обозлились на нее, но ему не о чем

беспокоиться. К черту их всех. Ей позвонили из больницы, она взяла такси и примчалась. И так счастлива, что он жив.

Однако ее озадачило то, что звонок в больницу, как ей сказали, был анонимным. Неизвестный говорил через фильтр, чтобы его нельзя было опознать по образцу голоса. Сказав, что Тингл лежит без сознания у себя в душе, аноним назвал адрес и выключил полоску. Парамедики, явившись по вызову, нашли дверь квартиры незапертой — насчет замка Нокомис ничего не сказала, — а Тингл действительно лежал в ванной без чувств. Все это очень странно.

Рассказывая об этом, Нокомис пришла скорее в подозрительное, чем в сочувственное, настроение. Тингл сказал, что он, насколько ему известно, поскользнулся на куске мыла.

Санитары внесли в палату аппарат и подвергли его различным тестам. Вскоре пришел доктор и прочел ему результаты. Серьезных повреждений у Тингла нет, сказал он, и пациент может ехать домой, как только немного окрепнет. Однако через несколько минут пришли два органика, чтобы его допросить. Тингл повторил им то же, что сказал Нокомис. Стражи порядка были настроены серьезно, и один из них сказал, что снова встретится с Тинглом в будущую среду.

Когда они ушли, Тингл застонал. Придет очередная среда, и его опять будут допрашивать. Если его объяснение не удовлетворит органиков, что вполне возможно, им займутся как следует. Поместят его в туман правды, и Тингл, вдохнув его, не сможет лгать. Он честно ответит органикам на все их вопросы.

И организации иммеров настанет конец.

— Сплошные пакости, и каждая хуже предыдущей! — пробормотал он.

— Что, дорогой? — спросила Нокомис.

— Так, ничего.

К счастью, Нокомис понадобилось в туалет. Пока ее не было, Тингл позвонил Пазу, и Паз снова начал ругаться.

— Хватит! — рявкнул Тингл. — Через минуту вернется моя жена! Что со мной стряслось?

Паз остыл и вкратце изложил ему суть дела. Иммер, пришедший починить замок, обнаружил Тингла в ванной. Он положил пистолет Тингла в собственную сумку, а потом позвонил в больницу. Тингл наскоро рассказал Пазу об органиках и неизбежном допросе.

— Думаю, это можно будет уладить, — сказал Паз. — Я передам кому следует. Ну и дела! — Он помолчал, потом

добавил очень тихо и осторожно: — Но у меня, Боб, новости еще хуже.

— Погоди! — сказал Тингл. — Жена идет! — И через несколько секунд: — Давай быстро. Она с кем-то разговаривает в коридоре.

— Я получил запись, — сказал Паз. — Из вчерашнего дня. Тебе просят передать, что Озма Ван скончалась. Не знаю, что это означает, но...

— Боже! — сказал Тингл. — Ладно, теперь жена точно возвращается. Договорим после.

Он отключил связь и уронил руку. Внутри что-то трепетало — что-то, пытавшееся освободиться и завладеть им. Он знал, что это горе, но глубоко упрятанное, замкнутое под спудом. Горе Джеффа Кэрда, потерявшего жену.

Нокомис вошла в комнату и спросила:

— Ты с кем-то говорил?

— Нет, почему ты так решила? — То, что билось в нем, теперь утихало.

— Я видела, ты держал часы у рта. Ты, наверно...

— Нет, я ни с кем не разговаривал, просто вытирал рукой рот. Бога ради, Нокомис! Если бы людей классифицировали с помощью грамматики, ты стояла бы в винительном падеже!

Она вздрогнула, сердито посмотрела на него и произнесла:

— Тебе уж и слова нельзя сказать!

— Извини, дорогая. Это, наверно, потому, что я ударился головой.

В такси, по дороге домой, Нокомис сказала:

— Все-таки это странно, ты не находишь? Что могло у нас быть такого, чего нет у других? А может, ты не сказал мне чего-то и есть такой человек, который тебя ненавидит и настолько безумен, что хочет отомстить? Возможно, это женщина? Ты никогда не говорил ни о ком, кто мог бы питать к тебе такую ненависть, но...

Тингл сказал ей, что нуждается в покое, пока не почувствует себя лучше. Не могла бы она помолчать? От малейшего шума у него болит голова. Нокомис застыла и отодвинулась от него. Тингл был слишком расстроен, чтобы беспокоиться об ее обидах. Его вертело в вихре забот и огорчений, словно домик Дороти, летящий в страну Оз. Надо во что бы то ни стало поговорить еще раз с Пазом и узнать, какие приняты меры для отмены его допроса в предстоящую среду.

Спустя несколько минут Тингл немного успокоился и попытался уговорить жену вернуться на работу. Но она не соглашалась оставить его, не будучи уверена, что он совсем

оправился после падения. Напрасно он убеждал ее, что больничный осмотр ничего серьезного не выявил.

Он сдался и провел более или менее спокойный вечер (ни один вечер с Нокомис не мог быть спокойным по-настоящему), пока она не сказала, что ляжет спать. Зная, что она не уснет, если его не будет рядом, Тингл сказал, что тоже устал. Он собирался потихоньку выйти в другую комнату и позвонить Пазу, как только она захрапит. И в ожидании этого момента уснул сам.

Проснулся он от свиста полоски-будильника, еще не придя в себя от слишком яркого сна. Сник звала на помощь из тумана, а он никак не мог ее найти. Несколько раз он видел в тумане смутные фигуры, одной из которых могла быть она, но не сумел к ним приблизиться.

Чувствуя свою беспомощность, Тингл проклинал себя. Человек, ведущий семь разных жизней, не должен жениться. Он прекрасно это сознавал и все же позволил, чтобы его тяга к семейной жизни пересилила здравый смысл. Один только отец Том Зурван остался неженатым, и Кэрду пришлось быть очень дисциплинированным и строгим к себе, когда он создавал эту роль.

Перед самым входом в цилиндры Нокомис поцеловала его на прощание, хотя и не так страстно, как обычно. Она так и не сочла уважительной причину, по которой он не добыл компромат на ее коллег. Тингл занял место в цилиндре, обернулся и помахал ей. Сквозь окошко он увидел в неярком свете, как окаменело ее лицо, и взглянул на часы, желая убедиться, что энергия уже поступила в ее цилиндр. Схема задержки, установленная им в стене, давала ему достаточно времени, чтобы выйти из каменатора и надуть манекен.

Через две минуты он выбежал из дома и помчался к юго-западному углу Вашингтон-сквер, сопровождаемый воем сирен и оранжевым миганием общественных полосок.

ГЛАВА 15

Джеймс Суарт Дунский, профессиональный тренер по фехтованию, вышел из своего каменатора. Одновременно Руперт фон Хензау, его жена, вышла из своего. Они любовно обнялись и сказали друг другу «доброе утро». Обнаженная Руперт, золотисто-медная, с курчавыми волосами, была очень красива. Гены ее предков — американских мулатов, африканеров и самоанцев — создали потрясающую женщину, чье магнитное поле притягивало мужиков, где бы она ни появлялась. Иногда она позировала художникам, но чаще занималась фехтованием, как и муж.

Поздоровавшись с одной женой, Дунский обнял двух других, Малиа Малиетоа Смит и Дженни Симеону Уайт, потом заключил в объятия других мужей и троих детей — он не был уверен, что хоть один от него, хотя мог бы проверить свое отцовство с помощью генетических тестов и анализа крови. Все болтали наперебой, кроме Дунского, который боролся с Тинглом, не желавшим уходить. За разговором вся семья поднялась из подвала в общую комнату на первом этаже. В другое время Дунскому доставили бы удовольствие словесная перестрелка, шлепки по задам и поглаживание грудей. Но в этот четверг он никак не мог избавиться от эха двух предыдущих дней. Это сердило его, хотя он и сознавал, что без этого эха ему не обойтись. Джим Дунский не мог сегодня жить одним четвергом. В любой момент его могли настигнуть несчастья, разыгравшиеся во вторник и среду.

Единственным утешением в его положении служило то, что Руперт была иммером, хотя и оставалась гражданкой лишь одного дня. Ему не терпелось рассказать ей, в какой опасной ситуации они оказались, но он не мог найти предлог, чтобы отозвать ее в сторонку. Придется сначала проделать весь давно установленный ритуал.

Сначала уложили спать сонных детей.

Потом все собрались в огромной ванной, почистили зубы, а желающие помылись или помочились.

Потом все пошли на кухню попить молока, а кто был голоден, поел с молоком ягод или каши. К тому времени от шуточек, прикосновений, похлопываний и поглаживаний пенисы и соски отвердели, а естественная смазка начала вырабатываться.

Потом перешли в гостиную, сели кружком на стульях и крутанули бутылку из-под молока. Это был старинный обычай, молодежь еще тысячу лет назад проделывала это на вечеринках. Теперь это действие приобрело более глубокий смысл, став демократической процедурой, предупреждающей ревность и фаворитизм.

Дунский надеялся, что Руперт достанется ему первому и он сможет рассказать ей то, что ей просто необходимо знать. Но раскрученная им бутылка указала на Малиа. Вздохнув так, чтобы это не бросалось в глаза, Дунский пошел с ней в спальню и проделал то, что в другое время доставило бы ему истинное удовольствие, хотя и не такое, которое он испытал бы с Руперт. По окончании Малиа сказала:

— Нельзя сказать, чтобы ты вложил в это душу, об остальном уж я молчу.

— Это не отражает моей любви к тебе, — сказал он, целуя ее в смуглую щеку. — У каждого мужчины бывают хорошие и плохие дни.

— Да нет, я не жалуюсь. Я тоже тебя люблю. Но сегодня у тебя, уж не обижайся, не самый удачный день.

— Ты разыгрывала свои оргазмы?

— Что ты! Я этим не занимаюсь!

— Ну, извини. Наверно, это как-то связано с питанием или с биоритмом.

— Я тебя прощаю, хотя, честно говоря, и прощать-то нечего. Выкинь из головы.

Они направились в ванную, и Думский подумал, что нечего было и жаловаться, раз она не придает этому значения. В ванной они застали Йена Маркуса Уэллса и Руперт. Моясь, Дунский старался поймать взгляд Руперт и дать ей понять, что им надо переговорить. Но она принимала душ и на него не смотрела.

Они вернулись в гостиную и еще четыре минуты ждали оставшуюся пару. На этот раз случай благоприятствовал Дунскому. Когда он крутнул бутылку, она указала на Руперт. С тихим вздохом облегчения он пошел с ней в другую спальню. Там разило сексом, и простыни на постели промокли от пота. Для него, Дунского, это было привычно — должно быть, это Тингл, заглядывающий ему через плечо, и Кэрд, заглядывающий

через плечо Тингла, вызвали у него приступ легкого отвращения.

Руперт легла на кровать и вытянулась, заложив руки за голову, выгнув спину, уставив совершенные конусы своих грудей сосками в потолок. Дунский присел рядом и взял ее за руку.

— Давай пропустим секс, Руперт. У меня... у нас неприятности. Надо поговорить.

— Большие неприятности? — сказала она, садясь.

Он кивнул и сжал ее руку. Кратко изложив ей события двух последних дней, он сказал:

— Как видишь, надо решить что-то насчет сегодняшних действий. Придется обойтись без многого из того, что мы делаем обычно. Но внимания к себе при этом привлекать нельзя.

Она содрогнулась:

— Этот Кастор... поверить невозможно... какое чудовище!

— Его надо найти и остановить. Потом мне надо выяснить, гда находится Сник, и добиться от нее правды.

— А если она для нас опасна?

— Не нравится мне это, но ее придется каменировать и где-то спрятать.

— Ну, лучше уж она, чем мы, верно?

— Наверное.

— Но если мы так поступим, то окажемся не лучше ее.

— К черту. Этикой я займусь, когда нужда заставит. Прежде всего надо найти Сник. Придется встретиться со связным. Впрочем, он, возможно, сейчас уже получил известие и позвонит мне сам.

— Как же ты будешь допрашивать Сник? Нельзя ведь допустить, чтобы она тебя узнала. В противном случае ее придется каменировать, каким бы ни было ее задание, — ведь она органик.

— Она будет под глубоким химикогенным гипнозом. И не вспомнит меня, когда очнется.

— Бедная Озма, — сказала Руперт. — Она погибла из-за того, что была твоей женой.

— Мне жаль, что я вынужден был рассказать тебе о ней. Я никогда ничего не говорю о других днях, если дело не касается иммеров.

— Ничего, все в порядке. — Она высвободила руку и обхватила колени. — Меня всегда интересовали твои другие жизни. Особенно твои женщины.

— Это не мои женщины, не Джима Дунского. Дунский приходится всем этим мужчинам разве что дальним знакомым.

Это была не совсем правда. Но Дунский не желал говорить на эту тему. Чем меньше Руперт будет знать, тем лучше и для нее, и для него.

Руперт встала и крепко обняла его.

— Я боюсь.

— Я тоже. Во всяком случае, опасаюсь. Слушай. Если в спортзале я скажу тебе, что мне надо уйти, знай, что я получил весть о Касторе или Сник. Отмечаться я не буду, потому что не хочу, чтобы Кредитное Бюро вообще знало, что я сегодня был на работе. Мне не начислят зарплату, ну да что поделаешь. У меня есть сверхурочные заработки, это покроет разницу.

— Ну так не ходи на работу совсем.

— Нет, мне надо как-то отвлечься, чтобы не дергаться. Да и мой шеф может захотеть связаться со мной там. Потом, лучше не пропускать тренировку без крайней необходимости. Форму-то надо держать.

Руперт попросила описать Кастора, чтобы она могла узнать его, если увидит. Дунский дал ей подробный словесный портрет и рассказал, во что одет Кастор.

— Он думает, что он Бог, а я — Сатана. В определенном смысле это нам на руку. Если бы он только слегка свихнулся и захотел бы уничтожить всех иммеров, он бы просто выдал нас властям. Тебе известно, что это означает.

Она снова содрогнулась и спросила:

— Случись такое, ты бы принял цианид?

— Надеюсь, что да. Я ведь давал присягу. И ты тоже. Мы все ее давали.

— Это единственный выход. Единственный логический и достойный выход, хочу я сказать. Но...

В дверь постучали, и Малиа спросила:

— Вы что там, навеки решили остаться?

Дунский ответил, что они выйдут через минуту, и сказал Руперт:

— В печенках у меня сидит этот групповой брак. У меня к нему просто-напросто несовместимость. Мне нужна личная свобода, и я не выношу, когда от меня чего-то требуют.

Руперт широко раскрыла глаза:

— Ты правда так чувствуешь?

— Стал бы я это говорить, если бы не чувствовал?

— Это так, риторический вопрос. Сказать по правде, Джим, мне и самой это порядком надоело. И я все-таки немного ревную, хотя и знаю, что не должна.

— Как только разберемся со всем этим делом, можно будет уйти. Аннулируем контракт, и все тут. Если нам повезет, сможем сделать это уже сегодня. Такая жизнь просто не для меня, да и не для тебя, как видно. В душе я сторонник моногамии.

— Да, — улыбнулась она. — Одной жены тебе достаточно. По одной на каждый день.

— Когда я создавал характер Джима Дунского, я делал это с мыслью о групповом браке. Дунский был как раз таким типом, которого это должно было устроить. А на поверку оказалось не так. Может, на меня слишком влияют мои прочие личности, черт его знает, в чем дело — но я больше просто не могу выдержать.

— После поговорим об этом. А сейчас нам пора выходить.

— Да, не будем пока отклоняться от принятого курса.

Это значило, что в третий раз бутылку крутить не стали, поскольку пары складывались на основе предыдущей жеребьевки. Дунский пошел в спальню с Дженни Уайт и выполнил свою задачу не лучше, чем с Малиа. Иными словами, удовлетворительно, но звонить в колокола, дуть в свистки и пускать ракеты было не с чего.

— Ты бы днем поспал как следует, — сказала Дженни. — Я почти всегда ложусь перед ужином.

Дунский пробурчал что-то в ответ и проследовал в ванную. Спать он лег один, сказав остальным, что у него бессонница и нужно подключить волновой усыпитель. Он залез в нишу, прикрепил к голове электроды и улегся на спину. Перед тем как включить аппарат, он подумал о Касторе. Тот вполне мог подготовиться к дневальничеству заранее. То есть добыть себе поддельные диски и научиться отправлять фальшивые сведения в банк данных. Последнее не так уж трудно — это не монополия банкиров данных.

Кастор, возможно, прячется в туннелях древнего метро, часть которого еще сохранилась, а еду ворует или отнимает у жителей. Но это должно насторожить органиков. Его заметят и вычислят, что он и есть вор. Тогда на него устроят охоту под землей, и вряд ли ему удастся уйти от электронных ищеек и от детекторов тепла и звука.

Размышляя о том, где может спрятаться Кастор, Джим Дунский пришел к тому же заключению, что и прежде. Гадать бесполезно. Он найдет Кастора, когда Кастор найдет

его. Сумасшедший уже нападал на него один раз и наверняка повторит свою попытку.

Дунский проснулся по будильнику, принял участие в завтраке, который всегда проходил у них шумно, и помог отправить детей в школу. Потом они с Руперт вышли на улицу, где в десять утра было уже жарко, и взмокли, не успев дойти до здания бывшего Нью-Йоркского университета. Ученики ожидали их в кондиционированном спортзале в костюмах с защитными прокладками и датчиками, с масками и рапирами в руках. Тренеры поздоровались со всеми, и работа началась. В другое время Дунский обучал бы ребят с охотой, особенно одного длиннорукого гибкого парня с задатками чемпиона. Но как ни старался Джим, он не мог выбросить из головы Кастора и Сник. Парень дважды задел его — датчики указывали точное место попадания, при этом раздавался звон колокольчиков и оранжево мигала стенная полоска.

— Ты делаешь потрясающие успехи, — сказал Дунский, снимая маску. — А я что-то стал плохо есть. Впрочем, ты и без этого мог бы меня задеть.

Он не насторожился, а даже испытал облегчение, увидев вошедших в зал мужчину и женщину. Он никогда их раньше не видел, однако знал, что это иммеры. Улыбались они напряженно, а их взгляды сразу замкнулись на нем, точно радарные лучи. Дунский сказал ученику «Извини» и направился к вошедшим непринужденной, как ему хотелось надеяться, походкой. Один был худой человек с большим носом, светлокожий и с волосами цвета пшеницы. На вид ему было около сорока пяти сублет. Женщина была молода, красива и имела, очевидно, много индийских предков. Мужчина не потрудился назвать себя.

— Вам нужно немедленно пройти с нами, — сказал он. Правые руки обоих пришельцев были сжаты в кулак с большим пальцем внутри. Дунский быстро сделал такой же знак, подержал кулак, чтобы они успели рассмотреть, и разжал руку.

— Сейчас, только переоденусь. — Они последовали за ним в раздевалку. Подойдя к своему шкафчику, Дунский включил голосом полоску на внутренней стороне дверцы. 52-й канал грянул четвертый хит молодежной «пицца-музыки»: «Мне грустно на тандеме одному».

— Это обязательно? — поморщился мужчина.

— Да, чтобы заглушить наши голоса, — сказал Дунский и спросил, снимая фехтовальный костюм: — Ее уже раскаменили?

— Не знаю. Скоро увидим.

— Молчание — золото, да?

Иммеры кивнули. Через три минуты все трое вышли на улицу. Дунский чувствовал себя грязным и смущался, потому что не успел принять душ — он ведь знал, что времени терять нельзя. С другой стороны, эти двое могли бы вести себя повежливей и не держаться на таком расстоянии от него. «Ну и ладно», — буркнул он, пожав плечами.

Несмотря на то что жара усилилась, на западе собирались темные тучи. Метеоролог с общественной полоски на углу предсказывал понижение температуры и сильный дождь к семи часам вечера. Дунский мельком подумал о таянии арктических льдов и о водах, прибывающих вокруг защитных стен острова Манхэттен. В этот момент тысячи человек работали там под палящим солнцем, надстраивая стены еще на фут, чтобы обезопасить остров от наводнения на последующие десять облет.

Трое, пройдя на запад по Бликер-стрит, свернули на север у дома, в котором — Дунский старался не думать об этом — была убита и разрезана на куски Озма Ван, и пошли вдоль канала. Следуя отданному шепотом указанию проводника, Дунский повернул налево и перешел через мост Западной Четвертой улицы. Потом еще раз повернул налево на Джонс-стрит и остановился перед многоэтажным домом. Мужчина прошел вперед, нажал на кнопку звонка у широкой зеленой двери и стал ждать. Кто бы там ни был внутри, он, очевидно, остался доволен, увидев их лица на косой полоске над входом. Дверь отворилась, и блондинка с голубыми глазами и очень темной кожей жестом пригласила их войти. Выглядела она на тридцать сублет. Дунский подумал, что она сделала себе оптическую депигментацию — последний крик моды, причем не только в четверге. Правительство пыталось превратить гомо сапиенс в один темнокожий вид, но люди, как всегда, нашли способ обойти официальные постановления. «Пигсмена», как это называлось в их день, законом допускалась при условии оповещения об этом властей.

Все молча прошли через холл и остановились перед дверью, на которой значились имена жителей всех семи дней. Четверговыми жильцами были Карл Маркс Мартин, доктор медицины и философии, и Уилсон Тупи Банблоссом, доктор философии. Блондинка вложила луч своей звезды в скважину и открыла дверь. Они вошли в квартиру, похожую на множество других, с коридором во всю ширину дома, комнатами по обе его стороны и кухней в конце. Ведя их по коридору, блондинка сказала:

— Это не я здесь живу. Мартин и Банблоссом сейчас на каникулах в Лос-Анджелесе. К нам они никакого отношения не имеют и не знают, что мы пользуемся их квартирой.

— Значит, Сник надо будет убрать отсюда до полуночи, — заметил Дунский.

— Разумеется.

У квартиры был мрачный, нежилой вид из-за выключенных декоративных полосок. Пришельцы прошли мимо каменаторской, где Дунский насчитал девятнадцать цилиндров — четырнадцать взрослых и пять детских. Каменные лица статуй смотрели в окна, не зная, что перед ними проходят преступники.

Блондинка открыла персональный шкаф, отодвинула вешалки с одеждой и сказала:

— Вытащите ее оттуда.

Мужчина и брюнетка вытащили Сник, скрюченную в позе зародыша. Дунский нагнулся посмотреть на нее. На лбу был багровый след от удара, нанесенного Кастором. Глаза были закрыты, и от этого Дунский почему-то испытал облегчение. Ее дотащили, держа за голову, до свободного каменатора и затолкали внутрь. Мужчина закрыл дверцу, брюнетка подошла к стене и открыла панель.

— Погоди, — сказал ей мужчина.

ГЛАВА 16

Он пошарил в своей сумке, которую поставил на пол, достал оттуда пистолет и протянул его Дунскому.

— Хочешь получить его назад?

— Спасибо, — сказал Дунский, взяв оружие. — Он нужен мне, пока Кастор жив.

— Мы все еще не нашли его, — кивнув, сказал иммер. — И вот что: нам рассказали, в какое положение ты попал, но я хотел бы услышать и твой рассказ. У нас недостает подробностей, чтобы правильно оценить ситуацию.

— Это не просто ситуация, а настоящий переплет.

— Может быть, поговорим за кофе? — предложила блондинка. — Или рассказ не займет столько времени?

— Кофе — это прекрасно, — сказал Дунский.

Они пошли в кухню и сели, а блондинка открыла звездный шкафчик с табличкой ПШ-Чт.

— Мне сделали эту звезду, когда я узнала, что Мартин и Банблоссом уезжают. Они мои близкие друзья...

— Довольно, — выразительно кашлянув, сказал мужчина. — Чем меньше ум Дунский будет знать о нас, тем лучше.

— Извините, ум Гар... — Блондинка в смущении проглотила остаток имени.

— Ты слишком много говоришь, женщина, — заметил Тощий.

— Я буду следить за собой. — Блондинка достала два кубика каменированного кофе, положила их в нишу, закрыла дверцу, нажала кнопку и вынула пакеты с размороженным кофе.

Тощий сказал:

— Я сообщу тебе, что известно нам, а потом мы выслушаем тебя. Свою информацию мы получили... из устного источника. Информационные каналы были использованы только для передачи сведений нашему начальнику.

Пока говорил Дунский, блондинка налила всем кофе и молча подала сахар и сливки. После двух чашек Дунский рассказал все, что им следовало знать.

Когда он закончил, наступило долгое молчание. Тощий, задумчиво погладив подбородок, сказал:

— Нужно выяснить, что известно этой Сник. А потом мы решим.

— Что решим? — спросил Дунский.

— Убить ее перед каменированием или просто спрятать где-нибудь. Если мы ее не убьем, всегда будет существовать вероятность, что ее найдут. А если ее найдут, она все расскажет.

Дунский тяжело выдохнул, словно получив удар под ребра, и сказал:

— Не знаю, может, это действительно необходимо, но...

— Ты знал, принося присягу иммера, что когда-нибудь тебе, возможно, придется совершить убийство, — сказал Тощий, пристально глядя своими темно-красными глазами в глаза Дунского. — Ты ведь не станешь оспаривать это?

— Нет, разумеется. Нельзя получить что-то, не отдав чего-то взамен. Я принимаю все, что судьба пошлет, но убийство... на это следует идти лишь в случае крайней необходимости.

— Знаю. — Тощий допил свою чашку, поставил ее на стол и встал.

— Приготовь Сник, женщина, — кивнул он блондинке.

Та позвала с собой темноволосую, а Тощий поставил на стол сумку и начал выгружать из нее все необходимое для допроса. Дунский отвел глаза и посмотрел сквозь жалюзи в широкое и высокое окно. На улице было всего несколько пешеходов и велосипедистов, праздношатающиеся отсутствовали. Все, насколько было заметно, спешили по делам. Если среди них и были органики, в эту сторону никто не

смотрел. «Хорошо им, — подумал Дунский, — они заняты своими делами и не ведают, какое злое дело готовится всего в нескольких футах от них. Да, злое, но совершается оно в благих целях. Иммеры не собираются свергнуть правительство. Они просто живут, с некоторыми оговорками, в рамках существующего строя, хотят одного — чтобы их не трогали, и надеются изменить этот строй так, чтобы дать всем настоящую свободу. Что же в этом плохого?»

Тощий, как стал про себя называть его Дунский, спрятал какие-то приспособления обратно в сумку, а остальные отнес в гостиную.

— Положим ее вот сюда, — указал он на диван. — Не показывайтесь никто ей на глаза. — Он обвязал лицо платком и стал у цилиндра, держа наготове газовый баллончик. Блондинка по его знаку включила энергию и секундой позже, после автоматического отключения, закрыла панель.

Тощий распахнул дверцу, впрыснул в цилиндр газ и снова закрыл его, не успела блондинка отойти от стены. Дунский увидел на миг широко открытые глаза Сник, ее искаженное страданием лицо — она пыталась распрямить свое скрюченное тело. В окошке мелькнули ее голова и ладони, но тут же все исчезло опять. Тощий опустил платок на шею и отсчитал тридцать секунд по часам, прежде чем открыть дверцу. Сник выпала наружу, ударившись головой об пол и задрав ноги.

Дунский помог брюнетке перенести обмякшее тело на диван. Тощий, держа концами пальцев какой-то круглый аппарат, провел им над лежащей навзничь Сник. Потом велел ее перевернуть и обвел прибором со спины. Над левым бедром прибор запищал. «Ага!» — и Тощий снова вернул детектор к этому месту. Потом достал из кармана карандаш и очертил красным квадратик площадью два дюйма. Спрятал круглый детектор, взял тонкий цилиндрик с утолщением на конце и стал водить им над кожей Сник внутри квадрата. Сигнал усилился.

Тощий надел матовые очки с толстыми стеклами, низко склонился над очерченным местом и поставил крошечный крестик в центре квадрата. Снял очки, сложил их и спрятал в карман.

— Передатчик. Почтовый голубок. Но не включен, конечно.

— Откуда ты знаешь? — спросил Дунский.

— Будь он включен, нас бы уже взяли. — Тощий приложил счетчик к пульсу Сник. — Немного ускорен, но это нормально, когда применяется газ. — Он перестроил счетчик

и передвинул его повыше. — Давление тоже нормальное, учитывая обстоятельства.

Дунский хотел вернуть на место отвисшую челюсть Сник, но сдержался. Еще подумают, что он ей сочувствует.

— Не знаю, как повлиял на нее удар по голове, — продолжал Тощий. — Будем надеяться, что умственные способности не пострадали и что она не умрет тут у нас от черепной травмы.

— По крайней мере, до конца допроса, — сказал Дунский.

— Да, — согласился Тощий, видимо, не уловив сарказма. Он провел вдоль руки Сник селектором вены и остановился там, где загорелся оранжевый огонек. Медленно поводил прибором взад-вперед, чтобы определить, где огонек горит ярче всего, и прижал наконечник селектора к коже. На руке осталась круглая оранжевая метка. Тощий протер кожу спиртом — метка при это не исчезла, — взял шприц и ввел в вену три кубика темно-красной жидкости. Веки Сник дрогнули.

Тощий приступил к допросу по всем правилам Органического Департамента. По мнению Дунского, Тощий сам был органик. Вопросы он ставил в соответствии с законом, но во всем остальном процедура не имела ничего общего с узаконенной. Здесь не было ни судей, ни врача, ни защитника, ни съемочной группы, ни государственного обвинителя, ни банкира данных, чтобы засвидетельствовать, что допрашиваемая действительно является лицом, известным государству под именем Пантея Пао Сник.

Тощий, должно быть, использовал ее звезду, чтобы получить все данные на нее, но кое-что выяснить не сумел, иначе не было бы нужды ее допрашивать.

Одним из невыясненных пунктов было ее задание.

Тощий перешел сразу к сути дела и стал выведывать, в чем оно заключается. Этого нельзя было достичь, задав Сник прямой вопрос и предоставив ей говорить. Наркотик не мог пробить плотину столь радикально. То, что знала Сник, приходилось вытягивать из нее мало-помалу, путем терпеливых расспросов. Зато ответы выскакивали легко и быстро, точно гайки из отлаженного станка.

Закончив, Тощий сел на стул рядом со Сник. Пот струился у него со лба — можно было подумать, что в комнате испортился кондиционер.

— Хорошо, что Сник искала не нас, — сказал он, — но она могла бы наткнуться на нас случайно. Да и наткнулась, собственно, только мы, к счастью, захватили ее раньше, чем она успела уведомить органиков.

Главная миссия Сник состояла в том, чтобы найти и арестовать женщину-дневальную по имени Морнинг Роз Даблдэй. Она была ученым и занимала высокий пост в воскресном Департаменте Генетики. Ее заподозрили в принадлежности к тайной организации, имеющей целью свержение правительства, хотя до сих пор и не совершавшей насильственных действий. Когда воскресные органики собрались ее арестовать, она ушла в подполье. Кто-то предупредил ее — возможно, даже один из органиков.

Даблдэй была такой важной персоной, что Сник для ее поимки выдали темпоральную визу. В понедельнике Сник рассказали о Гриле и попросили поискать заодно и его. В среде Сник сказали, что на свободе находится еще один опасный преступник, доктор Чен Кастор. Не будет ли она так любезна, разыскивая Даблдэй, сообщить органикам и о нем, если что-то услышит?

Правительствам всех дней было желательно, чтобы истинная миссия Сник оставалась по возможности секретной. Поэтому Сник, говоря с Тинглом, сделала вид, что ищет наиболее безобидного из преступников, Гриля. Ей следовало знать, что это не очень правдоподобно. Тингл не мог не удивиться тому, что воскресный органик ищет понедельничного дневального. Но она не была обязана отвечать на вопросы гражданского лица, а то, что Тингл думает, ее, видимо, не волновало.

Увидев Кастора на Вашингтон-сквер, Сник последовала за ним. Ей бы позвать на помощь органиков и арестовать его, но ей непонятно почему взбрело в голову, что Кастор может принадлежать к той же организации, что и Даблдэй. В отличие от своего начальства, Сник полагала, что эта организация охватывает все дни недели. Немедленный арест Кастора уничтожил бы все шансы на то, что он приведет ее к другим революционерам.

Кастор, конечно, сообщил бы на допросе все, что знал об иммерах. Но его товарищи, получив известие об этом, могли бы покончить с собой или стать дневальными, как не принадлежащая к иммерам Даблдэй. Со временем их бы выследили, но к этому сроку они, возможно, набрались бы решимости принять яд, который носили на себе. Или сделать то, что уже делали некоторые подпольщики и что следовало бы сделать Даблдэй — произнести кодовую фразу и тем взорвать мини-бомбу, вживленную в тело.

— Трусиха она, вот что! — сказала блондинка.

— Кто? — спросил Тощий.

— Даблдэй, конечно. Она должна была покончить с собой!

— Как и мы в случае чего, — сказал Дунский.

— Надеюсь, никто из нас не окажется таким, как Дабл-дэй!

— А я надеюсь, что нам не придется проверять это на деле, — сказала брюнетка.

Дунский не знал, хватило бы у него духу или нет. Джефф Кэрд сделал бы это. Возможно, и Тингл тоже. А вот Дунский? Или завтрашний Вайатт Репп? Этот, возможно, нашел бы извращенное наслаждение или, скажем, удовлетворение в том, чтобы умереть как герой. Ну а другие? Кто их знает. Они сейчас были слишком далеки от него — эктоплазма, а не живые люди.

— Нам известно, — сказал Тощий, — что Сник допрашивала тебя, то есть Тингла, потому, что хотела привлечь к работе банкиров данных, живущих в среде. Ты не единственный банкир, с которым она говорила. Однако она скрытничала и не сказала тебе, в чем состоит ее миссия, желая сначала тебя проверить. По ее мнению, ты вполне мог быть членом революционной организации. Она не вернулась к тебе, поскольку думала, что идет по горячему следу за Дабл-дэй. Как выяснилось, след был чересчур уж горячим.

— Слишком много говоришь, — сказал Дунский. — Блондиночка — просто глухонемая по сравнению с тобой.

Тощий нахмурился и встал.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы мне ваших имен не назвали. Это понятно. Но ты только что произнес фамилию моего двойника из среды. Глупо, ум Тощий!

— Тощий?

— Такой псевдоним я тебе дал. Блондинке ты дал нахлобучку за болтовню, хотя она ничего опасного не сказала. А сам...

Тощий с усилием улыбнулся.

— Ты прав. Я сделал глупость — просто сорвалось с языка. Прошу меня извинить. Больше этого не повторится. Но ничего страшного не произошло. Она, — кивнул он на Сник, — нас не слышит.

— Зато ее подсознание слышит. Ученые-органики разрабатывают способы получения информации из подсознания. Не сегодня-завтра они могут открыть такой способ. И получат возможность прокрутить весь допрос, весь наш разговор, все, что она слышала, пока была без сознания, и даже все, что она видела, будучи под гипнозом.

— Ну, от мертвой они точно ничего не получат, — вздохнул Тощий.

Блондинка ахнула. Брюнетка уставилась на него во все глаза.

Дунский, чувствуя дурноту и легкую слабость, прервал молчание:

— Ты все это время намеревался убить ее?

Тощий прикусил губу и посмотрел на Сник. Теперь ее рот был закрыт, и она как будто спала. Она и вправду красива, подумал Дунский. Этюд в коричневых тонах, нежная и невинная, как детеныш котика. А ведь судя по ее досье, она быстрый, решительный и даже изобретательный сыщик.

— Я не хочу этого, — сказал Тощий. — Я никогда еще не убивал, мне противна сама мысль об убийстве. Я сделаю это, только если не останется иного выхода. Но я не могу позволить кому-то принять решение за меня, увернуться от ответственности, переложив ее на своего начальника...

Он умолк. Дунского опять охватила слабость. Однако это не было реакцией на слова Тощего. Произошло озарение. Яркий свет и тепло окутали его. И хотя «замыкание» — а как еще назвать то, что возникает внезапно и быстро проходит? — длилось недолго, он ощутил великую любовь к Тощему, замышляющему убийство, и великую любовь к Сник, которая могла стать его жертвой.

Свет, тепло и слабость покинули его. Дунский потряс головой, как человек, стряхивающий воду с волос. Что за черт?

На миг у него возникла и пропала мысль, что это прорвался отец Том Зурван. Дунскому не хотелось думать об этом. Если Зурван сумел это сделать, значит, он, Дунский, допустил слабину в защите, промах в умственном фехтовании. А еще это доказывает — ему опять-таки не хотелось думать об этом, — что двойники, отстоящие от него на несколько дней недели, так же близки к нему, как те, из соседних дней, если не ближе. Во времени не всегда путешествуют в хронологическом порядке.

Что бы ни вызвало это явление, теперь светящаяся оболочка обратилась в едва заметное мерцание.

— Я не думаю, что ее надо убить, — сказал Дунский. — Ну что ей известно? Она преследовала Кастора, и он ее оглушил. Она очнулась в каменаторе и увидела человека в маске, который снова лишил ее сознания. Она вполне может подумать, что это был тот же Кастор...

— А что, Кастор такого же роста и сложения, как и я? — спросил Тощий. — И так же одет?

— Нет, — медленно выговорил Дунский. — Но тебя она видела только мельком, частично скрытого дверцей. И откуда

ей знать, что тут замешан кто-то кроме Кастора? Что такого она сможет сказать властям, даже если ее найдут и раскаменят? — Он проглотил слюну и продолжил: — Да и нужно ли каменировать ее перманентно? Разве не лучше было бы для нас, если бы ее нашли завтра же — нет, не завтра, а в следующий четверг. Сколько они — Мартин и Банблоссом — будут отсутствовать? — спросил он блондинку.

— Они вернутся завтра — я имею в виду их завтра, следующий четверг.

— Это дает нам неделю до того, как ее найдут, — сказал Дунский Тощему.

— Не нам, а тебе. Нас всех каменируют незадолго до полуночи.

— Говоря «нам», я подразумеваю иммеров. До того времени мы должны будем убрать Кастора. Непременно должны — и лучше, если это случится сегодня. Мы только попусту теряем время со Сник. Нам всем сейчас следует выйти на улицу и искать Кастора.

Тощий взглянул на тихо дышащую женщину и сказал, обращаясь будто бы ко всем, но не сводя глаз с Дунского:

— Вы не продумали вопрос как следует. Вы позволяете чувству человечности пересилить логику, чувство долга и справедливости — высшей справедливости. Кастор послужит нам прикрытием в этом деле — деле Сник, хочу я сказать. Органики знают, что он убил и расчленил двух женщин. Если Сник... тоже найдут расчлененной, органики решат, что это сделал Кастор. Это отведет подозрение от кого-либо другого. А замену ее правительство вышлет только в следующее воскресенье — если вообще вышлет.

Блондинка выдохнула, поднеся руку ко рту:

— О Боже! Ты хочешь разделать ее на куски?

ГЛАВА 17

— Ты... не сделаешь... этого, — сказал Дунский.

— Это... почему? — передразнил его Тощий.

— Это не очень-то просоциальный поступок, — сказала блондинка.

Дунский невольно разразился истерическим смехом.

— О Господи, просоциальный! — едва выговорил он. — Речь ведь идет о живом человеке.

— Да, — сказал Тощий. — Но это необходимо для высшего блага. Все, хватит разговоров! В жизни не видел такой языкатой компании, прямо попугаи, Боже правый! Считаетесь иммерами, а сами...

Дунский почти буквально взял себя в руки. Чьи-то невидимые руки протянулись откуда-то и сомкнулись вокруг чего-то внутри. Отец Том?

— Я принял решение, — сказал Тощий, — и я здесь старший. Вы должны делать то, что я скажу.

— Мне никто не говорил, что старший ты, — сказал Дунский. — Кто это тебя назначил?

Тощий раздул ноздри и покраснел.

— Твой начальник не сказал тебе, что командую я?

— Мой начальник старается говорить мне как можно меньше, — отрезал Дунский. — Как видно, он не все мне сказал. И все же...

Дунский повернулся и направился к своей сумке, стоявшей в углу. Он поднял ее, открыл и надел ремешок на правое плечо. Тощий, хотя и был взбешен, сообразил все же, что этот жест таит в себе скрытую угрозу. Он помнил, что у Дунского есть пистолет.

Голова Тощего слегка дернулась, но голос остался твердым:

— Ты сам говорил, что у нас нет времени препираться. И я действительно старший. Мы поступим со Сник так, как я сказал, потому что логика не оставляет иного выбора. И потому что я так решил.

— Ты расчленишь ее сам или прикажешь другому?

— Какая разница, кто это сделает! — выкрикнул Тощий. — Это будет сделано, вот и все!

Он бросил взгляд на свою сумку, стоявшую на столике в ногах у Сник. Дунский предполагал, что у Тощего там тоже есть оружие. «Что я буду делать, — спросил он себя, — если тот полезет за пистолетом? Готов ли я застрелить своего товарища-иммера ради того, чтобы предотвратить убийство органика? Я узнаю ответ лишь в самый последний момент, и лучше бы этот момент не наступал».

Время, однако, шло, или ползло, или летело, или что там оно делает, Время, превращая Тогда в Сейчас. В следующие несколько секунд будет выбрано одно из двух альтернативных будущих. Будет выбрано или случится само — не всегда дело решает выбор.

— Не могу поверить, что это происходит на самом деле! — тонким голосом сказала блондинка.

— Я тоже, — сказал Тощий, пятясь от Дунского и подбираясь к своей сумке. — Возможно, мне придется доложить совету о вашей эмоциональной неустойчивости.

— Дело не столько в убийстве, — солгал Дунский, — сколько в твоем намерении расчленить труп. Меня тошнит

от этого. Ты должен понять. Меня вот-вот вырвет. Но раз надо...

— Да, надо, — немного успокоился Тощий. — И я сделаю это сам. Никого не стану просить. — Он посмотрел на Сник. — Поверь мне, если бы существовал какой-то другой выход... Вы двое, — сказал он блондинке и Дунскому, — отнесите ее в каменатор.

Тощий действует умно. Если у Дунского будут заняты руки, он не сможет достать оружие.

— Здесь ее нельзя убивать, — сказала блондинка. — Органики проверят всех жильцов и могут напасть на мой след.

— Знаю, — холодно ответил Тощий. — Ее увезут в другое место. И никому из вас незачем знать в какое.

Дунский поднял Сник за плечи. Какая она теплая и мягкая. И как скоро станет холодной и твердой. А потом снова станет теплой и мягкой, а потом ее разрежут на части. Он чувствовал скованность во всем теле, будто разделял с ней ее смерть.

Блондинка взяла Сник за ноги, и они вдвоем отнесли ее к каменатору. Поставили на ноги, поместили в цилиндр в сидячем положении и поправили торс, который валился вперед. Дунский приподнял ее ноги, согнул их и плотно прижал ей к груди. И выпрямился, а блондинка закрыла дверцу. Тощий включил энергию и проследил, чтобы диск вернулся на ВЫКЛ.

— А теперь уходите все, — сказал он. — Идите и займитесь своими делами. С вами свяжутся, когда будет нужно.

Блондинка расплакалась, вызвав недовольство Тощего. Дунский потрепал ее по плечу.

— Такова цена, которую платят за бессмертие. — Тощий принял еще более недовольный вид. Брюнетка, опустив глаза, взяла блондинку за руку и сказала:

— Пойдем.

Дунский посмотрел, как они выходят из квартиры, а когда за ними закрылась дверь, взглянул на цилиндр со Сник. Окошко было таким же пустым, как ее будущее.

— Ну? — сказал Тощий. Он стоял у своей сумки, положив на нее правую руку.

— Не беспокойся, ухожу, — сказал Дунский.

Тощий перевел взгляд с него на свою сумку и с легкой улыбкой сказал:

— Ты сам убедишься, что я был прав. Спи спокойно. Завтра проснешься новым человеком.

— Я всегда просыпаюсь новым человеком. Может, в этом-то вся и беда.

— О чем ты? — нахмурился Тощий.

— Так, ни о чем.

Он не хотел говорить Тощему «до свидания» или как-то по-другому выражать желание увидеться с ним вновь. И молча пошел к выходу, чувствуя спиной неотрывный взгляд Тощего. Он сам не знал, не вздумается ли ему в последний момент еще поспорить за Сник — не с помощью слов, а с помощью пистолета. Но это было бы глупо и ни к чему бы не привело. Даже если он спасет Сник, что он будет с ней делать? У него нет возможностей спрятать ее так же надежно, как это сделала бы иммерская организация. А Тощий прав, прав с логической точки зрения, хотя не прав с эмоциональной. Или нет? Существует ли абсолютная правота?

Дунский был у самой двери, когда услышал сигнал. Он оглянулся и увидел, что Тощий идет к оранжево мигающей стенной полоске. Тощий тихо произнес что-то, и на полоске появилось лицо мужчины. Дунский вернулся назад и стал смотреть из-за плеча Тощего. Мужчина на экране увидел его и спросил:

— А ему... следует это слышать?

— Откуда мне знать? — огрызнулся Тощий. — Я же не знаю, что ты собираешься сказать.

— То, что касается нас всех, — сказал иммер на экране.

— В чем дело?

— Это Кастор. Он снова совершил убийство!

Дунский ощутил, как что-то у него внутри перевернулось и омертвело. Он уже знал, что собирается им сказать этот человек.

— Органики только что обнаружили труп женщины в квартире на Бликер-стрит. Расчлененный, как и трупы прошлых жертв. Внутренности выпущены, груди отрезаны и приклеены к стене. Ее звали Нокомис Дочь Луны, она была гражданкой среды и женой некого Роберта Тингла. Муж вне подозрений, поскольку находится в своем цилиндре, женщину же убили меньше часа назад. Кастор, должно быть, проник в квартиру, раскаменил жертву, убил ее и расчленил, пока сегодняшних жильцов не было дома. Они вернулись и нашли ее. Это определенно его почерк.

Дунский издал сдавленный звук, подошел к дивану, сел и тупо уставился на Тощего, который продолжал разговор, глядя в его сторону. Потом встал, пошел на кухню, дрожащей рукой налил себе кофе, выпил, поставил чашку и перешел к окну. Горе точно застыло в нем. Он был точно ледник с головы до пят и едва мог двигаться. Глядя сквозь жалюзи на улицу, он пробормотал:

— Долго выдерживать такое я не смогу.

За спиной у него кашлянул Тощий.

— Эта женщина... была твоей женой?

— В каком-то смысле, — сказал Дунский, по-прежнему глядя в окно. Солнце померкло, и облака, предвестники надвигающейся грозы, затянули небо.

— Мне очень жаль, — сказал Тощий, — но...

— Всегда найдется какое-нибудь «но», верно?

Тощий снова кашлянул.

— В этом случае — да. Надо поймать Кастора как можно скорее. Органиков, может быть, не очень волновало, что натворил Кастор во вторник, но теперь они уже знают о том, что он сделал в среду и, возможно, сделает сегодня. Они устроят всеобщий розыск.

— Руперт! — сказал Дунский.

— Что?

— Моя жена. Она в большой опасности.

— Не в большей, чем ты. Он уже однажды пытался убить тебя и будет пытаться, пока кто-нибудь из вас не умрет.

Дунский повернулся к Тощему. Тот был бледен.

— Руперт необходимо защитить.

— Я уже послал двоих охранять ее. Они ей расскажут о случившемся. — Тощий покачал головой. — Чем дальше, тем хуже.

— Я просто не знаю, что делать. Бессмысленно бродить по городу в надежде, что мне встретится Кастор.

— Да, это так. По-моему, вам с Руперт следует идти домой и ждать там. Кастор может попытаться напасть на тебя дома. Охранники будут вести наблюдение, не показываясь сами на глаза.

— А мы, значит, будем приманкой?

— Ловушкой. Тем временем все иммеры Манхэттена и близлежащих городов будут искать Кастора в этом районе.

— Сомневаюсь, что Кастор попытается войти в мою квартиру Там слишком много народа.

— Да, я знаю, — сказал Тощий, прикусив губу — он, видимо, не одобрял групповых браков.

Он ничего не сказал о том, обнаружен ли манекен Тингла — а он не стал бы молчать, если бы что-то услышал об этом. Кастор мог бы убрать манекены Кэрда и Тингла, открыв тем самым органикам, что эти двое — дневальные. Но он не сделал этого, потому что хочет убить Кэрда. Если органики схватят Кэрда первыми, они помешают Кастору осуществить свою месть и избавить Вселенную от касторского персонального Сатаны.

— У меня, кажется, шок, — сказал Дунский.

— Мне тоже так кажется. Пойдем со мной. — Они прошли в гостиную, Дунский сел, Тощий достал из сумки шприц и пузырек со спиртом. — Подними руку.

Дунский подчинился.

— Для чего это?

— На время тебе станет лучше. Это средство не спасает от шока, только задерживает его.

Голубоватая жидкость влилась из шприца в руку Дунского. Он ощутил тепло и прилив крови, сердце заколотилось, и оцепенение прошло. Он почти что видел, как оно испаряется.

— Ну как, лучше стало?

— Намного. Хорошо, что это не седатив. Мне нельзя терять бдительность.

— Это поддержит тебя какое-то время, но потом ты за это расплатишься.

«За все надо расплачиваться, — подумал Дунский. — Сколько надо заплатить, например, за то, чтобы быть иммером? Дурацкий вопрос. За это я и расплачиваюсь сейчас, и долг еще велик».

Он снова пошел к выходу, остановился и показал на цилиндр:

— Так она все-таки...

— Да. Не пойму я тебя, Дунский. Никак не можешь смириться с неизбежным. Мне ясны твои чувства — думаю, что ясны, — но ты не проявляешь присущих иммеру качеств.

— Просто я считаю это неправильным.

— Правильно то, что хорошо. Иди же. Твоя жена тебя ждет.

Дунский открыл дверь и оглянулся в последний раз. Тощий тяжело смотрел на него. Воля этого человека так же тверда, как тела в цилиндрах. Дунский закрыл дверь и направился к выходу из дома. На улице он сразу попал под дождь. Вернувшись в подъезд, он достал из сумки желтый сверточек размером с указательный палец, зажал петельку на его конце двумя пальцами и встряхнул. Сверток превратился в дождевик с капюшоном, вокруг которого трещали электрические искры.

Надев плащ на себя, Дунский вышел под проливной дождь. Улица опустела, лишь один велосипедист бешено крутил педали, разбрызгивая лужи. Вдалеке прокатился гром, и молния прорезала темную гряду туч на западе, словно сверкающая артерия Бога.

Домой можно не спешить. О Руперт позаботятся. Тощий не любит, когда не подчиняются его приказам, но что может сделать Тощий? Он не помешает Дунскому постоять здесь немного, а потом уж пойти домой. Если Дунский сделает то, что так неистово, хотя и неясно, маячит у него в голове, его сурово накажут. Возможно, тот же Тощий подстроит ему «несчастный случай». Однако это вызовет у иммеров целую серию проблем — ведь исчезнут одновременно Дунский, Ом, Репп, Зурван и Ишарашвили.

Семь его ролей поставили его под угрозу, они же послужат ему страховкой против иммеров. Но если ситуация станет отчаянной, иммеры откажутся от всех семерых его воплощений и пойдут на риск.

ГЛАВА 18

Джим Дунский долго стоял, раздумывая, что ему делать, и вдруг решился в одну секунду. Можно уйти и оставить Сник на погибель. И можно попытаться ее спасти. Логика, чувство самосохранения и здравый смысл побуждали его убраться отсюда как можно скорей. Ужас перед убийством и видение убиваемой Сник — не умозрительный образ, а живая кровавая картина — приковывали его к месту.

Оправдывает ли цель средства? На этот старый вопрос человек, у которого есть сердце, знает только один ответ.

Но если Дунский поступит правильно, он окажется кругом не прав.

— Мне следовало подумать об этом раньше, когда я клялся в полном послушании и вечной верности, — пробормотал он и вскоре добавил: — Но ведь я же никого не предаю. Если я просто увезу ее и спрячу, иммерам по-прежнему ничто не будет угрожать.

В этот момент он понял, что не даст Тощему убить ее. Если только сможет. У него уже был план, но план этот был безумен и легко мог кончиться провалом. Провалом, то есть смертью.

Дунский оглядел улицу. Тех двоих, которые, по словам Тощего, должны были наблюдать за ним, он не увидел. Они-то его, конечно, видят. Если появится Кастор, они выбегут и убьют маньяка, хотя, возможно, не успеют спасти своего собрата-иммера. Тощий, насколько понял Дунский, обрек его на роль искупительной жертвы, одноразовой приманки.

Впрочем, нет. Тощему нежелательно, чтобы Дунский погиб при таких обстоятельствах. Его гибель потребует тщательного прикрытия.

Дунский шел по улице в потоках дождя. Гром и молния приближались сзади, точно подкрадываясь к нему. Он остановился на углу Джонс и Седьмой и посмотрел в обе стороны широкого проспекта. Ни пешеходов, ни велосипедистов, да и машин гораздо меньше, чем обычно. Два такси, правительственный лимузин и патрульный кар. Последний ехал со скоростью пять миль в час с зажженными фарами, и двое органиков еле виднелись за мокрым стеклом. Они, похоже, не обратили внимания на одинокого прохожего в желтом плаще с капюшоном.

Гроза — это как раз то, что нужно Тощему. «Небесные глаза» не видят, и на улице нет свидетелей. Даже те, кто смотрят в окна, почти ничего не различат.

В северном конце Седьмой улицы, в двух кварталах от Дунского, появился белый фургон с черными, как у зебры, полосками. В Манхэттене три тысячи таких, и принадлежат они Службе Чистоты. Фургон притормозил у светофора и проехал на желтый свет. Дунский не удивился, когда машина свернула на Джонс-стрит. Фургон СЧ может остановиться где угодно, и рабочие могут войти в дом и выйти из него с большим свертком или с тележкой, прикрытой сверху брезентом, не вызвав никаких подозрений. Любой, кто увидит это, только скажет, что Служба, мол, выполняет свой долг даже и в такую погоду.

Фургон остановился как раз там, где Дунский предполагал. Из машины вышли двое мужчин в униформе четверговой СЧ, в зеленых расклешенных брюках и просторных алых куртках. Один открыл заднюю дверцу, другой вытащил оттуда складную тележку. Несколько секунд они стояли перед дверью, давая Тощему возможность опознать их на полоске. Как только они исчезли в здании, Дунский медленно двинулся вдоль длинного квартала к фургону. Он бросил взгляд на дом напротив. Это было новомодное строение в форме корабля с большим двором, засаженным деревьями и кустарником. Дунский заметил темную фигуру в дверях под навесом. Это, должно быть, один из его охранников.

Телохранитель, наверное, не может понять, почему Дунский не идет домой. И теперь задает этот вопрос Тощему по рации. А где же второй страж? Если он сидит в кустах или прячется за деревом, его не разглядишь.

Единственным человеком на улице, не считая охранника в дверях, был велосипедист, только что свернувший с Западной Четвертой на Джонс-стрит. Сквозь сплошной дождь Дунский разглядел фигуру в темном дождевике и в широкополой дождевой шляпе, согнутую так, что лица не было видно — только

ноги работали вовсю, преодолевая потоки воды почти в дюйм глубиной. Дунский еще сбавил шаг. Надо было подождать еще немного. Двум мнимым уборщикам понадобится минуты три, чтобы войти, погрузить Сник на тележку, вернуться к фургону и задвинуть тележку внутрь. А если Тощий начнет давать им инструкции, и того дольше.

Дунскому не хотелось оказаться на месте заранее. Лучше подойти к фургону как раз в тот момент, когда двое поместят в него свой тяжелый груз, но не успеют еще запереть дверцу

«Вот я и ввязался в это дело, — подумал он. — Пускай я не в своем уме, но я в него ввязался».

Он остановился и выругался. Ничего у него не выйдет. Человек у дома напротив свяжется с Тощим, и Тощий с теми двумя пойдет выяснять, в чем дело. Или оставит уборщиков внутри, а сам выйдет разобраться, почему Дунский до сих пор здесь торчит. Или вышлет одного из двоих.

— Будем импровизировать, — буркнул Дунский.

Дверь подъезда открылась. Вышел спиной вперед один из уборщиков, везя за собой тележку. Дунский подождал, пока выйдут оба, и зашагал вперед. Человек у дома напротив вышел под дождь. Он колебался, не зная, видимо, что делать. Потом побежал по дорожке через двор, что-то крича.

В это же время из кустов выскочил второй охранник с чем-то темным в правой руке. Пистолет. Первый иммер тоже достал пистолет. Дунский снова выругался. Он не хотел убивать ради того, чтобы предотвратить убийство.

Уборщики, похоже, не слышали криков. Они убрали колеса и грузили тележку в фургон. Дунский побежал к ним, выхватывая пистолет из сумки. Он наставит на уборщиков пистолет и пригрозит, что застрелит их, если охранники не бросят оружие и не отойдут подальше. Он надеялся, что иммеры поверят в его блеф. Да блеф ли это? Дело покажет

Иммер с пистолетом был уже настолько близко, что уборщики расслышали наконец его крик сквозь западный ветер и надвигающийся гром. Они повернулись в его сторону. В это время велосипедист распрямился, оскалив в ухмылке белые зубы. Правой рукой он выхватил из-за пояса пистолет. Поднял его, прицелился, и рукотворная молния ударила в ближайшего вооруженного иммера. Расстояние было около шестидесяти футов, и луч лишился почти всей своей убойной силы, но бегущий упал ничком и проехал несколько футов по скользкой от дождя мостовой. Оружие с лязгом выпало из его руки и отскочило прочь. Упавший не попытался его поднять и остался лежать, сотрясаемый дрожью

Второй вооруженный иммер выстрелил и промахнулся — белый луч прошел рядом со спиной велосипедиста. Тот, смеясь так громко, что даже гроза не могла его заглушить, выстрелил снова. Луч перерезал иммеру ногу повыше колена.

— Кастор! — завопил Дунский.

Уборщики бросились к кабине, оставив заднюю дверцу открытой. Из дома вышел Тощий с пистолетом в руке. От Кастора его заслонял фургон, но и он не видел Кастора. Безумец во весь опор мчался к машине. Он, Дунский и Тощий выстрелили одновременно. Перед этим Кастор притормозил, поэтому лучи, направленные на него, пересеклись и нейтрализовали друг друга. Из-за того же торможения и легкого заноса промахнулся и Кастор. Дунский упал на бок, одновременно нажав на спуск. Луч с шипением ударил в тротуар.

При всем своем безумии Кастор действовал хладнокровно. Видя, что Дунский упал, а значит, выбыл из игры на несколько секунд, он взял на прицел Тощего. Их лучи сошлись и взаимоуничтожились. Кастор не совершил, однако, ошибки Тощего, который отпустил курок, а потом нажал его снова. Кастор продолжал держать луч, хотя от этого быстро истощался энергозапас оружия. И этот недрогнувший луч прожег насквозь живот Тощего. Тот выронил пистолет, зажал рану и повалился навзничь, ударившись головой о стену дома.

К этому времени Дунский, дважды перекатившись, лег на живот, поставив локти на мостовую и держа пистолет обеими руками. Он выстрелил. И тут молния, настоящая молния, ударила в улицу совсем рядом с противоположным домом. Следующий удар расколол надвое дуб во дворе.

Уборщики выскочили из кабины с пистолетами. Дунский увидел это, прежде чем вспышка ослепила его, а электрический разряд оглушил. На миг ему показалось, что молния попала в него. Перестрелка не пугала его, потому что все происходило очень быстро, но удар молнии его ужаснул, пробудив в нем страх и чувство своей ничтожности, знакомые людям с тех времен, когда они еще жили в пещерах и гнев богов бушевал в небесах.

Пользуясь кратким параличом Дунского, Кастор, упавший с велосипеда, поднялся на ноги и опять опустился на четвереньки, нашаривая пистолет. Ближний к нему уборщик точно остолбенел и не выстрелил, когда Кастор находился в этом беспомощном положении. Его товарищ обегал фургон — когда грянула молния, он присел. Кастор нашел пистолет и откатился как раз в тот миг, когда от лучей, пущенных обоими, вскипела вода в луже рядом. Дунский встал и побежал к

фургону. Кастор, продолжая катиться по мостовой, направил луч в сторону уборщиков. Луч пробил пластиковый кузов фургона в правом заднем углу и прошел сквозь человека рядом. Тот с криком упал.

Второй уборщик, как и Кастор, не снимал палец со спуска, но два луча пересеклись в третий раз. Кастор прекратил свое вращение, двинул лучом вбок и назад, а потом поразил своего противника в глаза. Уборщик с воплем выронил оружие, схватился за лицо и побрел, шатаясь, прочь.

Кастор с торжествующим криком, все еще лежа на земле, прицелился в бегущего Дунского. Дунский выстрелил — его луч прошел рядом с плечом Кастора. Тот взвыл от бешенства, потому что запас энергии в его пистолете кончился, взвился вверх, точно с трамплина, и тоже бросился к фургону. Дунский, использовав спотыкающегося слепца как прикрытие, выстрелил через его плечо, но только срезал нижний угол задней дверцы фургона. Кастор уже спрятался за машиной.

Хрипло дыша, Дунский повернул, зная, что должен выбежать на мостовую до того, как Кастор подберет пистолет убитого уборщика. Он обогнул фургон как раз в тот миг, когда Кастор тянулся за оружием из-за заднего колеса. Дунский налетел на него, сбил с ног и сам упал сверху.

Из груди Кастора с шумом вырвался воздух. Где-то ниже по улице опять ударила молния. Кастор ухватил запястье Дунского и свирепо вывернул его. Пистолет выпал, но Дунский и не пытался его поднять. С криком он схватил Кастора за горло.

— Теперь ты в моей власти! — провизжал тот. — Никто не смеет отрекаться от Бога!

Кастор задыхался, но тоже вцепился в горло Дунскому. Тот отпустил врага, вырвался сам, поднялся на ноги, опередив Кастора, и снова повалил его. Ухватил его за шею, тряхнул и ударил им о стенку фургона. Кастор обмяк. Держа его одной рукой, Дунский раз за разом бил его ребром ладони по челюсти, одновременно молотя его затылком о фургон.

Наконец, обессилев, дыша так, будто весь воздух исчез с лица Земли, он уронил Кастора на мостовую.

Бог умер.

Дунского трясло. Он охотно остался бы лежать на улице, отдавшись на волю ливня и молний. Улица казалась ему самой лучшей постелью в мире, самой желанной и самой необходимой. Но... всегда найдется какое-нибудь «но» — он не мог сделать то, чего так хотел.

Из дома рядом и из дома напротив выходили люди, несмотря на потоки дождя и на молнии, хлещущие поблизости.

Кто-то уже, наверное, вызвал органиков. Надо уходить, да поскорее.

Дунский поплелся к кабине, вернулся за пистолетом, потом вернулся еще раз и подобрал сумку, которая свалилась, когда он кинулся на Кастора. Подобрав пистолет уборщика, он поставил его на ПЛАМЯ и выжег шею Кастора с отпечатками своих пальцев. Закрыл заднюю дверцу, устало взобрался на водительское сиденье, дыша так, точно ему резали горло ножом, и уехал.

Никто не пытался его остановить.

Сначала он хотел свернуть налево на Западную Четвертую, чтобы свидетели сказали органикам, что он поехал туда, но передумал. Оттуда слишком близко до Шеридан-сквер, где всегда дежурят органики. С Джонс-стрит он повернул направо, проехал Корнелия-стрит и пересек мост над каналом Кропоткина. Фургон надо бросить как можно скорее, но сначала надо спрятать где-то Сник. Это главное.

ГЛАВА 19

Проехав скверик на Западной Четвертой к востоку от канала, Дунский увидел за собой фары. Он слишком устал, чтобы ругаться. Патрульная машина? Возможно. Он не мог даже вылезти из фургона и удрать. Сейчас его догнал бы даже восьмидесятилетний старец. Машина поравнялась с ним, водитель опустил окно и что-то крикнул ему. Слова заглушил раскат грома, да и окно справа от Дунского было закрыто. Дунский опустил стекло и в свою очередь прокричал вопрос. Водитель был в штатском, и машина не имела опознавательных знаков. Это еще не означало, что двое на переднем сиденье — не органики, но если это патруль, то почему они не включили оранжевую мигалку? Возможно, это иммеры, посланные ему на помощь.

Дунский остановился и подождал, пока они подойдут. Они все-таки были органики, но одновременно и иммеры, отряженные его увезти. Человек у дома напротив предупредил Тощего, что Дунский не ушел, как ему было приказано. Эти двое уже ехали забрать его, когда центральная станция направила их на ту же Джонс-стрит. Кто-то сообщил о перестрелке.

— Я вам потом расскажу, что случилось, — сказал Дунский. — А сейчас перенесите каменированную женщину в свой багажник. Фургон я оставлю здесь.

Женщина, напарница водителя, сказала:

— Нам приказано доставить тебя к нашему начальнику.

Дунский выключил мотор и фары и вылез. Женщина помогла мужчине вынести Сник. «Совсем забыл», — сказал Дунский и вытер руль и дверную ручку своим носовым платком. Потом забрался на заднее сиденье патрульной машины и лег. Хлопнула крышка багажника, и двое иммеров тоже сели в машину.

— Может, и его положить в багажник? — сказала женщина.

Мужчина не ответил. Женщина сказала что-то в рацию-часы так тихо, что Дунский не расслышал. Это не органическая частота, подумал он. Водитель направился в сторону Вуманвэй, и навстречу им попались две патрульные машины, ехавшие на запад с воем сирен. Машина иммеров проехала на север по Вуманвэй, свернула вправо на Восточную Четырнадцатую, потом налево на Вторую авеню. Сразу за Стьювезант-сквер она остановилась перед многоэтажным домом. Дунский знал этот дом — он был похож на Тадж-Махал в уменьшенном виде. Здесь проживали высокие правительственные чины и помещались разные конторы, магазины, эмпаторий, ресторан и спортивный зал. Должно быть, ситуация действительно критическая, если совет не нашел иного выхода, чем привезти его сюда.

Мужчина остался в машине послушать, что передают по органическим каналам, а женщина повела Дунского по широкому мраморному коридору мимо каменированных тел элегантно одетых чиновников, некогда ступавших по этим кулуарам власти. Некоторых следовало бы пропылесосить. Они подошли к лифтам, и женщина сказала в стенную полоску:

— Он здесь.

— Пусть поднимется один, — произнес глубокий мужской голос. — Отправьте его и возвращайтесь на свой пост.

— Да, ум, — ответила женщина и не ушла, пока Дунский не вошел в кабину и дверь не закрылась за ним. Он поднялся под самый купол, вышел в роскошно отделанный, устланный ковром холл и сказал ожидавшему там человеку: «Дунский». Тот кивнул и проводил его до двери с двумя именами на табличке: Пит Эссекс Вермейлен и Миа Оуэн Барух. Дунский знал эти имена, хотя ни разу не встречался с их обладателями. Это были его троюродные брат и сестра: Вермейлен с отцовской стороны, Барух — с материнской. Дунский всегда предполагал, что они иммеры, раз приходятся ему родней, но до сих пор не имел случая в этом убедиться.

То, что они одни занимали квартиру, указывало на очень высокое положение в обществе. В их доме имелись старинные вещи, безделушки, обои на стенах — им ничего не

приходилось прятать в шкафы на шесть дней. Они превзошли даже вторничную подругу Дунского-Кэрда, генерального комиссара Хорн — та делила квартиру с жительницей четверга.

Вермейлен, высокий и худощавый, снял с Дунского дождевик и повесил на вешалку. Его маленькая худенькая жена спросила Дунского, не хочет ли он чего-нибудь съесть или выпить. Он хрипло и медленно выговорил:

— Бурбон и сандвич, если можно. И еще разрешите воспользоваться вашим туалетом.

Вернувшись в гостиную, он сел на огромный мягкий диван, покрытый искусственным мехом. Его мокрые брюки и башмаки оставляли следы на диване и ковре, но Дунскому было уже все равно.

Миа Барух принесла ему виски и села рядом с ним. Он проглотил сразу четверть стакана и вздохнул.

Вермейлен тоже сел, но не стал ничего говорить, пока Дунский не съел свой сандвич.

— Ну а теперь рассказывай, — сказал он тогда, подавшись вперед. — Мои люди сообщили мне кое-что по радио, имеются у меня также донесения из других дней и от твоего непосредственного начальника. Но я хочу знать всю историю по порядку — все, что существенно.

Дунский стал рассказывать, а Вермейлен и Барух порой задавали ему вопросы. Удовлетворившись, Вермейлен откинулся назад и сложил пальцы домиком.

— Да, каша заварилась будь здоров, но расхлебать ее можно. Теперь органики не будут искать Кастора, но остаются все эти мертвецы. Властям захочется выяснить, какое отношение они имели к Кастору. Всех покойников проверят, изучат их биографии, просмотрят каждую минуту их жизни, имеющуюся в записи, разыщут и опросят людей, которые их знали. Попытаются узнать, что между ними общего. Не думаю, что кому-то удастся разгадать тайну. Будем надеяться, что не удастся. Мы всегда очень тщательно заметали свои следы. Но никогда не знаешь, какая многозначительная деталька может всплыть.

— А как насчет будущей среды? — спросил Дунский. — Органики хотят меня допросить. Меня, то есть Боба Тингла. Если у них возникнет подозрение, они применят туман правды — а вам известно, что это значит.

Вермейлен небрежно отмахнулся:

— Да что у них есть? Замок, уничтоженный Кастором, заменили до приезда парамедиков. Твое оружие унесли. С тобой произошел несчастный случай, ты поскользнулся на

мыле и ударился головой. Наши люди в среде, занимающие очень высокие посты, займутся этим.

Может, он и прав, подумал Дунский. Но чересчур много иммеров вытаскивает меня из этой заварухи, и чересчур многим известно одно из моих воплощений, а то и больше.

— Ты хорошо замел следы, — сказал Вермейлен. — Однако могут быть свидетели — люди, которые смотрели в окна соседних домов и видели тебя.

— Шел сильный дождь, было темно, и на мне был плащ с капюшоном. Можно мне еще выпить? Спасибо. Какие-то люди вышли на улицу, когда я садился в фургон, но близко они не подходили. А тучи скрыли меня от «небесных глаз».

— Знаю. Органики будут заниматься этим вплоть до полуночи, а потом прикроют лавочку. Они оставят сообщения властям вторника и среды. А те посчитают дело закрытым. Кастор, явный психопат, убит, и конец розыскам. Но сегодня... дело осложняется другими убитыми. Это касается только четверга, но иммеры других дней будут оповещены — пусть подумают, как замести следы. Можно подкинуть ложное объяснение — это, пожалуй, лучше всего. — Вермейлен просиял. — Любое объяснение лучше, чем ничего. Нераскрытое дело помещается в банк и теоретически никогда не закрывается. А раскрытое переходит в архив.

Дунскому стоило труда держать глаза открытыми.

— Да, это, возможно, наилучший план. Только...

— Только что?

— Что будет со Сник?

Вермейлен покачал головой:

— Гарчар зашел слишком далеко. — (Это, должно быть, тот, кого я называл Тощим, подумал Дунский.) — Я не одобрил бы этого убийства, хотя расчленить труп и свалить все на Кастора — очень хорошая мысль. Я, пожалуй, не смог бы этого сделать. И Гарчара я не виню. Он командовал операцией и не имел времени связаться с нами. Хотя... ну да это дело прошлое. Сник останется в окаменелом состоянии и будет помещена в безопасное место.

Вермейлен снова сложил кончики пальцев.

— Сегодня ее никто не хватится. Подумают, что она ведет собственный поиск, если вообще вспомнят о ней. У них хватило хлопот с Кастором. А завтра? Явится Сник в главное управление со своей визой и рекомендациями? Нет, не явится. Так откуда пятнице знать, что она должна явиться? Пятница и не будет знать, и суббота тоже. Никто не узнает, что Сник пропала, пока не придет воскресенье, когда начальство будет напрасно ждать ее с докладом. Но воскресенье тоже ничего

сделать не сможет, только оставит запросы для последующих дней. Только в следующее воскресенье станет ясно, что Сник исчезла в четверг. У нас достаточно времени, чтобы подготовиться, а может, ничего делать и не придется.

— Надеюсь, — сказал Дунский и подумал о Пантее Сник, твердой и холодной, упрятанной куда-то — возможно, на века, пока ее не найдут. Если найдут вообще.

— Бедный, — сказала Миа Барух, погладив его по руке. Дунский непонимающе взглянул на нее, и она добавила: — Твои жены... погибли такой страшной смертью.

— Что ж, он отомстил за них, — сказал Вермейлен.

Она отдернула руку и отодвинулась. Еще бы. Он ведь убил человека. Не имеет значения, что он сделал это, защищаясь, и что Кастора необходимо было убить. Миа просто отвратительно было сидеть рядом с человеком, способным на такое.

— Я знаю, что мщением мертвых не воскресить, — сказал Дунский. — Это уже превратилось в штамп. Но некоторое удовлетворение месть все же приносит.

Барух фыркнула и отодвинулась еще дальше. Дунский устало улыбнулся:

— Как там Руперт фон Хензау, моя жена?

— Ее предупредили, — сказал Вермейлен. — Она надует за тебя манекен и поставит в твой цилиндр. Или же, как предложил я, уйдет вечером из коммуны, сказав, что ты и она берете с ними развод. Если она уйдет, то отправится в аварийную каменаторскую и захватит с собой твою завтрашнюю сумку. Она в любом случае найдет способ передать сумку тебе. Она тебя целует и говорит, что увидится с тобой завтра — то есть в будущий четверг.

Дунский не счел нужным оповещать Вермейлена, что у него по всему городу спрятаны запасные сумки.

— Ну а ты останешься здесь, — сказал после паузы Вермейлен. — С этим проблем нет, верно?

— Так вам известно, что моя пятничная жена сейчас на раскопках в Южной Америке?

— Конечно. Пришлось навести справки, чтобы разобраться в твоей ситуации.

Этот человек слишком много о нем знает, но тут уж ничего не поделаешь.

— Я очень устал, — сказал Дунский. — Мне бы принять душ и лечь. День был просто мучительный.

— Я покажу тебе твою комнату, — сказал, вставая, Вермейлен. — Когда проснешься, нас, возможно, уже не будет. Тогда позавтракай и отправляйся. Я оставил сообщение для

твоего начальника — завтрашнего, хочу я сказать. Просто уведомление, что у тебя для него есть важная информация. Наверное, он свяжется с тобой при первой возможности.

— Если сочтет нужным.

Спальня была роскошная, с громадной кроватью, которая опускалась на цепях с потолка. Вермейлен нажал кнопку на стенной панели, и кровать стала медленно снижаться, а потом стала на ножки, выдвинувшиеся при спуске.

— Если что-нибудь случится до нашего с Миа окаменения, я оставлю тебе весть. Вот эта полоска будет мигать. Ночную рубашку можешь взять в этом шкафу.

— Прямо шик. Не привык я к такому высокому классу.

— У нас ответственность больше, поэтому нам больше полагается.

Дунский пожелал Вермейлену спокойной ночи и попробовал дверь, когда хозяин закрыл ее за собой. Дверь оказалась запертой. Дунский почистил зубы одноразовой щеткой, которую обнаружил в ванной, принял душ и лег. Он думал, что сразу уснет, но сон задерживался, потерпев аварию где-то по дороге. Образы Озмы, Нокомис и Кастора носились по коридорам мозга. Дунский начал дрожать. Хлынули слезы, хотя и ненадолго. Он встал, подошел к маленькому бару в углу — опять роскошь — и налил себе четыре унции «Социовосторга № 1» — опять роскошь. Потом пятнадцать минут шагал взад и вперед со стаканом в руке — ноги у него уже подгибались, но никак не могли остановиться. Лишь прикончив остаток напитка, он увидел Вайатта Реппа, ухмыляющегося под белой десятигаллоновой шляпой.

— Это мне следовало участвовать в той славной перестрелке на Джонс-стрит, а не тебе! — сказал он. — Мне бы понравилось!

— Еще не полночь, — буркнул Дунский, и Вайатт растаял.

Улегшись в постель, Дунский долго плакал. Образы твердой и холодной, как алмаз, Сник, отражались во всех зеркалах его мозга. Погружаясь в сладкий сон, он подумал, что не должен горевать о ней больше, чем о других. Это неправильно.

ГЛАВА 20

Вайатт Бампо Репп вышел из своей квартиры, проследовал по коридору и остановился у лифта. Лишь один человек во всей пятнице носил эту белую десятигаллоновую шляпу, алый шейный платок, пурпурную рубашку с воротником-брыжами и пышными рукавами, куртку из черной искусственной кожи, широченный пояс с массивной пряжкой, где изображен был ковбой на брыкающемся мустанге, тесные небесно-голубые джинсы, отделанные кожей по швам, и белые, тисненой кожи сапожки на высоких каблуках, украшенные аппликацией из скрещенных шестизарядных револьверов. И этим человеком был Вайатт Репп, знаменитый телесценарист, режиссер и продюсер вестернов и исторических драм. Недоставало только — к большой досаде Реппа — пары элегантных кобур с изящными игрушечными пистолетами. На них правительство наложило запрет. Если маленьким мальчикам не разрешается играть военными игрушками, с какой стати разрешать это большому мальчику? Он может послужить дурным примером.

Однако то же правительство ничуть не возбраняло показывать оружие и сцены насилия на полосках и в эмпаториях, проявляя такое же двуличие, как все правительства от основания Шумера.

Жильцы, ожидающие лифта, хотя и часто видели Реппа, воззрились на него с восхищением и восторженно поздоровались с ним. Репп нежился в лучах их поклонения, ощущая при этом легкий привкус стыда — ведь он, можно сказать, мошенничал, пользуясь их невежеством. Ни один ковбой никогда так не одевался, и ни один ковбой не носил наплечную сумку. Впрочем, люди должны это знать — ведь в его телефильмах ковбои показываются в соответствии с исторической правдой.

На громкие возбужденные приветствия Репп отвечал мягко, в лучших традициях героя, который наружно тих и вежлив, а внутри — кремень. «Улыбнись, когда называешь меня так, незнакомец».

Спускаясь вниз в лифте, он ответил как мог полнее на вопросы о своей следующей постановке. В вестибюле все разошлись кто куда. Репп, простучав каблуками по мраморному полу, вышел в яркий прохладный день, сел в ожидающее его такси и ласково ответил на приветствие таксиста. Водитель, оповещенный через полоску, куда следует везти Реппа, поехал от угла Восточной Двадцать третьей улицы и Парк-авеню ко Второй авеню. Там он повернул направо и остановился за большим домом, где раньше помещался Израильский медицинский центр. Теперь в этом шестиэтажном здании, напоминающем штопор, был Манхэттенский Государственный Институт Видеоискусств. Конфигурация дома служила неисчерпаемым поводом для шуток о том, что именно институт проделывает с публикой.

Водитель открыл дверцу и сказал:

— Гроза очистила воздух и принесла прохладу, рас* Репп.

— Ты даже не представляешь себе, приятель, насколько она все очистила и прояснила.

Жизнь снова вернулась в ровную, нормальную колею. Кастор погиб. Сник в укрытии. Иммеры заметают следы. Нынешняя пятница пойдет так же, как и все предыдущие. Если у него и возникнут проблемы, то лишь те, что связаны с его профессией, а не с преступниками и органиками, преследующими этих преступников. «Хотя кое-кто и говорит, — ухмыльнулся Репп, — что все его постановки просто преступны».

Чувствуя радостный подъем, он прошел пружинистым шагом по тротуару и по дорожке, ведущей к зданию. Прохожие пялили на него глаза и порой окликали, хотя он их не знал. Большой фонтан на полпути между улицей и домом пускал струи воды из макушек скульптур в середине. Там было двенадцать статуй мужчин и женщин, не каменированных, а из настоящего камня, изображавшие великих визуалистов недавнего прошлого. Возможно, когда-нибудь там появится и его статуя. Водяная пыль оросила лицо прохладой. Репп поклонился двенадцати, проходя мимо, и по аллее гигантских дубов дошагал до девятистворчатой двери. Лифт поднял его на верхний этаж, и Репп поздоровался с вахтером. Следующая комната была большой, с куполом и с огромным круглым столом посередине. Когда Репп вошел, сидящие за столом мужчины и женщины встали. Он ответил на их пожелания доброго утра, бросил шляпу на стол, поставил на пол сумку и сел. Его пятничный Пятница мужского пола принес ему кофе. Репп посмотрел на полоску-часы:

— Ровно девять. Без опоздания.

---

* Рас (амхарск.) — господин. *(Примеч. ред.)*

Другая полоска передавала все, что он делает и говорит. Мониторы рабочего времени отметят, что он, открыв лучом звезды дверь офиса, сразу же приступил к работе. Видеоартисты оплачивались не по количеству отработанных часов, а согласно контрактам с Департаментом Искусств. Кредит им начислялся еженедельно, в зависимости от звания артиста. Если работа заканчивалась в срок, артист мог оставить за собой определенную часть аванса. Если досрочно — артист получал премию. А если государственный комитет видеоискусств находил качество работы достаточно высоким, артисту снова выдавалась премия.

Ну а сколько времени затратить на то, чтобы работа выполнялась в срок и была достаточно качественной, решала сама съемочная группа.

Далеко не всех артистов устраивал такой порядок. Большинство, включая Реппа, было даже решительно против. Но изменить они ничего не могли, могли лишь подать формальный протест, что они и делали несколько раз, пока безрезультатно.

И невзирая на то что для правительства имел значение только график — ну и бюджет, конечно, — мониторы непрерывно регистрировали затраченное артистами рабочее время.

Кое-что так и осталось неизменным со времен Голливуда. Репп, например, получал тройную ставку как сценарист, режиссер-постановщик и ведущий актер. Он оказывал влияние на комитет и по своей собственной, и по иммерской линии, с тем чтобы сохранять за собой все три эти должности. Репп потратил немало вечеров на завязывание связей и общение с нужными людьми, не говоря уж о суммах, потраченных на представительство, но дело того стоило. Если он сохранит тройную оплату и на будущую постановку, то сможет снять квартиру побольше — если таковая будет в наличии.

Работа шла как по маслу, если не считать мелких стычек и оскорблений. Но стычки и споры были неотъемлемой частью теле- и эмпатосъемок, и никто не обращал на них внимания. Два эпизода, запланированные на утро, снимались и переснимались до полного совершенства. Репп имел короткую, но бурную дискуссию с цензором Бакаффой по поводу голографических субтитров. Репп утверждал, что они только отвлекают зрителя и никому не нужны, поскольку столько раз уже повторялись в фильмах, что публика и так прекрасно знает значение старинных слов. Бакаффа же настаивал на том, что добрая половина зрителей не поймет, что такое «ниггер», «макаронник», «коновал», «сложный процент», «пушка», «голубой» и «наркота». Да хоть бы и все понимали,

это не имеет значения. Правительство требует, чтобы все подобные выражения объяснялись в субтитрах.

Репп потерпел поражение, но остался доволен, доведя Бакаффу чуть ли не до слез. Он не был садистом, просто хотел, чтобы Бакаффа честно заработал свои добавочные деньги в качестве государственного информатора.

В десять минут второго, во время создания третьего эпизода, нога главного героя вдруг резко укоротилась. Техники попытались найти причину неисправности в голопроекторе, но не смогли, поскольку диагностическая система тоже отказала.

— О'кей, — сказал Репп. — Так и так до ленча всего двадцать минут. Сделаем перерыв сейчас. Возможно, к нашему возвращению технику наладят.

Перекусив сандвичами в буфете, Репп не спеша шел по широкому коридору первого этажа. Его костюм горел всеми красками на солнце, льющемся в высокие, до потолка, окна, и каблуки громко цокали по полу. Многие его узнавали, некоторые просили автограф. Репп говорил им в микрофоны свое имя и личный номер, заверял, что рад был с ними познакомиться, и шел дальше. Потом произошел неловкий, но не совсем неприятный инцидент. Красивая молодая женщина стала умолять его о свидании у нее или у него дома, где бы он мог делать с ней все что угодно. Он вежливо отказал, но, когда она упала на колени и обхватила его ноги, ему пришлось подозвать двух органиков, чтобы они ее оттащили.

— Жаловаться не стану, — сказал он им. — Позаботьтесь только, чтобы она не возобновляла этот свой путь пилигрима.

— Я люблю тебя, Вайатт! — завопила женщина ему вслед. — Оседлай меня, как пони! Раскали меня, как кольт!

— Господи Иисусе! — пробормотал красный, но ухмыляющийся Репп, входя в лифт.

Они с женой договорились соблюдать воздержание на время ее чилийской экспедиции, и он с тех пор ни разу не спал с женщиной. При этом у него хватало честности признаться себе, что он хранит целомудрие не из моральных побуждений и не потому, что не желает никого, кроме своей жены. Просто ему надо было передохнуть от секса, подзарядить свои батареи. Хотя у него была жена на каждый день, кроме воскресенья, а в четверг и не одна, и такое разнообразие должно было бы стимулировать его, вроде как петушка в курятнике, он не всегда оказывался на высоте. Его железы и его сознание работали в разных системах.

Почувствовав себя хорошо оттого, что его хотят, а он не хочет, Репп занял место за столом в своем кабинете. На полосках были сообщения для него, в первую очередь от жены, Джейн-Джон. Вид у нее был счастливый, потому что в

следующую пятницу она собиралась домой. Завтра, в субботу, ее в окаменелом виде погрузят в самолет и в тот же день доставят к месту назначения. Из аэропорта ее отправят дирижаблем в здание Тринадцати Принципов, и Репп встретит ее там в пятницу, в час ночи. А если не сможет, она возьмет такси.

Джейн-Джон Уилфорд Денпасат была красивой темнокожей женщиной с депигментированными светлыми волосами и голубыми глазами.

— Я люблю свою работу, Вайатт, но это будет долгая волынка, потому что нас каждый день возят с раскопок за двести миль на ближайшую станцию каменирования. И я ужасно по тебе соскучилась. До скорого свидания, задавака. Прямо дождаться не могу.

Это она только так говорит, ждать ей будет нетрудно. Бесчувственное тело не страдает от нетерпения или нервозности. А он, хотя и не окаменеет до следующей пятницы, будет кем-то другим и даже не вспомнит о ней. У Новой Эры много недостатков, но и достоинств немало. Мера за меру, баш на баш, даешь и берешь, что-то теряешь и что-то находишь.

Шахматных ходов на полосках не было с самого вторника, но Репп все же испытал разочарование, не найдя его и сегодня. Он подумал о Янкеве Гриле — Джимми Крикете — и ему стало очень жаль, что их партия прервалась. Где-то Гриль теперь? Все так же играет на Вашингтон-сквер? Сидит в тюрьме? Каменирован и ждет суда? Или уже приговорен и каменирован перманентно?

Остальные сообщения были деловыми, и среди них выделялось напоминание о том, что вечером он участвует в «ИЛЛ-Шоу». Ему следует явиться в студию в 7.30, а ровно в восемь передача выйдет в эфир.

Никто из иммеров не пытался связаться с ним через полоску или лично. Ну и хорошо.

ГЛАВА 21

В конце рабочего дня Репп поехал на такси домой. Позанимавшись на тренажерах, он принял душ и съел легкий ужин. Он был у здания Тринадцати Принципов ровно в 7.25 и вошел в студию в 7.30. Там им занялся секретарь ведущего «ИЛЛ-Шоу», раса Ирвинга Ленина Линдквиста. За кофе Репп прочел полоску со списком приглашенных, перечнем тем и кое-какими остроумными репликами, которые он мог бы сделать во время передачи.

В 8.40 Репп покинул студию. Он остался доволен передачей, хотя некоторые замечания Линдквиста задели его за

живое. Это хорошая реклама — показаться в «ИЛЛ-Шоу», которое ведет этот самый «серый брат ордена Разума». Линдквист избегал всего показного и яркого, предпочитая серьезный, интеллектуальный подход. Отказавшись от ослепительных декораций и цветистого костюма, он оформил свою студию под келью средневекового монаха. Сам он, в серой рясе, сидел за столом на подиуме, примерно на фут выше стульев своих гостей. Создавалось впечатление, будто это главный инквизитор Испании судит еретиков. Репп не растерялся под градом ехидных вопросов и комментариев, которыми забрасывал его Линдквист, и вызвал смех в студии, спросив, когда же дойдет очередь до дыбы и железной девы. Аудитория «ИЛЛ-Шоу» состояла в основном из высокообразованных людей или из тех, кто мнил себя таковыми, поэтому Репп мог поручиться, что его поймут. Это была одна из причин, по которой Репп соглашался подвергнуться подковыркам и оскорблениям. Вторая причина заключалась в том, что он надеялся отплатить ведущему той же монетой и даже с лихвой. Кроме того, было известно, что, как бы Линдквист ни издевался над своими гостями, приглашает он только тех, кого считает с грехом пополам дотягивающими до собственного интеллектуального уровня.

Реппа он обвинил в неустойчивости и расплывчатости характера.

— Ваша излюбленная тема, рас Репп, — это обмен ролями и превращение одного лица в другое. Достаточно перечислить лишь немногие из ваших фильмов, отражающих эту манию, эту страсть, которая, в свою очередь, отражает вашу тайную сущность. Или, как следовало бы скорее сказать, отсутствие всякой сущности. Это, скажем, «Граф Монте-Кристо», «Одиссея», «Протей из Майами», «Елена Троянская» и, наконец, «Кастер и Бешеный Конь, или Сошедшиеся параллели». Во всех этих сюжетах имеются переодевания, галлюцинации и иллюзии по поводу того, кто есть кто, а также выдача себя за другого и вытекающая из этого реальная или мнимая смена личности. Причем любопытно, что вы более всего известны как лучший автор вестернов. Точнее, как человек, воскресивший вестерн, умерший тысячу лет назад. Некоторые считают, что лучше бы ему было остаться в могиле.

Однако ваши работы, вызывавшие внимание и даже похвалу отдельных критиков, к вестернам не относятся. За исключением, конечно, «Кастера и Бешеного Коня». И это весьма любопытный вестерн. И Кастеру, и Бешеному Коню приходит мысль пойти к знахарю, узнать у него соответствующие заклинания, принять облик своего врага и погубить его. Ни один из них, разумеется, не знает, что другой задумал

то же самое. В итоге Кастер в облике Бешеного Коня убивает Бешеного Коня в облике Кастера, а сам, не в силах вернуть свой прежний вид, погибает, убитый белыми.

Линдквист улыбнулся своей мерзкой улыбочкой, которую сравнивали, в том числе, с зубастым влагалищем.

— Я узнал из надежного источника, что вещь, над которой вы работаете сейчас, «Диллинджер не умирает», основана на поразительно похожей идее. Ваш главный герой, грабитель банков, уходит от ФБР, органиков двадцатого века, путем магического превращения в женщину. Чтобы совершить это, он заставляет свою подружку Билли Фрешетт, индианку из висконсинского племени меномини, отвести его в запретное святилище Вабоссо, Великого Белого Зайца, Хитроумного Меномини. И Вабоссо, персонаж древних индейских легенд и сказок, дает Диллинджеру власть превратиться в женщину, когда понадобится.

И вот, когда ФБР начинает сжимать вокруг Диллинджера кольцо, он уговаривает Джимми Лоренса, мелкого воришку, страдающего безнадежной болезнью сердца, сыграть его роль. Сам же превращается в Энн Сэйдж, содержательницу чикагского публичного дома, а настоящую Энн Сэйдж его друзья похищают и увозят в Канаду. Затем, по словам моего информатора, Диллинджер в облике Сэйдж идет в кинематограф с Лоренсом в облике Диллинджера, уведомив предварительно ФБР, что они будут там. Мнимого Диллинджера расстреливают агенты ФБР, а Диллинджер-Сэйдж спокойно уходит.

Линдквист осклабился, и вся студия разразилась смехом.

— Иными словами, ваш герой принимает облик женщины, нет — он по-настоящему становится женщиной. Я слышал, будет и продолжение, «Патроны и гормоны»...

Линдквист снова осклабился, и студия залилась еще громче.

— ...где Диллинджер испытывает большие трудности в социальном, экономическом и эмоциональном плане, приспосабливаясь к роли женщины. Постепенно он привыкает, и ему даже начинает нравиться. Он, то есть она, выходит замуж, заводит детей, а затем возвращается к преступной жизни, сколотив банду из своих сыновей и их подружек. Она делает яркую, хотя и бурную карьеру под именем Ма Баркер, но в конце концов ее в последней отчаянной перестрелке убивают органики. Но мой банкир данных сообщает мне, что Энн Сэйдж дожила до преклонных лет, не изведав каких-либо перемен пола или личности. Ма Баркер родилась в 1872 году по старому стилю, Диллинджер же — в 1903-м. Ничье воображение, кроме вашего, не в состоянии связать их воедино. Ваша художественная вольность занесла вас уж слишком далеко, рас Репп, куда и ворон костей не занашивал.

Впрочем, эти двое жили так давно, что анахронизм уже никого не волнует. Почему бы вам в таком случае не вытащить на свет Робин Гуда? И не превратить его по ходу дела в девицу Марианну?

Аудитория гоготала.

— Разве это постоянное возвращение к одной теме, неспособность использовать другой замысел, это ковыряние в проблемах человеческого тождества, не обличают вашу неуверенность и сомнения в собственном тождестве? И не следует ли государственным психикам обратить внимание на случай столь явной умственной неустойчивости?

Аудитория валилась со стульев. Реппа озадачило столь неожиданное раскрытие его творческих замыслов. Вместо того чтобы обдумывать ответ, он ломал голову, кто из его коллег разболтал о новом сценарии.

Под утихающий хохот и вопли он решил, что в будущую пятницу проведет собственный инквизиторский допрос. После работы, конечно. А сейчас надо заняться Линдквистом.

Репп встал, заложил большие пальцы за широкий пояс и вразвалочку подошел к «судейскому столу». Стоя он был выше Линдквиста, хотя тот и сидел на возвышении. Линдквист, продолжая улыбаться, свирепо заморгал глазами. Он не любил смотреть на гостя снизу вверх.

— Пилигрим, это тяжелые слова, и я рад, что ты улыбался, говоря их. В былые времена я бы дал тебе по носу.

Линдквист ахнул вместе со всей студией.

— Но теперь у нас ненасильственные, цивилизованные времена. Я обязался, что не буду подавать на тебя в суд, что бы ты обо мне ни говорил. Ты тоже дал такое обязательство. Это шоу — бой без правил, где лягают в пах, выдавливают глаза, ломают кости не хуже аллигатора и медведя и жуют тебе ухо. Словесно, разумеется.

Так вот, я заявляю, что ты лжешь, играешь словами и искажаешь факты. Из шестидесяти картин, которые я сделал, только в девяти идет речь о перемене роли или личности. Любому дураку видно, что у меня нет никакого пунктика или мании на почве тождества. Любому, кроме тебя, хочу я сказать. Что же до твоих безответственных и злонамеренных намеков на мою психическую неустойчивость — то, если бы у меня не хватало винтика, я бы тебе уже съездил. Видишь, как я спокоен? Видишь эту руку? Разве она дрожит? Нет, но, если бы она и дрожала, кто бы меня упрекнул?

Рас Линдквист, я — Бах видеодрамы. Я создаю бесчисленные вариации на одну-единственную тему.

— Бах слишком уж напыщен, — ухмыльнулся Линдквист.

В общем, шоу получилось удачное. Зрители пришли в восторг от свирепости диалога и угроз совершить физическое насилие. Монитор показал, что передачу смотрели более двухсот тысяч человек. В следующую пятницу ее повторят, чтобы ее могли посмотреть те, кто сейчас спит.

Репп бодро вышел в коридор, задержался, чтобы назвать свое имя в микрофоны, протянутые ему фанатами, и проследовал к лифту. Он приехал на такси домой, выпил порцию бурбона и лег в постель. В 11.02 его разбудила полоска-будильник. Надув манекен и переодевшись, Репп перекинул через плечо сумку и спустился в подвал за велосипедом. Было теплее, чем прошлым вечером — на Манхэттен накатывала очередная волна жары. Несколько легких облачков плыли по небу на восток. На улицах было почти пусто. Реппу попалось несколько патрульных машин. Органики внимательно смотрели на него, но проезжали дальше. На тротуарах стояли кучки кубиков объемом в один фут — спрессованный и каменированный мусор, выставленный пятничной Службой Чистоты. Субботняя Служба его уберет. Единственным, что переходило из одного дня недели в другой, если не считать кое-каких сообщений, был мусор. Говорили, и это было не слишком преувеличено, что половина Манхэттена построена из мусора. «Что же тогда изменилось?» — комментировали обычно.

В 11.20 Репп остановился перед многоквартирным домом в переулке Шинбон и окинул взглядом ярко освещенные окрестности, прежде чем спуститься по пандусу в подвал. Он не хотел, чтобы органики видели, как он входит в дом. Он мог сойти за запоздалого жильца, но в эту позднюю пору патрульные останавливают каждого седьмого для быстрой проверки.

Машин поблизости не наблюдалось, и не слышно было визга тормозов. Репп съехал по освещенному пандусу на велосипедную стоянку. Поставив велосипед в стойку, он прошел к лифту, дважды отпихнув ногой с дороги мусор. «Чертов сор!» — пробурчал он, доставая из сумки субботний диск. Им нельзя было, по идее, отпирать двери до полуночи, но Репп его переналадил. Репп не был профессиональным электронщиком, но после своей подготовки свободно мог бы им стать.

Вставляя луч в дверь лифта, он услышал за спиной тихий голос. Репп подскочил, выдернул звезду из скважины и резко обернулся.

— Ну и напугал ты меня! Откуда ты взялся? Нельзя же так подкрадываться к человеку!

Человек показал большим пальцем на четыре запасных цилиндра в дальнем углу гаража и сказал с хрипотцой:

— Извини. Пришлось подойти поближе, чтобы удостовериться, что ты — это ты.

На нем была оранжевая треуголка и длинный пурпурный балахон с узором из черного клевера — форма пятничных органиков. На миг Репп подумал, что все кончено. Остается одно — вовремя выхватить пистолет из сумки. Органик был слишком большой, чтобы Репп мог управиться с ним голыми руками. И Репп определенно застрелил бы его — не было времени раздумывать о последствиях. Подчинился бы отчаянной минуте, как робот.

Он не схватился за оружие только потому, что пришелец был один, а органики всегда ходят парами. Стало быть, этот, возможно, иммер.

— Когда придешь в себя, я передам тебе сообщение, — сказал органик. — Кстати, отличное шоу ты сегодня устроил. Утер нос этому надменному ублюдку.

Сердце Реппа забилось медленнее, и он обрел почти нормальное дыхание.

— Если ты знаешь меня, зачем было подкрадываться?

— Говорю же тебе — надо было удостовериться. Был бы ты в своем ковбойском наряде...

— Что за сообщение?

— Сегодня вечером в 10.02 органики заметили и стали преследовать разыскиваемого дневального, Морнинг Роз Даблдэй. Мне сказали, что ты знаешь о ней. Рас Даблдэй ушла от погони и скрылась в доме, который, к несчастью, находился рядом с тем, где была спрятана после каменирования женщина по имени Сник, Пантея Сник.

Когда дом окружили, Даблдэй отказалась сдаться и покончила с собой, взорвав мини-бомбу, вживленную в ее тело. Взрыв не только убил органиков и проживающую в доме семью, но и разрушил здания по обе стороны улицы.

— Почему я ничего об этом не слышал? Где это произошло?

— Где произошло, несущественно — ну, на Западной Тридцать пятой. Продолжаю сообщение.

Во время обыска руин органики обнаружили окаменелое тело Сник. Ее раскаменили, и она рассказала, что с ней случилось.

Иммер сделал паузу и посмотрел на Реппа, словно ожидая реплики с его стороны. Репп покачал головой, и иммер продолжил:

— Думаю, ты понимаешь, что это значит. Я нет. Продолжаю. Все иммеры оповещаются о том, что Сник снова представляет большую опасность для нас. Всем сообщаются ее приметы — ты, как мне сказали, их уже знаешь.

Все иммеры должны остерегаться Пантеи Сник. Если есть возможность убить ее, не привлекая внимания, ее следует

убить немедленно и избавиться от трупа. Совет предлагает поместить тело в компактор для мусора.

Если нет возможности убить ее на месте, заметивший ее должен уведомить своих связников, чтобы они занялись ей. Ты передашь это сообщение всем, кто с тобой связан, и дашь словесный портрет Сник. Будешь делать это каждый день, пока не получишь приказа перестать.

Иммер снова сделал паузу и сказал:

— Предполагалось, что миссия Сник заключалась в розыске и аресте Морнинг Роз Даблдэй. Но поскольку Сник продолжает поиски, это предположение может быть неверным. Возможно, у нее многоцелевая миссия и Даблдэй была лишь одним из аспектов. А возможно, Сник ищет других членов организации Даблдэй, хотя органикам об этом не сказала. По крайней мере, нижние эшелоны органических сил такого рапорта от нее не получали. Она могла передать информацию высшим должностным лицам сегодняшнего дня, которые и разрешили ей продолжать ее миссию, в чем бы таковая ни состояла. А завтра Сник согласует это с должностными лицами субботы. Если завтрашний совет услышит о чем-то, что может непосредственно повлиять на тебя через Сник, тебя оповестят как можно раньше.

Иммер говорил, словно читал по радио официальную сводку.

— И еще один, последний пункт. У нас в субботе имеется некий очень высокий чин. Он попытается выяснить точно, какова миссия Сник. Тем временем держи ухо востро. Сник будет жить в этом районе. Займет квартиру в здании Вашингтон Мьюз.

— Понял тебя. Она хочет поселиться в этом районе, потому что тот или те, кого она разыскивает, проживают здесь же. Во всяком случае, так она думает.

— Желаю удачи. — Иммер посмотрел на замусоренный пол. — И как ты только это выдерживаешь? — Он повернулся, не дожидаясь ответа, и пошел к выходу.

— Спасибо, удача мне понадобится, — тихо сказал Репп ему вслед. Лифт так и стоял открытый, ожидая его. Репп вошел и нажал на кнопку своего этажа. Поднимаясь физически, он падал морально. Вайатт Репп весь день плотно держался в седле. А теперь, незадолго до полуночи, его вышибли.

По выходе из лифта настроение у него поднялось, хотя и ненадолго. Лицо Сник, словно метеор, пронеслось сквозь его черные мысли. Чему он радуется? Тому, что она жива. Это было очень странно и требовало разбирательства. Тем более что он обязан ее убить, если представится случай.

ГЛАВА 22

— Ом-мани-падме-хум! — тянул глубокий мужской голос. Чарльз Арпад Ом отмахнулся от него, будто от жужжащего над ухом комара.

— Ом-мани-падме-хум!

— Уйди! — сказал Чарли. — У меня башка трещит с похмелья!

— Ом-мани-падме-хум!

— Заткнись! — И Чарли накрыл голову подушкой. Голос пробивался сквозь подушку слабо, но настойчиво. Точно тибетский монах вознамерился воскресить мертвых, и он, Чарли Ом, хотя и погребен, но еще способен восстать.

Голос умолк. Чарли выругался, зная, что последует дальше. Женский голос, сменивший мужской, был очень громким и пронзительным — такой мог принадлежать лишь истой язве, мегере и гадюке. Это был голос бывшей жены Чарли, запрограммированный им на полоске-будильнике, поскольку лишь этот стимул мог поднять Чарли с постели. Этот голосок злил его, поднимал ему давление и вырывал его из блаженного забытья. Блаженство блаженством, но на работу тоже надо.

— Ты, лодырь! Нищий! Пьяница! Забулдыга! Сорк поганый! Давай подыми свою драгоценную задницу! Симулянт! Свинья! Паразит! Хрен вонючий! Это единственное, что ты можешь поднять по утрам, только мне его не надо! Может, соизволишь сдвинуть и остальное, свою проспиртованную тушу, эту развалину, которую называешь своим телом, может, слезешь со своего одра? Вставай сейчас же, или водой оболью! Видит Бог, ты нуждаешься в ванне, засранец!

— Ну все, хватит! — крикнул Чарли, запустив в будильник подушкой. На полоске возникло ухмыляющееся лицо жены.

— Давай-давай! — завопила она. — Покидайся еще, ты, копия с бледной копии! Да тебе и в слоновью задницу не попасть!

Чарли в свое время записал кое-какие монологи своей жены и собрал отдельные фрагменты в дисгармоническое целое. Некое иррациональное желание понести наказание — в конце концов, развод произошел и по его вине — побуждало его каждое утро подвергать себя ее дьявольским децибеллам.

Чарли со стоном скатился с постели, постоял, качаясь, и потащился в ванную. По дороге он отбросил ногой в сторону скомканную конфетную бумажку, обругав предшественника, не выкинувшего ее в мусоросборник. Проходя мимо каменаторов, Чарли погрозил кулаком в окошко пятничного цилиндра.

— Свинтус!

Ладно хоть постельное белье сменил. На этот раз. Чарли неоднократно случалось валиться в постель, разящую потом, а то и блевотиной. Однако властям он не жаловался. Это нарушило бы неписаный кодекс сорков. Ограничивался ругательными посланиями в адрес Роберта Чена Селассе.

Покончив с процедурами в ванной, Чарли вышел в гостиную. За бильярдным столом у восточной стены стояли в ряд семь цилиндров. Единственный, кто вызывал у Чарли какие-то мысли, был воскресный житель, Том Зурван, глядящий в свое окошко. Свирепое выражение лица, длинные волосы, длинная лохматая борода придавали ему вид ветхозаветного пророка, этакого Иеремии четырнадцатого века Новой Эры. Чарли иронически благословил его, уверенный, что уж за Зурваном никому не приходится убирать. Еще Чарли чувствовал, что Зурван отнесся бы к нему неодобрительно.

Голос жены умолк, но заверещит опять, если Чарли вернется в постель, приляжет на диван или на пол. Программа составлена так, чтобы донимать Чарли, пока он не выпьет первую чашку кофе.

Он поплелся по коридору мимо полосок, которые включились автоматически и теперь бубнили на все голоса:

— Еще десять тысяч квадратных миль отвоевано у джунглей Амазонки... к сожалению, Лондон, несмотря на титанические усилия, продолжает погружаться на два дюйма в каждый объективный год... ответьте на вопрос номер семь, и вы выиграете еще сорок кредиток с полного ведома и согласия правительства. В каком году, по старому и новому стилю, произошла битва при Далласе?.. Древний философ Вуди Аллен сказал, что все мы монады без окон. Историки дискутируют по поводу правильности прочтения старинной записи. Кое-кто утверждает, что Аллен сказал «номады», а не

«монады». В этом случае... Голосуя за Нучала Келли Вана, вы голосуете против подмешивания контрацептивов к нашей питьевой воде. Долой устаревший и незаконный метод контроля рождаемости! На этой большой планете есть место для большего количества людей! Голосуя за Вана, вы голосуете за будущее! Люди жаждут иметь детей...

Записная полоска, одна из нескольких, напомнила Чарли, что в следующую субботу он проходит тест на право голосовать.

ПОДЗУБРИ КАК СЛЕДУЕТ, ТУПИЦА. ПОМНИ, ЧТО В ПРОШЛЫЙ РАЗ ТЫ ПРОВАЛИЛСЯ.

— Какая разница? — буркнул Чарли. — Ван — единственный, за кого бы я стал голосовать, а он все равно не победит.

Полоска новостей в кухне встретила Чарли показом папы Сикста Одиннадцатого на террасе его бунгало в Риме. Съемка производилась в прошлую субботу во время провозглашения Ивана Фумифона Йети главой сегодняшней католической церкви. Камера, показав человек пятьдесят верующих, собравшихся на лужайке, перешла в дом. Ом отвлекся, доставая кубик каменированного кофе, рассчитанный на четыре порции, из своего персонального шкафчика. На полоске появились лица остальных шести наместников Божиих, стоящих в цилиндрах в тесной комнатушке. Это были лица стариков, которые в жизни, видимо, много страдали.

— Страдания формируют характер, — сказал Ом и велел полоске переключиться на другой канал. Не из бесчувственности, а по невозможности справиться со своими чувствами в данный момент. Но зрелище манхэттенских «Мэнглеров», проигрывающих 5:4 род-айлендским «Петушкам», его не успокоило. После этого футбольного матча произошло побоище, в которое мог бы ввязаться и Чарли, будь он тогда на стадионе. Хотя полоски и не показывали свалку (десять тяжелораненых), Чарли слышал о ней по устному радио.

Теперь органики увеличат и изучат снимки, сделанные «небесными глазами», а затем зачинщиков потасовки выследят и арестуют. Арестуют и тех, кто нанес повреждения, и самих пострадавших.

Чарли выключил полоску, положил кофе в мисочку и поставил в раскаменитель. Залил оттаявший густой кофе в фильтр и включил кофеварку, а сам стал смотреть в круглое окно на Вуманвэй. Небо ясное. Опять будет жаркий день. На улице было полно мужчин и женщин в ярких кильтах, просторных блузах с широкими плоеными воротниками и широкополых шляпах с пластмассовыми или живыми цветами.

Многочисленные пешеходы старались держаться в тени огромных дубов и пальм, растущих по обе стороны улицы. Многие велосипедисты везли в корзинках больших игрушечных мишек, а пешеходы несли мишек в руках. Мордочкам медвежат придавали сходство с близкими, супругами, любимыми, а наиболее нарциссические личности делали их похожими на себя.

Чарли потряс головой — сам он устоял против этого поветрия — и налил себе большую кружку кофе. Потом плюхнулся на стул, пролив на стол немного жидкости. С отвращением глядя в кружку (как еще можно смотреть на вещи в такую рань, в десять утра), он попытался поймать хвост вчерашнего вечера. Вернулся он очень поздно, с трудом попал лучом звезды в замочную скважину, выдул много пива и повалился спать.

А теперь вот сидит немытый, небритый и похмельный. Чувство такое, что голову с него на какое-то время сняли и играли ею в кегли. Кровь поступала в мозг толчками, и от каждого толчка по извилинам разлетались булавки. Откуда взялась эта головная боль, которой не заслуживает и самый грешный из грешников? А, да... Отработав свое в баре, он не пошел домой, как следовало бы, а весь вечер гулял с дружками в таверне.

Никогда больше, вырвался у него покаянный стон. Никогда больше! Чарли сам удивился неистовству своей клятвы. Он и впрямь произнес ее вслух.

Он выпил еще кофе. Что это был за сон, так его беспокоивший? Чарли помнил его не лучше, чем подробности вчерашней попойки. Сейчас. Из темного тумана возникали какие-то фигуры. Он пытался поймать их, но они опять уходили в туман.

Ну, неважно. Сейчас он попьет еще кофе, потом чуть-чуть поест и поупражняется на тренажерах в гостиной. Потом, после бритья и душа, возьмет свою рапиру и маску и пойдет в квартальный спортзал. Попрыгает там часок, вернется домой, снова примет душ, оденется и пойдет на работу.

Кстати, об одежде — почему он сидит голый? Чарли не помнил, чтобы раздевался, ввалившись в квартиру. Стало быть, он все-таки разделся — тогда странно, почему на полу ничего не валяется. Он уж точно покидал одежду где-то около кровати. Разве что он ночью вставал в туалет, а по дороге подобрал все и сунул в шкаф. Даже сорки, грязные, безответственные, антисоциальные и неряшливые, выдрессированы так, что порой машинально делают что-то вопреки своей натуре.

— Нет, с выпивкой пора завязывать, — промолвил Чарли. Он встал налить себе еще кофе, но остановился с чашкой в руке. Стенная полоска у него за спиной начала громко гудеть. Он обернулся и увидел, что она мигает оранжевым. Приказав ей перестать, Чарли увидел человека, стоящего перед дверью квартиры. Высокого и мускулистого, в возрасте примерно тридцати сублет. На нем была лиловая шляпа с желтыми розами, свободная желтая блуза с кружевными манжетами и зелеными брыжами, а ниже — кильт в черно-желтую клетку. Сумка у него была из крокодиловой кожи, выращиваемой на фабрике в Бруклине. Мишка у него в руках был лиловый, под цвет шляпы, и мордочкой отдаленно напоминал своего владельца.

— Какого... — произнес Чарли Ом, узнав этого типа с узким лисьим лицом. За последние несколько сублет Чарли много раз подавал ему напитки, с которыми тот нянчился, словно с умирающими птичками. Трех бурбонов за вечер вполне хватало гетману Яношу Ананде Маджу.

— ...черта ему тут надо?

Чарли включил звук на дверной полоске и сказал громче, чем было необходимо:

— Одну минутку!

Стеная, он выбежал из кухни — с каждым шагом головная боль усиливалась. Пройдя по узкому коридору, где при его появлении зажегся свет, он вставил луч своей звезды в дверцу шкафа с табличкой СУББОТА. И через несколько секунд, в одном кильте, добрался с гримасами до входной двери. И замешкался. Что этот Янош Маджа здесь делает? Может, он, Чарли, как-то оскорбил его прошлым вечером и Маджа явился требовать извинений? Или Маджа — органик и пришел арестовать Чарли за какую-то вчерашнюю провинность? За нечто антисоциальное? Последнее, впрочем, было маловероятно, поскольку полоска показывала, что Маджа стоит на площадке один.

— Что вам нужно? — спросил Чарли.

Лицо Маджа приобрело раздраженное выражение.

— Мне нужно поговорить с вами, Ом.

— О чем?

Маджа посмотрел по сторонам. Вокруг никого не было, но за ним могли следить и по монитору. Или какой-нибудь сорк мог наблюдать за ним через полоску.

Маджа достал из кармана своего кильта тонкий черный квадратик и, держа его двумя пальцами, произнес в него что-то, чего Ом не слышал. Потом показал табличку Ому,

держа ее в ладони. На черном оранжевыми буквами вспыхнуло одно слово.

ИММЕР.

Буквы трижды мигнули и погасли.

— О Господи! — сказал Чарли.

ГЛАВА 23

В промежутке между прочтением карточки и открыванием двери похмелье Ома прошло без следа. Оно не улетучилось, а влетучилось внутрь. Его осколки, точно шрапнель, изрешетили самосознание Чарли Ома, и в дыры хлынуло то, что было доныне скрыто. До этого момента Чарли «помнил» лишь события прошлой субботы, хотя и смутно. И похмелье, от которого он маялся этим утром, было, так сказать, призрачным. От реального похмелья он избавился еще в прошлое воскресенье, будучи отцом Томом Зурваном. Отец Том, никогда не употреблявший спиртного, тем не менее вынужден был страдать от возлияний Чарли. Отец Том воспринимал головную боль как следствие плохой кармы, накопленной им в прошлой жизни.

Стало быть, похмелье прошло еще пять дней назад. Но этим утром Чарли Ом проснулся как бы в коконе. Все события и передряги, пережитые четырьмя его предшественниками, оказались, образно говоря, под замком — или, скорее, были каменированы и упрятаны в психические цилиндры где-то в глубине. И он, Чарли Ом, сам окаменелый во многих отношениях, ничего этого не помнил. Он ощущал себя никем иным, как только Омом, барменом на полставки, забулдыгой-сорком. Дни, прошедшие от субботы до субботы, провалились в небытие, словно Чарли никогда не был иммером. Даже несуществующее похмелье ожило вновь. Рука прошлой субботы достала Чарли, чтобы выжать из него соки промежуточных дней.

Это внезапное открытие стало первым шоком. Вторым был тот факт, что пришедший к нему иммер явно принес очень плохие новости. Иначе совет никогда бы не решился прислать к нему гонца.

Мадж вошел с опаской, ожидая, как видно, оказаться в свинарнике, и удивился тому, что здесь не так уж страшно.

— Одевайся, да побыстрее, — сказал он. — Через пять минут мы должны уйти отсюда, а желательно и раньше.

— Что... органики? — громко сглотнул Ом.

— Да, но не за тобой. Обычный санитарный рейд.

— А-а, — с облегчением сказал Ом, — но тогда почему?

— Я должен проводить тебя... к одному человеку. Давай шевелись!

Властные и подгоняющие нотки в голосе Маджа заставили Ома броситься стрелой к своему шкафу. Выйдя, он увидел Маджа перед каменатором Зурвана. Мадж повернулся и смерил Ома взглядом.

— Порядок. Это в самом деле манекен? — спросил он, указав на Зурвана.

— Да. А ты откуда знаешь?

— Я получил приказ уничтожить его, если он выглядит недостаточно реалистично.

— Почему? Неужели дело так плохо?

— Достаточно плохо, полагаю. Однако подробностей я не знаю и знать не хочу. — Мадж взглянул на полоску-часы. — Хорошо. Опережаем график на две минуты. Здесь нет никаких записей, которые следовало бы стереть? Или что-нибудь, чего не должны найти органики?

— Нет, черт возьми! Я, может, и сорк, но не настолько неряшлив.

Мадж вывернул наизнанку свои кильт и шляпу. Теперь шляпа стала коричневой, с длинным оранжевым пером, а кильт — вишневым. Потом он полез в сумку, и Ому на секунду показалось, что сейчас Мадж достанет пистолет. Душа у Чарли ушла в пятки, и он пригнулся, готовясь к прыжку. Но Мадж извлек шляпу, широкополую коричневую шляпу с высокой тульей и оранжевым пером, и вручил ее Ому.

— Она тоже выворотная. Надень-ка.

Ом скинул свою шляпу на пол. Мадж поднял брови и сурово посмотрел на него.

— Потом уберу. Ты сам сказал, что у нас мало времени. И потом, когда придут органики, надо же им найти хоть какой-то беспорядок. Они заподозрят неладное, если не найдут. Больше ты ничего не можешь мне сказать? — спросил Ом, следуя на шаг позади Маджа к выходу.

— Могу. — Мадж вышел в холл, подождал Ома и мягко добавил: — Мне было велено сказать это тебе, только если ты спросишь. Обнаружен манекен Реппа. Это произошло вчера, без десяти двенадцать — в пятницу, выходит.

— Боже! Значит, всему конец!

— Говори тише. И веди себя естественно, что бы ни испытывал. Больше никаких вопросов.

— В этом замешана Сник?

— Я же сказал — хватит вопросов.

Дверь через три квартиры от Ома открылась, и оттуда вывалилась шумная хмельная парочка. Мадж отпрянул, точно боясь запачкаться.

— Эй, Чарли, — сказал мужчина. — До встречи в «Изобаре».

— Может, и увидимся, — сказал Чарли. — Пока что у меня срочное дело. Не знаю, успею ли на работу вовремя.

— Мы выпьем за твою удачу и успех, — сказала женщина.

— Давайте.

В лифте Чарли сказал:

— Я знаю, ты не хочешь, чтобы я задавал вопросы. Но хоть на работу я пойду? А если нет, то под каким предлогом?

— Думаю, об этом позаботятся.

— Ладно — тогда это, может, уже не будет иметь значения.

Мадж пристально посмотрел на него:

— Держи себя в руках, парень. В тебе нет ничего от иммера, ей-Богу.

Перед самой остановкой лифта Мадж все-таки не сдержал любопытства:

— И на кой черт иммер должен здесь жить?

— Помни, никаких вопросов.

Как объяснить Маджу, что он построил — нет, вырастил — разных людей на каждый день недели? И что в основе каждого из характеров лежат какие-то черты, которые сосуществовали в нем, хотя и не гармонично, когда он был только Джеффом Кэрдом? Он был консерватором и либералом, пуританином и сластолюбцем, неверующим и жаждущим веры, сторонником твердого режима и мятежником, педантом и неряхой. Из множества конфликтующих элементов своего характера он вырастил семь других. Ему было доступно многое, чего он был бы лишен, живи он лишь в одном дне недели. В одном теле существовали несколько человек, и каждому дано было стать тем, кем он хотел. Ну, возможно, с Чарли Омом он зашел чуть дальше, чем следовало.

Выйдя из лифта в подземный гараж, Ом вдруг явственно увидел сон, который пытался вспомнить. Ему снились все семь его воплощений в Центральном парке — они катались верхом в тумане. Потом они явились с разных сторон и развернули своих лошадей так, что крупы составили семиконечную звезду — или букет из конских задов.

«Что это мы делаем тут, на дорожке молодоженов?» — спросил Джефф Кэрд.

«Женимся, конечно», — сказал отец Том Зурван.

«Больше похоже на развод, — немелодично засмеялся Чарли Ом. — Сначала развод, потом свадьба. Точно!»

Джим Дунский извлек откуда-то шпагу, отсалютовал ею и крикнул: «Один за всех и все за одного!»

«Семь мушкетеров!» — заорал Боб Тингл.

«Пусть победит лучший!» — сказал Уилл Ишарашвили.

«И к черту худшего!» — хрюкнул Чарли Ом.

Тут они умолкли, потому что услышали приближающееся к ним из тумана цоканье копыт. Они ждали, сами не зная, чего ждут, и вот из тумана возникла фигура великана на гигантском коне. Этим и кончился сон.

У Ома не было времени его разгадывать — Мадж торопил его к выходу. Они быстро прошли по дорожке через двор, где с визгом играли дети и сидело несколько взрослых. Ом знал наверняка, что далеко не у всех ребятишек есть удостоверения и далеко не все зарегистрированы в банке данных. Мадж взглянул на часы и сказал: «Осталась одна минута». Ом, оглядевшись, не увидел поблизости органиков. Но когда они вышли на бульвар Вуманвэй, он насчитал тридцать мужчин и женщин, всех в штатском, стоящих у нескольких машин. Машины были без опознавательных знаков, а стало быть, принадлежали органическим силам. И когда только до органиков дойдет, что это всем известно?

Были, наверное, и другие группы, собиравшиеся в других пунктах.

Выпить бы, подумал Чарли.

Как раз это сейчас тебе нужно меньше всего, сказал кто-то другой.

И все-таки, когда они, идя на север по Вуманвэй, прошли мимо большого темного окна «Изобара», некий гироскоп внутри Чарли начал клониться в сторону входа, в сторону пути наименьшего сопротивления и закоренелой привычки.

Чарли вспотел, хотя это можно было приписать жаре. Но сухость во рту к жаре отношения не имела. Что предпримут сегодняшние органики в связи с обнаружением манекена Реппа? Первая смена уже должна была прочесть донесение, оставленное последней сменой пятницы. Столь серьезное дело требует каких-то действий. Каких? Чарли не узнает об этом, пока не доберется до неизвестной цели своего назначения.

Он чувствовал тяжесть пистолета в сумке. Воплотившись без остатка в жителя сегодняшнего дня, он все-таки переложил оружие в сумку Ома. Присутствие пистолета успокаивало, но не слишком. Если бы Мадж замышлял против него

что-то недоброе, то вынул бы пистолет из его сумки. Но Маджа не слишком-то много знает о нем, и тот, кто послал Маджа, не приказывал, очевидно, обезоружить Ома. Если бы Маджа это сделал, Ом понял бы, что нужен совету не только для разговора.

«Эким я стал подозрительным, — подумал Ом. Однако причина для этого есть. Я наверняка теперь очень опасен для семьи».

— Не выходи из-под деревьев, — сказал ему Маджа. — Избегай открытого пространства.

Чарли как раз собрался выйти на солнце, ярко сиявшее между шеренгой дубов и домами на восточной стороне улицы.

— Виноват, — сказал он.

Рано или поздно, однако им придется выйти из-под древесных ветвей туда, где их могут увидеть «небесные глаза». Спутники отметят, что двое мужчин в шляпах такой-то формы и цвета и в таких-то кильтах зашли под деревья в таком-то месте, а вышли в таком-то. Это, конечно, ничего не значит, если у органиков нет причин следить за этими двумя мужчинами.

На углу Вуманвэй и Вэверли-плейс Маджа остановился. Он осмотрелся — Ом не знал, что он ищет — и сказал:

— Пережди минуту, а потом следуй за мной. — Он достал из сумки короткий пластиковый стерженек, нажал на его конец, и раскрылся зонтик. Держа его над головой, Маджа перешел через тротуар в продуктовый магазин на углу. Лучше бы он взял с собой такой зонтик, который мог бы укрыть их двоих. Тогда, если бы они ускользнули от бокового «небесного глаза», вертикальный заснял бы только зонтик, под которым могли быть и двое мужчин, и двое женщин, и смешанная пара.

Конечно, если бы органики взялись изучать снимки, то отметили бы, что зонтик возник из-под деревьев, куда никто с зонтиком не входил. Хотя уверенности в этом у них бы не было. По меньшей мере дюжина людей с зонтиками за это время вошла в тень или вышла на солнце. Четыре зонтика были желтые, как у Маджа. И как тот сложенный зонтик, который сунула в руку Ома какая-то женщина, прошедшая мимо как ни в чем не бывало. Она тоже держала над головой желтый зонтик.

Ом раскрыл свой и пошел к магазину, но какой-то мужчина преградил ему дорогу, дал ему своего игрушечного мишку, сказав «Держи», и проследовал дальше. В нескольких шагах он, однако, остановился и прислонился к тумбе с полосками новостей. Чарли заметил, что шляпа и кильт у этого человека

такие же, как у него. Итак, из-под деревьев вышел мужчина сходного сложения, в такой же одежде и без мишки. Если только органики не подвергнут его походку компьютерному анализу, они сочтут, что это тот самый, кто входил без мишки под деревья.

За эти две минуты Чарли увидел больше иммеров, чем когда-либо раньше.

Он вошел в магазин и сложил зонтик. Стоявший в глубине Мадж повернулся и пошел в туалет. Кроме Маджа и Ома, там находилось пятеро мужчин и две женщины. Среднего роста человек с очень широкими плечами вручил им комок пластиковой одежды и поспешно вышел.

— Иди в кабинку и переоденься, — тихо сказал Мадж.

Через несколько минут они вышли из магазина. Мадж — в широкополой алой шляпе и зеленом кильте. Ом, шедший чуть позади — в черном сомбреро с багровыми перьями и в зеленом же кильте. Он последовал за Маджем по эскалатору на пешеходный мостик через Вуманвэй, перешел на ту сторону и спустился по другому эскалатору на Вэверли-плейс. Они прошли на запад до Пятой авеню и повернули по ней на север. Ом окинул взглядом Вашингтон-сквер по левую руку от себя, но Янкева Гриля не обнаружил. Возможно, он играет в шахматы где-то в глубине площади. А может, остался дома из-за жары. Вероятнее же всего, его забрали органики. Ому было любопытно, какие мотивы могли толкнуть такого человека на дневальничество, хотя и не настолько любопытно, как Джеффу Кэрду.

Мадж поднялся на мост перед квадратным зданием, называемом Вашингтон Мьюз. Ом перешел за ним на западную сторону Пятой авеню. И вспомнил, что Сник теперь живет в этом доме. Сейчас она, возможно, где-то на улице и высматривает его. Весьма вероятно. Пятничные органики могли успеть получить данные на Реппа из банка данных и передать их субботе. А если пятница этого не сделала, то сделает суббота.

Потом предпримут одно из двух. Один вариант — субботние органики будут искать похожего на Реппа дневального, обыкновенного, заурядного дневального. А второй вариант — они догадаются сравнить удостоверение Реппа с аналогичными удостоверениями других дней. Тут может возникнуть задержка, поскольку органикам потребуется получить разрешение субботнего Североамериканского Суперорганического Совета. Но что, если они уже получили его и теперь идут по следу Ома?

И если это случилось, то что ему делать? Что придумал для него совет иммеров?

Мадж шел на север по Пятой под деревьями. Ом, идущий следом, вдруг остановился. Слева от него был старый дом, построенный еще в «докорабельную эпоху». Здесь жили — во всяком случае, по субботам — верующие евреи, которые использовали домовой спортзал под синагогу и поклонялись своему богу в запахе потных носков и маек. Из окна второго этажа смотрел человек — Янкев Гриль.

Сильное красивое лицо мелькнуло в окне только на секунду. Ом не сумел разгадать его выражения. Может быть, Гриль узнал его и не хочет этого показать? Не его, Чарли Ома, а Джима Дунского, который некоторое время стоял у столика на Вашингтон-сквер и наблюдал за игрой Гриля? Или Гриль просто заподозрил, что Ом — органик, который его ищет?

Как бы там ни было, Гриль безусловно рискует, оставаясь в этом доме. Это одно из первых мест, где органики будут его искать. Впрочем, Гриль мог поселиться здесь уже после обыска. Или он здесь просто в гостях, пришел поучаствовать в религиозной церемонии.

Боб Тингл, банкир данных, установил, что во всех семи днях проживает всего полмиллиона ортодоксальных евреев и два миллиона реформированных. Остальные ассимилировались, слились с прочим населением. У самого Ома прабабушка тоже была еврейка, хотя иудейской веры не придерживалась.

Правительство ничего официально не предпринимало против евреев. Оно исповедовало терпимость ко всем религиям, но иудейскую все-таки чуть-чуть, да притесняло. Родителям воспрещалось устраивать браки своих детей или использовать какие-либо формы принуждения к детям, чтобы склонить их к бракам с единоверцами. Поскольку любой группе населения воспрещалось также провозглашать свое превосходство перед другими группами по религиозным мотивам, евреям не разрешалось ни устно, ни письменно объявлять себя «избранниками Бога». Такие заявления были бы антисоциальными и нонэгалитарными. Иудеям-мужчинам пришлось также исключить из своих утренних молитв благодарение Богу за то, что он не создал их женщинами. Это было бы еще более антисоциально и нонэгалитарно.

Все иудейские священные книги существовали легально только в записи. Предварительно они подверглись цензуре, хотя и не слишком строгой, и были снабжены обильными комментариями Бюро Религиозных Свобод.

По тем же причинам христианам запрещалось говорить, что Иисус был Сын Божий, разве что в том смысле, что все гомо сапиенс — дети Божьи. Правительство, впрочем, утверждало, что и Бога-то никакого нет. Новый Завет также подвергли легкой цензуре и тяжело загрузили комментариями.

ГЛАВА 24

Тринадцатиэтажная Башня Эволюции походила на штопор. Предполагалось, что ее ярко-зеленые витки символизируют спираль восхождения жизни к более высоким формам. На вершине стояли статуи мужчины и женщины, держащей над головой ребенка. Ребенок тянул ручонки к небу, словно желая что-то оттуда достать.

Чарли Ом вошел вслед за Маджем в огромный, освещенный сверху вестибюль и встал в очередь. Продвигаясь вперед, он смотрел в дальний угол круглого зала. Там, за пластиковой стеной, бурлила густая на вид жидкость, проплывали голографические изображения грозовых туч и хлестали в воду молнии. Это было воспроизведение первичного раствора — океанов Земли, какими они были миллиарды лет назад. Здесь, как поясняли многочисленные полоски, и зародилась жизнь, возникнув из бурного союза молнии с углеродными соединениями в густом «супе». Это простое, но блистательное совокупление дало начало первым формам жизни, крайне примитивным, конечно.

Чарли не имел понятия, зачем Мадж стал в очередь со всеми посетителями, но полагал, что Мадж знает, что делает. Очередь, к счастью, двигалась быстро. Вестибюль заполонили туристы со всего света, и от их болтовни закладывало уши.

Наконец Чарли добрался до кредитного автомата, стоящего у огражденного цепями прохода. Чарли вставил луч своей звезды в отверстие, увидел на экране ПРИНЯТО и прошел. Мадж впереди него прошел мимо лифта к лестнице на второй этаж. Втиснутый между мужчиной перед ним и женщиной позади, Чарли медленно поднимался по ступенькам, нервничая от столь тесного контакта. Мадж ожидал его наверху.

Чарли посмотрел вверх, где открывались все двенадцать этажей. Он видел это уже раз десять, но каждый раз невольно испытывал некоторый трепет. Экспонаты размещались в широких и глубоких нишах стен до самого верха здания. Посетители ехали по винтовому эскалатору, который шел кругами вдоль стен с водными и сухопутными ландшафтами, с изображениями рыб, птиц, животных, насекомых

и растений разных геологических эпох. На эскалаторе можно было совершить путешествие от докембрийского периода (простейшие животные и растения) к кембрийскому с беспозвоночными обитателями океана первой стадии палеозойской эры. Затем, двигаясь по диагонали, вы знакомились с ордовикским периодом (первые примитивные рыбы). Далее вы ехали мимо мезозойской и кайнозойской эр, ахая и охая при виде роботов-динозавров в натуральную величину — и, наконец, достигали вершины, где главным экспонатом был гомо сапиенс Новой Эры. Там все сходили с эскалатора и спускались на лифте вниз. Двигаясь вверх, можно было тоже выходить на разных уровнях, чтобы поближе посмотреть экспонаты.

Мадж не пошел на эскалатор, а направился куда-то по коридору. Он кивнул дежурившим там двум мужчинам, дав им, как видно, знак пропустить и Ома. Коридор, всего футов десять в длину, упирался в широкую полоску, показывающую панораму верхних этажей музея. Мадж произнес что-то — Ом был недостаточно близко, чтобы расслышать, что именно, и слегка вздрогнул, когда полоска ушла в потолок, а позади них опустилась другая полоска. На миг они с Маджем очутились в закутке шириной три фута.

Затем Мадж прошел в кабину лифта, которую раньше скрывала полоска, знаком велел Ому тоже войти и сказал: «Вверх». Двери закрылись, и лифт стал быстро подниматься. Номера этажей на табло не загорались — этот лифт, видимо, ходил только на один этаж. Когда кабина остановилась, Мадж подтолкнул Ома вперед. Чарли не понравилось, что Мадж, который почти всю дорогу держался впереди, теперь оказался сзади. Но делать было нечего, да и вряд ли здесь следовало что-то делать.

Они очутились в большой, но низкой комнате, выходящей на юг, с выключенными стенными полосками и толстым, дорогим на вид зеленым ковром. Мадж велел Чарли пошевелиться, и тот вышел в единственную дверь в запасной стене. За ней был изогнутый коридор около десяти футов шириной, тоже с толстым ковром на полу и с погасшими полосками. Идя по нему, Чарли увидел сперва несколько закрытых дверей. Вряд ли за ними кто-то живет. У того, кто обитает здесь, много лишних комнат — стало быть, это очень важная персона.

Пройдя футов триста до конца полукруга, они остановились перед большой дверью. Мадж вставил луч своей звезды в кодовое устройство, и через несколько секунд чей-то голос велел им войти. Мадж снова занял место позади Ома,

Чарли открыл дверь и вошел. Он оказался в большой приемной со множеством мягких стульев и кресел. Очевидно, нужно было пройти в следующую комнату. Чарли так и сделал. Комната, примыкающая к первой, была очень велика, и из ее окон открывался вид на реку Гудзон и на леса Нью-Джерси. Здесь было много мебели, но по размерам помещения могло быть и больше. На стене между работающими полосками висели картины старых китайских мастеров. Может, даже оригиналы, подумал Ом. Мебель и все предметы обстановки тоже были выдержаны в китайском стиле. Внимание Ома привлек большой бронзовый Будда в нише.

Человек, сидевший на стуле в дальнем углу комнаты, у окна, был одет в алую пижаму, домашние туфли и зеленый халат. Он был высокий, темнокожий, с азиатским разрезом глаз. Крупный крючковатый нос, тяжелые брови, массивный подбородок — все это казалось Чарли знакомым, но, лишь подойдя к незнакомцу на несколько футов, он понял почему. Сделать разрез глаз чуть более прямым, изменить их голубой цвет на карий — и человек будет вылитый Джефф Кэрд... отец Том Зурван... сам Чарли.

— Можешь остановиться здесь, — сказал Мадж. Подразумевалось не только «можешь», но и «должен». Ом повиновался, и Мадж сказал: — Я возьму у тебя сумку.

Ом нехотя подчинился и этому. Он хотел посмотреть, куда Мадж поставит сумку, но тут незнакомец встал со стула и слегка поклонился, сжав руки в приветственном жесте. Это было вторичное приветствие — значит, человек мог быть гражданином этого дня. Или же просто показывал, что ему известна первоначальная личность Ома. А возможно, верно и то и другое.

— Добро пожаловать, мой внук, — с улыбкой произнес он.

— Внук? — повторил оторопевший Ом.

— Ну, скажем, прапраправнук, причем с обеих сторон — и с отцовской, и с материнской.

Ом довольно быстро оправился от потрясения и, хотя и с опозданием, поздоровался. Потом сказал:

— У вас передо мной преимущество: вы знаете, кто я, а я нет.

Это было не совсем правдой. Только один человек на свете мог быть его прапрапрадедом и при этом здравствовать. Но тот человек умер.

Так утверждала статистика Мирового Банка данных. Но кому, как не Ому, было знать, сколько в этом банке содержится лжи?

— Так-таки и не знаешь? — Человек знаком предложил Чарли сесть. Тот, как подобало, сначала подождал, пока не сядет старший. Прежде чем занять свой стул, Чарли оглянулся. Мадж стоял у стола футах в десяти позади них. Сумка Чарли лежала на столе, но была закрыта. Мадж, конечно, понял по весу, что в ней пистолет.

Заодно Ом посмотрел на полоски, каждая из которых демонстрировала какие-нибудь экспонаты музея. Наконец он сел, взглянул собеседнику прямо в глаза и сказал:

— Хорошо, допустим, что знаю. Но вам удалось меня ошеломить, должен признаться. Я понятия не имел... нам всегда говорили, что отец-основатель погиб при взрыве лаборатории.

— На куски разлетелся, — сказал человек. — На основе моих клеток без труда изготовили кости, внутренние органы и кожу, даже руки — с моими отпечатками пальцев, разумеется, и глаз, частично уцелевший при взрыве. Все это, разумеется, было сделано преднамеренно. Там было много «разумеется».

— Ваши близкие недоумевали, почему вы так долго остаетесь молодым, так что в конце концов вам пришлось умереть и начать жизнь под новым именем.

Гилберт Чинь Иммерман кивнул:

— Постоянно я проживаю не в этой стране. Не будет вреда, если ты это узнаешь. Скажу тебе также, что суббота не является официальным днем моего гражданства. Сюда я прилетел, чтобы распутать ваш клубок.

Как бы теперь ни назывался Иммерман, он определенно занимает очень высокий пост, подумал Ом. Возможно, он член всемирного совета. Только у столь высокопоставленного и влиятельного лица может быть отдельная квартира, да еще такая большая, которой он к тому же редко пользуется. И только очень высокопоставленное лицо может нарушать день, когда вздумается. Интересно, под каким предлогом он это сделал. Впрочем, неважно. Важно то, для чего Иммерман прибыл сюда.

— Дедушка, — начал Ом. — Можно мне вас так называть?

— Мне это будет приятно. Никто еще меня так не называл. Я вынужден был лишить себя общества моих внуков. Правда, если я не познал радости общения с ними, то избавился также от горя и забот, с ними связанных. Да, можешь называть меня дедом. — Иммерман помолчал и спросил с улыбкой: — А как прикажешь называть тебя?

— Что? А-а, понимаю. Сегодня суббота — зовите меня Чарли.

Иммерман чуть заметно покачал головой и подал знак. Мадж подошел к ним и сказал:

— Слушаю.

— Принеси нам, пожалуйста, чаю. Возможно, наш гость к тому же голоден. Съешь что-нибудь, Чарли?

— Если нетрудно, парочку протеиновых пирожков. Я почти не завтракал.

— Следовало ожидать. При твоем образе жизни... сегодняшнем, хочу я сказать. Ты удивительный человек, Чарли. Пусть ты не единственный дневальный, назначенный советом иммеров, в своих ролях ты уникален. Уникально и то, как ты вжился в эти роли... скорее, в эти личности. Я верю, что ты на самом деле каждый день становишься другим человеком. В каком-то смысле это достойно восхищения, в другом смысле — опасно.

«Начинается, — подумал Ом. — Приближаемся к цели моего визита. Это не просто встреча двух родственников».

— Можно, я немного похожу, пока не подали чай? — спросил он. — Я сегодня не сделал привычных упражнений, поэтому чувствую себя застывшим и неуклюжим. Мне лучше думается, когда мускулы расслаблены и кровь течет быстрее.

— Будь как дома.

Немного стесняясь, Чарли встал и начал ходить взад-вперед. Он дошел до двери, повернул, остановился в нескольких футах от Иммермана и опять повернул. Старик — хорош старик, выглядит на каких-нибудь пять лет старше своего внука! — сидел, скрестив руки, и наблюдал за ним, едва заметно улыбаясь. Пока Чарли прохаживался, в комнату вошел громадный сиамский кот. Постоял, пристально глядя на Ома голубыми глазищами, потом направился к Иммерману и вскочил ему на колени. Там котище свернулся, а Иммерман стал гладить его.

— Минг — мой первый и единственный любимец, — ласково сказал он. — Минг Беспощадный. Не знаю, известно ли тебе это имя. Он почти так же стар, как и я. В объективных годах, конечно. Время от времени я его каменирую.

Чарли оторвал взгляд от стенных полосок — он только что увидел на одной из них нечто, что его поразило.

— Все равно Мингу должны были тоже дать эликсир, раз он живет так долго. Правда?

— Правда. Только это не эликсир. Это биологическая форма, настоящий живой организм, хотя создан он искусственно. Он очищает артерии от отложений и много чего еще

делает. В частности, подавляет фактор старения в наших клетках. Я не знаю, как он делает это, хотя долго пытался выяснить.

Ому не доставили удовольствия эти откровения. Можно подумать, деду безразлично, что его внук будет знать много лишнего. А это может значить, что внуку не дадут передать эту информацию кому-либо еще. Но может ли человек быть таким объективным, таким черствым, чтобы вот так избавить себя — и семью — от собственной плоти и крови? Может, еще как может. Семья иммеров потому и прожила так долго, что ее лидеры вели себя объективно и логично. Возможно, Иммерману и тяжело избавиться от собственного внука, но он сделает это, если будет вынужден. Прежде всего семья, а отдельные ее представители — это дело десятое.

— Я не знал, — сказал Чарли. Во тьме его мозга как будто приоткрылась щелка, и в ней блеснул огонек. Вайатт Репп? Да, Репп говорил ему что-то. Чарли прислушался и сказал вслух, пока узнанное не исчезло вновь во тьме:

— Минг Беспощадный был главный злодей в целой серии древних книжек и кинофильмов. А героя звали Флэш Гордон.

Иммерман слегка удивился, потом улыбнулся:

— Да, они были очень популярны в двадцатом веке Старой Эры. Не думал, что это известно кому-то, кроме нескольких ученых. Я недооценил тебя, внучек.

— Я ведь не только Чарли Ом — бармен, сорк и выпивоха.

— Я знаю.

— Думаю, вы знаете обо мне все. Надеюсь, вы достаточно хорошо меня знаете — достаточно понимаете меня, чтобы поверить — я не могу быть опасен для вас... для иммеров.

Иммерман улыбнулся с искренним удовольствием:

— Значит, ты понимаешь, зачем я вызвал тебя сюда. Это хорошо.

«Мне это ничего хорошего не сулит», — подумал Ом.

Он собирался что-то сказать, но тут одно из лиц на полоске вдруг увеличилось и заняло собой все его сознание. Ом задрожал. Этого лица не могло быть здесь. Он отвернулся, но его голова, словно на шарнирах, сама собой повернулась обратно. Лицо осталось там, где было.

Экран показывал большую площадку недалеко от верха башни, третью от конца. На площадке стояли фигуры из прошлого, «Вымершие типы гомо сапиенс». Лицо, пресекшее рассеянный обзор Ома, врезавшееся в него, как бревно на мелководье врезается в днище лодки (и грозит распороть его), принадлежало персонажу семнадцатого века. Насколько понял Ом, эта группа фигур представляла короля, королеву и

их двор. Судя по костюмам, это мог быть период «Трех мушкетеров». Значит, король — Людовик XIII, а королева — Анна Австрийская. Фигура с лисьей физиономией в красных кардинальских одеждах — не иначе как Ришелье.

Ом сделал усилие, чтобы побороть дрожь. Он воспользовался способом, который успешно применял много раз. Представил себе короля, королеву, придворных и среди прочих — встревожившее его лицо. Потом уменьшил картинку, скатал ее в шарик и выбросил из головы через макушку.

Но способ не сработал. Ом невольно продолжал коситься на это лицо.

Стараясь улыбаться, словно думал о чем-то приятном, он вернулся к своему стулу и сел. Двор короля остался у него за спиной. Ом не мог его видеть, не выворачивая шею вправо, а этого он делать не собирался. Иммерман не должен знать, что Ом видел это лицо.

ГЛАВА 25

— Вот что интересно, даже загадочно, — произнес Чарли недрогнувшим голосом. — Почему этот задерживающий старение организм не выявляется при анализе крови?

В тот момент его это нисколько не интересовало. Но надо же было о чем-то говорить и как-то перейти к теме, при одной мысли о которой у него колотилось сердце.

— Он пребывает в спячке, — сказал Иммерман. — Спит себе, прилепившись к стенке кровеносного сосуда. Потом, после запрограммированного интервала, начинает делиться, и получившиеся в результате миллионы клеток делают свое дело. Затем все они умирают, кроме одной, пока не приходит срок нового размножения. Статистическая вероятность того, что анализ крови сделают именно в период деления, очень мала. Однако наш вирус обнаруживали уже четыре раза. В медицинских картах он упоминается как загадочное, но, видимо, не патогенное явление.

Пришел Мадж с чаем и пирожками. Когда он вернулся к столу, где стояла сумка Ома, Иммерман отпил из своей чашки.

— Очень хорош. Но ты бы, наверное, предпочел что-то покрепче?

— В обычное время да, — спокойно ответил Ом. — Но сейчас я не совсем в себе. Этот шок...

Иммерман взглянул на Ома поверх чашки:

— Не совсем в себе. В ком же тогда?

— Я не страдаю расщеплением личности.

— Надеюсь. Мне докладывали, что ты проявлял признаки психической неустойчивости.

— Это ложь! Кто докладывал? Человек, который хотел убить Сник?

— Не имеет значения. Я не считаю тебя психически неустойчивым. Ты так же нормален, как большинство человечества. Кстати, тебя надлежит похвалить за то, как ты себя вел в деле Кастора. И все же...

Иммерман отпил из чашки.

— Да? — сказал Ом и поднес к губам свою. Он был рад отметить, что рука не дрожит. Иммерман поставил чашку и сказал:

— Та женщина... Сник... О ней позаботились.

Ому оставалось надеяться, что дрожь, пробежавшая по его телу, не была замечена. Эти голубые глаза, казалось, внимательно следят за его реакцией. Он изобразил на лице улыбку:

— Вот как. Уже?

— Сегодня на рассвете. Ее исчезновение рано или поздно вызовет целую бучу. Но сегодняшние органики даже знать не будут, что она пропала. Она действует как независимый агент и ни с кем не обязана согласовывать свои действия. Возможно, ее не хватятся до воскресенья. В своем родном дне она, конечно, обязана доложиться. Но...

— Ее не убили, нет?

Иммерман поднял брови:

— Мне сообщили, что ты был против ее убийства. Я рад, внук, что ты проявил человечность, но благополучие семьи прежде всего. Во всех случаях. Я сам не сторонник убийства, если в нем нет абсолютной необходимости. Пока что такой необходимости не возникало. Я уверен, что Гарчар, если бы убил Сник, понес бы наказание.

— Гарчар?

— Человек, которого ты... Нет, не ты. Это был Дунский.

— Да, конечно. Я знаю. Гарчар. Тот, кого Дунский называл Тощим.

— Если ты это знаешь, то должен помнить, как был Дунским.

— Я помню только самое главное.

Иммерман с улыбкой покачал головой:

— Ты просто феномен. Когда-нибудь... — Он не договорил и выпил еще чаю. Потом метнул взгляд на Ома. — Ты не питаешь личного интереса к Сник, нет?

— Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Отвечай.

— Конечно, нет. Не забывайте, дедушка, сейчас вы говорите с Чарли Омом. Тингл и Дунский — единственные, кто ее видел, насколько я знаю. Что чувствовали к ней эти двое, мне неизвестно. Сомневаюсь, что она могла привлечь их физически, если вы это имеете в виду. Все-таки она была для них опасна.

Ом говорил сейчас не всю правду. Постоянное давление этих последних дней расшатало, хотя и не сломало, стенки, отделяющие одну его личность от другой. Воспоминания Кэрда, Тингла, Дунского и Реппа не были его воспоминаниями — они хранились где-то под спудом и всплывали, лишь когда дело касалось людей и событий, опасных для всех семерых двойников. И все же Ом чувствовал едва уловимый след влечения к Сник, тень влечения — а это могло быть только отзвуком чувства, которое как-то передали ему Тингл и Дунский.

Ом не умел объяснить, откуда он знает, что Гарчар — это тот человек, которого Дунский прозвал Тощим. Или каким образом он узнал бы Сник, если бы увидел ее.

— Плохо, что твой Вайатт Репп провалился, — сказал Иммерман. — У нас есть, правда, новая кандидатура, которую мы готовы ввести в банк данных и проделать все с этим связанное. И будет ли лучше, если вы исчезнете всемером, а потом явитесь вновь как семь новых лиц? Сомнительно. Какой-нибудь органический Шерлок Холмс может произвести массированный поиск в банках данных и сравнить. Тебя найдут, допросят с применением тумана правды, и ты помимо воли расскажешь все. И тогда...

Ом посмотрел Иммерману в глаза:

— Вы хотите убедить меня в том, что логика оставляет вам единственный образ действий? Что мной следует пожертвовать? Каменировать меня и упрятать подальше до лучших времен? Которые неизвестно когда настанут? А может, меня вообще никогда не раскаменят?

— А теперь вдумайся в то, что ты сейчас наговорил. — Иммерман допил чай и налил себе еще.

— Нет, вы этого не сделаете. Если бы собирались, то не трудились бы приводить меня сюда, чтобы дать мне объяснения. Меня просто умыкнули бы, каменировали и схоронили.

— Хорошо! Мои потомки не дураки. Некоторые, во всяком случае.

Чарли Ом не чувствовал себя потомком Иммермана. Глядя на него, Чарли испытывал то же, как если бы смотрел на фотографию прадеда, которого знать не знал. Он знал, что

они одной крови, но он никогда не встречался со своим пращуром и не испытал на себе дедовской любви и заботы, рождающей во внуке ответную любовь и заботу. Он чувствовал почтение к основателю семьи, питал к нему огромное уважение и восхищался им. Но любил ли он Иммермана, ощущал ли себя по-настоящему его внуком? Нет.

— Что же тогда со мной будет?

— Тебе придется отказаться от всех своих ролей. У тебя будет новое имя, и жить ты будешь в одном дне. Не будешь больше дневальный... Что с тобой?

— Так мы... они умрут! — сказал Чарли.

— Боже правый, сынок, возьми же себя в руки! Можно подумать, что тебе сообщили о смерти близкого друга. — Иммерман помолчал, вглядываясь в Чарли, и сказал: — Понимаю. Твой случай еще хуже. — Он закусил губу и перевел взгляд в пространство, точно желая заглянуть в будущее. — Не знал я, что дело зашло так далеко. Быть может...

— Что «быть может»?

— У нас мало времени, — со вздохом сказал Иммерман. — У меня его, можно сказать, и вовсе нет. Я не в состоянии заниматься тобой сам, помочь тебе вжиться в новую личность. Это ведь будет личность, а не просто роль, верно?

— Все будет в порядке, — сказал Чарли. — Просто я испытал тяжелый шок. Возможно, я слишком сросся с каждым своим двойником. Но я не признаю половинчатых мер. Делать — так делать, или не делать вовсе. Я справлюсь. Я ведь хорошо умею приспосабливаться. Сколько известных вам людей способно вот так запросто переходить из одной персоны в другую? А если таких персон семь? Так что с восьмой я уж как-нибудь слажу. Мне даже не терпится стать кем-то новым. Старые мне надоели.

Не перестарался ли он, убеждая Иммермана в своей готовности?

«Я не хочу умирать!» — кричали в нем голоса, так громко и отчаянно, что Ому казалось, будто Иммерман тоже их слышит. Это, конечно, чепуха, но Ом чувствовал, что комната прямо-таки звенит от их криков.

— Сейчас ты пойдешь на работу, — сказал Иммерман. — Одна из наших, представившись твоей приятельницей, предупредила, что ты задерживаешься по уважительной причине. Ее зовут Аманда Траш. Не забудь. Она сказала, что ты упал в душе и ушиб спину, но придешь попозже. Запомнил? Хорошо.

Я хочу, чтобы ты поразмыслил о своем новом образе и как следует вошел в него. Тебе придется стать эмигрантом, и в

банке данных будет проведена соответствующая работа. Мадж зайдет под вечер к тебе на квартиру — будь дома после работы. Ты скажешь ему, кем хотел бы стать. Он тогда подготовит все, что нужно, и оставит сообщение своему воскресному коллеге. Тот свяжется с тобой. Ты пробудешь еще один день, воскресенье, в своей старой роли, если не случится ничего непредвиденного.

Чарли думал, что теперь Иммерман его отпустит Однако дед все сидел, глядя в пространство и кусая губы. Чарли ждал. Сиамский кот неотрывно глядел на него, громко мурлыча под рукой Иммермана. Дед гладил кота левой рукой — наверное, это в него я левша, подумал Чарли. По обеим линиям наследственности.

Минг — такой, казалось бы, разнеженный хозяйской лаской — вдруг встал, потянулся, соскочил с колен Иммермана и вышел из комнаты по каким-то своим таинственным кошачьим делам. Иммерман, проводив его любовным взглядом, сказал:

— Кошки как люди. Во многом они предсказуемы, но, когда ты думаешь, что познал их досконально, делают такое, чего ты никак не ожидал. Мне хочется думать, что так у них проявляется свободная воля. — Он посмотрел на Чарли. — Не думаю, чтобы ты понимал, что поставлено на карту и что мы пытаемся сделать. Возможно, когда я тебе это объясню, ты преодолеешь свое возмущение против легкого насилия, которое мы вынуждены время от времени применять ради достижения наших целей.

Ом поерзал на стуле.

— Мне это уже объясняли мои родители.

— Это было давно. К тому же ты — особый случай. Живя день за днем горизонтально и становясь каждый день новым человеком, ты несколько утратил острое чувство принадлежности к иммерам, свойственное всем нам. Каждый твой двойник старался насколько возможно обрезать связи с остальными шестью Но изоляция была условной, поскольку тебе приходилось переходить от одного к другому, заметать следы, так сказать. Кроме того, тебе время от времени напоминали, что ты не один — вас семеро. Это случалось в тех редких случаях, когда тебе приходилось передавать что-то из одного дня в другой. В последнее же время тебе напоминали об этом слишком часто Тебя взболтали, как в миксере Каждое из твоих «я» под угрозой, все твои образы налезают друг на друга

— Это же временно. Все наладится, и я буду в порядке.

— Не «я», а «мы», ты хочешь сказать? — Иммерман с легкой улыбкой подался вперед, стиснув руками колени. Пальцы левой руки все еще двигались, словно гладя невидимого кота. — Видишь ли, Джефф, то есть Чарли, — ты ведь у нас не единственный дневальный. Имеется по крайней мере дюжина других в больших городах Западного полушария и несколько человек в Китае. Но никто из них не вжился в свои роли целиком, как ты. Никто из них не сделался теми людьми, имена которых они носят. Они просто хорошие актеры. Ты же уникум, ты супердневальный.

— Я не верю в полумеры, — сказал Чарли.

Иммерман улыбнулся и откинулся назад, сплетя пальцы.

— Прекрасно. Настоящий Иммерман. Но тебе следовало бы отнестись с тем же пылом и старанием к другой своей роли.

— Какой? — после долгого молчания спросил Чарли.

Иммерман направил на него обвиняющий палец.

— К роли иммера!

Чарли отдернул голову, точно палец целил ему в глаз.

— Но... я был и остаюсь иммером!

Дед снова сложил руки, выстукивая пальцами левой какой-то ритм по правой.

— Не целиком. Ты проявил некоторые колебания в исполнении приказов. Ты позволил своим личным чувствам, своему отвращению к насилию, в других обстоятельствах достойному даже восхищения, взять верх над чувством высшего долга.

— Кажется, я знаю, о чем идет речь — но все-таки спрошу

— Тебе было приказано после допроса Сник немедленно идти домой. Но ты остался ждать у дома. Очевидно, ты намеревался помешать убийству. Ты пренебрег опасностью, которую представляла для нас живая Сник. Я тоже, кстати, считаю, что ее не следовало тогда убивать. Впрочем, твое вмешательство в итоге спасло ей жизнь.

— Но сегодня ее убили?

— Нет. Просто укрыли в надежном месте. Но, возможно, ее еще придется убить. Иногда мы вынуждены делать то, что нам не нравится. Мы делаем это, Чарли, потому что стремимся к высшему благу.

— Которое состоит?.

— В расширении всеобщих свобод, в истинной демократии. В таком обществе, где мы будем избавлены от неусыпного надзора правительства. Нам и сейчас достаточно плохо живется, а будет гораздо хуже. Правительство долгое время

рассматривает один проект, осуществление которого полностью оправдывает все наши действия.

Он сделал глоток из чашки. Чарли напряженно подался вперед.

— Мы — я и некоторые мои коллеги — боремся против этого недостойного и неприличного плана. Но мы в меньшинстве.

Так и есть, подумал Чарли, — он член всемирного совета.

— Проект состоит в том, что каждому взрослому человеку вживляется микропередатчик, передающий закодированные позывные данного лица. Спутники и наземные станции принимают эти сигналы непрерывно, за исключением того времени, когда человек каменируется. Кое-кому хотелось бы, чтобы передача велась и тогда, но это невозможно. А это означает, что правительство сможет определить местопребывание любого человека с точностью до нескольких дюймов и сумеет немедленно этого человека опознать.

Чарли мысленно готовился к удару, но все-таки был ошеломлен.

— Так ведь тогда и дневальничество станет невозможным — нарушителя сразу же обнаружат!

— Верно. И даже если оставить пока в стороне твои личные проблемы, этот проект лишает человека всякого достоинства. Оголяет людей, превращает их в цифирь, в пронумерованные нули. Мы против этого и против наблюдения, которое ведется за нами сейчас. Пусть уж лучше человечество подвергается опасностям демократии наряду с ее благами. Одно без другого невозможно.

Но это лишь одна из наших целей. Мы верим, мы *знаем*, что на этой планете больше места, чем утверждает правительство. Население можно увеличить без всякого ущерба для нашего нынешнего комфорта и благосостояния. Этот процесс, конечно, должен быть постепенным. Радикал Ван, скажем, желает разом отменить всякий контроль рождаемости, но он не в своем уме. Ты знаешь, о ком я говорю?

Чарли кивнул:

— У него нет никаких шансов быть избранным. И хорошо, что нет.

— Такие, как он, есть во всех днях. И все они, конечно, работают на правительство и действуют по его указке.

— Что? — встрепенулся Чарли.

— Ван и прочие — это провокаторы. Они предлагают свои крайние меры лишь для того, чтобы вызвать гнев народа и выставить себя на посмешище. Из-за них отвергаются и более умеренные, вполне разумные предложения. Люди сва-

ливают радикалов и умеренных в одну кучу. А это все — правительственные игры. Правительство хочет сохранить статус-кво.

— Мне не следовало удивляться, — сказал Чарли.

— Мы намерены сформировать правительство, которое не станет прибегать к подобным закулисным, неэтичным методам. — Иммерман взглянул на полоску-часы. — Мы не собираемся для этого использовать решительные, насильственные меры, пока не настанет время для таких мер. Долгие годы мы вели медленную, кропотливую работу, внедряя в правительство членов нашей семьи. Ты удивился бы, если б узнал, как велика наша семья. Но чем больше она становится, тем больше опасность разоблачения. И чем больше эта опасность, тем жестче приходится нам контролировать своих людей. Это печально, но необходимо.

«То же самое твердит нам правительство с самого начала», — подумал Чарли.

Иммерман встал, Чарли тоже.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Что мы будем не лучше нашего нынешнего правительства, а то и хуже. Не верь этому. Мы долго разрабатывали систему наилучшего правления, возможного на нашей планете. Когда-нибудь мы откроем ее всем. А пока запомни вот что. Томас Джефферсон сказал, что лучшее правительство — то, которое правит меньше всего. Это в его честь тебя назвали. Ты не знал?

Чарли потряс головой.

— А теперь мне пора, — сказал Иммерман.

— Еще одно, — сказал Чарли. — Я верю, что есть один-единственный случай, когда убийство можно оправдать. Самозащита.

— Да, но что такое самозащита? Ведь у нее много разновидностей.

— Меня это не смущает. Мои этические принципы живут во мне, и слова тут ни при чем. Я знаю, что правильно, а что нет.

— Превосходно. Который из вас это говорит?

И дед, к удивлению Ома, шагнул к нему и обнял его. Отвечая на объятие, Ом взглянул через его плечо на сцену из семнадцатого века. Да. Теперь он больше не сомневался и ненавидел Иммермана за то, что тот сделал.

Идя к выходу, Чарли забрал свою сумку. Она стала значительно легче, но он промолчал. Иммерман не поймет, зачем его внуку оружие, раз теперь для этого нет никаких резонных причин.

Дорога обратно была почти точным повторением дороги туда — только теперь Чарли отправился не домой, а в «Изобар». При входе его охватил обычный гвалт, запахи пива и спиртного. Он помахал нескольким клиентам в различных стадиях опьянения и прошел в кабинет менеджера. После небольшой нахлобучки (сочувствия по поводу ушибленной спины ему не выразили) Ом повязал передник и занял свое место за полукруглой дубовой стойкой, где стояли статуэтки трех святых-покровителей: Фернана Петио, создателя «Кровавой Мэри», У. К. Филдса* и сэра Джона Фальстафа. Местные сорки составляли лишь половину клиентуры. Остальные были представители благотворительности или агенты-органики. Последние надеялись поймать кого-нибудь на нелегальной сделке с самогоном.

Ом был не стопроцентный сорк, поскольку жил не на одно лишь минимальное пособие, выдаваемое правительством. Работал он, однако, не только для того, чтобы повысить уровень жизни. Он много чего слышал и за стойкой, и около бара в конце дня. Порой попадалась информация, могущая пригодиться совету иммеров.

Этот день был не похож на другие. Чарли пил очень мало и был так задумчив, что постоянные клиенты подшучивали над ним. Он говорил им, что влюбился, сам не зная, врет он или говорит правду. То, что он видел на экране в комнате Иммермана, голоса, вопящие внутри, попытки сосредоточиться на своей будущей личности — все это сотрясало его, как волны подпорную стену. Он обрадовался, когда пришло время уходить, наскоро простился со сменщиком и вернулся домой. Там он съел легкий ужин и принялся шагать взад-вперед, точно стремясь протереть ковер и найти под ним ответы на свои вопросы. В 7.35 пришел Мадж.

Он явился с мрачной миной и дурными вестями. Иммерман изменил свои намерения относительно Ома, сказал он. Лучше будет, самовластно решил основатель, если Ома каменируют и отправят в Лос-Анджелес в ящике для товаров. В Калифорнию на будущей неделе должны прибыть десять тысяч эмигрантов из Австралии и Папуа. В их списке будет и Ом. Сейчас они вдвоем обговорят новую легенду Ома, а в Лос-Анджелесе Ом займется разработкой деталей.

Чарли сел, глубоко вздохнул и сказал:

— Протестовать, полагаю, смысла нет?

— Никакого. Гетман Иммерман сказал, что тебя надо убрать подальше от Манхэттена.

---

* Американский киноактер, комик на амплуа мошенников.

— И когда же?

— Завтра в ночь. Воскресный агент обо всем позаботится.

«А где гарантия, что меня раскаменят? — подумал Ом. — Логичнее просто исключить меня из числа живущих, упрятать туда, где никто не найдет».

Мадж достал из сумки мини-кассету и протянул ее Ому:

— Вот тут наметки твоей новой персоны, основные факты и общий фон.

— Уже?

— В совете на этом собаку съели. У них там, наверно, большой запас. Внесут пару поправок, и готово. Выучи все это сегодня, а потом сотри. Тебе дадут другую пленку, когда придет время.

«А придет ли оно, — подумал Ом. — Или я просто чересчур подозрителен?»

Ему надо было выпить, но он себе не позволял.

У самой двери Мадж оглянулся и сказал, вместо прощания и пожелания удачи:

— Ну и хлопот с тобой было. Надеюсь, хоть в Анджелесе будешь вести себя как надо.

— Я тоже тебя люблю, — со смехом ответил Ом.

Мадж еще сильнее нахмурился и закрыл за собой дверь. Ом включил полоску-монитор, желая удостовериться, что Мадж не болтается на площадке или около дома. Потом улегся в постель, прикрепил к вискам электроды, включил волновой усыпитель и погрузился в искусственный сон без сновидений. В 9.30 вечера его подняла полоска-будильник.

— Я должен это сделать, — пробормотал он. — Может, и не следовало бы, но я должен.

ГЛАВА 26

Громкие голоса перешли теперь на шепот — возможно, потому, что «другие» обрели надежду, что не умрут. Усмирение этой части внутренней сумятицы позволило Ому сосредоточиться. Сидя за столом с чашкой кофе перед собой, он отдавал команды полоске. На экране сменяли друг друга планы Башни Эволюции, ее подземных этажей и прилегающих к ней участков. В 10.15 Ом приказал стереть все свидетельства того, что он смотрел эти планы. Он не знал, будет эта команда выполнена или нет Возможно, Строительно-эксплуатационный Департамент заложил в файл команду ничего не стирать. Хотя зачем Департамент стал бы это делать? Но даже если такая команда есть, шансы на то, что кто-то

обнаружит запрос Ома и потребует сведения об авторе запроса, были невелики.

Ом вышел из квартиры в 10.17 и двинулся по улице, стараясь по возможности держаться под деревьями. Было ясно и все еще жарко, но не так, как днем. Движения на улицах почти не было, хотя на тротуарах толпился народ. Люди расходились по домам из эмпаториев, кегельбанов и таверн. Минут через пятнадцать почти никого не останется. Это сделает Ома заметнее, но тут уж ничего не поделаешь. Боязнь последствий и отчаянная решимость плохо совмещаются.

Ом свернул на Западную Четырнадцатую улицу и дошел до северо-западного угла Башни Эволюции. Здесь, как и каждую ночь, на тротуаре светился овальный люк. Ом заглянул в него и увидел двух мужчин в синих кильтах и рубашках — униформе субботнего Корпуса Перевозки и Доставки. Ом нажал кнопку ВВЕРХ, вызывая цилиндрический подъемник. Когда платформа пришла в движение, рабочие подняли глаза. Ом кивнул им, встал на поднявшуюся до тротуара платформу и нажал кнопку ВНИЗ. Опустившись на двадцать футов, подъемник остановился. Ом сошел и сказал:

— Как дела?

Двое переглянулись, и один ответил:

— Отлично. А что?

Ом тронул пальцем свой диск, будто предъявляя полномочия.

— Надо проверить один груз. Ничего нелегального, просто ошибка.

Это было первое препятствие, самое серьезное из тех, что его ожидали. Если рабочие потребуют, чтобы он показал удостоверение, придется выдумывать какую-то историю. Рабочим, однако, было все равно, и авторитетный вид Ома их убедил.

Он углубился в туннель, и вскоре они потеряли его из виду. Под решетчатым помостом, по которому он шел, в ярко освещенном пространстве двигались конвейеры и подъемники с каменированными и некаменированными товарами. Это была часть огромной подземной системы, доставлявшей товары и продукты по компьютерным маршрутам из грузовых портов Здания Тринадцати Принципов. Отдельные конвейеры и подъемники работали почти бесшумно, но вместе они создавали негромкий рокот, похожий на шум отдаленного речного порога.

Ом съехал на лифте, предназначенном для персонала, на три этажа вниз Там он прошел по узкой галерее до подъем-

ной станции, выбрал лифт номер три и быстро поднялся прямо к экспозиции № 147 — «Вымершие типы гомо сапиенс». Пройдя по короткому, но широкому и высокому коридору, он остановился у двери. Следующий острый момент наступит, когда он войдет в эту дверь. В Башне было полно полосок-мониторов, и все они работали в часы посещений. Есть ли вероятность, что они и сейчас включены? Вандализм и кражи были такой редкостью, особенно в общественных зданиях, что, по мнению Ома, в мониторах и в наблюдающем за ними персонале необходимости не существовало. Однако в квартире Иммермана может кто-то сидеть и смотреть на полоски, показывающие экспонаты. Например, Мадж.

Ом сделал глубокий вдох и толкнул дверь. Войдя, он оказался позади сцены, изображающей французский двор. Во всей огромной башне царила тишина, посетители давно разошлись, винтовой эскалатор остановился, информационные табло погасли, звери-роботы затихли. Рабочие, которые, как опасался Ом, могли заниматься ремонтом или перестановкой, отсутствовали. А если они и работали где-то, он их не слышал. Поблизости определенно не было ни души.

Ом прошел мимо восседающих на троне под балдахином фигур короля и королевы и углубился в толпу придворных — кавалеров в пышных нарядах и напудренных париках и дам в шелку, бархате, фижмах, с высоко взбитыми прическами. Выглядели они очень реалистично. У молодой женщины в улыбке недоставало четырех зубов, остальные все почернели. У одного из мужчин лицо было изрыто оспой. Веер, которым прикрывалась другая дама, позволял все же рассмотреть ее провалившийся от сифилиса нос. Для полного реализма, однако, недоставало запаха немытых тел, заглушаемого духами, насекомых, обитающих в париках, и следов мочи на туфлях после отправления нужд в закоулках дворца.

Ом заметил еще одну деталь, которая в другое время вызвала бы у него смех. Несмотря на все исторические изыскания, дизайнер упустил из виду, что жители семнадцатого века были гораздо ниже ростом, чем люди Новой Эры. Каждая из этих фигур была бы на несколько голов выше всего двора настоящего Людовика XIII.

В самой гуще придворных Ом остановился. Безгласная и недвижная женщина в алом с желтым платье и золотистом парике смотрела на него большими карими глазами. Лицо ее было густо напудрено и нарумянено.

— Господи помилуй! — сказал Ом.

Он приподнял парик и увидел, как и ожидал, короткие, прямые, блестящие каштановые волосы, похожие на мех котика.

— Ах вы, ублюдки! Старый ублюдок! Какая наглость!

Он обхватил фигуру сзади и потащил ее к лифту. Ее туфли на высоких каблуках зашуршали по полу, потом свалились. Ом, придерживая женщину одной рукой, нагнулся их поднять. Нельзя оставлять улик, могущих выдать пропажу одной из фигур экспозиции. Возможно, ее отсутствия долго не заметят — а Ому требовалось не так уж много времени.

— Ом!

Голос прозвучал где-то вблизи, и это был голос Маджа. Чарли уронил и туфли, и окаменелую Сник, которая с грохотом рухнула на пол. Он дико повел вокруг глазами и увидел двух мужчин, но в растерянности и ошеломлении не сразу узнал их. Прошла пара секунд, прежде чем он совместил их с реальностью. Ему казалось, что он грезит — потом он понял, что двое внезапно оживших кавалеров на самом деле Мадж и еще один иммер.

Они переоделись в костюмы, снятые с манекенов, и поджидали его. Должно быть, они засекли его еще тогда, когда он спустился в подземелье. А когда он вошел сюда, они застыли в неподвижных позах.

— Предатель! Дурья твоя башка! — сказал Мадж, медленно подходя к Ому. — На кой тебе сдалась эта женщина? Она органик и опасна для нас! Что с тобой стряслось?

Ом сбросил сумку на пол и пригнулся, словно собрался бежать. Пусть так и подумают.

Второй человек, высокий и худощавый, обходил Ома сзади. Он вынул шпагу из ножен у себя на поясе, и ясно было, что он окажется у двери раньше Ома.

— Я сказал гетману... шефу, что ты на это точно попадешься. — Мадж остановился, отклеил длинные усы, снял шляпу с перьями и парик. Правую руку он положил на эфес шпаги.

— Попадусь?

В Чарли слабо зазвучал голос Вайатта Реппа, говоривший, что эта сцена прямо-таки украдена из какого-то его эмпато-боевика.

— Ты герой, — сказал голос и затих.

— Ну да. Ты увидел Сник совсем не случайно. Она была отмечена действующей на подсознание вспышкой. Ты просто не мог ее не увидеть. Гетман Имм... шеф... поставил ее здесь, чтобы тебя испытать. Он хотел проверить, вправду ли ты морально неустойчив, способен ли ты стать предателем. Теперь-то мы знаем — способен!

— Я только хотел проверить, убили вы ее или нет, — сказал Ом, подбираясь к пышно одетому кавалеру справа от себя.

— А какое тебе до этого дело? Тебя переводили в другой город, и семье больше ничто не угрожало. — Он со свистом вытащил шпагу из ножен. — Пойдем с нами по-хорошему, Ом. Здесь больше никого нет — не станешь же ты с нами драться. А если станешь, то мне позволено убить тебя на месте.

— Она мертва?

— Этого ты никогда не узнаешь, — с улыбкой сказал Маджс.

— Черта с два! — Чарли сделал прыжок и левой рукой выхватил шпагу, висевшую на боку у манекена. — En garde*, сукин ты сын!

Улыбка Маджа стала еще шире.

— Глупый ты сорк, нас ведь двое против тебя одного. Может, ты и неплохо фехтуешь — Бела говорит, что неплохо, — но ты пьяница, и даже чемпион мира не устоит против двух хороших бойцов. Я дерусь прилично, а Бела — олимпийский серебряный медалист. Положи оружие, Ом, и прими свое лекарство как мужчина.

Похоже было, что Маджа только радует перспектива смертельного боя. Другой как будто тоже был не прочь сразиться. Вот тебе и семь поколений борьбы со всяческими проявлениями насилия.

Беле понадобится секунд пять, если не больше, чтобы добежать до Ома. А тогда жертвы может и не оказаться на месте. С громким воплем — ведь кричал не он один, особенно старались Джим Дунский и Джефф Кэрд — Ом толкнул фигуру, у которой позаимствовал шпагу. Манекен упал на Маджа, заставив того отступить. Ом перескочил через фигуру и напал на Маджа. Приняв нужную позицию, он нацелился противнику в лицо. Правила фехтования это запрещали, но Чарли надеялся, что не привыкший к таким приемам Маджс растеряется. Однако тот отразил удар и попытался проткнуть руку Ома со шпагой. Ом отпарировал и отскочил назад, за пределы экспозиции. Маджс наступал. Правой рукой Ом толкнул на него другую фигуру — Биржевого Маклера.

Потом перескочил через ограждение, оказавшись слева от эскалатора. Бела Ван Хорват и Янош Ананда Маджс на секунду сошлись. Хорват сказал что-то своему партнеру, тот кивнул и побежал к углу площадки. Хорват устремился в противоположный угол. Они намеревались напасть на Ома спереди и сзади.

---

* Защищайся *(фр.)*.

Ом снова перепрыгнул через барьер и побежал к Маджу мимо фигур Почтальона, Лысого и Дипломата. Мадж повернулся к нему и встал в оборонительную позицию.

Он ухмылялся. Ом ухмыльнулся ему в ответ. С того момента, как он испустил свой боевой клич, Чарли позабыл все свои сомнения и страхи. Он будто обрел силу семерых — галлюцинация, конечно, но адреналин так и бурлил в нем. И ему хотелось убить — не кого-нибудь, а именно Маджа.

Их клинки с лязгом сошлись и начали звенеть друг о друга. Шпага была тяжелее и жестче спортивной рапиры, но Ому она казалась легкой, как перышко. Им управляла холодная ярость семи человек и их объединенное стремление выжить. Мадж был отличным фехтовальщиком, но кое в чем уступал Ому — ему, в частности, трудно было сражаться с противником-левшой. Линии атаки сместились, и он не знал, куда направлять удары. Ом находился в том же положении, но ему это было привычнее.

После короткой стычки Ом отскочил назад, перебросил шпагу в правую руку, чтобы сбить с толку Маджа, атаковал, был отбит, получил укол в плечо и вернул оружие в левую руку. Теперь атаковал Мадж. Ом отвел острие его шпаги легким поворотом эфеса и направил собственную шпагу так, что устремленный вперед Мадж наткнулся на нее правым предплечьем. Клинок прошел под лучевой костью и вышел наружу.

Ом отступил на шаг, выдернув шпагу из раны. Мадж разжал руку и выронил шпагу. Ом шагнул вперед. Мадж попятился, наткнувшись на фигуру Сенатора. Она опрокинулась, и Мадж упал на нее. Он попытался встать, но Ом подоспел и пронзил ему другую руку.

Ом обернулся, услышав сзади топот сапог, и взмахнул шпагой сверху вниз, готовясь отразить атаку Хорвата. Он сделал это так быстро, что шпага сработала как кнут. Капелька крови брызнула с ее острия в правый глаз Хорвата, на долю секунды нарушив его ориентацию. Этого мгновения хватило Ому, который замечал каждую мелочь, точно в замедленном фильме. Годы тренировок научили его использовать каждую слабость и каждое колебание противника. Его шпага отбила клинок Хорвата как раз на такое расстояние, чтобы пронзить Хорвату бедро.

Хорват отскочил, и шпага Ома освободилась, а из раны хлынула кровь. Ом атаковал, но не сразу сумел пробиться сквозь вихрь отчаянной, но искусной защиты Хорвата. Он хладнокровно продолжал наступать, зная, что Хорват слабеет с каждым выбросом крови. Хорват — это было неизбежно — в свою очередь налетел на фигуру. Солдат повалился, увле-

кая Хорвата за собой. Падая, Солдат повалил Бурильщика, тот — Страхового Агента, тот — Мафиози, тот — Издателя, тот — Ростовщика, тот — Марксиста. Последним в этой серии костяшек домино стал Капиталист.

Рана в бедре и ушибленный при падении локоть как будто вывели Хорвата из строя, Ом считал, что и Мадж уже не боец, но топот и стенания сзади сказали ему, что он ошибался. Ом зарычал и обернулся как раз вовремя, чтобы отразить нападение. Атака, однако, была слабой — особенно Маджу мешало то, что он дрался левой рукой. Он был храбр, Ом должен был отдать ему справедливость, но при этом глуп. У него не было никаких шансов. Шпага Ома прошла сквозь его левое плечо, выступив наружу дюйма на три.

Мадж скорчился, а Ом резко обернулся назад. Но Хорват даже не пытался напасть. Он полз, испуская стоны и оставляя за собой кровавый след, к лифту. Потом ослаб и упал на пол лицом вниз. Его руки и ноги шевелились в тщетном стремлении встать и уйти.

Ом отвернулся и подошел к Маджу, тяжело дыша, но чувствуя торжество. Мадж сидел на полу и смотрел на него, зажимая плечи руками.

— Повезло тебе, ублюдок!

— Не ной, — усмехнулся Ом. — Вот что: мне нужна звезда, отпирающая дверь в квартиру Иммермана.

— У меня ее нет!

— А как же ты собирался туда попасть? Давай ее сюда, не то я убью тебя и обыщу твой труп.

— Тебе это так не пройдет. Мы настигнем тебя везде, сам знаешь.

— А что мне, по-твоему, делать? Покорно идти на казнь? Давай сюда звезду! Быстро!

Мадж отпустил плечо, из которого хлестала кровь, полез в карман своего великолепного камзола и достал диск-звезду на длинной цепи.

— Для тебя же лучше, если это та самая, — сказал Ом, взяв ее.

Надо было действовать быстро, но он не имел этой возможности, поскольку эти двое не могли нести Сник. Он отказался от мысли одновременно тащить ее и конвоировать их. Хотя и тяжелораненые — Хорват уже начал сереть, — они все же могли быть опасны. Придется оставить Сник здесь и заняться сначала мужчинами.

Ему пришлось втащить почти потерявшего сознание Хорвата в лифт и препроводить туда же Маджа. Уложив обоих на пол, Ом доехал до нужного этажа. Отперев звездой дверь, он оказался в другом конце квартиры, противоположном тому,

где он был утром. К счастью, каменаторская находилась поблизости. Там было только два цилиндра, и Ом затолкал Хорвата, который уже еле дышал, в один из них. Потом включил энергию на щитке за панелью, неохотно указанной ему Маджем. И поместил Маджа во второй цилиндр. У того еще сохранилось достаточно крови и присутствия духа, чтобы плюнуть Ому в лицо перед закрытием дверцы. Через несколько секунд Ом выволок застывшее тяжелое тело Маджа наружу. Он вернулся к лифту и три минуты спустя доставил в квартиру Сник. Поставив ее в цилиндр, он включил режим раскаменения. Потом вытащил ее наружу, уложил на пол и пощупал ей пульс. Пульс бился, хотя и слабо.

Ом раздел ее и осмотрел в поисках ран. Их не было, но это еще ничего не означало — Сник все равно могла быть при смерти. Ей могли впрыснуть медленный яд, чтобы она, на случай, если ее найдут, умерла вскоре после раскаменения, ей могли ввести повышенную дозу анестетика. Что бы с ней ни сделали, ее следовало немедленно отправить в больницу. А Ом не мог доставить ее туда, не подвергая себя опасности, и звонить тоже не хотел. Ему требовалось много времени, чтобы убраться из Башни.

Он вернул Сник в цилиндр и каменировал. Потом нашел в квартире компактор и затолкал туда ее одежду. Потом дотащил Сник до лифта и спустился с ней на этаж, где были выставлены древние обитатели моря. Один из них, гигантский хищный кит, висел, застыв в прыжке над водой. Его огромная, широко раскрытая зубастая пасть находилась в нескольких футах под ограждением у эскалатора.

Отдуваясь, Ом подтащил Сник к перилам и уравновесил на них ее застывшее тело, головой к спокойному в эти часы морю.

— Будешь моим Ионой, Сник.

Он разразился истерическим смехом, вызвав эхо в гулких стенах Башни. Овладев собой, он выдохнул:

— Я делаю это, потому что ты — человек, а я не убийца. К черту высшее благо!

Он наклонил ее и сбросил вниз. Она скользнула за перила и провалилась в чрево кита.

— Когда-нибудь тебя найдут, — с рыданием сказал он. — К тому времени... к тому времени...

Неизвестно, что к тому времени будет с ним, но он никогда не пожалеет о том, что спас ее. И заплатит за это, сколько бы с него ни потребовали.

ГЛАВА 27

Томас Ту Зурван, «отец Том», священник не с правительственного разрешения, но с Божьего соизволения, пробудился ото сна. И даже не выругался при этом, как поступило бы большинство мужчин на его месте. Его, в рот не бравшего спиртного, терзали адовы муки похмелья. (Как иначе описать эти муки, если не «адовы»?) Субботний грешник ушел от расплаты, передав свою головную боль воскресному святому. Отец Том не роптал. Он даже ликовал, испытывая боль. Его плечи достаточно сильны, чтобы вынести дурную карму других людей, и его голова тоже.

Однако, проходя мимо цилиндра, из которого глядел субботний житель, отец Том не благословил его, как прочих пятерых.

Отец Том не ведал, что Ома тоже не минует расплата за содеянное. Ом всегда просыпался, страдая от похмелья, поскольку думал, что должен страдать. К тому времени когда до него доходило, что его муки принял на себя другой, он уже успевал опохмелиться. Так что в этом строго экономичном, учитывающем все мире существовало одно неучтенное похмелье.

Посетив ванную, Зурван легко позавтракал. Затем, обнаженный, преклонил колена у себя в спальне и помолился за все живое в космосе. Встав, он быстро проделал все, что следовало: сменил постельное белье, собрал разбросанные вещи субботнего неряхи (благослови его Бог), постирал и прибрался. Потом достал из персонального шкафа все, что требовалось ему для битвы со злом, и разложил по порядку. То, что в набор входил парик с длинной накладной бородой, его не смущало. В это время дня он принимал все как должное, не задаваясь вопросами. Он уже позабыл, что недавно спустил манекен, столь похожий на него самого. К моменту пробуждения он становился Зурваном и никем больше. За исключением тех редких случаев, когда должен был

передать что-то совету иммеров. Но период сознания того, что он не только отец Том, проходил у него быстро. Вечером — вечером другое дело. Тогда голоса, видения и мысли, неведомые ему при свете дня, сгущались вокруг, словно тени.

Он оделся, зашел в ванную наложить грим и через десять минут направился к выходу с изогнутым вверху дубовым посохом в правой руке. Он редко вспоминал, что родился левшой, но в облике Зурвана был сделан праворуким.

Буйные локоны его золотистого парика ниспадали до пояса. Кончик носа был синий, губы — зеленые. Бороду, тоже до пояса, украшали вырезанные фигурки в форме бабочек. Белую долгополую ризу покрывал узор из больших красных кругов с синими шестиконечными звездами внутри. На опознавательном диске была изображена плоская восьмерка, лежащая на боку и чуть приоткрытая с одного конца.

На лбу стояла большая оранжевая буква «S».

Ноги, как у всякого пророка или апостола, были босы.

Он не носил на плече сумки, из-за чего все манхэттенцы пялили на него глаза.

Дверь открылась, впустив свет, невидимый почти никому, кроме отца Тома.

— Доброе Божье утро! — прокричал он пятерым взрослым на площадке. — Будьте благословенны, братья и сестры! Пусть дано вам будет преодолеть самих себя! Призываю вас относиться с уважением к своим смертным телам и бессмертным душам и каждый день восходить еще на шаг к истинной человечности и к божественному в себе!

Держа посох тремя пальцами, он сложил овал из большого и указательного и трижды продел в него средний палец левой руки. Овал обозначал вечность и бессмертие, то есть Бога. Палец, трижды проходивший сквозь него, изображал духовное слияние человечества с Предвечным. Три пальца в знаке представляли Бога, тело человека и душу человека. Они символизировали также Бога, все живые существа и Мать-Природу, супругу Бога. Наконец, они обозначали любовь, сопереживание и познание самого себя и Вселенной.

Несколько присутствующих сказали:

— Будь и ты благословен, отец Том! — Остальные расплылись в ухмылках или повторили знак благословения, вложив в него совсем другой смысл.

Зурван прошел мимо них, невольно сморщив нос от запаха табака, спиртного и немытых тел. «Пусть им откроется, Боже, что они творят сами с собой. Дай этим детям свет, чтобы они могли следовать за ним, если захотят!»

— Выдай им, отец! — заорал кто-то из мужчин. — Пошли на них огонь и серу! — И заржал.

— Я не проповедую адский огонь, сын мой, — обернулся к нему отец Том. — Я проповедую любовь, мир и гармонию.

Тот упал на колени и простер руки, изображая покаяние.

— Прости меня, отец! Я не ведаю, что творю!

— Нет пророка в своем доме, — сказал Зурван. — У меня нет власти прощать тебе. Прости ты себя, тогда и Бог тебя простит.

Он вышел в переулок Шинбон под безоблачное небо и все сильнее греющее солнце. Дневной свет был не так ярок, как тот, что шел отовсюду — от далеких звезд, невидимых даже радиоастрономам, от деревьев и травы, от камней в саду и от центра Земли. Ярче же всех был тот свет, что исходил из отца Тома Зурвана.

В последующие часы отец Том проповедовал на углах улиц всем желающим или кричал у многоэтажных домов и особняков, что владеет Словом и жильцам не худо бы выйти и послушать его. В час дня он постучал в окно ресторана, и к нему вышел официант. Зурван заказал легкий ленч и передал официанту свой диск. Вскоре тот вернулся с диском, на котором отметил расход, с тарелкой и стаканом воды.

Органики бдительно следили за священником, готовясь арестовать его, если он войдет в ресторан босиком. Отец Том обычно подходил к ним с широкой ухмылкой и предлагал разделить с ним трапезу. Органики всегда отказывались. Согласись они, их могли бы обвинить в том, что они берут взятки. Священника тоже можно было привлечь за взятку, но органики имели приказ просто наблюдать за ним и вести запись. Единственным огорчительным происшествием до сих пор было обращение одного следившего за Зурваном органика, случившееся в прошлом субгоду. Произошло это совершенно неожиданно, без малейшего нажима со стороны отца Тома, и ничего противозаконного в этом не было. Обращенного, однако, уволили из рядов за религиозные верования и приверженность суевериям.

В три часа отец Том влез на ящик на Вашингтон-сквер. Вокруг собралось около двухсот членов Космической Церкви Покаяния, около сотни любопытных и сотня таких, кому все равно было нечего делать. В парке стояли на ящиках и другие ораторы, но те таких толп не собирали.

Отец Том начал проповедь. Его голос звучал глубоко и мощно. Ритм и фразеология его речи соответствовали содержанию и нравились большинству слушателей, даже тем, кто отвергал Слово. Отец Том учился у великих черных

проповедников прошлого, также вдохновленных Словом, и умел донести его до паствы.

— Будьте благословенны, граждане воскресного дня. Пришли ли вы сюда, чтобы услышать голос Божий — не Глас, а лишь один из голосов, — или цель ваша была иной, будьте благословенны. Да возрастут ваши достоинства и да умалятся ваши недостатки. Благословляю вас, дети мои, сыны и дочери Божьи!

— Аминь, отец!

— Правда твоя, отец!

— Благослови Бог тебя и нас, отец!

— Гончие псы небес лают у твоих ног, отец!

— Да, братья и сестры! — возгласил Зурван. — Гончие небес лают! Лают, говорю я вам!

— Да, отец, они лают!

— Они посланы великим ловцом, чтобы привести вас к нему, дети мои!

— Приведи нас к нему! О, приведи! Истинно говоришь ты, отец!

С широко раскрытыми пылающими глазами, высоко вздев пастырский посох, отец Том прогремел:

— Они лают, говорю я!

— Да, отец! Мы слышим их!

— Но!

Отец Том сделал паузу и гневно воззрился на толпу:

— Но... может ли гончая небес лаять не на то дерево?

— Какое дерево, отец?

— Не на то дерево, спрашиваю я вас? Может ли гончая лаять не на то дерево?

— Не может! — закричала какая-то женщина. — Не может!

— Ты верно сказала, сестра! Не может! Бог никогда не ошибается, и его гончие никогда не теряют дичь! Его гончие... и наши гончие... это мы.

— Это мы, отец!

— Когда гончая небес загоняет дичь — кто это создание там, на дереве?

— Это мы, отец!

— И они тоже! — вскричал отец Том, указывая посохом на неверующих. — Все люди!

— Все люди, отец!

Он импровизировал, но говорил так, будто долго репетировал свою речь, а прихожане отвечали ему так, будто точно знали, какие реплики и когда подавать. Он вознес хвалу правительству за то, что оно подарило народу столько благ, и перечислил напасти, одолевавшие мир в прошлом и

причинявшие столько страданий. Этих зол больше нет, сказал он. Это поистине самое лучшее правительство, которое когда-либо существовало.

— Итак, дети... дети, говорю я, которые когда-нибудь станут взрослыми в Боге...

— Большие детки — большие бедки! — крикнул мужчина с края толпы.

— Благословен будь, брат, и да будет благословен твой длинный язык и твое ожесточенное сердце! Святой Франциск Ассизский, истинный святой, обращался к каждому ослику, которого встречал на дороге, «брат мой осел». Можно и мне назвать тебя братом Ослом, братом святого Франциска? — Зурван промолчал, улыбаясь, пока в толпе не затих смех, и тогда крикнул: — Но все же правительство несовершенно, дети мои! Оно могло бы изменить многое на благо своим гражданам. Но изменилось ли что-нибудь на протяжении целых пяти поколений? Не перестало ли правительство искать перемен к лучшему и не заявляет ли оно, что в таких переменах нет нужды? Не заявляет ли? Я спрашиваю вас, не заявляет ли оно так?

— Да, отец! Заявляет!

— Это так! Так! Так! Так, дети мои! Гончая небес не станет лаять не на то дерево! Но гончая правительства, дети мои, лает не на то дерево! О, как лает! Днем и ночью, со всех сторон! Мы слышим, что все идет как нельзя лучше! Прошла тысяча лет, и все хорошо в этом мире! Правительство против всех разговоров о переменах к лучшему! «Мы совершенны», — говорит правительство. Но совершенно ли оно? Совершенно ли, подобно Богу?

— Нет, нет, отец!

Тогда Зурван сошел с ящика. Продолжая говорить, окруженный стонущей, плачущей, вопящей паствой, он перешел на место в ста шестидесяти футах от прежнего. Другие ораторы тоже меняли места. Зурван занял только что освободившийся ящик. Закон был соблюден — митинг переместился в установленный законом срок на установленное законом расстояние.

— Правительство разрешает отправлять религиозные обряды! Однако... верующим не разрешается занимать государственные должности! Правду ли я говорю?

— Правду, отец!

— Кто сказал, что лишь те, кто верит в факт, в реальность, в истину... в И-С-Т-И-Н-У, могут занимать государственные посты?

— Правительство так говорит, отец!

— А кто определяет, что такое факт, реальность и истина?

— Правительство, отец!

— Кто говорит, что религия есть суеверие?

— Правительство, отец!

— Кто говорит, что нет нужды в переменах, в улучшениях?

— Правительство, отец!

— Отрицаем ли мы это? Знаем ли мы, что существует острая, крайняя нужда в улучшениях?

— Да, отец!

— Разве не говорит правительство, что заключило договор, социальный договор, с народом?

— Говорит, отец!

— Так скажите мне, дети, какой прок в договоре, если его может нарушать только одна сторона?

— Никакого, отец!

Дальше в этот день Зурван заходить не осмелился. Он пока еще не был готов к мученичеству, поэтому переключился на стадию «охлаждения». Он спросил, нет ли вопросов у граждан, не принадлежащих к его церкви. Вопросы были всегда одни и те же: почему у него нос синий, что значит буква S у него на лбу и что символизируют мотыльки у него в бороде.

Зурван объяснил, что его и всех его последователей обзывают «синеносыми» за их высокие моральные требования — вот он и ходит с синим носом, показывая этим, что гордится своей верой и безразличен к насмешкам. Проповедуя, он показывает свой синий нос всем, кто на него смотрит.

Что до мотыльков, они символизируют последнюю стадию обретения веры. Как безобразные гусеницы заматываются в коконы, а потом вылетают на волю прелестными бабочками, так вылетели на волю души его самого и его последователей.

— А большая S у меня на лбу, — гремел он, — не означает ни «священнослужитель», ни «святой»! Не означает она и «слабоумный», что бы ни говорили наши враги! Она означает Символ! Не просто какой-то символ, а Символ с большой буквы! Она включает в себя все символы — символы добра. Когда-нибудь, надеемся мы — не правда ли, дети? — эту S будут узнавать повсюду и почитать ее и поклоняться ей гораздо истовее, чем поклонялись кресту, пятиконечной звезде и полумесяцу, о которых я говорил ранее. Это ли вера и надежда наша, дети мои?

— Аминь, отец!

Тогда Зурван исподволь начал вести подготовку к публичной исповеди. С каждой минутой он вкладывал все больше

накала в свою речь и свои жесты. До пяти часов, когда всем лекторам и проповедникам полагалось прекратить свою деятельность, он выслушал подробные исповеди двадцати человек, один из которых обратился в веру тут же на месте. То, что эта часть программы привлекла из парка больше народу, чем его проповедь, не омрачало его радости. Он знал, что посторонние любят слушать исповеди из-за обилия разной клубнички, патологии и грязи. Не беда. Порой тех, кто приходит пощекотать нервы, тоже озаряет божественный свет, и они обращаются в истинную веру и исповедуются сами.

Органики брали все на заметку и могли потом использовать исповеди против кающихся, если бы сочли это нужным. Но за веру всегда платят мученичеством.

В пять Зурван вернулся домой, усталый, но преисполненный ликования. Он крепко держался в седле Божьего света. После низкокалорийного ужина он помолился и выслушал в тиши своей квартиры тех, кто не успел закончить свою исповедь. В девять он провел короткую службу для тех, кто собрался у него дома. Закон воспрещал собираться в холле и смотреть церемонию на полосках. Но органиков в этот час, как правило, поблизости не было, а жильцы дома не возражали. Некоторые из них тоже с удовольствием смотрели, хотя и не сопричислялись к свету...

Все вышеописанное происходило в пятый день первой воскресной недели — в прошлое воскресенье.

В шестой день первой недели отец Том Зурван не появился на Вашингтон-сквер. Его прихожане, напрасно прождав его пятнадцать минут и не сумев связаться с ним через полоску, отправились в переулок Шинбон. Квартальный с полным правом отказался открыть дверь квартиры Зурвана своим кодовым ключом до уведомления органиков. После долгой проволочки явились двое органиков. Они и вошли в квартиру, сопровождаемые квартальным, толпой прихожан и парой любопытных жильцов.

Выяснилось, что отца Тома в квартире нет и его каменатор пуст. Посох был прислонен к стенной полоске с загадочной надписью:

УШЕЛ В ВЫШНИЙ МИР.

ГЛАВА 28

Том Зурван не солгал.

Он действительно пребывал в вышнем мире — в Тао Тауэрс на углу Западной Одиннадцатой и канала Кропоткина,

на шестом этаже, в квартире Тони Хорн. Он не был полностью ни самим собой, ни кем-либо из своих двойников.

В нормальных условиях он проделал бы ритуал воплощения в Тома Зурвана, а потом лег бы спать. Субботний кошмар, однако, остановил течение привычных событий, как лавина, запрудившая реку. Душа Зурвана покрылась мурашками и с воплями понеслась по нежеланным путям. Кокон Зурвана продырявился, и в дыры полезли голоса, лица и даже руки «тех, других». Они бубнили ему в уши, таращились на него, хватали его.

Это началось, когда он прошел, далеко не так гладко, как обычно, через мантру метаморфоза. (Не Боб ли Тингл, мастер аллитерации, выразился так? Не Вайатт ли Репп придумал образ покрывшейся мурашками души? Не Чарли ли Ом увидел лезущие сквозь дыры руки?)

Зурван знал, хоть и не хотел знать, что ветры недавнего прошлого дуют сквозь него, словно сквозь ветхий парус, что мысли других сыплются из него, точно перец из перечницы.

— Прекратите! Прекратите! — мысленно вопил он.

Но хотя он и был самой сильной личностью среди них, исключая разве что Джеффа Кэрда, он не мог дать им достойный отпор. Силу отнимали другие жильцы, въехавшие в его сознание с судебными ордерами. Он разрывался на части и терял свою мощь, как Самсон, остриженный Далилой, двуличной дочерью фальшивых филистимлян, соблазнительной служанкой самого сатаны.

— Перестаньте! — взмолился он. — Я серьезно!

«Дело и правда серьезное! — сказал отдаленный, но все приближавшийся голос Кэрда. — Заткнись, Тингл! Мы на грани гибели, а ты все остришь!»

Зурван громко, на всю квартиру, произнес:

— Именем Божьего света заклинаю вас удалиться опять во тьму, из которой вы пришли!

«Вот фигня-то», — сказал Чарли Ом.

«Улыбайся, когда говоришь это, — сказал Вайатт Репп. — Ладно, ребята, дадим ему шанс. Шайка линчевателей приближается. Если мы не будем стоять друг за дружку, нас развесят поодиночке на диких яблонях. Сегодня он у нас босс. Заткнемся и позволим ему спасти наши шкуры. А потом созовем большой круг и поглядим, кто будет вождь. Единственный выход...»

«Квартира Тони Хорн, — сказал Кэрд. — Отправляйся туда! Только там мы будем в безопасности — хоть на какое-то время!»

— Тони Хорн? — вслух переспросил Зурван.

«Да. Ну ты же помнишь, правда?»

«Я помню, — сказал Джим Дунский. — А если я помню, вспомнишь и ты. Друг Кэрда... наш друг, Энтони Хорн, генеральный комиссар, разрешила ему воспользоваться своей квартирой в случае крайней надобности. Сейчас как раз тот случай!»

«Она иммер, — сказал Боб Тингл. — Иммер — всегда иммер, и это не каламбур, даже для знающих немецкий*. Она выдаст меня... то есть нас».

«Она ничего не узнает до самого вторника, — сказал Кэрд. — Ну, давай, Зурван! Шевелись!»

Только Уилл Ишарашвили ничего не сказал. Может, потому, что еще не знал о происходящем? Или потому, что он, последний в ряду, если считать началом вторник, был и самым слабым из всех? Может, он обретет голос только завтра, когда проснется? Тогда его голос, возможно, вообще не прозвучит. Уилл не проснется. Он умрет во сне.

Это еще больше взбудоражило Зурвана. Если он завтра не станет Ишарашвили, кем он тогда будет? Сможет ли он остаться собой, Томом Зурваном? Придется постараться. Так хотя бы он уцелеет.

— Господи, прости меня! — воскликнул он. — Я думаю только о себе! Я позабыл о своих братьях! Я трус, я Петр, отрекшийся от Господа своего, прежде чем трижды пропел петух!

«Петух! Петух! — сказал Чарли Ом. — Сам ты петух! Кончай эту священную лажу и шевелись! Спасай наши задницы!»

«Я бы не стал так выражаться, — вставил Кэрд, — но минни прав. Скройся немедленно! Иди к Хорн! Бога ради — возможно, органики уже за дверью! Или иммеры! Избавься от всего, что связывает тебя с нами! И вперед!»

Голоса затихли — хотя бы на время. Зурван, посмотрев на улицу и канал, почувствовал себя немного сильнее и увереннее. Никакой рациональной причины для этого не было, но уверенность часто бывает следствием не долгого опыта, а врожденной веры в себя.

Ему пришлось выдержать нелегкую борьбу с собой, прежде чем сделать то, что диктовал рассудок. Горе и возмущение переполняли его, когда он отбирал вещи для отправки в компактор. Парику, бороде и священным одеждам придется исчезнуть. Манекену тоже. Зурван подумал, не уничтожить ли заодно и манекен Ома, но был хороший шанс, что эту подделку не обнаружат до будущей субботы. Однако Зурван

---

* Immer — всегда *(нем.)*.

открыл персональный шкаф Ома с помощью звезды, взятой из цилиндра, и облачился в его одежду. В ней он будет бросаться в глаза, поскольку по воскресеньям не носят ни брыжи, ни кильт. Но делать нечего.

Зурвану было больно обманывать свою паству. Часть его горя проистекала отсюда — но лучше уж так, чем поколебать их веру. Да, лучше, твердил он себе вновь и вновь. Гораздо лучше. Но он невольно задумывался над тем, скольким пастырям прошлого приходилось идти на такой же обман.

— Будь я только собой, отцом Томом, — проговорил он, — я остался бы здесь и вынес все, что суждено. Кровь мучеников есть семя веры. Но я не один. Если бы я был только отцом Томом, я бы и не попал в этот ужасный переплет.

И все же, прислонив свой посох к стене рядом с надписью, Зурван не выдержал.

— Так нельзя! — вскричал он. — Я предаю свою паству, себя и своего Бога!

«Чертов поп!» — откликнулся Чарли Ом.

«Не ты первый, не ты последний, — сказал Джефф Кэрд. И, помолчав, добавил: — Должно быть какое-то решение, какой-то выход».

— Какой?

«Не знаю пока».

— Прощай, отец Том! — сказал Зурван, остановившись у двери.

«С ума сойти, — сказал Чарли Ом. — Он-то уже сошел, это факт».

«Прекрасное чувство драмы, — заметил Вайатт Репп. — Или мелодрамы? Не уверен, известны ли ему законы пафоса».

«Одного из трех мушкетеров?» — спросил Боб Тингл.

— Заткнитесь! — заорал Зурван, распахивая дверь, и напугал двоих бездельников, болтавшихся в холле.

Что это за сумасшедший в странной одежде вылетел из квартиры отца Тома?

Зурван испугался — он не ожидал наткнуться на кого-то в такой час. Пробормотав что-то неразборчивое, он захлопнул за собой дверь. Было 3.12 утра, когда он вышел из дома и пошел по бульвару Вуманвэй. Небо по-прежнему было ясным, а воздух — теплым, хотя и не таким, как вчера. Велосипедисты и прохожие встречались редко, но все же Зурван не так бросался в глаза. Ему попались несколько машин Службы Чистоты и одна патрульная. Последняя замедлила ход, поравнявшись с ним, но не остановилась. Зурван не имел понятия, что будет делать, если его остановят и допросят.

Перейдя через Вуманвэй, он свернул на запад по Бликер-стрит и прошел мимо дома Кэрда, отчего Кэрд как будто окреп. По крайней мере, его голос зазвучал громче всех остальных.

«Я люблю тебя», — крикнул Кэрд.

Зурван не знал, к кому обращается Кэрд, но горе в голосе Джеффа причинило ему боль. Он ускорил шаг, но вскоре опять сбавил. Если опять попадутся органики, их может удивить, куда это он так несется.

У канала он повернул на север. Он шел, поглядывая вниз, и остановился, увидев маленькую моторку, привязанную к плавучему причалу. Спустился по лестнице и по узкому карнизу над водой дошел до лодки. Она, возможно, принадлежала кому-то из живущих рядом, и воскресный житель еще спал, вместо того чтобы рыбачить. Зурван сел в лодку, отвязал ее, запустил электромотор и поехал по каналу на север. Он миновал с дюжину лодочек с рыбаками и рыбачками и несколько барж. Потом подвел моторку к западному берегу у Западной Одиннадцатой улицы, вылез на карниз и оттолкнул лодку. Одним преступлением больше.

Деревья вдоль улицы спрячут его от «небесных глаз». Спутники не увидят, в какой дом он войдет. И только тот, кто будет изучать снимки, увидит, что Зурван вошел под деревья.

У входа в здание Том мельком подумал об Ишарашвили. Завтра жена смотрителя удивится, почему муж не вышел из цилиндра. Она откроет дверцу, подумав, что дело в каких-то неполадках с энергией. Коснется мужа и ощутит не привычную холодную твердость, а теплый мягкий пластик манекена.

В Зурване звучал ее крик.

И голос Ишарашвили тоже, хотя и где-то вдали, за горизонтом сознания.

Войдя в квартиру Хорн, Зурван осмотрел все комнаты. Их было больше, чем у него, они были просторнее и гораздо роскошнее. Поскольку здесь, кроме Хорн, обитала только одна четверговая жиличка, Тони не приходилось прятать свои безделушки, картины, бижутерию и прочее в персональный шкаф. Зурван — то есть Кэрд — удивился и возмутился, увидев здесь пепельницы: он понятия не имел, что Тони курит запрещенный наркотик. А если курит она, то курит и четверговая.

Он заглянул в окошки цилиндров — в первом виднелось лицо жительницы четверга.

Он перешел к следующему. Тони Хорн смотрела на него огромными немигающими глазами. Добрая старушка Тони.

Она была ему хорошим другом, всегда проявляла великодушие и сочувствие. Может, раскаменить ее и рассказать, в какой ситуации он оказался? Она могла бы помочь ему, как никто.

«С ума спятил? — сказал Ом. — Она же иммер!»

«Это не Зурван так думает, — сказал Кэрд. — Он ее даже не знает. Это я подумал за него. Но ты прав, Чарли. Она нас выдаст».

С целым хором внутри, с целым калейдоскопом лиц, с пальцами, стучащими в его сознание, словно в окошко, Зурван шагал взад-вперед по гостиной. Дойдя до конца, он поворачивал и шел обратно.

«Точно тигр в клетке, — сказал Вайатт Репп. — Хороший моцион, но из клетки нам таким манером не выбраться».

«Если он уйдет из квартиры, — заметил Ом, — он просто окажется в клетке побольше».

Зурван старался, насколько мог, не обращать внимания на голоса. Они были точно болячка, которую так и хочется почесать — но чем больше чешешь, тем больше хочется.

— Иаков, который стал потом называться Израиль и чье потомство было многочисленно, словно песок на берегу, — сказал он, — Иаков увидел во сне лестницу. Один ее конец покоился на Земле, а другой уходил в Небеса. Ангелы спускались и поднимались по ней, послушные приказаниям Господа. Пошли и мне лестницу, Господи! Позволь подняться по ней в пределы обетованные!

«Да у него крыша поехала! — сказал Ом. — Он свихнется, и мы погибнем вместе с ним».

— Нет! — крикнул Зурван. — Я не безумен, и нет для меня лестницы! Я недостоин ее!

Если бы ему и спустили лестницу, пришлось бы карабкаться вверх по гнилым перекладинам. Их всего семь, и последняя — он сам — определенно не выдержит.

ГЛАВА 29

Понедельник был не синий, а серый — с востока несло тяжелые низкие тучи.

В то немногое, что разрешалось передавать из одного дня в другой, входил прогноз погоды. Метеорология 1330 года Новой Эры во многом превосходила науку прошлого, которая часто попадалась на удочку запутанных сил, управляющих погодой. Полторы тысячи лет исследований дали современным метеорологам возможность предсказывать с точностью на 99,9% . Но Матушка-Природа, как бы желая показать, что последнюю десятую процента человеку никогда не одолеть, порой брала свое.

Вот и сегодня она выкинула одну из своих штучек. Метеорологи самоуверенно заявили, что будет ясно и жарко, но ветер переменился, облачный континент над центром Атлантики сместился к западу, и его фронт как раз пересекал восточный Нью-Джерси.

Том Зурван снова шагал по комнате, как и вчера. Уилл Ишарашвили, смотритель Центрального парка, добрая душа и муж-подкаблучник, выразил лишь слабый протест по поводу того, что его не пускают в его законный день. Джефф Кэрд, создавая его характер, допустил ошибку. Он сделал из Уилла слишком уж пассивного, не способного ни на какое насилие человека. Он, правда, наделил Уилла большим упорством и мужеством, нужными для отказа от насилия — из-за них-то Ишарашвили теперь и погибал. Он еще не скончался, но становился все бледней и бледней. Вместо того чтобы прибегнуть к силе, как все остальные, он цеплялся за свои принципы и постепенно распадался на элементы, из которых произошел.

Не в пример Джеффу Кэрду и остальным. Хотя Зурван закрыл и запер все ходы и выходы, эти пятеро лезли в щели, о которых он и понятия не имел. А когда он затолкал их

обратно и зацементировал щели, они стали просачиваться сквозь стены, точно путем осмоса.

«Непохоже на тебя, Зурван, — сказал Джефф Кэрд. — Казалось бы, ты — человек религиозный, благородный. Высокоморальный. Настоящий сын Божий. Тебя должно радовать, что ты станешь мучеником, пожертвуешь собой ради других. А ты? Ты ведешь себя жестоко и беспощадно, так же безбожно, как те, против кого ты проповедуешь. Что с тобой случилось?»

«Лицемер он, и больше ничего», — сказал Чарли Ом.

«Ясное дело, — поддержал Репп. — Он никогда не был тем, за кого себя выдавал. Проповедовал вроде бы абсолютную правдивость и честность. Покайтесь в своих грехах! Покайтесь! Освободитесь от всякой вины и стыда! Станьте цельными мужчинами, цельными женщинами! Обретите себя! А сам скрывал от своих прихожан, что он иммер. Что он обладает даром, в котором отказывает им — даром гораздо более долгой жизни. Он был и остается преступником, этот праведник. Он принадлежит к тайной, нелегальной организации. Кто же он, как не лицемер?»

— Заткнитесь! Заткнитесь! — крикнул Зурван.

«Угу, — сказал Джим Дунский. — Давайте все ляжем и умрем. Облегчим жизнь лицемеру».

«Лицемер, Люцифер, хитрый бес, гончий пес небес, — встрял Боб Тингл. — Ты лаешь не на то дерево, проповедник Том. Священная собака сбилась со следа».

— Чего вы от меня хотите? — крикнул Зурван.

Это их ненадолго усмирило. Что бы он ни сделал, это не поможет ни им, ни ему. К привычному образу жизни, когда он каждый день становился другим человеком, он вернуться не мог. Не было такого места, где все они могли бы вновь стать самими собой. Как не было такого места, где он мог бы вновь стать отцом Томом. Он, как и все они, стоял на пороге смерти. Если его схватят иммеры, он будет убит. Если его схватят органики, его после суда отправят в лечебницу для душевнобольных. Если лечение там будет успешным, он, Зурван, исчезнет. Как и все они, включая Джеффа Кэрда. Того, кто выйдет из лечебницы, может, и будут звать Кэрд, но он станет совсем другим человеком.

Если же лечение не удастся, его каменируют и будут хранить до тех времен, когда психиатрическая наука найдет способ его исцелить. О нем, конечно, забудут, и он будет пылиться на каком-нибудь складе заодно со всеми миллионами, которые уже там лежат, и миллиардами, которые еще поступят.

— Да, я лицемер, — бормотал он. — Я потерпел крах. Но почему? Я считал себя истинным сыном Божьим, считал, что верю в то, во что призываю верить других. И я верил! Верил! Но мой Создатель сотворил меня несовершенным!

Он прикусил губу и потеребил бороду, которой больше не было.

— Не упрекай его! Он дал тебе свободную волю! Ты имел власть излечиться от своих недостатков! Не надо было закрывать на них глаза! Ты сам сделал себя слепцом, твой Создатель в этом неповинен!

Джефф Кэрд произнес, спокойно, но очень близко: «Однако ты забываешь, что твой создатель — это я».

Зурван с воплем упал на пол и стал кататься по ковру с криком:

— Нет! Нет! Нет!

Потом затих и долго лежал на спине, глядя в потолок.

«О черт, зачем нам длить эту агонию? — сказал Чарли Ом. — Давайте сдадимся. Все равно нас поймают. Так мы хоть от иммеров спасемся».

«Среди органиков слишком много иммеров, — возразил Джим Дунский. — Они доберутся до нас и убьют под каким-нибудь предлогом, пока мы не начали говорить. И потом, мне неохота капитулировать».

«Прямо-таки перестрелка в психическом коррале, — сказал Вайатт Репп. — Пусть победит сильнейший. Вставай с полу, Зурван, и будь мужчиной. Держись! И даже если проиграешь, не сдавайся до конца. Дерись! Не слушай этого неудачника, этого пропойцу!»

Зурван пошел на кухню, словно пробиваясь сквозь сахарную вату. Он выпил большой стакан воды, сходил в туалет, облегчился и поплескал в лицо холодной водой. Вытерся, взял свою сумку и направился к выходу.

«Эй, ты куда это?» — спросил Ом.

«Пошел нас закладывать, — сказал Боб Тингл. — А когда органики нами займутся, камня на камне не останется. Нас сначала выпотрошат, потом обратят в камень. Подумай об этом, парень!»

«Брось ты, — сказал Ом. — Я ничего такого не думал, просто хотел проверить, правда он спятил или нет».

«Не делай этого! — сказал Кэрд. — Еще может найтись какой-то выход!»

Зурван закрыл за собой дверь и пошел к лифту.

— Я не собираюсь сдаваться, — сказал он. — Просто хочу погулять. Не могу больше сидеть взаперти. Мне надо подумать. Мне надо...

Что ему, собственно, надо? Нужен один, но невероятный шанс.

«Когда лабораторная крыса не может найти выход из лабиринта, — сказал Кэрд, — когда она сталкивается с неразрешимой задачей и безнадежно запутывается, она ложится и умирает».

— Я не крыса! — сказал Зурван.

«Да, ты даже и не крыса. Ты фикция. Помни — это я твой создатель! Я, реальный человек, создал тебя, фиктивного!»

«Значит, и мы все — тоже фикция, — сказал Вайатт Репп. — Ты нас создал. Ну и что из этого? Ты сам фикция, Кэрд, созданная правительством и иммерами».

«Фикция может стать реальностью, — сказал Дунский. — Мы не менее реальны, чем Кэрд. В конце концов, он нас создал из элементов самого себя. Он вырастил нас так же, как мать растит зародыша в своем чреве. Он родил нас. А теперь хочет нас убить. Нас, своих детей!»

«Чего там! — сказал Ом. — Мы все охотно поубивали бы друг друга! Эх, выпить бы сейчас!»

«Я ваш создатель, — твердил Кэрд. — Я создал вас всех. А то, что я создал, я могу и рассоздать. Я создатель, я и рассоздатель».

«Врешь! — крикнул Ом. — Ты не Аладдин, а мы не джинны. Нас обратно в бутылку не загонишь!»

«У тебя одна бутылка на уме, — сказал Тингл. — Люмпен, лодырь, Лазарь липовый! Представь себе, что ты — это похмелье, от которого мы все рады бы избавиться. Все вы — сплошная головная боль!»

«En garde, сукин ты сын!»

«Твой ход!»

«Все вы фикция. Я вас создал, я и рассоздам».

«Ом-мани-падме-хум!»

«Не бубни, алкаш забубенный!»

«Я создал вас, и я вас рассоздаю. Думаете, я этого не предусмотрел? Я разработал ритуалы введения каждого из вас в свой день. Разработал я и обратный ритуал, ритуал отмены, недопущения. Я знал, что когда-нибудь он мне понадобится. И сегодня момент настал!»

«Врешь!»

«Вымысел объявляет своего создателя лжецом? Ожившие выдумки обзывают того, кто сделал их, хотя бы временно, правдой, лжецом? Я ваш создатель. Я создал вас, а теперь рассоздаю. Вы что, не чувствуете, как все вокруг исчезает? Убирайтесь туда, откуда пришли!»

Ветер на Вэверли-плейс был пока еще не так силен — он не сдул бы и шляпу с головы. Но Зурвану казалось, что вихри, бушующие у него внутри, вот-вот поднимут его и унесут в облака. Свет померк в его глазах, и прохожие удивленно смотрели на него, потому что он спотыкался. Когда же он упал на колени и воздел руки, все попятились от него.

Далеко на востоке притопнул гром, начиная боевой танец, и сверкнула копьями молния.

Зурван несся, кружась, в кружащемся сумраке. И пытался ухватиться за мокрую тьму, чтобы не улететь. Вверх? Или вниз?

— Господи, — взревел он, — я погибаю! Возьми меня из этой юдоли! Забери меня из этого серого мира в свой светлый!

Люди на панели попятились еще дальше или пустились наутек, когда Зурван зажал руками глаза и завопил:

— Свет! Свет!

Потом он упал ничком и замер.

— Вызовите «скорую», — сказал кто-то.

Он перевернулся, поморгал и с трудом поднялся на ноги.

— Нет, не надо. Со мной все в порядке. Просто голова закружилась. Я пойду домой. Это рядом. Не беспокойтесь.

Джефф Кэрд, шепча: «Свет! Свет!» — перешел по мосту через канал. Не доходя одного квартала до Вашингтон-сквер, он уже вполне окреп.

«Он ушел?» — спросил Тингл.

«Точно индеец, который сложил свой вигвам и растаял в ночи», — сказал Репп.

«Он чуть не забрал меня с собой, — сказал Чарли. — Бог мой! Этот свет!»

«Он был как меч, — сказал Дунский. — Сошел вниз, поддел Зурвана на острие и забросил его в пылающие небеса».

Голоса звучали слабо, но стали чуть погромче, когда открыли, что телом теперь управляет Джефф Кэрд.

«О Боже, — сказал Ом, — каюк нам теперь!»

«А ты взгляни на это иначе, — сказал Репп. — Зурван уже откинул копыта, а теперь Кэрд разыгрывает свою последнюю ставку. Мы еще снимем с него скальп».

Зурван не был уверен, взаправду ли он слышит эти голоса или они существуют лишь в его воображении. Не знал этого и Кэрд. Какая, впрочем, разница, воображаемые они или принадлежат таким же реальным, как он, людям. Главное то, что командует он — и он знает, что делать.

Он шел против усиливающегося ветра к высокой желтой трубе в углу парка. Там был один из входов в подземную

систему транспортировки товаров, а также в энергетический и водный коллектор. Полоска рядом предупреждала, что доступ сюда имеют только работники Службы Чистоты. Но ни рабочих, ни органиков в форме поблизости не было, а немногие люди, задержавшиеся в парке, поспешно расходились.

Кэрд остановился. Вдали под дубом сидела одинокая фигура. Партнер, игравший с Грилем в шахматы, уходил, мотая головой. Гриль, видимо, просил его остаться, но тот предпочел ретироваться.

Кэрд медлил у входа в трубу.

«Ну, что там еще?» — слабо сказал Ом.

Вокруг кружились редкие листья, сорванные с деревьев. Ветер, прохладный, обещающий дождь, взъерошил волосы. Мимо пронесся велосипедист, усиленно работая ногами.

Гриль встал. Ветер развевал его длинные рыжие волосы и бороду. Он собрал в ящик шахматы, сложил доску. Кэрд бегом устремился к нему, крича — но ветер уносил его слова назад, будто конфетти.

Гриль обернулся, увидел бегущего Кэрда, засуетился и стал оглядываться по сторонам, словно ища пути для бегства. Потом овладел собой и остался на месте.

ГЛАВА 30

Кэрд замедлил бег и улыбнулся, показывая Грилю, что ничего плохого не замышляет. Подойдя поближе, он сказал:

— Я не органик. Не сейчас, во всяком случае. Я просто хочу поговорить с вами минутку, Янкев Гад Гриль. Не дольше, клянусь. У меня срочное дело, и надолго я вас не задержу.

Гриль немного пришел в себя и произнес глубоким сильным голосом:

— Вы знаете мое имя, но я вашего не знаю.

— Вам и не нужно его знать. Давайте присядем на минутку. Жаль, что вы убрали доску. Мы могли бы доиграть нашу партию.

— Нашу партию? — нахмурился Гриль.

Кэрд чуть было не сказал: «Я сделал первый ход: квартальный e2 — e4. А вы сделали такой же ход своим квартальным».

Этого хватило бы, чтобы Гриль понял, что перед ним его вторничный противник. Бывший противник из прошлого вторника. Но Кэрду хотелось, чтобы Гриль знал о нем как можно меньше.

«Ты и сам-то не больно знаешь, кто ты есть», — заметил Ом.

И Кэрд сказал:

— Я знаю, что вы дневальный. Но не тревожьтесь. Я не собираюсь вас выдавать...

Он посмотрел по сторонам. Пешеходов и велосипедистов становилось все меньше и меньше. Проехало такси с двумя пассажирами. Громовые раскаты приближались. Гроза распахивала свой темный плащ, показывая молнию.

Зеленые глазки Гриля сделались еще меньше, а тонкие губы превратились в узкую черту.

— Что вам нужно? — спросил он.

— Чтобы вы удовлетворили мое любопытство. Вот и все. Ответьте мне только на один вопрос.

«Ты спятил? — осведомился Ом. — А если органики явятся, пока ты тут дурь свою тешишь? Побойся Бога, Кэрд!»

— Если смогу, то отвечу, — сказал Гриль.

Возможно, Ом прав, и он, Кэрд, ненормальный. Возможно, в нем говорит вторничный органик. Но как бы то ни было, он должен знать, какие мотивы двигали этим человеком.

— Насколько мне известно, — сказал Кэрд, — у вас не было никакого видимого повода для дневальничества. Зачем же вы пошли на это?

— Если я вам скажу, — улыбнулся Гриль, — не думаю, что вы поймете.

«В любую секунду, — подал голос Репп, — в любую секунду из-за угла могут появиться органики. Может, их, конечно, не заинтересует, почему это вы двое сидите под деревом, в которое того и гляди ударит молния. Может, они не подойдут и не спросят вас почему. Может, они даже не попросят тебя предъявить удостоверение. Может, у них еще нет твоего словесного портрета».

— А вы попытайтесь, — сказал Кэрд.

— Вы имеете какое-нибудь понятие об иудаизме?

— Пожалуй, кое-какое имею. Я ведь знаю ваше имя, вы помните? И знаю, кто вы.

Гриль смотрел через столик на Кэрда, сжав коробку с шахматами так, что побелели костяшки пальцев.

— Тогда вы должны знать, насколько важно для нас соблюдение субботы.

Кэрд кивнул.

— И вы знаете, что правительство не запрещает нам ее соблюдать? Синагогу нам иметь не разрешается, но тут мы не одиноки. Ни одной конфессии не разрешается иметь свой храм, будь то церковь, мечеть или синагога.

— Государство нуждается в помещениях для жилья и промышленного производства, — сказал Кэрд. — Кроме того,

религия — это разновидность вредного суеверия, противоречащего всем...

Гриль вскинул большую, поросшую рыжим волосом руку:

— Я не желаю дискутировать о причинах этого.

— Я тоже. — Кэрд поглядел по сторонам. — Это просто...

— Ну, неважно. Как я сказал, нам разрешено делать то, чего желал от нас Бог. Мы соблюдаем субботу. Ее полагается отмечать в седьмой день недели, с приходом сумерек в пятницу до прихода сумерек в субботу

— Я знаю.

— Да, но вы не знаете, как важно для нас соблюдение древнего закона. Не правительственного, а нашего. Куда более древнего.

— Но ведь вам оставили вашу субботу.

Гриль оторвал руку от коробки и поднял палец:

— Да. Но древний священный календарь больше не соблюдается. Вместо того чтобы жить по горизонтали, мы живем по вертикали. В последний раз суббота праздновалась в понедельник. То есть праздновалась бы, если бы мы подчинялись закону штата.

— Кажется, я понял, что вы хотите сказать. Это тяжело...

— Прошу вас. Вот-вот пойдет дождь. Я был учтив с вами, с незнакомцем, который явился неведомо откуда и уйдет неведомо куда...

«В точку попал», — сказал Чарли Ом.

— ...не сказав мне, кто вы и зачем вы здесь. Так будьте хотя бы любезны меня не прерывать.

— Вы правы, — сказал Кэрд.

«Органики», — шепнул Ом.

Кэрд быстро огляделся, но Ом просто предупреждал его, чтобы он остерегался органиков.

— Мне претит праздновать субботу не в тот день, в понедельник вместо давным-давно назначенного нам дня...

«Он такой же тронутый, как и ты, Кэрд», — вставил Ом.

— ...но я подчинился государству и раввинам. Все-таки, говорили они, суббота по-прежнему отмечается в седьмой день. Но их уговоры не убеждали меня. И вот однажды, читая книгу одного очень мудрого человека, хотя и он порой заблуждался, я натолкнулся на строки, глубоко поразившие меня.

— Это была книга Церинтия?

Гриль моргнул, ничем больше не выразив своего изумления

— Откуда вы знаете?

— Не имеет значения. Извините — я снова прервал вас.

— Собственно говоря, автором был псевдо-Церинтий. Ученые установили, что некоторые приписываемые Церинтию книги были написаны каким-то неизвестным лицом, называемым для простоты псевдо-Церинтий. Однако я, — не без удовольствия сказал Гриль, — сумел доказать, что Церинтий и псевдо-Церинтий — фактически один и тот же человек. Стиль псевдо-Церинтия отличается от стиля Церинтия лишь потому, что он в качестве псевдо-Церинтия писал под влиянием Шхины или Доксы...

— Под влиянием чего?

— Присутствия Бога или света, Им проливаемым. Таргумисты* используют этот термин...

— Хорошо-хорошо. Что же это за строки, которые так вас поразили?

«Церинтий и псевдо-Церинтий, — сказал Тингл. — Еще один шизофреник. Думаете, у нас и для него местечко найдется? Входи же, блудный брат, посох наш и псих».

«Прямо не верится — сидим себе под открытым небом и обсуждаем вопросы теологии и стилистики, а гроза и органики все ближе», — сказал Ом.

— Церинтий, — сказал Гриль, — верил, что мир был сотворен ангелами. И один из ангелов вручил евреям их закон, который был несовершенен. Здесь Церинтий, конечно, заблуждался. Закон евреям вручила Шхина, а Шхина не могла дать несовершенный закон. Тем более своему избранному народу. Но псевдо-Церинтий, вдохновленный Шхиной, написал, что если закон поначалу и был несовершенен, его усовершенствовали сами евреи. Их приверженность своему закону, несмотря на все преследования и беды, как и то, что евреи выжили, несмотря на все старания стереть их с лица земли, доказывает, что они подчинялись верному закону Далее псевдо-Церинтий обличает Церинтия как глубоко заблуждающегося и, по сути, не слишком одаренного автора. Он упоминает о нескольких письмах, которые послал Церинтию, указав тому, в чем его ошибка. Письма эти не были найдены...

Упали первые капли дождя, крупные, но редкие. Ветер норовил сорвать с Кэрда шляпу. Гром притопнул. Молния бежала к ним на многочисленных сверкающих ногах.

— Так вы говорите, — сказал Кэрд громко, чтобы его услышали, — что нарушили день лишь для того, чтобы исполнять закон буквально?

---

* Толкователи Ветхого Завета на арамейском языке.

— Буква есть отражение духа! — крикнул Гриль. Он помолчал и добавил сердито: — Была и другая причина, достаточно веская сама по себе, но она не вынудила бы меня стать дневальным, если бы не сочеталась с моим желанием хотя бы раз в жизни отпраздновать субботу, как должно. Я — человек. Я принадлежу к виду, который всегда жил согласно с природой, следуя велению Бога. Бесчисленные поколения нашего вида следовали за медленной чередой времен года и воспринимали это как должное, между тем как это было одним из многочисленных даров Божьих. Но Новая Эра... Новая Эра! Она покончила с временами года, дорогой мой! Их больше нет, их свели к нулю!

Что такое весна? Взрыв зелени — несколько дней, и нет ее! Лето? Вспышка жары! Лето за летом я вижу одни только жаркие дни и не вижу прохладных! Осень не облачается медленно в свой прелестный наряд, не пробует один цвет за другим, как женщина, примеривающая платья! Сегодня все еще зелено, завтра все краски вспыхивают разом, а потом все мертвехонько! А снег, Божье покрывало, и вовсе можно пропустить!

— Это верно, — сказал Кэрд. — Но, с другой стороны, быстрое чередование времен года даже приятно, и подумайте, насколько больше лет и зим вы увидите по сравнению с вашими предками. Всегда что-то приобретаешь, когда что-то отдаешь, и наоборот.

— Нет, — свирепо затряс головой Гриль, — я хочу, чтоб все было так, как Бог предначертал. Я не стану...

Дальше Кэрд не расслышал. Он вскочил с места, глядя через плечо Гриля на патрульную машину, которая только что показалась из-за угла дома у канала. Она будет у входной трубы в северо-западном углу парка задолго до того, как туда доберется он. Путь отрезан.

Гриль тоже повернулся в ту сторону и сказал:

— Может быть, они не сюда едут. — Голос его звучал спокойно.

В северо-восточном углу парка была другая труба. Но сейчас бежать к ней не следует. Надо подождать — может, машина проедет мимо.

Она ехала быстро, фары пронзали сумрак, заставляя сверкать дождевые капли. Однако в нескольких футах от пересечения Пятой авеню с Северной Вашингтон-сквер она замедлила ход, а потом остановилась.

Умолкший было Гриль, видя это, сказал:

— Значит, так суждено. — Он закрыл глаза и стал шевелить губами.

— Вам, может, и суждено, а мне нет.

Гриль открыл глаза одновременно с открытием дверок. Тучи тоже приоткрылись, и дождь хлынул так, точно думал, что он — Ниагарский водопад. Он пробил листья над двумя собеседниками и обрушил им на головы целый каскад. Они сразу промокли, и их пробрал холод, хотя не один дождь был этому виной.

Из машины вышли двое мужчин и женщина. Водитель обошел вокруг капота, и в свете фар мелькнула его зеленая с коричневым форма. На поясе у него висела кобура, и оттуда торчала рукоять пистолета.

Женщина крикнула что-то и бросилась бежать к Грилю и Кэрду. Органики кричали ей вслед. Кэрду послышалось «Стой!». Тут сверкнула молния — так близко, что Кэрду показалось, будто она попала в дерево рядом. В ее вспышке Кэрд распознал Рут Зог Динсдейл, свою жену — то есть жену Ишарашвили. Лицо ее было перекошено, и она старалась перекричать гром.

Дом, в котором она жила, стоял через канал от Тао Тауэрс, почти напротив. Кэрд поступил неразумно, выйдя на улицу прямо под ее окнами. Надо было воспользоваться черным ходом. Но вероятность того, что она его увидит, была невелика, и он тогда не был самим собой. Зурван же пребывал не в том состоянии, чтобы думать о таких мелочах.

Кэрд повернулся и побежал на юг. Бежать к входной трубе, как он собирался, было слишком опасно. Его тут же перехватят. Но была еще одна труба на углу Ла Гардиа-плейс и Южной Вашингтон-сквер.

— Желаю удачи! — крикнул Гриль и добавил еще что-то на непонятном языке — на идиш?

— Спасибо, очень кстати! — ответил на бегу Кэрд.

ГЛАВА 31

Он бежал зигзагами, стараясь, чтобы деревья прикрывали его от погони. Оглянувшись назад при вспышке молнии, он увидел, что его жена стоит на месте, а один из органиков гонится за ним. Гриль исчез — возможно, просто ушел. Еще раз посмотрев назад, Кэрд выяснил, что водитель вернулся в машину. При свете только что зажегшихся фонарей было видно, как машина двинулась на восток к углу Вашингтон-сквер. Органики действовали по правилам. Один напарник преследует беглеца, другой отрезает ему путь.

Кэрду казалось, что он успеет к трубе раньше машины. Второго органика он тоже прилично опередил. Только луч из

пистолета не обгонишь. Но вот он уже у трубы, а в него пока не стреляли. А если и стреляли, то он не заметил.

Машина была в шестидесяти футах, когда Кэрд добежал. Пеший органик отстал на сотню футов. Кэрд зашел за трубу со стороны Южной Вашингтон-сквер. Овальное отверстие слабо освещали фонари. Кэрд нащупал табличку на задней стенке, в шести дюймах у себя над головой. Она была круглая, с выпуклыми буквами МГПСТ (Манхэттенская Государственная Подземная Система Транспортировки). Кэрд нажал на М, потом на Т. Намертво, казалось бы, вделанная в стену табличка повернулась под его рукой налево и вверх. Он просунул руку в открывшееся углубление и нащупал там две кнопки. По коду понедельника нужно было один раз коротко нажать на левую и дважды, длинно и коротко, на правую. Счастье, что Ишарашвили, как смотритель Центрального парка, знал этот код и что в Кэрде осталось достаточно от Ишарашвили, чтобы вспомнить.

Освободив запирающий механизм люка, Кэрд ухватился за ручку в середине дверцы и потянул ее на себя. Дверца подалась, но только потому, что сенсорная система безопасности подтвердила, что открывает ее взрослый человек.

В трубе при этом зажегся свет. Под люком вела вниз пластиковая лестница в пластиковой оболочке. Кэрд слез на несколько ступенек и потянул за рукоятку с внутренней стороны дверцы. Гидравлический механизм стал постепенно опускать люк. В последний момент Кэрд увидел в щели ноги органика.

— Именем закона, стой! — хрипло крикнул тот.

— Какого такого закона? — буркнул Кэрд.

Его преследователи были не только органики, но также и иммеры. Обыкновенные органики не успели бы заехать в участок за лучевым оружием. Эти двое явно разыскивали его. Им повезло — а ему нет, — что они оказались ближе всех к Рут Динсдейл, когда та вызвала органиков. Они достали нелегальное оружие — свое собственное — из тайника в машине и намеревались им воспользоваться.

Кэрд спустился на тридцать футов вниз и ступил на дорожку из синтетической резины. Она тянулась на запад и восток, насколько видел глаз, то есть футов на сто в обе стороны. Куда бы он ни пошел, его будет сопровождать свет, а впереди и сзади будет темно.

Дорожка была ограждена с одной стороны толстой пластиковой стенкой, а с другой — перилами. За перилами шли два транспортных конвейера, каждый пятнадцать футов шириной, в тот момент стоявшие неподвижно. За конвейерами

по стене тянулись две огромные трубы — одна водопроводная, другая канализационная.

Будучи и органиком, и иммером, Кэрд хорошо изучил эту систему. Через каждые триста футов на стене были проставлены опознавательные знаки и схемы. При них имелась полоска коммуникации, через которую можно было также просматривать туннель. Если те, кто гонится за ним, найдут время позвонить иммеру на центральном пульте мониторинга, они смогут читать показания монитора через полоски в туннеле. И монитор подскажет им, где искать добычу.

Кэрд не знал, есть ли кто-то у иммеров на центральном пульте. Лучше предположить худшее и считать, что есть. Надо идти туда, где нет мониторов. Кэрд знал такое место, туда-то он и направлялся, но знал также, что его там, помимо погони, ждут и другие опасности.

Он бежал, и шлепанье его ног по дорожке и тяжелое дыхание были здесь единственными звуками. Обернувшись назад, он увидел за собой другое световое пятно. В этом далеком пятнышке маячили две крошечные фигурки. Они были в шестистах футах от него, слишком далеко для успешного выстрела. Надо сохранять это расстояние. Они пока еще не останавливались, чтобы позвонить, что обязательно сделали бы, будь у них кто-то на пульте мониторинга.

Туннель постепенно шел под уклон — Кэрд даже не заметил бы этого, если бы не знал так хорошо систему. Скоро туннель пройдет под каналом Кропоткина, но еще до канала от него отходили под прямым углом два других хода. Кэрд свернул в первый и побежал на север. Конвейер здесь располагался чуть ниже от дорожки, и по нему ехало несколько ящиков с товарами. Пластины конвейера не соединялись друг с другом — они медленно ползли вперед, как караван гусениц, под действием магнитных импульсов, а смазку обеспечивала сплошная лента внизу.

Кэрд бежал трусцой, часто оглядываясь, чтобы проверить, не бегут ли его противники быстрее. Так он добрался до трехэтажного перекрестка. Около дорожки была вырублена в стене большая ниша, облицованная по стенам, полу и потолку толстыми листами пластика. Это был первый уровень, расположенный прямо под улицами Манхэттена. Кэрд вошел в нишу, где автоматически включился свет. Здесь помещалась бытовка, инструментальная и туалет для рабочих. Быстро оглядев комнату, Кэрд метнулся к столу и взял фонарик, две батарейки, молоток и отвертку на длинной тонкой рукоятке. Он попробовал фонарик и запихнул свою добычу в сумку. На выходе он остановился попить из фонтанчика.

Выйдя, он увидел, что погоня приближается. Один из двоих поднял пистолет и выстрелил. Кэрд невольно пригнулся, хотя этого можно было и не делать. Луч ударил поблизости, но стену не повредил. Кэрд затрусил дальше, чуть быстрее, чем раньше. Двое приближались к нему футов на десять каждые десять секунд. Он прибавил скорость, чтобы восстановить прежнее шестисотфутовое расстояние.

Начиная уже задыхаться, он достиг своей первой цели, желтого вертикального колодца, огражденного двумя рядами перил. После быстрого бега ему пришлось притормозить, ухватившись за верхние перила. Обежав колодец, он быстро спустился вниз по другой пластиковой лестнице. Как только его голова скрылась в люке, свет наверху погас. На середине лестницы до него донесся сердитый крик.

— Теперь у вас прыти поубавится, ублюдки, — проворчал он. У подножия лестницы он вытащил из сумки фонарик. Пошарив его лучом по сторонам, он увидел остатки старых транспортных конвейеров. Этой системой не пользовались уже семь обвеков, с тех пор как Манхэттен пострадал от второго великого землетрясения. Толстые алюминиевые пластины конвейеров полопались или покоробились. В провалах виднелись заржавленные, покореженные ролики. Эта техника устарела задолго до того, как была уничтожена подземным толчком вместе с тремя четвертями всех зданий на острове.

Та катастрофа была ужасна, хотя ее последствия были не так тяжелы, как последствия первого землетрясения 498 года Новой Эры. Здесь, на этом подземном этаже, толстая обшивка туннеля из быстросохнущего пластика пострадала не так сильно, как на первом, самом нижнем, хотя и здесь дело обстояло достаточно плохо. Пластик во многих местах полопался, не выдержав напора, и в трещины набилась грязь, постоянно приносимая сверху водой. Кэрд видел при свете фонарика, что здесь проход пока еще есть.

Над головой у него зажегся свет. Погоня приближалась. Кэрд стоял в нерешительности. Что лучше: убраться отсюда как можно скорее или попытаться оглушить или убить того, кто первым спустится по лестнице? Во втором случае надо будет сначала отойти, чтобы их фонарики не достали его сверху. Потом подбежать к лестнице, когда первый начнет спуск, и как-нибудь... Нет, не пойдет. Если метнуть молоток, то можно промахнуться или ранить иммера легко. Оба они держат оружие наготове, и второй будет все время светить вниз.

Как только Кэрд решил, что не станет нападать, из люка появился луч света. Кэрд быстро отошел, надеясь, что взял

верное направление. Из люка поступало достаточно света, чтобы смутно различать дорогу перед собой, хотя идти было трудновато. Дорожка погнулась и вспучилась, а однажды он чуть не провалился в яму.

Зная, что первый, кто спустится, будет шарить вокруг лучом фонарика, Кэрд прибавил шагу. Потом оглянулся, увидел скользящий во мраке луч и спрятался за кучей земли, насыпавшейся сквозь дыру в стене. Он сделал это как раз вовремя. Луч осветил холмик и ушел прочь.

Вторая цель Кэрда, если он правильно помнил, находилась в четырехстах футах отсюда. Он встал и заковылял дальше, пригнувшись, держась за перила, боясь упасть. Вскоре он действительно растянулся, попав ногой в провал. Он подавил крик, выбросил вперед руки и благополучно приземлился в неглубокой впадине. Встал он не сразу, переждав прошедший над головой луч. Не упади он, его бы заметили.

Туннель усиливал звуки, и Кэрд услышал, как один из двоих тихо сказал:

— Куда он подевался? Разделяться нам нельзя!

— Не говори так... — сказал второй. Конец Кэрд не расслышал и закончил сам: «так громко». Они, должно быть, исследуют участок на сотню ярдов в обе стороны. Выглянув за край поломанной дорожки, Кэрд увидел, что они повернули в другом направлении, и вздохнул свободнее. Он снова вылез на дорожку и пополз дальше на четвереньках. Когда рядом сверкнул луч, он распластался. Время от времени они определенно будут оборачиваться и пытаться нащупать его лучом.

И будут осматривать многочисленные кучи грязи. Вскоре они сообразят, что Кэрд пошел не в эту сторону. Через некоторые кучи он мог бы и перепрыгнуть, но на других обязательно оставил бы следы. Не мог бы не оставить, пробираясь в темноте.

Тогда они повернут назад — и найдут его следы.

Кэрд старался ползти так быстро, как только мог. По его прикидке, цель была уже близка. Еще несколько ярдов, и он доберется до нее. Он держится близко к стене и пропустить нужное место не может. А когда он спустится, то сможет себе посветить. Хотя бы недолго.

Внезапно Кэрд издал тихий стон и остановился. Что-то вонзилось ему в правую щеку. Отдернув голову, он освободился, но щеку жгло. Потрогав ее, Кэрд почувствовал кровь. Тихо выругавшись, он спустил с плеча сумку и нащупал там бумажную салфетку. Залепив рану, он осторожно

поводил руками вокруг и нашел то, обо что поранился: это были обломанные перила.

Кэрд снова надел сумку и пролез между стеной и торчащим обломком. Дорожку перекосило, и он все время съезжал к стене. Ему пришлось выпрямиться, чтобы достать до перил — ноги по-прежнему ехали назад, но тут отчаянно шарящая в воздухе рука нашла наконец опору.

Кэрд добрался до верхушки изгиба и съехал по дорожке до начала следующего подъема. Одолел его и снова налетел головой на перила. Он ругнулся, но тут же заулыбался, поняв на ощупь, что нашел свою вторую цель.

Это было защитное ограждение вокруг колодца, ведущего вниз, на следующий ярус. От входа осталась узкая щель, и Кэрду пришлось сначала спустить в нее сумку, а потом пролезть самому. На пару секунд ему показалось, что он застрял.

Когда он протискивался в дыру, обдирая ребра, его настиг свет, и позади закричали. Кэрд провалился внутрь и повис, держась за край. Потом ноги нащупали перекладину. Он сполз по лестнице, которая вся перекосилась. На середине спуска ноги опять повисли в воздухе. Кэрд пожалел, что вовремя не достал из сумки фонарик — тогда было бы видно, далеко ли он от пола нижнего яруса. Но тут он коснулся ногами опоры и отпустил руки. На ощупь он нашел сумку, достал фонарик и включил его.

Здесь все выглядело точно так, как ему запомнилось. Он никогда тут не бывал, но три среды назад посмотрел передачу об этом туннеле. Здесь был участок, выделенный среде из общей доли археологических раскопок, относящихся к ранним годам Новой Эры. Ничего особо интересного здесь не находили, кроме старых сетей водопровода, канализации и энергоснабжения. Кэрд шел по грязи мимо погнутых, поломанных труб и порванных кабелей. Фонарик освещал слой быстросохнущего пластика, которым археологи покрыли стены и потолок для защиты от грязи и обломков. Через пятьдесят футов он обнаружил еще один огражденный колодец, ведущий еще ниже. Этот был новым, и построили его археологи.

После второго великого землетрясения старые туннели транспортировки, водоснабжения и канализации забило грязью, завалило обломками цементных блоков и камня. Из-за постоянного подъема уровня океанских вод вследствие таяния полярных льдов власти решили поднять все подземные коммуникации этажом выше. И новая подземная система была проложена поверх старой.

Ярус, на котором стоял сейчас Кэрд, начали раскапывать несколько лет назад. При раскопках археологи наткнулись на

покореженный лестничный колодец и оставили его нетронутым, как исторический объект. Не тронули его и позже, при раскопках нижнего этажа. Кэрд не мог видеть в темноте мемориальную табличку, но помнил ее по передаче.

Кэрд спустился вниз с фонариком в руке, чтобы видеть перекладины лестницы. И обвел лучом огромную пещеру, в которой оказался. В верхней ее части когда-то были проложены в грунте под старой транспортной системой трубы водопровода и канализации. Когда этот слой был тщательно изучен, промерен и сфотографирован, его убрали, и открылся нижний слой — руины города, погибшего при первом великом землетрясении. Так что эта каверна раньше была ларцом, набитым археологическими сокровищами.

В западной ее части, в сотне футов от лестницы, высилась земляная стена с торчащими наружу камнями, обломками цемента и неопознанными артефактами. Рядом стояли два экскаватора, огромные, как слоны на гусеницах, две похожие на богомолов машины для нанесения пластика, несколько грунтоуборочных машин и лежали штабелями крепящие материалы.

Кэрду нужно было в другую сторону. Если иммеры догадаются об этом, они могут пройти поверху до следующего выхода и окажутся там раньше его. Или один будет гнаться за Кэрдом внизу, а другой караулить наверху.

Однако сегодня был понедельник. Иммеры могли видеть передачу о своих, понедельничных, раскопках, но те проводились в другом месте. Этот участок им определенно незнаком. Только сойдя вниз, они поймут, что Кэрд направился к другому выходу, намного опередив их.

Кэрд надеялся, что дело обстоит именно так. Однако возможно, что эти двое при исполнении служебных обязанностей уже гонялись здесь за каким-нибудь нарушителем. Если так, то этот район им известен.

Луч, блуждая по гигантской пещере, выхватывал из мрака скрепленные пластиком земляные блоки, на которых лежали откопанные экспонаты, и ступенчатые траншеи с наполовину раскопанными предметами. Кэрд продвигался вперед быстрой трусцой. Кондиционеры не работали, и воздух был застоявшимся и тяжелым. К тому же здесь было намного теплее, чем он думал. Кэрд потел, и ему хотелось пить.

Жаль, что пол здесь покрыт мягкой влажной землей. Будь тут твердое покрытие, отсутствие следов задержало бы иммеров. Им пришлось бы заглядывать в огромные трубы наверху, чтобы проверить, не спрятался ли он там.

Кэрд обошел полуразрушенный ржавый автомобиль, древний экипаж с двигателем внутреннего сгорания. Его пассажиры давно обратились в прах. Дальше громоздилось другое препятствие из перепутанных стальных прутьев — ведущий передачи говорил, что это остатки чертова колеса. За ним валялась еще одна куча металла, назначения которой Кэрд не помнил. Вокруг нее было веревочное ограждение, как и вокруг прочих экспонатов, и висела табличка — Кэрду некогда было ее читать.

На верхушке следующего земляного пьедестала стояло громадное, чудом уцелевшее зеркало. Кэрд остановился и вдруг, позабыв о последствиях, громко завопил.

В луче фонарика он увидел монстра, существо с огромной головой, фацетными глазищами, горящими зловещим красным огнем, плотоядными челюстями и множеством ног. Чудовище готовилось к прыжку.

ГЛАВА 32

Вопль Кэрда прокатился по всей пещере.

— Черт, совсем забыл, — прошептал он.

Приступ ужаса прошел, но сердце все еще колотилось.

Пластмассовый монстр входил когда-то в комплект «павильона ужасов». Почти все его содержимое погибло при землетрясении, но отдельные монстры сохранились и стояли теперь здесь, огороженные веревками и снабженные табличками.

В надежде, что гигантский паук доведет до инфаркта и его преследователей, Кэрд побежал дальше. Фонарик освещал другие экспонаты, в том числе отрубленную женскую голову со спутанными змеями вместо волос. Медуза. Несчастная женщина из древнегреческого мифа, своим взором обращавшая всех в камень. Миновав то, что осталось от городка аттракционов, Кэрд, задыхающийся и мучимый жаждой, остановился. Перед ним уходили вверх четыре круглые шахты. Два лифта были очень велики — на них спускали вниз технику и материалы, а вверх вывозили грунт и обломки. Два лифта поменьше предназначались для персонала. В полумиле к востоку находилась еще одна подъемная станция.

Кэрд осветил контрольную панель. На ней имелись кнопки вызова. Судя по табло, все кабины сейчас находились на уровне новой транспортной системы. Кэрд нажал три кнопки ВНИЗ, затем кнопки НЭ (нижний этаж). Вскоре двери трех шахт открылись и из кабин хлынул свет.

Кэрд надеялся, что иммеры, когда доберутся сюда, подумают, что он уехал на лифте, который остался наверху.

Он вышел из светового круга и встал в темноте, глядя в западном направлении. Через несколько секунд сверху показался свет. Стал виден человек, спускающийся по лестнице — второй светил ему из люка.

Когда спустились оба, Кэрд повернулся и побежал к следующей станции. Он старался бежать как можно тише, потому что каверна усиливала звуки. Фонарик он не включал, пока не оставил далеко позади бледный отсвет лифтовых огней. А когда включил, держал фонарик на уровне живота и светил только вперед. Между ним и погоней оставалось много земляных насыпей с экспонатами, и он надеялся, что иммеры не заметят свет его фонарика. Когда луч натыкался на препятствие, Кэрд выключал фонарь и обходил объект по памяти.

Хотя он передохнул минуту у лифтов и попил там из фонтана, усталость не проходила. Ему казалось, что воздух становится все гуще. Это был мертвый воздух, выдыхаемый мертвой землей и мертвыми предметами. Он располагал к медлительности, к неповоротливости, к неподвижности. Полумиля от одной станции до другой растянулась на добрых полторы. Когда Кэрд добежал до лифтов, еле дыша и весь мокрый от пота, вокруг вспыхнул свет.

Он застонал. Иммеры нашли выключатель, освещающий всю пещеру.

Видели они его или нет?

Ответ не замедлил. Вон они бегут с пистолетами в руках. Они были так далеко, что казались маленькими, но станут большими скорее, чем ему желательно.

Кэрд вызвал первый лифт, нажал на кнопки ВНИЗ и НЭ. Зря он пытался их надуть. Надо было подняться на первой станции. Он ничего не добился, только напрасно пробежал лишних полмили. А теперь вот жди, пока спустится лифт. Вдруг они добегут раньше? И если он даже успеет уехать, смогут они остановить лифт или нет?

Смогут. Не только на любом этаже, но даже между этажами. Так они, конечно, и сделают. Он застрянет, и они возьмут его без хлопот.

Можно убежать и попытаться спрятаться. Но это только оттянет конец.

Иммеры, хотя и приближались, бежали все медленнее. По искаженным лицам было видно, как тяжко им заставлять работать свои свинцовые ноги и перетруженные легкие. Однако через пару минут они начнут стрелять в него на бегу.

Дверцы лифта открылись.

Кэрд прыгнул в кабину, нажал кнопку ВВЕРХ и кнопку следующего по порядку этажа. Может, он доедет раньше, чем иммеры сообразят, что его можно остановить. Пытаться доехать до верхних этажей — просто самоубийство. Возможно, и то, что он пытается сделать сейчас — тоже самоубийство.

Дверцы уже закрывались, когда в одну из них ударил пистолетный луч. Металл зашипел и оплавился, но дверцы закрылись, и кабина тронулась вверх.

Через четыре секунды она остановилась. Дверцы начали скользить вбок. Кэрд ухватился за края и выскочил в узкую щель. Дверцы открылись до конца и вновь закрылись. Кэрд оказался в полной темноте. Где-то на этом этаже есть панель с рубильником, который включает свет на всем участке. Счастье, что иммеры не нашли ее, когда он от них убегал. У него тоже не было времени ее искать. Он побежал, освещая фонариком дорогу перед собой.

Они догадаются, что он побежал к следующей подъемной станции. Но вот к какой? К восточной или к западной? И на какой этаж он собирается подняться?

Если бы Кэрду было чем дышать, он бы посмеялся. Одному придется вернуться к западной станции, а другому бежать до восточной. Потом оба поднимутся на верхний этаж, в туннель транспортной системы под самой улицей. И двинутся навстречу друг другу в надежде его поймать.

Ну а вдруг один из них поднимется вверх со средней станции? И на тот же этаж, что и Кэрд? Тогда он увидит фонарик Кэрда. И погонится за ним, пока Кэрд будет бежать во всю прыть, стараясь опередить иммера, бегущего к западной станции. Погонится, и станет ясно, что Кэрд направляется к лестнице, по которой пришел.

Кэрд остановился, тяжело дыша, с колотящимся сердцем. Даже усталость поубавилась от охватившего его восторга. Фонарик осветил другую лестницу.

Кэрд влез по ней — люк наверху был цел и не поврежден. Это был туннель старой транспортной системы. Кэрд пошел по нему насколько мог быстро — бежать он был уже не в силах, и добрался до лестницы, по которой спускался во мрак минувших веков. Он поднялся по ней и, когда его голова поравнялась с краем люка, выглянул наружу. Свет наверху зажигался, только когда человек выходил из люка по пояс.

Насколько он видел, вокруг было темно.

Когда Кэрд вылез и вокруг него зажегся свет, он увидел, что простаивавшие ранее конвейеры заработали. Большой

зеленый пластмассовый ящик ехал из тьмы в кругу созданного им света во тьму впереди. Кэрд повернул на запад, и в тот же миг из мрака возник еще один ящик. И еще два, едущие на восток.

Кэрд шел, пока идущий на запад ящик не поравнялся с ним. Тогда он перелез через перила и спрыгнул на конвейер. Свет горел в окружности ста футов по обе стороны ящика. С этим Кэрд ничего не мог поделать, зато он мог отдохнуть. Кроме того, так он двигался быстрее, чем пешком. Он сел на холодную пластину, прислонился спиной к ящику и стал смотреть, не вспыхнет ли на востоке свет. Свет мог сопровождать рабочих, но не менее вероятно было, что он возвестит о появлении двух убийц.

Через три минуты ящик у Кэрда забрали. Ожидая этого, он заранее встал и влез на перила. Здесь была развязка — конвейер Кэрда пересекался с северным. Сенсорное устройство установленных здесь механических рук прочло закодированную табличку на ящике, определило, что его маршрут нужно изменить, и послушные команде руки подняли ящик, переставив его на другую ленту. Кэрд поднялся по короткой лесенке и сел на северный конвейер. Какой-то миг он раздумывал, не лучше ли поехать на юг. Тогда где-то через четверть мили он мог бы пересесть на восточный конвейер, и иммеры потеряли бы его, не видя больше света его фонарика. Но так ему было бы дольше добираться до места назначения. Можно было надеяться, что иммеры и так не нападут на его след. Откуда они узнают, когда доберутся до перекрестка — если доберутся, — что он уехал именно на этом конвейере? Не смогут они этого узнать, если не заметят вовремя свет, окружающий Кэрда фотонным саваном. Кэрд шел на риск, надеясь пересесть на восточный конвейер еще до этого момента.

Прислонившись к другому ящику, он тихо проехал под каналом Кропоткина. Наверху были камень, металл, вода, рыба и гроза. На миг он стал сразу подземным и подводным жителем. Так он и плыл из тьмы, неся с собой свет. Ужасы, оставшиеся во тьме позади, уже известны. Кто знает, что ждет его впереди?

«Штамп», — сказал Репп.

«Такова жизнь», — сказал Дунский.

«Шамкающие, шепелявые, щербатые штампы», — сказал Тингл.

Следующий голос напугал Кэрда — ему казалось, что тот умолк навсегда.

«Я был не прав, — сказал Уилл Ишарашвили. — Я рассмотрел ситуацию с этической точки зрения и понял, что не должен сдаваться вот так, без борьбы. Я думаю, что...»

«Бог ты мой! Ишарашвили снова в седле!» — сказал Репп.

«Хорошего человека не удушишь, — сказал Дунский, — а Уилл — хороший человек».

«Я думаю, что...» — мягко настаивал Ишарашвили.

— Тихо! — сказал Кэрд громче, чем намеревался. — Заткнитесь, придурки! Они меня нашли! Я не могу думать, когда вы там верещите!

Далеко позади тьма раскрылась, точно кулак, и выпустила свет. Две лилипутские фигурки перелезали через ящик. Кэрд смотрел, как они слезли с ящика и затрусили к нему.

Он выбился из сил и отчаялся, но и они тоже. Кэрд тоже перелез через ящик и побежал. Рано или поздно ему встретятся рабочие Службы Чистоты. Будь он один, они, возможно, вызвали бы органиков. Но его уже преследуют двое органиков. Рабочие спросят их, не нужна ли им помощь, и те ответят, что нет. Иммерам ни к чему вмешивать в это дело других ганков.

Увидев свет впереди, Кэрд заставил себя бежать быстрее и карабкаться через ящики энергичнее. К счастью, их было всего три штуки между ним и источником света. Свет шел из конторки в нише на перекрестке конвейеров.

Поравнявшись с ней, Кэрд прыгнул на перила. Дыша так, что грудь разрывалась, он взбежал по ступенькам. Сопровождавший его свет слился со светом из окон конторки. Но это не помешает преследователям заметить, что он сошел с конвейера.

Кэрд прошел мимо окон. Внутри сидел мужчина и смотрел передачу на полоске, попивая что-то из бутылки без ярлыка.

Если у него есть напарник, то он или в туалете, или спит в задней комнате. Кэрд рискнул без колебаний. Он вбежал в дверь и бросился к человеку у стола. Тот как раз поставил бутылку, когда Кэрд ворвался, и увидел незнакомца лишь в самый последний момент. Рабочий привстал, сказав «Какого...», но Кэрд схватил бутылку за горлышко и стукнул его по лбу. Он хотел только оглушить, не нанося серьезных повреждений и не совершая убийства. Рабочий свалился со стула и растянулся на полу, закрыв глаза и разинув рот. От него несло виски.

Кэрд взглянул на полуоткрытую дверь в соседнюю комнату. Там виднелась койка и голова лежащей на ней жен-

щины. Рот ее был открыт, и она храпела так же громко, как оглушенный Кэрдом мужчина. Как видно, тоже хлебнула самогонки.

Человек на полу застонал, и его веки затрепетали. Кэрд тоже застонал, хотя и по другой причине. Ему надо было, чтобы этот мужик не приходил в сознание хотя бы минут пять.

Стиснув зубы, Кэрд с большой неохотой прислонил мужика к столу и двинул его бутылкой по челюсти. Тот повалился на бок.

ГЛАВА 33

Кэрд выволок бесчувственное тело за ноги через порог. В сорока ярдах к востоку стояла пара огромных механических рук, переставлявших ящики с одного конвейера на другой. Кэрд переключил механизм на ручное управление, просунул руку в металлическую перчатку и стал руководить движениями большой руки и ее «пальцев».

«Пальцы» обхватили рабочего за пояс, подняли обмякшее тело с болтающимися руками и ногами и опустили его перед ящиком на восточный конвейер.

Кэрд вернул «руку» в вертикальное положение, чтобы она не бросилась в глаза иммерам, и вбежал обратно в конторку. Дыхание у него уже наладилось. Он спрятался за дверью задней комнаты. Женщина все так же храпела. Кэрд приоткрыл дверь на дюйм и выключил в комнате свет. Свою сумку он поставил на пол и вынул из нее отвертку и молоток.

Через несколько секунд он услышал хриплое дыхание двух мужчин. Один вошел в конторку с пистолетом наготове и оглядывался по сторонам. Другой прошел мимо окон и скрылся из виду, потом вернулся к напарнику, сказав:

— Он на восточном конвейере. Я видел свет.

— Куда, черт возьми, подевались рабочие? — сказал тот, что вошел первым. Густые брови придавали его злобной физиономии еще более мрачный вид.

У второго был очень короткий, вздернутый нос. Он смахивал на давно вымершего бульдога. Кивнув на открытую бутылку виски, которую Кэрд поставил обратно на стол, он сказал:

— Дрыхнут, поди, в задней комнате.

— Заявить бы на этих свиней! — сказал Бровастый.

Бульдог подошел к фонтанчику и жадно напился. Потом выпрямился, дыша все так же тяжело.

— Попей. Не можем же мы стоять тут, пока он уезжает все дальше и дальше. Он увидит, что сзади света нет, и будет отдыхать.

Бровастый тоже напился, стряхнул пот со лба и сказал:

— Думаешь, надо обратиться за помощью?

— Хорошо бы. Но слишком рискованно. Надо поскорей изловить этого сукина сына.

— А что будет, если мы его не изловим?

Бульдог неприязненно взглянул на партнера:

— Сам знаешь что.

— Лишь бы только подойти к нему на выстрел!

— Ну, хватит прохлаждаться. Пошли.

Как только они вышли, Кэрд тоже нагнулся над фонтанчиком, которым не успел воспользоваться до этого. Он пил умереннее, чем иммеры, хотя жажда мучила его не менее сильно. У двери он стал на колени и высунул голову так, чтобы видеть своих преследователей. Теперь он преследовал их. Они не бежали, а просто шли быстрым шагом по конвейеру. Как видно, решили, что Кэрд, раз они его не видят, прячется за ящиком. И, конечно, надеются, что он совсем выбился из сил и будет отдыхать, пока они его не догонят.

Был риск, что они оглянутся назад, но приходилось рискнуть. Кэрд выбежал из конторки, заткнув отвертку и молоток за пояс. Поднялся по ступенькам на дорожку над восточным конвейером, перелез через перила и соскочил на ящик. Быстро слез и затаился между двумя ящиками. Теперь, если иммеры оглянутся, они не заметят света, вызванного его маневром, так близко от себя — если не обратят внимания, что их световой круг шире, чем должен быть. Кэрд молился, чтобы не обратили.

Высунув голову за свой ящик, он увидел, что иммеры перелезают через другой. Он подождал, пока они окажутся на той стороне, и перебрался через свой. Они шли, а он бежал. И догнал их, когда они лезли через очередной ящик. Молоток и отвертку он держал в руках.

Когда он оказался за спиной у Бровастого, шедшего позади, тот повернул голову. Кэрд стукнул его молотком по виску сильнее, чем намеревался. И бросил свои орудия, уже не беспокоясь о шуме. Бульдог, уже залезший на ящик, оглянулся, услышав грохот. Кэрд, одной рукой подняв Бровастого, другой выхватил пистолет из его кобуры.

— Стоять! — сказал он, отпустив тело Бровастого. Оружие было поставлено на полную мощность, и Бульдог знал это.

— Я не хочу тебя убивать, — продолжал Кэрд, — хотя и следовало бы. Вы-то собирались меня убить.

«Да прикончи ты его, — сказал Репп. — Гады они все, пускай одним гадом станет меньше».

«Не надо!» — крикнул Ишарашвили.

— Подними левую руку. Выше. Вот так. А теперь медленно, очень медленно, достань правой пистолет. Положи на ящик рядом с собой. Теперь отвернись и не смотри на меня, пока я не скажу.

Бульдог дернул шеей, но послушался и стал смотреть прямо перед собой. Помедлив немного, он взял двумя пальцами пистолет за рукоятку и положил его на ящик. Потом поднял правую руку, как и левую.

— Теперь слезь с ящика и отойди футов на двадцать. Руки держи высоко. Не оборачивайся. Я умею обращаться с этой штукой. И стреляю хорошо.

Бульдог подчинился. Кэрд быстро влез на ящик и положил его пистолет себе в сумку. Потом слез, подошел к Бульдогу и ударил его по макушке рукояткой своего пистолета. Бульдог обмяк.

«Не надо!» — снова крикнул Ишарашвили.

— Пошел ты, — буркнул Кэрд. Он снял диск-звезду с шеи Бульдога и тоже положил в сумку. Вдруг пригодится, хотя вряд ли. Он перекатил тело на западный конвейер и перелез к Бровастому. Спрятав в сумку его звезду, Кэрд и его переместил на западное направление. Молоток и отвертка могли еще понадобиться, и Кэрд подобрал их. Сумка раздулась и стала очень тяжелой, но Кэрд не собирался пока таскать ее на себе. Он постоял минуту, глядя на световое пятно и двух бесчувственных людей в нем. Потом лег. Он сам не заметил, как закрыл глаза, и только чей-то крик его разбудил.

Его окликал какой-то тип с дорожки.

— Внеплановая инспекция! — крикнул Кэрд в ответ. — Ваше счастье, что вы не спали! — Он сел и ухмыльнулся. Рабочий повернулся и ушел в конторку. Кэрду некогда было беспокоиться о том, что тот предпримет дальше. Скоро надо будет пересесть. Иначе конвейер пронесет его под Ист-Ривер и увезет в Бруклин.

После девяти пересадок Кэрд прибыл к месту своего назначения. Несколько раз ему приходилось ехать в обратном направлении. У одного рабочего он украл завтрак. Четыре раза он сходил, чтобы попить из фонтана, и дважды спускался по лесенке на нижний этаж. Он смыл бумагу с пораненной щеки, обмыл от грязи лицо и руки.

Он чувствовал большую усталость, добравшись до выходной трубы. События этого дня и шести предыдущих, напряжение, неуверенность в будущем, драки, беготня и препирающиеся голоса внутри измотали его. Его до предела растянули на дыбе и до предела спрессовали в компакторе.

И все же, выйдя в Центральный парк рядом со статуей Алисы в Стране Чудес, он сразу почувствовал себя бодрее, и надежда ожила в нем. Ведь и Алиса, провалившись в норку, вышла невредимой из многих опасностей. Кэрд надеялся, что ему не придется путешествовать еще и по Зазеркалью.

Он собирался затаиться где-нибудь в парке и переночевать. Смотритель Ишарашвили, чьей памятью он пользовался, знал несколько подходящих мест. А завтра он попытается уйти в дикие леса Нью-Джерси. Там, в восточной части штата, скрывалось немало беглых. Возможно, они примут Кэрда к себе. А если не примут, ему придется поголодать. Он не умел выживать в природных условиях. Даже в компании других он должен будет жить, как загнанный зверь.

И все-таки он будет жить. Когда-нибудь он вернется в город и введет новое удостоверение в банк данных. Пока что эта идея имела для него такой же вкус, какой предположительно мог быть у тараканьего дерьма.

В Центральном парке подобным мыслям не было места. Гроза, к изумлению Кэрда, прошла, оставив лишь несколько черных туч на западе. Воздух пьянил, а скорость ветра не достигала и пяти миль в час. Мир выглядел так, как он выглядит всегда после хорошего дождика — словно Бог переделал его по своему вкусу. Птица-кардинал заливалась своим «туирт, туирт, туирт — твок, твок, твок» с ветки дуба. Белка с апельсинового дерева честила большого черного кота, который храбро пробирался по мокрой траве.

Ясное небо означало также, что «небесным глазам» Центральный парк виден как на ладони.

Кэрда это не беспокоило. Он шел по извилистой, окаймленной цветами дорожке мимо статуй Фродо и Смога, Ленина, Трусливого Льва и Дороти, Ганди, Дон Кихота, Спинозы, Рипа ван Винкля, Вуди Аллена и Джона Генри. Ему встретилось несколько человек, которые прятались здесь от дождя, а теперь вышли. Ни смотрителей, ни органиков пока не попадалось, хотя они могли быть где-то поблизости.

Пройдя несколько сот футов по тропинке под сплошным сводом ветвей, Кэрд ушел в сторону. Этот участок не был закрыт для публики, но мало кто отваживался по нему гулять. В парке он выделялся, словно бельмо, покрытое яркой, ядовитого вида растительностью. Каменные изваяния животных,

затаившиеся в самой гуще папоротника и лопухов, казались какими-то бесформенными. Ландшафт изображал джунгли Амазонки так, как их видел старофранцузский художник Анри Руссо. Желтые глаза сверкали с пятнистых морд сквозь ветви чудовищных кустов. Носатая обезьяна, в которой дизайнер, кажется, воплотил черты нелюбимого им политика, глупо таращилась с дерева.

Кэрд продирался сквозь заросли, поднимаясь в гору. Он прошел мимо черного гранитного божка, приземистого, массивного, полуприсевшего на лягушачьих ногах, с оскаленным получеловечьим, полуягуарьим лицом, и оказался на вершине холма. Спускаясь с другой стороны, он увидел вокруг сплошные сосны и березы. Здесь обитали фигуры чудищ родом с дальнего севера: баба-яга, чернобоги, чудо-юдо, кощеи, лешие и кикиморы. У подножия холма Кэрд, по щиколотку в грязи, перешел через болотце, из которого торчали головы русалок, сказочных водных жительниц с длинными зелеными волосами.

Это был огороженный участок, который публика могла посещать только с экскурсоводом. Между изгородью и ручьем, впадающим в болотце, был проем шириной в два фута. Кэрд опустился на колени в воду, приподнял загородку и пролез под ней. По берегам ручья густо росли деревья, защищавшие его от «небесных глаз».

Еще полмили — и он придет к пещерке у подножия холма, хорошо укрытой в кустах.

Пройдя несколько сот ярдов по извилистому ручью, Кэрд увидел мостик. Пока что все шло хорошо. Еще несколько минут — и он будет в укрытии.

И тут Кэрд замер.

Под мостом, словно тролль, затаился органик.

Это была женщина. Она стояла, наполовину скрытая кустом, на правом берегу. Единственным утешением служило то, что она смотрела в другую сторону.

«Прячься!» — сказал Ом.

«Вперед! — свирепо вмешался Репп. — Убери ее! Не слушай этого трусливого койота!»

«Откуда ты знаешь, что она тут из-за тебя? — сказал Тингл. — Может, она любовника поджидает».

«Верно, — сказал Дунский. — Она может находиться здесь по целой дюжине причин. Может, просто пописать пришла».

Кэрд старался обращать как можно меньше внимания на шепчущие в нем голоса. Он повернулся и медленно полез вверх по берегу сквозь кусты и высокую траву. Однажды он спугнул стрекозу. Постоял на месте, пока она не улетела, и

двинулся дальше. Вскоре он вышел на дорожку, ведущую к мосту. На какой-то миг он будет открыт для «небесных глаз», но сейчас он быстро перейдет дорожку и скроется в зарослях на той стороне. Если женщина-органик еще не вышла из-под моста, он уйдет.

Прячась за кустом, Кэрд посмотрел в обе стороны. Никого.

Он двинулся через дорожку и тут услышал громкое:

— Стой!

Он резко повернулся направо. Из-за поворота появился мужчина-органик с пистолетом в кобуре. Наличие оружия подсказало Кэрду, что оба органика ищут беглеца и этот беглец, возможно, Ишарашвили.

Не желая приводить органика к своему укрытию, Кэрд в панике повернулся и бросился бежать по дорожке. Он пересек мост, слыша, как мужчина кричит своей напарнице, чтобы та вышла и помогла ему. Посмотрев назад, Кэрд убедился, что органик пока не вынул свое оружие. Но скоро он это сделает.

На дорожке лежало что-то, напоминающее о чем-то, случившемся, казалось, давным-давно. У Кэрда в голове мелькнуло связанное с этим имя и тут же забылось.

Собираясь уже нырнуть в кусты, Кэрд опять услышал за собой крик. Но не строгий приказ стоять на месте, а вопль человека, которого постигла неожиданность. Он оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как органик взмыл над землей, растопырив ноги и молотя руками по воздуху. Затем страж порядка грохнулся на дорожку спиной и остался лежать тихо и недвижимо.

Он наступил на банановую кожуру.

— Рутербик! — вспомнил Кэрд промелькнувшее имя.

Возможно, кожуру здесь бросил вовсе не Рутербик — что бы он стал делать так далеко к северу от Вашингтон-сквер? — но это определенно сделал кто-то похожий на него.

И это ненамеренное прегрешение помогло Кэрду удрать.

Он бросился в лес. Сбоку от себя он увидел конический шлем и рыжеватые волосы женщины-органика, стоявшей раньше под мостом. Потом ее скрыли густые кусты и деревья. Кэрд замедлил бег, не желая быть услышанным, пока не отбежит на несколько сот футов от дорожки. Лавируя в зарослях, он стремился к ручью. Добежав до берега, он стал на четвереньки и выглянул из-за росшего рядом куста. Поначалу он только слышал громкие голоса, но никого не видел. Потом в просвете между деревьями появился мужчина. Это был органик с большим зеленым ранцем на спине.

Из ранца тянулся толстый провод к небольшой пластине у него в руке. В другой руке органик держал длинную трубку с диском на конце, тоже соединенную с ранцем. Он водил этой трубкой из стороны в сторону, вверх и вниз.

Кэрд тихо застонал. В трубке помещалась аппаратура, улавливающая тепло человеческого тела, его запах, дыхание и сердцебиение.

Только бы перейти ручей и добраться до пещеры. Если бы он мог это сделать еще до дождя...

«Если бы да кабы! — вскричал Репп. — У тебя два пистолета! Дерись, парень, дерись! Пусть заговорит оружие!»

«Нет, нет!» — закричал Ишарашвили.

Внутри у Кэрда вдруг вспыхнул свет, за которым последовала тень. Свет хлынул у него из глаз, ослепив его, а потом в глазах стало совсем темно из-за накрывшей их тени. Кэрд задрожал. Что происходит? Неужто он разваливается на части, ища спасения в распаде?

«Я вернулся», — сказал голос.

Кэрд закусил губы, чтобы не заговорить.

«Это ты?» — спросил Ом.

«Бог взял меня к себе, и взвесил на весах, и нашел, что я нужен здесь».

«Отец Том!» — сказал Дунский.

«Как, черт возьми, мог выдуманный Бог отвергнуть выдуманную душу?» — сказал Ом.

«Он велел мне вернуться к моему создателю. — Голос Зурвана звучал глубоко и глухо, как звон колокола затонувшего корабля, качаемого течением. — Он вышвырнул меня из царства славы своей обратно в ничто, из которого я произошел».

Кэрду хотелось прикрикнуть на голоса — но если он это сделает, его обнаружат немедленно, и тогда ему конец. Хотя какая разница, молчит он или орет? Все равно его схватят. Вопрос теперь в том, сдастся он без сопротивления или будет стрелять и убивать, пока его самого не убьют.

«Убивать нельзя, — сказал Ишарашвили. — Ты... мы все делали много нехорошего. Не добавляй к этому самое плохое, что есть на свете».

«Лицемер! — завопил Ом. — Лицемер! Все вы лицемеры! Но тут ты, Ишарашвили, раз в жизни сказал правду!»

Голоса кричали свое, а Кэрд лежал неподвижно, положив подбородок на руку. Слепота прошла, но ему казалось, что он видит все сквозь знойное марево. Высокая трава перед ним зашевелилась.

Кузнечик вскочил на зеленый стебель. Он раскачивался вместе с травинкой, крепко держась за нее. Словно яркий метроном — туда-сюда, туда-сюда.

Туда-сюда перед глазами Кэрда. Кузнечик попал в фокус человеческого взгляда и вышел из него. Изображение стало четким, потом расплылось. Но Кэрд успел рассмотреть пурпурные усики, ярко-зеленую головку, золотые глаза, оранжевые ножки и туловище в черную клетку.

— Озма! — простонал он и зарыдал, не видя кузнечика из-за слез.

Он превратился в реку слез, сотрясаемую подземными толчками. Он не мог больше при всем желании справиться с собой. Он рыдал, вцепившись в землю простертыми вперед руками.

Он предал всех — государство, иммеров, своих любимых, своих друзей и себя самого.

Голоса внутри вопили, ревели и раздирали его на части.

Он перевернулся на спину, лицом к деревьям, и смутно осознал, что на него смотрят сверху двое мужчин.

ГЛАВА 34

Сегодня вторник праздновал Рождество.

Джефф Кэрд смотрел из окна вниз на огромный двор лечебницы. Она помещалась на Западной Сто двадцать первой улице, недалеко от пересечения авеню Фредерика Дугласа и Сент-Николас. Легкий, быстро тающий снег сделал мир бело-зеленым. Это было первое дыхание зимы и, возможно, последнее. Ни во дворе, ни на деревьях не было праздничного убранства, но во многих окнах дома напротив виднелись веточки остролиста или фигурки Санта-Клауса со своим оленем.

— Святой Николай, — сказал Кэрд. — Великий раздаватель подарков. Прямо как наше государство.

Он отвернулся от окна, подошел к столу психика и сел в кресло.

— А Фредерик Дуглас — это раб, который вывел своих людей из неволи. Это я.

— Ваших людей больше нет, — сказала психик.

— Иммеров? — испугался Кэрд.

— Нет, — улыбнулась врач. — Вы прекрасно знаете, что я имела в виду не иммеров, а ваших двойников.

Кэрд молчал, и она спросила:

— Вы по-прежнему испытываете чувство большой потери?

— Да, — кивнул Кэрд, — меня точно выпотрошили. Кузнечик послужил ключом, стимулом, затравкой, катализатором.

— Забавно — я хотела сказать, весьма примечательно — то, что вы вместе с новыми личностями вырастили и новые нервные клетки. Теперь, когда вы ими больше не пользуетесь, они в принципе должны отмереть. Никакого сокращения в вашей нервной системе не наблюдается, однако вы излечились. Излечились от множественного расщепления личности, хочу я сказать.

— Вы в этом уверены?

— А вы разве нет? Разумеется, вы здоровы. Насколько нам известно. Иными словами, если вы не нашли какого-то способа обмануть туман правды. Вы были бы первым, кому это удалось, и я на сто процентов уверена, что вам не удалось.

— Вам известно даже, что я ни разу, ни единого разу не подумал о побеге.

— Не скрою от вас, это еще более загадочное явление, — нахмурилась психик. — Даже если вы не испытывали желания бежать, вы все равно должны были иногда думать об этом. Хотя бы фантазировать. Склонность к фантазии — одна из черт вашего характера. Я не могу этого понять.

— Возможно, я излечился вполне. И государство наконец-то получило своего образцового гражданина.

— Таких граждан не существует, — снова улыбнулась врач, — так же как не существует образцовых государств. Наше общество, правда, настолько близко к совершенству, насколько это возможно. Оно построено на принципах просвещенного деспотизма, но это вынужденная необходимость. Вы ведь знаете историю. И знаете, что еще ни одно правительство не обеспечивало такого изобилия, хорошего жилья для всех, всяческих излишеств, бесплатного образования и медицинского обслуживания...

— Помилосердствуйте, — вскинул руку Кэрд. — Скажите лучше, смогу ли я когда-нибудь выйти отсюда и снова занять свое место в этом обществе.

— Очень возможно. По моему мнению, у вас есть все потенциальные возможности вылечиться полностью. Но...

— Но?

— Есть еще политические соображения. Не хочу вас огорчать, но всемирный совет весьма недоволен, и народ требует наказания.

— Стало быть, даже и в нашем, почти образцовом обществе, — со вздохом сказал Кэрд, — политики толкуют закон по своему усмотрению.

Врач сделала гримасу.

— Есть ситуации, в которых... впрочем, неважно. Сказать по правде, Джефф, вам и прочим иммерам еще повезло, что вас не каменировали сразу же после суда. И хорошо, что суд вообще состоялся. Вы все могли бы, конечно, избавить государство от лишних расходов, если бы покончили с собой еще перед арестом. У вас были для этого все возможности, но воспользовались ими очень немногие. Все вы слишком хотели жить.

— Еще одна измена, — сказал Кэрд.

Он не чувствовал за собой вины. Чувство вины, как и многое другое, смыли те его слезы. *Вода камень точит.*

Наступило долгое молчание. Затем врач с заметным нежеланием сказала:

— Мне поручили — точнее, приказали — сообщить вам, что детектив майор Пантея Сник требует разговора с вами. Она хочет поблагодарить вас за то, что вы спасли ей жизнь. В этой просьбе ей, разумеется, было отказано.

— Сник? — улыбнулся Кэрд. — Неужели это правда?

— Зачем бы я стала вам лгать?

— Это так, риторический вопрос. Ну и ну! Знаете, у меня почему-то такое чувство, что я все-таки увижусь с ней.

— И это чувство делает вас счастливым — не знаю только почему. Вы должны понимать, что ни малейшей возможности увидеться с ней для вас не существует. А предчувствия — всего лишь предрассудок.

— А мне кажется, что предчувствия вырабатывает заложенный в нас биологический компьютер. Он просчитывает все варианты нашего будущего и их вероятность. И предсказывает событие, которое электронный компьютер расценил бы как маловероятное. Просто у живого компьютера больше данных, чем у электронного.

— Просто в схемах электронного компьютера нет такого понятия, как надежда. Надежда не содержит в себе информации. Это иррелевантное электромагнитное поле.

— Иррелевантное? Разве есть что-нибудь иррелевантное в этой Вселенной, где все взаимосвязано? И все же... — Помолчав, Кэрд продолжил: — Я слышал — не спрашивайте от кого: ваши попытки держать меня в полной изоляции не совсем удались, — я слышал, что в телерепортажах о судебных процессах над иммерами ни слова не говорилось о предотвращающих старение вирусах.

На лице врача не отразилось ничего — она лишь слегка побледнела и сказала:

— Ну откуда вы могли это слышать? И о каких вирусах вы говорите? Опять какие-то бредовые идеи?

— Да, мне никто ничего не говорил, — улыбнулся Кэрд. — Я это выдумал, чтобы посмотреть, как вы будете реагировать. Чтобы проверить, правда ли то, о чем я подозревал. Можете с тем же успехом рассказать мне все, как есть. Я ведь лишен возможности кому-то это передать. Я знаю, что все иммеры на допросах показали, что принимали эликсир. И эти показания должны были быть переданы по начальству. Однако я убежден, что об этом так никто и не узнал, кроме

следователей, их начальников и, конечно, всемирного совета. Средства массовой информации остались в неведении.

Психик, побледнев еще больше, дала команду полоскемонитору перемотать запись назад и стерла весь текст с момента упоминания Кэрдом вирусов. Затем отключила полоску.

— Думаете, вы очень умны? — сказала она. — Глупец! Вы сами напрашиваетесь на немедленное окаменение!

— Какая разница? Я все время знал, что меня все равно не выпустят отсюда, даже если вылечат. Ни одного из иммеров не выпустят. Правительство проделает все, что положено по закону, продержит нас, сколько требуется, а потом объявит нас неизлечимыми и каменирует. После чего нас спрячут так, чтобы нельзя было найти.

У правительства просто нет другого выхода. Оно не может нас освободить, поскольку мы знаем о существовании эликсира. По истечении минимального срока, за который нас, «психически неустойчивых», возможно «излечить», мы все отправимся в каменаторы. Мне осталось жить каких-нибудь два субмесяца, если можно назвать это одиночное заключение жизнью. Два месяца — потом правительство забеспокоится и решит, что пора нас каменировать. Решит и тут же осуществит это — ему не составит труда замаскировать свои незаконные действия.

— Вы не знаете, что говорите!

— Нет, знаю. И вы знаете, что я знаю. Вы должны также знать, если у вас есть хоть немного разума, что подвергаетесь почти такой же опасности, как и я. Самое лучшее, чем могут правительственные чины обеспечить ваше молчание, — это предложить вам эликсир. Но ведь вы этим не ограничитесь. Вы захотите продлить жизнь своему мужу, своим детям, всем, кого вы любите. Ведь вы, конечно, постараетесь добыть эликсир и для них? Будете просить об этом? А что, если вам откажут?

Правительство не может позволить себе так рисковать. Эликсир им нужен для себя, для очень тесного круга, как следует предположить. Общественности они ничего не сказали и не скажут. Слишком большие социальные, политические и какие угодно последствия вызвала бы такая информация. Они держат это в тайне, совершая ту же ошибку, которую совершил Иммерман. Так что и вы, и все, кто допрашивал иммеров, и все, кто общается с ними теперь, крайне опасны для этой элиты, для новых иммеров!

И главное различие между старыми и новыми в том, что мои собратья, по крайней мере, хотели изменить нашу систему к лучшему!

Психик смотрела куда-то мимо Кэрда, словно пытаясь заглянуть в будущее. Кэрду было жаль ее, но он должен был проверить, насколько верны его подозрения. Теперь ему стало ясно, что они верны.

— Может, подумаем, как нам обоим выбраться отсюда? — сказал он.

Психик встала и произнесла чуть дрожащим голосом:

— Я не вступаю в сделки с предателями. — Потом обратилась к полоске, и дверь сразу же открылась. Вошли двое здоровенных санитаров. — Уведите больного в его комнату, — сказала она. — И проследите, чтобы он ни с кем не разговаривал по дороге. Проследите как следует!

— Я буду вести себя тихо, — сказал Кэрд. — Но подумайте над тем, что я вам сказал. Возможно, у вас осталось не так уж много времени.

Вернувшись в свою маленькую, но вполне комфортабельную комнату, Кэрд сел и уставился на пустые стенные полоски, точно стараясь увидеть на них, что ждет его в будущем. Возможно, и врач в своем кабинете делает то же самое. Но на нее нельзя полагаться — она ему не поможет. Она будет думать о собственном выживании. И будет продолжать с ним привычные сеансы психотерапии. Все будет идти своим чередом, пока она не исчезнет — или ее заберут органики, или она нарушит день в отчаянной попытке спастись.

В следующий вторник, если все пойдет, как обычно, Кэрд снова вдохнет туман правды, и его спросят, не думает ли он о побеге.

Он ответит, что да, думает. Надеется, что ему поможет врач. Вот и все. Другого плана у него нет, да и этот почти безнадежен.

Кэрд вздохнул. Ну почему он до сих пор не придумал ни одного способа выбраться отсюда? Любой узник без конца строит планы побега. Любой узник. А он вот придумал только один план, и то только утром, перед самым визитом к психику — и ничего не ждал от этого плана. Так, развлечение, и больше ничего.

Психик сказала, что отсутствие у Кэрда всяких помыслов о побеге — для нее загадка.

Это было загадкой и для самого Кэрда.

ГЛАВА 35

Было одно место, где не было освещения, но был свет Или наоборот — света там не было, но освещение было.

Там не было времени — единственное, что могло вести счет времени, были часы с одной стрелкой. Эта стрелка стояла на месте. Она ждала, когда настанет время. Ее время.

В этом месте, или во множестве мест, обитало существо, не имеющее формы и все же похожее на Джеффа Кэрда и на всех тех, других.

У него не было имени. Оно ждало, когда придет время, чтобы выбрать себе имя.

У него, можно сказать, не было слагаемых, и все же оно было суммой.

Рожденное во вторник, оно жило своей короткой жизнью лишь по вторникам. Но предвкушало, что скоро будет жить семь дней подряд, как бывало.

Оно думало о побеге, о котором не думал Кэрд. Оно знало, как убежать из лечебницы, из которой побег считался невозможным, и как пробраться в леса за рекой Гудзон.

Но это Кэрд вырастил его и заключил его в оболочку, оставив один-единственный канал связи. Через этот канал оно отсасывало все мысли о побеге, приходившие в голову Кэрду. Оно перекрывало канал, когда Кэрд подвергался обработке туманом правды, и вновь открывало его, когда действие наркотика кончалось.

Всосало оно в себя и все те мысли, которые были у Кэрда, когда он давным-давно задумал это существо без времени, без лица, без имени.

Правительство подымет тревогу и оповестит все розыскные службы, когда он сбежит. Но никто не будет знать, кого искать. Существо, ставшее человеком, уже не будет узником по имени Джефф Сервантес Кэрд.

Содержание

От издательства 5

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

Больше чем огонь, роман,
перевод И. Васильевой 7

МИР ОДНОГО ДНЯ

Мир одного дня, роман,
перевод Н. Виленской 245

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том четвертый

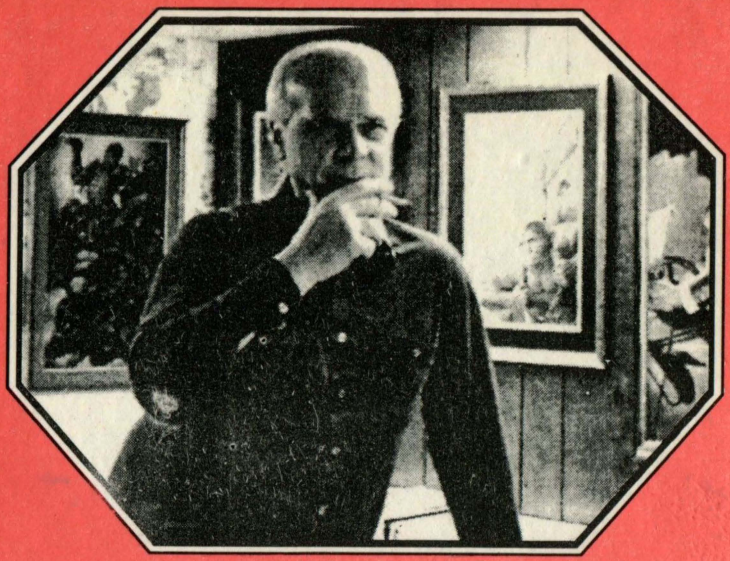
Составитель *Д. Смушкович*
Редакторы *М. Проворова, А. Александрова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина, И. Лаздина, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*
Оформление обложки: *Л. Булыкина*
Оформление шмуцтитулов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.83
Подписано в печать 5.04.96. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Антиква. Печать высокая.
Усл. печ. л. 24,36. Тираж 23000 экз.
Заказ № 1861. С 143.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040 г Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.



Больше чем огонь

Продолжается схватка Пола Финнегана с безумным садистом по имени Рыжий Орк — могущественнейшим из властителей. Чтобы вернуть похищенную возлюбленную, Кикаха должен уничтожить врага. Но как сделать это, если союзники только и ждут случая предать товарища, а Рыжий Орк может уничтожить десятки своих двойников ради окончательной победы?..

Мир одного дня

Его имя: Джефф Кэрд. Его преступление: ежедневная жизнь... в семи реальностях, семи культурах, семи Мирах одного дня, пока подпольная организация, к которой он принадлежит, не дает ему приказа убить — и тем самым не ставит на грань разоблачения.

POLARIS издательство